ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

ISSN 2225-756X

LITTERA SCRIPTA MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 7, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 7, 2023

CC BY

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 12, выпуск 7, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Архангельск Астана (Казахстан) Балашов Екатеринбург Елец Краснодар Москва Нижний Новгород Новосибирск	Ростов-на-Дону Самсун (Турция) Санкт-Петербург Тамбов Тобольск Тюмень Улан-Удэ Уфа Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	89 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 26.09.2023

CC BY OPEN ACCESS

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 7, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterin-burg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Скрябина А. А. Процессы лексической архаизации и неологизации в современном якутском языке 9

Соловьева Н. В., Скитина Н. А. Функционально-семантические особенности сложноподчинённых предложений цели в британском и американском вариантах английского языка 26

Тельпов Р. Е., Ларцина С. В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте 47

Токарев Г. В. Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении 66

Медиакоммуникации и журналистика

Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Махно О. А. Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе 83

Дякина А. А., Белоусов К. И. Медиаобразовательный потенциал журналистики Липецкого региона в условиях конвергенции СМИ 102

Таюпова О. И., Таюпова И. М. Популяризация медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе в ракурсе языкового кода 121

Литературоведение. Фольклористика

Мельникова Л. А. Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» 142

Саенгнатесванг В. А. Тенденции развития сиамской литературы нового времени ... 161

Исторические науки

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Сайлаубай Е. Е. Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы) 180

Азаров В. Н., Нестеров А. Г. Русско-французские соглашения 1891—1893 годов в международных отношениях конца XIX — начала XX веков 203

Арсланов Р. А., Колпаков П. А. Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века : работа с политической агентурой 218

Баранов А. В., Касьянов В. В., Яхутль Ю. А. Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах 236

Болдырева С. Ю., Болдырев Р. Ю., Чередникова А. Ю. История международных связей городов Архангельской области в 1990—2010-е годы : попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству 254

Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д., Ван И. Д. Монастыри первого Джебзундамба-хухухты Занабазара (1635—1723) : Шанхын-хийд, Тувхун-хийд, Эрдэни-хамбын-хийд (по материалам экспедиции 2022) 288

Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Между деревней и городом : радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века 312

Кайгусуз Д., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. «Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил» : газета «Британский союзник» о Сталинградской битве 330

Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., Аксенова В. А. Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века 346

Крот М. Н., Завьялова О. О. Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков 374

Куликов С. В. Ведомство учреждений императрицы Марии и подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 года 393

Лагошина Н. А. Взаимодействие англичан и ирландцев как фактор ирландской миграции в XIV—XV веках 411

Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р. Плановые инновации : предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов 428

Раскин Д. И., Солнышкин А. А. Расходы на пенсии и пособия в государственном бюджете Российской империи в XIX — начале XX века 450

Садыкова Э. Ф., Сулкарнаева Г. А., Мирюгина Т. А. Аптекарские сады Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков 467

Татарникова А. И. Сеть поселений Новосибирского округа в 1920-е годы : численность, структура и особенности развития 486

Тиховодова А. В. Нижегородский городской Вдовий дом в конце XIX — начале XX века : деятельность в области образования и здравоохранения 506

Черказьянова И. В. Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII — начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи) 525

АВТОРАМ 543

CONTENTS 549

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Алевтина Афанасьевна Скрябина, канд. филол. наук (Якутск)
Григорий Валериевич Токарев, д-р филол. наук (Москва)
Наталия Владимировна Соловьева, д-р филол. наук (Москва)
Нина Александровна Скитина, канд. филол. наук (Москва)
Роман Евгеньевич Тельпов, канд. филол. наук (Москва)
Станислава Витальевна Ларцина, магистрант (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Скрябина А. А. Процессы лексической архаизации и неологизации в современном якутском языке / А. А. Скрябина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-9-25.

Skryabina, A. A. (2023). Processes of Lexical Archaization and Neologization in Modern Yakut Language. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-9-25. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-9-25

Процессы лексической архаизации и неологизации в современном якутском языке

Скрябина Алевтина Афанасьевна
orcid.org/0000-0002-8677-9320
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
отдела якутского языка
alevtinaskr@gmail.com

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
в рамках научного проекта
«Краткий тематический словарь
архаизмов якутского языка»
(грант Главы РС (Я) молодым ученым,
специалистам и студентам РС(Я),
соглашение № 02-926)

Processes of Lexical Archaization and Neologization in Modern Yakut Language

Alevtina A. Skryabina
orcid.org/0000-0002-8677-9320
PhD of Philology,
research scientist,
Department of Yakut Language
alevtinaskr@gmail.com

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out within
the framework of the scientific project
“Brief thematic dictionary of archaisms
in the Yakut language”
(grant of the Head of the RS (Yakutia)
to young scientists, specialists,
and students of the RS (Yakutia),
agreement number 02-926).

© Скрябина А. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс перераспределения между лексикой активного и пассивного фондов современного якутского языка. Выявляются причины архаизации лексики, классифицируются устаревшие слова по типам и лексико-семантическим группам, а также выявляется пласт лексических новаций. Материалом для исследования послужили лексические единицы из художественной литературы, периодической печати и словарей якутского языка. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении и классификации пластов устаревшей лексики, неологизмов, деархаизированной лексики якутского языка. Осуществлено распределение архаизмов якутского языка по 14 лексико-семантическим группам. Доказано, что неологизмы возникают в якутском языке путем изменения значения уже существующих слов, за счет вливаний из фондов других языков, а также за счет активизации деривационных процессов на основе собственных средств. Выявлено, что процесс деархаизации связан в якутском языке с возрождением традиционных основ материальной и духовной культуры якутов. Результаты исследования подтверждают системный характер изменений в словарном составе языка, а также их взаимосвязь между явлениями архаизации, деархаизации и неологизации.

Ключевые слова:
якутский язык; лексические процессы; пассивная лексика; архаизмы; историзмы; неологизмы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of redistribution between the active and passive vocabulary of modern Yakut language is being examined. The reasons for the archaization of vocabulary are identified, outdated words are classified by type and lexical-semantic groups, and a layer of lexical innovations is also identified. The material for the study consisted of lexical units from literary works, periodicals, and Yakut language dictionaries. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination and classification of layers of outdated vocabulary, neologisms, and de-archaized Yakut language vocabulary. The distribution of Yakut language archaisms into 14 lexical-semantic groups has been carried out. It has been proven that neologisms arise in the Yakut language through changes in the meaning of existing words, through the infusion of other language stocks, and through the activation of derivation processes based on their own means. It has been revealed that the process of de-archaization in the Yakut language is associated with the revival of traditional foundations of material and spiritual culture of the Yakuts. The results of the study confirm the systemic nature of changes in the lexical composition of the language, as well as their interrelation between phenomena of archaization, de-archaization, and neologization.

Key words:
Yakut language; lexical processes; passive vocabulary; archaisms; historicisms; neologisms.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.512.157’373.43/.44

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Процессы лексической архаизации и неологизации в современном якутском языке

© Скрябина А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В словарном составе современного якутского языка происходят различные процессы, вызванные социально-экономическими и политическими изменениями в обществе в конце XX и начале XXI веков. Эти процессы включают в себя переход большого пласта общеупотребительной лексики в категорию малоупотребительных слов, а также увеличение лексического состава языка путем деархаизации и заимствования. Значительные изменения, связанные с научно-техническим прогрессом, расширяя наши знания об окружающей действительности, ведут к дифференциации понятий, обновлению их содержания, появлению новых понятий и смыслов, для которых требуется новое, более точное языковое воплощение. В то же время наблюдается архаизация целых лексических пластов. Многие предметы, связанные с бытом, с дореволюционным укладом жизни якутского народа, становятся неактуальными. В современных условиях традиционные занятия, промыслы и ремесла якутов неизбежно трансформируются, и, следовательно, выходит из активного употребления соответствующая лексика. Между тем в подобного рода переходящих в пассивный словарный запас языковых фактах содержится ценнейшая информация об особенностях материальной и духовной культуры якутов, об их историческом прошлом. Как отмечает З. Ф. Белянская, «устаревание и отмирание некоторых слов — это естественное стремление каждого языка освободиться от избыточных лексических единиц, и задача исследователя — выявить причины этих изменений и характер их протекания» [Белянская 1978, с. 15]. Потому фиксация и детальное описание архаизирующейся лексики, а также сбор и анализ новых слов становятся важными задачами в области современного практического и теоретического якутоведения. Тема исследования становится актуальной также вследствие недостаточной изученности пассивного фонда лексики якутского языка в целом, а также отсутствия единого определения и разграничения понятий «архаизм» и «историзм» в частности. Целью исследования является анализ процессов перераспределения языковых единиц между активным и пассивным фондами современного

CC BY

якутского языка. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе и классификации пластов устаревшей лексики и неологизмов якутского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили труды в области лексикологии [Белянская, 1978; Виноградов, 1951; Костомаров, 1994; Слепцов, 1990; Шанский, 1972]. Проблеме архаизации и неологизации в отечественном языкознании посвящено множество лингвистических исследований. В последние десятилетия возросла заинтересованность в изучении пассивного фонда русского языка, появились новые исследования. Так, архаизмы рассматриваются в различных аспектах: в лексикографическом [Каданцева, 2007], лингвокультурологическом [Кадим, 2011], лингвопрагматическом [Коростелева, 2015]. Анализируется их семантическая эволюция [Аркадьева, 2016], исследуется функционирование архаизмов в современных художественных текстах [Беглова, 2018], в медиатексте [Генералова, 2021] и т. д. Вопросам неологизации в современном русском языке посвящены исследования Ю. А. Мурзабулатовой [Мурзабулатова, 2013], А. А. Машуш [Машуш, 2013], Е. С. Бугрышевой [Бугрышева, 2020], С. М. Рзаевой [Рзаева, 2021] и др.

В якутском языке к проблемам архаизации и лексического обогащения обращались Л. Н. Харитонов [Харитонов, 1947], Н. К. Антонов [Антонов, 1967], П. А. Слепцов [Слепцов, 1990], П. С. Афанасьев [Афанасьев, 1996], Т. В. Коростелова [Коростелова, 2015]. Вопросам изучения пассивной лексики в современном якутском языке посвящены исследования О. Н. Дмитриевой [Дмитриева, 2016], Р. М. Анисимова [Анисимов, 2017], С. А. Иванова [Иванов, 2019], А. А. Васильевой, Т. П. Егоровой [Васильева и др., 2020], А. А. Скрябиной [Скрябина, 2021] и др.

Материалом исследования послужили лексикографические источники якутского языка [БТСЯЯ, 2005, 2009; ПЕК, 1959; ЯРС, 1972], а также данные из периодических изданий [Кыым], фольклора [МЭС, 1996; ПЛМС, 1995], произведений якутских авторов [Кулаковскай, 1978; Софронов, 1965; Уваровскай[1], 1992] .

Общим методом исследования в настоящей статье выступает индуктивно-дедуктивный анализ. В исследовании также применены метод компонентного анализа словарных дефиниций — для установления семантической структуры архаизмов и неологизмов, сплошной выборки архаизмов и неологизмов из различных источников, а также приемы контекстного анализа.

1 Якутский вариант фамилии. — А. С.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Архаизмы в составе современного якутского языка

Переход слов из активного словарного состава в пассивный представляет собой сложный процесс, который протекает постепенно. Как отмечает якутский лингвист П. А. Слепцов, слова, переходящие из повседневного употребления в разряд неповседневного, начинают менять свою окраску, «у таких слов появляется ореол необычности, своеобразной экзотичности» [Слепцов, 1990, с. 137]. Поэтому архаизмы широко употребляются в художественной литературе для придания произведениям исторического колорита, этнографической достоверности описания и других художественно-стилистических целей.

Как отмечают исследователи, архаизация лексических единиц вызвана внутренними языковыми и экстралингвистическими факторами. К внутрилингвистическим факторам следует отнести процессы расширения или сужения значения слов. Например, слово *тойон* в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского определяется как ‘господин, владыка, лицо, облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор, князь, князец, начальник, военачальник, предводитель, вождь; царь, господь, владыка; барин, боярин, вельможа; хозяин; муж’ [ПЭК, 1959, т. 3, с. 2708]. В современном якутском языке данное слово утратило практически все свои значения, сохранив лишь значение ‘начальник, руководитель’. Также часто используется в виде глагола *тойомсуй*, который имеет отрицательную коннотацию и функционирует в значении ‘относиться к кому-либо пренебрежительно; зазнаваться’. Слово *мунньах*, употреблявшееся ранее в значении ‘собрание, сбор, сонм, совет, собор, сборище, стечение народа; сход, мирская сходка, сельское общественное собрание; ярмарка бродячих инородцев; собрание поющих в церкви’ [Там же, т. 2, с. 1622], сегодня функционирует лишь в значении ‘собрание, совещание, заседание’ [БТСЯЯ, т. 6, с. 339].

Архаизации подвергаются также специализированные термины из сфер скотоводства, рыболовства и охоты, игравших первостепенную роль в жизнедеятельности якутов. Ранее бытовавшие термины, номинирующие домашних животных по определённым признакам (возрасту, масти и т. д), на сегодняшний день уходят в пассивный фонд языка. Например, *борооску* ‘корова от 5 месяцев до 1 года’, *тыһаҕас* ‘двухлетняя корова’, *тиҥэһэ* ‘трехлетняя корова’, *туҥуй бургунас* ‘четырехлетняя корова’ заменены нейтральным словом *ынах* ‘корова’. Устарели также термины с более узкой семантикой *андаатардьыт* ‘охотник на ондатру’, *бөрөһүт* ‘охотник на волков’, *киисчит* ‘охотник на соболя’, *кыылдьыт* ‘охотник на диких оленей, лосей’, *эсэһит* ‘охотник на медведя’, вытесненные нейтральным обозначением *булчут* ‘охотник’.

К внутрилингистическим факторам относится также «синонимическая конкуренция, в результате которой одно из синонимических слов уступает место другому» [Костомаров, 1994, с. 96]: *үйэн* ‘горностай’ (вм. *кырынаас), күс* ‘осень’ (вм. *күһүн*), *курупчаакы* ‘мука’ (вм. *бурдук), көлчүүр* ‘веселье’ (вм. *көр-нар), алчах* ‘лягушка’ (вм. *баҕа*), *саарба* ‘соболь’ (вм. *киис*) и т. д.: *Кыһыл саһыл кыалыктаах, Хара* ***саарба*** *хаппардаах, Быалаах кэрэмэс кымньыылаах, Ойдоох буурай оонньуулаах* (У тебя мешочек, где трут хранится, Из пушистого меха красной лисицы, Кисет из ***соболя***, кнут из сиводушки, Из резвых таежных зверушек игрушка) [Кулаковскай, 1978, с. 34]. *Бу төгүрүйбүт сирим … баай-эҥин ааттаах кыылынан… эһэ, бөрө, үүс, хара саһыл, киис, тиин … үйэн.* (Моя земля богата различными животными, в ней обитают медведи, волки, лисы, соболи, белки, ***горностаи***) [Уваровскай, 1992, с. 42].

Наиболее очевидными экстралингвистическими факторами архаизации лексики являются политические, экономические и культурные изменения в жизни общества. В результате этих изменений некоторые слова становятся невостребованными и переходят в разряд историзмов — лексем, актуальных только для определенных исторических периодов и служащих для наименований исчезнувших понятий, явлений, предметов. Историзмы не имеют синонимов в современном языке: *кулуба* ‘улусный голова’, *кыһыл билиэт* ‘партийный билет’, *удьаа* ‘деревянный ковш’, *талкы* ‘кожемялка’, *олгуй* ‘котел’, *баһымыкы* ‘обувь из коровьей шкуры’, *матаҕа* ‘сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб’, *кылыс* ‘оружие’ и т. д.: *Кугдаарга аатырар баайдарга улахыын* ***олгуй*** *баар дииллэр, сүөһү чиэппэрэ буһарыллар.* (В местности Кугдаар, у знаменитых богачей есть, говорят, большой ***котел***, в котором за раз варится четверть туши) [ПЛМС, 1995, с. 129]; *Уһуутаан охсуллар Дьэс туруут уот илбис Сытыы* ***кылыс*** *болотунан Түгэҕиттэн ылан, Түҥнэри анньан кэбиспитэ.* (Грозно звенящий, медно-красный огненно-кровожадный обоюдный ***меч***, под жилище подсунув, его опрокинул) [МЭС, 1996, с. 125].

В языкознании на сегодняшний день отдельно стоит вопрос классификации архаизмов. Общепринятой считается классификация, предложенная Н. М. Шанским, который в зависимости от того, является устаревшим все слово как звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказалось его значение, подразделяет архаизмы на лексические и семантические [Шанский, 1972, с. 137]. К собственно-лексическим архаизмам относятся слова, которые устарели целиком как по внешней структуре, так и во всех своих значениях и полностью перешли в пассивный запас языка: *сулуу* ‘калым’, *биллирик* ‘первая от красного угла лавка’, *холлорук* ‘полка в юрте’, *көҕүөр* ‘небольшой сосуд для кумыса’, *сири иһит*

CC BY

‘большой кожаный сосуд для кумыса’, *чабычах* ‘небольшой берестяной сосуд’, *буодьу* ‘меховая опушка’, *аҕараан* ‘прокисшее молоко с мелкой рыбой’ и т. д. К лексико-семантическим архаизмам относятся многозначные слова, у которых устарело одно или несколько значений. Например, слово *арҕаа* ранее употреблялось в якутском языке в значении ‘человеческая спина или передняя часть спины, загривок животного’. В современном якутском языке данное слово используется лишь в значении ‘запад’. Устарели также некоторые значения следующих слов: *күл* — 1. зола, пепел; 2. *уст.* хлеб, зерно; *сэлии* 1. рысь (вид аллюра); 2. *уст.* охота, промысел’ [БТСЯЯ, т. 4, с. 600]; *таҥалай* 1. нёбо; 2. *уст.* старинная верхняя нарядная одежда якутской женщины [Там же, т. 10, с. 201]; *тимэх* 1. застежка для петель одежды; пуговица; 2. *уст.* короткая кожаная веревка; 3. пластинка, кнопка музыкального инструмента, удар по которой приводит в движение рычаги механизма, клавиша [Там же, с. 352]; *толоҕой* 1. внутреннее пространство; протяженность в длину; 2. *фольк.* сердце; 3. *уст.* спинной мозг лошади, крупного рогатого скота’ [Там же, с. 433]; *хаалык* 1. палка (лыжная); 2. *уст.* оружейная сума для лука, стрелы, колчан [Там же, т. 13, с. 91]; *хабах* 1. пузырь (мочевой, плавательный); 2. *уст.* высушенный в надутом виде пузырь животного, птицы, рыбы, предназначенный для хранения чего-либо’; 3. пузырьки воздуха или газа [Там же, с. 159].

Архаизирующуюся лексику современного якутского языка можно условно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1) предметы быта (*бадьаа* ‘большой деревянный ковш’, *кутаҕа* ‘мешочек’, *ураа* ‘дымоход камелька’ и др.); 2) одежда, обувь, ткани (*дабдака* ‘вид короткой меховой дохи’, *баһымыкы* ‘обувь из коровьей шкуры’, бэлэпчи ‘меховой утеплитель для рук’ и др.); 3) пища (*буһарба* ‘свежесваренный и замороженный гольян’, *көҕөл* ‘жидкая молочная каша’, *холобо* ‘лепешка’ и др.); 4) термины охоты и рыболовства (*тайыы* ‘рогатина’, *иҥэрчэ* ‘сухожильная обмотка лука и стрелы’, *атара* ‘приспособление для ловли рыбы’); 5) терминология, связанная со скотоводством (*күкүр* ‘ясли для скота’, *томторук* ‘намордник для телят’, *боһомо* ‘крупный скот’ и др.); 6) животный мир (*көйүүр* ‘моль’, *курдьаҕа* ‘мелкие насекомые’, *далбарай* ‘птенчик’ и др.); 7) растительный мир (*кудумньу* ‘глубокое лиственничное дупло’, *харас* ‘черника’, *бохсурҕан* ‘подорожник’ и др.; 8) наименования географических терминов и явлений природы (*тыҥ хатыыта* ‘рассвет’, *күс* ‘осень’, *үксүөн* ‘осеннее ненастье’ и др.); 9) термины родства и свойства (*бадьа* ‘жена родного или двоюродного младшего брата по отношению к жене родного или двоюродного старшего брата’, *бэргэн* ‘старшая невестка’, *сурус* ‘младший брат по отношению к сестре’ и др.); 10) названия, обозначающие различные заболевания, состояния организ-

ма, физиологические процессы (*одуруун* ‘трахома’, *толугур* ‘чесотка’, *аҥа* ‘эпилепсия’ и др.); 11) абстрактные понятия (*көлчүүр* ‘веселье, развлечение’, *көнньүө* ‘месть, возмездие’ и др.); 12) общественно-политическая и социально-экономическая терминология (*кулуба* ‘голова’, *хамначчыт* ‘батрак’, *кумалаан* ‘нищий’ и др.); 13) наименования орудий труда (*иэт* ‘гнутый нож для выдалбливания деревянной посуды’; *кыһыах* ‘скребок’, *кэдэрээн* ‘инструмент для обработки кожи’ и др.); 14) лексика, связанная с верованиями и обрядами (*идэҥэ* ‘подношение, приношение внутренностей скота духу перевала’, *арчы* ‘обряд изгнания злых духов’, *хоолдьуга* ‘жертвенное животное’ и др.) [БТСЯЯ].

Так, влияние глобальных интеграционных процессов на язык приводит к устареванию определенной лексики. Однако это не означает полного вытеснения устаревших слов другими. В якутском языке мы наблюдаем расширение словарного состава за счет возвращения некоторых устаревших слов в активный фонд языка, то есть деархаизацию. При деархаизации происходят определенные изменения в значении этих слов, но основные предметно-логические характеристики лексических единиц сохраняются. Характерны в этом отношении историзмы *бэдэрээт* и *улуус*. *Бэдэрээт* в «Якутско-русском словаре» имеет помету *устар.* и следующее определение: ‘срочное обязательство, напр., по поставке грузов’ [ЯРС, 1972, с. 98]. Сегодня в связи с введением подрядной формы организации общественного труда данное слово употребляется в широком смысле ‘подряд’ [БТСЯЯ, т. 2, с. 831]. Активно используются также его производные: *бэдэрээтчит* ‘подрядчик’, *бэдэрээттэс* ‘вступать в подряд’, *бэдэрэттэһии* ‘бригадный подряд’, *бэдэрээттээ* ‘подрядить’, *бэдэрээтчиттээ* ‘быть подрядчиком’: *Бастатан туран, саҥа балыыһа тутуутун боппуруоһа силигэ ситэн, бу күннэргэ тутааччы* ***бэдэрээтчит*** *чуолкайдаммытын туһунан үөрүүбүтүн уллэстэбит.* (Во-первых, с радостью сообщаем, что решился вопрос с подрядчиком, который будет строить новую больницу) [ЯСИА]. Слово *улуус*, некогда использовавшееся в значении ‘обширный родовой союз, ведомство, в котором соединены несколько наслегов; улус, волость; общество’ [ПЭК, 1959, т. 3, с. 189], в эпоху Советского союза стало невостребованным: *улуус* — ‘уст. административная единица в Якутии до районирования’ [ЯРС, 1972, с. 434]. Сегодня же данное слово активно функционирует в значении ‘административная единица Якутии, улус, район’ [БТСЯЯ, т. 12, с. 138]: *Арктика оскуолатыгар өрөспүүбүлүкэ бары улуустарыттан киирэллэр.* (В арктическую школу поступают учащиеся со всех улусов Республики) [Кыым]. Также снова начали использоваться ранее запрещенные слова, включая конфессиональную лексику и термины, связанные с морально-нравственными понятиями: *иччи* ‘духи-хозяева’, *уот иччитэ* ‘дух

CC BY

огня, хозяин огня', *ыйаах* 'судьба, рок', *дьолуо* 'благо, счастье', *тунах ыйа* 'бэс ыйа', *Байанай* 'общее название духов леса, воды, покровительствующих охотничьим и рыболовным промыслам)', *кут* 'душа' и др.

3.2. Неологизация в современном якутском языке

Неотъемлемую часть пассивного словарного запаса языка составляют неологизмы — слова или значения слов, которые возникли в языке относительно недавно и ещё не стали общеупотребительными. Создание новых слов и обновление словарного запаса языка являются естественными процессами, которые отражают развитие общества и культуры. Как отмечает В. В. Виноградов, «образование новых слов практически непрерывный процесс, но все так называемые новообразования первоначально представляют собой факты речи и становятся фактами языка лишь в результате многократного воспроизведения в готовом виде» [Виноградов, 1951, с. 168].

Появление большого количества неологизмов в якутском языке связано, в первую очередь, с политическими событиями в жизни якутского народа, в частности, принятием в 1992 году закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» и Государственной программы РС (Я) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)», в результате чего якутский язык наряду с русским получил статус государственного языка, что, безусловно, способствовало подъему национального самосознания, повысило интерес якутов к родному языку, к его истории.

В последние десятилетия ведутся активные работы по систематизации словарного состава якутского языка. Своеобразным итогом этой работы стал выход фундаментального 15-томного «Большого толкового словаря якутского языка» (2004—2018). «В Словарь включены лексические единицы, собранные из различных источников, употребляемые как в художественной литературе, так и в публицистике, печати и разговорной речи; слова, образованные посредством различных производящих средств; фразеологизмы; сложные и составные слова с терминологическим значением» [Слепцов, 2015, с. 47]. Сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН составлены серии терминологических словарей: «История», «Обществознание», «Делопроизводство», «Менеджмент», «Местное самоуправление», «Лингвистика», «Животноводство». Готовится к выходу «Русско-якутский юридический словарь: термины и понятия уголовного права и процесса».

На современном этапе развития якутского языка обогащение словарного состава новыми словами происходит за счет заимствований, а также за счет собственных ресурсов, по продуктивным моделям. Неологизмы, образованные таким способом, называют л е к с и ч е с к и м и. Русский язык,

CC BY

через который заимствуются и слова из европейских языков, является одним из источников пополнения якутского языка неологизмами, связанными в первую очередь с наукой, техникой, с социально-политической, экономической и культурной сферами жизни: *хейтер, лайфхак, хайп, квест, донат, коуч* и др. Например, *Маастар кылаастары уонна тренинэри ыытарга Москваттан коуч, психолог Михаил Некрасов ыҥырылынна.* (Для проведения мастер-классов и тренингов бы приглашен из Москвы психолог, коуч Михаил Некрасов) [Кыым]. *Оттон дьоппуоннартан мэйшини сайыннараргa, тылы үөрэтэргэ уонна эдэрдии эрчими харыстыырга сыттыга суох утуйарга үөрэммитим. Бу курдук элбэх "лайфхакы" билэбин.* (Японцы научили меня, как развивать свой мозг, учить язык, как не стареть и спать без подушки. Я знаю много таких лайфхаков) [Там же]. *Ол иһинэн тулалыыр эйгэни харыстыыры бырапагаандалыыр хабааннаах араас суол тэрээһиннэр тиһиги быспакка тэрилиннилэр: о. и. онлайн-викториналар, маастар-кылаастар, куонкурустар, үөрэх тэрилтэлэригэр кылаас чаастар, оҕо уһуйааннарыгар анал дьарыктар, квестэр, испэктээктэри, киинэлэри көрдөрүү, интэриниэт-олимпиада, ойууру-тыаны бөхтөн-сыыстан ыраастыыр субуотунньуктар, мастары олордуу*. (В рамках данной акции были проведены различные мероприятия по защите окружающей среды: в том числе онлайн-викторины, мастер-классы, конкурсы, классные часы в образовательных учреждениях, специальные занятия в детских садах, квесты, спектакли, показ фильмов, интернет-олимпиады, субботники, посадка деревьев) [Там же].

Словарный состав современного якутского языка обновляется не только за счет вливаний из фондов других языков, но также и за счет активизации деривационных процессов на основе собственных средств в рамках аффиксации: *ойуулук* ‘мультфильм’ (сущ. *ойуу* ‘рисунок’+ афф. -(*у*)*к*), *угуйук* ‘реклама’ (гл. *угуй* ‘завлекать’+ афф. -(*у*)*к*), *тумэл* ‘музей’ (от гл. *туҥ* ‘собирать’ + афф. -*л*), *билим* ‘наука’ (от гл. *бил* ‘знать’+ афф. -(*и*)*м*), *тургутук* ‘тестирование’ (от гл. *тургут* ‘проверять’ + афф. -*(у)к*), *дойдунаат* ‘землячество; патриотизм’ (сущ. *дойду* ‘страна, родина’+ афф. -*наат*), *уһуйаан* ‘детский сад’ (от гл. *уһуй* ‘обучать, приобщать’ + афф. -*аан*) и др. Данные термины образованы с помощью малопродуктивных, а также за счет искусственно созданных аффиксов типа -*наат*, придающих словам условное отвлеченное значение. Новые слова образуются также путем сложения основ, например, *Ил Дархан* ‘глава’, *Ил Түмэн* ‘государственное собрание’, *куйаар ситим* ‘интернет’, *өрөгөй ырыата* ‘гимн’. *Ил Дархан* образовано от тюркского *ил* ‘народ, племенной союз, государство, мир, согласие объединение’ и *дархан* ‘привилегированное сословие’. Настоящие термины не зафиксированы в словарях якутского языка, вошли в язык относительно недавно, однако активно используются в средствах массо-

CC BY

вой информации, а также в речи современных якутов: *Ил Дархан Айсен Сергеевич Николаев 2020 сылы* ***дойдунаат*** *сылынан биллэрбитэ.* (Глава Республики Саха (Якутия) Айсен Сергеевич Николаев объявил 2020 год годом патриотизма) [Кыым]. *Ю. Платонов аатынан Судаарыстыбаннай эстрада тыйаатырын тус* ***тумэлэ*** *бэйэтин үлэтин саҕалаабыта биир сыл буолбут.* (Прошел ровно год с момента открытия собственного ***музея*** Государственного театра эстрады РС(Я) им. Ю. Платонова) [Там же]. *Бу саайка сонуннары, чинчийиилэри ааҕар эрэ буолбатаххыт, өссө лиэксийэлэри, испэктээктэри,* ***ойуулуктары****, хартыыналары көрүөххүтүн эмиэ сөп.* (На этом сайте вы можете не только читать новости, но и читать лекции, смотреть спектакли, ***мультфильмы****,* смотреть картины [Там же].

Борцы за чистоту якутского языка в стремлении предостеречь язык от чрезмерного употребления иноязычных терминов предлагают использовать в создании новых терминов (в том числе вместо уже существующих, «укоренившихся») внутренние возможности языка: возрождение и использование архаизмов, образование терминов словообразовательными средствами языка, перенос заимствованных слов на фонетическую основу якутского языка с учетом литературных норм. Так, предлагаются следующие термины: *киһинээт* ‘человечество’, *көрүк* ‘картина’, *өйүк* ‘идея’, *тоҥорунньук* ‘холодильник’, *көрүлгэ* ‘зрелище’, *чэчик* ‘цветок’, *дьаралык* ‘герб, ярлык’, *тосхол* ‘принцип’, *хамсык* ‘эпидемия’, *сорук* ‘задача’, *наардал* ‘расписание’, *миһик* ‘система’ и др. Войдут ли данные термины в лексический состав современного якутского языка, покажет только время. Стоит отметить, что термины, в свое время предложенные деятелем языкового строительства Г. В. Баишевым-Алтан Сарын и подвергнутые резкой критике, сегодня активно используются и вошли в словарный состав современного якутского языка: *кут* ‘душа’, *дьылҕа* ‘судьба’, *номох* ‘повесть’, *хоһоон* ‘стих’ и др. Отторжение среди носителей якутского языка вызывали также неологизмы *урбаан* ‘занятие торговлей, бизнес’, *урбаанньыт* ‘предприниматель, бизнесмен’, которые благодаря средствам массовой информации со временем получили широкое распространение и перешли в разряд общеупотребительной лексики.

Обновление словарного состава происходит также путем семантических трансформаций, когда существующие слова приобретают новые значения в результате метафоризации или метонимизации, сужения или расширения ранее известного значения. Такие неологизмы называют семантическими. Например, в якутском языке дополнительное значение к уже имеющимся приобрели следующие слова: *аартык* ‘большая проезжая дорога, тракт; столбовая дорога’ — ‘путь развития, движения вперед’, *ситим* ‘тонкая длинная волосяная или пеньковая верёвка’ — ‘сеть, связь’,

CC BY

таһым ‘высота стояния воды’ — ‘уровень’, *хаамыы* ‘движение, ходьба’ — ‘процесс’, *күннүк* ‘день езды, дневной путь’ — ‘дневник’, *сигэ* ‘срезанный вдоль наружный слой ствола тальника’ — ‘ссылка’ и т. д.

Помимо общепринятых новообразований, которые используются в якутском языке и выполняют номинативную функцию, существуют индивидуальные и авторские неологизмы, которые придают речи выразительность и экспрессию. Эти неологизмы, обусловленные контекстом, в основном ограничены конкретным дискурсом и редко становятся частью общеупотребительного языка. Однако они заставляют нас переосмыслить уже известные слова и создают уникальный мир образов и ощущений, присущий автору. Как отмечает П. А. Слепцов, «такие инновации необходимы литературному языку, так как демонстрируют его потенциальные возможности и способы освоения неологизмов и, наконец, сами по себе обогащают его общую сокровищницу» [Слепцов, 1990, с. 191]. В якутской литературе особенно выделяется творчество А. И. Софронова-Алампа, который экспериментирует с версификацией и создает окказиональные слова: *хартыынаһыт* ‘художник’ (от *хартыына* ‘картина’), *мэтириэччит* ‘портретист’ (от *мэтириэт* ‘портрет’), *үөрэхсит* ‘учитель’ (от *үөрэх* ‘учение, учеба’). *Кырыыппаны оҥорбут Хамныыр* ***хартыынаһыта****. Бэрт* ***мэтириэччитэ****, Эн бааргын* (Ты и есть тот художник слова, который создал образ скрипки). *Кистэли-батталы кэпсиир Бастыҥ* ***үөрэхсит*** *диэн Бар дьоҥҥо кини буолар* (Он тот самый учитель, рассказывающий народу все о тайнах и о гнетах). [Софронов, 1965, с. 115, 228]. Стоит отметить, что некоторые единичные неологизмы терминологического характера могут войти в состав литературного языка. Например, использованный якутским писателем А. Е. Кулаковским неологизм *көтөр аал* ‘самолет’ (букв. ‘летающее судно’) вошел в активный словарный запас якутского языка. Впоследствии стал употребляться как поэтический образ.

Авторские неологизмы возникают и при переводе. Так, при переводе алтайского эпоса на якутский язык для некоторых реалий переводчиками были созданы следующие неологизмы: *аракы* (вм. як. *арыгы* ‘вино’); *Алтан-Хаһык* ‘Полярная звезда’ (вм. як. *Хотугу Сулус*); *чоор* ‘дудка’, эквивалентный алтайскому *шоор*. Введение авторских неологизмов в процессе перевода исследователи объясняют либо отсутствием наименований для называния предметов в якутском языке, либо несовпадением коннотаций с алтайскими реалиями [Васильева, 2020, с. 28—29].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в последние десятилетия в якутском языке наблюдаются изменения в словарном составе, а именно: явления архаизации, деархаи-

CC BY

зации и неологизации. Они отражают системные изменения в лексической системе и требуют комплексного исследования роли внутриязыковых и экстралингвистических факторов в процессе перераспределения активной и пассивной лексики. Тенденция развития словарного состава якутского языка свидетельствует о его постоянном обновлении, пополнении и обогащении новыми словами, значениями и заимствованиями.

В результате анализа пассивной лексики современного якутского языка выделено 14 лексико-семантических групп архаизмов, обозначающих устаревшие предметы, явления и процессы в обществе, экономике, политике. Наиболее многочисленными группами оказались «предметы быта», «одежда, обувь, ткани», «охота и рыболовство», представляющие собой важный архаизированный фрагмент языковой картины мира как отражение традиций, культуры, мировидения якутов. Выявлено, что часть архаизированных слов вновь возвращается в активный фонд языка, то есть происходит лексическая деархаизация, которая связана с возрождением традиционных основ материальной и духовной культуры якутов.

Обогащение словарного состава якутского языка происходит за счет лексических инноваций, а именно новообразований, семантических неологизмов и заимствований. В результате анализа отмечаем, что наиболее выраженными оказываются лексические неологизмы, появившиеся с возникновением новых реалий в мире и не имеющие адекватного лексического соответствия в якутском языке, и семантические, известные слова, получившие измененные или новые значения. Лексическая система современного якутского языка обновляется также благодаря активизации словообразовательных процессов на основе средств якутского языка. Наиболее продуктивны следующие словообразовательные модели: существительные с суффиксом *-у(к): ойуулук* ‘мультфильм’, *тургутук* ‘тестирование’; *-наат*: *дойдунаат* патриотизм; *-аан*: *уһуйаан* ‘детский сад’; *-л*: *тұмэл* ‘музей’; сложение основ*: куйаар ситим* ‘интернет’, *өрөгөй ырыата* ‘гимн’. Большую часть новых слов составляют имена существительные, что отражает основную функцию неологизмов — называть новые предметы и явления.

Сохранение архаизмов способствует укреплению этики, культуры и традиций народа. Устаревшие слова могут быть использованы для стилизации речи. Неологизация, в свою очередь, позволяет языку адаптироваться к новым реалиям и называть новые понятия. Как показывает языковой материал, якутский язык быстро адаптируется к изменениям в современном мире, избавляясь от невостребованных слов и создавая соответствующие средства выражения, чтобы отражать новые понятия, которые появляются в нашем мире.

CC BY

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой* толковый словарь якутского языка ; под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2005. — Т. 2 (Буква Б). — 910 с. ; 2007. — Т. 4 : (Буква К : к — күөлэһиҥнээ) ; 2009. — Т. 6 : (Буквы Л—Н). — 518 с. ; 2013. — Т. 10 : (Буква Т: т — төһүүлээ). — 574 с.; 2015. — Т. 12 : (Буквы У, Ү). — 597 с. ; 2016. — Т. 13: (Буква Х). — 638 с.

2. *Кулаковскай А. Е.* Ырыа-хоһоон. Хоһооннор. Поэмалар / А. Е. Кулаковскай. — Якутскай : Кинигэ издательствота, 1978. — 296 с.

3. Кыым — *якутская* народная газета «Кыым» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://kyym.ru/ (дата обращения 09.07.2023).

4. МЭС, 1996 — *Якутский* героический эпос. «Могучий Эр Соготох». — Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на якутском и русс. яз.).

5. ПЕК, 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — 2-е изд-е. — Ленинград : Издание АН СССР, 1959. — Т. II. — 2010 стлб. ; Т. III. — 3858 стлб.

6. ПЛМС, 1995 — *Предания*, легенды и мифы саха (якутов). — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — 400 с.

7. *Софронов А. И.* Талыллыбыт айымньылар = Избранные произведения в 2 томах / А. И. Софронов. — Якутск : Якутское книжное изд-во, 1965. — Т. 2 : Рассказы. Очерк. Стихи. Поэмы. — 444 с.

8. *Уваровскай А. Я.* Ахтыылар / А. Я. Уваровскай. — Дьокуускай : Кинигэ изд-та, 1992. — 56 с.

9. ЯРС, 1972 — *Слепцов П. А.* Якутско-русский словарь / П. А. Слепцов. — Москва : Советская энциклопедия, 1972. — 608 с.

10. ЯСИА — *Якутское* сетевое издание «ЯСИА» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ysia.ru/ (дата обращения 17.07.2023).

Литература

1. *Анисимов Р. Н.* Архаизмы в олонхо (к постановке к проблеме генезиса якутского эпоса) / Р. Н. Анисимов // Наследие народов Якутии : традиции и современность. — 2017. — С. 45—48.

2. *Антонов Н. К.* Саха билиҥҥи тылын лексиката / Н. К. Антонов. — Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1967. — 102 с.

3. *Аркадьева Т. Г.* Семантическая эволюция архаизмов и историзмов / Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева, С. С. Владимирова, Т. Г. Шарри, Н. С. Федотова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2016. — № 1 (70). — С. 29—33.

4. *Афанасьев П. С.* Современный якутский язык. Лексикология / П. С. Афанасьев. — Якутск : Издательство ЯГУ, 1996. — 191 с.

5. *Беглова Е. И.* Историзмы в текстах современных журналов / Е. И. Беглова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции. — Москва : Московский государственный областной университет, 2018. — С. 192—196.

6. *Белянская З. Ф.* Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы) / З. Ф. Белянская. — Ленинград : Наука, 1978. — 231 с.

CC BY

7. *Бугрышева Е. С.* Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV) дискурса (на материале английского, французского и русского языков) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. С. Бугрышева. — Мытищи, 2020. — 23 с.

8. *Васильева А. А.* Перевод эпосов родственных лингвокультур (на примере якутского перевода алтайского эпоса «Маадай-Кара») / А. А. Васильева, Т. П. Егорова // Филология: научные исследования. — 2020. — № 12. — С. 22—33. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34501.

9. *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1951. — Т. 10. — 612 с.

10. *Генералова Е. В.* Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии / Е. В. Генералова // Медиалингвистика. — 2021. — № 8 (2). — С. 180—192. — DOI: 10.21638/spbu22.2021.207.

11. *Дмитриева О. Н.* Архаическая лексика свадебных алгысов якутов / О. Н. Дмитриева // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 6 (61). — С. 341—343.

12. *Иванов С. А.* К архаизмам якутского языка и его территориальных диалектов / С. А. Иванов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2019. — № 2 (27). — С. 78—88. — DOI: doi.org/10.25693/SVGV.2019.02.27.10.

13. *Каданцева Е. Е.* Явление архаизации в словарном составе современного русского языка : по изданиям “Словаря русского языка” С. И. Ожегова : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Е. Каданцева. — Москва, 2007. — 21 с.

14. *Кадим М. М.* Устаревшая лексика в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в лингвокультурологическом аспекте : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. М. Кадим. — Воронеж, 2011. — 20 с.

15. *Коростелова Т. В.* Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке : лингвопрагматический аспект : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Коростелова. — Волгоград, 2015. — 20 с.

16. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — Москва : Педагогика-пресс, 1994. — 247 с. — ISBN 5-7155-0689-1.

17. *Машуш А. А.* Языковые новации и речевые изменения в русской спортивной лингвокультуре XXI века : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Машуш. — Курск, 2013. — 22 с.

18. *Мурзабулатова Ю. А.* Неологизмы со значением деятеля в современном русском языке : на материале прессы конца XX — начала XXI вв. : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Мурзабулатова. — Уфа, 2013. — 23 с.

19. *Рзаева С. М.* Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале онлайн-газет и социальных сетей) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. М. Рзаева. — Мытищи, 2021. — 23 с.

20. *Скрябина А. А.* Устаревшая лексика как один из лексических пластов якутского языка / А. А. Скрябина // Филологические науки: вопросы теории и практики. — 2021. — № 14 (10). — С. 3075—3079. — DOI: 10.30853/phil210522.

21. *Слепцов П. А.* О многотомном Большом академическом толковом словаре якутского языка / П. А. Слепцов // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2015. — № 3 (12). — С. 47—52.

22. *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык : фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. — Якутск : Госиздат СССР, 1947. — Ч. 1. — 320 с.

23. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — Москва : Высшая школа, 1972. — 310 с.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023,
одобрена после рецензирования 19.09.2023,
подготовлена к публикации 26.09.2023.

Material resources

BTSIAYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language, 2, 4, 6, 10, 12, 13.* (2005, 2009). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Kulakovskai, A. E. (1978). *Yrya-khohun. Hohunnor. Poemalar.* Yakutskai: Kinige publishing House. 296 p. (In Yakut.).

Kyym — *Yakut people's newspaper "Kyym".* Available at: https://kyym.ru/ (accessed 09.07.2023). (In Russ.).

MES — *Yakut heroic epic. "Mighty Er Sogotoh".* (1996). Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 440 p. (In Yakut. and Russ.).

PEK — Pekarsky, E. K. (1959). *Dictionary of the Yakut language, II, III. 2nd ed.* Leningrad: Edition of the USSR Academy of Sciences. 2010 stlb.; 3858 stlb. (In Russ.).

PLMS — *Legends, legends and myths of Sakha (Yakuts).* (1995). Novosibirsk: Nauka. Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 400 p. (In Russ.).

Sofronov, A. I. (1965). *Tallybyt ayymnylar = Selected works in 2 volumes, 2.* Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 444 p. (In Russ.).

Uvarovskai, A. Ya. (1992). *Akhtyylar.* Dyokuuskai: Kinige publishing house. 56 p. (In Russ.).

YARS — Sleptsov, P. A. (1972). *Yakut-Russian dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).

YASIA — *Yakut online publication "YASIA".* Available at: https://ysia.ru/ (accessed 17.07.2023). (In Russ.).

References

Afanasyev, P. S. (1996). *Modern Yakut language. Lexicology.* Yakutsk: Publishing House of YSU. 191 p. (In Russ.).

Anisimov, R. N. (2017). Archaisms in olonkho (to the formulation of the problem of the genesis of the Yakut epic). In: *Heritage of the peoples of Yakutia: traditions and modernity.* 45—48. (In Russ.).

Antonov, N. K. (1967). *Sakha bili tylyn lexikata.* Yakutskai: Sakha sirineэi kinige publishing house. 102 p. (In Yakut.).

Arkadieva, T. G., Vasilyeva, M. I., Vladimirova, S. S., Sharri, T. G., Fedotova, N. S. (2016). Semantic evolution of archaisms and historisms. *Bulletin of Cherepovets State University, 1 (70):* 29—33. (In Russ.).

Beglova, E. I. (2018). Historicisms in the texts of modern journals. In: *Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International Scientific Conference.* Moscow: Moscow State Regional University. 192—196. (In Russ.).

Belyanskaya, Z. F. (1978). *Obsolete vocabulary of the modern Russian language (historicism).* Leningrad: Nauka. 231 p. (In Russ.).

Bugrysheva, E. S. (2020). *Features of the formation of onomastic realities-neologisms in the context of media (TV) discourse (based on the material of English, French and Russian languages).* Author's abstract of PhD Diss. Mytishchi. 23 p. (In Russ.).

Dmitrieva, O. N. (2016). Archaic vocabulary of wedding algys Yakuts. *The world of science, culture, education, 6 (61):* 341—343. (In Russ.).

Generalova, E. V. (2021). Media text as a reflection of dynamic chronological changes in vocabulary and phraseology. *Media linguistics, 8 (2):* 180—192. DOI: 10.21638/spbu22.2021.207. (In Russ.).

Ivanov, S. A. (2019). To the archaisms of the Yakut language and its territorial dialects. *North-Eastern Humanitarian Bulletin, 2 (27):* 78—88. DOI: doi.org/10.25693/SVGV.2019.02.27.10. (In Russ.).

Kadantseva, E. E. (2007). *The phenomenon of archaization in the vocabulary of the modern Russian language: according to the editions of the "Dictionary of the Russian language" S. I. Ozhegova.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).

Kadim, M. M. (2011). *Outdated vocabulary in N. V. Gogol's comedy "The Inspector" in the linguoculturological aspect.* Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 20 p. (In Russ.).

Kharitonov, L. N. (1947). *Modern Yakut language: phonetics and morphology, 1.* Yakutsk: Gosizdat of the USSR. 320 p. (In Russ.).

Korostelova, T. V. (2015). *Archaisms as a tropeic means in the modern Russian literary language: linguopragmatic aspect.* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (1994). *The linguistic taste of the epoch: from observations on the speech practice of mass media.* Moscow: Pedagogika-press. 247 p. ISBN 5-7155-0689-1. (In Russ.).

Mashush, A. A. (2013). *Linguistic innovations and speech changes in the Russian sports linguoculture of the XXI century.* Author's abstract of PhD Diss. Kursk. 22 p. (In Russ.).

Murzabulatova, Yu. A. (2013). *Neologisms with the meaning of a figure in the modern Russian language: based on the material of the press of the late XX — early XXI centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 23 p. (In Russ.).

Rzayeva, S. M. (2021). *Features of the translation of neologisms from English into Russian (based on the material of online newspapers and social networks).* Author's abstract of PhD Diss. Mytishchi. 23 p. (In Russ.).

Scriabina, A. A. (2021). Obsolete vocabulary as one of the lexical layers of the Yakut language. *Philological sciences: questions of theory and practice, 14 (10):* 3075—3079. DOI: 10.30853/phil210522. (In Russ.).

Shansky, N. M. (1972). *Lexicology of the modern Russian language.* Moscow: Higher School. 310 p. (In Russ.).

Sleptsov, P. A. (2015). On the multivolume Large Academic Explanatory Dictionary of the Yakut language. *North-Eastern Humanitarian Bulletin, 3 (12):* 47—52. (In Russ.).

Vasilyeva, A. A., Egorova, T. P. (2020). Translation of epics of related linguocultures (on the example of the Yakut translation of the Altai epic "Maadai-Kara"). *Philology: scientific research, 12:* 22—33. DOI: 10.7256/24540749.2020.12.34501. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1951). *About the main vocabulary and its word-forming role in the history of the language, 10.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 612 p. (In Russ.).

The article was submitted 27.07.2023;
approved after reviewing 19.09.2023;
accepted for publication 26.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Соловьева Н. В. Функционально-семантические особенности сложноподчинённых предложений цели в британском и американском вариантах английского языка / Н. В. Соловьева, Н. А. Скитина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 26—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-26-46.

Solovyeva, N. V., Skitina, N. A. (2023). Functional-Semantic Features of Complex Sentences of Purpose in British and American Variants of English. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 26-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-26-46. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-26-46

Функционально-семантические особенности сложноподчинённых предложений цели в британском и американском вариантах английского языка

Соловьева Наталия Владимировна [1] *
orcid.org/0000-0003-0168-9578
доктор филологических наук,
профессор
кафедры И-12 «Лингвистика
и переводоведение»,
**** корреспондирующий автор***
natavs@list.ru

Скитина Нина Александровна [2]
orcid.org/0000-0001-7523-9946
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии
skitina@ya.ru

[1] Московский авиационный институт
(национальный исследовательский
университет)
(Москва, Россия)

[2] Государственный
университет просвещения
(Мытищи, Россия)

Functional-Semantic Features of Complex Sentences of Purpose in British and American Variants of English

Nataliya V. Solovyeva [1] *
orcid.org/0000-0003-0168-9578
Doctor of Philology, Professor
Departament I-12 “Linguistics
and Translation Studies”,
**** Corresponding author***
natavs@list.ru

Nina A. Skitina [2]
orcid.org/0000-0001-7523-9946
PhD in Philology, Associate Professor,
Departament of English Philology
skitina@ya.ru

[1] Moscow Aviation Institute
(National Research University)
(Moscow, Russia)

[2] State University of Education
(Mytishchi, Russia)

© Соловьева Н. В., Скитина Н. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются функциональные особенности придаточных предложений, вводимых союзами цели *so that, lest, in order that, for fear that, in the hope that, to the end that*, различающимися по степени употребительности и экспрессивности. Материалом исследования послужили данные Корпуса современного американского английского языка и Британского национального корпуса. Новизна исследования видится в уточнении перечня дифференциальных признаков категориального грамматического значения сложноподчинённых предложений цели. Демонстрируется, что сложноподчинённые предложения с союзами цели используются в художественных, публицистических, научных и разговорных текстах, но их частотность разнится в зависимости не только от типа дискурса, но и от варианта языка. На основе статистических данных подтверждается, что формы Present Subjunctive являются наиболее употребительными в придаточных цели вне зависимости от варианта языка. Проанализированы типы придаточных предложений: собственно-целевые, аргументирующе-целевые, синкретичные и придаточные антицели. Установлено, что первые, не осложнённые дополнительными оттенками значения, наиболее частотны в американских текстах, а третьи, содержащие указания на обстоятельства достижения цели, наиболее употребительны в британских текстах.

Ключевые слова:
функционально-семантическое поле; обусловленность; функционально-семантическая категория; цель; придаточное предложение; союз; корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The functional-semantic features of purpose clauses introduced by conjunctions *so that, lest, in order that, for fear that, in the hope that, and to the end that* are examined in this study. These conjunctions differ in their frequency and expressiveness. The material for the study was taken from the Corpus of Contemporary American English and the British National Corpus. The novelty of the research lies in specifying the list of differential features of the categorical grammatical value of complex sentences of purpose. It is demonstrated that complex sentences with purpose conjunctions are used in literary, journalistic, scientific, and conversational texts, but their frequency differs not only depending on the type of discourse but also on the language variant. Based on statistical data, it is confirmed that Present Subjunctive forms are the most commonly used in purpose clauses regardless of the language variant. Types of purpose clauses are analyzed: proper-purpose, argumentative-purpose, syncretic, and anti-purpose clauses. It is established that the first ones, which are not complicated by additional shades of meaning, are most frequent in American texts, while the third ones, containing indications of circumstances for achieving the goal, are most commonly used in British texts.

Key words:
functional-semantic field; conditionality; functional-semantic category; purpose; subordinate clause; conjunction; corpus.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.111’367.335.2

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функционально-семантические особенности сложноподчинённых предложений цели в британском и американском вариантах английского языка

© Соловьева Н. В., Скитина Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Обусловленность как функционально-семантическая категория привлекает внимание исследователей благодаря представленности в грамматике большинства языков, актуализации на разных уровнях языка и, как следствие, возможности интерпретации с точки зрения семантических и грамматических свойств, функциональных особенностей, событийно-ролевой структуры. По утверждению Э. Н. Акимовой, «функционально-семантическая категория обусловленности — это сложно структурированное образование, план содержания которого составляет общее инвариантное значение обусловленности, вариативно проявляющееся в более частных семантических категориях причины, следствия, условия, уступки и цели, а план выражения представлен средствами, относящимися к различным языковым уровням (лексическому, фразеологическому, словообразовательному, синтаксическому дотекстовому, текстовому, мегатекстовому)» [Акимова, 2012, с. 252]. Значения следствия, условия, уступки и цели (в отличие от центрального для обусловленности значения причины) характеризуются наличием дополнительного семантического признака: следствие связано с результативностью, условие — с гипотетичностью, цель — с активностью, уступка — с компромиссом.

Объектом настоящего исследования выступают сложноподчинённые предложения со значением цели, а предметом — функционально-семантические особенности союзов цели как экспликаторов более глобального значения обусловленности. Особенность рассматриваемого нами функционально-семантического типа сложноподчиненных предложений заключается в том, что «обусловливающее и обусловливаемое не разведены по разным компонентам…, а заключены в одном — целевом — компоненте» [Дружинина, 2008, с. 33]. То есть и причина события, и его следствие выражаются в придаточном предложении, а процесс превращения причины

CC BY

в следствие представлен в главном предложении. Достижение поставленной нами цели — выявление структурных и семантических особенностей целевых конструкций в британском и американском вариантах английского языка — позволяет уточнить и дополнить перечень дифференциальных признаков категориального грамматического значения сложноподчиненных предложений цели. Результаты сравнения семантики и функций сложноподчиненных предложений цели в основных вариантах английского языка, служащих для подготовки учебной литературы, могут быть использованы в лингводидактической практике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Синтаксис по праву занимает центральное положение в грамматике, поскольку именно на синтаксическом уровне реализуется коммуникативная функция языка [Слюсарева, 1984, с. 39]. Выделяются не менее 7 аспектов синтаксиса: логический, психологический, конструктивный, структурный, семантический, коммуникативный и прагматический [Прибыток, 2020]. В последнее время фокус лингвистических исследований сместился с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-прагматическую [Копров, 2016, с. 6]. Прагматический синтаксис исследует не только структурные особенности языковых единиц, но и их актуализацию в ходе речевого акта.

Глубокое обоснование методологической важности исследования взаимодействия семантики языковых единиц и их структурных признаков содержится в работах А. И. Смирницкого: «Язык ... существует объективно в речи, в ее произведениях, которые и представляют собой непосредственный материал, подлежащий изучению для обнаружения и изучения языка» [Смирницкий, 2019, с. 12]. Созвучное мнение обнаруживаем у Дж. Р. Ферта: «Значение постигается не в результате пассивного созерцания слова, но в результате анализа его функций применительно к данной культуре» [The Cambridge…, 2019, с. 12].

Именно в рамках прагматического синтаксиса разрабатывается функциональный подход к грамматике. Теория функциональной грамматики наиболее полно представлена в работе А. В. Бондарко [Бондарко, 2016]. Ученый ввел и на практике апробировал теорию взаимосвязанных функционально-семантических полей. Таких полей — четыре: 1) с предикативным ядром, 2) с предметным ядром, 3) с качественно-количественным ядром, 4) с обстоятельственным ядром. А. В. Бондарко различает потенциальный и результативный аспекты в понятии «функция» той или иной языковой единицы: потенциальный аспект функции связан со способностью к выполнению определенного назначения в языковой системе; результативный аспект функции — следствие взаимодействия со средой [Там же, с. 8]. Раз-

CC BY

граничение проводится между семантическими функциями, обладающими элементами смыслового содержания и соотносящимися с внеязыковой действительностью, и структурными функциями, призванными обеспечивать системно-структурную организацию языковых элементов [Там же]. Функции связываются со значениями языковых единиц, но не отождествляются с ними: изучение функции единицы охватывает анализ ее значений.

Нельзя не согласиться с С. И. Дружининой, полагающей, что «функционально-семантическое поле, включающее сложноподчинённые предложения обусловленности, представляет собой комплексную систему…, обладающую высоким семантическим потенциалом…, наличием множества функционально-семантических разновидностей…, тесным взаимодействием причинных, условных, целевых, уступительных, следственных конструкций между собой и со всеми остальными сложноподчинёнными предложениями» [Дружинина, 2012, с. 37].

Целесообразным считаем разграничение понятий функционально-семантического поля и функционально-семантической категории. В основе функционально-семантического поля как гетерогенной группировки разноуровневых средств языка, взаимодействующих за счет общности семантической функции, находится определенная функционально-семантическая категория [Самарина, 2012, с. 277]. Функционально-семантическое поле имеет двусторонний характер и включает план содержания и план выражения, лишенный целостности из-за структурной разнородности средств формального выражения.

Поскольку понятие поля традиционно связывается с представлением о пространстве, применительно к функционально-семантической полевой модели справедливым будет выделение ядерного, центрального и периферийного компонентов. Поля подразделяются на: 1) целостные моноцентрические, опирающиеся на определенную грамматическую категорию; 2) комплексные моноцентрические, опирающиеся на комплекс взаимодействующих разноуровневых языковых средств; 3) полицентрические, распадающиеся на несколько зон, каждая из которых имеет свои центральные и периферийные компоненты [Бондарко, 2016, с. 21]. Ядерная грамматическая категория в основании функционально-семантического поля отличается полнотой грамматических признаков; грамматические категории в области периферии, с одной стороны, характеризуются неполнотой свойств, а с другой стороны, обогащаются значениями или оттенками других грамматических категорий.

Полицентрическое функционально-семантическое поле сложноподчинённых предложений обусловленности представляет собой организованную систему частных функционально-семантических полей с отношениями причины, условия, цели, уступки и следствия. Семантическим ядром

CC BY

поля обусловленности выступают сложноподчинённые предложения причины, поскольку в них в неосложнённом виде представлены причина как обусловливающее и следствие как обусловливаемое. Другие виды обусловленности: цель, условие, уступка, следствие — ориентируются на причину как на логический центр, но передают дополнительные оттенки значения.

Действия, совершаемые человеком, его поступки подчинены достижению определенных целей: «Следствие, представленное как результат направленной деятельности человека, образует значение цели» [Гак, 2023, с. 746]. Цель — категория многогранная, включающая в себя такие понятия, как желание и действие субъекта. Цель характеризуется как «перспективное и желательное или необходимое для агенса событие, мотивирующее действие» [Коммуникативная грамматика…, 2019, с. 366]. По замечанию А. В. Величко, «в сложноподчинённых предложениях со значением цели главное предложение сообщает о действии-стимуле первого субъекта, придаточное предложение содержит указание на желаемое действие — цель второго субъекта» [Величко, 2018, с. 372].

Инвентарь языковых средств выражения цели в английском языке определен достаточно полно и включает инфинитив, именные и герундиальные предложные конструкции, а также собственно целевые клаузы (purpose clauses) и клаузы обоснования (rationale clause) [Nissenbaum, 2005]. Оба типа клауз относятся к нефинитным, то есть лишенным предикативности, и представляют собой инфинитивные обороты. В нашей работе рассматриваются финитные сложноподчинённые клаузы со значением цели.

Материалом для исследования послужили данные корпусных ресурсов: Корпуса современного американского английского языка — The Corpus of Contemporary American English (COCA) и Британского национального корпуса — The British National Corpus (BNC).

В процессе исследования нами использовались метод лингвистического описания, позволивший выделить и последовательно охарактеризовать структуру и функциональные особенности сложноподчинённых предложений цели; трансформационный анализ, применённый для выявления сходств и различий в их структуре и семантике; сопоставительный метод, в результате применения которого была описана вариативность в употреблении сложноподчинённых предложений цели в двух рассматриваемых нами вариантах языка. Метод корпусного анализа текстов применялся для получения лингвостатистических данных о частоте использования союзов цели. Полное библиографическое описание текстов корпуса позволило сделать вывод о типах дискурса, в которых представлены сложноподчинённые предложения цели. Благодаря функции конкорданса было исследовано употребление союзов цели в контекстах фиксированной длины.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функциональные особенности придаточных предложений, вводимых союзами цели

Сложноподчиненные предложения цели по своей семантике двучленны, то есть в них обнаруживаются две пропозиции, образующие целостный комплекс. В главном предложении содержится предпосылка, обусловливающая достижение цели. Зависимая часть содержит желательную или возможную цель, необязательно выражающуюся в действии, но также в состоянии, восприятии, обладании. Между главной и придаточной частями устанавливаются адвербиальные отношения.

В зарубежной лингвистической традиции для обозначения союзов используются термины *conjunctives* — средства присоединения [Halliday et al., 2014], *connectors* — операторы связности [Zamel, 1983], *discourse connectors* — дискурсивные операторы связности [Parrot, 2010], подчеркивающие их роль в обеспечении когезии текста. Союзы имеют решающее значение для точного определения логических отношений в тексте и, следовательно, для улучшения его восприятия благодаря возможности предвосхитить то, что последует.

К средствам выражения цели исследователи М. Халлидей и Р. Хасан относят следующие единицы: *for the purpose of, in the hope that, so that, with this intention, to this end, to the end that, in order to, with this in mind, in order that, so as to, so; lest [+ subj.], in case, for fear that, in order to avoid, to avoid the risk of* [Halliday et al., 2014, p. 242].

В настоящем исследовании рассматриваются простой союз цели *lest* и составные союзы цели *in order that, so that, for fear that, in the hope that, to the end that*. Остальные единицы, упомянутые М. Халлидеем и Р. Хасан, не рассматриваются, так как некоторые из них не вводят придаточные предложения цели (*for the purpose of, to this end, with this in mind, so as to, in order to avoid, to avoid the risk of*), а другие характеризуются многозначностью (*so, in case*).

Придаточные цели с упомянутыми выше союзами, помимо основной целевой семантики, передают дополнительные оттенки значения цели. Семантико-функциональный подход к их рассмотрению позволяет исследовать синонимию синтаксических конструкций, объединенных в семантико-функциональное поле целевых отношений.

Анализ корпусных данных демонстрирует, что союзы цели характеризуются разной частотностью и используются в художественных, публицистических, научных и разговорных текстах[1] (табл. 1).

1 В таблице приведены данные для 4-х типов дискурса, в которых союзы цели наиболее частотны, однако общее количество случаев употребления ими не исчерпывается.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Частота встречаемости союзов цели в разных типах текстов
(по данным BNC и COCA)

Союз	Всего		Художественный		Публицистический		Научный		Разговорный	
	COCA	**BNC**	*COCA*	*BNC*	*COCA*	*BNC*	*COCA*	*BNC*	*COCA*	*BNC*
so that	61989	9433	8612	1959	9987	857	6251	1268	11537	1488
lest	5104	402	826	108	1016	48	622	71	165	7
in order that	1124	461	67	23	115	22	236	127	58	47
for fear that	722	63	94	8	238	12	115	14	63	1
in the hope that	1345	444	164	132	366	42	235	49	99	15
to the end that	98	3	2	2	10	—	16	—	7	—

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее употребительным является союз ***so that***. Придаточные предложения с союзами ***lest, in order that, for fear that, in the hope that, to the end that,*** в отличие от предложений с ***so that***, наделены определенной экспрессивностью и стилистически маркированы.

Союз ***lest*** выражает нежелательность осуществления действия для агенса. В предложениях выражается опасение, страх возможной реализации действия: *It is absolutely imperative that her identity is not widely known,* ***lest*** *she lose her job or experience potential abuse in other forms* [COCA] *(Совершенно необходимо, чтобы ее личность не была широко известна, иначе она потеряет работу или столкнется с потенциальными злоупотреблениями в иных формах). … an order not to publish the address of a former Tory MP* ***lest*** *his estranged wife should discover his whereabouts and harass him …* [BNC] *(…приказ не публиковать адрес бывшего депутата-консерватора, чтобы его бывшая жена не узнала о его местонахождении и не преследовала его…)*.

В придаточной части с целевой семантикой глагольные формы представлены в основном сослагательным наклонением. Модальные глаголы крайне редко встречаются как в американском, так и в британском корпусе (табл. 2).

CC BY

Таблица 2

Конструкции с союзом *lest*

Конструкция	**COCA**	**BNC**
lest * should (the suppositional mood)	259	69
lest * Present Subjunctive	2224	101
lest * would	10	2
lest * might	16	3
lest * may	—	3

В американском варианте английского языка синтаксические конструкции с союзом ***lest*** более частотны по сравнению с британским вариантом (см. табл. 1). В придаточном предложении предикативная единица в обоих вариантах чаще всего выражена глаголом в сослагательном наклонении.

Традиционно считается, что в американском варианте английского языка предпочтение отдается форме Present Subjunctive (сослагательное I), тогда как в британском варианте чаще используется форма предположительного сослагательного (*should*). Чарльз А. Ллойд еще в 1937 году в одной из своих работ, посвященных использованию сослагательного наклонения в американском варианте английского языка, отметил: «Было бы возможно в большинстве придаточных предложений, вводимых союзом that, использовать вспомогательный глагол ‘should’. Однако мы все чаще наблюдаем тенденцию замены громоздкого ‘should’ на простое сослагательное наклонение» [Lloyd, 1937, p. 370—371]. В 1939 году Стюарт Робертсон в статье, посвященной различиям американского и британского вариантов английского языка на уровне синтаксиса, пишет: «…отказ от ‘should’ способствует краткости, при этом не умаляя ясности — в действительности, иногда это позволяет избежать возможной путаницы с модальным значением слова — ‘следует’» [Robertson, 1939, p. 250—251].

Как видно из табл. 2, в обоих вариантах наблюдается небольшой перевес в сторону использования Present Subjunctive. В BNC предложения с ***lest*** сводятся к одному самому распространённому случаю: в 21 случае из 101 мы встречаем конструкцию *…lest we forget*, остальные вхождения — единичны. В корпусе COCA также доминирует конструкция *…lest smb forget* — 288 вхождений, за ней следует конструкция *…lest we think* (241 вхождение). В обоих корпусах придаточные цели с союзом ***lest*** свойственны художественному и публицистическому стилям.

Предположительное сослагательное (*should*) в большинстве случаев используется в религиозных текстах: *One will go to hell for fear of want; another acts like a heathen,* ***lest*** *he should be worse than an infidel* [BNC] (*Один*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

отправится в ад из-за страха нужды; другой поступает как язычник, чтобы не стать хуже неверного).

Отметим, что если предикативная единица, вводимая союзом цели ***lest***, выражена формой изъявительного наклонения, то в этом случае ***lest*** семантически сближается с союзом ***in case***: *The author is "scared" to use the phrase "crony capitalism", **lest** it makes capitalism look bad…* [COCA] (*Автор «боится» использовать словосочетание «клановый капитализм», чтобы не выставить капитализм в дурном свете…*). *I need to say, **lest** this sounds too one-sided, that I leave more positive comments to the conclusion…* [BNC] (*Чтобы это не звучало слишком однобоко, хочу сказать, что более позитивные комментарии я оставляю на заключение...*). В отличие от других союзов цели, ***lest*** — единственный союз, после которого форма сослагательного наклонения встречается чаще, чем модальные глаголы.

В придаточных частях предложений, вводимых союзами ***lest*** и ***for fear (that)***, передаются опасения по поводу возникновения нежелательной ситуации. В случае с союзом ***for fear (that)*** это значение главным образом выражено с помощью вспомогательного глагола *would* и изъявительного наклонения будущего времени (*will*) (табл. 3). *Would* используется в повествовании о прошедших событиях, а *will* предостерегает относительно будущих событий: *I actively ensure that my employers don't know my age, **for fear that** I will be passed over for funding* [COCA] (*Я внимательно слежу за тем, чтобы мои работодатели не знали моего возраста, из-за опасений, что меня не профинансируют*). *I'd refrained from advertising any more **for fear that** we would be overwhelmed* [BNC] (*Я воздерживался от дальнейшей рекламы, опасаясь, что мы будем перегружены*).

Таблица 3

Конструкции с союзом *for fear* (*that*)

Конструкция	**COCA**	**BNC**
for fear that * would	183	22
for fear that * will	112	12
for fear that * might	99	15
for fear that * Present Subjunctive	—	1
for fear that * Indicative mood	—	6
for fear that * could	—	3
for fear that * should	—	1
for fear that * may	—	1
for fear * would	442	33
for fear * might	234	29
for fear * will	223	13

CC BY

Как замечает Е. С. Петрова, «…за союзом *for fear that* обычно следует *might*, но та же самая идея может быть выражена при помощи союза *in case* и прошедшей формы в контекстах, отсылающих к прошлому» [Петрова, 2002, с. 66]. Однако данные американского корпуса демонстрируют, что модальный глагол *might* в придаточных цели, вводимых союзом ***for fear (that)***, встречается почти в два раза реже, чем *would*, в то время как в британском корпусе распределение предложений с модальными глаголами *might* и *would* практически одинаково: 22 вхождения с *would* и 15 вхождений с *might*.

В кругу союзов цели ***in order that*** чаще используется в публицистических и научных текстах (табл. 1). Статистические данные свидетельствуют о том, что предикат в придаточном предложении цели — составное модальное сказуемое с доминированием модальных глаголов *may* / *might* в американском варианте и *can* в британском варианте (табл. 4).

Таблица 4

Конструкции с союзом *in order that*

Конструкция	**COCA**	**BNC**
in order that * may	291	70
in order that * might	215	35
in order that * can	47	75
in order that * should	18	40

В придаточных цели значение модального глагола, с одной стороны, носит объективный характер (определенности / неопределенности действия; желательности действия); с другой стороны, в таких предложениях прослеживается оценка, то есть наличествует субъективная модальность. Обращает на себя внимание тот факт, что и в британском, и в американском варианте английского языка большинство вхождений с союзом ***in order that*** принадлежит текстам юридической тематики, союз также распространен в академическом английском: *It is highly important that we do develop further information of this type* ***in order that*** *we may completely discredit...* [COCA] (*Очень важно, чтобы мы обязательно получили дальнейшую информацию такого рода, для того, чтобы полностью дискредитировать…*). *…an appeal may be made* ***in order that*** *a higher court can review all the issues and make certain...* [BNC] (*…апелляция может быть подана для того, чтобы суд более высокой инстанции мог рассмотреть все вопросы и убедиться…*).

Согласно корпусным данным, в придаточных цели, вводимых союзом **in *the hope that***, сказуемое выражено формой изъявительного наклонения в будущем времени *will* или вспомогательным глаголом *would* (см. табл. 5).

CC BY

Союз ***in the hope that*** встречается преимущественно в академическом и новостном дискурсах: *…the outline given here sketches illustrative case studies* ***in the hope that*** *it will encourage further in-depth studies…* [COCA] (*…приведённый здесь очерк демонстрирует конкретные примеры в надежде, что он послужит стимулом для дальнейших углубленных исследований…*). *…and headed straight for the Abu Ghraib* ***in the hope that*** *her 59-year-old brother, a chemical engineer serving 30-year prison term, would be freed…* [BNC] (*…и направилась прямо в Абу-Грейб в надежде, что ее 59-летний брат, инженер-химик, отбывающий 30-летний срок заключения, будет освобожден…*).

Таблица 5

Конструкции с союзом *in the hope that*

Конструкция	COCA (1345)	BNC (444)
in the hope * will (the Indicative mood)	304	89
in the hope * would	242	95
in the hope * might	102	37
in the hope * can	74	—
in the hope * could	50	—

Союз ***to the end that*** характерен для текстов юридической и религиозной тематики в американском варианте английского языка: *the journal of the preceding day shall be read,* ***to the end that*** *any mistake may be corrected that shall have been made in the entries…* [COCA] (*…журнал, заполненный в предыдущий день, должен быть прочитан, чтобы можно было исправить любую ошибку, допущенную в записях…*). В британском корпусе союз ***to the end that*** представлен лишь тремя вхождениями (табл. 6), два из которых встречаются в произведении Эдит Парджетер «A Bloody Field by Shrewsbury»: *And* ***to the end that*** *you may deal for me without hindrance, to bring about this peace…* [BNC] (*И чтобы ты мог беспрепятственно действовать от моего имени с целью добиться мира…*).

Таблица 6

Конструкции с союзом *to the end that*

Конструкция	COCA	BNC
to the end that * may	23	2
to the end that * might	6	—

Самым распространенным союзом цели можно по праву считать союз ***so that*** (табл. 1). Анализ контекстов в обоих корпусах показывает, что этот

CC BY

союз чаще всего используется в инструкциях, научных текстах, художественных произведениях, новостном дискурсе.

Рассуждая о конструкциях со значением цели, М. Свон замечает: «*So that* вводит конструкции с модальными глаголами *can* или *will*; *may* звучит более формально… настоящих времен иногда используется для передачи событий в будущем» [Swan, 2009, p. 534]. Данные корпусного исследования показывают, что всё чаще после союза цели ***so that*** используются не только модальные глаголы, но и формы изъявительного наклонения (табл. 7).

Таблица 7

Конструкции с союзом *so that*

Конструкция	**COCA**	**BNC**
so that * can	13564	1840
so that * indicative mood	11588	1819
so that * could	7828	1180
so that * may	913	165
so that * might	815	76

Согласно результатам анализа контекстов, формы изъявительного наклонения используются для передачи событий в будущем: *It's about finding the right resonant frequencies, close enough to each other,* ***so that*** *you don't lose energy* [COCA] (*Речь идет о поиске правильных резонансных частот, достаточно близких друг к другу, чтобы не терять энергию*). *At the end of the month before this law goes into effect* ***so that*** *it is followed in a standard method*… [BNC] (*В конце месяца, до вступления в силу этого закона, чтобы он выполнялся стандартным способом...*).

3.2. Семантические особенности сложных предложений с придаточными цели

Основное значение сложных предложений с придаточными цели — это выражение целенаправленного, желательного следствия в результате активного действия [Глазунов, 2015, с. 120]. Изменения в значении сложных предложений с придаточными цели, зафиксированные в речи, обусловлены рядом причин: структурой главного и придаточного предложений, их порядком и лексическим наполнением, союзами, которые вносят дополнительные оттенки в значение цели.

Целевые конструкции подразделяются на собственно-целевые и несобственно- / аргументирующе-целевые [Современный…, 2019, с. 81]. К первой группе относятся предложения, в которых придаточное выражает цель действия, не осложненную дополнительными смысловыми

CC BY

оттенками. Для главного предложения характерна передача активного действия, причем значение активности не обязательно присуще содержащимся в нем языковым единицам, оно может быть контекстуально обусловленным: *A booster cushion raises a child up* ***so that*** *she can safely use an adult seat belt or a child harness; ...small business er, but highly profitable and er, it's a subscription business* ***so that*** *the cash comes in advance and er, the er, the only criticism…* [BNC] (*Подушка-бустер приподнимает ребенка, чтобы он мог безопасно использовать взрослый ремень безопасности или детские ремни; ...небольшой бизнес, но очень прибыльный, и э, это бизнес по подписке, так что деньги поступают заранее, и э, э, единственное нарекание...*). Во вторую группу включаются предложения, в которых желательный результат служит обоснованием необходимости предмета или действия, а также достаточности / недостаточности предмета или действия для получения результата: *Everything you need is available here from the tennis court which is floodlit at night* ***so that*** *you needn't play in the heat of the day, to the restaurants…* [BNC] (*Здесь есть все необходимое: теннисный корт, который освещается ночью, чтобы не играть в жару, и рестораны…*). В составе главного предложения аргументирующе-целевых конструкций, как правило, используется языковая единица со значением необходимости: *And that's something we* ***must*** *do before the next meeting* ***so that*** *I can answer the questions…*; *...we* ***need*** *to be developing a regeneration strategy for the county,* ***so that*** *bids to the government for funding from the regeneration budget… are seen against the background of a cohesive strategy…* [BNC] (*И это то, что мы должны сделать до следующей встречи, чтобы я мог ответить на вопросы…; …нам необходимо разработать стратегию восстановления округа, чтобы заявки правительству на финансирование из бюджета, предназначенного для восстановления…, рассматривались на фоне целостной стратегии…*).

Спорным следует считать вопрос о значении предложений, построенных по модели *enough… so that*. С одной стороны, в них содержится указание на достаточность средства для достижения цели: *…airlifts, which will soon be taking in* ***enough*** *seeds and tools for 50,000 families* ***so that*** *people can begin to help themselves* [BNC] (*...авиаперевозки, которые вскоре доставят достаточное количество семян и инструментов для 50 000 семей, чтобы люди могли обеспечивать себя сами*). Значение цели не вызывает сомнений: достаточно семян и инструментов — ***enough*** *seeds and tools* (для какой цели?), чтобы люди могли обеспечивать себя — ***so that*** *people can begin to help themselves*.

С другой стороны, рассматриваемые конструкции могут выражать условие (в главном предложении) и следствие (в придаточном предложении):

CC BY

The host software installs fast ***enough so that*** *FastPort is up and running on your Unix LAN in minutes* [BNC] (*Программное обеспечение хоста устанавливается достаточно быстро, поэтому FastPort может быть установлен и запущен в вашей локальной сети Unix в течение нескольких минут*). В приведенном примере придаточное предложение указывает на следствие достаточно быстрой установки программного обеспечения: оно начнет функционировать спустя несколько минут. Таким образом, рассуждая об аргументирующе-целевых предложениях со значением достаточности предмета или действия для достижения цели, следует отличать их от сложных предложений с придаточным следствия, которое может вводиться союзом ***so that***. Разграничение цели и следствия возможно благодаря трансформации в условную конструкцию: *If the host software installs fast enough, FastPort will be up and running on your Unix LAN in minutes* (*Если программное обеспечение хоста устанавливается достаточно быстро, FastPort будет запущен в вашей локальной сети Unix за считанные минуты*).

Придаточные предложения следствия необязательно строятся по модели *enough… so that*. В изученном материале нами обнаружены примеры, выражающие не условие, а общую тенденцию и ее следствие: *In the last year interest rates have fallen steadily* ***so that*** *they are now at their lowest level for nearly 25 years* [BNC] (*В течение последнего года процентные ставки неуклонно снижались, и сейчас они находятся на самом низком уровне за последние почти 25 лет*).

Среди сложных предложений с придаточным цели выделяется особая группа предложений антицели, в которых субъект действует неосознанно или вынужденно, в результате чего достигается цель, противоположная первоначальной: *They overtake you (pause) and then they slow right down* ***so that*** *you have to go oohooh and stop* [BNC] (*Они обгоняют вас (пауза), а затем замедляются так, что вам приходится охать и ахать и останавливаться*). М. В. Глазунов подчеркивает, что в таких предложениях вторая часть не выражает значение цели и отношения между главным и придаточным предложениями ближе к сочинительным, соединительным или противительным [Глазунов, 2015, с. 122]. Близким по значению к сложному предложению с придаточным антицели следует считать предложение со значением отвергнутой цели (термин А. К. Фёдорова), содержащее герундий: *And* ***instead of heading*** *north he simply went round and round in circles until he was found…* [BNC] (*И вместо того, чтобы идти на север, он просто ходил кругами, пока его не нашли...*).

В дополнение к перечисленным типам А. К. Фёдоров выделяет синкретичные сложные предложения с придаточным цели, характеризующиеся дополнительными смысловыми оттенками [Приводится по: Глазунов,

2015, с. 122]. В предложенной классификации предложений выделяются определительно-целевые (*Both pan supports are also vitreous enamelled, and designed* ***so that*** *it's easier to slide pans over them… / Обе опоры для сковородок также покрыты стекловидной эмалью и сконструированы таким образом, чтобы облегчить скольжение сковородок по ним...*), определительно-изъяснительно-целевые (*…they will be looking for is that everything from that date forward is complying right* ***so that*** *a job that started before then, they won't look for the initial… / …они будут следить за тем, чтобы всё, начиная с этой даты, соответствовало требованиям, так что на работу, начатую до этого момента, они не будут обращать внимания...*), условно-целевые (*I think at the same time if people want to look at the structure* ***so that*** *they have a complete view of the structural organization… / В то же время я думаю, что если люди захотят взглянуть на структуру, чтобы иметь полное представление о структурной организации…*) и причинно-целевые конструкции (*I've got a Mercury account at home and I've got it set up* ***so that*** *after the Mercury number you type in a user code, and one of… / У меня дома есть учетная запись Mercury, и я настроил ее так, что после номера Mercury вы вводите код пользователя и один из…*).

Поскольку союз ***so that*** используется наиболее часто в сложноподчинённых предложениях цели, мы проанализировали контексты с ним в британском и американском вариантах и получили следующие показатели (табл. 8):

Таблица 8

Типы придаточных предложений со значением цели, вводящиеся союзом *so that*

Придаточные предложения со значением цели	**COCA**					**BNC**				
	so that* can	**so that* indicative mood**	**so that* could**	**so that* might**	**so that* may**	**so that* can**	**so that* indicative mood**	***so that* could***	***so that* might***	***so that* may***
собственно-целевые придаточные	7360	5931	1278	101	171	405	556	480	29	57
аргументирующе-целевые придаточные	1805	2381	4560	438	402	679	510	305	37	68
придаточные антицели	124	56	98	52	39	26	16	48	-	-
синкретичные придаточные	4275	3220	1892	224	301	730	737	347	10	40

CC BY

Мы можем констатировать относительную легкость разграничения собственно-целевых и аргументирующе-целевых сложных предложений с придаточным цели. Наиболее сложным пунктом классификации представляется выделение синкретичных конструкций, так как само понятие синкретизма подразумевает сочетание разнородных элементов в одной системе.

Анализ контекстов показал, что в британском сегменте наиболее многочисленной является группа синкретичных придаточных цели с дополнительными оттенками значений, тогда как в американском сегменте группа собственно-целевых придаточных значительно превосходит другие группы. Согласно полученным данным, модальные глаголы *might, may* и *could* используются преимущественно в аргументирующе-целевых придаточных в американском варианте и более равномерно распределяются по группам придаточных в британском варианте. Использование сослагательного наклонения и модального глагола *can* значимо для обоих вариантов, однако указанные формы наиболее частотны в собственно-целевых придаточных в американском варианте и синкретичных придаточных в британском варианте.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило нам сделать ряд выводов:

1. Согласно корпусным данным, наиболее частотным союзом, вводящим придаточные предложения цели, признаётся союз ***so that***, причем утверждение справедливо и для британского, и для американского вариантов. Однако мы наблюдаем отличия в сферах употребления: ***so that*** насчитывает наибольшее количество употреблений в устных контекстах, представленных в COCA; ***so that*** наиболее употребителен в художественных контекстах, представленных в BNC.

2. Союзы ***lest, in order that, for fear that, in the hope that, to the end that*** стилистически маркированы, они демонстрируют существенные отличия в сферах употребления, вводят конструкции с разнообразными модальными глаголами. В американском английском ***lest*** наиболее употребителен в публицистических контекстах, ***in order that*** и ***to the end that*** — в научных контекстах, ***for fear that*** и ***in the hope that*** — в публицистических контекстах. В британском английском ***lest*** наиболее употребителен в художественных контекстах, ***in order that*** и ***for fear that*** — в научных контекстах, ***in the hope that*** и ***to the end that*** — в художественных контекстах. Мало прогнозируемым считаем вывод об использовании союза ***for fear that*** в британских научных контекстах, так как традиционно считается, что экспрессивность не типична для научного стиля изложения.

3. Полученные данные свидетельствуют о широком использовании Present Subjunctive в обоих рассматриваемых вариантах, предположительно вследствие однозначного толкования формы.

4. Разделение придаточных предложений с союзом ***so that*** на собственно-целевые, аргументирующе-целевые, синкретические и предложения антицели позволило установить, что в американском варианте преимущественно встречаются собственно-целевые придаточные, а в британском варианте преобладают синкретичные придаточные, указывающие на сопутствующие обстоятельства в достижении цели. Использование форм Present Subjunctive и модального глагола *can* характерно для собственно-целевых придаточных в американском варианте и синкретичных придаточных в британском варианте. Модальные глаголы *could, may, might* частотны в аргументирующе-целевых конструкциях в американском варианте и равномерно распределяются в аргументирующе-целевом и синкретичном типах целевых конструкций в британском варианте. Можно предполагать, что широкая употребительность модальных глаголов в аргументирующе-целевых конструкциях обусловлена тем, что желательный результат обосновывает необходимость или обязательность того или иного действия.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : https://www.english-corpora.org/bnc/ (accessed 16.01.2023).

2. COCA — *Corpus* of Contemporary American English [Electronic resource]. — Access mode : http://www.ruscorpora.ru (accessed 13.02.2023).

Литература

1. *Акимова Э. Н.* Категория обусловленности : статус, состав, уровни реализации / Э. Н. Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2012. — № 1 (15). — С. 250—254.

2. *Аксенова Д. А.* Сопоставительный анализ способов выражения цели в русском и английском языках / Д. А. Аксенова // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 8. — № 6—2. — С. 11—16. — DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-11-16.

3. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. — Москва : Эдиториал УРСС, 2016. — 208 с. — ISBN 5-354-00347-4.

4. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. — Москва : КДУ Университетская книга, 2023. — 862 с. — ISBN 5-7913-0035-2.

CC BY

5. *Глазунов М. В.* Семантические разновидности сложных предложений с придаточными цели / М. В. Глазунов // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2015. — № 6 (69). — С. 120—123.

6. *Дружинина С. И.* Сложноподчиненные предложения обусловленности : виды и разновидности / С. И. Дружинина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 26. — С. 30—37.

7. *Книга* о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2018. — 752 с. — ISBN 978-5-86547-967-3.

8. *Коммуникативная* грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — Москва : Азбуковник, 2019. — 524 с. — ISBN 978-5-91172-188-6.

9. *Копров В. Ю.* Семантико-функциональная грамматика в современной лингвистике и практике преподавания языков как иностранных / В. Ю. Копров // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова (Воронежский государственный университет, 21—22 октября 2016 г.). — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — С. 6—15. — ISBN 978-5-9765-2474-3.

10. *Петрова Е. С.* Сложное предложение в английском языке. Варианты формы, значения и употребления : Учебное пособие / Е. С. Петрова. — Москва : ГИС ; Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 136 с. — ISBN 5-288-01853-7.

11. *Прибыток И. И.* Основы синтаксиса английского языка : учеб. пособие / И. И. Прибыток. — 3-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2019. — 448 с. — ISBN 978-5-9765-2125-4.

12. *Самарина Н. В.* Функционально семантическое поле как объект изучения в современной грамматике / Н. В. Самарина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2012. — № 1. — С. 273—277.

13. *Слюсарева Н. А.* Синтаксис и морфология в свете функционального подхода / Н. А. Слюсарева // Филологические науки. — 1984. — № 5. — С. 36—41.

14. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : Издательство Эдиториал URSS, 2019. — 294 с. — ISBN 978-5-397-00832-7.

15. *Современный* русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — Москва : Альянс, 2021. — 926 с.

16. *Halliday M. A. K.* Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — London : Routledge, 2014. — 394 p.

17. *Lloyd Ch. A.* Is the Subjunctive Dying? / Ch. A. Lloyd // The English Journal. — 1937. — Vol. 26. — № 5. — Pp. 369—73.

18. *Nissenbaum J.* States, events and VP structure : evidence from purposive adjuncts [Electronic resource] / J. Nissenbaum // North East Linguistic Society (NELS 36), University of Massachusetts, Amherst, October 28—30, 2005. — Access mode : http://userhome.brooklyn.cuny.edu/jnissenbaum/Research/files/h2005-PurposeClause-VP-structure-NELS.pdf (accessed 20.05.2023).

19. *Parrott M.* Grammar for English Language Teachers / M. Parrott. — Cambridge : CUP, 2010. — 477 p. — ISBN 0521885051.

20. *Robertson S.* British-American Differentiations in Syntax and Idiom / S. Robertson // American Speech. — 1939. — Vol. 14. — № 4. — Pp. 43—54.

21. *Swan M.* Practical English Usage / M. Swan. — Oxford : OUP, 2009. — 653 p.

22. *The Cambridge* handbook of Systemic Functional Lingusitics. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 836 p. — ISBN 9781316337936.

23. *Zamel V.* The composing processes of advanced ESL students : six case studies / V. Zamel // TESOL, Quarterly. — 1983. — № 17. — Pp. 165—187.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 22.09.2023.

Material resources

BNC — *British National Corpus.* Available at: https://www.english-corpora.org/bnc/ (accessed 16.01.2023).

COCA — *Corpus of Contemporary American English.* Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 13.02.2023).

References

A book about grammar. For teachers of Russian as a foreign language. (2018). St. Petersburg: Zlatoust. 752 p. ISBN 978-5-86547-967-3. (In Russ.).

Akimova, E. N. (2012). Category of conditionality: status, composition, levels of implementation. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 1 (15):* 250—254. (In Russ.).

Aksenova, D. A. (2017). Comparative analysis of ways of expressing goals in Russian and English. *Modern studies of social problems, 8 (6—2):* 11—16. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-11-16. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (2016). *Principles of functional grammar and questions of aspectology.* Moscow: Editorial URSS. 208 p. ISBN 5-354-00347-4. (In Russ.).

Communicative grammar of the Russian language. (2019). Moscow: Azbukovnik Publishing Center LLC. 524 p. ISBN 978-5-91172-188-6. (In Russ.).

Druzhinina, S. I. (2008). Compound sentences of conditionality: types and varieties. *Bulletin of Chelyabinsk State University, 26:* 30—37. (In Russ.).

Gak, V. G. (2023). *Theoretical grammar of the French language.* Moscow: KDU University Book. 862 p. ISBN 5-7913-0035-2. (In Russ.).

Glazunov, M. V. (2015). Semantic varieties of complex sentences with subordinate objectives. *Scientific notes of the Oryol State University, 6 (69):* 120—123. (In Russ.).

Halliday, M. A. K., Hasan, R. (2014). *Cohesion in English.* London: Routledge. 394 p.

Koprov, V. Yu. (2016). Semantic-functional grammar in modern linguistics and the practice of teaching languages as foreign languages. In: *Semantic-functional grammar in linguistics and linguodidactics: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Methodological conference with international participation dedicated to the 65th anniversary of Viktor Yuryevich Koprov (Voronezh State University, October 21—22, 2016.* Voronezh: NAUKA-UNIPRESS Publishing House. 6—15. ISBN 978-5-9765-2474-3. (In Russ.).

Lloyd, Ch. A. (1937). Is the Subjunctive Dying? *The English Journal, 26 (5):* 369—73.

Beloshapkova, V. A. (2021). *Modern Russian language.* Moscow: Alliance. 926 p. (In Russ.).

Nissenbaum, J. (2005). States, events and VP structure: evidence from purposive adjuncts. *North East Linguistic Society (NELS 36), University of Massachusetts, Amherst, October 28—30.* Available at: http://userhome.brooklyn.cuny.edu/jnissenbaum/Research/files/h2005-PurposeClause-VP-structure-NELS.pdf (accessed 20.05.2023).

Parrott, M. (2010). *Grammar for English Language Teachers.* Cambridge: CUP. 477 p. ISBN 0521885051.

Petrova, E. S. (2002). *A complex sentence in English. Variants of form, meaning and usage: Textbook.* Moscow: GIS; St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 136 p. ISBN 5-288-01853-7. (In Russ.).

Pripytok, I. I. (2019). *Fundamentals of the syntax of the English language: textbook. The manual.* Moscow: FLINT. 448 p. ISBN 978-5-9765-2125-4. (In Russ.).

Robertson, S. (1939). British-American Differentiations in Syntax and Idiom. *American Speech, 14 (4):* 43—54.

Samarina, N. V. (2012). Functional semantic field as an object of study in modern grammar. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 1:* 273—277. (In Russ.).

Slyusareva, N. A. (1984). Syntax and morphology in the light of a functional approach. *Philological Sciences, 5:* 36—41. (In Russ.).

Smirnitsky, A. I. (2019). *Syntax of the English language.* Moscow: URSS Editorial Publishing House. 294 p. ISBN 978-5-397-00832-7. (In Russ.).

Swan, M. (2009). *Practical English Usage.* Oxford: OUP. 653 p.

The Cambridge handbook of Systemic Functional Lingusitics. (2019). Cambridge: Cambridge University Press. 836 p. ISBN 9781316337936.

Zamel, V. (1983). The composing processes of advanced ESL students: six case studies. *TESOL, Quarterly, 17:* 165—187.

The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 22.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тельпов Р. Е. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте / Р. Е. Тельпов, С. В. Ларцина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 47—65. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65.

Telpov, R. E., Lartsina, S. V. (2023). Typological Differences of Natural and Neural Network-Generated Texts in a Quantitative Aspect. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 47-65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65

Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте

Тельпов Роман Евгеньевич *
orcid.org/0000-0001-9130-2941
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания,
**** корреспондирующий автор***
roman-tel-pov@yandex.ru

Ларцина Станислава Витальевна
orcid.org/0009-0008-8347-9710
магистрант, кафедра общего и русского языкознания
stasya-200@list.ru

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)

Typological Differences of Natural and Neural Network-Generated Texts in a Quantitative Aspect

Roman E. Telpov *
orcid.org/0000-0001-9130-2941
PhD in Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics,
**** Corresponding author***
roman-tel-pov@yandex.ru

Stanislava V. Lartsina
orcid.org/0009-0008-8347-9710
Master's degree student, Department of General and Russian Linguistics
stasya-200@list.ru

Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)

© Тельпов Р. Е., Ларцина С. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы статьи выявляют отличительные черты в текстах, написанных людьми, и в текстах, созданных нейросетью GPT-3. Тексты, сгенерированные GPT-3, еще не становились предметом систематического углубленного изучения. Рассмотрено 160 текстов, распределенных по четырем темам («Высшее образование в моих глазах», «Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях?», «Как я провёл лето?», «Педагог года»), 80 из которых созданы нейросетью, а 80 — людьми. Тексты проанализированы с использованием методов квантитативной лингвистики. К каждому из текстов при помощи программы AntConc составлен конкорданс, из которого были получены количественные значения, используемые для дальнейшего анализа. Сделаны следующие выводы: (1) в сгенерированных текстах слова, включённые в заголовок, встречаются с наибольшей частотностью; (2) относительная частота употребления слов, включённых в заголовок, нецелесообразно завышена; (3) в список 20-ти самых частотных слов во всех сгенерированных текстах входит наибольшее количество полнозначных слов; (4) коэффициент лексического разнообразия в естественных текстах значительно выше, нежели у сгенерированных. Результаты исследования могут быть полезны как преподавателям, так и специалистам в области машинного обучения.

Ключевые слова:
искусственный интеллект; чат-бот; нейросеть; квантитативная лингвистика; сгенерированный текст; лемма; конкорданс; коэффициент лексического разнообразия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors of this article identify distinctive features in texts written by humans and texts generated by the GPT-3 neural network. Texts generated by GPT-3 have not yet been subject to systematic in-depth study. In total, 160 texts were analyzed in the article, distributed across four topics (“Higher Education in My Eyes,” “How to Remain Human in Inhuman Conditions,” “How I Spent the Summer,” “Teacher of the Year”), with 80 texts generated by the neural network and 80 texts written by humans. The texts were analyzed using quantitative linguistic methods. A concordance was compiled for each text using the AntConc program, from which quantitative values were obtained for further analysis. The authors reached the following conclusions: (1) in the generated texts, words included in the title occur with the highest frequency; (2) the relative frequency of words included in the title is unreasonably inflated; (3) the list of the 20 most frequent words in all generated texts includes the highest number of full-fledged words; (4) the lexical diversity coefficient in the examined natural texts is significantly higher than that of the generated texts. The findings of this research can be useful for both educators and machine learning specialists.

Key words:
artificial intelligence; chatbot; neural network; quantitative linguistics; generated text; lemma; concordance; lexical diversity coefficient.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42:004.89

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте

© Тельпов Р. Е., Ларцина С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Сегодня стремительно развиваются компьютерные технологии, и связано это, прежде всего, с разработкой новейших нейронных сетей. Одно из определений этого понятия может звучать следующим образом: ***нейронные сети*** — это «искусственные, многослойные, высокопараллельные логические структуры, составленные из формальных нейронов» [Галушкин, 2023], где ***нейрон*** — это «вычислительный элемент, каждый из которых имеет несколько входов-синапсов и один выход-аксон» [Бурнашев и др., с. 259]. Нейронные сети активно применяются для решения широкого ряда лингвистических задач: анализ настроений (Sentiment Analysis), распознавание речи (Speech Recognition), информационный поиск (Data Searching), машинный перевод (Machine Translation) и иные, объединяемые междисциплинарным направлением, интегрирующим достижения машинного обучения и лингвистики, — ***Natural Language Processing*** (NLP).

Одна из областей приложения NLP — генерация текста, и с этой задачей на данный момент лучше всего справляется разработанная американской компанией OpenAI нейросеть ChatGPT, стабильная версия которой была опубликована в открытом доступе 23 марта 2023 года. Полное название — Generative Pre-trained Transformer — означает, что нейросеть состоит из трансформаторов нескольких уровней, которые обрабатывают естественные тексты и генерируют на их основе когерентные выходные данные. Для непрерывного обучения и развития ChatGPT использует «огромные массивы текстовых данных» [Dinesh et al, p. 828], находящихся в свободном доступе в сети Интернет, а также данные, получаемые в ходе взаимодействия с пользователем. Версия ChatGPT 3 имеет доступ только к информации до 2021 года, но, по словам разработчиков, следующая версия Chat GPT 4, которая на данный момент недоступна для бесплатного пользования, сможет обращаться к данным из сети Интернет напрямую, тем самым актуальность генерируемых нейронной сетью текстов в значительной мере возрастёт.

Благодаря постоянному обучению, ChatGPT может изображать чью-либо манеру письма (в ответ на запросы от пользователей «перепиши

CC BY

текст на древнерусском», «напиши это же, но понятнее», «представь это в стихах» нейросеть обрабатывает входные данные и изменяет их с учётом запроса). Тем не менее истинность выдаваемых результатов всегда следует ставить под сомнение и в дальнейшим перепроверять. Сегодня ChatGPT позволяет генерировать уникальные тексты по запросу в кратчайшие сроки — от нескольких секунд до нескольких минут, — из-за чего возможно широкое распространение в сети Интернет речевых произведений, созданных с помощью нейросети. Вследствие этого перед обществом встала проблема разграничения сгенерированных текстов и естественных.

На момент проведения исследования поискам типовых различий в естественных и сгенерированных текстах посвящено незначительное количество зарубежных работ. Это труды А. Кохен, Р. Мантенья и Ш. Хавлина [Cohen et al, 2022], которые также производили статистический анализ, но при анализе частотности опирались на *закон Ципфа* и *энтропию Шеннона*. Они пришли к выводу, что для более успешного различения авторства ИИ и человека необходимо использовать обратный закон Ципфа. В русскоязычном научном пространстве также присутствуют исследования на эту тему, представленные в статье-обзоре А. Ю. Красноярова, М. А. Аргузовой, Ж. А. Хужамурадова и С. Р. Рахимова [Речевое творчество …, 2022], но в них не указаны какие-либо статистические данные. При этом не обнаружены работы, в которых были бы рассмотрены тексты, сгенерированные ChatGPT 3. Вследствие революционной производительности чат-бота возможно утверждать, что тексты, сгенерированные им по пользовательским запросам (чаще всего при работе с чат-ботами применяют лексему *промт*, от англ. *Promt* — запрашивать, запрос), на порядок качественнее текстов, которые могли бы создать все предшествующие нейронные сети. Продолжение начатых научных изысканий на обозначенную тему обусловливает ***актуальность исследования***.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящего исследования — с помощью разнообразных методов квантитативной лингвистики установить типовые отличия между текстами, созданными нейронной сетью, и текстами, сотворёнными людьми. В качестве ***материала*** исследования выступили 80 текстов, написанных людьми и размещённых в свободном доступе, на ряд тем (*«Высшее образование в моих глазах»*, *«Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях?»*, *«Как я провёл лето?»*, *«Эссе для профессионального конкурса «Педагог года»* — по 20 текстов на каждую тему), а также 80 текстов, сгенерированных с помощью чат-бота GPT 3 на аналогичные темы.

CC BY

Так как дальнейший анализ предполагает работу с количественными данными разнообразных текстов, следует предварить основную часть статьи необходимым замечанием: все рассматриваемые в настоящем исследовании образцы состоят из 500 и более знаменательных слов. Советский лингвист Б. Н. Головин, являющийся первым теоретиком направления, рассматривающего язык с точки зрения статистики, анализировал в своих работах выборки (другое название — пробы) размером именно 500 и более знаменательных слов. Количество выборок каждого текста — 20, так как именно такой минимальный объём текстов позволяет получить надёжные результаты. При меньшем их количестве полученные данные могут быть нерелевантными («увеличение числа выборок… увеличит и надёжность результатов» [Головин, 1970, с. 65]).

Для автоматического сравнения текстов, созданных нейронной сетью, и текстов, написанных людьми, была использована программа для составления конкордансов — AntConc [Anthony, 2023]. Помимо возможности извлечь из текста всю употребляемую лексику и автоматически подсчитать частотность всех используемых слов, приложение также обладает рядом полезных для исследования инструментов. Например, во избежание случаев, когда словоформы одного слова — *стол, стола, столу* — понимаются автоматическим обработчиком как три разных лексемы, текст был предварительно лемматизирован с помощью морфологического анализатора MyStem (версия 3.1).

В целях осуществления квантитативного сравнительного анализа текстов, сгенерированных нейросетью и написанных людьми, были использованы следующие статистические меры:

1) TF-IDF (Term Frequency — Inverse Document Frequency)

Мера TF позволяет рассчитать периодичность использования какого-либо слова в тексте. Она рассчитывается по следующей формуле:

1) $\mathbf{TF(t,d) = \frac{n_t}{\Sigma_k n_k}}$, где:

n_t – сумма всех ключевых слов, частоту употребления которых мы вычисляем, а $\sum_k n_k$ — сумма слов во всех выборках. Вторую часть — IDF — применять для сравнения двух выборок в нашем случае нецелесообразно ввиду того, что значение IDF всегда будет равно нулю, так как формула сведётся к 0 в любом случае (это связано с тем, что все рассматриваемые ключевые слова наличествуют в каждом тексте):

2) $idf(t, D) = \log \frac{|D|}{|\{d_i \in D \mid t \in d_i\}|}$; $idf(t, D) = \log \frac{20}{20}$;

$idf(t, D) = \log 1 = 0$

CC BY

Тогда при дальнейшем умножении TF и IDF, чего требует статистическая мера, произведение всегда будет равняться нулю. Это означает, что значимость рассматриваемого ряда ключевых слов, которые встречаются в каждом тексте выборки, для всей совокупности текстов в целом невелика.

2) TTR (Type-Token Ratio)

Стандартное значение TTR вычисляется согласно следующей формуле:

3) $TTR = \frac{Nlex}{N}$,

где *Nlex* — это количество уникальных лексем, а *N* — это общее количество всех словоформ в тексте.

С применением этой формулы связано множество дискуссий. Дело в том, что с увеличением количества употребляемых в тексте словоформ общая лексическая уникальность текста уменьшается. Многие исследователи предпринимали попытки расширить формулу, вводили дополнительные переменные и / или алгебраические операции (логарифмы, корни, возведение в квадрат), тем самым утяжеляя процесс вычисления. Одна из усовершенствованных вариаций расчёта TTR, при этом не требующая глубоких математических знаний, — это *индекс Мааса* (от англ. *Maas` index*), вычисляемый следующим образом:

4) $a^2 = \frac{\log N - \log V}{\log N}$,

где log N — это логарифм к общему количеству словоформ во всём тексте, log V — это логарифм к количеству уникальных лексем. Важная в рамках этого исследования особенность индекса Мааса заключается в том, что данный показатель «независим от длины текста для… письменных жанров» [Захарова, 2020, с. 25].

Для достоверности исследования мы применили ещё две наиболее известные и вызывающие одобрение у исследователей [McCarthy et al, 2007, 2010] формулы расчёта TTR, но теперь такие, которые вычисляются автоматически ввиду необходимости учёта большого количества переменных. Первая из них, к которой мы обратимся, — MTLD (от англ. *The Measure of textual lexical diversity*). Ещё одна метрика, которая была разработана в трудах современных исследователей, — vocd-D (от англ. *Vocabulary diversity*). Vocd-D особо чувствительна к размеру текста. В основе её работы лежит понятие гипергеометрического распределения (hypergeometric distribution) из области теории вероятности. В настоящем исследовании была использована работающая схожим образом метрика, которая компенсирует недостатки (чувстви-

CC BY

тельность к размеру текста) Vocd-D, — HD-D (от англ. *Hypergeometric distribution D*).

Для выявления коэффициента лексического разнообразия с помощью мер MTLD и HD-D существует ряд свободно распространяемых библиотек для Python. Нами была выбрана библиотека lexical diversity 0.1.1, разработанная и опубликованная в 2020 году Кристофером Кайлом. Им также был рассмотрен параметр лексического разнообразия [Zenker, 2021].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Распределение частотных слов в выборках естественных и сгенерированных текстов

Прежде чем сравнивать значения вышеупомянутых статистических мер (TF-IDF, TTR), необходимо обратить внимание на то, как именно распределены самые частотные слова в выборках естественных и сгенерированных текстов на каждую из тем.

С помощью программы AntConc были получены первые двадцать самых часто употребляемых слов для совокупности каждой группы текстов. Результаты представлены ниже (рис. 1, рис. 2, рис. 3, рис. 4).

	Type	Rank	Freq
1	и	1	689
2	в	2	473
3	образование	3	422
4	высокий	4	376
5	для	5	179
6	что	6	170
7	свой	7	162
8	это	8	153
9	на	9	148
10	мочь	10	136
11	который	11	133
12	не	12	132
13	я	13	130
14	возможность	14	129
15	жизнь	15	126
16	человек	16	117
17	знание	17	103
18	то	18	102
19	быть	19	94
20	получать	20	88

	Type	Rank	Freq
1	в	1	610
2	и	2	607
3	не	3	266
4	образование	4	256
5	на	5	239
6	что	6	226
7	я	7	197
8	высокий	8	186
9	быть	9	165
10	это	10	148
11	который	11	142
12	то	12	138
13	человек	13	128
14	с	14	116
15	свой	15	112
16	а	16	108
17	этот	17	106
18	как	18	103
19	для	19	101
20	но	20	99

Рис. 1. Самые частотные слова в сгенерированных (слева) и естественных (справа) текстах на тему «Высшее образование в моих глазах»

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

	Type	Rank	Freq
1	и	1	671
2	в	2	565
3	мы	3	320
4	свой	4	312
5	человек	5	279
6	условие	6	240
7	сохранять	7	233
8	мочь	8	206
9	это	9	187
10	не	10	185
11	что	11	181
12	наш	12	138
13	быть	13	137
14	на	13	137
15	ситуация	15	134
16	который	16	131
17	то	17	129
18	человеческий	18	122
19	оставаться	19	118
20	человечность	20	111

	Type	Rank	Freq
1	в	1	644
2	и	2	630
3	человек	3	397
4	не	4	254
5	что	5	252
6	быть	6	249
7	жизнь	7	207
8	он	8	205
9	на	9	181
10	который	10	171
11	свой	11	166
12	с	12	136
13	к	13	135
14	это	14	128
15	как	15	127
16	мочь	16	122
17	они	17	121
18	то	18	106
19	этот	19	104
20	весь	20	98

Рис. 2. Самые частотные слова в сгенерированных (слева) и естественных (справа) текстах на тему «Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях»

	Type	Rank	Freq
1	и	1	803
2	я	2	748
3	в	3	380
4	на	4	251
5	лето	5	221
6	быть	6	214
7	новый	7	185
8	с	8	156
9	свой	9	153
10	что	10	138
11	мы	11	133
12	проводить	12	131
13	время	13	122
14	мой	14	115
15	этот	15	105
16	это	16	99
17	не	17	97
18	для	18	94
19	много	19	93
20	который	20	83

	Type	Rank	Freq
1	и	1	752
2	в	2	709
3	мы	3	455
4	я	4	448
5	на	5	431
6	быть	6	300
7	с	7	264
8	не	8	263
9	что	9	219
10	этот	10	208
11	это	11	172
12	а	12	161
13	по	13	142
14	то	14	134
15	но	15	130
16	который	16	120
17	как	17	119
18	очень	17	119
19	лето	19	116
20	у	20	107

Рис. 3. Самые частотные слова в сгенерированных (слева) и естественных (справа) текстах на тему «Как я провёл лето»

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

	Type	Rank	Freq
1	и	1	715
2	я	2	362
3	в	3	321
4	свой	4	262
5	ученик	5	231
6	что	6	228
7	педагог	7	207
8	быть	8	206
9	учитель	9	196
10	год	10	183
11	это	11	176
12	не	12	153
13	работа	13	136
14	который	14	128
15	наш	15	127
16	для	16	124
17	каждый	17	115
18	к	18	112
19	на	18	112
20	но	20	111

	Type	Rank	Freq
1	и	1	949
2	в	2	672
3	я	3	659
4	учитель	4	338
5	не	5	334
6	свой	6	325
7	что	7	323
8	быть	8	294
9	на	9	284
10	ребенок	10	263
11	с	11	238
12	мой	12	235
13	это	13	232
14	они	14	211
15	к	15	184
16	как	16	180
17	а	17	175
18	то	18	172
19	он	19	165
20	ученик	20	157

Рис. 4. Самые частотные слова в сгенерированных (слева) и естественных (справа) текстах на тему «Педагог года»

При анализе обращать внимание необходимо именно на знаменательные слова, так как во всех текстах служебные слова обладают наибольшими показателями частотности, но при этом они не несут никакого самостоятельного значения и не влияют на результаты анализа. Как было упомянуто ранее, Б. Н. Головин при статистических исследованиях использовал выборки именно знаменательных слов [Головин, 1970].

В совокупности текстов на тему «Высшее образование в моих глазах» (рис. 1) в сгенерированных текстах слова *образование* и *высокий* занимают позиции 3 и 4 соответственно, в естественных — 4 и 8. Слово *образование* в естественных текстах встречается 256 раз, а в сгенерированных — 422, что чуть более чем в полтора раза больше (~ 1,65). *Высокий* встречается в текстах нейронной сети 376 раз, а в написанных людьми — всего лишь 186, что уже в два раза меньше.

В сгенерированных текстах на тему «Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях» в двадцать наиболее частотных слов входят следующие единицы, включённые в заголовок: *человек* (позиция 5), *условие* (позиция 6), *оставаться* (позиция 19). В естественных текстах в число двадцати наиболее употребительных слов вошло единственное заголовочное слово — *человек*, которое занимает позицию под номером 3, что даже выше, чем в созданных нейросетью речевых произведениях.

CC BY

В текстах на тему «Как я провёл лето» включённая в заголовок лексическая единица *лето* занимает позицию 5 в сгенерированных текстах и 19 — в естественных. При этом слово *проводить* в написанных людьми текстах встречается гораздо реже и не входит в список двадцати самых употребительных слов, а в текстах ChatGPT занимает 12-ю позицию по количеству словоупотреблений.

Примечательна последняя выборка текстов на тему «Педагог года». Оба слова, входящих в заголовок, входят в список двадцати наиболее употребительных — *педагог* (позиция 7) и *год* (10), при этом в естественных текстах они встречаются очень редко. В отличие от рассмотренного ранее, здесь в список самых частотных слов в текстах нейронной сети включён *ученик* (позиция 5) и синоним *педагога* — *учитель* (позиция 9). В естественных текстах указанные слова занимают иные позиции (*учитель* — 4, *ученик* — 20). На 10-й позиции находится слово *ребёнок*, которое является контекстуальным синонимом к слову *ученик*.

Из всех рассмотренных случаев только в двух группах текстов наблюдается высокая частотность употребления слов, включённых в заголовок, в естественных текстах в сравнении со сгенерированными. В текстах на тему «Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях» слово *человек* (397 в естественных текстах против 279 в сгенерированных), а также слова *учитель* (употребляется чаще, чем аналогичное слово в текстах ChatGPT, а также синоним *педагог*) и *ребёнок* (употребляется чаще, чем контекстуальный синоним *ученик*, но само слово *ученик* в естественных текстах занимает последнюю позицию). Подобные исключения объясняются тем, что авторы используют различные средства художественной выразительности. В частности, используются намеренные повторы, а также риторические вопросы, восклицания, намеренное использование коротких предложений, ярко выделяющихся на фоне длинных. К примеру, отрывок из эссе на тему «Педагог года» выглядит следующим образом:

«*Шагнув вперёд, я размышляю: Счастливый ли я человек? Я* ***учитель****!* ***Учитель*** *— необыкновенный человек, в котором должны присутствовать сразу два противоположных качества: доброта и строгость. В их разумном сочетании и заключается мудрость* ***учителя****.* ***Учитель*** *учит детей, а дети, в свою очередь, —* ***учителя***» (эссе «Я — Учитель — логопед!», Цыбенова Туяна Валерьевна).

В данном контексте слово *учитель* употребляется 5 раз в одном абзаце, чтобы подчеркнуть индивидуальную значимость профессии для педагога. Рассмотрим пример того, как в тексте ChatGPT употребляется наиболее частотное полнозначное слово *ученик*.

CC BY

«*Мы должны быть гордыми учителями, любящими свою работу и помнящими о своей ответственности перед* ***учениками*** *и обществом. Стать "Педагогом года" — это значит, быть лучшим примером для коллег, для* ***учеников*** *и для общества в целом. Но это также означает, что мы должны постоянно развиваться, улучшаться и творить что-то новое, что было бы полезно и интересно для наших* ***учеников***».

В абзаце слово *ученик* употреблено три раза, но при этом в приведённом отрывке отсутствуют какие-либо заметные средства художественной выразительности. Подобные повторы означают, что нейронная сесть на текущем этапе развития испытывает затруднения, приводящие к тавтологии.

При анализе четырёх групп текстов из двадцати наиболее частотных слов, мы обращали внимание на полнозначные слова, включённые в заголовок текстов. Если перечислить все такие слова, то можно получить следующий список:

Сгенерированные тексты:

1. Высшее образование в моих глазах.

Образование, высокий, мочь, возможность, жизнь, человек, знание, быть, получать.

2. Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях?

Человек, условие, сохранять, мочь, быть, ситуация, человеческий, оставаться, человечность.

3. Как я провёл лето?

Лето, быть, новый, проводить, время, много.

4. Педагог года.

Ученик, педагог, быть, учитель, год, работа, каждый.

Естественные тексты:

1. Высшее образование в моих глазах.

Образование, высокий, быть, человек.

2. Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях?

Человек, быть, жизнь, мочь.

3. Как я провёл лето?

Быть, очень, лето.

4. Педагог года.

Учитель, быть, ребёнок, ученик.

На основе рассмотренного выше можно прийти к следующему выводу: и в естественных, и в сгенерированных текстах включённые в заголовок полнозначные слова встречаются с преобладающей частотностью. При этом в большинстве случаев в частотном списке присутствует разное количество слов с самостоятельным значением. В сгенерированных тек-

CC BY

стах перечень подобных лексем приблизительно в два раза выше, нежели в естественных.

Для более точной оценки количественного варьирования в употреблении включённых в заголовок слов в настоящем исследовании была использована статистическая мера TF-IDF.

3.2. Статистическая оценка количественного варьирования в употреблении включённых в заголовок слов

В предыдущем параграфе внимание было уделено преимущественно тому, какие слова содержатся в списке двадцати наиболее частотных слов. Было упомянуто, что в сгенерированных текстах ряд лексем употреблён чаще (например, слово *образование* встречается 422 раза в текстах нейросети и 256 — в авторских), но подобные наблюдения позволяют судить лишь о том, какие слова встречаются чаще, а какие — реже.

Для того чтобы проанализировать количественное расхождение в употреблении слов, включённых в заголовок, мы обратились к статистической мере TF-IDF, которая позволила математически оценить наблюдаемую разницу. Были рассмотрены слова, включённые в заголовок, которые можно назвать ключевыми, так как они полностью отражают тему представленных текстов.

Статистическую меру TF обычно употребляют вместе с IDF (полное название формулы — TF-IDF (Term Frequency — Inverse Document Frequency), подробнее данную величину рассматривает исследователь Шахзад Кайзер [Qaiser, 2018]. TF-IDF позволяет оценить релевантность слов, включённых в заголовок, как в одном конкретном тексте, так и в корпусе текстов. TF-IDF также используется для решения проблемы автоматической классификации текстов по ключевым словам и для оценки значимости ряда слов для выборки текстов. В соответствии с замечаниями, сделанными во втором параграфе статьи, нами была использована только первая часть этой статистической меры — TF.

Воспользовавшись только мерой TF, мы получили ***относительную частоту*** употребления рассматриваемого слова во всей совокупности выборок. С помощью этой величины мы можем понять, какую долю в текстах занимает включённое в заголовок слово от количества всех лексем вообще.

Посредством меры TF была рассчитана относительная частота употребления следующих слов:

1. «Высшее образование в моих глазах» — *образование, высокий, глаз*.

2. «Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях?» — *человек, оставаться, условие.*

3. «Как я провёл лето?» — *лето, проводить*.

CC BY

4. «Педагог года» — *педагог, год*.

Таким образом, была получена следующая таблица, содержащая относительную частоту употребления ключевых слов (табл. 1).

Таблица 1

Относительная частота употребления включённых в заголовок полнозначных слов в выборке текстов на каждую из тем

Ключевое слово	**Частотность в текстах, сгенерированных Chat GPT**	**Частотность в текстах, написанных человеком**
Образование	0.036	0.016
Высокий	0.032	0.012
Глаз	0.002	0.003
Человек	0.022	0.023
Условие	0.018	0.005
Оставаться	0.009	0.004
Лето	0.019	0.006
Проводить	0.011	0.001
Педагог	0.018	0.002
Год	0.016	0.003

Как видно из таблицы, в 9 из 10 случаев частотность употребления ключевых слов в текстах ИИ более чем в два раза превышает употребление этих же слов в естественных текстах. Тенденция не соблюдается в употреблении лексемы *человек* (в текстах Chat GPT слово употребляется реже).

Подобное наблюдение позволило выдвинуть предположение о том, что в большинстве случаев слова, включённые в заголовок, повторяются в искусственных текстах неоправданно чаще. При этом повышенная относительная частота употребления включённых в заголовок слов в естественных текстах может быть связана с применением людьми разнообразных стилистических средств. Например, с целью эмоционального воздействия (многократные повторы, намеренное заострение внимание читателя на каком-либо ключевом слове).

Заметно повышенная частотность ключевых слов в текстах, сгенерированных нейронной сетью, позволяет предположить, что Chat GPT на текущем этапе разработки не может производить тексты, которые содержат отступления в сторону от первоначального запроса пользователя. К примеру, нейронная сеть не понимает, что при запросе «Педагог года» результат генерации не должен непременно содержать слова, содержащиеся в запросе.

CC BY

3.3. Квантитативный анализ лексического разнообразия сгенерированных и естественных текстов

В параграфе 3.1 было отмечено, что в списке двадцати наиболее употребительных слов в сгенерированных текстах приблизительно в два раза чаще встречаются полнозначные слова, нежели в текстах, написанными людьми. В связи с этим можно предположить, что сгенерированные тексты, обладают меньшей лексической самобытностью. С целью проведения таких вычислений существует ряд методов. В настоящем исследовании мы обратились к коэффициенту лексического разнообразия TTR.

С помощью базовой формулы расчёта TTR (3) и её усовершенствованной версии (4) были получены следующие результаты вычислений, произведённых вручную (табл. 2).

Таблица 2

Результаты вычисления лексического разнообразия текстов с помощью простейших вариаций TTR

Темы проанализированных текстов	TTR		Индекс Мааса	
	Chat GPT	Человек	Chat GPT	Человек
«Как я провёл лето?»	0.246	0.333	0.150	0.111
«Высшее образование в моих глазах»	0.219	0.337	0.162	0.113
«Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях»	0.221	0.303	0.160	0.123
«Педагог года»	0.220	0.288	0.162	0.124

Для автоматического анализа уникальности лексического разнообразия естественных и сгенерированных текстов мы воспользовались ещё двумя формулами: MTLD и HD-D. Использование разных способов вычисления TTR должно помочь избавиться от возможных помех, связанных с отличающимися размерами рассматриваемых выборок. Были получены следующие результаты (табл. 3).

Из приведённых таблиц видно, что в большинстве случаев лексическое разнообразие естественных текстов превышает таковое у сгенерированных. Серьёзные отличия наблюдаются у TTR, рассчитанного с помощью Индекса Мааса, но это явление объясняется тем, что с ростом LD (лексическое разнообразие) Индекс Мааса уменьшается. Это означает, например, что в выборке текстов «Высшее образование в моих глазах» (0,162 > 0,133)

CC BY

Таблица 3

Результаты вычисления лексического разнообразия текстов
с помощью методов, требующих автоматизации подсчёта TTR

Темы проанализированных текстов	MTLD		HD-D	
	Chat GPT	Человек	Chat GPT	Человек
«Как я провёл лето?»	87.963	89.712	0.826	0.856
«Высшее образование в моих глазах»	104.275	173.617	0.842	0.909
«Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях»	91.718	135.187	0.848	0.894
«Педагог года»	97.273	139.880	0.838	0.880

коэффициент TTR естественных текстов гораздо выше, чем у созданных нейронной сетью.

4. Заключение = Conclusions

Обобщим наблюдения, полученные в ходе анализа выборок (общей суммой в 160 текстов), произведённого с применением компьютерных средств и статистических методов:

I. Современные нейронные сети способны сгенерировать тексты, которые действительно похожи на естественные речевые произведения, например, по частотности используемой лексики (*образование* и *высокий* в текстах «Высшее образование…»). Тем не менее наблюдаются некоторые расхождения. Например, в сгенерированных текстах слова, включённые в заголовок, встречаются значительно чаще, нежели в естественных текстах.

II. Относительная частота употребления слов, включённых в заголовок, в обоих текстах отличается: в выборке естественных текстов 9 из 10 посчитанных ключевых слов употребляются как минимум в два раза реже, чем в сгенерированных. Только в одной выборке («Как оставаться человеком в нечеловеческих условиях») употребительность ключевого слова в текстах, созданных нейронной сетью, ниже, чем в естественных (0,022 и 0,023). Отсюда следует, что в искусственных текстах относительная частота употребления ключевых слов нецелесообразно завышена. Редкое завышение количества их употребления в естественных текстах может быть обусловлено применением различных средств художественной выразительности, например лексических повторов.

CC BY

III. Отмечено, что в представленных выборках текстов на 4 разные темы в список 20-ти наиболее частотных слов входит разное количество полнозначных слов. В текстах, созданных ChatGPT, в частотных списках приблизительно в два раза чаще встречаются слова с самостоятельным значением. Это подвело к необходимости исследовать коэффициент лексического разнообразия сгенерированных и естественных текстов, так как многочисленные повторы одних и тех же слов свидетельствуют о том, что при генерации текстов использовано меньше синонимов частотных слов.

IV. Коэффициент лексического разнообразия в рассмотренной выборке естественных текстов на четыре темы во всех случаях значительно выше, нежели у сгенерированных.

Результаты исследования могут быть полезны как людям, работающим в сфере образования и стремящимся избежать фальсификации выполняемых учащимися письменных работ, так и специалистам в области обработки естественного языка, которые используют выборки «человеческих» текстов для машинного обучения нейронных сетей. Использование сгенерированных текстов для указанной цели может ухудшить финальное речевое произведение, так как нейронная сеть на основе несовершенных искусственных текстов столкнётся с обработкой зачастую неестественных речевых оборотов. Исследования, направленные на поиск различий между сгенерированными и естественными текстами, позволят вычленить критерии отбора обучающего материала для нейросетей, чтобы повысить качество выходного продукта.

Сегодня нейронные сети значительно продвинулись в имитации естественной письменной речи, однако они всё ещё сохраняют ряд отличительных черт, которые позволяют предположить, кем был написан текст — человеком или искусственным интеллектом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Anthony L.* AntConc (Version 4.2.0) [Electronic resource] / L. Anthony. — Tokyo, Japan : Waseda University. — 2014. — Access mode : https://www.laurenceanthony.net/software.html (accessed 26.08.2023).

Литература

1. *Борунов, А. Б.* Разнообразие речи и методы его измерения в тексте (лингвостатистический подход) / А. Б. Борунов // Litera. — 2017. — № 4. — С. 81—86.

CC BY

2. *Бурнашев Р. Ф.* Роль нейронных сетей в лингвистических исследованиях / Р. Ф Бурнашев, А. С. Аламова // Science and Education. — 2023. — № 3. — С. 258—269.

3. *Бурнашев Р. Ф.* Квантитативная лингвистика и искусственный интеллект / Р. Ф. Бурнашев, А. С. Аламова // Science and Education. — 2022. — Т. 3, № 2. — С. 1390—1402.

4. *Галушкин А. И.* Нейронные сети [Электронный ресурс] / А. И. Галушкин // Большая российская энциклопедия. — 2022. — 16 ноября. — Режим доступа : https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/4114009 (дата обращения: 20.06.2023).

5. *Головин Б. Н.* Язык и статистика / Б. Н. Головин. — Москва : Просвещение, 1971. — 190 с.

6. *Захарова Е. Ю.* Лексическое разнообразие текста и способы его измерения / Е. Ю. Захарова, О. Ю. Савина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2020. — Т. 6, № 1 (21). — С. 20—34. — DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-20-34.

7 *Насырова Г. Н.* Обзор современных сервисов и программного обеспечения квантитативной лингвистики / Г. Н. Насырова, Ш. Х. Амонова, Р. Ф. Бурнашев // Science and Education. — 2022. — Т. 3, №. 12. — С. 450—462.

8. «*Речевое* творчество» искусственного интеллекта : какие тексты пишет машина и чем они отличаются от людских / А. Ю. Краснояров, М. А. Аргузова, Ж. А. Хужамурадов, С. Р. Рахимов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. — 2022. — № 2. — С. 41—49. — DOI: 10.31249/ling/2022.02.02.

9. *Юхан Т.* Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики / Т. Юхан. — Таллин : Валгус, 1987. — 204 с.

10. *Cohen A.* Numerical Analysis of Word Frequencies in Artificial and Natural Language Texts / A. Cohen, R. Mantegna, S. Havlin // Fractals. — 2011. — Vol. 5, no. 01. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1142/S0218348X97000103.

11. *Dale R.* GPT-3: What's it good for? / R. Dale // Natural Language Engineering. — 2021. — Vol. 27, no. 1. — Pp. 113—118. — DOI: 10.1017/S1351324920000601.

12. *Dinesh K.* Study and Analysis of Chat GPT and its Impact on Different Fields of Study / K. Dinesh, S. Nathan // International Journal of Innovative Science and Research Technology (IJISRT). — 2023. — Vol. 8, no. 3. — Pp. 827—833. — DOI: 10.5281/zenodo.7767675.

13. *Floridi L.* GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences / L. Floridi, M. Chiriatt // Minds and Machines. — 2020. — Vol. 30, no. 2. — Pp. 1—14. — DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1.

14. *Kettunen K.* Can Type-Token Ratio be Used to Show Morphological Complexity of Languages? / K. Kettunen // Journal of Quantitative Linguistics. — 2014. — Vol. 21, no. 3. — Pp. 223—245. — DOI: 10.1080/09296174.2014.911506.

15. *Klee T.* Utterance length and lexical diversity in American and British–English speaking children: What is the evidence for a clinical marker of SLI? / T. Klee, W. J. Gavin, S. F. Stokes // Language Disorders From a Developmental Perspective. — New York, 2017. — Pp. 103—140. — DOI: 10.4324/9781315092041-4.

16. *McCarthy P. M.* Voc-D: a theoretical and empirical evaluation / P. M. McCarthy, S. Jarvis // Language Testing. — 2007. — Vol. 24, no. 4. — Pp. 459—488. — DOI: 10.1177/0265532207080767.

17. *McCarthy P. M.* MTLD, vocd-D, and HD-D: a validation study of sophisticated approaches to lexical diversity assessment / P. M. McCarthy, S. Jarvis // Behavior Research Methods. — 2010. — Vol. 42, no. 2. — Pp. 381—392.

18. *Qaiser S.* Text Mining: Use of TF-IDF to Examine the Relevance of Words to Documents / S. Qaiser, R. Ali // International Journal of Computer Applications. — 2018. — 181 (1). — Pp. 25—29.

19. *Somers H. H.* Statistical methods in literary analysis / H. H. Somers // The Computer and Literary Style / J. Leeds (ed.). — Kent, OH : Kent State University. — 1966. — Pp. 128—140.

20. *Tweedie F. J.* How variable may a constant be? Measures of lexical richness in perspective / F. J. Tweedie, R. H. Baayen // Computers and the Humanities. — 1998. — Vol. 32. — Pp. 323—352.

21. *Zenker F.* Investigating minimum text lengths for lexical diversity indices / F. Zenker, K. Kyle // Assessing Writing. — 2021. — Vol. 47, no. 2. — DOI: 10.1016/j.asw.2020.100505.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 20.09.2023.

Material resources

Anthony, L. (2014.) *AntConc (Version 4.2.0)*. Tokyo, Japan: Waseda University. Available at: https://www.laurenceanthony.net/software.html (accessed 08.26.2023).

References

Borunov, A. B. (2017). Diversity of speech and methods of measuring it in text (linguostatistical approach). *Litera, 4:* 81—86. (In Russ.).

Burnashev, R. F., Alamova, A. S. (2022). Quantitative linguistics and artificial intelligence. *Science and Education, 3(2):* 1390—1402. (In Russ.).

Burnashev, R. F., Alamova, A. S. (2023). The role of neural networks in linguistic research. *Science and Education, 3:* 258—269. (In Russ.).

Cohen, A., Mantegna, R., Havlin, S. (2011). Numerical Analysis of Word Frequencies in Artificial and Natural Language Texts. *Fractals, 5 (1):* 1—19. DOI: 10.1142/S0218348X97000103.

Dale, R. (2021). GPT-3: What's it good for? *Natural Language Engineering, 27 (1):* 113—118. DOI: 10.1017/S1351324920000601.

Dinesh, K., Nathan, S. (2023). Study and Analysis of Chat GPT and its Impact on Different Fields of Study. *International Journal of Innovative Science and Research Technology (IJISRT), 8 (3):* 827—833. DOI: 10.5281/zenodo.7767675.

Floridi, L., Chiriatt, M. (2020). GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences. *Minds and Machines, 30 (2):* 1—14. DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1.

Galushkin, A. I. (2022). Neural networks. In: *Great Russian Encyclopedia, 16 november*. Available at: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/4114009 (accessed 06.20.2023). (In Russ.).

Golovin, B. N. (1971). *Language and statistics*. Moscow: Education. 190 p. (In Russ.).

Kettunen, K. (2014). Can Type-Token Ratio be Used to Show Morphological Complexity of Languages? *Journal of Quantitative Linguistics, 21(3):* 223—245. DOI: 10.1080/09296174.2014.911506.

Klee, T., Gavin, W. J., Stokes, S. F. (2017). Utterance length and lexical diversity in American and British–English speaking children: What is the evidence for a clinical marker

of SLI? In: *Language Disorders From a Developmental Perspective*. New York. 103—140. DOI: 10.4324/9781315092041-4.

Krasnoyarov, A. Yu., Arguzova, M. A., Khuzhamuradov, Zh. A., Rakhimov, S. R. (2022). "Speech creativity" of artificial intelligence: what texts a machine writes and how they differ from human ones. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Episode 6: Linguistics. Abstract journal, 2:* 41—49. DOI: 10.31249/ling/2022.02.02. (In Russ.).

McCarthy, P. M., Jarvis, S. (2007). Voc-D: a theoretical and empirical evaluation. *Language Testing, 24 (4):* 459—488. DOI: 10.1177/0265532207080767.

McCarthy, P. M., Jarvis, S. (2010). MTLD, vocd-D, and HD-D: a validation study of sophisticated approaches to lexical diversity assessment. *Behavior Research Methods, 42 (2):* 381—392.

Nasyrova, G. N., Amonova, Sh. Kh., Burnashev, R. F. (2022). Review of modern services and software of quantitative linguistics. *Science and Education, 3 (12):* 450—462. (In Russ.).

Qaiser, S., Ali, R. (2018). Text Mining: Use of TF-IDF to Examine the Relevance of Words to Documents. *International Journal of Computer Applications, 181 (1):* 25—29.

Somers, H. H. (1966). Statistical methods in literary analysis. In: *The Computer and Literary Style*. Kent, OH: Kent State University. 128—140.

Tweedie, F. J., Baayen, R. H. (1998.).How variable may a constant be? Measures of lexical richness in perspective. *Computers and the Humanities, 32:* 323—352.

Yukhan, T. (1987). *Problems and methods of quantitative-systematic research of vocabulary*. Tallinn: Valgus. 204 p. (In Russ.).

Zakharova, E. Yu., Savina, O. Yu. (2020). Lexical diversity of text and ways of measuring it. *Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities, 6 (1):* 20—34. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-20-34. (In Russ.).

Zenker, F., Kyle, K. (2021). Investigating minimum text lengths for lexical diversity indices. *Assessing Writing, 47 (2)*. DOI: 10.1016/j.asw.2020.100505.

The article was submitted 21.06.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 20.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Токарев Г. В. Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 66—81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81.

Tokarev, G. V. (2023). Signs of Everyday Life in Linguocultural Studies. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 66-81. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81

Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении

Токарев Григорий Валериевич
orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
документоведения и стилистики
русского языка
grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:
Исследование «Симболарий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Signs of Everyday Life in Linguocultural Studies

Grigory V. Tokarev
orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Documentation
and Stylistics of the Russian Language
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:
The study "Symbolary of Regional Identity"
was funded by a grant from
the Russian Science Foundation
№ 22-28-20342
and the Government of the Tula Region
(agreement № 6 dated April 19, 2022).

© Токарев Г. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена лингвокультурологическому освещению феномена повседневности, под которой понимается сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее время. Источниками исследования стали «Воспоминания» В. В. Вересаева, очерки «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, дневники С. А. Толстой, тульские газеты, топонимы. Исследование осуществлено методами дискурсивного, концептуального анализа, лингвокультурологической интерпретации. Выделены культурно маркированные признаки повседневности: детерминированность настоящим, ориентированность на узуальное, стандартное, прецедентный характер. Выявлено, что повседневность сегментируется в зависимости от качеств и свойств интерпретатора. Отмечается, что она отражает нормы и запреты. Показано, что повседневность заурядна, стабильна и в то же время преходяща, отражает наивное сознание, наполнена большим массивом культурных установок, стереотипов, сценариев. Повседневность формирует базу оснований оценки, которой руководствуется человек, при этом ментальный аспект повседневности объединяют принципы: так принято, так должно. Рассматривается семиотический аспект, представленный различными практиками человека и привычными для него знаковыми множествами, в которых они осуществляются. Выявлены типичные вербальные тексты, выражающие повседневность: мемуары, дневники, путевые заметки, газеты. Сделан вывод, что повседневность связана с идентичностью, поскольку она воспринимается субъектом культуры как своё, понятное пространство.

Ключевые слова:
культура; язык; наивная картина мира; повседневность; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the linguocultural analysis of the phenomenon of everyday life, which refers to the segment of ordinary culture that encompasses the present time. The sources of the study were V. V. Veresaev's "Memories", G. I. Uspensky's essays "Customs of Rasteryaev Street", S. A. Tolstoy's diaries, Tula newspapers, and toponyms. The study was conducted using discourse, conceptual analysis, and linguocultural interpretation methods. Culturally marked signs of everyday life were identified, including determination by the present, orientation towards the usual and standard, and precedent character. It was found that everyday life is segmented depending on the interpreter's qualities and properties. It reflects norms and prohibitions. It is shown that everyday life is ordinary, stable, and at the same time transient, reflects naive consciousness, and is filled with a large array of cultural attitudes, stereotypes, and scenarios. Everyday life forms the basis for evaluating which people follow based on the principles of "this is how it is done" and "this is how it should be". The semiotic aspect is considered, represented by various human practices and sign sets that are familiar to them. Typical verbal texts expressing everyday life were identified, including memoirs, diaries, travel notes, and newspapers. It is concluded that everyday life is related to identity since it is perceived by the cultural subject as their own, understandable space.

Key words:
culture; language; naive worldview; everyday life; identity.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении

© Токарев Г. В., 2023

1. Введение = Introduction

Феномен повседневности притягивает внимание учёных различных гуманитарных областей. В. Д. Лелеко отмечает: «…повседневность стала одной из центральных проблем современного гуманитарного знания, … к настоящему времени сложилась междисциплинарная область знания, “повседневноведение”, включающее в себя социологию повседневности, историю повседневности, гносеологию и психологию повседневности, эстетику повседневности, семиотику повседневности» [Лелеко, 2002, с. 6]. С предложенной учёным характеристикой рассматриваемого явления трудно не согласиться. Однако в данном справедливом тезисе не упоминается лингвистика. С одной стороны, языковедение занимается изучением обыденной картины мира, представляющей собой «коллективную философию» [Апресян, 1995, с. 350], отражённую естественным языком, то есть, по сути, повседневность в какой-то степени всегда была объектом языкознания. С другой — вербальный аспект повседневности нуждается в особом описании. Мы полагаем, что данное семиотическое множество может быть изучено с опорой на лингвокультурологический метод, рассматривающий факты языка и речи в категориях культуры: концептах, представлениях, стереотипах, эталонах, культурных установках, нормах и запретах и др.

В монографических исследованиях, посвящённых проблеме повседневности, дана исчерпывающая история данного вопроса. Следует отметить, что повседневность рассматривалась в первую очередь историками и культурологами. Среди филологических работ можно назвать труды А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, Ю. М. Лотмана, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова и др., в которых затрагивались вопросы повседневности при описании иных проблем. Так, в комментариях к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Ю. М. Лотман освещает вопросы повседневности первой трети XIX века в связи с толкованием устаревших слов, объяснением включённых цитат и др. В указанных работах задача описания повседневности специально не ставилась и освещалась параллельно с другими, основными целями исследования. К настоящему времени изучение повседневности осуществлено

CC BY

в двух аспектах. Во-первых, рассмотрены вопросы повседневного сознания (Ф. Бродель, А. Щюц и др.), его организация и когнитивный стиль, стратегия. Во-вторых, описаны отдельные семиотические множества, объективирующие наивный опыт (А. А. Потебня, Ю. М. Лотман и др.).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В науке предложены дефиниции повседневности. М. В. Капкан понимает под повседневностью «…не только объективные условия ежедневного существования и устойчивые стереотипные образцы поведения и решения проблем, но и субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни» [Капкан, 2016, с. 14]. В данном определении для нас важно выделение ментального и семиотического аспектов повседневности. Как следует из дефиниции, ментальный аспект повседневности составляют как объективные знания — стереотипы, так и субъективные — индивидуальная рефлексия на действительность. А. Л. Ястребицкая трактует повседневность как «нечто обыденное, рутинное, субъективное, что и устоялось со временем, … как сферу жизнедеятельности человека, в которой удовлетворяются базовые материальные и духовные потребности человека» [Ястребицкая, 1991, с. 95]. В данном определении повседневность объяснена с точки зрения теории потребностей. Важно, что рассматриваемая категория прочитывается исследователем в качестве феномена обыденной картины мира. Н. А. Калёнова характеризует повседневность как «…привычное для носителя культуры течение жизни, характеризующееся повторяемостью событий, цикличностью временной и пространственной организации жизненного континуума» [Калёнова, 2020, с. 97]. Учёный акцентирует внимание на пространственно-временных аспектах феномена. В деятельностном ключе объясняет повседневность Г. Г. Кириленко: «…это аспект устойчивости и одновременно готовности ко всему» [Кириленко, 2009, с. 255—256].

В настоящей работе под *повседневностью* мы понимаем сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее, актуальное время. Предметом изучения являются признаки повседневности в её лингвокультурологическом освещении.

Источниками исследования стали «Воспоминания» В. В. Вересаева, очерки «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, дневники С. А. Толстой, тульские газеты, то есть тексты, в которых нашла отражение повседневная жизнь. Методами и приёмами исследования является дискурсивный и концептуальный анализ, лингвокультурологическая интерпретация.

Далее представлены результаты изучения природы повседневности в лингвокультурологическом освещении.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Континуальные признаки повседневности

Повседневность генерируется настоящим. Этот аспект представляет интерес для лингвокультурологии, рассматривающей синхронную интеракцию языка и культуры. В. Н. Телия отмечала: «Лингвокультурология призвана исследовать и описать взаимодействие языка и культуры … в их современном состоянии или в определённые синхронные срезы этого взаимодействия» [Телия, 1996, с. 216]. Повседневность включает в себя обычное, общепринятое, закономерное, стандартное, привычное. Эти признаки, например, проявляются в названиях городских объектов. Так, в Туле девятнадцатого века был район, называемый в простонародье *Поповым болотом*. Он располагался недалеко от реки Упы, которая, разливаясь, затопляла это местечко. За сырость и грязь оно получило название *болота*. *Поповым* же его именовали потому, что здесь жили представители духовенства и недалеко располагалась семинария. Один из мостов в Туле того же периода получил название *Чёртова*. Он находился на окраине города, и под ним прятались бандиты. Всем тулякам, жившим в XIX веке, были понятны лингвокультурные легенды [Токарев, 2023], связанные с указанными единицами. Отсюда следует важный признак повседневности — прецедентность. Заметим, что приведённые примеры отражали жизнь города позапрошлого века: его территориальную и социальную организацию, типичные ситуации и т. д. Номинации утратили актуальность для современного туляка. М. В. Капкан отмечает: «Весь повседневный мир строится на идее повторяемости и предсказуемости, что позволяет экономить усилия» [Капкан, 2016, с. 16]. Так, на пересечении двух центральных улиц: Посольской и Киевской — в старой Туле располагалась рюмочная, здесь всегда можно было увидеть нетрезвых людей, что нашло отражение в годониме *Пьяный угол*. Научная привлекательность повседневности заключается в том, что она преходяща. Она включает в себя феномены, которые могут не оставить следа в истории, поэтому они должны найти научное описание. Так, не каждый современный туляк сможет объяснить, где находятся микрорайоны *Пятилетка*, *Лентяевка* в связи с утратой актуальности данных неофициальных наименований и закреплённых за ними лингвокультурных легенд. С одной стороны, повседневность стабильна, с другой — она незаметно меняется.

Повседневность сегментируется в зависимости от качеств и свойств интерпретатора. Во внимание принимается возраст, пол, профессия, увлечения и др. Современный двадцатилетний юноша, проживающий в Туле, декодировал знак *артучилище* не как Тульское артиллерийское училище (которое было расформировано в 2010 году), а как художественное учили-

CC BY

ще с опорой на свою когнитивную базу. Этот пример отражает субъектную ориентированность повседневности. В связи с этим можно говорить о повседневности дошкольника, женщины, врача и т. д. Например, Г. И. Успенский так описывает обычное времяпрепровождение тульских мальчишек XIX века: «Растеряевские мальчишки запасаются этими свистящими конями и в течение целого года разнообразят смертельно пронзительным свистом свое горестное существование» [Успенский, 1977, с. 24]. Софья Андреевна Толстая так рассказывает о начале одного из обычных дней своей жизни: «Утром поздно встала, в спальню ко мне, как всегда, вошли дети один за другим; потом Лёвочка. Андрюшу, спавшего утром у меня, я его кормила, унесли, а я стала мерить новое платье, которое очень хорошо» [Толстая, 2022, с. 70]. Запись отражает повседневные занятия женщины.

В связи с этим Г. Г. Кириленко отмечает: «В рамках современной социологии повседневности социальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений “изнаночной стороны” жизни общества: 1) зонирование пространства обитания в быту (в квартире и ее комнатах, в деловых и “спальных” районах мегаполисов, в общественном и личном транспорте) и на работе; 2) хронометраж времени будничного и выходного дней, периода труда и отпуска, а также формы досуга; 3) ролевые функции в разных контактных группах (семейных, офисных и пр.), тактики языкового поведения и специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях (образовательных, медицинских и др.); 4) порядок социализации разных общественных групп (поколений мужчин и женщин, представителей титульных этносов и мигрантов и т. п.); 5) формы питания; 6) ежедневные и праздничные ритуалы, модификация этикета (переговоры и визиты гостей дома и в развлекательных заведениях, свадьбы, похороны), униформа, мода, макияж; и многие другие стороны бытовой сферы жизни человека» [Кириленко, 2009, с. 247—248].

Повседневность представляет собой то, что окружает человека; то, что составляет для него норму. В литературе ведётся дискуссия о взаимоотношении понятий «повседневность» и «быт». По мнению М. М. Ринчиновой, «повседневность изменчива и деятельна. Понятию быт напротив присуща статичность и инертность» [Ринчинова, 2019, с. 75]. На наш взгляд, быт является частью повседневности, отражая её материальный аспект. Повседневность заурядна. Она не включает в себя шедевры, её не отличает гениальность. Ю. В. Карлсон отмечает: «Повседневность — это сфера человеческой обыденности, реальность, в которую человек погружен с рождения; реальность, которая ощущается как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, наполненная будничными событиями, рутинная сфера, повторяющаяся изо дня в день, где все принимается на веру» [Карлсон,

CC BY

2011, с. 12—13]. Так, в сознании туляка двадцатого века были актуальны представления о высшем образовании, связанные с тремя вузами: *педом, политехом* и *артухой*. Первый ассоциировался с гуманитарным образованием, с учебным заведением, в которое несложно поступить и в котором учатся преимущественного девушки. Второй — с техническим образованием, наличием военной кафедры, связью с оборонными предприятиями города. Третий — с военным образованием. Кроме того, в сознании горожан сформировались эталоны средних учебных заведений, одним из которых стала *двадцатка* ‘городская школа № 20’. Был актуален стереотип, что школа даёт хорошее математическое образование, лингвокультурная легенда, что здесь учился чемпион мира по шахматам А. Карпов.

Как известно, культура имеет два измерения: ментальное и семиотическое. В. Н. Телия даёт следующее определение культуре, подчёркивая в ней указанные аспекты: «…это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия, 1996, с. 222]. Эта закономерность распространяется и на повседневность как часть культуры. Рассмотрим содержание повседневности в двух названных аспектах.

3.2. Ментальное измерение повседневности

Повседневность затрагивает актуальную часть наивного сознания. В. Д. Лелеко характеризует его как «базовое, фундаментальное знание первого порядка, то есть донаучное знание, опирающееся на здравый смысл» [Лелеко, 2002, с. 17]. На наш взгляд, наивное и научное познание могут существовать параллельно. Вряд ли все содержательные типы знания можно представить в виде цепочки: наивное знание → научное знание. Какая-то часть информации представляет собой знание, полученное научными методами. Существует сегмент знаний, которые до определённого времени оценивались как научные, а затем были отнесены к псевдонаучным из-за их несостоятельности, поэтому, полагаем, неверно характеризовать обыденные знания в качестве базовых, фундаментальных, первичных.

В. Д. Лелеко пишет: «Восприятие и интерпретация повседневности осуществляется обыденным сознанием, обыденным мышлением» [Лелеко, 2002, с. 15]. Данный тезис нуждается в уточнении, поскольку повседневность сама является частью обыденного сознания. Восприниматься и интерпретироваться она может как наивным, так и научным сознанием.

В ментальном аспекте повседневность наполняют представления об обычном течении жизни. Так, В. В. Вересаев в своих «Воспоминаниях» рассказывает об установившейся семейной традиции Плюшкиного магазина: «Мама требовала, чтобы вечером, перед тем как ложиться спать, мы не оставляли игрушек где попало, а убирали бы их. Конечно, мы постоянно забывали. Тогда мама объявила, что все неприбранные игрушки она вечером

CC BY

будет брать и прятать, как Плюшкин. И рассказала про гоголевского Плюшкина, как он тащил к себе все, что увидит. Так и стала делать. Неприбранные игрушки исчезали. Иногда бывало, что мы их и не хватимся и забывали о них, иногда хватишься, да уже поздно. Раза два в год происходила торжественная разборка “Магазина Плюшкина”, — мы его сокращенно называли “Плюшкин магазин”. Мама отпирала шкаф, мы нетерпеливо толпились вокруг, она вынимала по одной вещи, выясняла ее владельца, и он получал ее обратно» [Вересаев, 1961, с. 21]. Повседневность наполнена большим массивом культурных установок, стереотипов, сценариев, которые обусловливают её устойчивость. Так, описывая повседневную жизнь мастерового люда в Туле XIX века, Г. И. Успенский упоминает о культурном сценарии «понедельничать», то есть употреблять спиртные напитки в понедельник: «…вся “мастеровщина” города в этот день не имела сил ударить палец об палец, утверждая, что в этот день работают “лядкины детки”, а все настоящие люди рыщут целый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмелиться» [Успенский, 1977, с. 60]. Л. П. Станкевич и И. П. Полякова точно характеризуют когнитивный контент повседневности: «Повседневная жизнь человека наполнена хлопотами по поводу воспроизведения себя в мире в качестве живущего существа, а не мыслящего». [Капкан, 2016, с. 75]. Из приведённого тезиса следует, что коннотации знаков повседневности генерированы повторяющимся укладом обыденной жизни. Целью обыденного познания является не целенаправленное генерирование понятий, а непосредственное созерцание жизни и обобщение знаний в опыте.

Повседневность формирует базу оснований оценки, которой руководствуется человек. Так, в устаревшем бытовизме, используемом в речи туляков, есть слово *перекабыльство*, в значении которого отражена негативная оценка беспредметной болтовни: «Несусветное перекабыльство! [Слово это происходит от “кабы”. Разговор, в котором “кабы” упоминается часто (кабы то-то да кабы другое... кабы ежели и т. д.), очевидно, разговор не дельный; таким образом, “перекабыльство” — то же, что бестолковое “галдение” в разговоре и бессмыслица в поступках. (Здесь и далее примечания наши. — *Г. Т.*)] — Перекабыльство? — переспрашивает чиновник. — Да больше ничего, что одно перекабыльство» [Успенский, 1977, с. 29]. М. В. Капкан отмечает: «…повседневность задает ту систему координат, с позиций которой оцениваются все остальные области деятельности человека» [Капкан, 2016, с. 15]. Специфика повседневности приобретает знаковость для интерпретатора, который в неё включён. Так, только житель Тулы может декодировать знаки *на Яблочкова, на Калинина*. Например, во фразах: *На Калинина не направили. Лежит на Яблочкова*, — приведённые имена собственные являются названиями улиц, на которых

CC BY

располагаются онкологические больницы. Коннотативный фон данных номинаций включает негативные, неодобрительные семы, связанные с представлениями о тяжёлой, неизлечимой болезни. Из этого следует, что повседневность воплощает нормы и запреты. Так, В. В. Вересаев в «Воспоминаниях» упоминает гудок оружейного завода, который, как адмиралтейская пушка, отмерял рабочее время: «Двенадцать часов. Далеко, на оружейном заводе, протяжный, могучий, на весь город гудок…» [Вересаев, 1961, с. 38]. Гудок является репрезентантом нормы обычного течения рабочего времени. Этот аспект повседневности даёт основания М. В. Капкан характеризовать её как «…особый модус бытия человека и общества, первичный для человека…» [Капкан, 2016, с. 17].

Ментальный аспект повседневности объединяют принципы: так принято, так должно. Так, С. А. Толстая описывает заурядный день своего мужа: «Встаёт, пьёт кофе, гуляет или купается утром, никого не повидав, садится писать; едет на велосипеде или опять купаться; или просто так; обедает или идёт вниз читать, или на теннис. Вечер проводит у себя в комнате, после ужина только немного посидит с нами, читая газеты или разглядывая разные иллюстрации» [Толстая, 2022, с. 277]. Из приведённых примеров следует, что в сознании повседневность представлена прототипами, позволяющими множество представлений привести к некоему типичному стандарту и сценарию поведения. Например, В. В. Вересаев так описывает типичные сценарии своей жизни в гимназические годы: «… пять часов продолжались уроки в гимназии; придешь домой, — обед, часдва отдыха; от пяти до шести — занятия с гувернанткою нашей Марией Порфирьевной, один день немецким языком, другой день французским; потом уроки учить часов до одиннадцати» [Вересаев, 1961, с. 118].

Повседневность идеологична, если под идеологией понимать «актуализированный статус ценностей» [Греймас и др., 1983, с. 496] Так, В. В. Вересаев вспоминает о демократических принципах воспитания детей, которые сложились в его семье: нельзя было по пустякам обращаться к прислуге, следовало самому убирать за собой: «Мы как будто получали воспитание демократическое, папа и мама не терпели барства, нам очень часто приходилось слышать фразу: “Подумаешь, какой барин!”» [Вересаев, 1961, с. 82]. Эти принципы были репрезентантами идеологии повседневности данной семьи. Динамика актуальности прецедентных имён, функционирующих в городском пространстве, отражает идеологичность повседневности. Так, для туляка, жившего в XIX веке, актуальны имена купцов Мотякиных, Лопатиных, Сушкиных, Ваныкина, которые были положены в основу названий улиц. Смена культурной парадигмы привела к перемещению данных номинаций в пассивную часть культурной памяти.

CC BY

В XX веке были актуализированы новые номинации, например имя доктора Гумилевской, работавшей в главном родильном доме Тулы на протяжении нескольких десятилетий. Однако в начале XXI века данная лингвокультурная история прочитывается уже не всеми горожанами.

3.3. Семиотическое измерение повседневности

Семиотический аспект повседневности представляют различные практики человека и привычные для него знаковые множества, в которых они осуществляются. Так, обычный костюм мастерового человека может стать примером такой семиотики: «Растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека, с свалявшеюся войлоком бородой, в картузе, простреленном и пулями и дробью во время пробы ружья, с какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что “жизнь — копейка”» [Успенский, 1977, с. 26]. М. В. Капкан отмечает: «…повседневность охватывает достаточно разнородный круг феноменов: привычную трудовую деятельность, этикетные формулы поведения, техники решения профессиональных и домашних проблем, сегмент развлечений (как частный случай потребления), стереотипы и предрассудки, которыми мы руководствуемся в своей деятельности» [Капкан, 2016, с. 9] Так, В. В. Вересаев описывает этикетную традицию снимать головной убор при посещении общественного места. Когда Витя Смидович пришёл в Петропавловскую аптеку и показал рецепт, он услышал упрёк: «Потрудитесь снять шапку!» [Вересаев, 1961, с. 70]. Этот случай оставил след в памяти мальчика. Далее рассказчик пишет о том, как через двадцать пять лет в Париже он зашёл в магазин, чтобы купить себе галстук, и снял головной убор. «Мосье! Наденьте шляпу» [Там же, с. 71], — услышал он. Данный пример демонстрирует этикетную повседневность разных культур. К основным практикам можно отнести трудовую или учебную деятельность и досуг. Каждую из этих практик можно детализировать. Например, как обычно я провожу свободное время после работы, что обычно я делаю в выходной день, как отмечаю праздник, что делаю в отпуске и т. д. В. В. Вересаев описывает традицию отмечать день рождения представителями старых провинциальных обедневших дворянских родов на примере своей бабушки: «На именины бабушки в большом количестве являлись плохо одетые старушки с льстивыми глазами, отставные мелкие чиновники с красными носами. Пили апельсиновую водку, ели пирог с капустой и рассказывали о разных своих злоключениях» [Там же, с. 83—84]. В этом аспекте можно говорить о семиотиках жилища, места учёбы или работы, отдыха, праздника и др. М. В. Капкан представляет повседневность «как систему мест, в которых осуществляется деятельность, направленная на удовлетворение жизненных потребностей» [Капкан, 2016, с. 26]. Так, С. А. Толстая записала, как Лев Николаевич вспоминал план

CC BY

своего яснополянского дома, в котором он провёл детство: «Он вспоминал: тут была детская, тут жила Прасковья Саввишна, тут был большой отцовский кабинет, большая зала, комната холостых, официантская, диванная и т. д.» [Толстая, 2022, с. 343]. Данное описание соответствовало стандарту обустройства дворянского жилища. М. В. Капкан отмечает, что «культура повседневности не получает институционального оформления. Она рождается и функционирует в сфере обыденной деятельности…» [Капкан, 2016, с. 16]. Мы полагаем, что бытие каждого социального института имеет повседневный аспект, в котором генерируются обыденные знания.

Креолизованный характер повседневности отмечает В. Д. Лелеко: «Повседневность полилингвистична. В ее пространстве функционирует несколько языков» [Лелеко, 2002, с. 41]. Этот же признак повседневности подчёркивает С. Махлина: «Особенности восприятия человеком окружающего его мира формируются акустическими, тактильными, визуальными каналами, что в итоге рождает полилингвистичность повседневности» [Махлина, 2009, с. 528—529]. В семиотических множествах повседневности можно выделить ключевые знаки, наиболее ярко подчёркивающие её своеобразие. Так, городские топонимы *Криволучье, Мясново, Глушанки* прочитываются туляком как удалённые, непрестижные объекты. Среди многообразия микротопонимов именно эти номинации становятся ключевыми знаками региональной культуры. Будучи сегментом культуры, формой существования повседневности является текст культуры.

3.4. Повседневность и идентичность

Повседневность можно охарактеризовать как ментально-знаковую сферу бытия субъекта, среду его существования. В этом усматривается связь повседневности с идентичностью, которая проявляется в том, что первая воспринимается субъектом культуры как своё, понятное, известное, безопасное, комфортное пространство. В названном аспекте повседневность может быть рассмотрена в субъективной и объективной ипостасях. В первом случае она трактуется как проявление личностного бытия и сознания. А. Ю. Березовая пишет: «Повседневность человека — это и есть его внутренний жизненный мир, объективированный вовне. Повседневность — это мой мир, это близкое, родное, свое, обычное, привычное и т. п. Вот то, что рядом с моим здесь-и-сейчас, это мой жизненный мир, чуть подальше — тоже моя повседневность; границы, где она кончается, размыты, неизвестны» [Березовая, 2012, с. 249]. Этот аспект повседневности находит своё отражение в дневниках, мемуарах, воспоминаниях, путевых заметках. Приведём пример из дневника С. А. Толстой, запись от 7 октября 1863 года: «Скука. Как ещё радостно, что есть сын. Зачем няня; беспрестанные заботы о пелёнках меня отвлекали от мыслей… На бал хо-

CC BY

чется — но скука не от того…» [Толстая, 2022, с. 32]. Дневниковая запись фиксирует душевное состояние человека в данный момент. М. В. Капкан включает в понятие повседневности «…субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни» [Капкан, 2016, с. 14] Во втором случае повседневность характеризует обыденную жизнь социума. А. Шюц вводит понятие «мы-группы» для характеристики идентифицирующей функции повседневности: «То, что считается знакомым каждому, кто разделяет нашу систему релевантностей, — это образ жизни, рассматриваемый как естественный, нормальный, правильный членами “мы-группы”. В качестве такового он является источником множества рецептов обращения с вещами и людьми в типичных ситуациях…» [Шюц, 1988, с. 134].

Примером вербального воплощения повседневности этого вида является газета. Так, в тульской газете «Коммунар» (№ 3, 4 января 1942) отражена повседневность города в это время: проведение новогодней ёлки во второй школе, открытие катка и лыжной станции при стадионе «Пищевик», окончание ремонта в облдрамтеатре им. М. Горького, открытие школ в тульской области, возобновление работы гармонной фабрики, открытие ряда аптек [Коммунар]. В контексте региональной идентичности повседневность проявляет себя в городской (в широком понимании данного слова) обыденности: то, что является общепринятым, понятным для жителей локации. Например, современным туляком прочитываются ключевые знаки, указывающие на границы города: *Красные ворота, Белые ворота, Косая Гора*.

Семиотические сферы идентичности и повседневности находятся в привативных отношениях: то, что является обычным, не всегда выступает знаком своего в противовес чужому. При этом все культурные маркеры идентичности включены в повседневность субъекта культуры. Так, для С. А. Толстой суп *принтаньер* является знаком традиционного обеденного блюда: «И сейчас обед писать: суп принтаньер. Ах, как надоело! 35 лет, всякий день — суп принтаньер» [Толстая, 2022, с. 237]. Из этого следует, что лингвокультурные единицы входят в символарий повседневности. Повседневность формирует почву для формирования знаков идентичности. Так, Г. И. Успенский описывает обыденность Тулы XIX века: «В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то вперемежку, то сразу вдруг обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; звуки гармонии, на которой мастер для пробы тронул с “перехватом”; жужжание токарного станка — и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня» [Успенский, 1977, с. 24]. Знаки: «стук молотков», «звуки гармони», «жужжание токарного станка» — выступают средствами идентификации туляка.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Итак, лингвокультурологическое освещение повседневности, под которой мы предлагаем понимать сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее время, позволил выявить следующие признаки данного феномена:

— отражение синхронного существования обыденной культуры;

— охват всех сфер актуальной жизни общества в ее текущем состоянии;

— включение в себя обычного, заурядного, общепринятого, закономерного, стандартного, привычного, узнаваемого;

— стабильность и в то же время изменчивость;

— аспектуализация в соответствии с возрастными, гендерными, социальными характеристиками субъекта культуры, воплощение как индивидуального, так и коллективного мировосприятия;

— формирование когнитивной базы для оценки действительности.

Будучи формой существования культуры, повседневность имеет ментальное и знаковое измерение. Первое наполняет система наивных знаний: представления, обыденные понятия, культурные установки, стандарты, нормы, запреты, категоризованные в сознании в виде скриптов и прототипов. Повседневность включает актуальные ценности, воплощающие современную ей идеологию.

Второе представлено различными практиками человека и привычными для него знаковыми множествами, в которых они осуществляются. Вербальными формами отражения повседневности являются дневники, воспоминания, путевые заметки, газеты. Основная форма существования повседневности — креолизованный текст культуры.

Повседневность связана с культурной идентичностью, поскольку она отражает сферу существования субъекта культуры. Семиотические сферы идентичности и повседневности находятся в привативных отношениях: то, что является обычным, не всегда выступает знаком своего в противовес чужому. При этом все культурные маркеры идентичности включены в повседневность субъекта культуры. Из этого следует, что лингвокультурные единицы входят в символарий повседневности. Повседневность формирует почву для создания знаков идентичности.

Изучение языка в аспекте повседневности является перспективным вектором развития лингвокультурологии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Вересаев В. В.* Воспоминания / В. В. Вересаев // Собрание сочинений в 5 т. — Москва : Правда, 1961. — Т. 5. — 536 с.

2. *Коммунар* [Электронный ресурс] // Тульский исторический портал. — 1942. — № 3. — Режим доступа : http://data.tularlic.ru/newspaper/Kommunar/1942/8 (дата обращения 21.07.2023).

3. *Толстая С. А.* Дневники 1862—1910 / С. А. Толстая. — Москва : Захаров, 2022. — 704 с. — ISBN 978-5-8159-1433-9.

4. *Успенский Г. И.* Нравы Растеряевой улицы / Г. И. Успенский // Теперь и прежде. — Москва : Сов. Россия, 1977. — С. 23—180.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. — Москва : Яз. рус. культуры, 1995. — Т. 1. — С. 348—388.

2. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : В 3 т. / А. Н. Афанасьев [Репринт издания 1865 г., с исправлениями]. — Москва : Индрик, 1994.

3. *Березовая А. Ю.* Становление термина «повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «Повседневность» учёными / А. Ю. Березовая // Культура. Духовность. Общество. — 2012. — № 1. — С. 244—252.

4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 624 с.

5. *Греймас А. Ж.* Семиотика : Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. — Москва : Радуга, 1983. — С. 483—550.

6. *Калёнова Н. А.* Лингвокреативный потенциал фразеологии повседневности / Н. А. Калёнова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 7 (150). — С. 97—105.

7. *Капкан М. В.* Культура повседневности / М. В. Капкан. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 110 с. — ISBN 978-5-7996-1852-0.

8. *Карлсон Ю. В.* Повседневность как объект социально-философского знания / Ю. В. Карлсон // Структуры повседневности : Социал.-философский анализ. — Пятигорск : Пятиг. гос. лингв. ун-т, 2011. — С. 12—30. — ISBN 978-5-4220-0271-9.

9. *Кириленко Г. Г.* Мировоззрение. Жизненный мир. Повседневность / Г. Г. Кириленко // Преподаватель XXI век. — 2009. — № 4. — С. 250—255.

10. *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. — 320 с. — ISBN 5-94708-007-9.

11. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. — Москва : Проспект, 2023. — 440 с. — ISBN 978-5-392-36578-4.

12. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. — 412 с. — ISBN 978-5-210-01631-7.

13. *Махлина С.* Семиотика повседневности / С. Махлина // Словарь по семиотике культуры. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2009. — С. 525—535. — ISBN 978-5-210-01591-4.

14. *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 2000. — 480 с. — ISBN 5-87604-191-2.

15. *Ринчинова М. М.* Понятие «повседневность» в научном дискурсе / М. М. Ринчинова // Культура и цивилизация. — 2019. — Том 9. — № 2А. — С. 74—81.

16. *Славянские* древности. Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995.

17. *Станкевич Л. П.* Феномен повседневности: сущность, содержание и целостность / Л. П. Станкевич, И. П. Полякова // Философия и общество. — 2009. — № 2. — С. 72—81.

18. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Яз. рус. культуры, 1996. — 284 с.

19. *Токарев Г. В.* Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры) / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2023. — № 12 (4). — С. 261—278. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278.

20. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследование в области мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс ; Культура, 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.

21. *Шюц А.* О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3. — № 2. — С. 3—34.

22. *Шюц А.* Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 129—137.

23. *Ястребицкая А. Л.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике / А. Л. Ястребицкая // Одиссей : Человек в истории. — Москва : Наука, 1991. — 412 с.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 26.09.2023.

Material resources

Kommunar. (1942). *Tula Historical Portal, 3.* Available at: http://data.tularlic.ru/newspaper/Kommunar/1942/8 (accessed mode 21.07.2023). (In Russ.).

Tolstaya, S. A. (2022). *Diaries 1862—1910.* Moscow: Zakharov. 704 p. ISBN 978-5-8159-1433-9. (In Russ.).

Uspensky, G. I. (1977). Customs of Rasteryaeva Street. In: *Now and before.* Moscow: Sov. Russia. 23—180. (In Russ.).

Veresaev, V. V. (1961). Memoirs. In: *Collected works in 5 volumes, 5.* Moscow: Pravda. 536 p. (In Russ.).

References

Afanasyev, A. N. (1994). *Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols.* Moscow: Indrik. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (1995). The image of a person according to language data: an attempt at a system description. In: *Selected works. Integral language description and system lexicography, 1.* Moscow: Yaz. rus. Kultury. 348—388. (In Russ.).

Berezovaya, A. Yu. (2012). The formation of the term “everyday life”. Various approaches to the consideration of the term “Everyday life” by scientists. *Culture. Spirituality. Society, 1:* 244—252. (In Russ.).

Braudel, F. (1986). *Material civilization, economy and capitalism, XV—XVIII centuries. Structures of everyday life: the Possible and the impossible, 1.* Moscow: Progress. 624 p. (In Russ.).

Greimas, A. J., Courte, J. (1983). Semiotics: Explanatory dictionary of language theory. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. 483—550. (In Russ.).

Kalenova, N. A. (2020). Linguocreative potential of phraseology of everyday life. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 7 (150):* 97—105. (In Russ.).

Kapkan, M. V. (2016). *Culture of everyday life.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 110 p. ISBN 978-5-7996-1852-0. (In Russ.).

Karlson, Yu. V. (2011). Everyday life as an object of socio-philosophical knowledge. In: *Structures of everyday life: Social — philosophical analysis.* Pyatigorsk: Pyatig. gos. lingv. un-t. 12—30. ISBN 978-5-4220-0271-9. (In Russ.).

Kirilenko, G. G. (2009). Worldview. The life world. Everyday life. *Teacher of the XXI century, 4:* 250—255. (In Russ.).

Leleko, V. D. (2002). *The space of everyday life in European culture*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. 320 p. ISBN 5-94708-007-9. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1994). *Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century).* Saint Petersburg: "Art-SPb". 412 p. ISBN 978-5-210-01631-7. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2023). *A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Comment.* Moscow: Prospekt. 440 p. ISBN 978-5-392-36578-4. (In Russ.).

Makhlina, S. (2009). Semiotics of everyday life. In: *Dictionary of semiotics of culture.* St. Petersburg: Art-SPb. 525—535. ISBN 978-5-210-01591-4. (In Russ.).

Potebnya, A. A. (2000). *Symbol and myth in folk culture.* Moscow: Labyrinth. 480 p. ISBN 5-87604-191-2. (In Russ.).

Rinchinova, M. M. (2019). The concept of "everyday life" in scientific discourse. *Culture and civilization, 9 (2A):* 74—81. (In Russ.).

Schutz, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sociological research, 2:* 129—137. (In Russ.).

Schutz, A. (2003). On the multiplicity of realities. *Sociological Review, 3 (2):* 3—34. (In Russ.).

Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes. (1995). Moscow: International Relations. (In Russ.).

Stankevich, L. P., Polyakova, I. P. (2009). The phenomenon of everyday life: essence, content and integrity. In: *Philosophy and Society, 2:* 72—81. (In Russ.).

Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. 284 p. (In Russ.).

Tokarev, G. V. (2023). Specifics of Brand as Linguocultural Unit (Tula Text of Culture). *Nauchnyi dialog, 12 (4):* 261—278. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites.* Moscow: Progress; Culture. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).

Yastrebitskaya, A. L. (1991). Everyday life and material culture of the Middle Ages in Russian medieval studies. In: *Odyssey: A Man in History.* Moscow: Nauka. 412 p. (In Russ.).

The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 26.09.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анжелика Александровна Дякина, д-р филол. наук (Елец)
Анна Дмитриевна Курилова, канд. филол. наук (Москва)
Ирина Маратовна Таюпова, канд. мед. наук (Уфа)
Кирилл Игоревич Белоусов, аспирант (Елец)
Ольга Андреевна Махно, преподаватель (Москва)
Ольга Ивановна Таюпова, д-р филол. наук (Уфа)
Юлия Викторовна Донскова, канд. филол. наук (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Донскова Ю. В. Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе / Ю. В. Донскова, А. Д. Курилова, О. А. Махно // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 83—101. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101.

Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Makhno, O. A. (2023). Semiotics of Vaccination Advertising in Media Discourse. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 83-101. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101

Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе

Донскова Юлия Викторовна *
orcid.org/0000-0001-8002-603X
кандидат филологических наук,
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации,
**** корреспондирующий автор***
mehetabel@mail.ru

Курилова Анна Дмитриевна
orcid.org/0000-0001-9311-1380
кандидат филологических наук, доцент,
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации
akurilova@mail.ru

Махно Ольга Андреевна
orcid.org/0009-0003-1999-9133
преподаватель,
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации
oa.art@yandex.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Semiotics of Vaccination Advertising in Media Discourse

Yulia V.Donskova *
orcid.org/0000-0001-8002-603X
PhD in Philology,
Institute of Linguistics and
Intercultural Communication,
**** Corresponding author***
mehetabel@mail.ru

Anna D. Kurilova
orcid.org/0000-0001-9311-1380
PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
akurilova@mail.ru

Olga A. Makhno
orcid.org/0009-0003-1999-9133
lecturer,
Institute of Linguistics and
Intercultural Communication
brasikaikea@rambler.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Махно О. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является анализ вербально-визуальных средств в рекламе вакцинации против COVID-19. Поставлена задача рассмотреть особенности семиотики рекламы вакцинации на материале кампаний в разных странах мира, выделить успешные рекламные стратегии и обнаружить причины коммуникативных неудач. Анализируются приемы сочетания визуального и вербального нарратива в креолизованных рекламных текстах. Подчеркивается, что именно визуальный нарратив, апеллирующий к подсознанию, часто способствует совершению реципиентом рекламы необходимого посткоммуникативного действия. Проводится рассмотрение тактик аргументации, применяемых в рекламе вакцинации (среди них — апелляция к авторитету, к таким ценностям, как здоровье, любовь, свобода и т. д.), изучение семиотики визуального ряда, участвующего в аргументации. В статье анализируется также семиотика цветовых сигналов в рекламном дискурсе, выявляется их влияние на подсознание реципиента. Отдельно рассматриваются примеры использования в кампании вакцинации семантических знаков, взятых из других смысловых областей: избирательной кампании, системы дорожных знаков. Отмечается креативность данных приемов, но также указывается на опасность визуального разрыва со слоганами и коммуникативной неудачи. Делается вывод о большей эффективности рекламы, апеллирующей к позитивным чувствам социальной ответственности, комфорта, благополучия, чем рекламы, использующей аргументацию угрозы.

Ключевые слова:
семиотика; реклама; вакцинация; COVID-19; медиакоммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to analyze the verbal and visual means in advertising COVID-19 vaccination. The task is to examine the peculiarities of semiotics in vaccination advertising based on campaigns from different countries around the world, identify successful advertising strategies, and discover the reasons for communicative failures. The study analyzes the techniques of combining visual and verbal narratives in creolized advertising texts. It emphasizes that it is the visual narrative that appeals to the subconscious, which often contributes to the recipient's necessary post-communicative action. The article examines the tactics of argumentation used in vaccination advertising (including appeals to authority, values such as health, love, freedom, etc.), studies the semiotics of the visual elements involved in argumentation. The article also analyzes the semiotics of color signals in advertising discourse, revealing their influence on the recipient's subconscious. Examples of using semantic signs taken from other semantic domains, such as election campaigns and road sign systems, are separately considered in vaccination campaigns. The creativity of these techniques is noted, but the danger of visual disconnect with slogans and communicative failure is also indicated. The conclusion is drawn that advertising appealing to positive feelings of social responsibility, comfort, and well-being is more effective than advertising using threat-based argumentation.

Key words:
semiotics; advertising; vaccination; COVID-19; media communication.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42+659.131.25::614.44

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Махно О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 сопровождалась крупномасштабной программой вакцинации, что в свою очередь вызвало необходимость проведения рекламных кампаний в большинстве стран мира, целью которых являлось убеждение людей в необходимости вакцинирования.

Социальная реклама «всегда направлена на распространение социальных норм, ценностей и моделей поведения, способствующих совместному существованию индивидов» [Ильина, 2019, с. 48] и призвана быстро реагировать на появление общественно значимых задач. Реклама вакцинации стала важным средством информирования общества о вакцинах, разработанных против инфекции, и действенным инструментом агитации населения. Назрела необходимость рассмотрения рекламы вакцинации как особого тематического сегмента медицинской социальной рекламы.

Социальная реклама вакцинации, ориентированная на максимально широкую аудиторию, использовала как риторические приемы убеждения, так и семиотику знаковых комплексов, выражаемую посредством визуального нарратива. Нарратив в общем смысле понимается как «имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур» [Брокмейер, 2000, с. 30]. Визуальный нарратив рекламного ролика или плаката в свернутом виде рассказывает какую-либо историю, успешно заменяя или дополняя вербальный нарратив.

Визуальный нарратив является не менее значимой частью рекламы, а во многих случаях становится наиболее эффективным средством убеждения. Визуальные сигналы считываются подсознанием и влияют на поведение реципиента рекламы, способствуют совершению им нужного посткоммуникативного действия. Дополненный емким и убедительным текстом визуальный нарратив обеспечивает эффективное взаимодействие разных семиотических структур, а следовательно, усиливает результативность рекламы.

Рекламный текст рассматривается как креолизованный, то есть состоящий из вербальной и невербальной части, содержащий в себе знаки

CC BY

разных семиотических систем. Роль креолизованных текстов в современной массовой коммуникации растет. Это обусловлено, в частности, тем, что в текстах такого типа «вербальный компонент в сочетании с иконическим имеет тенденцию к воспроизведению картины мира» [Мощева, 2007, с. 151]. Сочетание визуального и вербального нарратива в креолизованных текстах широко используется в социальной рекламе.

Некоторые рекламные инструменты вызывают во многих странах неоднозначную реакцию как у специалистов и общественных деятелей, так и у обычных людей. В связи с этим возникает необходимость исследования эффективности рекламных стратегий и выработки рекомендаций по их коррекции. Потребность в анализе рекламного контента, относящегося к вакцинации от COVID-19, осознается во всем мире.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В последние годы появилось значительное количество исследований социальной рекламы, связанной с эпидемией коронавирусной инфекции [Вепрева, 2022, 2023; Воробьёва, 2021; Ёлкина, 2020; Соколова, 2021; Умеренкова, 2021 и др.]. Так, О. В. Воробьева выявила особенности функционирования социальной рекламы на начальном этапе пандемии COVID-19, отметила, что рекламная отрасль в России «смогла создать не только стандартные инструкции, но и креативно высказаться на волнующую общество тему» [Воробьёва, 2021, с. 143]. М. В. Ёлкина и А. Д. Паутов подчеркнули роль социальной рекламы в формировании новых общественных ценностей, актуальных в условиях пандемии [Ёлкина, 2020]. А. В. Умеренкова определила стратегии и приемы русско- и англоязычной антиковидной рекламы, в качестве особо актуальной стратегии обозначив «включение национально-культурного контента как средства активации национального самосознания» [Умеренкова, 2021, с. 46]. В сопоставительном исследовании социальной рекламы в России и Китае И. Т. Вепрева обратила внимание на национальную специфику социальной рекламы новой инфекции [Вепрева, 2022]. И. Т. Вепрева и Ян Чжибин выделили ценностный аспект коронавирусной рекламы в России и Китае [Вепрева, 2023]. Лингвистические аспекты социальной рекламы борьбы с COVID-19 стали предметом исследования А. Ю. Соколовой [Соколова, 2021].

В основном исследованию подвергалась социальная реклама, созданная в самом начале пандемии, когда важно было распространить идеи о необходимости самоизоляции, ношения масок, строгого соблюдения гигиенических норм. Однако интерес представляет и новый этап развития медицинской социальной рекламы, который наступает после разработки

CC BY

вакцин от коронавируса. В новейших зарубежных и отечественных публикациях затрагиваются разные аспекты данной темы.

В статье американских исследователей отмечается необходимость учитывать социальные, культурные и мировоззренческие факторы при проведении кампании обязательной вакцинации [Wang, 2023]. Связи между коммуникацией в масс-медиа, социальными нормами и готовностью людей к вакцинации прослеживаются в совместном исследовании ученых из Швейцарии и Сингапура [Geber, 2023]. О. М. Сальникова обратила внимание на роль социальной рекламы в условиях распространения «инфодемического нарратива», то есть дезинформации, влияющей на отношение населения к вакцинации [Сальникова, 2022].

В рамках данной статьи анализируются отдельные аспекты семиотики социальной рекламы вакцинации.

Материал исследования включает городскую уличную рекламу (лайтбоксы, пилоны, суперборды) и рекламу в закрытых пространствах (станции метро), контент интернет-сайтов, телерекламу общим количеством 50 единиц, из них 12 образцов относятся к аудиовизуальной рекламе, остальные представляют собой комбинацию графического и иконического нарратива. Материалом для исследования послужили образцы социальной рекламы вакцинации от коронавирусной инфекции, отражающие лингво- и социокультурные традиции разных стран, среди которых — Россия, Австралия, Великобритания, Израиль, Сингапур, Франция, Эстония.

Исследование рекламных текстов проводилось с помощью семиотического метода, а также метода дискурс-анализа и прагматического подхода к анализу языковых явлений. Примеры социальной рекламы рассматривались в единстве визуального и вербального нарративов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семиотика вакцинации

Социальная реклама как «императивный речевой жанр, коммуникативной целью которого является воздействие на адресата с целью изменения его поведенческих моделей» [Рюмин, 2012, с. 10], опирается на непосредственные, прямые формы выражения интенции. В рекламе вакцинации наряду с директивными высказываниями широко используется визуальный знак, обозначающий процедуру прививки. Демонстрация плеча с заклеенным пластырем местом инъекции оказалась одним из наиболее узнаваемых знаков вакцинации от коронавируса в отечественной и зарубежной рекламе. Жест «поднятый вверх сжатый кулак при напряженной мышце плеча» является устойчивым символом силы. Он широко известен, в частности, по значкам эмоджи.

CC BY

Лозунгом эстонской рекламной кампании вакцинации стал императивный призыв: «Подставь плечо!» («Pane õlg alla!»). Рекламная кампания проводилась на двух языках: русском и эстонском. Фразеологизм «подставить плечо» в значении «оказать поддержку» в данном примере дефразеологизирован, актуализировано прямое значение выражения (подставить плечо для инъекции). Фразеологическое значение придает дополнительный смысл выражению, обозначает необходимость вакцинации не только ради себя, но и для защиты окружающих. В видеоклипе показаны кадры фестиваля, вызывающие у целевой аудитории сожаление о том, что при пандемии массовые мероприятия проводить запрещено. Глагол с позитивной семантикой «любите» представлен в комбинации с чередующимися дополнениями «праздники», «близких», «обниматься» и т. д. Цепочка позитивных утверждений вызывает подсознательное желание согласиться с ними. После сформированного таким образом согласия лозунг «Подставь плечо!» воспринимается как очевидное, не вызывающее возражений решение проблемы.

В британских рекламных роликах, посвященных вакцинации, Элтон Джон и Майкл Кейн показывают плечо и вымышленный или реальный укол. При этом первый в шуточной манере демонстрирует безболезненность укола; второй после укола добавляет фразу — «It didn’t hurt» («Это не больно»).

Герои сингапурской рекламы во время танца делают характерный жест рукой, имитирующий укол в плечо. Танец сопровождается песней с фразой «better get your shot» («лучше сделай укол»).

Во французской рекламной кампании кадры укола в плечо сменяются кадрами открытия магазина, ресторана, театра, офиса, стадиона. В финале звучит слоган «Tous vaccinés tous protégés» («Все вакцинированы — все защищены»), который апеллирует к позитивным сторонам жизни человека, возвращению к привычной жизни.

Фиксация на плече как месте инъекции активно используется в австралийской рекламе вакцинации. На одном из австралийских плакатов представители разных народов и религий демонстрируют плечо со следами инъекции. При этом учитываются культурные табу: девушка-мусульманка указывает на плечо, закрытое одеждой. Надпись гласит: “I protected myself for my community” («Я защитила себя ради моего сообщества»). Апелляция к национальной идентичности связывается с гуманистическим призывом позаботиться об окружающих. Важность активации альтруизма в кампании вакцинации отмечалась исследователями [Chou, 2021; Jordan, 2020]. В одном из роликов австралийской кампании «Keeping Australia Covidsafe» мы видим разделенный на 25 частей экран, где в каждой ячейке отображает-

CC BY

ся фрагмент согнутой в локте руки людей разной национальности, гендера, комплекции. И у каждого героя мы видим пластырь в характерном месте, обозначающий инъекцию. Видеоролик делает акцент на инаковости, но символизирует силу общества, объединившегося в борьбе с пандемией.

3.2. Военная семантика в рекламе вакцинации

В условиях пандемии значительно увеличилось использование военной семантики в социальной рекламе (не только в рекламе вакцинации). В России визуальная реклама часто ориентируется на стилистику плакатов времен гражданской войны. Военный дискурс служит средством воздействия на подсознание аудитории. Ассоциация с военным временем порождает убежденность в необходимости всеобщей мобилизации для борьбы с врагом, см.: [Вепрева, 2023, с. 107]. Семиотический код «перст указующий» был использован в знаменитом плакате «Ты записался добровольцем?» с красноармейцем, указывающим пальцем на зрителя. Прямое обращение, применение *ты*-формы создавало ситуацию диалога. Категорично заданный вопрос, подкрепленный обличающим жестом, воспринимался как требование, приказ. Этот же жест был использован в современной социальной рекламе, напоминающей о необходимости соблюдать правила гигиены: строгий мужчина в костюме защитного цвета (ассоциация с военной формой) призывает: «Воин! Бей вирус чистыми руками!». Жест «перст указующий» в данном примере усиливает категоричность обращения, побуждает реципиента рекламы воспринимать ее как призыв к нему лично.

Военная семантика передает ощущение угрозы и необходимости борьбы. В серии австралийских плакатов надпись, актуализирующая военные ассоциации, дополняет демонстрацию плеча с местом укола: “I’ve armed myself for my country” («Я вооружился ради своей страны») и “I’ve armed myself for my family” («Я вооружился ради своей семьи»). На некоторых плакатах этот же смысл выражен в форме директивного требования: “arm yourself” («вооружись»), “arm your business” («вооружи свой бизнес»), “arm your community” («вооружи свое сообщество»), “arm your family” («вооружи свою семью»), “arm your gran” («вооружи свою бабушку»), “arm your mum” («вооружи свою маму»), “arm your mates” («вооружи своих друзей»), “arm your workmates” («вооружи своих коллег»). На каждом из плакатов демонстрируется плечо с заклеенным лейкопластырем местом прививки. Следует отметить, что на многих плакатах не видно лиц людей, крупным планом дается плечо. Такое визуальное решение способствует концентрации на главном. Разнообразие персонажей и идентичность сюжета, ассоциации с военным положением формируют подсознательное ощущение всеобщего обязательного участия в вакцинации, что и является целью социальной рекламы.

CC BY

В российском рекламном пространстве также используется метафорическая модель «борьба с коронавирусом = война», «вакцинация = оружие». Так, Агентство SLAVA и «Национальные приоритеты» запустили видеорекламу, в которой санитайзеры, маски и другие меры защиты названы «нашим оружием в борьбе с коронавирусом». Далее в рекламном тексте эта метафора получает развитие: «Мы овладели им в совершенстве <…>. Но все это средства обороны, <…> нам необходимо оружие для контратаки. Оно готово — это вакцина. Теперь мы вместе сможем победить пандемию».

Военные метафоры применительно к пандемии коронавируса характерны для политического дискурса во всем мире. Политические лидеры Великобритании, Франции, Италии, США, Китая в своих выступлениях используют такие метафорические образы, как «враг», «захватчик», «битва», «война». Военные метафоры подвергаются критике за неуместную персонификацию вируса и создание тревожной атмосферы [Semino, 2021, p. 51]. Вместе с тем есть данные, что метафорические образы врага, армии, битвы оказались более убедительными в рекламной кампании вакцинации от гриппа, чем лишенный образности текст [Citron, 2014, p. 2585]. В то же время подобные комбинированные высказывания (*Я*-высказывание с переходом на *Ты*-высказывание) указывают на патерналистскую модель общения врача / медийной личности и обывателя в обыденной коммуникации. Милитаристский дискурс в этом случае обладает конфликтогенным потенциалом, поскольку не выстраивает партнерских отношений, следовательно, снижает эффективность рекламного текста.

3.3. Тактика обращения к авторитету в социальной рекламе

В целях убеждения определенной целевой аудитории успешно применяется тактика обращения к авторитету и прецедентным героям и текстам массовой культуры. К рекламным акциям привлекаются популярные люди, значимые для различных возрастных категорий, но в большей степени для людей в возрасте 55+, на что указывает возраст участников рекламы: Элизабет Херли (56 лет), Элтон Джон (74 года), Майкл Кейн (88 лет).

В сингапурской рекламе использованы образы героев популярного в стране ситкома «Phua Chu Kang Pte Ltd». Это еще одна рекламная кампания, которая вызвала ожесточенные споры относительно эффективности, связанные с образами героев и языком, на котором они поют песню. Так, на Channel News Asia вышел комментарий с заголовком «Does Singapore have to resort to 'slapstick and Singlish' to get public messages across?» («Должен ли Сингапур прибегать к “фарсу и синглишу”, чтобы донести до общественности мнение?», 11 мая 2021). Лейтмотивом песни является фраза «Faster go and vaccinate» («Спеши вакцинироваться»), императивность которой

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

смягчается тем, что она поется в песне в стиле диско, которую исполняют персонажи во время танца.

В 2021 году на улицах Москвы проходила кампания вакцинации со слоганом «Мне привито…». На плакате режиссер Константин Богомолов убеждает сделать прививку заявлением: «Мне привито здоровье!». Здоровье является одной из главных человеческих ценностей, поэтому использование этого слова в лозунге является удачным решением. Данный слоган построен на языковой игре, в основе которой комбинация категории залога, аномалии в лексической сочетаемости, обыгрывание значений многозначного слова. Как отмечает В. З. Санников, «обыгрывание категории залога — явление не слишком частое, но крайне интересное» [Санников, 2008, с. 526]. Относительно конструкций типа «Мне привито здоровье» А. Вежбицка отмечает, что «русская дативная конструкция <…> полностью освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат» [Вежбицка, 1996, с. 72].

Однако на плакатах данной серии с участием известных людей обозначены и другие ценности: «Мне привито желание никогда не останавливаться» (Евгений Коротышкин, пловец), «Мне привито стремление помогать» (Дмитрий Бертман, руководитель театра «Геликон-опера»), «Мне привито стремление играть за команду» (Михаил Чипурин, гандболист), «Мне привита ответственность» (Ольга Свиблова, искусствовед), «Мне привито чувство свободы и гармонии» (Светлана Хоркина, гимнастка), «Мне привита забота о родителях» (Игорь Миркурбанов, актер), «Мне привито чувство ответственности перед обществом» (Дмитрий Бикбаев, актер), «Мне привито уважение к труду врачей» (Илья Бачурин, продюсер). В этом случае лексема «привито/-а» реализуется в значении «заставить усвоить, сделать привычным» [Кузнецов, 2000, с. 972]. Прием языковой игры, основанный на многозначности слова, приводит к пересечению семантических полей «воспитание, привычки» и «здоровье, вакцинация».

Штамп «Вакцинирован» на каждом плакате с зеленой галочкой не оставляет сомнений, о какой прививке идет речь, и вызывает ассоциации с пропуском в счастливую и успешную жизнь. Визуальные ассоциации с происходящей в это же время избирательной кампанией несколько затемняют направленность рекламы: она воспринимается одновременно как реклама вакцинации и реклама выборов. Слово *вакцинирован* важно в контексте социальной рекламы, но в данном случае дизайнерское решение привело к визуальному разрыву со слоганами и, как следствие, к коммуникативной неудаче.

Фактор неожиданности, заключающийся в несовпадении визуального ряда с целью ролика, использован в рекламе вакцинации с участием бай-

CC BY

керов из московского мотоклуба врачей во главе с главврачом Городской клинической больницы в Коммунарке Денисом Проценко. Лозунг ролика подчеркивает, что вакцинация необходима всем: «Даже если ты большой и брутальный, пройди вакцинацию от COVID-19».

3.4. Семиотический потенциал цвета

Цветовые эффекты широко применяются в рекламе вакцинации в разных странах. Например, в израильской телевизионной рекламе бордовый цвет, символизирующий опасность, в конце ролика меняется на умиротворяющий бирюзовый.

Наиболее активно в рекламе вакцинации используются красный и зеленый цвета, значение которых коррелирует с семантикой светофора. Красный цвет, как правило, сигнализирует об опасности, зеленый вызывает позитивные ассоциации со снятием ограничений. Семантическим аналогом зеленого выступает в некоторых случаях синий цвет, символизирующий спокойствие, умиротворение, решение проблем.

Цветовые сигналы в визуальной рекламе могут усиливать тактику апелляции к авторитету. Данная тактика применяется, например, в плакате с фотографией актера Владимира Машкова и подписью: «Я сделал прививку от коронавируса. А вы?». В рекламе обращает на себя внимание диалогическая форма. Создается впечатление доверительного разговора с артистом. Активную роль играют визуальные эффекты. Слова «Я сделал прививку» даны на зеленом фоне. Зеленый цвет передает ощущение здоровья, безопасности. Ниже слова «от коронавируса» даны красным шрифтом, и вопрос: «А вы?» помещен на красном фоне. Красный цвет обладает определенными знаковыми коннотациями, а именно создает ощущение опасности, тревоги.

Отечественная уличная реклама часто состоит из одного лозунга без визуального ряда. Например: «Хватит бояться. Сделай прививку!» Однако даже такая лаконичная реклама использует семиотику изображения. Так, слова «Хватит бояться» обозначены красным шрифтом, а «Сделай прививку!» — синим. Таким образом, транслируется тревога, ощущение опасности в первой части надписи и спокойствие, уверенность — во второй. Аналогичный прием, заключающийся в использовании красного и синего цвета, а также двухчастности лозунга, применен в следующих рекламных плакатах этого цикла: «Вакцинация спасает жизни» (синий цвет), «Не беречь себя и близких — это безумие» (красный цвет); «Коронавирус убивает каждый день» (красный цвет), «Сделайте прививку сегодня» (синий цвет).

Исследователями отмечалась корреляция сине-зеленых тонов в текстах периода пандемии COVID-19 с объектами, «символизирующими опасность и угрозу для здоровья» [Гукосьянц и др., 2022, с. 148]. Холодные

CC BY

сине-зеленые оттенки в антитезе с красным цветом, как было показано, указывают на преодоление опасности, выздоровление, однако в роли цветовой доминанты они, действительно, ассоциируются с болезнью, слабостью, угасанием. Например, в видеоролике, где главврач московской ГКБ № 15 Валерий Вечорко демонстрирует угрожающие последствия ковида (вплоть до летального исхода и морга, «где закончится ваша экскурсия»), превалирует цветовая палитра сине-зеленых тонов, снижена насыщенность всех оттенков таким образом, что даже цвет кожи врача оказывается землисто-серым. Акцентным в ролике становится бестеневое освещение больничных ламп с белым (стерильным) светом. Важным визуальным акцентом являются приборы жизнеобеспечения, на которых не меняются показатели. Все застыло, как в фильме жанра хоррор. Завершается ролик переходом на черный план, словно мы уже видим некролог (который как раз логично следует за кадрами морга). На наш взгляд, также важна аллюзия к цветам в самом начале ролика (главный герой начинает рассказ на фоне кустов роз), которые из-за ахроматической колористики выглядят увядшими, что соотносится с ритуальной эстетикой и угрожающими интонациями видеоролика.

Схожее колористическое решение мы встречаем в одном из роликов австралийской кампании. По словам создателей, запуск ролика предполагался только в период очень сильного кризиса. Цветовая насыщенность сведена к минимуму, общее тональное решение темное, словно съемка происходит ночью, что при панической атаке героини, вызванной нехваткой кислорода, усиливает ощущение беспомощности (кроме вакцины, ничто и никто не поможет) и одиночества. Сине-зеленая цветовая гамма является, по нашему мнению, указанием на близость смерти.

Абсолютно другое цветовое решение использовано в позитивной в эмоциональном отношении рекламной кампании Сингапура, говорящей, что укол («shot, shot, shot») сделать легко и просто. В данном видео снижена контрастность и смягчен черный цвет, яркие неоновые цвета приглушены. Выбор песенной композиции также на эмоциональном уровне снижает градус тревожности и отсылает к эстетике мюзиклов. Ощущение безопасности поддерживается частым выбором ракурса со взглядом на героя «сверху-вниз», как обычно смотрят на детей. Подобный ракурс вызывает ощущение спокойствия, доброжелательности к человеку напротив.

3.5. Позитивная семантика визуального нарратива

Эффективность рекламных кампаний во многом зависит от способности создавать позитивные образы реальности, побуждающие осуществить необходимые действия. Оптимистический пафос характерен для ряда рассмотренных рекламных текстов. Так, например, реклама вакцинации на

CC BY

сайте Департамента предпринимательства и инновационного развития города Москвы использует семиотику дорожного знака, регулирующего скорость движения. На дорожном знаке изображена цифра 60, а надпись гласит: «Вернемся к жизни без ограничений». Ниже — комментарий: «Коллективный иммунитет в 60 % вернет нас к обычной жизни». Ограничение скорости символически соотносится с ограничениями, вызванными эпидемией. Будущее время в лозунге обозначает уверенность в позитивном развитии событий, но также читается как призыв к совместным действиям. Цифра *60* выделена красным цветом. В данном случае красный цвет использован для фиксации внимания на обозначенной цели.

В серии австралийских плакатов с изображениями людей в различные моменты жизни варьируется надпись «Before that…» («Прежде чем...»): «Before that first cuddle» («перед первым объятием») — визуальный ряд показывает бабушку, обнимающую новорожденного малыша; «Before that next getaway» («перед следующим отъездом») — визуальный ряд показывает мать, обнимающую сына перед дорогой, у сына на плече рюкзак). На других плакатах мы видим смеющихся людей на концерте, в автомобиле, за праздничным столом, у парикмахера. Разнообразие жизненных ситуаций, гендерные и возрастные различия ориентированы на расширение целевой аудитории. Все плакаты объединяет слоган «first things first» («сначала самое важное») и призыв записаться на прививку. Слово *first* (первый) в слогане фиксирует внимание на срочности процедуры. Фотографии с позитивной семантикой создают благоприятный эмоциональный фон для принятия решения.

В одном из французских роликов рекламной кампании вакцинации используется песня «Freedom» (2015) Фаррела Уильямса, выбор которой имеет цель установить ассоциативную связь между понятиями вакцинации и свободы. Аналогичная параллель проводится в серии австралийских плакатов с улыбающимися людьми и слоганом “Get vaccinated. Spread freedom” («Вакцинируйся. Распространяй свободу»). Свобода как одна из важнейших ценностей преподносится как следствие вакцинации, в обыденном сознании часто связываемой с некими ограничениями свободы.

В московском метро появилась серия плакатов, разработанная агентством креативных коммуникаций Blacklight [Ларионов, 2021]. Призыв к вакцинации подается в них в шутливой форме. На некоторых плакатах изображен вымышленный персонаж Антитело в образе призрака, который оберегает людей в масках. «Добавьте в тело антитело» — звучит лозунг. В серии также используется апелляция к прецедентному тексту. На одном из плакатов обыгрывается цитата из фильма Алексея Балабанова «Брат»: «В чем сила, медбрат? В вакцине!» Забавные надписи, условные рисунки привлекают внимание к рекламе.

CC BY

Некоторые плакаты поддерживают позитивный визуальный образ эксплицитной аргументацией в пользу прививки, апеллирующей к чувству комфорта, удовольствия, благополучия. Например, под изображением молодого человека, радостно ныряющего в водопад, помещена надпись: «I'm vaccinated because it's my passport to… travel, live music events and getting back to normality» («я вакцинирован, потому что это мой паспорт для… путешествий, живых музыкальных событий и возвращения к нормальной жизни»). Образ водопада является знаком полноты жизненных впечатлений. Российский плакат с изображением пустого кафе и надписью «Откроем лето?» также апеллирует к желанию наслаждаться полнотой жизни. Чтобы четче соотнести послание плаката с кампанией вакцинации, внизу помещена надпись: «Да, это реклама про пользу вакцинации». Визуальный нарратив в данных примерах представляет собой позитивные сюжеты, с которыми реципиент может связать собственные жизненные ситуации.

3.6. Тактика угрозы в социальной рекламе

Во всем мире ведутся споры о допустимости социальной рекламы, основанной на аргументе угрозы. Так, в Австралии в июле 2021 года осуждению подвергся 30-секундный ролик, в котором была показана задыхающаяся молодая женщина с глазами, полными ужаса. Далее следовал текст: «COVID-19 can effect anyone. Stay home. Get tested. Book your vaccination» («COVID-19 может коснуться каждого. Оставайся дома. Пройди тест. Запишись на вакцинацию»). Шокирующие кадры, директивность текста рекламы продемонстрировали переход правительства Австралии от метода пряника к методу кнута. Вместе с тем реакция негодования австралийцев из-за недопустимой мрачности рекламы заставила задуматься над вопросом об эффективности рекламной кампании. На сайте ABC.NEWS (Australia) появилась серия публикаций на эту тему. Вот несколько заголовков: «With calls for fresh COVID vaccine ads, what can we learn from past campaigns?», 22 мая 2021 («Нуждаясь в свежей рекламе вакцины от COVID-19, чему мы можем научиться у прошлых кампаний?»), «What is our COVID-19 vaccine ad campaign missing? How could the government improve its messaging?», 18 июня 2021 («Чего не хватает нашей рекламной кампании коронавирусной вакцины? Как правительство может повысить её убедительность?»). Авторы публикаций рассуждают о коммуникативных стратегиях рекламной кампании вакцинации, проводят анализ рекламных кампаний разных стран.

В России реклама вакцинации, использующая аргумент угрозы, применялась довольно часто. В Невинномысске был снят ролик, на котором директор кладбища на фоне могил убеждает в необходимости вакцинации. На одном из билбордов крупными буквами разных цветов дан вопрос:

CC BY

«Сколько должно умереть» (красный цвет), «чтобы ты привился?» (синий цвет). Внизу надпись белыми буквами на красном фоне: «Вакцинируйтесь!» Данная реклама вызвала негативную реакцию населения. Ее восприняли как недопустимую [Агрессивная …, 2021].

Также одним из ярких примеров был видеоролик, в котором главврач московской ГКБ № 15 Валерий Вечорко призывал не покупать фальшивые сертификаты о вакцинации. Как приложение к такому сертификату главврач предлагал экскурсию по больнице, где койки «очень комфортные, но придется лежать строго на животе», демонстрировал прибор, который покажет, сколько «осталось от ваших легких, если начнете задыхаться». Завершалась экскурсия фразой «А это ИВЛ. Он буквально будет дышать за вас. С этим он точно справится, а справитесь ли вы?».

Нельзя забывать, что нагнетание мрачных настроений может способствовать возникновению паники и привести к нежелательным социальным последствиям. Как отмечено Г. Г. Николайшвили, «в рекламе, особенно социальной, гораздо лучше использовать позитивные эмоции, ведь в большинстве случаев поведение человека организуется по принципу: поиск приятного — избегание неприятного» [Николайшвили, 2008, с. 80].

Угроза может носить более мягкий характер. Примером может послужить серия роликов, где как основная опасность представлена потеря вкусовых ощущений и обоняния: «Если вы переболеете, постковидный синдром на год может лишить вас вкуса и запаха любимых блюд. Смысл вакцинироваться есть». Ролики имеют различные названия: «Ресторан японской кухни или Красная зона», «Ешьте шаурму, а не картон», «Нежный торт, а не синтетика», «Как не превратить сочный бургер в резину», «Пицца или гора пластика?». Видеоряд предлагает подробно рассмотреть имитацию блюд из несъедобных материалов. В данном случае угроза касается не летального исхода, а потери качества жизни после перенесенной инфекции.

4. Заключение = Conclusions

Разнообразие приемов, используемых в рекламе вакцинации от COVID-19, свидетельствует о поиске наиболее эффективных мер воздействия на аудиторию.

В результате анализа разных типов рекламы вакцинации было отмечено, что креолизованный рекламный текст, воздействующий на различные каналы восприятия, представляет собой наиболее распространенную форму социальной рекламы. Показано, что активное применение знаков и символов, воздействующих на подсознание и апеллирующих к эмоциям, является необходимым средством убеждения. Визуальный нарратив

CC BY

во многих случаях оказывается красноречивее вербального, транслирует определенные эмоции (как позитивные, так и негативные), способствует принятию решения о вакцинации. В связи с этим представляется актуальным исследование визуального ряда рекламы с точки зрения семиотики. В качестве главного знака-символа вакцинации в рекламных кампаниях разных стран было выявлено изображение плеча с заклеенным следом от укола, прослежено функционирование этого знака в разных рекламных сценариях, определен его семантический и прагматический потенциал.

Отмечено, что выбор оригинальных визуальных решений усиливает эффективность рекламы. Применение символики цвета чаще всего заключается в противопоставлении красного цвета, сигнализирующего об опасности, и зелёного или синего, обозначающих спокойствие, решение проблемы.

Важную роль в семиотике рекламы играет выбор позитивных или негативных рекламных сценариев. Визуальный ряд, содержащий неприятные, шокирующие образы, вызывает у реципиента эмоциональное отторжение. Аналогичное действие оказывает использование цветовых сигналов, транслирующих чувство тревоги. В российской рекламе сценарии, основанные на тактике угрозы, встречаются чаще, чем в рекламе других стран, что соответствует традиции директивного стиля общения врача с пациентами или официального лица с гражданами. Сделан вывод о том, что в рекламе вакцинации предпочтительнее отказаться от аргументации угрозы и использовать позитивные сюжеты, апеллирующие к чувству комфорта, благополучия, социальной ответственности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Агрессивная* реклама прививки от коронавируса возмутила жителей Ставрополя [Электронный ресурс] // News Tracker. — 2021. — 4 июля. — Режим доступа : https://newstracker.ru/news/society/03-07-2021/agressivnaya-reklama-privivki-ot-koronavirusa-vozmutila-zhiteley-stavropolya (дата обращения 20.01.2022).

2. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN: 5-7711-0015-3.

3. *Ларионов Я.* Вдохновленная Балабановым реклама вакцинации появилась в московском метро [Электронный ресурс] / Я. Ларионов // Газета.ru. — 2021. — 3 августа. — Режим доступа : https://www.gazeta.ru/social/news/2021/08/02/n_16331132.shtml (дата обращения 15.01.2022).

4. *COVID-19* and vaccines campaign advertisements: a collection of advertisements from the COVID-19 and vaccines campaign [Electronic resourse] // Australian Government. Department of Health and Aged Care. — Access mode: https://www.health.gov.au/our-work/covid-19-vaccines/campaign/covid-19-and-vaccines-campaign-videos/covid-19-and-vaccines-campaign-advertisements (accessed 12.04.2023).

Литература

1. *Брокмейер Й.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. — 2000. —№ 3. — С. 29—42.

2. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. — Москва : Русские словари,1996. —416 с. — ISBN 5-89216-002-5.

3. *Вепрева И. Т.* Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева, Ян Чжибин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 102—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123.

4. *Вепрева И. Т.* Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева // Quaestio Rossica. — 2022. — Т. 10, № 1. — С. 35—52. — DOI: 10.15826/qr.2022.1.657.

5. *Воробьева О. В.* Российская социальная реклама начала пандемии 2020 / О. В. Воробьёва // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 69—3. — С. 138—143. — DOI: 10.18411/lj-01-2021-120.

6. *Гукосьянц О. Ю.* Роль цвета и цветономинаций в поликодовом тексте / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимурадов, А. А. Горжая // Научный диалог. — 2022. — 11 (10). — С. 140—155. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155.

7. *Ёлкина М. В.* Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса / М. В. Ёлкина, А. Д. Паутов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 61—68. — DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.14.7.

8. *Ильина В. В.* Особенности современной российской социальной рекламы / В. В. Ильина // Коммуникология. — 2019. — Т. 4, № 2. — С. 64—68.

9. *Мощева С. В.* Креолизованный рекламный текст / С. В. Мощева // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. — 2007. — № 2. — С. 148—151.

10. *Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: теория и практика / Г. Г. Николайшвили. — Москва : Аспект-пресс, 2008. — 192 с. — ISBN 978-5-7567-0489-1.

11. *Рюмин Р. В.* Социальная реклама как речевой жанр : автореферат диссертации… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Р. В. Рюмин. — Томск, 2012. — 23 с.

12. *Сальникова О.М.* Роль социальной рекламы в решении проблемы вакцинации против COVID-19 / О. М. Сальникова // Управление коммуникациями: сборник статей Первой международной научно-практической конференции (Москва, 14—15 декабря 2021 г.). — Москва : МГЛУ, 2022. — С. 201—209.

13. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры, 2008. — 624 с. — ISBN 978-5-9551-0236-8.

14. *Соколова А. Ю.* Социальная реклама COVID-19: лингвистические аспекты / А. Ю. Соколова, Л. Д. Жучкова // Тверской медицинский журнал. — 2021. — № 1. — С. 57—64.

15. *Умеренкова А. В.* Культурно-релевантный контент дискурса социальной рекламы (на материале русско- и англоязычной рекламы по борьбе с коронавирусом) / А. В. Уме-

ренкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2021. — № 1. — С. 39—48. — DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48.

16. *Chou W.-Y.S.* Considering Emotion in COVID-19 Vaccine Communication: Addressing Vaccine Hesitancy and Fostering Vaccine Confidence / W.-Y. S. Chou, A. Budenz // Health communication. — 2021. — Vol. 35. — Issue 14. — P. 1718—1722. — DOI: 10.1080/1041 0236.2020.1838096.

17. *Citron F. M.* Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts / F. M. Citron, A. E. Goldberg // Journal of cognitive neuroscience. — 2014. — Vol. 26 (11). — P. 2585—2595.

18. *Geber S.* Communication, social norms and the intention to get vaccinated against Covid-19 / S. Geber, S. S. Ho, O. Mengxue // European Journal of Health Communication. — 2023. — Vol. 4 (2). — P. 113—139. — DOI: 10.47368/ejhc.2023.206.

19. *Jordan J.*. Don't get it or don't spread it? Comparing self-interested versus prosocially framed COVID-19 prevention messaging [Electronic resourse] / J. Jordan, E. Yoeli, D. Rand // PsyArXiv. — 2020. — April 3. — Access mode: https://psyarxiv.com/yuq7x (accessed 22.01.2022).

20. *Semino E.* "Not Soldiers but Fire-fighters" — Metaphors and Covid-19 / E. Semino // Health communication. — 2021. — Vol. 36. — Issue 1. — P. 50—58. — DOI: https://doi.org /10.1080/10410236.2020.1844989.

21. *Support* for COVID-19 mandatory vaccination in the United States: examining the role of cultural worldviews, risk-benefit perceptions, and trust in scientists / Y. Wang, J. Leach, J. Kim, S. Lee // Journal of Science Communication. — 2023. — Vol. 22. — Issue 02. — DOI: 10.22323/2.22020203.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023,
одобрена после рецензирования 07.09.2023,
подготовлена к публикации 20.09.2023.

Material resources

Aggressive advertising of the coronavirus vaccine outraged the residents of Stavropol (2021). *News Tracker. July 4*. Available at: https://newstracker.ru/news/society/03-07-2021/agressivnaya-reklama-privivki-ot-koronavirusa-vozmutila-zhiteley-stavropolya (accessed 20.01.2022). (In Russ.).

COVID-19 and vaccines campaign advertisements: a collection of advertisements from the COVID-19 and vaccines campaign. *Australian Government. Department of Health and Aged Care*. Available at: https://www.health.gov.au/our-work/covid-19-vaccines/campaign/covid-19-and-vaccines-campaign-videos/covid-19-and-vaccines--campaign- advertisements (accessed 04.12.2023).

Kuznetsov, S. A. (2000) *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN: 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Larionov, Ya. (2021). Inspired by Balabanov, advertising of vaccination appeared in the Moscow metro. *Gazeta.ru. August 3*. Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/08/02/n_16331132.shtml (accessed 01.15.2022). (In Russ.).

References

Brockmeyer J., Harre R. (2000). Narrative: problems and promises of one alternative paradigm. *Questions of Philosophy, 3:* 29—42. (In Russ.).

Chou, W.-Y.S., Budenz, A. (2021). Considering Emotion in COVID-19 Vaccine Communication: Addressing Vaccine Hesitancy and Fostering Vaccine Confidence. *Health communication, 35 (14):* 1718—1722. DOI: 10.1080/10410236.2020.1838096.

Citron, F. M., Goldberg, A. E. (2014). Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of cognitive neuroscience, 26 (11):* 2585—2595.

Geber, S., Ho, S. S., Mengxue, O. (2023). Communication, social norms and the intention to get vaccinated against Covid-19. *European Journal of Health Communication, 4 (2):* 113—139. DOI: 10.47368/ejhc.2023.206.

Gukosyants, O. Yu., Alimuradov, O. A., Gorzhaya, A. A. (2022). Color and Color Nominations in Polycode Text. *Nauchnyi dialog, 11 (10):* 140—155. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155. (In Russ.).

Ilyina, V. V. (2019). Features of modern Russian social advertising. *Communicology, 4 (2):* 64—68. (In Russ.).

Jordan, J., Yoeli, E., Rand, D. (2020). Don't get it or don't spread it? Comparing self-interested versus prosocially framed COVID-19 prevention messaging. *PsyArXiv,* April 3. Available at: https://psyarxiv.com/yuq7x (accessed 22.01.2022).

Moshcheva, S. V. (2007). Creolized advertising text. *Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology, 2:* 148—151. (In Russ.).

Nikolayshvili, G. G. (2008). *Social advertising: theory and practice*. Moscow: Aspect-press. 192 p. ISBN 978-5-7567-0489-1. (In Russ.).

Ryumin, R. V. *Social advertising as a speech genre*: author's abstract of PhD Diss. Tomsk, 2012. 23 p. (In Russ.).

Salnikova, O. M. (2022). The role of social advertising in solving the problem of vaccination against COVID-19. In: *Communication management: a collection of articles from the First International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 14—15, 2021)*. Moscow: MGLU. 201—209. (In Russ.).

Sannikov, V. Z. (2008). *Russian syntax in the semantic-pragmatic space*. Moscow: Languages of Russian culture. 624 p. ISBN 978-5-9551-0236-8. (In Russ.).

Semino, E. (2021). "Not Soldiers but Fire-fighters" — Metaphors and Covid-19. Health communication, 36 (1): 50—58. DOI: https://doi.org/10.1080/10410236.2020.1844989.

Sokolova, A. Yu., Zhuchkova, L. D. (2021). Social advertising COVID-19: linguistic aspects. *Tver Medical Journal, 1:* 57—64. (In Russ.).

Support for COVID-19 mandatory vaccination in the United States: examining the role of cultural worldviews, risk-benefit perceptions, and trust in scientists. (2023). *Journal of Science Communication, 22 (02)*. DOI: 10.22323/2.22020203.

Umerenkova, A. V. (2021). Culturally relevant content of the discourse of social advertising (on the basis of Russian and English advertising on the fight against coronavirus). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 1:* 39—48. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48. (In Russ.).

Vepreva, I. T. (2022). National specifics of social advertising about coronavirus in Russia and China. *Quaestio Rossica, 10(1):* 35—52. DOI: 10.15826/qr.2022.1.657. (In Russ.).

Vepreva, I. T., Yang Chzhibin. (2023). Axiosphere of Social Advertising Poster about Coronavirus in Russia and China. *Nauchnyi dialog, 12 (2):* 102—123. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. (In Russ.).

Vezhbitska, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Pvc dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).

Vorobyeva, O. V. (2021). Russian social advertising of the beginning of the pandemic 2020. *Trends in the development of science and education, 69 (3):* 138—143. DOI: 10.18411/lj-01-2021-120. (In Russ.).

Yolkina, M. V., Pautov, A. D. (2020). Specifics of social advertising in the context of the coronavirus pandemic. *Human Science: Humanities Research, 14 (4):* 61—68. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.14.7. (In Russ.).

The article was submitted 03.07.2023;
approved after reviewing 07.09.2023;
accepted for publication 20.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Дякина А. А. Медиаобразовательный потенциал журналистики Липецкого региона в условиях конвергенции СМИ / А. А. Дякина, К. И. Белоусов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 102—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-102-120.

Dyakina, A. A., Belousov, K. I. (2023). Media Education Potential of Lipetsk Regional Journalism in Context of Media Convergence. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 102-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-102-120. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-102-120

Медиаобразовательный потенциал журналистики Липецкого региона в условиях конвергенции СМИ

Дякина Анжелика Александровна *
orcid.org/0000-0002-6319-6966
доктор филологических наук,
профессор
кафедры литературоведения
и журналистики,
**** корреспондирующий автор***
anjeloprof@mail.ru

Белоусов Кирилл Игоревич
orcid.org/0009-0006-9889-2706
аспирант
кафедры литературоведения
и журналистики
belousoff.kirill2010@yandex.ru

Елецкий государственный
университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Media Education Potential of Lipetsk Regional Journalism in Context of Media Convergence

Angelika A. Dyakina *
orcid.org/0000-0002-6319-6966
Doctor of Philology, Professor,
Department of Literary Studies
and Journalism,
**** Corresponding author***
anjeloprof@mail.ru

Kirill I. Belousov
orcid.org/0009-0006-9889-2706
Post-Graduate Student,
Department of Literary Studies
and Journalism
belousoff.kirill2010@yandex.ru

Bunin Yelets State
University
(Yelets, Russia)

© Дякина А. А., Белоусов К. И., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы, связанные с медиаобразовательным потенциалом региональной журналистики. Актуальность исследования обусловлена потребностью массового медиаобразования как необходимого отклика на вызовы постоянно насыщающейся информационно-коммуникационной среды, в которой живет человек цифровой эпохи, и повышенной ролью СМИ в этом процессе. Отмечается, что медиаобразовательная деятельность журналистики определяется в качестве стратегически значимого направления развития современного общества. Выполнен обзор состояния печатных и сетевых СМИ, входящих в состав Издательского дома «Липецкая газета», с точки зрения использования ими достижений конвергентности на технологическом уровне представления информации. Новизна исследования видится в предложенном подходе к оценке медиаобразовательного потенциала регионального Издательского дома в целом, а не его отдельных составляющих. Авторами отмечены проблемы освоения региональными изданиями возможностей интернет-пространства, которые препятствуют развитию медиаобразовательного потенциала. Доказано, что именно интеграция новых медиа в традиционные форматы подачи информации существенно повышает интерес потребителей к таким источникам, содействует установлению интерактивных связей и росту медийной культуры населения. Подчеркивается, что сочетание классических форм работы с мультимедийными возможностями создает прочную медиаобразовательную базу СМИ.

Ключевые слова:
региональная журналистика; конвергенция СМИ; медиаобразовательная деятельность; медиаграмотность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the media education potential of regional journalism. The relevance of the study is due to the need for mass media education as a necessary response to the challenges of the constantly saturated information and communication environment in which people live in the digital age, and the increased role of the media in this process. It is noted that media education activities of journalism are determined as a strategically important direction for the development of modern society. An overview of the state of print and online media, which are part of the Lipetsk newspaper publishing house, is presented from the point of view of their use of convergence achievements at the technological level of information presentation. The novelty of the study is seen in the proposed approach to assessing the media education potential of the regional publishing house as a whole, rather than its individual components. The authors note the problems of regional publications in mastering the possibilities of the internet space, which hinder the development of media education potential. It is proven that it is precisely the integration of new media into traditional formats of information presentation that significantly increases consumer interest in such sources, promotes the establishment of interactive relationships, and increases the media culture of the population. It is emphasized that a combination of classical work forms with multimedia capabilities creates a strong media education base for the media.

Key words:
Keywords: regional journalism; media convergence; media education activities; media literacy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42:070(470.322)“200/202”

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиаобразовательный потенциал журналистики Липецкого региона в условиях конвергенции СМИ

© Дякина А. А., Белоусов К. И., 2023

1. Введение = Introduction

Медиобразовательная деятельность СМИ — стратегически значимое направление современного социокультурного развития. Актуализация его связана с объективной потребностью в профессионально организованном и целенаправленном процессе по формированию медиаграмотного общества как отклика на вызовы постоянно усиливающейся информационной и технологической насыщенности пространства.

Тема исследования формируется относительно двух понятий: медиаобразование и медиаконвергенция, — не имеющих в отечественной науке однозначных толкований. Российские ученые в большинстве своем признают определение медиаобразования, данное профессором А. В. Федоровым: «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [Федоров, 2007, с. 107].

Медиаконвергенция рассматривается учеными как «современная форма взаимодействия СМИ» [Хелемендик, 2013, с. 106], «фактор жизнеспособности массмедиа в цифровой среде» [Уразова, 2011, с. 287], «слияние» технологий, различных медиа, рынков [Вартанова, 1999]. Зарубежные исследователи склонны к более широкой трактовке понятия, предполагающей сближение в разных сферах человеческого существования: экономической, социальной, технологической, культурной, глобальной [Marinho et al., 2008].

В настоящее время осознается необходимость анализа и осмысления медиаобразовательных возможностей российских СМИ, общая деятельность которых кардинально изменилась в условиях новейших информационно-коммуникационных технологий и рыночной экономики, ориентированной на цифровизацию. Изучение медиаобразовательного потенциала региональной журналистики представляется первоочередной задачей, так

CC BY

как, несмотря на расширение границ коммуникационного пространства до мирового уровня, этот сектор формирует и организовывает локальный информационный дискурс и по-прежнему остается наиболее близким читателю, слушателю или зрителю. Кроме того, именно на уровне российских регионов существуют успешные практики целенаправленной медиаобразовательной деятельности СМИ, в которой сочетаются традиционные и инновационные формы работы с аудиторией. Липецкие журналисты в числе тех профессионалов, кто осознает необходимость массового образования в медийной сфере со всей степенью социальной ответственности. Конвергентные процессы открыли для региональной журналистики широкие перспективы, в том числе на медиаобразовательном поприще. Основная проблема состоит в том, чтобы цифровые площадки с их мультимедийными возможностями осознавались редакционными коллективами как современное дополнение к традиционным формам подачи информации, прогрессивный способ взаимодействия с аудиторией и использовались в полном объеме.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Почти два десятилетия назад С. Г. Корконосенко назвал медиаобразовательную деятельность СМИ «благородной и социально необходимой задачей» [Корконосенко, 2004, с. 78]. В наши дни важно понять возможности журналистики, скорректированные высокоразвитыми технологиями и цифровизацией информационного пространства.

Медиаобразовательный потенциал журналистики отечественные исследователи определяют как наличие «необходимых средств и условий реализации целенаправленной деятельности редакционного коллектива по повышению уровня медиакомпетентности своей аудитории, роста ее медиакультуры» [Жилавская, 2016б, с. 37]. При этом существует тенденция обнаружения подобного потенциала только в изданиях научно-популярного и познавательного характера, а также сведения его к использованию «разнообразных мультимедийных средств», знакомство с которыми якобы автоматически повышает медиаграмотность пользователя [Яшина, 2017, с. 289]. Необходимо признать имманентные образовательные возможности всех видов СМИ и согласиться с мнением А. П. Короченского о том, что «журналистике, отвечающей своему общественному предназначению, свойственен элемент педагогики, популяризации научных знаний, что роднит ее с институтами образования и просвещения» [Короченский, 2009, с. 65], а также о том, что «в формировании современной коммуникационной культуры должны и могут участвовать… структуры гражданского общества, средства массовой информации, журналистика и публицистика,

CC BY

располагающие большим потенциалом распространения знаний и развития коммуникационного опыта граждан» [Короченский, 2004, с. 41]. Вместе с тем очевидно и другое: традиционные СМИ, обладающие не только потенциалом, но и десятилетиями накопленным опытом связей с читателем, слушателем или зрителем, оказавшись в ситуации конкурентного сосуществования с новыми медиа, должны перейти от «вещательной модели к интерактивной, предполагающей тесное взаимодействие с аудиторией» [Жилавская, 2016а, с. 123]. Более того, им следует овладеть современными формами такого взаимодействия, основанными на достижениях интернет-коммуникации, мультимедийных возможностях цифровых платформ. Справедливо замечено, что новые медиа «меняют структуру медиапотребления и перераспределяют аудиторное внимание в пользу более технологичных платформ» [Коноплев, 2020, с. 158]. Отсюда задачи для традиционных СМИ по удержанию и расширению аудитории путем освоения цифрового информационного пространства.

Эпоха новой журналистики поставила традиционные издания перед необходимостью преобразования своих профессионально-творческих подходов и бизнес-моделей. Осознание и освоение преимуществ конвергенции позволит им оставаться конкурентоспособными в современном информационном ландшафте и привлекательными для аудитории, особенно молодежной. Процесс модернизации включает в себя пересмотр редакционной организации, разработку и продвижение новых форматов контента, усиление интерактивного взаимодействия с читателями для адаптации к их запросам. В этом контексте медиаобразование, интегрированное в деятельность СМИ, представляет собой «взаимовыгодный» сотворческий процесс, активными участниками которого в равной мере выступают создатели и потребители контента.

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе анализа результатов конвергентных процессов в СМИ Липецкой области (Издательский дом «Липецкая газета») определить перспективы укрепления медиаобразовательного потенциала региональной журналистики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Печатные издания Липецкой области: интеграция в сетевое пространство и стратегии развития

Время «полной» конвергенции, когда в общем пространстве одного медиаобъединения взаимодействуют все традиционные СМИ, а редакция, принимая вызовы новых медиа, умело учитывая их возможности, создает общий качественный контент, распространяемый на разные платформы, в Липецкой области, пожалуй, еще не наступило. Мультимедийная журна-

CC BY

листика, отвечающая современному технологическому уровню конвергенции, в регионе находится на стадии становления, новые способы подачи информации внедряются осторожно, реакция общественности на них тоже неоднозначна. Со стороны редакций пока нет четкого понимания специфики мультимедийного контента, которая состоит в «модульности, интерактивности, гипертекстуальности, неиерархичности и комбинации нескольких знаковых систем для создания комплексного воздействия на пользователя» [Лукина, 2010, с. 11]. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что развитие регионального медиапространства возможно без дальнейшей интеграции сетевых технологий в деятельность СМИ, без освоения ими всего набора сервисов, необходимых для производства востребованной потребителем максимально визуализированной качественной информации. Неслучайно зарубежные исследователи еще на рубеже XX—XXI веков пророчили мультимедийности большое будущее и рассматривали ее как «сочетание аудио, фото, текстовых материалов, интерактивности» [Qvinn et al., 2005, p. 147], «слияние, конвергенцию нескольких традиционных видов медиа», а следовательно, как «исторический шаг в развитии журналистики» [Dahlgren et al., 1996, p. 64].

Издательский дом «Липецкая газета» — единственное в регионе крупное медиаобъединение, состоящее из самостоятельных редакций следующих печатных изданий: «Липецкая газета», «Лица Липецкой области», «Липецкая спортивная газета» (до 01.07.2023), «Золотой ключик», «Петровский мост». Кроме того, медиаобъединение включает в себя сетевые СМИ: молодежный онлайн-журнал «ЁЖ», информационно-справочный портал Lipetskmedia.

Эта творческая коллаборация сформировалась под эгидой старейшего общественно-политического издания области — «Липецкая газета» (образована в 1918 году; в настоящее время главный редактор — Михаил Абрамов). Как и прежде, издание сохраняет центральное место в городе и регионе по опыту организации творческой деятельности коллектива и высокому профессиональному уровню сотрудников. Периодичность выхода составляет 3 раза в неделю: по вторникам и пятницам — на 6 полосах формата А2, по средам — на 32 полосах формата А3. Тираж издания 23—25 тысяч экземпляров.

Газета существует в бумажной и электронной версиях и распространяется на территории Липецкой области по подписке (в отделениях связи «Почта России»), в розницу (в киосках «Роспечать»), а также по электронной подписке — в личном кабинете читателя на сайте ИД «Липецкая газета». То же самое можно сказать и о других печатных СМИ Издательского дома, которые имеют однотипные сайты, развивающиеся в общем направлении, а

CC BY

потому уровень их технологической конвергенции можно с большой степенью уверенности рассматривать на примере центрального издания.

Интернет-версия «Липецкой газеты», функционирующая с 2004 года, первоначально была полным электронным аналогом печатного номера. Сегодня она интегрирована с общим порталом ИД и представляет собой широкую медиаплощадку, на которой происходит постоянное обновление материалов по 17 рубрикам: «Общество», «Власть», «Экономика», «Сельское хозяйство», «Спорт», «Культура» и др. К числу нетривиальных разделов историко-культурного характера, имеющих просветительскую направленность, можно отнести рубрики: «65 лет Липецкой области», «ЛГ — 100 лет», «Фотогалерея».

Контент самого издания «Липецкая газета» содержательно связан с новостями регионального (реже — федерального) уровня. Внутри каждого материала есть блок обратной связи пользователей через социальные сети, однако возможность комментирования отсутствует, как нет и счетчика просмотров. Из числа гипертекстовых инструментов на сайте издания имеется поисковая строка для быстрого нахождения материалов, но без сортировки и выбора даты публикации. Мультимедийные элементы в целом представлены незначительно. В какой-то мере этот пробел компенсируется за счет вовлеченности издания в социальные сети ВКонтакте, Одноклассники, мессенджер Telegram, где размещается контент печатного номера, дополнительные фотоматериалы, а также новостные статьи, нередко дублированные из других СМИ, входящих в состав Издательского дома.

Начиная с 2020 года индекс цитирования официального сайта издания существенно снизился: от 12,07 до 0,73 (I квартал 2023 года) [Медиалогия], что вполне закономерно в контексте его слабой мультимедийности. С другой стороны, это может быть следствием целенаправленной редакционной политики «Липецкой газеты», нацеленной на приоритет традиционного, десятилетиями определявшегося и потому привычного для читателей печатного формата. Подобная тактика вполне оправдана стремлением к сохранению качества публикаций и в определенном смысле соотносится с замечанием Е. А. Барановой о том, что «появление и развитие новых форм предоставления контента приводит к тенденции, связанной с поверхностной подачей контента, сокращением возможности творческой реализации авторов, снижением уровня аналитического углубления, общим падением качества журналистских материалов, все большим превалированием развлекательной составляющей контента, игрофикацией новостей, погоней за “лайками” и большим количеством просмотров материалов пользователями» [Баранова, 2018, с. 12].

Аналогичная ситуация — нацеленность на традиционный печатный формат — складывается и в других региональных газетах, притом что все

CC BY

они формально адаптированы в цифровом пространстве. На официальном сайте правительства Липецкой области отмечается: «Все редакции районных (городских) печатных изданий имеют собственные сайты и ведут активную работу по наполнению их актуальным контентом. В 2022 году единая цифровая платформа сайтов районных газет была переведена на российский сервер. Сайты отвечают всем современным требованиям: эргономика, дизайн, структурность, адаптивность для мобильных устройств. Редакции на регулярной основе занимаются продвижением контента в популярных социальных сетях: “Вконтакте”, “Одноклассники”, а также в мессенджере Telegram. В социальных сетях на группы районных и городской газет подписаны 204 700 человек» [Правительство…]. Для понимания степени охвата отметим, что численность населения Липецкой области на 2023 год составляет 1 139 371 человек [Федеральная…].

Однако вопросы к сайтам и пабликам отдельных изданий региона возникают не по факту их наличия или отсутствия, а на уровне способов представления материалов (технологической составляющей конвергенции).

Признавая «возросшее влияние аудитории на создание контента» и то, что «аудитория перестает быть пассивным и молчаливым сообществом», а «пользователи, имея огромный выбор источников медиаконтента, принимают на себя одну из важнейших функций журналиста — формирование информационной повестки дня» [Вартанова, 2011, с. 31], отметим наличие значительного люфта в системе сетевого взаимодействия печатных СМИ Липецкой области с аудиторией. К примеру, свое представительство в популярном ныне мессенджере Telegram имеет только 50 % городских изданий; на YouTube — и вовсе одно («Красное знамя», г. Елец). Не все городские газеты сумели тактически верно использовать ситуацию, связанную с ограничением на территории России деятельности ряда социальных сетей и активизации оставшихся, в частности «ВКонтакте», дневная аудитория пользователей которой (по данным пресс-службы канала) только за первый квартал 2023 года выросла на 4 млн человек. Более того, в сравнении с прошлым годом число подписчиков «Липецкой газеты» в сети «ВКонтакте» снизилось с 10623 до 3652; газеты «Новая жизнь» (г. Усмань) с 12177 до 703.

Причин тому много: финансовая нестабильность городских и районных изданий, отсутствие специалистов, способных создавать мультимедийный контент, недостаточная адаптированность редакционных коллективов к условиям конвергентности и отмеченное ранее стремление сохранить приоритет печатной версии с ориентацией на консерватизм читательской аудитории малого города и района. Однако приведенные в официальном отчете администрации данные по численности пользователей

CC BY

Липецкой области свидетельствуют о наличии потребности со стороны читателей в электронном формате получения информации. Ежедневно сайты местных восьми городских газет в целом просматривают 33 635 человека. В соотношении с количеством пользователей (14 335) это означает, что каждый из них обращается к интернет-версиям печатных изданий как минимум дважды в день. Следовательно, печатные издания региона вынуждены будут продолжать работу в сети и развивать свойственную ей интерактивную связь с аудиторией.

Журнальная периодика ИД «Липецкая газета» представлена интересным с точки зрения конвергентных процессов молодым (выходит с 2020 года) журналом «Лица Липецкой области». Печатается на 64 полосах формата А4, тираж достигает 4 тысяч экземпляров. Распространяется бесплатно на всей территории региона. Контент издания составляют материалы, основанные на интервью с известными людьми, которые вносят значительный вклад в развитие общественно-экономических и культурных сфер Липецкой земли. Журнал снабжен небольшим, но устойчивым и пополняющимся рубрикатором. Статьи-персоналии из номера в номер разбавляются материалами самой разнообразной жанрово-тематической направленности: это могут быть исторические очерки (рубрика «Есть такое место»), обзоры книг липецких авторов («Книжный клуб»), интерактивные познавательные игры, тесты и викторины (рубрика «Игра»), экспертные статьи (рубрики «Давайте разберемся», «Вопросы специалисту»). Каждый материал, как правило, дополняется авторскими иллюстрациями, статической графикой, историческими справками, контекстными врезками, нестандартными дизайнерскими решениями. Помимо этого, журнал активно интегрирует различные интерактивные и мультимедийные элементы. К примеру, исторический тест по Липецкой области дублируется на веб-странице издания, а доступ к ней по ссылке в QR-коде предоставляет читателю прямую возможность выбирать ответы и получать соответствующие комментарии от авторов.

Редакция журнала «Лица Липецкой области», понимая, что современная обложка номера не просто фото, сопровожденное спичем, реализует креативную технологию «цифровой обложки», где главное изображение сопряжено с QR-кодом. Его сканирование «запускает» видеозапись, возникает эффект «ожившей фотографии», герои начинают говорить, двигаться, вызывая у читателя чувство сопричастности происходящему.

Журнал развивает свое присутствие в социальных медиа. Созданный в текущем году канал издания в Telegram за несколько дней набрал около сотни подписчиков. Такая вовлеченность пользователей оказала благоприятное воздействие на размещаемый контент. В отличие от других

CC BY

региональных СМИ дублирование материалов печатной версии журнала составляет только половину от общей наполняемости канала. Издание разбавляет однотипный контент бэкстейджами фотосъемок, освещает свое присутствие на мероприятиях регионального и федерального уровней, представляет развлекательно-познавательную информацию, стремясь при этом к максимально креативным подходам. К примеру, рубрика «Слово недели» знакомит читателей с людьми и их профессиональными интересами, липецкой культурой, разнообразными аспектами жизни общества посредством терминов и их описания. Каждое слово выбирается не случайно: оно связано непосредственно с героем какой-то публикации в журнале. В конце текста предоставляется ссылка на конкретный материал. Таким образом, развлекательная рубрика в Telegram способствует популяризации традиционных печатных жанров, а также увеличению конверсии и количества переходов на сайт ИД «Липецкая газета».

Справедливо замечено, что процесс конвергенции нередко вызывает не только модернизацию печатных изданий, но и их полную замену электронной версией или новым интернет-проектом [Замалаева, 2020, с. 117—118]. Так, Издательский дом заявил о прекращении деятельности «Липецкой спортивной газеты» (с 01.07.2023), которая была единственным профильным изданием подобного рода. О продолжении его в новом формате информации нет. Ранее экономически малоэффективным стало существование в традиционной версии областной газеты «Молодежный вестник». На сайте ИД «Липецкая газета» анонсировалось: «С 2020 года меняется форма выпуска областной газеты “Молодёжный вестник”. Издание будет выходить в электронном виде как онлайн-журнал “ЁЖ”» [Издательский…]. Подтверждалась преемственность и пролонгированность молодежного издания, но с изменением названия и формата. Мультимедийность и интерактивность стали его явными преимуществами в сравнении с прошлой печатной версией. Однако на первых порах существенно пострадало качество публикуемых материалов. Только переход издания под патронаж опытной редакции детской газеты «Золотой ключик» позволил решить проблему. Теперь онлайн-журнал с контентом должного уровня распространяется в социальной сети ВКонтакте, на видеохостинге You Tube. Однако возможные в соцсетях современные визуальные формы демонстрации материала: фотокарусели, коллажи, видео и др. — пока отсутствуют на сайте издания. Таким образом, можно сказать, что рестайлинг единственного в регионе молодежного издания еще не завершен.

Оценивая степень технологической конвергенции печатных изданий, входящих в ИД «Липецкая газета», отметим, что ими пока не в полной мере освоены мультимедийные возможности интернет-платформ. Использова-

CC BY

ние электронными версиями печатных изданий мультимедийного потенциала (разнообразной инфографики, слайд-шоу, анимаций, тайм-линий, аудиоиллюстраций и т. п.), а также интеграция с другими типами СМИ практически не представлены. Процесс конвергенции технологического характера в липецкой периодике протекает малоактивно. К настоящему времени не произошла необходимая трансформация деятельности отдельных профессионально-творческих коллективов в направлении широкого применения социальных медиа, работы на цифровых платформах, с различными типами контента, производством медиатекста, объединяющего вербальные и мультимедийные элементы. Несмотря на наличие у всех изданий собственных сайтов, страниц в социальных сетях и мессенджерах, публикуемый в них контент мало адаптируется под условия платформ, а следовательно, понимание целевой выгоды новых форматов не стало катализатором преобразований.

Стратегические векторы развития периодики ИД «Липецкая газета» можно связать со следующими конвергентными процессами:

— дальнейшей цифровой трансформацией деятельности редакций: созданием привлекательных и функциональных веб-сайтов и мобильных приложений, оптимизацией контента для онлайн-чтения;

— кроссплатформенностью предоставления контента: помимо сайтов, соцсетей, мессенджеров, использование возможности мобильных устройств, гаджетов, системы «умный дом», транспортного TV;

— партнерским сотрудничеством с технологическими компаниями и стартапами для привлечения совместных ресурсов, инновационного опыта по успешной адаптации к новым условиям.

Эти направления деятельности вполне соотносятся с традиционными деонтологическими принципами отечественной журналистики, ориентированными на гарантию качества информации и доверие аудитории, а также с изменениями в рыночной экономике, вызвавшими к жизни новые бизнес-модели и поиск путей монетизации медиапродукта.

3.2. Технологическая конвергенция региональных изданий и медиаобразовательные практики

А. В. Шариков в свое время обратил внимание на необходимость активного участия в медиаобразовательном процессе профессиональных журналистов — людей, которые лучше других понимают запросы аудитории и могли бы передавать ей свои знания [Шариков, 1990]. Позже получила теоретическое обоснование «журналистская» модель медиаобразования, названная «интерактивной» [Жилавская, 2008]. В результате ее реализации должно произойти, как предполагалось, «стирание границ между редакцией и окружающей медиасредой» [Там же], однако проведенный

CC BY

в 2015 году мониторинг деятельности 150 редакций газет, теле-, радиокомпаний, сетевых изданий Москвы, Подмосковья и некоторых регионов России показал, что ничего подобного на практике в этот период не случилось. Только порядка 15 % редакций в своей работе осознанно используют медиатехнологии [Жилавская, 2016б, с. 39]. Годом ранее отмечалось: «… российские журналисты, представители медиасообщества слабо заинтересованы в процессе медиаобразования населения. Далеко не все проявляют гражданскую активность в этом вопросе… Только сейчас приходит понимание того, что без медиаграмотной аудитории у массмедиа нет будущего. Медиакомпании заходят в тупик: нетребовательная аудитория приводит к некачественному контенту. Низкий уровень контента порождает сокращение аудитории» [Медиаобразование в Москве…, 2014, с. 42].

Анализ медиаситуации в Липецкой области на уровне технологической конвергенции в газетной периодике (ИД «Липецкая газета») позволяет утверждать, что средства массовой информации области пока не стали центрами медийной активности населения. Однако следует признать, что традиционной печатью региона накоплен огромный опыт широкого взаимодействия с аудиторией, который может квалифицироваться как медиаобразовательный. К примеру, функционировавшая при редакции Добровской районной газеты «Знамя Октября» школа юных корреспондентов «Журка», воспитанники которой готовили самостоятельную страницу под названием «Отечество»; издательский проект «Зов малой родины» газеты «Новая жизнь» (г. Усмань) совместно с действующим при редакции литературным объединением «Родники» и многое другое. В наши дни такой опыт требует обобщения и распространения, причем и в современном цифровом формате, в русле конвергентности.

Успешные шаги в этом направлении уже предприняты. В 2012 году Издательским домом «Липецкая газета» был создан информационно-справочный портал «ЛипецкМедиа», который в настоящее время представляет собой самую крупную в регионе сетевую журналистскую платформу. Он объединяет пять каналов вещания: информационно-справочный портал с официальным адресом в сети: www. Lipetskmedia.ru, мобильное приложение («ЛипецкМедиа»), паблик в социальной сети «ВКонтакте» и 2 телеграм-канала в одноименной социальной сети («ЛипецкМедиа», «ЛипецкМедиа Онлайн»); имеет свое представительство на Яндекс.Дзен, Tik Tok и You Tube, в «Одноклассниках» и «ВКонтакте». Распределение по числу подписчиков следующее: «ВКонтакте» — 60,9 тыс., «Одноклассники» — 7,1 тыс., Telegram — 11,1 тыс., You Tube — 6,88 тыс., Tik Tok — 4 тыс., Яндекс.Дзен — 4,4 тыс. Такого широкого представительства в социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах нет ни у одного печатного СМИ региона.

CC BY

«ЛипецкМедиа» как медиаобразовательный ресурс прошел в своем развитии ряд стадий, соответствующих общим конвергентным процессам. В начале своего существования портал не имел большого количество каналов вещания, по этой причине приток трафика был незначителен. Портал функционировал предельно просто; информация не адаптировалась под мобильные платформы. Ознакомиться со свежими материалами могли только те читатели, которые просматривали новостную ленту на сайте. У аудитории не было возможности постоянно (в любом месте и в любое время) находиться в русле информационных потоков, оперативно реагировать на происходящие события. Медиаобразовательный потенциал редакции был невысоким.

В настоящее время каналы вещания «ЛипецкМедиа» дают возможность пользователям выбирать удобный формат получения свежей информации. На портале, в мобильном приложении и в «Вконтакте» она подаётся подробно и имеет мультимедийную составляющую, а в Telegram публикации чаще всего представляются с акцентом на конкретику фактов. Плюсы телеграм-чатов состоят в том, что информация поступает не только непосредственно в чат, но и на телефон читателя в виде push-уведомлений. Поэтому нет необходимости постоянно заходить в приложение и искать нужный чат, при этом пользователь имеет возможность в любое время отключить уведомления.

Аудитория «ЛипецкМедиа» оперативно получает актуальную информацию удобным для неё способом, что существенно повышает медиаобразовательный потенциал ресурса. Проводимая им медиаобразовательная деятельность строится на основе принципов партиципаторной культуры, когда преодолевается традиционное разделение на пассивных потребителей информационных продуктов и их производителей. Система интерактивной коммуникации, практикуемая информационно-справочным порталом «ЛипецкМедиа», уверенно развивается по пути сотворчества журналистов и аудитории, что представляется наиболее перспективным вектором повышения массовой медиакультуры.

Ресурс «ЛипецкМедиа» ежедневно просматривают 20 тыс. пользователей, а в месяц — до 1 млн. Сам факт столь широкого охвата аудитории одним интернет-ресурсом подтверждает экспертную оценку современной медиаситуации, данную Е. Л. Вартановой. Исследователь справедливо утверждает: «Процессы глобализации информационных потоков и медиасистем уводят потребителей информации от традиционных парадигм выбора — местная газета + национальный телеканал — в сторону более сложного медиаменю, в котором и личные, и профессиональные интересы аудитории могут в большей степени удовлетворяться глобальной Сетью»

[Вартанова, 2010, с. 7]. Можно сказать, что информационно-справочный портал «ЛипецкМедиа» выступает «представителем» глобальной Сети на локальном уровне и за счет мультимедийной подачи информационных продуктов во многом упрощает процедуру удовлетворения новостных потребностей региональной аудитории.

Технологические возможности портала и его интернет-страниц в мессенджерах и социальных сетях позволяют наладить различные каналы интерактивной коммуникации между редакцией и читателями. Под каждой публикацией можно оставить комментарий, поделиться реакциями, эмоциями от прочитанного, просмотренного, оценить материал с помощью лайка (портал, аккаунт в «ВКонтакте», телеграм-чаты).

Читатель / зритель имеет возможность написать личное сообщение, в котором, к примеру, предложить инфоповод, собственный контент или сообщить о проблеме («ВКонтакте»). Заметим, что такого рода взаимоотношения строятся на основе Пользовательского соглашения, размещенного на главной странице портала. Наличие обратной онлайн-связи позволяет аудитории влиять на состояние наполнения информационного ресурса, быть активным участником медиапроцесса.

На протяжении нескольких лет «ЛипецкМедиа» реализует образовательные, культурно-просветительские проекты, направленные на формирование и укрепление патриотизма читателей. Так, проект «Памятные даты» воплощается в формате 30-секундного видео, позволяющего зрителям получать емкую, динамично представленную информацию об историческом событии и его социально-политическом значении.

Портал презентует и общие с ИД «Липецкая газета» проекты. В актуальном формате Stories, например, представлены портретные очерки рубрики «Герои прошлого — наставники настоящего». Каждый материал знакомит с яркими личностями, нашими современниками, земляками, которыми гордится Липецкая земля. В текущем году Издательский дом выпустил сборник произведений авторов-победителей и финалистов литературного конкурса «Истории для Алисы», который был проведен для того, чтобы помочь маленькой девочке — жительнице города Липецка, а на ее примере и другим детям справляться с тяжелой болезнью. А. Богданов (директор ИД «Липецкая газета») в обращении к юным читателям приглашал их к сотворчеству: раскрашиванию картинок по контурным рисункам, представленным в необычной книге.

Показательно, что подобный социально значимый проект, адресованный подрастающему поколению региона, не единственный в своем роде. Детская газета «Золотой ключик» постоянно поддерживает «обратную связь» с читателями, привлекая их к созданию совместных и самостоятель-

CC BY

ных художественно-публицистических материалов. С 2022 года при редакции существует очно-заочная «Школа журналят», занятия в которой еженедельно проводят опытные члены творческого коллектива, помогая детям (ученикам 4 и 5 классов) готовить «газету в газете» «Жмурка» («Журналистика: маленькие уроки»). Вряд ли каждый из нынешних обучающихся выберет журналистику своей будущей профессией, но очевидно, что он получит опыт коммуникационного взаимодействия в профессиональной среде, получит навыки медийной грамотности.

В наши дни много говорят о геймификации информации, но игра может быть сопряжена не только с развлечением, но и с образованием, интеллектуальной пользой. Издательским домом «Липецкая газета» игровой формат использован для разработки уникального проекта — настольной игры «Мы из Ельца». Фраза, начертанная в День Победы на рейхстаге, ставшая названием игры, связывает ее содержание прежде всего с историей древнего города (год основания 1146). Ответы на вопросы карточек также требуют знания его культуры, героев, бытующих легенд и преданий. Инструкция игры оснащена двумя QR-кодами, один из которых предлагает PDF-версию ответов, а второй — переход на группу ВКонтакте.

Такого рода проекты, инициированные и реализованные региональными СМИ, являются актуальными способами медиаобразовательной деятельности, направленной на развитие социальной активности «на местах» и медиакультуры граждан. Очевидно, что их продвижение на разных платформах, в разных форматах (традиционном и цифровом) повышает степень образовательных возможностей СМИ и уровень доверия к ним всех слоев населения.

4. Заключение = Conclusions

Региональная журналистика Липецкой области, представленная Издательским домом «Липецкая газета», обладает существенными профессионально-творческими возможностями редакционных коллективов для осуществления плодотворной массовой медиаобразовательной деятельности. Отдельными печатными и сетевыми СМИ, входящими в состав ИД («Липецкая газета», «Золотой ключик», «Лица Липецкой области», Lipetskmedia), накоплен значительный опыт осуществления культурно-просветительских, гуманитарных, патриотических и других медиаобразовательных проектов, имеющих широкую социальную направленность, требующих развития и трансляции на уровне других регионов России. Руководством ИД предпринимаются важные, хотя и непопулярные шаги по сохранению печатных версий («Липецкая газета»), привычных для

CC BY

читателей небольших российских городов. Конвергентные процессы, свойственные мировым и отечественным СМИ, побуждают редакции традиционных изданий осваивать интернет-пространство, однако мультимедийные технологии представления контента пока в малой степени обнаруживают себя на официальных сайтах липецких изданий. Этот пробел, снижающий привлекательность источника информации для современного потребителя, должен быть устранен, а инновационные форматы журналистского творчества, используемые информационно-справочным порталом Lipetskmedia, журналом «Лица Липецкой области», следует освоить всем изданиям медиаобъединения в полном объеме, прежде всего, для укрепления взаимовыгодных отношений с аудиторией, повышения ее медиаграмотности. Анализ результатов медиаобразовательной деятельности ИД «Липецкая газета» позволяет сделать вывод о перспективности интеграции классических форм связи с читателями, основанных на локальных культурно-исторических традициях, с актуальными способами интерактивного взаимодействия, базирующимися на достижениях конвергенции, мультимедийных ресурсах цифрового пространства. Такое сочетание, на наш взгляд, представляет собой продуктивный путь укрепления медиаобразовательного потенциала региональных СМИ.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Издательский* дом (ИД) «Липецкая газета» : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lg.lpgzt.ru (дата обращения 20.06.2023).

2. *Медиалогия.* Рейтинги и исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mlg.ru/ratings/ (дата обращения 20.06.2023).

3. *Правительство* Липецкой области : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https:// www.липецкаяобласть.рф (дата обращения 20.06.2023).

4. *Федеральная* служба государственной статистики : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.48.rosstat.gov.ru (дата обращения 20.06.2023).

Литература

1. *Баранова Е. А.* Медиаконвергенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.10 / Е. А. Баранова. — Москва, 2018. — 30 с.

2. *Вартанова Е. Л.* К чему ведет конвергенция? / Е. Л. Вартанова // Информационное общество. — 1999. — № 5. — С. 11—14.

CC BY

3. *Вартанова Е. Л.* Медиаобразование как приоритет общественного развития / Е. Л. Вартанова // Медиаобразование в школе : сборник программ преподавания дисциплин. — Москва : МедиаМир, 2010. — С. 5—16. — ISBN 978-5-91832-025-9.

4. *Вартанова Е. Л.* Человек и цифровая революция в СМИ : выводы и проблемы / Е. Л. Вартанова // Человек как субъект и объект медиапсихологии. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт человека ; Издательство Московского университета, 2011. — С. 11—38. — ISBN 978-5-211-06224-5.

5. *Жилавская И. В.* "Качество журналистики как медиаобразовательная проблема" / И. В. Жилавская // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2016а. — Т. 1. — № 3. — С. 120—125.

6. *Жилавская И. В.* Медиаобразовательный потенциал СМИ / И. В. Жилавская // Материалы секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж. 13—14 мая 2016 г. / Под ред. В. В. Тулупова. — Воронеж : Кварта, 2016б. — Выпуск 1. — С. 34—42.

7. *Жилавская И. В.* Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.10 / И. В. Жилавская. — Москва, 2008. — 23 с.

8. *Замалаева А. А.* Тенденции развития региональной периодический печати в условиях конвергенции / А. А. Замалаева // Инновационная наука. — 2020. — № 5. — С. 117—118.

9. *Коноплев Д. Э.* Современные медиасистемы : кризис традиционных СМИ / Д. Э. Коноплев // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 1 (35). — С. 158—161.

10. *Корконосенко С. Г.* Преподаем журналистику : Профессиональное и массовое медиаобразование / С. Г. Корконосенко. — Санкт-Петербург : Михайлов В. А., 2004. — 238 с. — ISBN 5-8016-0219-4.

11. *Короченский А. П.* Медиакритика и медиаобразование / А. П. Короченский // Высшее образование в России. — 2004. — № 8. — С. 41—46.

12. *Короченский А. П.* Медиакритика в системе медиаобразования / А. П. Короченский // Медиаобразование и медиакомпетентность : слово экспертам / Под ред. А. В. Федорова. — Таганрог : Издательство Таганрогского гос. пед. института, 2009. — С. 65.

13. *Лукина М. М.* Интернет-СМИ : Теория и практика : учебное пособие / М. М. Лукина. — Москва : Аспект Пресс, 2010. — 348 с.

14. *Медиаобразование* в Москве, России и мире : Сборник исследований / под ред. В. В. Барбаша, Н. В. Поплавской. — Москва : МедиаПресс, 2014. — 144 с.

15. *Уразова С. Л.* Конвергенция как фактор жизнеспособности массмедиа в цифровой среде. Теоретический аспект / С. Л. Уразова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 5 (1). — С. 287—293.

16. *Федоров А. В.* Модель развития медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза на занятиях медиаобразовательного цикла / А. В. Федоров // Инновации в образовании. — 2007. — № 7. — С. 107—116.

17. *Хелемендик В. С.* Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ / В. С. Хелемендик // Проблемы современного образования. — 2013. — № 3. — С. 106—123.

18. *Шариков А. В.* Медиаобразование : мировой и отечественный опыт / А. В. Шариков. — Москва : Издательство Академии педагогических наук СССР, 1990. — 66 с.

19. *Яшина А. А.* Анализ медиаобразовательного потенциала СМИ (на примере сайта «Дилетант») / А. А. Яшина // Знак : проблемное пространство медиаобразования. — 2017. — № 4. — С. 286—291.

20. *Dahlgren P.* Media logis in cyberspace : Repositioning journalism and its publics / P. Dahlgren // Javnost — The Publik. Journal of the Eeropean Institute for Communication and Culure. — 1996. — № 3 (3). — Pp. 59—72.

21. *Marinho S. P.* Ghallenges and new ways of teaching journalism in times of media convergence / S. P. Marinho, L. Tarcia // Brazilian journalism research. — 2008. — Vol. 4. — № 2. — Pp. 31—32.

22. *Qvinn S.* Convergent Journalism an introduction / S. Qvinn, V. F. Filak. — Amsterdam : Focal Press, 2005. — 147 p.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023,
одобрена после рецензирования 01.09.2023,
подготовлена к публикации 26.09.2023.

Material resources

Federal State Statistics Service: official website. Available at: https://www.48.rosstat.gov.ru (accessed 20.06.2023). (In Russ.).

Government of the Lipetsk region: official website. Available at: https:// www. lipetskregion RF (accessed 20.06.2023). (In Russ.).

Medialogy. Ratings and research. Available at: https://www.mlg.ru/ratings/ (accessed 20.06.2023). (In Russ.).

Publishing House (ID) "Lipetsk newspaper": official website. Available at: https://lg.lpgzt.ru (accessed 20.06.2023). (In Russ.).

References

Baranova, E. A. (2018). *Media convergence as a system-forming factor of transformation of the Institute of Mass media.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Dahlgren, P. (1996). Media logis in cyberspace: Repositioning journalism and its publics. *Javnost — The Publik. Journal of the Eeropean Institute for Communication and Culure, 3 (3):* 59—72.

Fedorov, A. V. (2007). Model of development of media competence and critical thinking of pedagogical university students in the classroom of the media education cycle. *Innovations in education, 7:* 107—116. (In Russ.).

Helemendik, V. S. (2013). Convergence as a modern form of media interaction. *Problems of modern education, 3:* 106—123. (In Russ.).

Konoplev, D. E. (2020). Modern media systems: the crisis of traditional media. *Sign: problematic field of media education, 1 (35):* 158—161. (In Russ.).

Korkonosenko, S. G. (2004). *Teaching journalism: Professional and mass media education.* St. Petersburg: Mikhailov V. A. 238 p. ISBN 5-8016-0219-4. (In Russ.).

Korochensky, A. P. (2004). Media criticism and media education. *Higher education in Russia, 8:* 41—46. (In Russ.).

Korochensky, A. P. (2009). Media criticism in the system of media education. In: *Media education and media competence: word to experts.* Taganrog: Publishing House of Taganrog State Pedagogical University. Institute. P. 65. (In Russ.).

Lukina, M. M. (2010). *Internet media: Theory and practice: textbook.* Moscow: Aspect Press. 348 p. (In Russ.).

Marinho, S. P., Tarcia, L. (2008). Ghallenges and new ways of teaching journalism in times of media convergence. *Brazilian journalism research, 4 (2):* 31—32.

Media education in Moscow, Russia and the world: A collection of studies. (2014). Moscow: MediaPress. 144 p. (In Russ.).

Qvinn, S., Filak, V. F. (2005). *Convergent Journalism an introduction.* Amsterdam: Focal Press. 147 p.

Sharikov, A. V. (1990). *Media education: world and domestic experience.* Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. 66 p. (In Russ.).

Urazova, S. L. (2011). Convergence as a factor of mass media viability in the digital environment. Theoretical aspect. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 5 (1):* 287—293. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2011). Man and the digital revolution in the media: conclusions and problems. In: *Man as a subject and object of media psychology.* Moscow: Lomonosov Moscow State University / Human Institute; Moscow University Press. Pp. 11—38. ISBN 978-5-211-06224-5. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2010). *Media education as a priority of social development. Media education at school: a collection of programs for teaching disciplines.* Moscow: MediaMir. P. 5—16. ISBN 978-5-91832-025-9. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (1999). What does convergence lead to? *Information Society, 5:* 11—14. (In Russ.).

Yashina, A. A. (2017). Analysis of the media educational potential of the media (on the example of the site "Dilettante"). *Sign: problematic space of media education, 4:* 286—291. (In Russ.).

Zamalaeva, A. A. (2020). Trends in the development of regional periodical printing in the conditions of convergence. *Innovative science, 5:* 117—118. (In Russ.).

Zhilavskaya, I. V. (2016a). "The quality of journalism as a media educational problem". *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 1 (3):* 120—125. (In Russ.).

Zhilavskaya, I. V. (2016b). Media educational potential of mass media. In: *Materials of the Media Education section of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference of researchers and Teachers of Journalism, Advertising and Public Relations "Problems of mass Communication". Voronezh. May 13—14, 2016, 1.* Voronezh: Kvart. 34—42. (In Russ.).

Zhilavskaya, I. V. (2008). *Optimization of interaction of mass media and youth audience on the basis of media educational strategies and technologies.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

The article was submitted 27.07.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 26.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Таюпова О. И. Популяризация медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе в ракурсе языкового кода / О. И. Таюпова, И. М. Таюпова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 121—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-121-140.

Tayupova, O. I., Tayupova, I. M. (2023). Popularization of Medical Knowledge in German Journal Discourse in Perspective of Language Code. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 121-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-121-140. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-121-140

Популяризация медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе в ракурсе языкового кода

Таюпова Ольга Ивановна [1]*
orcid.org/0000-0003-1812-5111
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой
и французской филологии,
****корреспондирующий автор***
o.tayupova@mail.ru

Таюпова Ирина Маратовна [2]
orcid.org/0000-0002-9434-1441
кандидат медицинских наук, доцент
кафедры акушерства и гинекологии
tayupova_im@mail.ru

[1] Уфимский университет
науки и технологий
(Уфа, Россия)

[2] Башкирский государственный
медицинский университет
(Уфа, Россия)

Popularization of Medical Knowledge in German Journal Discourse in Perspective of Language Code

Olga I. Tayupova [1]*
orcid.org/0000-0003-1812-5111
Doctor of Philology, Professor,
Department of German
and French Philology,
****Corresponding author***
o.tayupova@mail.ru

Irina M. Tayupova [2]
orcid.org/0000-0002-9434-1441
PhD in Medicine, Associate Professor,
Department of Obstetrics and Gynecology
xiongh@sjtu.edu.cn

[1] Ufa University
of Science and Technology
(Ufa, Russia)

[2] Bashkir State
Medical University
(Ufa, Russia)

© Таюпова О. И., Таюпова И. М., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование языкового кода, задействованного в медицинских научно-популярных текстах немецкого журнального дискурса. В качестве эмпирического материала привлекаются интервью, краткие новостные тексты и статьи на медицинскую тематику. Показано, что используемый арсенал средств современного немецкого языка нацелен в своей совокупности на реализацию коммуникативно-прагматических функций текстов научно-популярного дискурса. Отмечается, что ведущими из них являются функции информирования, воздействия и убеждения целевой аудитории. Установлено, что вербальные средства различных языковых уровней, а также ряд стилистических приемов (инверсия, парцелляция, аллюзия, метафора, метонимия, персонификация) не только передают медицинские знания широким слоям населения, но и транслируют с учетом возрастных особенностей адресатов сведения о национально-культурной специфике Германии, ее достижениях в области медицины, выполняя также просветительскую функцию и стремясь добиться эмоциональной вовлеченности читателя в сложный контент. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом непрофессиональных участников медиамедицинской коммуникации к процессам самодиагностики и самолечения. Определён прагматический потенциал структурно-композиционных особенностей, в том числе кликабельных заголовков, и языковых средств, благодаря которым формируется особая медиамедицинская картина мира.

Ключевые слова:
популяризация медицины; немецкий журнальный дискурс; функции научно-популярного медицинского медиатекста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A study was conducted on the language code used in medical popular science texts in German journal discourse. Interviews, brief news texts, and articles on medical topics are used as empirical material. It is shown that the arsenal of modern German language resources is aimed at implementing communicative-pragmatic functions of popular science discourse texts as a whole. It is noted that the leading functions among them are informing, influencing, and persuading the target audience. It is established that verbal means of different linguistic levels, as well as a number of stylistic devices (inversion, parceling, allusion, metaphor, metonymy, personification), not only convey medical knowledge to wide segments of the population but also transmit information about the national-cultural specifics of Germany and its achievements in medicine, taking into account the age characteristics of the addressees, also performing an educational function and seeking to achieve emotional involvement of the reader in complex content. The relevance of the study is due to the growing interest of non-professional participants in media-medical communication in the processes of self-diagnosis and self-treatment, which require mastering various medical knowledge. The novelty of the research lies in determining the pragmatic potential of structural-compositional features, including clickable headlines, and linguistic means, thanks to which a special media-medical picture of the world is formed.

Key words:
the popularization of medicine; German journal discourse; functions of popular science medical media texts.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2’42::614.8.01+001.92

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Популяризация медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе в ракурсе языкового кода

© Таюпова О. И., Таюпова И. М., 2023

1. Введение = Introduction

К проблеме языковых средств, используемых в письменной медиакоммуникации применительно к научно-популярному, или наивному, научному дискурсу, ученые начали обращаться только в последней трети XX века, и с этого времени данный вопрос находит отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Это вызвано, с одной стороны, активным развитием медиалингвистики как одного из современных лингвистических направлений, изучающего прежде всего функционирование языка в медиасфере, при этом рассматривается совокупность печатных, аудиовизуальных и сетевых медиа [Добросклонская, 2020; Шмелева, 2016, с. 221; Perrin, 2015], в том числе в преломлении к культурным факторам [Krah, 2017]. С другой стороны, изучение указанного вопроса коррелирует, во-первых, с поступательным развитием теории текста с учетом его различных типов, видов, жанров, активно функционирующих в обыденной медиакоммуникации [Lenk, 2021], во-вторых, с растущим интересом к теории медиадискурса и его субдискурсов в аспекте категории вариативности [Таюпова, 2022, с. 443; Burger, 2014].

В рамках современной антропоцентрической парадигмы языковые средства становятся объектом пристального внимания с осознанием роли популяризации науки в свете, например, адресных стратегий в научно-популярном дискурсе [Гукосьянц, 2023, с. 117] либо категорий научно-популярного текста и сущности его отдельных видов [Жаббарова, 2015], а также в ракурсе медиатизации науки и растущего речеупотребления в СМИ [Олейников и др., 2022, с. 374]. Установление специфики языковой картины мира в немецком медицинском научно-популярном медиадискурсе обусловлено необходимостью углублённого изучения, с одной стороны, различных дискурсов и их гибридности, с другой — различных видов медиатекстов, актуализирующих научно-популярные знания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящем исследовании эмпирическим материалом послужили тексты, размещённые в таких немецких медицинских научно-популярных журналах,

CC BY

как «Spektrum der Wissenschaft», «Gesundheit und Wissenschaft», в общественно-информационном еженедельнике «Der Spiegel», в журнале для молодежи «Vitamin.de», а также публикации на медицинскую тематику, представленные в ежедневном электронном издании немецкого информационного агентства Deutsche Presse-Agentur (dpa) [Deutsche], благодаря которым формируется особая медиакартина мира как модель объективной реальности.

Непосредственным объектом исследования является языковой код, задействованный в процессе актуализации информации в текстах интервью, в том числе квази-интервью, кратких новостных текстах и статьях, относящихся к научно-популярному дискурсу. Предмет исследования — языковые средства, свидетельствующие, с одной стороны, о полидискурсивности, наблюдаемой в немецкоязычной медицинской научно-публицистической медиакоммуникации, а с другой — об использовании лингвокультурологического потенциала, в своей совокупности данные средства способствуют репрезентации коммуникативно-прагматических функций медицинских медиатекстов.

Выбор научных методов анализа, использованных в работе, обусловлен её целью, конкретными задачами и характером эмпирического материала. К числу таких методов относятся контент-анализ, дискурс-анализ, лингвостилистический анализ, метод сплошной выборки, а также приёмы лингвокультурологической интерпретации языкового кода медицинских медиатекстов. Привлекаются данные, установленные в процессе развития теории коммуникации и теории текста, дискурсологии, прагмалингвистики, теории лингвистической референции, стилистики, теории вариативности, социолингвистики.

В зависимости от конкретного этапа анализа используются методы семантической и прагматической интерпретации. Применяется также сопоставительный метод изучения отдельных текстов, заключающийся в регистрации ведущих и факультативных средств современного немецкого языка, используемых в процессе популяризации медицинской науки в немецком журнальном дискурсе. Благодаря интеграции названных методов обеспечивается комплексный подход к изучению медиатекстов как инструментов научной популяризации.

Говоря об особенностях популяризации медицинских знаний в медиасфере, отметим, что активное взаимодействие публицистики как важнейшей составной части СМИ со сферами не только политики, культуры, спорта, но и науки [Jaki et al., 2016], в том числе медицинской, связанной с концептом ЗДОРОВЬЕ на бытовом уровне в различных ракурсах, например здорового питания [Таюпова, 2015], потребовало углубить понимание современного публицистического языка. В зависимости от научной сфе-

CC BY

ры формируются те или иные научно-популярные дискурсы, основополагающими среди которых являются гуманитарный научно-популярный и естественно-научный популярный дискурсы с более детализированным подразделением, например, на экологический научно-популярный или медицинский научно-популярный медиадискурсы [Коренева, 2021; Лядова, 2022; Таюпова, 2019, с. 643; Шамне и др., 2018; Jaki et al., 2016]. Последний благодаря медиатизации позволил предоставить населению широкий доступ к медицинской информации в глобальном масштабе.

Справедливо поднимая вопрос о вторичности научно-популярных текстов [Лядова, 2022, с. 21], исследователи заостряют внимание, в частности, на некоторых особенностях лексического и грамматического состава медицинского научно-популярного дискурса, выявленных на материале разных языков и различных видов текстов, задействованных в его сфере [Шамне и др., 2018; Коренева, 2021, с. 93; Шмелева, 2016; Филлипс и др., 2004].

Необходимость исследования механизма популяризации знаний в области современной медицины и её достижений, направленных на сохранение и поддержание здоровья населения, не подлежит сомнению. Она обусловлена стремлением выявить роль ресурсов языка, используемых при кодировании информации в массмедийных научно-популярных текстах конкретной страны, поскольку популяризация науки стала одним из основных трендов современного развития всех национальных средств массовой информации в связи с большой социальной значимостью научных знаний.

В силу последних событий, связанных не только с массовым распространением и с вновь и вновь возвращающимися волнами COVID-19, но и с всплеском тех или иных серьёзных инфекционных и неинфекционных заболеваний, существенно подрывающих иммунитет человека, становится очевидно, насколько важно оперативно донести медицинские знания до широкой публики, принимая во внимание возраст адресата и степень его подготовленности к восприятию предлагаемой в медицинском медиатексте информации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности немецких журнальных текстов медицинского научно-популярного медиадискурса с позиции их структурно-композиционных характеристик

Исследуя феномен медиамедицинского научно-популярного дискурса, подчеркнем, что в его рамках осуществляется распространение медицинских знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей, имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации, который достигнут ими в процессе их социализации в обществе.

CC BY

Отметим, что именно Германия обладает самым серьезным опытом в сфере специализированных медицинских журналов, поскольку данный тип изданий зародился в этой стране [Чукаева, 2010, с. 3], что связано в том числе с уровнем развития медицины в Германии. Уже в 1846 году в стране для широкой публики стал издаваться журнал «Стоматолог», носивший научно-популярный характер [Финк, 2019, с. 161—163; Faulstich, 2004].

Анализ показал, что исследуемый нами дискурс демонстрирует разнообразие видов текстов, читая которые адресат, как правило, не имеющий специализированных медицинских знаний, знакомится с медицинской терминологией, базовыми понятиями наивного медицинского дискурса, формируя собственное мнение относительно той или иной проблемы, затрагиваемой в публикациях. Последние могут иметь форму квази-диалогов с читателями и предваряются в этом случае репликой: *Hier bieten wir Fragen und Antworten in leichter Sprache* (Здесь мы предлагаем вопросы и ответы простым языком)[1] [Wie lassen…, 2020, S. 3].

Несомненно, это свидетельствует о намерении адресанта преобразовать специализированные знания в области медицины как сложного контента, переведя их на язык малоподготовленного адресата, вызвав определенные эмоции, приняв во внимание его опыт и превратив скучные научные данные в интересную и понятную информацию. В немецком журнальном дискурсе весьма распространены вопросно-ответные блоки, которые как оригинальный формат популяризации медицинских знаний превращают монологическую речь в диалогическую, побуждая адресата следить за логикой изложения. Привлекая внимание читателей и оживляя повествование, вопросно-ответный ход придает тексту яркую выразительность.

Помимо упомянутого варианта композиционной структуры анализируемых научно-популярных текстов, возможно также выделение в публикации отдельных микротем, которые имеют соответствующие заголовки. Так, например, в статье под заголовком *Die „Stopfleber“ wird die Krankheit der Zukunft* («Фуа-гра» становится болезнью будущего), опубликованной в научно-популярном журнале в сфере медицины, питания и натуральных лекарственных средств Gesundheit & Wissenschaft, имеется несколько подзаголовков, которые демонстрируют разнообразие средств стилистического синтаксиса, например, номинативные конструкции, способствующие лаконичности изложения и повышающие интерес потенциальных читателей: *Alarmsignale einer überbelasteten Leber* (Тревожные сигналы перегруженной печени); *Chronische Leberentzündung* (хроническое воспаление печени); сегментацию, а также стилистическую фигуру олицетворение*: Die*

1 *Здесь и далее перевод наш. — О. Т.*

CC BY

gute Nachricht: Die Leber kann sich selbst heilen (Хорошая новость: печень может лечить себя сама), что позволяет не только кратко и доступно сообщить адресатам значительный объем информации, но и эмоционально их заинтересовать [Die „Stopfleber"…, 2023]. Как известно, *фуа-гра* происходит от французского *foie gras* — жирная печень.

Отметим также несомненную роль целевой аудитории, влияющей на структурно-композиционные характеристики немецких журнальных текстов медицинского научно-популярного медиадискурса.

3.2. Заголовочный комплекс в медийном медицинском научно-популярном тексте

Исследуя средства современного немецкого языка, задействованные в печатных журнальных публикациях научно-популярного медицинского дискурса, отметим прежде всего их заголовки и подзаголовки как сильные позиции в тексте. Так, предпринимая попытку как можно больше привлечь внимание читателей, их заинтересовать, убедить в серьезности сообщаемой информации, автор научно-популярной статьи, опубликованной в журнале «Der Spiegel», Генрик Эндерляйн (Henrik Enderlein), президент и профессор частной аккредитованной высшей школы политической экономики Hertie School (Школа Херти), использует в качестве её заголовка название одного из романов известного немецкого писателя Рудольфа Дитцена, писавшего под псевдонимом Ганса Фаллады, а именно: *Jeder stirbt für sich allein* (Каждый умирает в одиночку) [Enderlein, 2020, S. 87].

Употребление в вышеприведенном примере аллюзии (от лат. *Allusiedere* — намекать, подшучивать), сущность которой как стилистической фигуры заключается в данном случае в намеке на известное литературное произведение, несомненно, наполняет научно-популярную статью новыми смыслами, придавая тексту оттенок иронии и сарказма. Благодаря этому достигается эмоциональная вовлеченность адресата, некоторая интрига, свойственная прежде всего текстам публицистического и художественного дискурсов. Такой заголовок медицинской научно-популярной статьи, полностью повторяющий название известного художественного произведения, не остается без внимания читателей.

Другие проанализированные нами заголовки статей не менее оригинальны и имеют, например, форму вопросительного предложения: *Wie lassen sich Varianten von Sars-CoV-2 überwachen?* (Как можно отслеживать варианты Sars-CoV-2?) [Wie lassen…, 2020]. Прямой вопрос, используемый не только в качестве заголовка, но и подзаголовка, привлекает внимание потенциальных читателей, подготавливая их к восприятию текста и побуждая искать ответы. Благодаря средствам стилистического синтаксиса, являющегося эффективной техникой, заголовок притягивает внимание адресата.

CC BY

Кроме того, могут использоваться весьма пространные заголовки, состоящие из двух высказываний. Отсутствие в заголовке традиционного минимализма призвано привлечь внимание читателей. Развернутый заголовок — это специфичный прием для научно-популярных статей в сфере медицины: *Die Pandemie ist das große Thema für den Gesundheitsminister — auch beim Besuch in Jerusalem. Doch er will auch israelische Impulse für die alltägliche Versorgung aufnehmen* (Пандемия является важной темой для министра здравоохранения — также во время визита в Иерусалим. Кроме того, он хотел бы перенять опыт Израиля по решению повседневных вопросов) [Die Pandemie…, 2022].

В последнем случае речь идет об итогах встречи министра здравоохранения Германии Карла Лаутербаха со своим израильским коллегой Нитцаном Горовицем, прошедшей в Иерусалиме. В приведённом выше двукомпонентном заголовке используется парентеза *auch beim Besuch in Jerusalem*, сообщающая адресатам дополнительные сведения; разговорно окрашенная конструкция *Doch er will auch israelische Impulse für die alltägliche Versorgung aufnehmen*, в которой употребляется инверсия. При этом заголовок помогает читателям ориентироваться в медиапотоке благодаря лексическим единицам, очерчивающим проблематику публикации, ср.: *die Pandemie* (пандемия), *Gesundheitsminister* (министр здравоохранения)*, israelische Impulse* (опыт Израиля).

Некоторые заголовки в медиамедицинском дискурсе весьма образны и эмоционально окрашены благодаря персонификации, являющейся одним из эффективных художественных приемов, напрямую связанных не только с художественным дискурсом, но и с мифологическим и религиозным дискурсами, а также с дискурсом сказок, ср.: *Covid-19 ist noch da* (Ковид- 19 еще не ушел) [Covid-19…, 2022, S. 23.].

Помимо этого, к заголовочному комплексу в научно-популярных текстах, как правило, относится предтекст, который предваряет основной текст и в ряде случаев содержит ряд прямых вопросов, последовательно обсуждаемых в публикации, например: *Weiterhin sterben jeden Tag hunderte Menschen in Deutschland an den Folgen von Covid-19. Wie gefährlich sind neue, ansteckendere Varianten von Sars-CoV-2? Wie gelingt eine Virusüberwachung auch hier zu Lande? Sollten Schulen und Kitas öffnen?* (По-прежнему умирают ежедневно сотни людей от последствий Covid-19. Насколько опасны новые, заразные варианты ковида? Как передаются вирусы в стране? Должны ли быть открыты школы и детские сады?) [Wie lassen…, 2020].

Отметим важную роль приведенного компактного лида, являющегося весьма эффективным в плане ориентира читателей в предлагаемом им медиапотоке. Анализируемый предтекст завершается следующим по-

CC BY

вествовательным предложением, в котором приводится информация об авторах медицинского научно-популярного квази-интервью: *Die wichtigsten Antworten zum Coronavirus von Lars Fischer, Alina Schadwinkel, Annika Röcker und Daniela Mocker* (Самые важные ответы о коронавирусе от Ларса Фишера, Алины Шадвинкель, Анники Рёкер и Даниэлы Мокер) [Ibid.].

Вышеперечисленные персоны являются известными журналистами Германии, которые, имея соответствующее университетское образование по профилю Wissenschaftsjournalismus (научная журналистика), занимаются освещением вопросов, связанных с популяризацией медицинских знаний.

3.3. Лексико-грамматические средства

С точки зрения лексических средств, используемых в научно-популярных текстах, отметим их чрезвычайное разнообразие и принадлежность различным дискурсам, что свидетельствует о полидискурсивности медицинских научно-популярных публикаций, являющейся результатом интердискурсивности как процесса [Белоглазова, 2009, с. 67; Иерусалимская, 2016, с. 55].

Так, в статье, посвященной дегенеративному заболеванию головного мозга человека [Parkinson…, 2022], наблюдаются признаки собственно научного медицинского дискурса, в частности, названия болезней, в которых задействованы антропонимы: *Parkinson-Krankheit* (болезнь Паркинсона), *Alzheimer-Krankheit* (Альгеймер), их классические симптомы *Muskelzittern* (дрожание мышц), *die zweithäufigste neurologische Störung* (второе по распространенности неврологическое заболевание); общенаучные термины: *Nervenzellen* (нервные клетки), *Gehirn* (мозг), *im fortgeschrittenen Stadium* (на прогрессирующей стадии), *Betroffene* (заболевшие); лексические единицы, относящиеся к общекнижным: *ein Absterben* (отмирание), *Stadium* (стадия), *Menschen* (люди), *reglos* (неподвижный).

С обиходно-разговорным, художественным, а также публицистическим дискурсами коррелируют инверсия и нарушение традиционной для немецкого языка рамочной конструкции: *Verursacht werden die Beeinträchtigungen der Bewegungskontrolle durch ein fortschreitendes Absterben von bestimmten Nervenzellen im Gehirn* (Причина нарушений контроля над движением обусловлена прогрессирующим отмиранием определенных нервных клеток в мозге [Ibid.]. Благодаря выдвижению на первое место в высказывании изменяемой части сложного глагольного сказуемого *verursacht* тексту придается окраска разговорной речи, понятной и привычной читателю. Наличие рамочной конструкции затрудняет в известной степени декодирование текста, поэтому в тексте порядок слов регулируется не формальными установками, а функциональными и когнитивными, которые способствуют его адекватному восприятию адресантом.

CC BY

В синтаксическом плане с общенаучным дискурсом данный текст сближают распространенное определение *Die auch Schüttellähmung genannte Parkinson-Krankheit* (болезнь Паркинсона, названная также дрожательным параличом); пассивные конструкции, поскольку важен не производитель действия, а прежде всего само действие: *produziert wird* (производится).

В следующей научно-популярной статье, посвященной раскрытию особенностей вакцин от коронавируса, произведенных различными фармацевтическими фирмами, также используются медицинские термины: *Impfstoffe* (вакцины), *Immunreaktion* (иммунная реакция), *der genetische Code* (генетический код), название болезни *Covid-19* (ковид-19), а также онимы, представляющие собой названия известных фармацевтических фирм: *Moderna* (Модерна), *Pfizer* (Пфайзер), *Biontech* (Бионтех).

К признакам общенаучного дискурса относятся, например, такие термины, как *chemisch* (химический), *das Molekül* (молекула), к общелитературным лексическим единицам — *Anfang und Ende* (начало и конец), *Bausteine* (строительный материал).

С точки зрения синтаксиса отметим наличие конструкций, специфичных для собственно научного дискурса и в известной степени способствующих краткости изложения информации. С этой целью заострим внимание на распространенном определении *Zwei der derzeit bereits eingesetzten Impfstoffe* (букв. Две из к настоящему времени применяемых вакцин); на пассивной конструкции с модальным глаголом *hergestellt werden kann* (может производиться), использование которой обусловлено намерением адресанта сосредоточить основное внимание потенциальных читателей на описании процесса, действия, иначе — на пациенсе. Отметим также наличие инфинитивных конструкций с *um … zu: um die starke Immunreaktion abzumildern* (чтобы смягчить сильную иммунную реакцию). Кроме того, авторы для аргументации своей точки зрения, достижения доступности и убедительности изложения медицинской информации в медиа используют конструкцию *einerseits…, zum anderen* (с одной стороны…, с другой…), благодаря которой достигается известная доходчивость изложения в целом довольно непростого контента. Названное вводное сочетание указывает на порядок изложения мыслей и может трактоваться как мыслительная конструкция.

Заостряя внимание на лексико-грамматических средствах, используемых в медицинских научно-публицистических статьях, адресованных молодежи в журнале «Vitamin.de», отметим, что данные публикации, выполняющие с учетом целевой аудитории в известной степени учебно-просветительскую функцию, повествуют о выдающихся немецких ученых-медиках, их открытиях и научных разработках. Благодаря этому научные сведения уже не являются абстрактными, а получают некий конкретный

CC BY

облик и эмоциональную составляющую, коррелируя с национальными достижениями немцев в области медицины. Так, в научно-популярной статье, где речь идет об известном немецком враче Георге Гаасе и открытии им метода диализа, на основе которого осуществляется искусственное очищение крови у людей, используются самые распространенные медицинские термины: *Nieren* (почки), *Mediziner* (медики), *das Blut* (кровь), *die Reinigung des Blutes* (очищение крови), *Medizin* (медицина), *Giftstoffen* (отравляющие вещества), *künstliche Organe* (искусственные органы); общенаучные понятия *der Erfinder* (изобретатель); общекнижные слова *funktionieren* (функционировать) [Georg Haas…, 2019].

С разговорно-окрашенным стилем изложения с точки зрения использования морфологических средств коррелирует краткая форма указательного местоимения *dies,* ср.: *Um dies zu vermeiden* (чтобы избежать этого).

В синтаксическом плане с обиходно-разговорным дискурсом связано бессоюзное придаточное предложение условия *Funktionieren sie nicht* (Если они не функционируют), в котором опущен подчинительный союз *wenn* (если) и на первое место выдвигается сказуемое. Подобный стиль изложения характерен также для публицистического и художественного дискурсов. Наблюдается практически полный отказ от гипотаксиса, поэтому доминируют простые распространенные предложения, осложненные в ряде случаев лишь безличной конструкцией *um … zu* (чтобы), являющейся полностью независимой и позволяющей точно выразить цель предпринимаемого действия. Активное употребление простых предложений придает анализируемому медиамедицинскому научно-популярному тексту динамичность и способствует краткости изложения.

Кроме того, в плане синтаксиса для языкового кода проанализированных нами научно-популярных публикаций характерно использование вводных слов и предложений связующего характера, например: *Wie die Forscher berichten, ...* (Как сообщают исследователи, …) [Parkinson…, 2022].

Сделанная автором научно-популярной статьи ссылка на проводимые учеными исследования в области медицины и полученные ими научные данные, безусловно, добавляет убедительности изложению.

Рассматривая вопрос об использовании коммуникативных типов предложений, способствующих актуализации прагматических функций научно-популярных медиатекстов, отметим значительную частотность придаточных определительных, ср. *In Deutschland soll … eine nächste große Kampagne mit neuen Impfstoffen in Gang kommen, die an aktuelle Omikron-Virusvarianten angepasst sind* (В Германии … должна быть начата следующая широкая кампания с новыми вакцинами, адаптированными к текущим ва-

CC BY

риантам вируса омикрона), и дополнительных придаточных предложений с подчинительным союзом *ob*: *Ob dieser Trend auf Dauer Bestand hat, hängt von mehreren Faktoren ab.* (Сохранится ли эта тенденция в долгосрочной перспективе, зависит от ряда факторов) [Die Pandemie…, 2022].

Согласно данным лингвистов [Lewandowski, 1994, S. 872], определительные придаточные предложения составляют 33 % всех придаточных предложений, используемых в корпусе текстов современного немецкого языка. Вместе с тем результаты исследований других ученых Германии [Auer, 2002, S. 137] свидетельствуют о том, что наиболее часто используемыми как в письменной, так и в устной речи являются дополнительные придаточные предложения, которые вводятся в текст при помощи подчинительного союза *dass* (что).

3.4. Стилистические средства

Анализ медиамедицинских научно-популярных публикаций с целью установления стилистической специфики кодирования их содержания, способствующей репрезентации коммуникативно-прагматических функций, свидетельствует о том, что в этих публикациях могут быть задействованы различные виды речи. Так, в уже упомянутой выше статье [Die Pandemie…, 2022] используется авторская речь, которая весьма образна и характеризуется наличием повтора, с одной стороны, буквального лексического, а с другой — варьированного *Corona-Krise — zu Corona — gegen Corona — Corona-Welle*; персонификации *Auch die Corona-Krise begleitete den Minister bei seinem Besuch* (Также коронакризис сопровождал министра во время его визита), способствующей, несомненно, повышению образности и, как следствие, запоминаемости текста. Благодаря тропу «олицетворение» коронавирусу приписываются свойства и признаки одушевлённых предметов, что явно способствует убеждению аудитории.

Специфично использование парентез, которые выявляются в заголовках (см. выше), в середине высказывания (*Die Maskenpflicht — auch in Bus und Bahnen — wurde Ende April abgeschafft* // Требование носить маску — также в автобусах и поездах — было отменено в конце апреля) и в конце высказывания (*Die beiden Minister vereinbarten zudem einen engeren deutsch-israelischen Austausch — auch von Experten und nicht nur zu Corona* // Оба министра также договорились о более тесном германо-израильском обмене — в том числе между экспертами, а не только по короне); аналитических конструкций (*auf Dauer Bestand hat* // сохранится в долгосрочной перспективе); метонимии (*Deutschland will beim weiteren Kampf gegen Corona die Zusammenarbeit mit Israel vertiefen* // Германия хочет активизировать сотрудничество с Израилем в дальнейшей борьбе с коронавирусом); метафоры (*nach lange schleppenden Impfungen* // после вялотекущих вакцина-

CC BY

ций), в том числе военной метафоры (*Kampf gegen Corona* // борьба против коронавируса). Вышеперечисленные экспрессивные средства, в частности метафоры, способствуют адекватному пониманию и познанию действительности, окружающей человека, во всех ее проявлениях [Eroms, 2014; Matheson et al., 2018; Sandig, 2006].

Несомненно, область медицины является специфической, и тема борьбы с болезнями, имея вековые традиции [Мыльникова, 2021, с. 153], актуализируется в том числе благодаря военным метафорам. Последние появились еще в 80-е годы XIX века в связи с упоминанием группы микроорганизмов — бактерий, которых стали называть *Invasoren* (захватчики). Особо отметим в данном случае воздействующую функцию метафоры как высокоэффективного художественно-выразительного средства, употребление которого в роли доказательства с точки зрения формальной логики явно не вполне уместно, но вместе с тем в научно-популярном тексте, в связи с выполнением метафорой роли весомого аргументативного приема, весьма доходчиво и убедительно.

Во-вторых, возвращаясь к видам речи, обратим внимание на косвенную речь: *Israel sei immer vorangegangen, etwa beim Impfen* (Израиль всегда лидировал, например, когда речь шла о вакцинации). В ней представлена метонимия как перенос наименования с одного предмета или явления на другой на основе их смежности.

Наконец, в-третьих, в публикации приводится прямая речь министра здравоохранения Израиля, которая содержит разговорные частицы *ja, noch* — маркеры эмоционально окрашенной разговорной речи; парентезу *besonders Ältere* (особенно пожилых), благодаря которой читателям сообщается дополнительная информация и заостряется их внимание на определенном факте, ср.: *„Die Pandemie ist ja noch nicht vorbei“, sagte Lauterbach* («Пандемия еще не закончилась», — сказал Лаутербах); *„Es ist besser, sehr viele, besonders Ältere, früh zu impfen“* («Многих людей, особенно пожилых, лучше вакцинировать раньше») [Die Pandemie…, 2022]. Согласимся, что изменение лица в повествовании сообщает высказыванию семантическую уникальность и объясняется, с одной стороны, его семантикой, а с другой — прагматикой [Падучева, 2010].

4. Заключение = Conclusion

Результаты проведенного нами анализа свидетельствуют о том, что широкое употребление в медицинских научно-популярных текстах журнального дискурса ряда грамматических и лексических явлений, стилистических средств, представленных в том числе распространенным определением, инфинитивной конструкцией *um…zu*, различными видами повторов,

CC BY

олицетворением и гиперболой, а также аллюзией, метафорой и метонимией, сближает данные тексты с академическим медицинским, публицистическим, художественным, а также обиходно-разговорным дискурсами. Различие состоит в том, что научно-популярные публикации отличаются научной тематикой и интенцией, которые обусловливают перестройку когнитивного восприятия информации читателем. Специфика медицинского научно-популярного дискурса проявляется и в его лексической наполняемости, когда одновременно используются общенаучная лексика, медицинская терминология, соматизмы, названия болезней, фармацевтических фирм и лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта врача. Благодаря этому медицинская терминология, широко применяемая в массмедиа, интегрируется в повседневную жизнь большого количества людей.

Ведущим признаком проанализированных нами медицинских научно-популярных текстов в синтаксическом аспекте являются парентезные конструкции, вводные слова и предложения связующего характера, специфичные для письменного стиля изложения. Вышеназванные средства способствуют репрезентации коммуникативно-прагматических функций текстов медицинского научно-популярного дискурса, к числу которых относятся информирующая, воздействующая и убеждающая функции, а также просветительская. При этом кликабельные заголовки, помогающие ориентироваться в потоке контента, привлекают внимание читателей, убеждая самым серьезным образом прислушаться к сообщаемой медицинской информации. Отметим также высокую частотность использования приема персонификации, которая распространена в мифологическом и религиозном дискурсах, сказках и притчах, художественной литературе. Вместе с тем процесс интердискурсивности отнюдь не хаотичен и организуется не только в соответствии с коммуникативно-прагматическими функциями, выполняемыми научно-популярными текстами, но и с учетом целевой аудитории, формируя сравнительно отчетливые контуры немецкого медицинского научно-популярного дискурса, для которого характерно достижение эмоциональной вовлеченности читателя, глубокой эмпатии, когда логос сосуществует наряду с пафосом.

Анализ показал, что при реализации коммуникативно-прагматических функций научно-популярные публикации, выполняющие важную социальную миссию, в значительной степени опираются на сведения о национально-культурной специфике Германии. Говоря об особенностях медиатизации медицинских знаний в немецком журнальном дискурсе, можно констатировать, что медицинский научно-популярный дискурс, выступая вторичным способом трансляции медицинских знаний посредством их интерпретации и отличаясь широким охватом освещаемых событий, характе-

ризуется рядом специфических черт, таких как доступность, понятность, краткость, полидискурсивность, документализм, благодаря которым в идеале должно формироваться сознательное отношение человека к своему здоровью и понимание ответственности за свое физическое и психическое состояние, соблюдение личной гигиены и масочного режима.

Можно констатировать, что коммуникация в массмедиа помогает передать максимум актуальных медицинских знаний, а также вносит вклад в принятие необходимых мер не только по профилактике возникновения различных инфекций, но и по предупреждению ряда хронических заболеваний. Ценным в медийном медицинском научно-популярном дискурсе является оперативность передачи информации, а также ее личностно ориентированный формат.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Covid* — 19 ist noch da // Vitamin de. Herbst. — 2022. — Nr. 94. — S. 23.

2. *Die Pandemie* ist das große Thema für den Gesundheitsminister — *auch beim* Besuch in Jerusalem. Doch er will auch israelische Impulse für die alltägliche Versorgung aufnehmen [Electronic resource] // Deutsche Presse-Agentur, 31.08.2022. — Access mode : http://www.dpa.com/ (accessed 07.06.2023).

3. *Die* „Stopfleber“ wird die Krankheit der Zukunft [Electronic resource] // Gesundheit & Wissenschaft, 21.04.2023. — Access mode : https://www.gesundheitundwissenschaft.com/2023/04/ (accessed 08.06.2023).

4. *Enderlein H.* Jeder stirbt für sich allein / H. Enderlein // Der Spiegel. — 2020. — Nr. 16/11. 4. — S. 87.

5. *Georg* Haas und die künstliche Niere // Vitamin.de. Winter. — 2019. — Nr. 83. — S. 18.

6. *Parkinson* am Atemmuster erkannt [Electronic resource] // Deutsche Presse-Agentur 31.08.2022. — Access mode : http://www.dpa.com/ (accessed 08.06.2023).

7. *Wie l*assen sich Varianten von Sars-CoV-2 überwachen? [Electronic resource] // Spektrum der Wissenschaft. Sonderausgabe zur Covid-19-Pandemie 22.01.2020. — Access mode : https://www.spektrum.de>fragen-und-antworten-ueber-das-neue-coronavirus/1700384 (accessed 07.06.2023).

Литература

1. *Белоглазова Е. В.* Полидискурсивность как особый исследовательский фокус / Е. В. Белоглазова // Известия СПбУЭФ. — 2009. — № 3. — С. 66—71.

2. *Гукосьянц О. Ю.* Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии covid-19 : коммуникативные ходы / О. Ю. Гуко-

сьянц // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 117—133. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133.

3. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления : монография / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Добросвет, 2020. — 178 с. — ISBN 978-5-7913-1128-3.

4. *Жаббарова Ф. У.* Категория связности в научно-популярном тексте (на материале научно-популярных статей) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ф. У. Жаббарова. — Уфа, 2015. — 21 с.

5. *Иерусалимская А. О.* О соотношении терминов «полидискурсивность» и «интердискурсивность» / А. О. Иерусалимская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2016. — № 1. — С. 54—58.

6. *Канашина С. В.* Когнитивные основания полидискурсивности в интернет-мемах / С. В. Канашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12 (90). — Ч. 2. — С. 313—317.

7. *Коренева О. Б.* Открытый доступ к глобальной медицинской информации в масс-медиа : специализированный перевод и русско-немецко-испанская терминология / О. Б. Коренева // Медиалингвистика. — 2021. — № 8 (1). — С. 90—98. — DOI: https://doi. org/10.21638/spbu22.2021.108.

8. *Лядова А. В.* Особенности медиатизация сферы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции / А. В. Лядова // Общество : социология, психология, педагогика. — 2022. — № 3. — С. 20—24. — DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.2.

9. *Мыльникова И. С.* Военная метафора в языковой картине мира медицины : вчера, сегодня, завтра / И. С. Мыльникова // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. — 2021. — № 3. — С. 153—175. — DOI: https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-3-153-175.

10. *Олейников С. В.* Медиатизация науки на примере журнала «Век информации» (сетевое издание) / С. В. Олейников, Д. В. Кулакова, А. С. Пуло // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 1 (92). — С. 374—378. — DOI: https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-374-378.

11. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. — Изд. 6, испр. — Москва : URSS, 2010. — 296 с. — ISBN 978-5-382-01080-9.

12. *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи / Н. М. Разинкина. — Москва : Едиториал УРСС, 2020. — 214 с. — ISBN 987-5-397-07015-7.

13. *Таюпова О. И.* Медиа медицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики) / О. И. Таюпова // Российский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 5. — С. 641—647. — DOI: https://doi. org/10.15643/libartrus 2019.5.5.

14. *Таюпова И. М.* К вопросу рационального питания, коррекции микронутриентного статуса, профилактики и лечения дефицита железа у беременных / И. М. Таюпова // Вопросы питания. — 2015. — Т. 84. — № 2. — С. 25—33.

15. *Таюпова О. И.* Научно-популярный медиатекст в свете категории интердискурсивности / О. И. Таюпова // Доклады Башкирского университета. — 2022. — Т. 7. — № 6. — С. 441—446. — DOI: https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.6.12.

16. *Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен / под ред. А. А. Кисилевой. — Харьков : Изд-во Гуманитарного центра, 2004. — 336 с. — ISBN 0-7619-7112-2.

17. *Финк Т. Е.* История немецких медицинских журналов как отражение изменения общества к ценностям человеческой жизни и развития медицины / Т. Е. Финк // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2019. — № 1. — С. 161—163.

18. *Чукаева Н. А.* Медицинские журналы на медиарынке Германии : типологические особенности и современные тенденции развития : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.10 / Н. А. Чукаева. — Москва, 2010. — 21 с.

19. *Шамне Н. Л.* Особенности лексического состава медицинского научно-популярного дискурса (на материале немецкоязычных интернет-изданий) / Н. Л. Шамне, Е. В. Шишкина // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 2 (4). — С. 170—179. — DOI: https://doi.org/10.15688. 2.2018.4.16.

20. *Шмелева Т. В.* Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке / Т. В. Шмелева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 220—226.

21. *Auer P.* Schreiben in der Hypotaxe — Sprechen in der Parataxe? Kritische Bemerkungen zu einem Gemeinplatz / P. Auer // Deutsch als Fremdsprache. — 2002. — H. 3. — S. 131—138.

22. *Burger H.* Mediensprache : Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien / H. Burger, M. Luginbühl. — Berlin, Boston : de Gryuter, 2014. — 544 S. — ISBN 3-11-017353-0.

23. *Eroms H.-W.* Stil und Stilistik / H.-W. Eroms. — Aufl. 2. — Berlin : Erich Schmidt, 2014. — 293 S.

24. *Faulstich W.* Medienwandel im Industrie-und Massenzeitalter (1830—1900) / W. Faulstich. — Göttingen : Vanderhoeck & Ruprecht, 2004. — 302 S. — ISBN 978-3-525-20791-8.

25. *Jaki S.* Wissensformate in den Medien. Analysen aus Medienlinguistik und Medienwissenschaft / S. Jaki, A. Sabban. — Berlin : Frank&Timme, 2016. — 344 S. — ISBN 978-3-7329-0201-9.

26. *Krah H.* Medien und Kommunikation. Eine Einführung aus semiotischer Perspektive / H. Krah. — Passau : R. Schuster 2017. — 470 S. — ISBN 978-3940784384.

27. *Lenk H.* Methoden konstrastiver Medienlinguistik / H. Lenk, S. Tienken, S. Hauser, M. Luginbühl. — Bern : Peter Lang, 2021. — 282 S. — ISBN 978-3.0343-3862-2.

28. *Lewandowski T.* Linguistisches Wörterbuch / T. Lewandowski. — 6. Auflage. — Heidelberg ; Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1994. — 1095 S.

29. *Matheson H. E.* Embodiment and Grounding in Cognitive Neurosciense / H. E. Matheson & L. Barsalou // Stevens` Handbook of Experimental Psychologie and Cognitive Neuroscience. — 2018. — № 3. — Pp. 1—27. — DOI: 10.1002/9781119170174.

30. *Perrin D.* Medienlinguistik / D. Perrin. — 3., aktualisierte Aufl. — Konstanz ; München : UVK Verlagsgesellschaft, 2015. — 259 S. — ISBN 978 3 8252 25032.

31. *Sandig B.* Textstilistik des Deutschen / B. Sandig. — 2, völlig neu bearb. Aufl. — Berlin : Walter de Gruyter, 2006. — 584 S.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 22.09.2023.

Material resources

Covid-19 ist noch da. (2022). *Vitamin de. Herbst, 94:* S. 23. (In Germ.).

Die „Stopfleber“ wird die Krankheit der Zukunft. (2023). *Gesundheit & Wissenschaft, 21.04.2023.* Available at: https://www.gesundheitundwissenschaft.com/2023/04/ (accessed 08.06.2023). (In Germ.).

Die Pandemie ist das große Thema für den Gesundheitsminister — auch beim Besuch in Jerusalem. Doch er will auch israelische Impulse für die alltägliche Versorgung aufnehmen. (2022). *Deutsche Presse-Agentur 31.08.2022.* Available at: http://www.dpa.com/ (accessed 07.06.2023). (In Germ.).

Enderlein, H. (2020). Jeder stirbt für sich allein. *Der Spiegel, 16/11. 4:* S. 87. (In Germ.).

Georg Haas und die künstliche Niere. (2019). *Vitamin.de. Winter, 83:* S. 18. (In Germ.).

Parkinson am Atemmuster erkannt. (2022). *Deutsche Presse-Agentur 31.08.2022.* Available at: http://www.dpa.com/ (accessed 08.06.2023). (In Germ.).

Wie lassen sich Varianten von Sars-CoV-2 überwachen? *Spektrum der Wissenschaft. Sonderausgabe zur Covid-19-Pandemie 22.01.2020.* Available at: https://www.spektrum.de>fragen-und-antworten-ueber-das-neue-coronavirus/1700384 (accessed 07.06.2023). (In Germ.).

References

Auer, P. (2002). Schreiben in der Hypotaxe — Sprechen in der Parataxe? Kritische Be-merkungen zu einem Gemeinplatz. *Deutsch als Fremdsprache, 3:* 131—138. (In Germ.).

Beloglazova, E. V. (2009). Polydiscursivity as a special research focus. *News of SPbUEF, 3:* 66—71. (In Russ.).

Burger, H., Luginbühl, M. (2014). *Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien.* Berlin, Boston: de Gryuter. 544 S. ISBN 3-11-017353-0. (In Germ.).

Chukaeva, N. A. (2010). *Medical journals in the German media market: typological features and modern development trends.* Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).

Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Media linguistics: theory, methods, directions: monography.* Moscow: Dobrosvet. 178 p. ISBN 978-5-7913-1128-3. (In Russ.).

Eroms, H.-W. (2014). *Stil und Stilistik. Aufl. 2.* Berlin: Erich Schmidt. 293 S. (In Germ.).

Faulstich, W. (2004). *Medienwandel im Industrie-und Massenzeitalter (1830—1900).* Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht. 302 S. ISBN 978-3-525-20791-8. (In Germ.).

Fink, T. E. (2019). The history of German medical journals as a reflection of society’s attitude to the values of human life and the development of medicine. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism, 1:* 161—163. (In Russ.).

Gukosyants, O. Yu. (2023). Implementation of Speech Tactics of Persuasion Strategy in Virtual Communication during COVID-19 Pandemic: Communication Moves. *Nauchnyi dialog, 12 (3):* 117—133. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133 (In Russ.).

Jaki, S., Sabban, A. (2016). *Wissensformate in den Medien. Analysen aus Medienlinguistik und Me-dienwissenschaft.* Berlin: Frank&Timme. 344 S. ISBN 978-3-7329-0201-9. (In Germ.).

Jerusalem, A. O. (2016). On the correlation of the terms “polydiscursivity” and “interdiscursivity”. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology, 1:* 54—58. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2018). Cognitive foundations of polydiscursivity in Internet memes. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 12 (90) / 2:* 313—317. (In Russ.).

Koreneva, O. B. (2021). Open access to global medical information in the mass media: specialized translation and Russian-German-Spanish terminology. *Media linguistics, 8 (1):* 90—98. DOI: https://doi. org/10.21638/spbu22.2021.108. (In Russ.).

Krah, H. (2017). *Medien und Kommunikation. Eine Einführung aus semiotischer Perspektive.* Passau: R. Schuster. 470 S. ISBN 978-3940784384. (In Germ.).

Lenk, H., Tienken, S., Hauser, S., Luginbühl., M. (2021). *Methoden konstrastiver Medienlinguistik.* Bern: Peter Lang. 282 S. ISBN 978-3.0343-3862-2. (In Germ.).

Lewandowski, T. (1994). *Linguistisches Wörterbuch. 6. Auflage.* Heidelberg; Wiesbaden: Quelle & Meyer. 1095 S. (In Germ.).

Lyadova, A. V. (2022). Features of the mediatization of the health sphere in the conditions of a pandemic of a new coronavirus infection. *Society: sociology, psychology, pedagogy, 3:* 20—24. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.2. (In Russ.).

Matheson, H. E., & Barsalou, L. (2018). Embodiment and Grounding in Cognitive Neurosciense. *Stevens` Handbook of Experimental Psychologie and Cognitive Neuroscience, 3:* 1—27. DOI: 10.1002/9781119170174. (In Germ.).

Mylnikova, I. S. (2021). Military metaphor in the linguistic picture of the world of medicine: yesterday, today, tomorrow. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics, 3:* 153—175. DOI: https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-3-153-175. (In Russ.).

Oleynikov, S. V., Kulakova, D. V., Pulo A. S. (2022). Mediatization of science on the example of the journal "The Age of Information" (online edition). *The world of science, culture, education, 1 (92):* 374—378. DOI: https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-374-378. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2010). *Utterance and its correlation with reality.* Moscow: URSS. 296 p. ISBN 978-5-382-01080-9. (In Russ.).

Perrin, D. (2015). *Medienlinguistik. 3., aktualisierte Aufl.* Konstanz; München: UVK Verlagsgesellschaft. 259 S. ISBN 978 3 8252 25032. (In Germ.).

Phillips, L. J. (2004). *Discourse analysis. Theory and method: translated from English.* Kharkiv: Publishing House of the Humanitarian Center. 336 p. ISBN 0-7619-7112-2. (In Russ.).

Razinkina, N. M. (2020). *Stylistics of English scientific speech.* Moscow: Unified URSS. 214 p. ISBN 987-5-397-07015-7. (In Russ.).

Sandig, B. (2006). *Textstilistik des Deutschen. 2, völlig neu bearb. Aufl.* Berlin: Walter de Gruyter. 584 S. (In Germ.).

Shamne, N. L., Shishkina, E. V. (2018). Features of the lexical composition of the medical popular science discourse (based on the material of German-language Internet publications). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 17 2 (4):* 170—179. DOI: https://doi.org / 10.15688. 2.2018.4.16. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (2016). Media linguistics against the background of the sphere differentiation of the science of language. *Bulletin of Kemerovo State University, 3:* 220—226. (In Russ.).

Tayupova, I. M. (2015). On the issue of rational nutrition, correction of the micronutrient status, prevention and treatment of iron deficiency in pregnant women. *Nutrition issues, 84 (2):* 25—33. (In Russ.).

Tayupova, O. I. (2019). Media medical discourse as an object of linguistic research (based on the material of modern German magazine periodicals). *Russian Humanitar-*

ian Journal, 8 (5): 641—647. DOI: https://doi . org/10.15643/libartrus 2019.5.5. (In Russ.).

Tayupova, O. I. (2022). Popular science media text in the light of the category of interdis-cursive. *Reports of Bashkir University, 7 (6):* 441—446. DOI: https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.6.12. (In Russ.).

Zhabbarova, F. U. (2015). *The category of connectivity in the popular science text (based on the material of popular science articles).* Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 21 p. (In Russ.).

The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 22.09.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Вера Александровна Саенгнатесванг, канд. филол. наук (Москва)
Любовь Александровна Мельникова, канд. филол. наук (Балашов)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Мельникова Л. А. Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 142—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160.

Melnikova, L. A. (2023). Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt…'. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 142-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160

Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды»

Мельникова Любовь Александровна
orcid.org/0000-0001-5257-6069
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин
lmelnikova5@mail.ru

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал)
(Балашов, Россия)

Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt…'

Lyubov A. Melnikova
orcid.org/0000-0001-5257-6069
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Philological Disciplines
lmelnikova5@mail.ru

Saratov State University, Balashov Institute (branch)
(Balashov, Russia)

© Мельникова Л. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются в аспекте литературных взаимосвязей романы Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды». Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего и разноплановового изучения литературного диалога Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским. Выявляется ряд схожих мотивов, факт наличия аллюзийных «перекличек» между образами отдельных героев романов. Отмечается, что оба автора показывают губительное влияние пребывания в заключении на личность преступника. Подчеркивается, что в романах преступник лишается способности на духовное воскресение, при этом писатели критикуют несправедливое социальное устройство, толкающее «маленького» человека на путь нарушения закона. Опираясь на традиции Ф. М. Достоевского, Г. Фаллада показывает в своем романе, что жизнь заключенного и в тюрьме, и после освобождения сродни пребыванию в «мертвом доме», так как лишает «униженных и оскорбленных» героев возможности на изменение своей судьбы. Делается вывод, что сопоставление романов «Записки из Мертвого дома» и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» позволяет выявить сходство их идейных установок и наметить перспективы дальнейших исследований рецепции художественного опыта Ф. М. Достоевского в творчестве Г. Фаллады.

Ключевые слова:
Г. Фаллада; Ф. М. Достоевский; рецепция; мотив; лагерная проза; маленький человек.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novels ‘Notes from the Dead House’ by Fyodor Dostoevsky and ‘Wer einmal aus dem Blechnapf frißt…’ (‘Who Once Drinks from the Prison Chalice’) by Hans Fallada are analyzed in terms of literary connections. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive and multifaceted examination of Hans Fallada’s literary dialogue with Fyodor Dostoevsky. A number of similar motifs are identified, as well as the fact that there are allusive “cross-references” between the characters of the novels. It is noted that both authors show the destructive influence of imprisonment on the criminal’s personality. It is emphasized that in both novels, the criminal is deprived of the ability for spiritual revival, and the writers criticize the unjust social system that pushes the “little” person to break the law. Drawing on the traditions of Fyodor Dostoevsky, Hans Fallada shows in his novel that life for prisoners, both in prison and after release, is akin to being in a “dead house”, as it deprives the “humiliated and insulted” heroes of the opportunity to change their fate. It is concluded that comparing the novels “Notes from the Dead House” and “Who Once Drinks from the Prison Chalice” allows for identifying similarities in their ideas and outlining perspectives for further research on the reception of Fyodor Dostoevsky’s artistic experience in Hans Fallada’s work.

Key words:
Hans Fallada; Fyodor Dostoevsky; reception; motif; camp literature; little man.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Достоевский.07+821.112.2Fallada.07

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира

Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды»

© Мельникова Л. А., 2023

1. Введение = Introduction

Творчество Ф. М. Достоевского неоднократно становилось объектом рецепции немецкого писателя Г. Фаллады (Hans Fallada; настоящее имя Рудольф Вильгельм Фридрих Дитцен — Rudolf Wilhelm Friedrich Ditzen, 1893—1947). Произведения русского классика входили в круг постоянного чтения Г. Фаллады. Говоря о причинах своего интереса к творческому наследию Ф. М. Достоевского, сам Г. Фаллада отмечал, что с русским писателем его роднит внимание и интерес к униженным, оскорбленным и отчаявшимся героям [Manthey, 1973, S. 163]. Т. Л. Мотылева указывала на то, что в творчестве Г. Фаллады всегда можно найти мотивы, восходящие к «Бедным людям», «Запискам из Мертвого дома», отчасти и к психологии быта, описанной на страницах больших романов Достоевского [Мотылева, 1971, с. 118]. Немецкого писателя, как отмечал Г. М. Фридлендер, сближает с русским классиком глубокое сочувствие «маленькому человеку», тонкое понимание «тайн» его психологии [Фридлендер, 1978, с. 156].

Факт наличия параллелей в произведениях Г. Фаллады и Ф. М. Достоевского, помимо процитированных выше исследователей, также отмечали в своих работах И. Мишин [Мишин, 1974], А. Б. Криницын [Криницын, 2007], а также автор настоящей статьи [Мельникова, 2022].

Однако стоит отметить, что в настоящее время в отечественном литературоведении вопросы интертекстуальных отсылок в произведениях Г. Фаллады к творческому наследию Ф. М. Достоевского исследованы недостаточно подробно и разноаспектно. Сравнительное изучение романов Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» представляется своевременным и перспективным ввиду отсутствия работ, в которых был бы представлен развернутый сопоставительный анализ названных произведений с позиций поэтики. Это обосновывает новизну нашего исследования.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются романы Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» и Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома».

Цель исследования состоит в заполнении лакун в изучении проблемы творческого диалога Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским в контексте русско-немецких литературных связей XIX—XX веков.

Автор статьи использовал сравнительно-исторический метод анализа, посредством которого выявляются сходства в мотивной структуре, образной системе, идейном содержании названных произведений. Применение данного метода для анализа художественных миров романов позволяет определить роль традиций Ф. М. Достоевского в формировании мировоззренческой позиции Г. Фаллады и его эстетических установок в аспекте дальнейшей разработки в его романном творчестве социальной проблематики, принципов репрезентации образа «маленького человека», персонажей, относящихся к категории «униженных и оскорбленных».

Теоретической базой исследования явились работы, посвященные различным аспектам изучения «каторжной» и «лагерной» прозы [Малова, 2003; Минералов, 2012; Старикова, 2015; Поль, 2022], романного творчества Ф. М. Достоевского [Карлова, 1974; Захаров, 1985; Габдуллина, 2015; Герикг, 2016; Федорова, 2019; Петрова, 2021] и Г. Фаллады [Дронова, 2005; Каспар, 1990; Manthey, 1973; Gessel, 1976].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века, истории зарубежной литературы XX века, спецкурсах, посвященных русско-зарубежным, русско-немецким литературным связям, специфике немецкого романа XX столетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Романы Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» как произведения лагерной прозы

Роман Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» написан на основе впечатлений, полученных писателем за время пребывания в омском остроге в 1850—1854 годах. Данное произведение примыкает к так называемой «каторжной прозе» в российском литературоведении, см. об этом [Поль, 2022], или ее западному аналогу «арестантской литературе» (Täterliteratur). Под последней понимают произведения авторов, самолично отбывших срок в тюрьмах и исправительных учреждениях и описывающих опыт, приобретенный там, — будь то письма, дневники, стихотворения,

CC BY

пьесы, романы или документальное повествование [Геригк, 2016, с. 19]. В рамках этого направления созданы такие произведения, как «Сибирь и каторга» С. В. Максимова, «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» П. Ф. Якубовича, «Мои темницы» С. Пеллико, «Баллада Редингской тюрьмы» О. Уайльда, «В заключении» Вальтера Кемповски, «Наказанное время» Г. Йегера и др. На наш взгляд, правомерно отнести к «арестантской литературе» и роман Г. Фаллады «Кто хоть раз отведал тюремной баланды», поскольку в этом произведении также отражен опыт пребывания его автора в местах заключения.

«Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» Г. Фаллады выделяются в ряду других текстов арестантской литературы тем, что в основе обоих произведений находятся реальные факты. Следя за судьбой героев романа немецкого писателя, читатель забывает, что перед ним книга: говоря словами Тухольского, все слишком реально, «настолько реально, что мороз по коже» [Каспар, 1990, с. 710]. Оголенная реалистичность отличает данный текст от произведений со схожей проблематикой других немецких авторов, например, «Берлин, Александерплац» А. Дёблина или «Наказанное время» Г. Йегера. В романе Ф. М. Достоевского также велик эффект фактографичности, поскольку жизнь сибирской каторги русский классик изображает с протокольной точностью [Герикг, 2016, с. 10—11].

Роман Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» (“Wer einmal aus dem Blechnapf frißt”) был написан в 1932 году и опубликован в 1934 году. Он являлся своего рода откликом, с одной стороны, на события из биографии самого писателя, с другой — на приход Гитлера к власти и связанные с этим событием изменения в социально-экономической жизни Германии. В центре повествования в данном произведении оказывается судьба «маленького человека» Вилли Куфальта. Описывая тюремные будни своего персонажа, а также его окружение, немецкий автор использует некоторые мотивы романа Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» [Мишин, 1974, с. 55]. В обоих произведениях поднимается вопрос о том, как наказание за совершенное преступление, пребывание в исправительном учреждении, влияет на сознание человека, его образ мыслей, поведение, дальнейшую судьбу.

«Записки из Мертвого дома» относятся к числу тех текстов, в которых «поэзия» сочетается с «правдой», художественный вымысел — с сознательным, документально точным, очерковым воспроизведением людей и событий, придающим этим произведениям, помимо их художественной ценности, ценность исторического документа [Фридлендер, 1964, с. 93]. Сохраняя точность и верность действительности, Ф. М. Достоевский соз-

CC BY

дал такую художественную форму, в которой он как автор обрел удивительную свободу осмысления своего жизненного опыта [Захаров, 1985, с. 175—176].

Необходимо заметить, что рассматриваемые романы отличаются формой повествования. У Ф. М. Достоевского рассказчиком выступает дворянин Александр Петрович Горянчиков, записки которого о годах, проведенных в остроге, после его смерти публикуются неким издателем. Г. Фаллада ведет повествование от лица нарратора, находящегося над миром рассказываемой им истории.

В обоих произведениях присутствует целая галерея образов арестантов. Однако важно отметить различие подходов писателей к репрезентации образов своих героев. В романе «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» герои включены писателем в единый развивающийся сюжет, их характер и поведение раскрываются перед читателем постепенно. В романе же Ф. М. Достоевского, представленного в форме «записок арестанта», каждый герой получает характеристику, даваемую ему устами персонажа-нарратора Александра Петровича Горянчикова. Далее рассмотрим в сравнительном аспекте мотивы, присутствующие в анализируемых текстах.

3.2. Мотив преступления и наказания

Прежде всего, изучаемые произведения объединяет мотив преступления и наказания. Пространством, в котором развиваются описываемые в романах события, у Ф. М. Достоевского оказывается сибирский острог, у Г. Фаллады — тюрьма провинциального немецкого города. В обоих текстах о каждом из персонажей, оказавшемся в поле зрения нарратора, сообщается информация, касающаяся не только срока его заключения, но и того преступления, за совершение которого он оказался за решеткой. И у русского, и у немецкого авторов представлена галерея образов арестантов. Фокусируя свое художественное внимание на образах конкретных героев, оба писателя в то же время приводят своего рода обобщенную классификацию заключенных.

В «Записках из Мертвого дома» Горянчиков характеризует отдельных, наиболее примечательных представителей арестантской среды (Дутова, Газина, Петрова, Аким Акимыча, Алея и других) и делает попытку распределения всех арестантов в зависимости от типа их поведения в остроге по трем группам: 1) наивные и простоватые болтуны, 2) молчаливые (в свою очередь делятся на угрюмых и злых, добрых и светлых), 3) вполне отчаявшиеся.

В романе немецкого писателя центральное место занимает образ Вилли Куфальта. Г. Фаллада показывает особенности взаимоотношений героя с другими заключенными, в первую очередь с Эмилем Бруном, а также с руковод-

CC BY

ством и персоналом тюрьмы — Рушем, Петровым. Заключенные в немецком романе в зависимости от их дальнейших целей могут быть разделены на две группы: 1) те, кто после освобождения надеются на то, что смогут начать нормальную, законопослушную жизнь (Куфальт, Брун), 2) те, кто после освобождения планирует вернуться к прежней преступной деятельности (Бацке).

В обоих романах авторами сделана установка не на художественный вымысел, а на реалистичность в представлении образов. Так, в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского отсутствуют элементы романтической идеализации обитателей каторги [Фридлендер, 1964, с. 104], как и в повествовании Г. Фаллады, который также стремится представить образы заключенных разнопланово, при этом подчеркивая натуралистические детали их быта. Вместе с тем стоит отметить, что в романе Ф. М. Достоевского система образов арестантов более обширна и разнообразна, нежели в романе Г. Фаллады: «не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя» [Достоевский, 1982, с. 12]. В то же время общей чертой обоих произведений является констатация того, что у заключенных отсутствует чувство раскаяния за нарушение закона.

Кроме того, оба автора обличают общество за то, что в нем создаются такие реалии, которые толкают «маленького» человека на путь порока и преступления. Ф. М. Достоевский проводит мысль о влиянии социальных условий на жизнь человека, вынужденного защищать свои права и человеческое достоинство только с помощью преступления [Мишин, 1974, с. 56]. Человек «выскакивает из мерки», не в силах больше терпеть, он убивает своего врага и притеснителя и из забитого, боящегося всех существа превращается в убийцу, вызывающего ужас и страх у других, так как «режет каждого встречного и поперечного» [Достоевский, 1982, с. 112].

Г. Фаллада ставит социуму в упрек и тот факт, что оно клеймит осужденных после их освобождения. Юридическое наказание для последних, таким образом, сменяется наказанием социальным. Вышедшие на свободу бывшие арестанты ощущают себя изгоями в обществе, причем угнетение «отверженных» в ряде случаев заканчивается трагически. Это подтверждает судьба Эмиля Бруна. Будучи очень талантливым плотником, он из-за своего уголовного прошлого оказался объектом травли на деревоотделочной фабрике, закончившейся убийством Эмиля и сожжением его тела. Проявляющего удивительное усердие и показывающего хорошие результаты Вилли Куфальта увольняют из газеты после того, как полицейские начинают интересоваться его деятельностью и попутно сообщают редактору о судимости Вилли. В результате искреннее желание Куфальта измениться, начать жить в соответствии с законом исчезает, он вновь возвращается к мысли о том, чтобы стать преступником.

CC BY

3.3. Мотив деградации личности

В обоих текстах прослеживается, какие изменения происходят в личности человека в результате его пребывания в заключении. В романе «Записки из Мертвого дома» Горянчиков отмечает, что «остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие» [Достоевский, 1982, с. 18]. Вместо раскаяния в содеянном и стремления к изменениям у человека возникает озлобление, а его пороки укореняются: «В преступнике острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие <…> знаменитая келейная система <…> высасывает жизненный сок из человека, энервирует его душу, ослабляет ее, пугает ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния» [Достоевский, 1982, с. 18].

В романе Г. Фаллады показывается, как жизнь в заключении уродует душу человека, на примере образа Тильбурга. В тюрьме этот герой ощущает себя диким и злым, хотя внешне своим поведением он ничем не выделяется из общей массы заключенных. Едва оказавшись на свободе, он проявляет всю агрессивную сущность своей натуры: покупает револьвер и убивает нескольких прохожих и сельских жандармов. На суде он комментирует свое поведение одной, но емкой фразой: «Я был так зол на людей!» [Фаллада, 1990, с. 349]. В образе Тильбурга присутствуют аллюзии на образы арестантов Петрова и Дутова из «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Петров ничем не выделялся среди заключенных, однако М. в разговоре с Горянчиковым характеризует его как самого решительного и бесстрашного человека среди всех в остроге, который «зарежет, не поморщится и не раскается» [Достоевский, 1982, с. 107]. Именно Петров был тем каторжным, который хотел убить злейшего врага всех арестантов, плац-майора по кличке Восьмиглазый. Характеру Петрова присуща некоторая противоречивость: убив своего начальника за телесные наказания, в остроге он беспрекословно ложится под розги. Его агрессия, решительность, порывистость скрыты под маской беспечности и напускной праздности. Дутов же сразу после освобождения снова совершает кражу, попадает под следствие, убивает караульного офицера и получает более строгое наказание. Поступками его руководят при этом в большей степени трусость и фанфаронство. Пребывание в остроге не лишает его преступных наклонностей, а, напротив, укрепляет их. Судьбы этих персонажей наглядно демонстрируют, что «несмотря ни на какие меры, живого человека нельзя сделать трупом: он останется с чувствами, с жаждой мщения и жизни, с страстями и с потребностями удовлетворить их» [Там же, с. 56].

CC BY

Немецкий автор опровергает в своем романе тезис, согласно которому тюрьма способствует исправлению человека. На рукаве куртки Вилли Куфальта три белых нашивки, которые свидетельствуют о том, что он относится к третьей категории заключенных, то есть «его поведение “позволяет сделать вывод о глубоком нравственном выздоровлении и примерном поведении по выходе на свободу”» [Фаллада, 1990, с. 292]. Однако незадолго до своего освобождения Вилли устраивает в тюрьме скандал сеточному мастеру. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский много рассуждает о душевном состоянии арестантов, в том числе и о перепадах их настроения. Внезапные эмоциональные взрывы у заключенного — «это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженность, вдруг доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» [Достоевский, 1982, с. 85].

Г. Фаллада показывает, что пребывание в заключении ломает психику человека, утверждает его во мнении, что нравственное перерождение для него невозможно. Все это накладывает свой отпечаток на образ жизни и мыслей бывших арестантов на свободе: «Нет, они люди конченые, отпетые, им уже в плоть и кровь вошло, что нормальным путем ничего не добиться, что они уже никогда не смогут вернуться к спокойной упорядоченной жизни. Ощущение это пришло к ним сразу после приговора, в тюрьме усилилось, а по выходе из нее так укоренилось, что не вытравить» [Фаллада, 1990, с. 469]. Эти умозаключения немецкого писателя вторят убеждениям русского классика: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром!<…> Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» [Достоевский, 1982, с. 300—301].

Характеризуя образы Монте, Енша, Эзера, Дойчмана, Фассе, Г. Фаллада обращает внимание на тот факт, что «в их крови что-то разложилось, а в мозгу сместилось» [Фаллада, 1990, с. 479]. В результате все попытки последних начать вести законную трудовую деятельность, такие, например, как открытие машинописного бюро, терпят крах.

Пребывание в тюрьме учит заискивать, воровать, доносить, приучает жить по режиму и в итоге притупляет в человеке силу воли и умение держать удар перед лицом житейских бурь: «Вот он сидит, Вилли Куфальт, ему за тридцать, он, словно незрелый подросток, пасует перед любой трудностью. Разве он всегда был таким? Нет, таким он стал, таким его сделали! Его там сломали!» [Там же, с. 480]. Осознание собственной никчемности порождает в заключенных озлобленность и жажду мщения. Первоначаль-

CC BY

но стремящийся измениться, стать добропорядочным и законопослушным, Вилли Куфальт в итоге сталкивается с презрением, одиночеством, бедностью. Не выдержав подобных испытаний, он ищет способы вновь попасть за решетку, поскольку, по его мнению, тюрьма избавит его от необходимости справляться с проблемами и самостоятельно принимать решения. В результате он начинает красть у девушек сумочки. Каждую свою новую жертву, перед тем как ограбить, Куфальт бьет по лицу. Ему становится скверно от этого, однако он понимает, что «мир, прежде серый и измученный, станет опять светлым только потому, что другие тоже страдают» [Там же, с. 641].

Тюрьма, острог — это место не нравственного преображения человека, а место окончательного разложения его личности. В изображении Достоевского каторга является захоронением живых людей [Карлова, 1974, с. 135], в изображении Фаллады тюрьма становится местом угасания жизненной энергии и бесповоротного нравственного падения заключенных.

Таким образом, Ф. М. Достоевский и Г. Фаллада сходятся во мнении о том, что жизнь в заключении не исправляет человека, не способствует его возвращению на путь законопослушной жизни, а, напротив, угнетает его, укореняет в нем пороки, лишает способности нормально жить и взаимодействовать с другими людьми.

3.4. Мотив деспотизма

Изображая острожные и тюремные реалии, оба писателя особый акцент делают на образах надзирателей, посредством представления которых в рассматриваемых романах реализуется мотив деспотизма. Так, И. Мишин справедливо указывает на то, что образ главного тюремного надзирателя Руша из текста Г. Фаллады отчасти перекликается с образом Восьмиглазого плац-майора из романа Ф. М. Достоевского.

В «Записках из Мертвого дома» майор предстает как «некое фатальное существо для арестантов; он довел их до того, что они его трепетали. Был он до безумия строг, “бросался на людей”, как говорили каторжные» [Достоевский, 1982, с. 16]. Его отличительной чертой является взгляд: «Всего более страшились в нем его проницательного, рысьего взгляда, от которого нельзя было ничего утаить. Он видел как-то не глядя. Входя в острог, он уже знал, что делается на другом конце. Арестанты звали его восьмиглазым» [Там же].

Майор представляет собой тип самодура и деспота, теряющего порой способность к трезвым оценкам ввиду собственной безнаказанности, чувства вседозволенности: «он только уже озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками, и если б не было над ним коменданта, человека благородного и рассудительного, умерявшего иногда

CC BY

его дикие выходки, то он бы наделал бед своим управлением» [Там же, с. 16—17].

В романе Г. Фаллады портрет главного тюремного надзирателя Руша также содержит ряд указаний на тираническую сущность его характера: «этакий маленький, заросший щетиной бонапартик, истинный властитель тюрьмы, молчун и любитель ошарашить арестантов неожиданным ходом, непримиримый враг любых новшеств, противник деления арестантов на категории, а также директора, других тюремщиков и каждого заключенного в отдельности» [Фаллада, 1990, с. 303]. Руш любит только собственные шутки, в арестанте ценит прежде всего смирение. Свое недовольство убранством камеры он выражает не только словами, но и конкретными действиями, пиная мебель и посуду.

Образы Восьмиглазого и Руша объединяет мотив всевластия и деспотизма, обоим героям присущи жестокость, проницательность, склонность к самоутверждению посредством унижения арестантов. Внешнее сходство между героями усиливает также тот факт, что оба они носят очки.

Г. Фаллада не ставит в своем романе вопроса о возможности перемен в личности Руша. В романе же Ф. М. Достоевского есть эпизод, свидетельствующий о том, что общественное мнение и оценка способны на некоторое время изменить поведение майора, однако надеяться на значительные нравственные метаморфозы в поведении последнего, по мнению русского классика, не представляется возможным. Майор часто появляется перед арестантами в пьяном либо в полупьяном виде. Однажды он приказал без особой на то причины высечь арестанта Ж-кого, политического преступника, имеющего дворянское звание. Вскоре об этой истории узнал весь город: общество, в том числе и генерал-губернатор, осудили Восьмиглазого за этот поступок. Ввиду возникшего общественного резонанса плац-майор был вынужден вызвать из острога Ж-кого и в разговоре с ним выразить раскаяние за содеянное. Правда, даже прося прощения, Восьмиглазый постоянно подчеркивает перед арестантом свое превосходство: «Я, я, я — раскаиваюсь! <…> Понимаешь ли ты, что я, *я*, твой начальник, призвал тебя с тем, чтоб просить у тебя прощения! Чувствуешь ли ты это? Кто *ты* передо мной? червяк! меньше червяка: ты арестант! а я — божьею милостью майор. Майор! понимаешь ли ты это?» [Достоевский, 1982, с. 283]. Горянчиков же оценивает этот жест неоднозначно, хотя и с некоторой надеждой, что Восьмиглазый не настолько бесчеловечен и безнравственен, как кажется, однако тут же подвергает свое предположение сомнению: «Стало быть, было же и в этом пьяном, вздорном и беспорядочном человеке человеческое чувство. Взяв в соображение его понятия и развитие, такой поступок можно было считать почти великодушным. Впрочем, пьяный вид, может быть, тому много способствовал» [Там же].

CC BY

Если плац-майор ведет себя преимущественно как человек с порывистым, вспыльчивым характером, то Руш в отдельных эпизодах романа Г. Фаллады показан сдержанным и расчетливым. Например, он предстает таковым во время ссоры Куфальта и сеточного мастера. Руш молча слушает их перебранку, поскольку «в часы, когда приятели ссорятся, а друзья поливают друг друга грязью, он собирает материал против заключенных и против деления их на категории, содержание его докладных само плывет к нему в руки» [Фаллада, 1990, с. 320].

Оба автора используют схожие сравнения для характеристики своих персонажей. Описывая первую встречу с плац-майором, Горянчиков приводит его портрет: «Багровое, угреватое и злое его лицо произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» [Достоевский, 1982, с. 278]. В романе Фаллады надзиратель Руш, находящийся в дежурной комнате и обозревающий коридоры и двери всех камер тюрьмы, сравнивается с пауком на паутине. Мотив хищничества, присутствующий в образах обоих героев, усиливается посредством сравнения каждого из них с пауком.

Изображая надзирателей-деспотов, оба автора утверждают мысль о том, что издевательское отношение каторжной и тюремной администрации к заключенным оказывает на последних негативное, разрушающее влияние, укореняет в них жестокость, ненависть и жажду мщения.

3.5. Мотив свободы

В обоих произведениях, уже в первых главах, возникает мотив свободы. Заключенные связывают освобождение с началом нового, светлого жизненного этапа. Тоска по свободе является отличительной чертой героев-арестантов и у Ф. М. Достоевского, и у Г. Фаллады.

Применительно к роману «Записки из Мертвого дома» исследователи используют понятия «призрак свободы» и «нравственная свобода»: «“Призрак свободы” имеет отношение к внешней свободе как к иллюзии порабощенного сознания, “нравственная свобода” помогает осмыслить феномен внутренней свободы в ситуации принципиальной недостижимости физической свободы раньше отмеренного срока пребывания на каторге» [Петрова, 2021, с. 345]. В романе Г. Фаллады также присутствуют феномены внешней и внутренней свободы.

Мотив внешней свободы в обоих произведениях реализуется посредством использования выразительных художественных деталей: в романе Ф. М. Достоевского — это щели забора, в которые смотрит Горянчиков, в романе Г. Фаллады — зарешеченное окно тюремной камеры, сквозь которое Куфальт, рискуя упасть с высоты или быть застигнутым надзирателем, любуется скудными фрагментами городского пейзажа.

CC BY

В обоих романах показывается, как заключенные различными способами пытаются обрести «призрак свободы». В «Записках из Мертвого дома» — это деньги, вино, кутеж, неформенная одежда, любовные похождения, выбор коня [Там же, с. 347]. В романе «Кто хоть раз отведал тюремной баланды» — деньги, любовные связи между заключенными, табак.

Этическая свобода требует от личности активности иного рода: она открывается через доброе слово и добрый поступок, ее реальность неиллюзорна, она снимает с души оковы и дает доступ к «всемирному братству» [Там же, с. 346]. У Горянчикова сознание свободы как нравственного освобождения от озлобленности и раздражения реализовывалось разными путями: через уроки русского языка Алею, через радость держать в остроге собственное животное — щенка Культяпку [Там же, с. 351].

Куфальт, показанный в начале романа Г. Фаллады за несколько дней до обретения им внешней свободы, стремится в то же время достичь и свободы этической, которая в его представлении связана с избавлением от навыков, приобретенных в тюрьме: «Все эти пакости, которым я здесь научился, только затрудняют жизнь. Раньше, когда я просто сидел в своей камере, не умел ни ловчить, ни стучать, было куда легче. Надо постараться, чтобы жить опять стало легче <…> И начать новую жизнь надо честно, все равно как, но честно» [Фаллада, 1990, с. 327]. Однако в отличие от Горянчикова Куфальту не свойственны альтруистические поступки, его поведение в тюрьме эгоистично и основывается в первую очередь на желании получения личной выгоды.

В аспекте художественной разработки мотива свободы оба романа отличаются в том, что у Ф. М. Достоевского присутствует тема побега как способа достижения внешней свободы, а в романе Г. Фаллады она не упоминается.

Таким образом, в обоих произведениях свобода, «воля» представлены в качестве высшей ценности для арестантов. И Ф. М. Достоевский, и Г. Фаллада затрагивают проблему внутренней и внешней свободы. Горянчикову, благодаря помощи ближнему и смирению, удается достичь подлинного нравственного освобождения. Он покидает каторгу внутренне свободным человеком. Сознание же вышедшего из тюрьмы Куфальта продолжает оставаться скованным и ограниченным. Отсутствие этической свободы лишает его уверенности в себе и приводит к совершению череды ошибок в ходе пребывания на «воле»: от нарушения запретов, данных Петровым, до совершения впоследствии новых преступлений.

3.6. Мотив надежды на духовное воскресение

Свое освобождение и Куфальт, и Горянчиков связывают с надеждой на духовное воскресение. Герой Ф. М. Достоевского завершает свои записки

CC BY

фразой: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых… Экая славная минута!» [Достоевский, 1982, с. 302]. Однако впоследствии из упоминаний издателя записок мы узнаем, что воскреснуть Александру Петровичу на воле так и не удалось — он сторонился людей, замкнулся в себе. Хотя необходимо заметить, что на этот счет исследователи расходятся во мнениях. Одни, например Ю. М. Лотман, полагают: заглавие романа Ф. М. Достоевского позволяет утверждать, что процесс воскресения в нем отсутствует [Лотман, 1997, с. 725]. Мы разделяем точку зрения Ю. М. Лотмана и считаем, что каторга, «мертвый дом» становится местом захоронения лучших качеств Горянчикова. Надломленный душевно, Александр Петрович через несколько лет после освобождения умирает. Другие исследователи, например В. И. Габдуллина, К. Итокава, убеждены в обратном [Габдуллина, 2015; Итокова, 1995]. С их точки зрения, логика композиции произведения выстраивается от ада к воскресению. В первой части помещена глава «Праздник Рождества Христова», а в части второй в главе «Летняя пора» идет речь о Святой неделе и Пасхе. Таким образом, герой повторяет путь Христа: от рождения, через смерть (условную) и ад к воскресению [Габдуллина, 2015, с. 102—103].

В романе Г. Фаллады религиозные мотивы отсутствуют, однако название произведения также представляется глубоко символичным. Оно утверждает мысль о том, что человек, однажды совершивший преступление и отбывший тюремный срок за это, уже никогда не сможет вернуться к нормальной жизни: «Они живут как бы на обочине жизни, боятся любой сплетни, любого полицейского <…> но больше всего они боятся самих себя. Они уже не верят себе и на себя не надеются: все равно когда-нибудь да сорвутся. Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды, тот весь век будет ее хлебать» [Фаллада, 1990, с. 469]. Пребывание в заключении морально ломает человека, убивает в нем веру в себя. Достаточно показательно в этом отношении поведение Вилли в первые часы после освобождения. Надзиратель Петров напоминает ему о приметах, соблюдение которых помогает избежать возвращения в места лишения свободы. Для этого он плюет Вилли на спину и просит его не вытирать его слюну, а также не оборачиваться после выхода из тюремного здания. Куфальт нарушает оба этих запрета, потому что подсознательно понимает, что не готов к позитивным переменам в своей судьбе.

Беседуя на свободе с пастором Марцетусом, Вилли признается: «…я стараюсь, я изо всех сил стараюсь. Но, как ни стараюсь, что-то во мне вдруг обрывается, я как бы заболеваю, но не по-настоящему <…> просто от долгого сидения в тюрьме кажется, будто у тебя совсем нет сил и ты ни на что не способен» [Фаллада, 1990, с. 438—439]. Через некоторое время Куфальт утрачивает способность к сопротивлению жизненным трудно-

CC BY

стям. Наличие у него судимости становится барьером, препятствующим получению желаемой работы, созданию семьи, выстраиванию отношений с окружающими. В результате Вилли все чаще приходит к выводу о том, что тюрьма — это «счастливый островок в окутанном тумане сером море жизни <…> Жил себе преспокойно в камере и не думал ни о деньгах, ни о голоде, ни о работе, ни о крыше над головой!» [Там же, с. 512]. Аналогичная идея присутствует и в романе Ф. М. Достоевского. «В Записках из Мертвого дома» отмечается, что многие арестанты, попав на каторгу, чувствуют себя более сытыми и даже более вольными в атмосфере каторжного «товарищества», чем они были до каторги [Фрилендер, 1964, с. 102].

Таким образом, и для Куфальта, и для Горянчикова духовное воскресение остается лишь мечтой, которая оказывается несопоставимой с реальной действительностью. Оба героя не смогли до конца адаптироваться в новой для них реальности. Куфальт снова стал преступником, Горянчиков через несколько лет после освобождения умер.

4. Заключение = Conclusions

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что романам Ф. М. Достоевского и Г. Фаллады присущ гуманистический пафос. В обоих произведениях к числу центральных относится проблема губительного влияния пребывания в заключении на личность преступника: он лишается способности к нравственному преображению и духовному воскресению. И русский, и немецкий авторы убеждены, что несправедливое общественное устройство часто толкает «маленького человека» на путь преступления, а затем не дает ему возможности вернуться в русло достойной и законопослушной жизни. Опираясь на традиции Ф. М. Достоевского, Г. Фаллада показывает в своем романе, что жизнь заключенного и в тюрьме, и на свободе сродни пребыванию в «мертвом доме», так как подобное существование лишает «униженных и оскорбленных» героев возможностей на осуществление кардинальных перемен в своей судьбе. Немецкий писатель, как и русский классик, основное внимание сосредоточивает на изображении внутренних переживаний своих героев. Г. Фаллада с горечью констатирует, что доведенные до крайней степени отчаяния персонажи, испытывая приступы озлобления, начинают совершать новые преступления для того, чтобы, с одной стороны, отомстить обществу, с другой — вернуться в тюрьму и избавить себя от унижений, испытываемых ими на свободе.

Важно отметить, что Ф. М. Достоевский трактовал пребывание своего героя на каторге с позиций религиозной метафорики, рассматривая его как средство очищения посредством страдания. Русский классик показывает, что Горянчиков действительно достигает состояния духовного умиротво-

CC BY

рения и внутренней свободы в момент своего выхода из острога. Однако в дальнейшем писатель показывает, что данный персонаж достигает лишь частичной социальной и моральной реабилитации на свободе: «мертвый дом» убил в нем стремление к полноценной жизни. Это подтверждает скорая смерть Горянчикова.

Г. Фаллада же не использует религиозных мотивов, он делает акцент на подробном изображении социально-психологических последствий пребывания в заключении для личности своего героя. Тюрьма не способствует очищению души и совести Куфальта, а ведет к утрате у него навыков адаптации к нормальной жизни на свободе. Судьба Вилли Куфальта является наглядным примером того, что тюрьма лишает человека точки внутренней опоры, веры в себя. Ярлык «бывший заключенный» порождает между ним и социумом непреодолимый барьер. В результате Вилли оказывается неспособным найти себя в пространстве вне исправительного учреждения, и вследствие этого он вынужден снова начать совершать преступления.

Выявленные параллели в поэтике романов «Записки из Мертвого дома» и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» свидетельствуют о сходстве идейных и мировоззренческих позиций русского и немецкого писателей-реалистов, а также позволяют наметить направления дальнейших исследований по выявлению значения традиций Ф. М. Достоевского для разработки проблемы «маленьких», «униженных и оскорбленных» героев в романном творчестве Г. Фаллады.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 12 т. — Москва : Правда, 1982. — Т. 3. — С. 5—302.

2. *Фаллада Х.* Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды / Х. Фаллада // Собрание сочинений. В 4-х т. Маленький человек, что же дальше? Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды… : романы : пер. с нем. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. I. — С. 291—686.

Литература

1. *Габдуллина В. И.* Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина // Сюжетология и сюжетография. — 2015. — № 2. — С. 101—108.

2. *Геригк Х. Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х. Ю. Геригк : авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — Санкт Петербург : Издательство Пушкинского Дома ; Нестор-История, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-87781-042-6.

CC BY

3. *Дронова О. А.* Человек и история в романе Г. Фаллады «Маленький человек — что дальше?» / О. А. Дронова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2005. — № 2 (38). — С. 47—52.

4. *Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского. Типология и поэтика / В. Н. Захаров. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. — 209 с.

5. *Итокава К.* Записки о «Живом доме» / К. Итокава // Достоевский в культурном контексте XX века. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 1995. — С. 152—157.

6. *Карлова Т. С.* О структурном значении образа «мертвого дома» / Т. С. Карлова // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. 1. — С. 135—146.

7. *Каспар Г.* Историко-литературные заметки / Г. Каспар // Х. Фаллада. Собрание сочинений в 4 т. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1. — С. 689—717.

8. *Криницын А. Б.* Достоевский в Германии / А. Б. Криницын // Достоевский и XX век ; под редакцией Т. А. Касаткиной. В 2-х томах. — Москва : ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 2. — С. 178—249.

9. *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа / Ю. М. Лотман // О русской литературе. — Москва ; Санкт-Петербург : Искусство — СПб, 1997. — 848 с.

10. *Малова Ю. В.* Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX—XX вв. : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. В. Малова. — Саранск, 2003. — 236 с.

11. *Мельникова Л. А.* Мотивы «Бедных людей» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Маленький человек, что же дальше?» [Электронный ресурс] / Л. А. Мельникова // Русский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 8 (36). — Режим доступа : https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.22 (дата обращения 12.07.2023) — DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.22.

12. *Минералов А. Ю.* «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX века / А. Ю. Минералов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 18. — С. 106—112.

13. *Мишин И.* Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство) : учеб. пособие по спецкурсу / И. Мишин. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 1974. — 135 с.

14. *Мотылева Т. Л.* Достоевский и зарубежные писатели XX века / Т. Л. Мотылева // Вопросы литературы. — 1971. — № 5. — С. 96—128.

15. *Петрова Ю. В.* Образ свободы в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» / Ю. В. Петрова // Достоевский в смене эпох и поколений. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. — С. 345—358. — ISBN 978-5-7779-2566-4.

16. *Поль Д. В.* «Лагерная проза» : взгляд из XXI века / Д. В. Поль // 1920-е и 2020-е : взгляд сквозь столетие : материалы XXVI Шешуковских чтений. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. — С. 158—164.

17. *Старикова Л. С.* «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века : понятие, границы, специфика / Л. С. Старикова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—4 (62). — С. 169—174.

18. *Федорова Е. А.* Автор в художественном дискурсе «Записок из мертвого дома» Ф. М. Достоевского / Е. А. Федорова // Социальные и гуманитарные знания. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 181—186.

CC BY

19. *Фридлендер Г. М.* Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. / Г. М. Фридлендер // Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 117—174.

20. *Фридлендер Г. М.* Реализм Достоевского / Г. М. Фридлендер. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 405 с.

21. *Gessel A.* Hans Fallada : Leben und Werk / A. Gessel. — Berlin : Hans Fallada, 1976. — 176 S.

22. *Manthey J.* Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / J. Manthey. — Hamburg : Reinbek, 1973. — 188 S.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023,
одобрена после рецензирования 28.08.2023,
подготовлена к публикации 22.09.2023.

Material resources

Dostoevsky, F. M. (1982). Notes from the Dead House. In: *Collected works in 12 volumes, 3.* Moscow: Pravda. 5—302. (In Russ.).

Fallada, X. (1990). Who has ever had a sip of prison balanda. In: *Collected works. In 4 vol., 1. Little man, what's next? Who has ever had a sip of prison balanda ...: Novels: Trans. with him.* Moscow: Fiction. 291—686. (In Russ.).

References

Dronova, O. A. (2005). Man and history in G. Fallada's novel "Little Man — what's next?". *Bulletin of the Tambov University. Humanities series, 2 (38):* 47—52. (In Russ.).

Fedorova, E. A. (2019). The author in the artistic discourse of "Notes from the dead house" by F. M. Dostoevsky. *Social and humanitarian knowledge, 5 (2):* 181—186. (In Russ.).

Friedlander, G. M. (1964). *Dostoevsky's Realism.* Moscow; Leningrad: Nauka. 405 p. (In Russ.).

Friedlander, G. M. (1978). Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century. In: *Dostoevsky in foreign literatures.* Leningrad: Nauka. 117—174. (In Russ.).

Gabdullina, V. I. (2015). The motive of death-resurrection in the Siberian text of F. M. Dostoevsky. *Plotology and plotography, 2:* 101—108. (In Russ.).

Gerigk, H. Y. (2016). *Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov".* Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House; Nestor-History. 320 p. ISBN 978-5-87781-042-6. (In Russ.).

Gessel, A. (1976). *Hans Fallada: Leben und Werk.* Berlin: Hans Fallada. 176 S. (In Germ.)

Itokawa, K. (1995). Notes about the "Living House". In: *Dostoevsky in the cultural context of the twentieth century.* Omsk : Publishing House of OmSPU. 152—157. (In Russ.).

Karlova, T. S. (1974). On the structural meaning of the image of the "dead house". In: *Dostoevsky. Materials and research, 1.* Leningrad: Nauka. 135—146. (In Russ.).

Kaspar, G. (1990). Historical and literary notes. In: *H. Fallada. Collected works in 4 volumes, 1.* Moscow: Fiction. 689—717. (In Russ.).

Krinitsyn, A. B. (2007). Dostoevsky in Germany. In: *Dostoevsky and the twentieth Century; In 2 volumes, 2.* Moscow: IMLI RAS. 178—249. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1997). The plot space of the Russian novel. In: *About Russian literature.* Moscow; Saint Petersburg: Iskusstvo — SPb. 848 p. (In Russ.).

CC BY

Malova, Yu. V. (2003). *Formation and development of "camp prose" in Russian literature of the XIX—XX centuries.* PhD Diss. Saransk. 236 p. (In Russ.).

Manthey, J. (1973). *Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten.* Hamburg: Reinbek. 188 S. (In Germ.).

Melnikova, L. A. (2022). The motives of "Poor People" by F. M. Dostoevsky in G. Fallada's novel "Little Man, what's next?". *Russian Linguistic Bulletin, 8 (36).* Available at: https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.22 (accessed 12.07.2023) DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.22. (In Russ.).

Mineralov, A. Yu. (2021). "Hard labor camp" story-figurative tradition in Russian prose of the twentieth century. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 18:* 106—112. (In Russ.).

Mishin, I. (1974). *Dostoevsky and foreign writers (the main problems of creativity, traditions and innovation): studies. The manual on the special course.* Rostov-on-Don: [b. i.]. 135 p. (In Russ.).

Motyleva, T. L. (1971). Dostoevsky and foreign writers of the twentieth century. *Questions of literature, 5:* 96—128. (In Russ.).

Petrova, Yu. V. (2021). The image of freedom in the story of F. M. Dostoevsky "Notes from the Dead House". In: *Dostoevsky in the change of epochs and generations. Materials of the II International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky.* Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 345—358. ISBN 978-5-7779-2566-4. (In Russ.).

Pol, D. V. (2022). "Camp prose": a view from the XXI century. In: *1920s and 2020s: a look through the century: materials of the XXVI Sheshukov readings.* Moscow: Moscow Pedagogical State University. 158—164. (In Russ.).

Starikova, L. S. (2015). "Camp prose" in the context of Russian literature of the twentieth century: concept, boundaries, specifics. *Bulletin of Kemerovo State University, 2—4 (62):* 169—174. (In Russ.).

Zakharov, V. N. (1985). *Dostoevsky's system of genres. Typology and poetics.* Leningrad: Leningrad University Press. 209 p. (In Russ.).

The article was submitted 23.07.2023;
approved after reviewing 28.08.2023;
accepted for publication 22.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Саенгнатесванг В. А. Тенденции развития сиамской литературы нового времени / В. А. Саенгнатесванг // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 161—178. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-161-178.

Saengnateswang, V. A. (2023). Trends in Development of Modern Siamese Literature. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 161-178. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-161-178. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-161-178

Тенденции развития сиамской литературы нового времени

Саенгнатесванг Вера Александровна
orcid.org/0000-0002-2936-7426
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
литератур стран Азии и Африки;
ivanova_vera-alex@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 23-28-00110

Trends in Development of Modern Siamese Literature

Vera A. Saengnateswang
orcid.org/0000-0002-2936-7426
PhD in Philology,
Senior Researcher,
Department of Literature of Asian
and African Countries
ivanova_vera-alex@mail.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00110

© Саенгнатесванг В. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются процессы развития сиамской (тайской) литературы нового типа, начало постепенного формирования которой относят ко второй половине XIX века. Особое внимание уделяется изменению принципов перераспределения литературной микросистемы (жанров) и основных типов искусства слова (поэзии и прозы) в литературной системе Сиама. Кратко освещены ключевые события, повлиявшие на упрощение художественного языка литературы нового типа в сопоставлении с его репрезентацией в традиционалистских (классических) текстах. Актуальность исследования, соотносимая с его задачами, видится в актуализации и дополнении накопленных советской и российской филологической наукой исходных данных и знаний о сиамской (тайской) литературе в период её взаимоперехода от средневекового типа к индивидуально-творческому. Новизна исследования обусловлена включением сведений о развитии новой литературы Сиама, ранее не представленных в отечественной научной литературе. Доказано, что изменение принципов перераспределения основополагающих категорий поэтики в сиамской (тайской) литературе произошло в связи с её обновлением и пополнением новыми «чужими» формами, пришедшими из европейских литератур и наполняемыми актуальным для воспринимающей сиамской литературы содержанием.

Ключевые слова:
тайская (сиамская) литература; Сиам; литература нового времени; жанры; поэзия и проза; ускоренное развитие литературы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The processes of development of a new type of Siamese (Thai) literature are being considered, the gradual formation of which is attributed to the second half of the 19th century. Special attention is paid to the changes in the principles of redistribution of literary microsystems (genres) and the main types of literary art (poetry and prose) in the literary system of Siam. The key events that influenced the simplification of the artistic language of the new type of literature compared to its representation in traditionalist (classical) texts are briefly highlighted. The relevance of the research, related to its objectives, is seen in updating and supplementing the accumulated initial data and knowledge about Siamese (Thai) literature during its transition from a medieval type to an individual-creative one by Soviet and Russian philological science. The novelty of the research is due to the inclusion of information on the development of new Siamese literature, previously not presented in domestic scientific literature. It is proven that changes in the principles of redistribution of fundamental categories of poetics in Siamese (Thai) literature occurred in connection with its renewal and enrichment with new “foreign” forms that came from European literatures and were filled with content relevant to the Siamese literature’s perception.

Key words:
Thai (Siamese) literature; Siam; modern literature; genres; poetry and prose; accelerated development of literature.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82(1-925.8)“185/192”

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Тенденции развития сиамской литературы нового времени

© Саенгнатесванг В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Перестройка системы литературы Сиама[1] из традиционалистской в индивидуально-творческую пришлась на период с середины XIX века по 20-е годы XX века. Произошедшие за это время изменения соотносятся с периодами правления трёх королей династии Чакри: Рамы IV Монгкута (1851—1868), Рамы V Чулалонгкорна (1868—1910), Рамы VI Вачиравута (1910—1925). Деятельность монархов, задававших тон и тенденции развития культурной жизни королевского двора и национальной литературы, получила обширное и довольно подробное освещение в научной тайско- и англоязычной литературе. Живой интерес исследователей занимала история зарождения типографского дела и периодики [Limapichart, 2009; Techawongstien, 2016, p. 91—98]. Фокус внимания оказывался сосредоточенным на вопросах западноевропейского влияния на сиамскую литературу и её пополнения новыми жанрами через переводы и интерпретацию «иноземных» художественных произведений [Chaloemtiarana, 2009; Chaloemtiarana, 2018, p. 11—74]. И, наконец, с применением методологии филологической, исторической, социологической, философской наук анализу и описанию подлежали созданные самими правителями тексты художественной литературы [Ваниттьараткит, 2017; Пхупхака, 2010; Pupaka, 2015]. При определенном численном превосходстве и широте имеющихся исследований на тайском и английском языках в последние годы, научные изыскания российских ученых, освещающие обозначенный выше период, значительно уступают в количественном составе. В имеющихся на сегодняшний день научных сочинениях отечественных исследователей: двух монографиях [Волкова, 2022; Корнев, 1971], одной диссертации [Волкова, 2019] и ряде статей [Волкова, 2019; Корнев, 1976; Осипов, 1991; Осипов 1994] — процесс обновления сиамской (тайской) словесности периода второй половины XIX века — середины 20-х годов XX века хотя и находит осмысление через изучение художественного наследия монархов и их современников с разных ракурсов, тем не менее в русскоязычной исследова-

1 Название современного Таиланда до 1939 года.

CC BY

тельской литературе представление его как примера воплощения теории ускоренного развития «отставших» литератур, выдвинутой в свое время на материале болгарской литературы Г. Д. Гачевым [Гачев, 1964], всё еще не может быть признано исчерпывающим.

Учитывая молодость таиландистики (сиамистики) как одного из направлений востоковедческой научной дисциплины, зародившейся в советской России только в 50-х годах XX века, а также «штучность» специалистов-филологов, профессионально занимающихся исследованием литературы Таиланда (Сиама), становится очевидным закономерное если не отставание, то сдерживание прогресса отечественной науки в постижении сиамской (тайской) литературы от лидеров глобальной науки на десятилетия. Это относится как к обработке накопленных иностранными коллегами-таиландистами знаний, так и к освещению тем, многие из которых получили своё описание в той или иной степени детальности на тайском и европейских языках (английском, французском, немецком) в иностранных научных изданиях еще в начале XXI века. В подобных условиях практически каждая качественно подготовленная исследовательская работа о сиамской (тайской) литературе, выходящая в свет в российских научных изданиях, оказывается ценной, пополняющей кругозор российского читателя и исследователя сведениями о литературном творчестве сиамцев (тайцев).

В данной статье внимание акцентируется на изменениях, затронувших категории поэтики в системе сиамской (тайской) литературы, которые придали развитию национального словесного творчества динамику, помогли избежать стагнации национальной литературы после правления Рамы II (1809—1824) [Area Handbook…, 1967, с. 165] и позволили литературе Сиама к середине XX века включиться в мировой литературный процесс, пусть и с несколько более поздней синхронизацией (по всей видимости, примерно только к середине XX века) со странами Запада и Востока, зримые очертания которой в мировом литературоведении, по замечанию А. Б. Куделина, стали приобретаться в начале XX века [Куделин, 2011, с. 118].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Сформулированная в аннотации данной статьи исследовательская задача, заключающаяся в актуализации и дополнении накопленных советской и российской филологической наукой сведений и знаний о сиамской (тайской) литературе в период её взаимоперехода от средневекового типа к индивидуально-творческому во времена правления Рамы IV (1851—1868 годы), Рамы V (1868—1910 годы) и Рамы VI (1910—1925 годы), потребовала обращения к достижениям прежде всего отечественной научной мысли, затем — к таиландской и западноевропейской. Методами медлен-

CC BY

ного и глубокого чтения, предполагающими внимательную, вдумчивую фокусировку на деталях текста с целью его понимания, критического осмысления и истолкования, были проанализированы работы В. И. Корнева [Корнев, 1971; Корнев 1976], Ю. М. Осипова [Осипов, 1991; Осипов, 1994], К. Б. Волковой [Волкова, 2016; Волкова, 2017а; Волкова, 2017б; Волкова, 2019а; Волкова, 2019б; Волкова, 2022]. В них были выявлены лакуны и привлечена необходимая научно-критическая литература на тайском и английском языках для их восполнения.

«Литература Таиланда: краткий очерк» [Корнев, 1971] — первый труд в отечественной науке, познакомивший русского читателя с национальным художественным словесным творчеством сиамцев (тайцев). В этом очерке автор представил историю литературы Таиланда с XIII века по 60-е годы XX века. Интересующий нас период в рамках проводимого исследования представлен в работе В. И. Корнева в тезисной повествовательно-описательной манере. Исследование являет читателю череду фактов (появилось одно, возникло другое, исчезло третье), названия произведений, исторических личностей, оставивших след в истории сиамской (тайской) литературы. Автор приводит выдержки из оригинальных произведений в переводе на русский язык, что позволяет ощутить вкус этой восточной литературы. Однако, при всей насыщенности труда фактологическим материалом, плотно подобранным для сжатого освещения истории всего литературного процесса, при охвате большого объема материала и рассмотрении объекта исследования с самой дальней (большой) перспективы, обнаруживается необходимость в более приближенном взгляде на происходящие изменения в официальной словесности тайцев, затрагивающие, например, художественный язык или отдельно взятый род литературы.

Такое приближение ракурса демонстрирует серия исследовательских работ К. Б. Волковой, представленных в виде диссертации «Тайская традиция и европейское влияние в литературе Таиланда: драматургия Вачиравуда (1881—1925)» [Волкова, 2019б], монографии «Драматургия Вачиравуда: тайская традиция и европейское влияние» [Волкова, 2022] и главным образом статей: «Драма короля Рамы VI Вачиравуда “Захват власти” — оригинальная тайская версия жанра европейской пьесы-дискуссии» [Волкова, 2016], «Многомерный жанровый синтез в пьесе Вачиравуда Рамы VI “Маданапада”» [Волкова, 2017а], «Тайская драматургия Нового времени в отечественном и зарубежном литературоведении» [Волкова, 2019а]. Основной интерес исследователя, как можно заметить, лежит в области выявления иностранного (европейского) влияния наряду с национальной (сиамской) самобытностью. Поставленной цели К. Б. Волкова достигает в том числе и через анализ содержательных и идейно-тематических характеристик от-

CC BY

дельно взятых произведений Рамы VI. Хотя в арсенале автора значится работа под названием «Роль королей-просветителей Рамы IV Монгкута и Рамы V Чулалонгкорна в становлении новой тайской литературы» [Волкова, 2017б], тем не менее анализ развития литературы нового времени с теоретическим обоснованием не входит в круг научных интересов автора.

На фоне подходов и результатов упомянутых выше исследований о сиамской (тайской) литературе нового времени — более общего (у В. И. Корнева) и частного (у К. Б. Волковой) порядка — статьи Ю. М. Осипова «Тайская (сиамская) литература [второй половины XIX века]» [Осипов, 1991], «Сиамская (таиландская) литература [на рубеже XIX и XX веков]» [Осипов, 1994], подготовленные для седьмого и восьмого томов фундаментального труда «История всемирной литературы» соответственно, на наш взгляд, выглядят наиболее привлекательным примером удачного рассмотрения диалектики развития литературы Сиама — с учетом непрерывности изменения и с опорой на теорию литературы. Ю. М. Осипов определил основные направления трансформации литературы в указанные в заглавиях статей периоды. Но поскольку эти работы были подготовлены с разницей в три года и для разных томов, то, конечно, о непрерывном описании литературного процесса говорить затруднительно.

Таким образом, в продолжение исследований, начатых учёными советского периода в избранном направлении, принимая во внимание временную отдаленность этих работ от сегодняшнего дня, когда становятся доступными к ознакомлению достижения мировой таиландистики, хотелось бы в рамках данной статьи представить тенденции развития обновляющейся литературы Сиама (Таиланда) в её непрерывности, не дробя литературный процесс по «династийному делению», удобному, возможно, более для исторической науки, нежели для литературоведческой, а также рассмотреть изменения отдельных категорий поэтики в литературной системе сиамцев (тайцев). Полученные результаты восполнят, обобщат и конкретизируют ранее не описанные фактологические сведения, источником которых послужили находящиеся вне внимания российской таиландистики (сиамистики) научно-критические и исследовательские работы иностранных коллег, осветивших в последние два десятилетия XXI века различные аспекты сиамской (тайской) литературы нового времени.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов исследования, видится необходимым обозначить некоторые принятые нами ограничения (в том числе в связи с большим количеством изученного научного материала, который, учитывая объем статьи, не мог быть включен в полном составе).

К настоящему времени имеются знания о литературах северного, южного и северо-восточного регионов Сиама (Таиланда), расширяющие пред-

CC BY

ставления о литературе этой страны, тем не менее в данном исследовании фокус внимания направлен исключительно на официальную литературу, письменную (не устную!). Центром её создания являлся королевский двор, располагавшийся в столице Сиама в центральном регионе страны. При создании письменного произведения автор обладает достаточным запасом времени для обдумывания того, что требует фиксации, для подбора нужных лексических средств, корректировки написанного и др. Таким образом, мы проводим анализ письменных источников, которые можно охарактеризовать как содержащие книжную и регламентированную речь, поэтому распознание отдельных фактов, единиц текста затруднено.

Осознавая важность возникновения типографского дела, издания периодики как одного из факторов, стимулировавших изменения в сиамской (тайской) литературе, тем не менее мы считаем возможным опустить освещение данного раздела и, учитывая исходное целеполагание, сконцентрировать внимание на изменениях, происходивших прежде всего в категориях сиамской (тайской) поэтики в определенной выборке (в частности, не рассматривать вопрос авторской личности и др.).

Данная статья являет собой результат анализа тенденций развития сиамской (тайской) литературы нового времени, предпринятого автором впервые (ранее в сфере наших научных интересов находился исключительно период средневековья). Отметим, что существует ряд малодоступных исследовательских работ, с которыми мы не имели возможности ознакомиться. В связи с этим изложенный в статье материал не претендует на исчерпывающую полноту, а, скорее, намечает для автора и других исследователей пути дальнейших изысканий по данной теме, в том числе рассмотрение в сопоставлении с литературными процессами региона Юго-Восточной Азии (далее — ЮВА) с применением теоретического и методологического опыта, накопленного отечественной филологической наукой и её востоковедческим ответвлением.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условность и дискуссионность понятия «нового времени» и его временного охвата для сиамской (тайской) литературы

Отечественные исследователи склонны полагать, что период нового времени для сиамской литературы начался во второй половине XIX века [Волкова, 2019, с. 40], когда в условиях вынужденных контактов с европейскими державами, проводящими колониальную политику в странах ЮВА, в Сиаме под руководством Рамы IV (1851—1868) и Рамы V (1868—1910) началась активная модернизация всех сфер жизни вместе с «просветительством сверху» [Осипов, 1991, с. 646], затронувшая в том числе

CC BY

и область литературы. Что касается верхней временной границы нового времени для сиамской (тайской) литературы, по которой происходит если не чёткий стык с новейшим временем, то наслоение одного на другое, в её определении отмечаются расхождения. К. Б. Волкова склонна рассматривать творчество Рамы VI Вачиравута (1910—1925) в контексте литературы нового времени [Волкова, 2019, с. 40], тогда как в значительно более ранних работах советских исследователей В. И. Корнева и Ю. М. Осипова письменная словесность периода Рамы V (частично) и Рамы VI (полностью) мыслится как новейшая. Более того, если В. И. Корнев представляет литературу периода Рамы VI в разделе под заглавием «Новейшая литература» [Корнев, 1971, с. 193], то Осипов как будто действует осторожнее и предусмотрительнее в употреблении терминов *новое* и *новейшее* время, стараясь избегать их, хотя его статья о литературе Сиама (Таиланда) на рубеже XIX—XX веков [Осипов, 1994, с. 642—646] является частью восьмого тома «Истории всемирной литературы», в заключительной статье которого указывается, что счёт начала новейшего времени коллектив авторов многотомного издания ведёт с 90-х годов XX века [Фрадкин, 1994, с. 709].

В англоязычных исследовательских работах для сиамской (тайской) литературы нового типа (не традиционалистской, не классической) используют термин *Modern Literature*. Однако среди иностранных коллег нет единодушия относительно временных рамок как начала этого этапа: одни исследователи принимают за отправную точку правление Рамы V (1868—1910 годы) [Chaloemtiarana, 2018, p. 11; Senanan, 1973, p. 111], другие — правление Рамы VI (1910—1925 годы) [Area Handbook …, 1967, p. 165], третьи же склонны очерчивать более раннюю границу, начиная с Рамы III (1824—1851 годы) [Nagavajara, 1994, p. 23; Techawongstien, 2016, p. 91]), — так и завершения этого периода и его перехода в «Contemporary Literature» при отсутствии между ними какого-либо промежуточного звена.

Если в русско- и англоязычной научной литературе принято рассматривать периодизацию сиамской (тайской) литературы по хронологическому принципу, то в национальной историко-филологической научной отрасли на тайском языке деление истории литературы зиждется на смене правящих друг друга монархов, именуемых Рамами, из династии Чакри, оказавшейся у власти в 1782 году (данный принцип схож с так называемым династийным делением истории литературы, особенно распространенным в китайской научной литературе). При этом тайскими литературоведами предпринят иной подход к рассмотрению истории своей литературы исходя из преобладающих литературных тенденций, без привязки к периоду правления определенного монарха. Так, начиная с рубежа XIX—XX веков выделено семь периодов в составе «ваннакам паттьубан» (тайск. วรรณกรรม

CC BY

ปัจจุบัน, рус. *современная литература*) [Нукункит, 1991; Саттьапхан, 2015]. Из них первые два соотносятся по времени с обсуждаемыми в данной статье временными рамками: первый период называется «начальный (или ранний) период» (тайск. ยุคเริ่มแรก / *йук рэм рээк*), продолжался с 1900 года по 1926 год, считается истоком переводной литературы и произведений, созданных на основе переводов европейской прозы (так называемые *интерпретации*); второй период — «период рассвета» (или зари) (тайск. ยุครุ่งอรุณ / *йук рунг арун*), продолжавшийся пять лет с 1927 по 1932 годы, он отмечен чертами романтизма в тайской литературе. Описание остальных пяти периодов в рамках данной статьи не представляется возможным, поскольку они выходят за выбранные для анализа временные границы.

Таким образом, несомненно, к настоящему времени уточнение применяемой терминологии в обозначении смены литературных эпох в Сиаме — задача сложная и неоднозначная, требующая от исследователя определенной смелости. Эта проблематика ещё не получила теоретического осмысления в отечественном литературоведении и таиландистике (сиамистике) и составляет перспективу последующих исследований. Тем не менее на данном этапе понимания происходящих в литературе Сиама (Таиланда) процессов мы с осторожностью предлагаем определять новое время для сиамской (тайской) литературы с середины XIX века по 20-е годы XX века.

3.2. Перестраивание литературной микросистемы и основных типов искусства слова сиамцев (тайцев) в новое время

К середине XIX века сиамская классическая литература подходит как будто уже в истощенном состоянии, ощущая нехватку собственных внутренних сил для дальнейшего развития, словно полностью реализовав свои возможности. К такому заключению подводят авторы справочного пособия по Таиланду «Area Handbook for Thailand», отмечая, что «[п]осле правления Рамы II (1809—1824 годы) литература быстро пришла в упадок, и к 1850 году классическая литература, казалось, исчерпала себя. В последующие полвека было создано мало выдающихся литературных произведений» [Area Handbook…, 1963, p. 165]. Завершающая цитату мысль видится дискуссионной и требует некоторого разъяснения. Под малым количеством выдающихся литературных произведений составители вышеупомянутого справочного пособия подразумевают, по всей видимости, исключительно сочинения, созданные в рамках литературного канона, признанного средневековыми авторами, следующими его строгому соблюдению (о каноне в странах ЮВА см. [The Canon…, 2000]). Если же рассматривать литературное творчество второй половины XIX века в целом, то становится очевидным, что сиамские авторы были весьма плодотворны, только центр этой плодотворности стал заметно смещаться в сторону но-

CC BY

вых, приходящих извне (из европейской литературы) форм, которые традиционалисты, создававшие полноценные в художественном отношении произведения в духе средневековой традиции (и некоторые исследователи сегодняшнего дня, рассматривающие сиамскую (тайскую) литературу нового времени исключительно с ракурса классики), судя по всему, принимали с трудом.

Обращение к европейскому материалу явилось знаком ломки традиционной литературной нормы. «[М]онолитность литературы, основанная на плотном синкретизме религиозного и светского, художественного и нехудожественного при вполне сознательном, хотя и не всегда четком разграничении жанров» [Осипов, 1980, с. 9], начала рушиться. Это закономерным образом отразилось на поэтике, заметно трансформировав её составляющие.

Жанровая система, которую, по словам Ю. Н. Тынянова [Тынянов, 2002, с. 170], невозможно представить статической, обновилась через включение в арсенал сиамских сочинителей того рода произведений, которые национальная литература не была способна самостоятельно выработать. Так, поэтические поэмы, написанные *кхлонгом, чаном, раем, капом*, потеснились прозаическими критическими статьями (Рама V явился в этом первопроходцем), научно-популярными трактатами, эссе, очерками, дневниками, эпистолами, путевыми заметками. Последние, к слову, также отображались в уже знакомой классической форме поэмы-путешествия *нирате* (вспомним «Нират Лондон» принца Рачотхая).

Мы видим возможным проведение такой параллели между видами стихосложения и жанрами прозы, поскольку последние, как и первые, также являются способом классификации, но только проведенной по иным доминирующим и определяющим каждую категорию параметрам. Кроме того, мы учитываем следующую особенность сиамского литературного творчества: со времени средневековья сиамские литераторы мыслили категориями стихосложения (то есть вид стихосложения мыслился категорией осознанной, ведущей, и это отражалось во включении названия стихосложения в заглавие произведения, например: «Поэма “Анирут” в стихах *чан*» (тайск. อนิรุทธ์คำฉันท์ / *Анирут кхам чан*). В этом ключе вспоминаются рассуждения профессора Тьеттаны Накхаватчары (род. 1937 году): «Традиционно мы (сиамцы, или тайцы. — *В. С.*) просто занимались сочинением и написанием литературы, не слишком заморачиваясь такими вопросами, как “Что такое литература?”. У нас не было даже слова для этого до тех пор, пока в 1914 году не была создана наша Académie Thaïlandaise (*ваннакхади самосо'н*), которая ранее использовала обозначения форм стихосложения “кхлонг-чан-кап-клон” для приблизительного представления сопостави-

CC BY

мого понятия литературы, используемого на Западе» [Nagavajara, 1994, p. 14].

Характеризуя появляющийся на контрасте с поэтическим блоком прозаический, Ю. М. Осипов отмечал: «Примечательно, что в прозаической литературе почти отсутствуют сюжетные произведения, в этот период популярны эссе, очерк, эпистолы» [Осипов, 1991, с. 649]. Действительно, при сравнении двух параллельно развивающихся магистральных категорий поэтики — поэзии и прозы — улавливается чёткий контраст: в поэтической дидактической литературе и литературе «светской», развлекательной, сюжетной, героями были принцы, божества, волшебные животные и предметы, а события затрагивали не мирскую, повседневную жизнь, а отдаленную от простого населения. Тем не менее в вышеприведенной цитате Ю. М. Осипова имеется решающее для нас «почти». И оно совершенно не применимо в отношении жанра романа, появляющегося на горизонте литературной арены Сиама (Таиланда) в начале XX века через переводы английской литературы (подробнее см. п. 3.3. о сиамском переводе «Вендетты») (о генезисе жанра роман в Таиланде см.: [Chaloemtiarana, 2009; Chaloemtiarana, 2018, pp. 11—74; Senanan, 1973]).

Подвижки в жанровой системе — создание произведений в новых жанрах в ответ на новые цели и задачи изящной словесности, возникшие в ходе политики «королевского просветительства» [Осипов, 1991, с. 646], — повлекли за собой перераспределение зон ответственности и влияния между поэзией и прозой в поле литературной системы. Проза стала постепенно отодвигать поэзию на периферию литературной системы. При этом поэтическое слово находит все большее применение в буддийском церемониале или в театре, который, как и художественная литература, постепенно отказывается от тем индийского происхождения или тем, связанных с традициями, и вдохновляется новым социальным опытом, представляя живой портрет развивающегося и ассимилирующегося общества.

3.3. Магистральный путь развития языка сиамской литературы от её классического состояния к новому времени

Если сиамским литераторам, пожалуй, особо и не пришлось заниматься трансформацией традиционных сиамских средневековых жанров в жанры современной (западной) литературы (сочинители Сиама просто заимствовали нужную форму из литературы-донора с минимальными изменениями), то повествовательный стиль и язык изложения, по всей видимости, требовали выработки.

Если проследить направления изменения художественного языка от эпохи Аюттхаи (1351—1768 годы), Тхонбури (1768—1782 годы) до Раттанакосина правления шестой монархии (1782—1925 годы), то можно

CC BY

отметить постепенное его упрощение, ослабление языковой нормы, отражающиеся в том числе и в предпочтении поэтами того или иного стихотворного размера при сочинительстве. Путь художественного языка от поэзиоцентрического его качества к прозоцентрическому современному состоянию занял не одно поколение.

Одним из водоразделов в этом процессе явилась фигура придворного поэта Сунтхона Пху (1786—1855 годы), жизнь и творчество которого пришлись на правления первых четырех королей династии Чакри. В работах Сунтхона Пху прослеживается перестройка стиля, устоявшейся к тому времени системы стихосложения и языка по сравнению с произведениями предшественников. «В своих произведениях поэт начинает активно использовать “клон”, появившийся под влиянием фольклорных традиций. “Клон” был намного проще, чем другие стихотворные размеры, в которых писали поэты, и быстро распространился при дворе, что сделало многие произведения более демократичными и общедоступными» [Антонюк и др., 2011, с. 33]. С внедрением *клона* в арсенал придворных сочинителей сиамского двора тенденции, укоренившиеся в традиции придворного стихосложения, в стилистических и тематических предпочтениях, тем не менее оставались ещё сильными.

Другой важный этап для языка сиамской литературы наступил в первые десятилетия XX века, когда стали бессистемно появляться разной степени успешности переводы с европейских языков на сиамский (тайский). Нередко эти переводы представляли по своей сути искаженную передачу ряда информации, иную интерпретацию оригинала. Отметим, что в XIX веке сиамцы имели возможность приобретать и читать западную литературу, в основном лишь находясь в Европе, перед этим в достаточной мере овладев иностранным языком, а переводы этой литературы выполнялись с большим опозданием. Т. Чалэмтиарана в главе «Первые тайские романы и тайский литературный канон» книги «Национализм и идентичность в современной тайской литературе» [Chaloemtiarana, 2018] высказал интересную мысль о том, что влияние Запада на тайскую литературу было не формой подчинения, а оружием сопротивления против самого Запада. В подобном выводе в отношении тайцев Т. Чалэмтиарана следует, по всей видимости, за утверждением В. Рафаэля, автора книги «Contracting colonialism: Translation and Christian conversion in Tagalog society under early Spanish rule» (1993), о том, что «перевод и неправильный перевод — это способ тагальского филиппинца справиться с колониальным процессом и участвовать в нем» [Цит. по: Chaloemtiarana, 2018, p. 15].

Пример подобных «асинхронных литературных связей» (термин академика А. Б. Куделина) [Куделин, 2011, с. 117] прослеживается в опублико-

CC BY

ванном в 1902 году переводе на сиамский язык книги «Вендетта, или История всеми забытого» М. Корелли, вышедшей шестнадцатью годами ранее, в 1886 году. В переводе Пхраи Суринтхарачи роман стал знаком сиамскому читателю под названием «Кхуампхаябат» (тайск. ความพยาบาท, рус. «Вендетта»). Как отмечают исследователи, именно это произведение «не только произвело революцию в тайском языке с его упрощенным правописанием и использованием английской пунктуации, оно познакомило тайскую читающую публику с новой формой повествования» [Chaloemtiarana, 2018, p. 19—20]. Интересна и фигура переводчика: Пхрая Суринтхарача работал под псевдонимом Мэ Ван, что дословно означает «мать Ван». Чалэмтиарана полагает, что таким способом переводчик намеревался «указать, что первоначальным автором была женщина». Роман «Кхуампхаябат» («Вендетта») был опубликован сначала в десяти частях в 1901 году, а затем части были сопоставлены и опубликованы в виде книги в 1902 году [Ibid., p. 19—20].

Сиамскую «Вендетту» вполне можно рассматривать последующим поворотным (после введения *клона* в придворную поэзию Сунтхоном Пху) моментом в изменении языка и стиля художественной литературы нового времени. Вольность в языке художественной прозы в литературе нового времени, возникающая в результате имитации сочинений иностранных авторов и выражающаяся в упрощенном правописании на сиамском языке, использовании пунктуации[1], принятой в европейских языках и, как следствие, грамматических искажениях, поставила вопрос о сохранении чистоты тайского языка. Так, для поддержки создания тайских книг в надлежащем языковом исполнении королевским указом Рамы VI от 23 июля 1914 года было основано «Литературное общество» (тайск. วรรณคดีสโมสร / *ваннакхадии самоосон*), просуществовавшее до 1925 года [Подробнее см.: Саттьапхан, 2010]. Однако буква закона, как это бывает, на практике не оказала ожидаемого эффекта: сиамские (тайские) авторы продолжили упрощать язык своих произведений, приближая его, по всей видимости, всё больше к разговорной речи, что расширило читательскую аудиторию и ещё быстрее способствовало выходу литературы из сегмента элитарной.

4. Заключение = Conclusions

Тенденции развития сиамской (тайской) литературы нового времени явились для письменной словесности сиамцев (тайцев) важным подгото-

1 В сиамской (тайском) языке на письме знаки пунктуации не употребляются, вместо них ставятся пробелы согласно правилам грамматики, подробнее см. [Кетпратхум, 2015, с. 142—145].

вительным и переходным этапом в рамках «ускоренного развития» литературы к литературе новейшего времени.

На новом этапе наблюдается особенная восприимчивость различных слоев литературного творчества к иноземному (европейскому) влиянию. Асинхронные литературные связи с западными странами привнесли ***обновление*** в сиамскую (тайскую) литературу, выразившееся в перестройке жанровой системы, заключающейся в пополнении арсенала сиамских (тайских) литераторов прозаическими жанрами, пришедшими из литератур западноевропейских стран, и (в качестве сопровождающего её процесса) ***перераспределение функций*** основополагающих категорий поэтики поэзии и прозы. Через прозу, развитие которой всё ещё было синкретичным, можно проследить наивысшее выражение межрегиональных литературных связей, наибольший удельный вес в которых имели произведения, проникающие в сиамскую литературу-реципиента из английской литературы-донора.

К рубежу XIX—XX веков наблюдается некоторый баланс принципов «старого» и «нового», который в новом столетии перевешивает в сторону второго. Явно упрощается художественный язык произведений, что выводит литературу за рамки круга элиты в народные массы.

Обновление литературы Сиама в рассмотренный период привело к последующей синхронизации литературных процессов страны с другими государствами в масштабах мировой литературы и распространению новых идейно-художественных феноменов в современной тайской литературе и литературе региона ЮВА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Антонюк В. Б.* Жанр «нират» в творчестве Сунтхона Пху / В. Б. Антонюк, А. В. Симоненок. — LAP (Lambert Academic Publishing), 2011. — 84 с. — ISBN 9783845440149.

2. *Ваниттьараткит Пх.* Письменная конструкция грамотности Пхра Бат Сомдет Пхра Монгкут Клао Тьао Йу Хуа : диссертация … на соискание степени магистра / Пх. Ваниттьараткит. — Чиангмай, 2017. — 238 с. (*วานิชจรัสกิจ พ.* การสร้างตัวบทพระราชนิพนธ์ในพระบาทสมเด็จพระมงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว : วิทยานิพนธ์ ... Master of Arts / พ.วานิชจรัสกิจ. — เชียงใหม่: มหาวิทยาลัยราชภัฏเชียงใหม่, 2560. — 238 หน้า).

3. *Волкова К. Б.* Драма короля Рамы VI Вачиравуда «Захват власти» — оригинальная тайская версия жанра европейской пьесы-дискуссии / К. Б. Волкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2016. — № 4. — С. 166—172.

4. *Волкова К. Б.* Драматургия Вачиравуда : тайская традиция и европейское влияние / К. Б. Волкова. — 2-е изд., испр. — Москва : Ключ-С, 2022. — 198 с. — ISBN 978-5-6048012-5-3.

CC BY OPEN ACCESS

5. *Волкова К. Б.* Многомерный жанровый синтез в пьесе Вачиравуда Рамы VI «Маданапада» / К. Б. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017а. — № 4—1 (70). — С. 22—26.

6. *Волкова К. Б.* Роль королей-просветителей Рамы IV Монгкута и Рамы V Чулалонгкорна в становлении новой тайской литературы / К. Б. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017б. — № 1—1 (67). — С. 14—17.

7. *Волкова К. Б.* Тайская драматургия Нового времени в отечественном и зарубежном литературоведении / К. Б. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019а. — № 4. — С. 382—386. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.79.

8. *Волкова К. Б.* Тайская традиция и европейское влияние в литературе Таиланда : драматургия Вачиравуда (1881—1925) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.03 / К. Б. Волкова. — Москва, 2019б. — 222 с.

9. *Гачев Д. Г.* Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.) / Д. Г. Гачев. — Москва : Издательство «Наука», 1964. — 312 с.

10. *Кетпратхум В.* Основы тайского языка (полное издание) / В. Кетпратхум. — Бангкок : Издательство «Пхо. Со. Пхаттхана», 2015. — 496 с. (เกษประทุม ว. หลักภาษาไทย (ฉบับสมบูรณ์) / วิเชียร เกษประทุม. // วารสารศรีนครินทรวิโรฒวิจัยและพัฒนา (สาขามนุษยศาสตร์และสังคมศาสตร์). — กรุงเทพมหานคร: สำนักพิมพ์ พ.ศ. พัฒนา, 2558. — 496 หน้า).

11. *Корнев В. И.* Литература Таиланда : краткий очерк / В. И. Корнев. — Москва : Наука, 1971. — 238 с.

12. *Корнев В. И.* Литература / В. И. Корнев // Современный Таиланд. Справочник / отв. ред. Н. А. Симония. — Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. — С. 350—370.

13. *Куделин А. Б.* Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции «мировая литература» / А. Б. Куделин // Диалог культур в условиях глобализации. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. — С. 109—118.

14. *Нукункит С.* Современная тайская литература / С. Нукункит. — Бангкок : издательство университета Рамкхамхэнга, 1991. — 374 с. (นุกูลกิจ ส. วรรณกรรมไทยปัจจุบัน / ส.นุกูลกิจ — กรุงเทพฯ: มหาวิทยาลัยศรีนครินทรวิโรฒ บางเขน, 2534. — 374 หน้า).

15. *Осипов Ю. М.* Литературы Индокитая. Жанры. Сюжеты. Памятники / Ю. М. Осипов. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1980. — 280 с.

16. *Осипов Ю. М.* Сиамская (таиландская) литература [на рубеже XIX и XX веков] / Ю. М. Осипов // История всемирной литературы : В 8 томах / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1994. — Т. 8. — С. 642—646.

17. *Осипов Ю. М.* Тайская (сиамская) литература [второй половины XIX в.] / Ю. М. Осипов // История всемирной литературы в 8 томах / А Н СССР ; Ин-Т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1991. — Т. 7. — С. 646—649.

18. *Пхупхака А.* Произведения короля Чулалонгкорна и короля Вачиравута : литература и национальное строительство / А. Пхупхака. — Бангкок, 2010. — 483 с. (*ภู่ผะกา อ.* พระราชนิพนธ์ในพระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัวและพระบาทสมเด็จพระมงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว : วรรณคดีกับการสร้างชาติ : วิทยานิพนธ์ (อ.ด.) … อักษรศาสตรดุษฎีบัณฑิต / อ. ภู่ผะกา. — กรุงเทพฯ, 2553. — 483 แผ่น).

19. *Саттьапхан Р.* Искусство литературного сочинения в литературных произведениях, получивших признание «Литературного общества» / Р. Саттьапхан // Журнал исследований и разработок Синакхаринвирота (гуманитарные и социальные науки). — 2010. — Т. 2. — № 4. — С. 1—24. (*สัจจพันธุ์ ร.* วรรณศิลป์ในวรรณคดีที่ได้รับยกย่องจากวรรณคดีสโมสร / ร.สัจจ

พันธุ์ // วารสารศรีนครินทรวิโรฒวิจัยและพัฒนา (สาขามนุษยศาสตร์และสังคมศาสตร์). — 2553. — ปีที่ 2. — ฉบับที่ 4. — หน้า 1—24).

20. *Саттьапхан Р.* Современная литература / Р. Саттьапхан. — Бангкок : издательство университета Рамкхамхэнга, 2015. — 256 с. (*สัจจพันธุ์ ร.* วรรณกรรมปัจจุบัน / ร.สัจจพันธุ์. — กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์มหาวิทยาลัยรามคำแหง, 2558. — 256 หน้า).

21. *Тынянов Ю. Н.* Литературная эволюция: Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. — Москва : «Аграф», 2002. — 496 с. — ISBN 5-7784-0171-X.

22. *Фрадкин И. М.* Заключение / И. М. Фрадкин // История всемирной литературы : В 8 томах / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1994. — Т. 8. — С. 709—710.

23. *Area Handbook* for Thailand / American University (Washington, D.C.). Foreign Areas Studies Division. Co-authors : George L. Harris [and others]. — Washington D.C : U.S. Government Printing Office, 1967. — 555 p.

24. *Chaloemtiarana Th.* Khru Liam's "Khwam mai phayabat" (1915) and the problematics of Thai modernity / Th. Chaloemtiarana // South East Asia Research. — 2009. — Vol. 17. — № 3. — Pp. 457—488.

25. *Chaloemtiarana Th.* Read till It Shatters : Nationalism and Identity in Modern Thai literature / Th. Chaloemtiarana. — Australia : ANU Press, 2018. — 256 p. — ISBN 978-1760462260.

26. *Limapichart Th.* The emergence of the Siamese public sphere : colonial modernity, print culture and the practice of criticism (1860s—1910s) / Th. Limapichart // South East Asia Research. — 2009. — Vol. 17. — № 3. — Pp. 361—399.

27. *Nagavajara Ch.* Literary Historiography and Socio-Cultural Transformation : The Case of Thailand / Ch. Nagavajara // Journal of the Siam Society. — 1987. — Vol. 73. — Pp. 60—76.

28. *Nagavajara Ch.* Literature in Thai life : reflections of a native / Ch. Nagavajara // South East Asia Research. — 1994. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 12—52.

29. *Pupaka A.* King Rama V's Travelogues : The Distribution of Modern Knowledge / A. Pupaka // Silpakorn University Journal of Social Sciences, Humanities, and Arts. — 2015. — Vol. 15. — № 1. — Pp. 31—50.

30. *Senanan W.* The Genisis and Eerly Development of the Novel in Thailand : Ph.D. degree … thesis. / W. Senanan. — London, 1973. — 385 p.

31. *Techawongstien K.* The sociology of the representation of national self through the translation of modern Thai literature into English : a Bourdieusian approach : PhD … Thesis. / K. Techawongstien. — SOAS, University of London, 2016. — 348 p.

32. *The Canon* in Southeast Asian Literatures of Burma, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, the Philippines, Thailand and Vietnam / ed. by David Smyth. — London : Psychology Press, 2000. — 273 p.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023,
одобрена после рецензирования 11.09.2023,
подготовлена к публикации 26.09.2023.

References

Antonyuk, V. B., Simonenok, A. V. (2011). *The genre "nirat" in the works of Sunthon Phu.* LAP (Lambert Academic Publishing). 84 p. ISBN 9783845440149. (In Russ.).

Area Handbook for Thailand. (1967). Washington D.C: U.S. Government Printing Office. 555 p.

Chaloemtiarana, Th. (2009). Khru Liam's "Khwam mai phayabat" (1915) and the problematics of Thai modernity. *South East Asia Research, 17 (3):* 457—488.

Chaloemtiarana, Th. (2018). *Read till It Shatters: Nationalism and Identity in Modern Thai literature.* Australia: ANU Press. 256 p. ISBN 978-1760462260.

Fradkin, I. M. (1994). *Conclusion. In: History of World Literature: In 8 volumes, 8.* Moscow: Nauka. 709—710. (In Russ.).

Gachev, D. G. (1964). *Accelerated development of literature (based on the material of Bulgarian literature of the first half of the XIX century).* Moscow: Nauka Publishing House. 312 p. (In Russ.).

Ketprathum, V. (2015). *Fundamentals of the Thai language (complete edition).* Bangkok: Publishing House "Pho. So. Patthana". 496 p. (In Thai).

Kornev, V. I. (1976). Literature. In: *Modern Thailand. Handbook.* Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka". 350—370. (In Russ.).

Kornev, V. I. (1971). *Literature of Thailand: a brief essay.* Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).

Kudelin, A. B. (2011). Literary interrelations of the West and the East in the XIX century and the formation of the concept of "world literature". In: *Dialogue of cultures in the context of globalization.* St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 109—118. (In Russ.).

Limapichart, Th. (2009). The emergence of the Siamese public sphere: colonial modernity, print culture and the practice of criticism (1860s—1910s). *South East Asia Research, 17 (3):* 361—399.

Nagavajara, Ch. (1987). Literary Historiography and Socio-Cultural Transformation: The Case of Thailand. *Journal of the Siam Society, 73:* 60—76.

Nagavajara, Ch. (1994). Literature in Thai life: reflections of a native. *South East Asia Research, 2 (1):* 12—52.

Nukunkit, S. (1991). *Modern Thai literature.* Bangkok: University of Ramkhamhaeng. 374 p. (In Thai).

Osipov, Yu. M. (1980). *Literature of Indochina. Genres. Plots. Monuments.* Leningrad: Leningrad University Press. 280 p. (In Russ.).

Osipov, Yu. M. (1991). Thai (Siamese) literature [of the second half of the XIX century]. In: *History of World literature in 8 volumes, 7.* Moscow: Nauka. 646—649. (In Russ.).

Osipov, Yu. M. (1994). Siamese (Thai) literature [at the turn of the XIX and XX centuries]. In: *History of World literature: In 8 volumes, 8.* Moscow: Nauka. 642—646. (In Russ.).

Pupaka, A. (2010). *The works of King Chulalongkorn and King Vajiravudh: literature and nation-building.* Bangkok. 483 p. (In Thai).

Pupaka, A. (2015). King Rama V's Travelogues: The Distribution of Modern Knowledge. *Silpakorn University Journal of Social Sciences, Humanities, and Arts, 15 (1):* 31—50.

Sattyaphan, R. (2015). *Modern literature.* Bangkok: University of Ramkhamhaeng. 256 p. (In Thai).

Sattyaphan, R. (2010). The art of literary composition in literary works recognized by the "Literary Society". *Journal of Srinakharinwirot Research and Development (Humanities and Social Sciences), 2 (4):* 1—24. (In Thai).

Senanan, W. (1973). *The Genisis and Early Development of the Novel in Thailand.* Ph.D. degree … thesis. London. 385 p.

Techawongstien, K. (2016). *The sociology of the representation of national self through the translation of modern Thai literature into English: a Bourdieusian approach.* PhD … Thesis. SOAS, University of London. 348 p.

The Canon in Southeast Asian Literatures of Burma, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, the Philippines, Thailand and Vietnam. (2000). London: Psychology Press. 273 p.

Tynyanov, Yu. N. (2002). *Literary evolution: Selected works.* Moscow: "Agraf". 496 p. ISBN 5-7784-0171-H. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2017a). Multidimensional genre synthesis in the play of Vajiravudh Rama VI "Madanapada". *Philological sciences. Questions of theory and practice, 4—1 (70):* 22—26. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2019a). Thai dramaturgy of Modern times in domestic and foreign literary studies. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 4:* 382—386. DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.79. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2019b). *Thai tradition and European influence in Thai Literature: Vajiravudh drama (1881—1925).* PhD Diss. Moscow. 222 p. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2016). The drama by the King Rama VI Vajiravudh "The Coup" as the Thai authentic version of the European genre of the "discussion play". *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 4:* 166—172. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2017b). The role of the enlightenment kings Rama IV Mongkut and Rama V Chulalongkorn in the formation of new Thai literature. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 1—1 (67):* 14—17. (In Russ.).

Volkova, K. B. (2022). *Vajiravudh drama: Thai tradition and European influence. 2nd ed., ispr.* Moscow: Key-C. 198 p. ISBN 978-5-6048012-5-3. (In Russ.).

Wanitcharatkit, P. (2017). *The literacy written construction by Phra Bat Somdet Phra Mong Kut Klao Chao Yu Hua.* Diss. a Master's degree. Chiang Mai. 238 p. (In Thai).

The article was submitted 23.08.2023;
approved after reviewing 11.09.2023;
accepted for publication 26.09.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Алексей Юрьевич Вязинкин, канд. филос. наук (Тамбов)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р истор. наук (Астана, Казахстан)
Анастасия Владимировна Тиховодова, канд. филос. наук (Нижний Новгород)
Андрей Александрович Солнышкин, аспирант (Санкт-Петербург)
Андрей Владимирович Баранов, д-р полит. наук (Краснодар)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Валерий Владимирович Касьянов, д-р истор. наук (Краснодар)
Валерия Александровна Аксенова, исследователь (Тюмень)
Вячеслав Николаевич Азаров, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Гульнур Ахмеровна Сулкарнаева, д-р мед. Наук (Тюмень)
Давид Иосифович Раскин, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Джумхур Кайгусуз, канд. истор. наук (Самсун, Турция)
Екатерина Викторовна Костецкая, канд. филол. наук (Тюмень)
Ерлан Ерназарович Сайлаубай, канд. истор. наук (Астана, Казахстан)
Ирина Васильевна Черказьянова, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Доржиевна Ван, младший научный сотрудник (Улан-Удэ)
Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)
Людмила Николаевна Суслова, канд. истор. наук (Тюмень)
Максим Николаевич Крот, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)
Наталия Анатольевна Лагошина, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Наталья Николаевна Аблажей д-р истор. наук (Новосибирск)
Номинь Дондоковна Цыренова, аспирант (Улан-Удэ)
Оксана Олеговна Завьялова, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Петр Александрович Колпаков, канд. истор. наук (Москва)
Рафаэль Амирович Арсланов, д-р истор. наук (Москва)
Сергей Викторович Куликов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Славяна Юрьевна Болдырева, канд. истор. наук (Архангельск)
Татьяна Андреевна Мирюгина, канд. сельхоз. наук (Тюмень)
Цымжит Пурбуевна Ванчикова, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Эльза Фаилевна Садыкова, канд. пед. наук (Тюмень)
Юлия Георгиевна Кокорина, канд. истор. наук, д-р филол. наук (Москва)
Юрий Асланбиевич Яхутль, д-р истор. наук (Краснодар)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Аблажей Н. Н. Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы) / Н. Н. Аблажей, А. С. Жанбосинова, Е. Е. Сайлаубай // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 180—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202.

Ablazhey, N. N., Zhanbossinova, A. S., Sailaubay, E. E. (2023). Rumors and Conversations in Kazakh Village (Aul) on Eve of Famine (1927—1931). *Nauchnyi dialog, 12* (7): 180-202. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202

Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы)

Аблажей Наталья Николаевна [1]
orcid.org/0000-0002-3215-0615
доктор исторических наук
ablazhey@academ.org

Жанбосинова Альбина Советовна* [2]
orcid.org/0000-0003-4541-4154
доктор исторических наук, профессор
**** корреспондирующий автор***
sovetuk@rambler.ru

Сайлаубай Ерлан Ерназарович [2]
orcid.org/0000-0003-1622-2997
кандидат исторических наук
alashorda100@mail.ru

[1] Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

[2] Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Комитета науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан ИРН AP14869309.

Rumors and Conversations in Kazakh Village (Aul) on Eve of Famine (1927—1931)

Natalya N. Ablazhey [1]
orcid.org/0000-0002-3215-0615
Doctor of History
ablazhey@academ.org

Albina S. Zhanbossinova * [2]
https://orcid.org/0000-0003-4541-4154
Doctor of History, Professor
**** Corresponding author***
sovetuk@rambler.ru

Erlan E. Sailaubay [2]
orcid.org/0000-0003-1622-2997
PhD in History
alashorda100@mail.ru

[1] Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

[2] L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Acknowledgments:
The research was carried out as part of a project under a grant from the Science Committee of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan IRN AP14869309

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Сайлаубай Е. Е., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется социальный феномен «слухи и разговоры» в казахском ауле на рубеже 1920—1930-х годов. Подчеркивается, что слухи являются неотъемлемой частью жизни традиционного общества. Утверждается, что масштабный всплеск слухов в Советской России стал свидетельством реакции традиционного общества на силовую модернизацию. Цель статьи — показать дихотомию содержания и формы слухов периода коллективизации применительно к казахскому аулу. Отмечается, что важнейшим источником для изучения настроений населения СССР в 1920 — начале 1930-х годов, нашедших отражение в слухах, являются аналитические материалы ОГПУ. Показано, что ускоренная советизация породила высокий уровень тревоги в казахском обществе, получившей отражение в подъеме апокалиптических настроений и актуализации мифологии. Авторы приходят к выводу, согласно которому идея киямата выступила формой глубинного протеста аула, не являясь при этом идеологией сопротивления. Представлена форма активного сопротивления в республике в виде массовых откочевок в Китай, что было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена, поэтому слухи об откочевках широко циркулировали в приграничье. Подчеркивается, что слухи являлись альтернативным взглядом на советскую действительность, они тормозили разрушение аула как сельской общины и обеспечивали устойчивость традиционного общества.

Ключевые слова:
слухи; коллективизация; традиционное кочевое общество; аул.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The social phenomenon of “rumors and gossip” in a Kazakh village during the 1920s-1930s is analyzed in this study. It is emphasized that rumors are an integral part of traditional society. It is asserted that the massive surge of rumors in Soviet Russia was a reaction of traditional society to forceful modernization. The goal of the article is to demonstrate the dichotomy of the content and form of rumors during the collectivization period in relation to the Kazakh village (aul). It is noted that the analytical materials of the OGPU are the most important source for studying the mood of the population of the USSR in the 1920s — early 1930s, which found reflection in rumors. It is shown that accelerated Sovietization generated a high level of anxiety in Kazakh society, reflected in the rise of apocalyptic moods and the actualization of mythology. The authors conclude that the idea of kiyamat was a form of deep protest of the village (aul), not an ideology of resistance. The form of active resistance in the republic is presented as mass migrations to China, which was due to the desire to “wait out” unstable times, so rumors about migrations were widely circulated in the borderlands. It is emphasized that rumors were an alternative view of Soviet reality, they slowed down the destruction of the village (aul) as a rural community and ensured the stability of traditional society.

Key words:
rumors; collectivization; traditional nomadic society; Kazakh village (aul).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(574)“1927/1931”+94(47).084.5/.6

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы)

© Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Сайлаубай Е. Е., 2023

1. Введение = Introduction

Слухи являются неотъемлемой частью жизни традиционного общества. Считается, что значимость слухов резко возрастает в переходные и переломные периоды истории. В СССР всплеск активности слухов был зафиксирован на рубеже 1920—1930-х годов, что стало свидетельством реакции общества на силовую модернизацию. Внимание исследователей к проблематике слухов периода коллективизации в значительной степени обусловлено интересом к анализу социальной психологии советского общества, а также менталитета крестьянства и адаптационных стратегий сельского населения. Крупнейшие специалисты по истории советского общества периода модернизации Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2001, с. 13—14] и Л. Виола [Виола, 2010, с. 62—63] предложили и обосновали подход, интерпретирующий советский вариант раскрестьянивания как «квазигражданскую войну», необъявленную войну государства с крестьянством, в условиях которой роль слухов оказалась двоякой. С одной стороны, они оставались «голосом деревни» и «культурным мостом» к пониманию крестьянского мира, а с другой — выполняли функцию альтернативного источника информации, «контр-идеологии» и «контр-пропаганды». Проведенный Л. Виолой анализ циркулировавших в СССР слухов позволил редуцировать их до пяти базовых типов, а именно: о приходе Антихриста; божьей каре; неизбежности войны; безбожности и аморальности коммунистов; новом крепостничестве в варианте колхозов. Доминирование в структуре слухов апокалиптической тематики позволило сделать вывод о наличии глубинных форм народного сопротивления. Если восстания и бунты выступали формой публичного протеста против коллективизации, то распространение слухов стало главным рупором оппозиционно настроенного общества. Понимая это, государство старалось максимально локализовать и ограничить хождение слухов с целью снижения их протестного потенциала.

Большинство исследователей, выходящих на проблему социальной истории и истории повседневности, ограничиваются фиксацией слухов и сведений об их циркуляции. Тем не менее в историографии сложилось два

CC BY

направления, ориентированных на изучение слухов [Гайлит, 2018]. В фокусе первого — слухи как особая социокультурная и коммуникативная практика, в том числе их атрибутивные характеристики, функции, механизмы зарождения и циркуляции [Слухи…, 2011]. В рамках второго подхода слухи анализируются в плане изучения повседневности и культурных кодов, что подразумевает акцент на анализе структуры и содержания [Слухи…, 2010]. Широкие возможности объяснительных схем при изучении слухов периода коллективизации позволяют выявить фольклорно-мифологические модели [Петрова, 2018]. Исследователи анализируют слухи в плане интерпретации и применительно к анализу особенностей организации коммуникации. Наш исследовательский интерес к феномену слухов сосредоточен на изучении соотношения содержания и формы, то есть на выяснении того, в какой степени при универсальном содержании слухов в них отражалась этническая и религиозная специфика.

Цель статьи — выявить дихотомию содержания и формы слухов периода коллективизации применительно к казахскому аулу. Тема советизации казахского социума в последние десятилетия обсуждалась в ряде исследований [Pianciola, 2007; Огайон, 2009; Payne, 2011; Ohayon, 2013; Kindler, 2014; Cameron, 2018; Абылхожин, 2022 и др.], затрагивающих проблему насильственной седентаризации кочевников. По их мнению, следствием ускоренной советизации аула, прежде всего коллективизации, стал Ашаршылык — масштабный голод. Тем не менее, несмотря на огромное количество источников, касающихся циркуляции слухов в казахском ауле, данная тема исследована крайне фрагментарно.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Важнейшим источником для изучения настроений населения СССР в 1920 — начале 1930-х годов являются аналитические материалы ОГПУ. Начиная с 1990-х годов историки используют обзоры и спецсводки ведомства для анализа внутренней ситуации в стране на тот период. Вопрос о достоверности данного источника актуален в связи с тем, что подобные материалы задают определенный угол зрения на ситуацию в стране и настроения в обществе, квалифицируя их с позиции спецслужб. Несмотря на широкое использование обзоров и спецсводок ОГПУ как источника в целом, региональные комплексы остаются малоизученными. Введение в научный оборот материалов региональных информационных отделов (далее — ИНФО) ОГПУ позволяет использовать массив аналитической информации, который шел из регионов в Центр, и тем самым оценить реакцию населения разных регионов страны на мероприятия центральной власти. Значительный комплекс материалов ИНФО ОГПУ Казахской

CC BY

АССР отложился в Специальном государственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее — СГА КНБ РК). Общий объем вводимых авторами в научный оборот аналитических материалов ИНФО ОГПУ за 1927—1932 годы составил 81 документ.

ОГПУ формировало информационные сводки с 1922 по 1931—1932 годы. В 1931 году в связи с очередной реорганизацией ведомства информационные службы были включены в секретно-политические отделы, что привело к радикальной трансформации их деятельности. Кроме того, чуть ранее, в 1929—1930 годы, в ряде региональных Полномочных представительств (далее — ПП) ОГПУ с целью оптимизации структуры информационные отделы были трансформированы в учетно-осведомительные. Интересующие нас материалы можно разделить на два больших комплекса: «Политические обзоры» и спецсводки разного типа. Специфика работы информационных отделов, в том числе организация делопроизводства, лишь частично освещены в работах специалистов [Тепляков, 2010; Тепляков, 2018] и во введениях к сборникам документов [Советская…, 2003.; Совершенно…, 2001—2008]. Фактически информационные отделы, с одной стороны, отслеживали настроения в обществе, с другой — выполняли функции цензуры в отношении всей корреспонденции, обращавшейся внутри СССР, а также массовых мероприятий. Главное внимание в материалах отделов уделялось политической оппозиции, протестному движению и оценкам политики власти населением.

Документы формировались в информационно-агентурных отделениях секретно-оперативной части на основе материалов, поступавших от внутренней и внешней осведомительной сети. Внешняя сеть формировалась из представителей разных социальных слоев, что создавало возможность судить об обществе в целом. Пирамидальный характер собираемой спецслужбами информации был призван представить максимально полную картину положения в стране, не только в целом, но также в территориальном и временном разрезе. Тем не менее это взгляд на общество «сверху». В конце 1920-х годов характер аналитических и справочно-информационных материалов ОГПУ меняется, резко возрастает количество тематических спецсообщений (спецсводок, справок, оперсводок и пр.), существенно уступающих по объему «обзорам». Их лейтмотивом становится «чрезвычайщина», интерпретация происходящего в стране в качестве нового витка классовой борьбы. В этом плане материалы ИНФО ОГПУ наглядно демонстрируют смену приоритетов власти.

В рамках нашего исследования интерес представляют материалы по КАССР, которые готовил информационный отдел при республиканском полпредстве ОГПУ. Напомним, что формирование губернских и окруж-

CC BY

ных органов безопасности на территории Казахстана началось в 1918 году Киргизская (Казакская) автономия (далее — КАССР) была учреждена в 1920 году, однако ПП ОГПУ по КАССР было создано только в 1922 году. Территориально оно располагалось в Оренбурге, потом в Ак-Мечети (Кзыл-Орда), а с 1925 года в Алма-Ате. Информационный отдел секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в период 1925—1931 годов систематически готовил аналитическую информацию для Москвы [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 236, л. 17—18] в виде «Обзоров полит-экономического состояния Казакской АССР», материалы из которого отдельным блоком включались в многостраничный «Обзор политического состояния СССР». Рассылка обзоров ИНФО ОГПУ КАССР шла по 33 адресам, первые экземпляры предназначались для ИНФО ОГПУ и Восточного отдела ОГПУ СССР, после которых в списке рассылки значились партийные и советские органы КАССР. Уже этот факт дает основания утверждать, что сводки предназначались в первую очередь для Центра, а не для региональной власти.

Структура «Обзоров» ИНФО ОГПУ КАССР была типовой и включала два больших блока: первый — аналитический, второй — приложения. Внутри первого раздела выделялись подрубрики, совокупность которых позволяла представить ситуацию в целом (аграрное производство, промышленность, транспорт, госаппарт и пр.). Особо следует отметить, что в «Обзорах» по Казахстану ввиду неоднородности аграрного населения анализ ситуации в казахских аулах размещался самостоятельным блоком, русская деревня и казачьи станицы характеризовались отдельно. Второй раздел «Обзора» включал приложения: делопроизводственные материалы, письма и заявления во власть, подпольные листовки и воззвания, информационные подборки слухов на разные темы, выдержки из неофициальных разговоров различных групп населения, сформированные на основе материалов секретного (духовенство и советско-партийный аппарат); контрразведывательного (бандитизм) и транспортного (железнодорожные рабочие) отделов. Именно этот блок материалов представляет особую ценность для нашего исследования.

Помимо вышеуказанных документов, рассмотрено содержание «Докладных записок», «Спецсводок», «Спецсообщений» секретно-политического отдела, «Отчетов» контрразведывательного отдела, а также «Докладов…» и «Материалов…» губернских отделов ОГПУ КАССР за 1927—1932 годы. В отличие от «Обзоров…» отмеченные источники не имеют ярко выраженной хронологической и тематической направленности. Их содержание освещало настроения и муссируемые слухи в тот или иной период. Что касается спецсводок, то они представлены преимущественно материалами оперативного характера. Подобные материалы готовились по запросам и отправлялись на адрес персонального получателя. Большин-

CC BY

ство спецсводок отражают ситуацию со снабжением городов и ход коллективизации. Особый интерес в рамках нашего исследования представляют докладные записки ИНФО ОГПУ КАССР о распространении материалов антисоветского характера, в частности листовок, в приложении к которым имеются справки-меморандумы на лиц, подозреваемых в их распространении [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 257, л. 68]. В целом практически любая негативная реакция населения на политику власти квалифицировалась органами как «провокационная» и «антисоветская».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Война будет с Востока»: слухи о войне и мобилизации

Для советского общества ожидание новой войны было характерно на всем протяжении 1920-х годов, период 1927—1929 годов в СССР многие специалисты квалифицируют как годы повышенной «военной тревоги» [Лившин, 2015, с. 190—206]. Кризис англо-советских отношений 1927 года, закончившийся разрывом дипломатических отношений с Великобританией, был обусловлен военно-политическим участием СССР в революционной ситуации в Китае. В июне 1927 года ЦК ВКП(б) призвал население страны готовиться к войне [Объединенный…, 2020, с. 5]. (Между тем дипломатические отношения двух стран были восстановлены достаточно быстро, уже в 1929 году). Страхи по поводу войны особенно усиливали пограничные инциденты. Советско-китайский конфликт на КВЖД в 1929 году, в ходе которого СССР ввел войска на сопредельную территорию, вновь резко обострил международную обстановку.

Настроения в обществе в связи с возможной войной опирались на страх перед ней. На этом фоне любые слухи о войне однозначно квалифицировались властью как «пораженческие». С другой стороны, кто-то ожидал ее как «избавления», она воспринималась как необходимость, потому что если она будет, то можно ожидать смены существующего строя: «война необходима для свержения советской власти» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 195, л. 13]. В качестве главной причины грядущей войны называлось недовольство советским строем со стороны западных стран: «…Советы будут уничтожены т. к. эту власть ненавидят иностранные правительства» [Там же, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 11]. Не исключалось восстановление монархии: «царь Николай имеет много наследников и своих сторонников — Михаила и др. Всем им помогает Англия, Румыния. Они не успокоятся до тех пор, пока кого-нибудь не посадят на престол» [Там же]; «Москва взята белыми. Великий князь Михаил Романов назначен президентом…» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 39]. Отсылка к мотиву «царя-избавителя» широко циркулировала среди населения, но для населения Центральной

CC BY

Азии в качестве спасителя-правителя (эмира, хана), избавляющего народ от советской власти, чаще все-таки упоминался один из активных лидеров басмаческого движения, последний правитель государства Хорезм, эмигрировавший в Афганистан, Джунаид-хан: «…в Средней Азии будет властвовать Джунаид хан» [Там же, л. 40] «и скоро будет нужно встречать новое правительство» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 463, л. 215].

Одновременно панические настроения по поводу войны в значительной степени подпитывались государственной пропагандой, которая акцентировала внимание на военной тематике. Англия рассматривалась как самый вероятный противник СССР. Население в основном разделяло мнение о неизбежности войны, хотя деревня была менее воинственно настроена, чем город. Англичан ждали с китайской территории: «…английские войска идут через Китай» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 433, л. 41]. Ожидалось, что следствием масштабной войны с Англией станет передел границ: «Афганистан скоро возьмет под свое владение весь Туркестан, а Китай — Киргизскую и Казакскую республики» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 11]. Подобные геополитические прогнозы активно муссировались в связи со слухами о якобы созданном в Синьцзяне «своем, казахском управлении» и «национальных военных силах», которые «смогут устоять против советской власти» [Там же, д. 503, л. 169]. Муссировались слухи, что известные политико-религиозные лидеры казахов якобы обратились за помощью к Англии и Китаю, чтобы те освободили Казахстан, и уже прошел сбор подписей «от казахского народа о желании отторгнуться от Советского Союза» [Там же, д. 473, л. 7]. Большие надежды возлагались частью населения на зарубежных повстанцев (басмачество), которые активизировались с конца 1920-х годов. Типичные примеры слухов: «война на границе», «в Средней Азии бои, массу раненых из Ташкента везут в центр России», «приграничные города взяты», «по городам СССР поднимаются белые флаги» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 39.; СГА ДП г. Алматы, ф. 5, оп. 1, д. 436, л. 39]. В то же время высказывались опасения, что капиталисты и белые «не смогут свергнуть советскую власть», потому что «власть сильна» и «уже пробовали, но не получилось» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 450, л. 35].

Широкое хождение имели слухи, что большевики воевать не будут и «откупятся от войны», пожертвовав частью территорий или заплатив большую контрибуцию. «Лучше отдать часть России капиталистам, но не проливать напрасно кровь, ведь советской власти воевать будет нечем, во-первых, она нищая, а во-вторых, имеет мало оружия» [Там же, л. 43]. Опасались, что если война будет, то власть «все у народа заберет». Убежденность же в невозможности войны во многом основывалось на том, что «народ сам с голоду вымрет».

CC BY

Особые страхи среди населения вызывала мобилизация. Для казахов тема мобилизации ассоциировалась с Первой мировой войной и восстанием 1916 года. Ходили слухи, что большевики «всеми силами стараются начать войну и хотят мобилизовать...» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 40], мобилизация уже объявлена или будет объявлена в ближайшее время. Назывались даже конкретные даты ее начала: «с 1 августа [1927] будет мобилизация казахского населения» [Там же, д. 430, л. 40]. Антивоенные настроения зачастую перерастали в антирусские: «наш народ будет в солдаты браться» [Там же, д. 437, л. 37], их «погонят на фронт, а русские будут выбивать оставшихся казахов» [Там же].

Слухи о том, что «уже идет война с Англией», началась «отправка на передовую», где «идет непрерывная бойня» и поэтому «всех перебьют» [ЦГА РК, ф. 5с, оп. 20рсч, д. 87, л. 176—177], усиливали панические настроения в семьях призывников. На практике казахов начали призывать в Красную армию только с осени 1928 года, планировалось создание казахских национальных воинских формирований. Введение воинской обязанности потребовало создания системы учета, с этой целью волостным исполкомам и аулсоветам предписывалось предоставить списки лиц призывного возраста. Во время призывных кампаний среди казахов широко практиковалось укрывательство призывников. Байство, распространяя слухи о скорой войне и мобилизации, запугивало бедноту тем, что первыми будут призваны в армию члены союза «Кошчи», объединявшего наиболее активную часть центрально-азиатских дехкан, что спровоцировало отток из организации значительной части бедняцко-середняцких казахских хозяйств [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 434, л. 46]. Проведение по инициативе региональных военных комиссариатов краткосрочных учебных сборов или мобилизация казахов на тыловые строительные работы вызывали, как правило, рост нелегальной эмиграции в Китай [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 164].

3.2. Заготовительные кризисы, конфискации и высылки

Реакцией населения на ожидание скорой войны стали заготовительные кризисы. По всей стране крестьяне не торопились отдавать хлеб государству, поскольку считали, что для большевиков «пришла их последняя весна» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 200, л. 37]. В свою очередь именно кризисы в области заготовок стали главной причиной резкой смены политики в аграрном секторе экономики в конце 1920-х годов, выразившейся в устранении мелкотоварного производства и переходе к сплошной коллективизации.

Всплеск разговоров про завышенные налоги по хлебу и мясу был зафиксирован в Казахстане в 1928 году. Население было убеждено, что власть повышает налоги в связи с будущей войной: «хлеб отбирает для обеспечения своих войск» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 6], «для го-

CC BY

родов» и чтобы «откупиться деньгами от Англии» [Там же, д. 324, л. 54]. Одновременно широко бытовало мнение, что «коммунисты думают удирать и поэтому придумывают самообложения» [Там же, л. 55]. Так или иначе, но народ осознавал, что власть нуждается в деньгах и единственным способом их получить будет дальнейшее увеличение налогов и проведение конфискаций у крестьян и скотоводов.

Советская власть «не поднимает сельское хозяйство, а разоряет… при царе жилось лучше, налоги были небольшие…» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 428, л. 5]. Основным лейтмотивом всех разговоров про налоги было «не выполнять план» и «не сдавать все». Казахи были убеждены, что с каждым годом «налоги будут тяжелее» и скоро они будут такими, что содержать скот станет совсем невыгодно, «оставлять будут совсем мало», а потом и «вовсе все заберут». В качестве альтернатив принудительной сдаче тиражировались приемы: «заранее продать часть скота, потому что его все равно отберут» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 326, л. 13]; «скот надо резать» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 324, л. 53] или «пожертвовать Богу» [Там же, д. 451, л. 19]. Однако налоговая политика большевиков преимущественно провоцировала среди казахов разговоры об «уходе в Китай». Казахи, жившие в приграничье, длительное время фактически были двоеданцами Российской и Китайской империй, поэтому откочевки воспринимались как эффективное средство «уйти от налогов».

В связи с налогами возникали разговоры и про Сибирь. Ввиду того что процесс разграничения между Казахстаном и Сибирью еще не был завершен, жители Бастык-Туской волости Акмолинской губернии в августе 1928 года ратовали за включение волости в состав Сибирского края, обосновывая это более низкими налогами [Там же, д. 324, л. 31]. Однако властями Сибири, как, впрочем, и Казахстана, был опробован метод заготовок, основанный на дифференциации налога в соответствии с «классовым подходом», ставший известным на всю страну как «урало-сибирский».

В разговорах утверждалось, что советская власть хочет полностью ограбить кочевников [Там же, д. 443, л. 23]. Правительство казахов «не считает за людей…», и его не интересует, что «казахи живут плохо». Даже конфискация скота у баев, проведенная в 1928 году, в ходе которой 150 тыс. голов скота и имущество было распределено между 25 тысячами бедняцких и батрацких хозяйств [Очерки…, 2022, с. 45], не вызвала однозначной поддержки населения. «Советская власть начинает грабить зажиточных, хлеб отобрали, теперь скот и передает его бедноте, этим самым хочет бедноту привлечь на свою сторону. Советская власть чувствует опасность, поэтому стремится угодить бедноте, чтобы последняя ее защищала, если бы не было опасности, она бы так не поступала» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1,

CC BY

д. 451, л. 20]. Нередко казахи уверяли, что «баев у них нет», а «конфискации затронут тех, у кого в данном ауле больше скота…» [Там же, л. 7]. До коллективизации в республике 90 % всей продукции сельского хозяйства производилось в индивидуальном секторе [Дахшлейгер, 1985, с. 168], поэтому рост налогов привел к катастрофическим последствиям. Согласно тем же отчетам ОГПУ, за пять лет, с 1929 по 1933 годы, поголовье скота сократилось почти на 91 %, а по группе кочевых и полукочевых районов — на 94—95 % [Трагедия…, 2000, с. 811—812]. Люди говорили: «…скота не жалко, лишь бы самим остаться в живых, а то есть слухи о том, что всех баев заберут, куда-то угонят и там перебьют, а поэтому приходится болеть за себя, а не за скот» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 155]. Конфискации имущества и выселение баев сопровождались множеством комментариев со стороны казахов, что «Советская власть уничтожает и грабит баев».

Выселение баев в Казахстане прошло в два этапа — осенью 1928 и осенью 1930 годов. Всего было арестовано 5—6 тыс. человек, и еще выслано 6,8 тыс. семей, численностью около 35 тыс. человек. Арестованных баев обычно отправляли в лагеря в Сибирь, а высланных разместили в пределах республики. В сводках ОГПУ достаточно свидетельств, что население аулов на общих собраниях достаточно активно высказывалось в защиту своих баев, констатируя их безвредность, доброту и помощь. Ратовали за баев не только простые граждане аула, но и представители власти, выдвигая в качестве аргумента факт, что «в районе нет крупных баев» [Там же, л. 81]. Отдельные баи получали одобрительные характеристики, подписанные населением аула и заверенные аулсоветом, бывали случаи, когда баям нанимали адвоката и через своего человека в РИКе пытались добиться их исключения из списков. Непосредственно в ходе конфискации и выселения баи часто лично обращались за поддержкой к населению, напоминая собравшимся о том, что они не были эксплуататорами ни при прежней власти, ни при новой власти, всегда шли на уступки, оказывали помощь, совершали хадж [ЦДНИ ВКО, ф. 3, оп. 1, св. 2, д. 22, л. 23]. Массовым видом протеста были попытки «отбить бая», но часто местных оказывалось существенно меньше, чем прибывших из других районов, которые были настроены более радикально. Конфискации и выселение, безусловно, усилили родовую вражду. Если выселение все-таки происходило, то аульное население старалось оказать баю поддержку, передавая лошадей, скот, продукты, ценное имущество и деньги. Сочувствие и поддержка баев имела массовый характер, даже в местах ссылки.

3.3. Колхозы — новое крепостничество

Общесоюзные обзоры ОГПУ повсеместно фиксировали высказывания о том, что «крестьяне из царского крепостничества перешли в советское…

CC BY

вместо буржуев появились коммунисты» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 447, л. 74]. Коллективизация породила в стране гигантскую волну страхов и слухов, которые стали частью крестьянского протеста. Коллективизация в Казахстане стала практическим инструментом перевода кочевников на оседлость. Именно седентаризация как способ насильственного перевода на оседлость была положена в основу советского модернизационного проекта для номадов. Хотя у казахов ментально шло сближение оседлости и номадизма, силовые методы в отношении скотоводов-кочевников и полукочевников нанесли сильнейший удар по традиционной экономике и обществу. Пик седентаризации пришелся на 1930—1933 годы, когда почти полмиллиона казахских хозяйств были переведены на оседлость.

Коллективизация стартовала в Казахстане в 1928 году, до этого года в республике не было казахских колхозов [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 2850, л. 158]. За 1928 год коллективизировали только 2 % всех хозяйств, к апрелю 1930 года — уже более 50 %, а к октябрю 1931 года — около 65 %. К 1935 году процент коллективизации превысил 90 % [Абылхожин, 1991, с. 57]. Пик коллективизации относится к 1929 — весне 1932 года. В погоне за высоким процентом коллективизации и в казахском ауле, и в русской деревне население, судя по всему, оставалось с дезорганизованным единоличным хозяйством и «бумажным колхозом». Казахские колхозы создавались на месте сезонных мелких аулов и аулов-зимовок (аул-кстау), служивших отправным и конечным пунктом кочевания. В период кочевок аул-кстау обычно распадался, так как входящие в его состав хозяйства имели различные радиусы кочевания. С одной стороны, власть пыталась собрать кочевых и полукочевых казахов в «колхозный аул», с другой — предпринимала попытки искоренить родовую аристократию и родовые отношения. Авторитет кочевой элиты, сумевшей сохранить и при Советах значительную полноту власти на местах, позволял аулу долго противостоять советизации и даже приспособиться к колхозной жизни. Кочевая и полукочевая элита в целом противилась оседанию казахов и агитировала против создания стационарных поселений-аулов, апеллируя и к экономической целесообразности, и к традиции. Традиционная обрядность в сочетании с агитацией позволяла элите сохранять рычаги воздействия на население. Одним из способов получения информации о событиях в казахской степи в условиях больших расстояний между аулами служили местные социальные связи, именуемые *узун құлақ*, что дословно звучит как «длинное ухо». Специфика функционирования «узун құлақ» и формируемая в границах такого рода коммуникации информация свидетельствуют о том, что ведущую роль здесь играли родовые авторитеты, в том числе потому, что рядовые кочевники не владели русским языком. Перегибы в политике вкупе

CC BY

с манипуляцией сознанием и настроениями кочевников усиливали страхи и порождали самые разнообразные слухи.

Коллективная форма хозяйствования и коллективная собственность вызывали сомнения у кочевников, заявлявших что при советской власти «… жить нельзя…», что приобретаешь при советской власти, «…все равно не твое, нам живется хуже, чем при царизме» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 325, л. 13]. От будущего не ждали ничего хорошего: «Советская власть организовала колхозы и население загнала в колхозы» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 917, л. 83]; «сколько бы колхозники не работали — сыты не будут…, это как ждать, когда у верблюда вырастет до земли хвост…» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 203, л. 10]. Казахский аул, как и русская деревня, полагали, что советская власть «…над крестьянами издевается...»; их «…гнут, принуждают непосильными работами, … аул и деревня работают на рабочих, на служащих и на городскую интеллигенцию, …как говорят старики, что они раньше работали на барина, так и сейчас такая самая барщина, труд наш не считается, не ценится, т. е. ценится очень дешево…» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 325, л. 40]. Казахи не знали крепостничества, но и среди них циркулировали слухи о том, что колхозников клеймят «печатью антихриста»: «будут ставить на руках клеймо». Казахи охотно верили в то, что «колхозников клеймят», потому что практиковали клеймение колхозного скота.

В среде кочевников панику порождали слухи об аморальности жизни колхозников, посягательствах на семейные традиции, что будто бы в колхозе будут обобществлены дети и жены: «детей отберут от родителей»; «детей до двухлетнего возраста законтрактуют…» [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 5056, л. 45]; «кто перейдет на оседлую жизнь у того отберут жену» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 433, л. 45]*;* «жены в колхозах будут ходить с голыми грудями…»; «женщины будут использоваться мужчинами по жребию» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 243, л. 9].

3.4. «Настанет ли период мусульманского царствования»?

Одним из базовых следует считать бытовавшее в массовом сознании представление о том, что «советская власть заинтересована в уничтожении мусульманства» [Там же, д. 435, л. 15]. Гонения на ислам воспринимались населением как наихудшая сторона новой власти. Среди населения ходили слухи о скором «киямате» (конце света), но при этом они сопровождались уверенностью в утверждении мусульманского царства справедливости («настанет период мусульманского царствования, а большевики понесут тяжелое наказание»). Для доказательства прихода царства справедливости фиксировались попытки опереться на исторические аналогии: это власть, которая «не живет с народом дружно и вместе», она «отошла от правды…» [Там же, д. 326, л. 51]. Другими словами, мир виделся только в черно-бе-

CC BY

лых тонах. Бытовала убежденность в том, что советская власть — испытание для верующих: «Бог послал на нашу голову такое бедствие», «кара Бога на народ».

Религиозное рвение считалось одним из способов спасения. Говорилось, что «мусульманам нужно задуматься. Когда наступит киямат, каждый ответит за свои грехи», поэтому «необходимо с большим усердием посещать мечети и веровать в бога». Только богобоязненный мусульманин имеет шанс спастись. Бытовало убеждение, что «лишенные голоса при советской власти являются самыми лучшими людьми и на том свете не будут грешниками», «только тот, кто не запишется в колхоз, будет спасен», а кто, напротив, согласится, «тот чертям душу отдаст» [Там же, д. 326, л. 51].

Ожидаемо большое распространение получили различного рода пророчества, упоминания о чудесах и вещих снах. Многие были уверены, что «перед концом мира на земле появятся различные чудеса, народ не будет соблюдать правила почитания, никто никому не будет помогать, и каждый будет думать только о себе. Власть будет злая и под разными предлогами будет отбирать у населения все» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 135]. Советская власть в этом случае чаще всего ассоциировалась с властью антихриста (Даджаля). При этом существовала вера в приход спасителя, посланника от Бога. Так, в одном из аулов Тюлькубасской волости Чимкентского района ходил слух, что в «…горах обнаружена пещера с каменной дверью, откуда должен выйти имам Магды, посланный богом для спасения байства» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 135]. Одним из распространенных мотивов вещих снов был сюжет о белом и красном быках, где белый побеждал красного, что означало возрождение старой власти [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3765, л. 4].

Основная масса слухов о вещих снах распространялась муллами. Мусульманство переходило на нелегальный формат религиозной обрядности, практиковались тайные молебны и собрания в аулах. Все рассказанное муллами обрастало новыми деталями за пределами юрты, вызывая панику и страх в казахской степи. В отличие от русской деревни, где были листовки, прокламации, письменные угрозы, устное народное творчество в виде частушек, казахский аул насыщался слухами. Фантастическое содержание воспринималось как свершившееся или ожидаемое событие.

И в христианской, и в мусульманской трактовках карой за безбожие и вступление в колхоз объяснялись природные ненастья, грозящие голодом и смертью [Петрова, 2018, с. 129]. Казахи боялись не только джутов, но и падежа скота от болезни. По этому поводу муллы распространяли слухи, что причиной падежа овец является болезнь «Иш-жаргыш», которая якобы была и раньше, но реже и которая неизлечима, так как послана от бога

CC BY

в наказание за то, что он не благословил организацию колхозов и хочет их разрушить. Используя религиозные предрассудки, они запугивали население, говоря, что те, кто попытается следить за своими баранами ночью, сам заболеет этой болезнью и окажется со вскрытым животом, как противник «божьей воли» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 481, л. 71].

Наступление плохих времен иногда связывалось не только с большевистской властью, но и с Россией: «Скоро должна прийти кончина мира, замечается засилье русских и угнетение последними казаков[1]» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 552, л. 434—435]. Мифологизированный и во многом негативный образ России проявился в религиозном литературном течении «Зар-заман» («Эпоха скорби»), возникшем в XIX веке и получившем широкую популярность в среде казахов-кочевников. Его появление стало реакцией на колониализм и упадок кочевой культуры казахов. Один из ключевых мотивов авторов: золотой век номадизма ушел, и на его место пришли унижение, горе и плач. В сводках ОГПУ также довольно часто можно встретить исламский термин *кафир*, что обозначает «неверный», который был весьма распространенным эпитетом для русских. Приведем одну из листовок-воззваний периода коллективизации: «Всему верующему населению Ислама!.... Уважаемые братья, всем из вас известно, что путь Ислама и его обязательный закон — шариат на каждом шагу, в каждой минуте ослабляется — даже постепенно уничтожается. Теперь же наступила пора защищать религию, встать за нее головой потому, что … стало невозможно существовать на свете лицам, исповедующим Ислам, их угнетают, все имущество, скот отбирают (конфискуют), нас самих разорив, отрывают от семейств, выселяют, своих жен заставляют насильно не верить Исламу, кроме того, мусульманская кровь начинает сливаться с кровью кафиров» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 552, л. 434—435]. «Засилье кафиров» трактовалось как признак близкого конца света — «Акыр заман», который приближала политика царизма, а потом — советской власти. Усиление страданий народа — это один из признаков конца света. Звучали и откровенные призывы бороться за веру, некоторые листовки призывали под лозунгом газавата («священной войны») бороться с коммунистами и помогать «гази». «Всему населению и братьям!.... Призываем вас в качестве сергера — военноначальника — помочь в деле религии головами… Боритесь за религию головой за газават — за священную войну — ибо впоследствии окажетесь правоверными, на том свете (Ахырсте) будете спокойны и обеспечены хорошими местами каждый из вас или же словом или состоянием, скотом или же собственной силой, должны помочь в деле уничтожения, превра-

1 До 1936 года использовалось наименование Казакская АССР и этноним, соответственно, казак.

CC BY

щения существующей бедноты в светлое солнце, ибо в этом залог нашего благополучия в двух мирах и бог в этом поможет. Среди Вас есть люди, которые могли бы собой пожертвовать как бабочки за религию. Ввиду того, что нет времени, мы не смогли перечислить имена всех, почему возлагая эту работу на Ваши влиятельные авторитетные лица — их назначаем руководителями. Соберите все имеющееся у вас оружие и припас к нему и другое оружие и высылайте нам. У Вас имеется казенный скот, соберите его и дайте последний нам…. Это требуется для нужды и пищи войска. Не допускайте присвоение другим скота тех людей, которые пошли на "газават"» [Там же, д. 475, л. 189]. Несмотря на призывы бороться за веру, газават у казахов не стал идеологией сопротивления, хотя апокалиптические установки усиливали сопротивление. В 1929—1931 годах на территории Казахстана прошло 397 массовых выступлений, в том числе 25 вооруженных, в которых участвовало около 80 тыс. человек [Алланиязов, 2009, с. 5].

3.5. Уход в Китай как форма сопротивления

Уже с 1927—1928 годов разговоры о скорой войне и росте налогов на кочевников сопровождались призывами «уйти в Китай». Отметим, что приграничные с Синьцзяном территории представляли собой контактные зоны, чему способствовали кочевые практики и часто этническая принадлежность местного населения. Российская аграрная колонизация Туркестана и Степного края способствовала формированию устойчивого эмиграционного тренда, который усиливался в периоды джутов, восстаний и иных кризисных ситуаций. В приграничных Алтайском, Илийском и Тарбагатайском округах Синьцзяна сформировалась крупная казахская диаспора, численность которой накануне Первой мировой войны составляла почти 250 тыс. человек. Следствием восстания 1916 года стала откочевка на сопредельную территорию еще не менее 100 тысяч казахов, треть из которых в первой половине 1920-х годов вернулись на родину. Рост эмиграции казахов в Западный Китай усилился с 1929 года, а ее пик относится к началу 1930-х годов. Причинами эмиграции стали коллективизация и голод. Близость границы способствовала формированию в приграничье Синьцзяна и русских поселенческих анклавов. В начале 1930-х годов приток мигрантов дополнительно вырос за счет бежавших со спецпоселения крестьян, высланных в Казахстан из Центральной России и Сибири.

Решение «уйти в Китай», как правило, было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена и даже возможную войну против Советов, а также тем, что «в Китае нет советской власти» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 648, л. 18].

Одновременно с этим усиление советского влияния в Синьцзяне не могло не сказываться на положении эмигрантов. С одной стороны, боль-

CC BY

шевики широко использовали трансграничные этнические связи для распространения советского влияния за границей. Иностранный отдел ОГПУ и Коминтерн имели свою резидентуру в Синьцзяне. На территории Синьцзяна ОГПУ организовало несколько операций с целью физической ликвидации бандформирований и их лидеров, практиковались аресты и высылки в СССР. С другой — советское правительство поддерживало китайские власти в борьбе с повстанчеством. Казахи-откочевщики и русские белоэмигранты, таким образом, также оказались втянуты в данный конфликт.

Власти всегда внимательно отслеживали рост миграционных настроений. В первую очередь разъяснялся «вред перехода в Китай как для советской власти, так и “трудящихся казахов”» [ЦДНИ ВКО, ф. п-3, оп. 1, д. 25, л. 23—24]. Одновременно предпринимались усилия для полной ликвидации нелегальной эмиграции при сохранении организованной репатриации беженцев. Репатриантам власти обещали полную амнистию и экономические преференции. Чтобы ограничить откочевки казахов на сопредельную территорию, использовались пропагандистские, экономические и репрессивные меры. Речь идет, в частности, об ужесточении пограничного режима, конфискации скота перебежчиков и арестах. В приграничье широкое распространение получили массовые высылки «неблагонадежных» вглубь страны с целью снижения эмиграционной активности населения. Первые выселения баев из приграничья Семипалатинской и Алма-Атинской областей провели осенью 1928, затем в 1930 году. На местах говорили, что «у населения отберут весь скот, а потом будут выселять со своих мест» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 169]. Более того, шли разговоры о том, что «скоро советская власть из Бахтов (пограничный пункт. — *Н. А., А. Ж., Е. С.*) будет выселять всех жителей и колхозников, останутся там только военные части, это будет сделано потому, что если начнется война, то колхозники пойдут против советской власти, поэтому их заранее хотят выселить из погранполосы…» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 2721, л. 7].

Причины откочевок казахов в Китай ОГПУ довольно часто иллюстрировало примерами разговоров среди населения. По мнению органов, агитация в пользу эмиграции основывалась на неприятии проводимой политики. В документах приводятся следующие типичные высказывания: «Укочевка за границу — единственное спасение от советской власти»; «налог вам взять не удастся», «хлебозаготовки, самообложение, займы и др. кампании не дают житья», «совласть начала всех баев грабить», «власть хочет окончательно разорить население» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 168]. В качестве конкретных причин откочевок казахов погранслужбы указывали завышенные иногда втрое налоги от реального поголовья скота, отсутствие выплат за уже сданный государству скот и хлеб [Там же]. Зача-

CC BY

стую решения принимались быстро: «Все мы включены в кулацко-байские хозяйства, завтра всех вызовут в аулсовет, самих арестуют, имущество и скот будут конфисковать, поэтому, не оставаясь до завтра, нужно укочевать в Китай» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 131, л. 110]. На масштабы беженства влияла и боязнь преследований со стороны советской власти за участие в повстанчестве. Начавшаяся вскоре коллективизация сделала эмиграцию не просто массовой, а лавинообразной. С мест снимались целыми аулами. Нередко откочевкой руководили председатели колхозов и местные советские активисты [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 113—116]. Массовый характер откочевки за границу приняли весной 1930 года, а своего пика достигли в конце 1930 года — первой половине 1931 года, когда почти вся территория Казахской республики была поражена голодом. Общие потери населения от нелегальной эмиграции республиканские власти оценивали в 83 тыс. хозяйств [АП РК, ф. 719, оп. 4, д. 84, л. 6]. Возвратная миграция обозначилась только к середине 1930-х годов.

Казахи уповали на помощь в обустройстве в Китае на видных деятелей из числа сторонников движения «Алаш», которые эмигрировали ранее. Многие были уверены, что «всем беженцам от советской власти в Китае отводят землю, Адилев[1] и Марсеков[2] договариваются с китайской властью» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 5044, л. 115]. Авторитет алашординцев, как сотрудничавших с новой властью, так и оказавшихся в оппозиции, в среде казахов продолжал быть высоким.

Коллективизация возродила у казахов идею-миф о поиске счастливой земли. По сути, в этот период именно китайский Алтай для казахов стал олицетворять счастливую и благополучную землю, где народ не будет испытывать страха и лишений: «Жизнь в Китае хорошая, но туда надо кочевать со всем скотом» [Там же, оп. 2, д. 4164, л. 43]. Концепты «золотого века» и «земли обетованной» для казахов отражали такую социальную модель общества, где кочевник будет чувствовать себя свободным. ОГПУ отмечало «огромное влияние… агитации из-за границы через родственные связи бежавших ранее в Китай. Через этих лиц широко распространяются слухи о хорошей свободной жизни в Китае, где нет бедных, все богатые, что там много хлеба и мануфактуры, налоги незначительны, а китайское правительство оказывает эмигрантам содействие в получении

1 Адилов Ике (1881—1938), сторонник движения Алаш, боролся против политики Советской власти, казахский бай. В 1928 году участвовал в вооруженных выступлениях против конфискаций. В 1938 году арестован в Китае и в том же году расстрелян в г. Семипалатинске.

2 Марсеков Раимжан Марсекович (1877—1937), один из лидеров партии «Алаш». В 1922 году эмигрировал в Китай, на территории которого преследовался за участие в национально-освободительном движении казахов.

земли вплоть до выделения эмигрантов в самостоятельную волость» [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 4572, л. 70—71]. На практике выделение национальных казахских территорий в Китае произошло только спустя два десятилетия.

4. Заключение = Conclusions

Особенностью слухов рубежа 1920—1930-х годов является беспрецедентно широкий ареал их распространения. Анализ слухов, циркулировавших в среде казахов-кочевников, подтвердил высказанный Л. Виолой тезис об их универсалистском характере, при наличии этнической и религиозной специфики. Слухи периода коллективизации воспроизводили базовые мифологические модели, логика которых развивалась от идеализации прошлого к полному «тягот и лишений» настоящему и ожиданию будущего, полного бедствий и страданий. В слухах, циркулирующих в среде казахов-кочевников, в первую очередь актуализировались мифологемы «золотого века» и «грядущего конца света». Черное будущее казахи ассоциировали в первую очередь с голодом. Распространителями слухов у казахов были исключительно мужчины, имевшие авторитет и статус, в первую очередь религиозные деятели и родоуправители-баи. Хотя власть и попыталась за счет пропаганды и репрессий локализовать источник слухов, но у аульного населения по отношению к религиозным и родовым авторитетам уровень доверия продолжал оставаться высоким. В казахском ауле наряду с устными существовали и письменные практики распространения слухов.

Ускоренная советизация породила высокий уровень тревоги в казахском обществе, что нашло отражение в подъеме апокалиптических настроений. Идея киямата выступила, по сути, формой глубинного протеста аула, при этом газават у казахов не был идеологией сопротивления. Формой активного сопротивления в республике стали массовые откочевки в Китай, что было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена, поэтому слухи об эмиграции широко циркулировали в казахском социуме. Они были не чем иным, как альтернативным взглядом на советскую действительность, тормозя разрушение аула как сельской общины и обеспечивая устойчивость традиционного общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. **Один из соавторов, Жанбосинова Альбина Советовна, является членом редакционного совета журнала «Научный диалог».**	**The authors declare no conflicts of interests.** **One of the co-authors, Albina S. Zhanbosinova, is a member of the editorial board of the *Nauchnyi Dialog* journal.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. АП РК — *Архив* президента Республики Казахстана. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5056. Л. 45 ; Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.

2. СГА ДП ВКО — *Специальный* государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 131. Л. 110. ; Д. 917. Л. 83. ; Д. 2721. Л. 7. ; Д. 5044. Л. 115 ; Ф. 19. Оп. 2. Д. 648. Л. 18. ; Д. 3765. Л. 4. ; Д. 4164. Л. 43.

3. СГА ДП г. Алматы — *Специальный* государственный архив Департамента полиции г. Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 436. Л. 39.

4. СГА КНБ РК — *Специальный* государственный архив Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 195. Л. 13. ; Д. 200. Л. 37. ; Д. 203. Л. 10. ; Д. 236. Л. 17—18. ; Д. 325. Л. 13. ; Д. 326. Л. 13, 51. ; Д. 430. Л. 40. ; Д. 433. Л. 41. ; Д. 434. Л. 46. ; Д. 435. Л 15. ; Д. 436. Л. 39, 40. ; Д. 437. Л. 37 ; Ф. 9. Оп. 1. Д. 257. Л. 68. ; Д. 324. Л. 31, 53—55. ; Д. 325. Л. 40. ; Д. 428. Л. 5. ; Д. 433. Л. 45. ; Д. 443. Л. 23. ; Д. 447. Л. 74. ; Д. 450. Л. 35, 43. ; Д. 451. Л. 7, 19—20, 81, 135, 155. ; Д. 463. Л. 215. ; Д. 473. Л. 6—7, 11. ; Д. 475. Л. 189. ; Д. 481. Л. 71. ; Д. 499. Л. 113—116, 164, 168—169. ; Д. 503. Л. 169. ; Д. 552. Л. 434—435.

5. ЦГА РК — *Центральный* Государственный архив Республики Казахстана. Ф. 5с. Оп. 20рсч. Д. 87. Л. 176—177.

6. ЦДНИ ВКО — *Центр* документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. П-33. Оп. 1. Св. 2. Д. 22. Л. 23. ; Д. 25. Л. 23—24.

Литература

1. *Абылхожин Ж. Б.* Традиционная структура Казахстана : социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930 гг.) / Ж. Б. Абылхожин. — Алма-Ата : Гылым, 1991. — 240 с. — ISBN 5628008974.

2. *Алланиязов Т. К.* Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929—1931 годы) / Т. К. Алланиязов, А. С. Таукенов. — Алматы : OST — XXI век, 2009. — 424 с. — ISBN 9965-659-77-X.

3. *Гайлит О. А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков / О. А. Гайлит // Вестник Омского университета. Серия «исторические науки». — 2018. — № 4 (20). — С. 45—52. — DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.45-52.

4. *Дахшлейгер Г. Ф.* История крестьянства Советского Казахстана / Г. Ф. Дахшлейгер, К. Н. Нурпеисов. — Алма-Ата : Наука, 1985. — 247 с.

5. *Лившин А. Я.* «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе / А. Я. Лившин // Государственное управление. Электронный вестник. — 2015. — Выпуск 50. — С. 190—206.

6. *Объединенный* пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. : документы и материалы : в 2 кн. / Кудрявцев И. И. (сост.). — Москва : Политэнциклопедия, 2020. — Книга 1. — 615 с. — ISBN 978-5-8243-2350-4.

7. *Огайон И.* Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928—1945 гг.) / И. Огайон ; пер. с фр. А. Т. Ракишева ; сост. Б. М. Сужиков. — Алматы : Санат, 2009. — 365 с. — ISBN 9965-664-81-1.

8. *Очерки* по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия : социально-экономические и социокультурные аспекты / Ж. Б. Абылхожин,

CC BY

Н. А. Алимбай, Л. Р. Турганбаева, Г. У. Орынбаева, А. К. Жумадил. — Алматы : LEM, 2022. — 455 с. — ISBN 978-601-7342-74-6.

9. *Петрова Н. С.* Коллективизация в слухах и толках конца 1920—1930-х гг. / Н. С. Петрова // Традиционная культура (научный альманах). — 2018. — Т. 19. — № 3. — С. 126—137.

10. *"Совершенно* секретно*" :* Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : 10-ти т. / ИРИ РАН ; Центр.архив ФСБ РФ ; ред.совет : Г. Н. Севостьянов, А. Н. Сахаров, Я. Ф. Погоний [и др.]. — Москва : ИРИ РАН, 2001—2008. — ISBN 5-8055-0069-8.

11. *Слухи* в России XIX—XX. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сборник статей. — Челябинск : Каменный пояс, 2011. — 362 с. — ISBN 978-5-88711-087-7.

12. *Слухи* как специфический историко-психологический источник : материалы XXVIII международной науч. конф. (Санкт-Петербург, 13—14 декабря 2010 г.) / под ред. С. Н. Полторака. — Санкт-Петербург : Полторак, 2010. — 216 с. — ISBN 978-5-904819-19-4.

13. *Советская* деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939 гг. Документы и материалы в 4-х т. / Под ред А. Береловича, В. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 2003. — 1864 с. — ISBN 5-86004-184-5.

14. *Тепляков А. Г.* Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917—1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты / А. Г. Тепляков. — Новосибирск : НГУЭУ, 2018. — 434 с. — ISBN 978-5-7014-0858-4.

15. *Тепляков А. С.* Учетно-осведомительные отделы Полпредства ОГПУ Сибкрая в 1929—1930 гг. : дела и люди эпохи «Великого перелома» / А. С. Тепляков // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 4. — С. 52—55.

16. *Трагедия* советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 3. — 1008 с. — ISBN 5-8243-0225-1.

17. *Cameron S.* The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan / S. Cameron. — Cornell University Press, 2018. — 277 p. — ISBN 978-1501730436.

18. *Kindler R.* Stalin's nomads in Kazakhstan : power and hunger in Kazakhstan / R. Kindler. — Moscow : Political Encyclopedia, 2014. — 328 p. — ISBN 978-0822965435.

19. *Ohayon I.* The Kazakh Famine : The Beginnings of Sedentarization [Electronic resource] / I. Ohayon // Mass Violence & Résistance, [online], published on : 28 September 2013. — Access mode : http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization (accessed 23.07.2023).

20. *Payne M. J.* Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928—1934 / M. J. Payne // Writing the Stalin Era. — 2011. — Pp. 59—86. — DOI: https://doi.org/10.1057/9780230116429_5.

21. *Pianciola N.* Famine in the steppe / N. Pianciola // Cahiers du monde russe [Online]. — 2004. — V. 45. — № 1—2. — Pp. 137—192. — DOI: org/10.4000/monderusse.8681.

Статья поступила в редакцию 06.08.2023,
одобрена после рецензирования 12.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

AP RK — *Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. F. 141; F. 719.* (In Russ.).
Central Research Institute of East Kazakhstan Region — *Documentation Center of the modern history of the East Kazakhstan region. F. P-33.* (In Russ.).
CSA RK — *Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F. 5c.* (In Russ.).
SGA DP Almaty — *Special State Archive of the Almaty Police Department. F. 5.* (In Russ.).
SGA DP East Kazakhstan Region — *Special State Archive of the Police Department of East Kazakhstan. F. 19. Op. 1., Op. 2.* (In Russ.).
SGA KNB RK — *Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan. F. 1k.; F. 9* (In Russ.).

References

Abylkhozhin, Zh. B. (1991). *The traditional structure of Kazakhstan: socio-economic aspects of functioning and transformation (1920—1930).* Alma-Ata: Gylym. 240 p. ISBN 5628008974. (In Russ.).

Allaniyazov, T. K., Taukenov, A. S. (2009). *The last frontier of the defenders of nomadism. The history of armed demonstrations and insurgent movements in Kazakhstan (1929—1931).* Almaty: OST — XXI century. 424 p. ISBN 9965-659-77-X. (In Russ.).

Cameron, S. (2018). *The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* Cornell University Press. 277 p. ISBN 978-1501730436.

Dahshleiger, G. F., Nurpeisov, K. N. (1985). *The History of the peasantry of Soviet Kazakhstan.* Alma-Ata: Nauka. 247 p. (In Russ.).

Essays on the history of the traditional structure of the Kazakhs in the first Soviet decades: socio-economic and socio-cultural aspects. (2022). Almaty: LEM. 455 p. ISBN 978-601-7342-74-6. (In Russ.).

Gailit, O. A. (2018). Research possibilities of rumors and problems of their study in the works of modern historians. *Bulletin of Omsk University. The series "historical sciences", 4 (20):* 45—52. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.45-52. (In Russ.).

Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b). July 29 — August 9, 1927: documents and materials: in 2 books, 1. (2020). Moscow: Politencyclopedia. 615 p. ISBN 978-5-8243-2350-4. (In Russ.).

Kindler, R. (2014). *Stalin's nomads in Kazakhstan: power and hunger in Kazakhstan.* Moscow: Political Encyclopedia. 328 p. ISBN 978-0822965435.

Livshin, A. Ya. (2015). "Military alarm" of 1927 and public sentiment in the Soviet Union. *State Administration. Electronic bulletin, 50:* 190—206. (In Russ.).

Ogayon, I. (2009). *Sedentarization of Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and social changes (1928—1945).* Almaty: Sanat. 365 p. ISBN 9965-664-81-1. (In Russ.).

Ohayon, I. (2013). The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. In: *Mass Violence & Résistance, [online], published on: 28 September.* Available at: http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization (accessed 23.07.2023).

Payne, M. J. (2011). Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928—1934. *Writing the Stalin Era.* 59—86. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230116429_5.

Petrova, N. S. (2018). Collectivization in rumors and rumors of the late 1920s—1930s. *Traditional culture (scientific almanac), 19 (3):* 126—137. (In Russ.).

Pianciola, N. (2004). Famine in the steppe. *Cahiers du monde russe [Online], 45 (1—2):* 137—192. DOI: org/10.4000/monderusse.8681.

Rumors as a specific historical and psychological source: materials of the XXVIII International scientific conference. (St. Petersburg, December 13—14, 2010). (2010). St. Petersburg: Poltorak. 216 p. ISBN 978-5-904819-19-4. (In Russ.).

Rumors in Russia XIX—XX. Informal communication and the "sharp turns" of Russian history: a collection of articles. (2011). Chelyabinsk: Stone Belt. 362 p. ISBN 978-5-88711-087-7. (In Russ.).

Teplyakov, A. G. (2018). *Activity of the organs of the Cheka–GPU–OGPU–NKVD (1917—1941): historiographical and source aspects.* Novosibirsk: NGUEU. 434 p. ISBN 978-5-7014-0858-4. (In Russ.).

Teplyakov, A. S. (2010). Accounting and information departments of the Mission of the OGPU Sibkray in 1929—1930: deeds and people of the era of the "Great Turning Point". *Humanities in Siberia, 4:* 52—55. (In Russ.).

The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918—1939. Documents and materials in 4 volumes. (2003). Moscow: ROSSPEN. 1864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).

The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials, 3. (2000). Moscow: ROSSPEN. 1008 p. ISBN 5-8243-0225-1. (In Russ.).

"Top secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): 10 vols. (2001—2008). Moscow: IRI RAS. ISBN 5-8055-0069-8. (In Russ.).

The article was submitted 06.08.2023;
approved after reviewing 12.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Азаров В. Н. Русско-французские соглашения 1891—1893 годов в международных отношениях конца XIX — начала XX веков / В. Н. Азаров, А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 203—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-203-217.

Azarov, V. N., Nesterov, A. G. (2023). Russian-French Agreements of 1891-1893 in International Relations at Turn of 19th and 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 203-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-203-217. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-203-217

Русско-французские соглашения 1891—1893 годов в международных отношениях конца XIX — начала XX веков

Азаров Вячеслав Николаевич
orcid.org/0000-0002-2598-7409
кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения
vnazarov.urfu@yandex.ru

Нестеров Александр Геннадьевич *
orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
зарубежного регионоведения,
**** корреспондирующий автор***
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Russian-French Agreements of 1891-1893 in International Relations at Turn of 19th and 20th Centuries

Vyacheslav N. Azarov
orcid.org/0000-0002-2598-7409
PhD in History, associate professor,
Department of Foreign Regional Studies
vnazarov.urfu@yandex.ru

Aleksandr G. Nesterov *
orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History, Head of Department
of Foreign Region Studies,
**** Corresponding author***
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Азаров В. Н., Нестеров А. Г., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена европейской политике России в период от образования Германской империи (1871) до начала Первой мировой войны. Рассматриваются исторические условия заключения, причины и характер русско-французского военно-политического союза 1891—1893 годов. Показана роль императора Александра III в политическом сближении России и Франции на антигерманской и антиавстрийской основе. Выявлено существование взаимной заинтересованности России и Франции в формировании военно-политического союза. Анализируется Бьеркский договор 1905 года императоров Вильгельма II и Николая II, показано, что этот договор коренным образом противоречил развитию военно-политического сотрудничества России и Франции и поэтому не был реализован. Делается вывод о значении русско-французского союза начала 1890-х годов для внешней политики и исторической судьбы Российской империи. Показана заинтересованность Германии в усилении собственного влияния на внешнюю политику Российской империи. Доказано, что попытки, предпринимавшиеся Германией с целью привлечения России на свою сторону, не достигли цели, Россия сохранила союзные отношения с Францией, более значимые для нее в рассматриваемый период, несмотря на то, что в конечном итоге этот союз привел к вовлечению Российской империи в мировую войну.

Ключевые слова:
русско-французский союз; Александр III; Вильгельм II; Николай II; Российская империя; Германия; Франция; Антанта.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to Russia's European policy from the formation of the German Empire in 1871 to the beginning of World War I. It examines the historical conditions, reasons, and nature of the Russo-French military-political alliance of 1891-1893. The role of Emperor Alexander III in the political rapprochement between Russia and France on an anti-German and anti-Austrian basis is demonstrated. The existence of mutual interest between Russia and France in forming a military-political alliance is revealed. The Bierk Treaty of 1905 between Emperors Wilhelm II and Nicholas II is analyzed, showing that this treaty fundamentally contradicted the development of military-political cooperation between Russia and France and therefore was not implemented. The conclusion is drawn regarding the significance of the Russo-French alliance of the early 1890s for the foreign policy and historical destiny of the Russian Empire. Germany's interest in strengthening its influence on the foreign policy of the Russian Empire is shown. It is proven that Germany's attempts to attract Russia to its side did not succeed, and Russia maintained its alliance with France, which was more significant for it during the period under consideration, despite the fact that ultimately this alliance led to the involvement of the Russian Empire in a world war.

Key words:
Russian-French alliance; Alexander III; Wilhelm II; Nicholas II; Russian Empire; Germany; France; Entente.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47+44)“1891/1893”

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Русско-французские соглашения 1891—1893 годов в международных отношениях конца XIX — начала XX веков

© Азаров В. Н., Нестеров А. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Соглашения 1891—1893 годов, оформившие военно-политический союз между Российской Империей и Французской Республикой, заметно выделяются среди аналогичных соглашений между великими державами в конце XIX — начале XX веков своей конкретностью. Военная конвенция 1892 года не только определяла политическую направленность союза: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию»; «Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию», — но и фиксировала военные параметры соглашения. В случае возникновения упомянутого военно-политического кризиса в Европе Франция обязалась немедленно выставить армию численностью 1 млн 300 тыс. человек, Россия — 700—800 тыс. человек [Сборник договоров …, 1952, с. 281].

Другие соглашения, подписывавшиеся европейскими государствами в период от франко-прусской войны 1870—1871 годов до начала Первой мировой войны, за исключением австро-германского договора 1879 года, легшего в основу Тройственного союза (1882), фиксировали только политические намерения и предпочтения сторон, отличались расплывчатостью и наличием предварительных условий для вступления в силу. Это было полностью характерно и для внешнеполитического курса России в 1870-е — 1880-е годы. В основу европейской политики России был положен Союз трех императоров (Александр II, Вильгельм I, Франц Иосиф I) 1873 года, возобновленный в 1881 году, уже при императоре Александре III. Соглашение 1873 года между монархами Австро-Венгрии, Германии и России носило чисто консультативный характер, договор 1881 года предусматривал сохранение нейтралитета между участниками в случае войны кого-либо из них с четвертой державой. Правда, в отношении Османской империи оговаривалось, что стороны предварительно должны договориться о возможных итогах такой войны. В отношении Франции Россия исходила из

CC BY

того, что Германия не собирается нападать на эту страну. Пришедший на смену Союзу трех императоров так называемый «перестраховочный договор» 1887 года между Германией и Россией не распространял обязательство сторон сохранять дружественный нейтралитет по отношению друг к другу на случай гипотетической войны против Австрии или Франции [История дипломатии, 2009, с. 579, 623, 658—659].

Если рассматривать заключение военно-политического союза между Россией и Францией в начале 1890-х годов как реакцию, прежде всего со стороны России, на австро-германское сближение и создание Тройственного союза, то и в этом случае русско-французские соглашения нетипичны для международных отношений в рассматриваемый период. Самый показательный пример — это соглашения Великобритании с Францией и Россией, оформившие создание Антанты. «Сердечное согласие» 1904 года между Англией и Францией фиксировало только разграничение сфер влияния в Северной Африке, признание союзниками «прав» Великобритании на Египет, а Франции на Марокко. Англо-русское соглашение 1907 года, заключенное при содействии Франции, касалось урегулирования колониальных вопросов на Среднем Востоке и разграничивало сферы влияния Британской и Российской империи в Афганистане, Иране и Тибете. Известно, что германский император Вильгельм II во время Балканского кризиса 1914 года до последнего момента надеялся, что Великобритания сохранит нейтралитет и не станет вмешиваться в войну на континенте. Действительно, при всей наивности таких надежд, исходя из логики блокового противостояния и закулисной дипломатии, если рассматривать только текст соглашений Великобритании с Францией и Россией 1904 и 1907 годов, то, в отличие от русско-французских соглашений начала 1890-х годов, никакими конкретными обязательствами военного характера по отношению к союзникам правительство Великобритании себя не связывало [История дипломатии, 2009, с. 723, 739].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследований, рассматривающих проблему становления русско-французского союза конца XIX — начала XX веков, достаточно много; наиболее подробно историю формирования русско-французского союза осветил в своей монографии видный советский историк-франковед А. З. Манфред [Манфред, 1975]. В то же время исследования, связанные с анализом последствий союза между Россией и Францией, в отечественной науке в основном появлялись в советский период и главным образом отражали идеологическую цель обоснования закономерности русской революции начала XX века как следствия обострения социальной обстановки в условиях ро-

CC BY

ста межимпериалистических противоречий (лишь в последние годы стали появляться публикации, в которых развитие отношений России и Франции в начале XX века отражается с современных исследовательских позиций, см., например, статьи А. В. Черникова [Черников, 2015], П. В. Мультатули [Мультатули, 2017], хотя в целом тема не вызывает особого интереса современных исследователей).

Эту же цель — показать обострение межимпериалистических противоречий — преследовала начавшаяся практически сразу после революции публикация дипломатических документов, связанных с развитием международных отношений в конце XIX — начале XX веков, результатом которого стала Первая мировая война. Российская публикация документов подтолкнула и другие страны публиковать документы, отражавшие события, которые привели к началу мировой войны. В результате в межвоенный период практически все страны Европы начали реализацию грандиозных проектов публикации дипломатических документов, которые должны были показать, что именно их противники и были виновниками развязывания войны, а страна-публикатор всячески пыталась доказать свою миролюбивость и чистоту своих намерений. С другой стороны, Германия уже в 1919 году начала традицию публикации трофейных документов, подготовив и издав сборник «О международной политике» в 4-х томах [Zur Internationalen Politik…, 1919], основу которого составили документы Министерства иностранных дел Бельгии, попавшие в руки немцев в период германской оккупации Бельгии в 1914—1918 годах. Целью изданий подобного рода стало стремление с помощью документов противника доказать свою правоту, обосновать, что именно противная сторона виновата в «разогревании» ситуации, приведшем в конечном итоге к мировой войне. В 1922 году правительство Германии начало публикацию многотомной серии «Большая политика европейских кабинетов 1871—1914 годов», в которой фактически предложило свое видение международных отношений, предшествующих началу Первой мировой войны. Вслед за Германией аналогичные сборники издали Франция и Австрия (австрийское издание в 8 томах ограничивалось периодом 1908—1914 годов), а также США. Естественно, что традиция публикации дипломатических документов (в том числе и трофейных) была продолжена и в более позднее время.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сложности подготовки русско-французского союза

Среди многочисленных политических и военных соглашений, подписанных между ведущими европейскими государствами в конце XIX — начале XX веков, наиболее близким по характеру и содержанию к русско-

CC BY

французским соглашениям 1891—1893 годов является австро-германский договор 1879 года. Этот документ имел ярко выраженную антироссийскую направленность и содержал обязательство Германии и Австро-Венгрии в случае нападения на одну из сторон Российской империи поддержать друг друга «всей совокупностью вооруженных сил своих империй» [Ключников, 1925, с. 232].

Тем не менее подписание союзного договора с Австро-Венгрией не означало для канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка полного разрыва отношений с Россией. Во-первых, Бисмарк трактовал содержание договора 1879 года таким образом, что обязательства Германии вступают в силу только в случае прямого нападения России на территорию Австро-Венгрии и не распространяются на возможный конфликт Вены и Петербурга на Балканах или в Турции. Еще более важно другое. В рамках подготовки возобновления Союза трех императоров в 1881 году и подготовки договора «перестраховки» с Россией в 1887 году Бисмарк продолжил попытки разграничить сферы влияния и смягчить австро-российские противоречия на Балканах, а также поддержать возможные имперские амбиции России в отношении черноморских проливов. Другой вопрос, насколько искренен был германский канцлер в своих дипломатических шагах навстречу России и не скрывалось ли за ними стремление вызвать максимально возможное противостояние России и Великобритании в Восточном вопросе, чтобы обеспечить себе свободу действий в случае вероятного военного конфликта с Францией [История дипломатии, 2009, с. 623—624, 643, 658—659]. В частности, французский посол в Санкт-Петербурге А. Р. П. Лефевр де Лабулэ в апреле 1890 года доносил министру иностранных дел Франции А. Ф. Ж. Рибо о крайней незаинтересованности Германии в заключении соглашения о сотрудничестве между Францией и Россией, так как это могло вызвать ненужные проблемы для восточной политики Германии [DDF, 1938, Pp. 52—53].

При заключении военно-политического союза с Францией в начале 1890-х годов российский император Александр III, в отличие от канцлера Бисмарка, отверг все предложения каким-то образом сбалансировать предпринимаемые шаги сохранением отношений с Германией. Возглавлявший в 1882—1895 годах МИД Российской империи Н. К. Гирс был сторонником сохранения внешнеполитического курса императора Александра II, в основе которого лежало поддержание дружественных отношений с Германией. Министр пытался убедить Александра III, что в отношениях с Францией достаточно политического соглашения о взаимодействии, подписанного летом 1891 года. Заключение военной конвенции опасно потенциальным втягиванием России в европейскую войну в силу неразрешимых и нараставших противоречий между Германией и Францией, восходящих к ито-

CC BY

гам франко-прусской войны 1870—1871 годов. Император Александр III отверг все аргументы своего министра иностранных дел. Правда, произошло это в условиях смены власти в Германии. В 1890 году канцлер Бисмарк был отправлен в отставку, ближайшее окружение нового германского императора Вильгельма II (1888—1918) делало заявления о допустимости превентивной войны на два фронта против Франции и России. В этих условиях максимум, что удалось сделать Н. К. Гирсу, это добиться отсрочки ратификации военной конвенции, которая была подписана в Петербурге 27 августа 1892 года представителями Генеральных штабов вооруженных сил России и Франции генералом Р. Ш. Ф. Ле Мутон де Буадефром и генералом Н. Н. Обручевым на полтора года [DDF, 1945, p. 10]. Окончательно военно-политический союз России и Франции был оформлен письмами министров иностранных дел двух стран от 27 декабря 1893 года и 4 января 1894 года об утверждении военной конвенции главами государств — российским императором Александром III и французским президентом С. Карно [История дипломатии, 2009, с. 667—669].

Единственной дипломатической мерой предосторожности со стороны России при заключении союза с Францией было категорическое требование сохранить в тайне достигнутые договоренности [DDF, 1945, p. 10—11]. Российские императоры и руководители министерства иностранных дел на протяжении длительного времени отклоняли предложения французской стороны опубликовать подписанные в 1891—1893 годах соглашения. В самой России о союзном договоре с Францией знали только несколько человек из ближайшего окружения Александра III. Уровень секретности наглядно демонстрирует тот факт, что будущий император Николай II узнал о существовании союза с Францией только после восшествия на престол в 1894 году [Рыбаченок, 2004, с. 92, 103].

Военно-политический союз России и Франции конца XIX — начала XX веков был удивительным союзом государств с противоположными политическими системами. Он был заключен одним из самых консервативных российских императоров, Александром III, и направлен против Германской империи, государства с гораздо более близким России политическим строем, чем республиканская Франция. Известно отношение Александра III к республиканским идеалам и ценностям. В 1882 году российский император демонстративно отказался направить в Париж официального представителя для участия в траурных мероприятиях в связи со смертью французского премьер-министра, известного республиканца Леона Гамбетты, заявив своему окружению, что в «собачьих похоронах» участвовать не пристало. Негодование Александра III вызывала возможность беспрепятственного нахождения на территории Французской Рес-

CC BY

публики российских революционеров и оппозиционных деятелей. Дипломатическим скандалом закончилась попытка пригласить российского императора на открытие всемирной выставки в Париже в 1889 году. Французские руководители не учли, что выставка была приурочена к 100-летию французской революции XVIII века, и Александр III воспринял такое приглашение как личное оскорбление [DDF, 1937, p. 11; Die Große Politik…, 1924, S. 189—190]. Тем поразительнее стало участие императора всего через два года в официальных мероприятиях, символизировавших начало заключения русско-французского союза. Александр III лично участвовал в церемонии встречи французской военно-морской эскадры, прибывшей в Кронштадт в июле 1891 года, и с должным почтением выслушал гимн Французской Республики «Марсельезу» [Манфред, 1975, с. 331—333]. В то же время германские представители в Париже в своих донесениях в Берлин выражали сомнения в искренности русского отношения к республиканской Франции: «Русские умело скрывают своё истинное отношение к французам», — писал германский посол в Берлине граф Георг Герберт цу Мюнстер в германский МИД [Die Große Politik…, 1924, S. 191].

В отечественной научной литературе обычно называют три главных фактора, обусловивших заключение русско-французского военно-политического союза в конце XIX века. Это обстоятельства геополитического характера, экономические отношения России и Франции, в советский период трактовавшиеся как «зависимость царизма от французского финансового капитала», и субъективный фактор — антигерманские настроения и предубеждения императора Александра III [Нестерова, 1995, с. 149—150]. Безусловно, международные отношения в Европе в последней трети XIX века в решающей степени определялись результатами и последствиями франко-прусской войны 1870—1871 годов, образованием Германской империи и неразрешимыми франко-германскими противоречиями политического, военного и территориального характера, которые периодически обострялись и грозили Европе новой большой войной. Возможный повторный разгром Франции и установление гегемонии Германии на континенте вызывали беспокойство и воспринимались как угроза безопасности в большинстве европейских столиц, в том числе и в Петербурге. Однако встает вопрос, оправдывают ли эти обстоятельства жесткую предопределенность и безальтернативность русско-французских соглашений 1891—1893 годов, выходивших за рамки обычной дипломатической практики в рассматриваемый период международных отношений. Понятно, что Франция была крайне заинтересована в таком союзе, но вот было ли это единственным политическим и военным вариантом для России? Во всяком случае, требование Петербурга к Парижу соблюдать строжайшую секретность в от-

CC BY

ношении подписанных соглашений показывает, что в правящих кругах Российской империи осознавали возможные риски и опасности проводимой политики. Другой аспект данной проблемы заключается в том, насколько то или иное государство должно следовать своим международным обязательствам, если их выполнение может привести к катастрофическим последствиям для национальных интересов. Как известно, правительство Италии после начала Первой мировой войны отказалось выполнять свои обязательства в рамках Тройственного союза, а в 1915 году вступило в войну на стороне Антанты против своих бывших союзников. Российский император Николай II, напротив, до конца придерживался соглашений в рамках Антанты, несмотря на тяжелые поражения на фронтах и нарастание внутриполитического кризиса в 1914—1917 годах.

При рассмотрении причин заключения франко-русского союза, в первую очередь подписания военной конвенции 1892 года, не следует преувеличивать значение экономического фактора. Действительно, примерно с середины 1880-х годов французский капитал постепенно становится основным в кредитовании российского правительства. Франция периодически использовала такую ситуацию для оказания давления на своего российского союзника, если его действия с точки зрения Парижа не соответствовали интересам французской внешней политики. Однако такие возможности были достаточно ограниченными по двум причинам. Французские банки не хотели рисковать выгодным российским кредитным рынком, а правительство России при желании могло найти альтернативу французским займам, в том числе и в Германии. Так, например, произошло весной 1905 года, когда ведущие французские банки по просьбе своего правительства, которое надеялось таким образом принудить Петербург к заключению скорейшего мира с Японией, отказали царскому правительству в очередном займе [История дипломатии, 2009, с. 661, 726—727]. В деятельности последних российских императоров Александра III и Николая II вопросы экономики и финансов никогда не находились на первом плане. Гораздо большее значение имел субъективный фактор, личные пристрастия, симпатии и антипатии императора, которые в условиях самодержавного государства часто оказывали решающее воздействие как на внутреннюю, так и на внешнюю политику.

Император Александр III, в отличие от своего отца, Александра II, придерживался ярко выраженной антигерманской ориентации. Причиной этого были сложные отношения с отцом, несогласие с его политикой реформ, а также влияние на Александра III тех представителей императорского двора, которые испытывали враждебность по отношению к Пруссии. Эти люди происходили из небольших немецких княжеств и соседних го-

CC BY

сударств, интересы которых пострадали в ходе объединения Германии под гегемонией Пруссии. Особое значение в этом плане имела позиция супруги Александра III императрицы Марии Федоровны, урожденной датской принцессы. Также Александр III очень настороженно, порой откровенно враждебно относился к германскому императору Вильгельму II, у которого в монархических кругах Европы сложилась репутация человека не вполне адекватного, способного на авантюрные и непредсказуемые действия [Золотухин, 2015, с. 173—174]. Конечно, считать эти обстоятельства главными в определении курса внешней политики Российской империи в 1880—1890-е годы значит придерживаться по меньшей мере дискуссионной точки зрения. Однако не подлежит сомнению, что русско-французский союз, по крайней мере, в том виде, в каком он был заключен в начале 1890-х годов, никогда бы не состоялся без твердой личной позиции императора Александра III, который, переступив через свои стойкие антиреспубликанские убеждения, одобрил ратификацию военной конвенции 1892 года и настоял на своем решении вопреки аргументированному мнению своего министра иностранных дел.

3.2. Русско-французский союз в начале XX века

Русско-французский военно-политический союз оказался очень устойчивым. Он «пережил» смену монарха в России и радикальное правительство Ж. Клемансо во Франции (1906—1909), антиклерикальная политика которого вызывала неприятие у императора Николая II. Его не смогли поколебать сложность, временами откровенная враждебность русско-английских отношений, которые были урегулированы только через 15 лет после заключения русско-французского союза. Не изменилось основное направление российской внешней политики и после боснийского кризиса 1908 года, когда союзники по Антанте, несмотря на подписанные соглашения, не особо стремились поддерживать Россию в противостоянии с Австро-Венгрией на Балканах. Пожалуй, единственная серьезная попытка пересмотреть соглашения 1891—1893 годов и восстановить русско-германские отношения была предпринята во время встречи императоров Вильгельма II и Николая II в Бьерке летом 1905 года.

После заключения англо-французской Антанты и начала русско-японской войны 1904—1905 годов германский император Вильгельм II предпринял попытку разорвать русско-французский союз и установить союзнические отношения с Россией на антианглийской основе. С этой целью германская дипломатия использовала так называемый «гулльский инцидент». Осенью 1904 года русская военно-морская эскадра под командованием адмирала З. Рожественского, направлявшаяся из Балтики на Дальний Восток, обстреляла в Северном море, в нескольких десятках миль от

CC BY

английского города Гулль (современное название — Кингстон-апон-Халл) английские рыболовные суда, приняв их за японские миноносцы. Инцидент вызвал резкую реакцию Лондона. Дело не ограничилось дипломатическими протестами, были предприняты демонстративные маневры британского флота. В этих условиях германское правительство, которое после начала русско-японской войны заняло позицию благожелательного нейтралитета по отношению к России, разрешив, в частности, своим компаниям снабжение углем русских военных кораблей, следовавших вдоль европейского побережья, предложило Петербургу заключить союзный договор [История внешней …, 1999, с. 173—174].

Письменные предложения Вильгельма II были отвергнуты российской стороной, но во время личной встречи с германским императором Николай II согласился подписать соответствующий документ. Эта встреча состоялась во время морской прогулки двух императоров на яхтах около о-ва Бьерке (недалеко от Выборга) в июле 1905 года. Ключевое положение подписанного Вильгельмом II и Николаем II союзного оборонительного русско-германского договора было сформулировано следующим образом: «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению одной из европейских держав, союзница придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами» [Сборник договоров …,1952, с. 335]. Другие пункты соглашения предусматривали, что договор вступает в силу только после заключения мира между Россией и Японией, после чего российский император должен ознакомить с текстом договора Францию и «побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы» [Сборник договоров …,1952, с. 335—336].

Интересны дипломатические обстоятельства подписания Бьеркского договора. По сложившейся в России с конца XIX века бюрократической и законодательной традиции международный договор имел силу только в том случае, если подпись императора скреплена подписью одного из министров. Николай II попросил подписать документ сопровождавшего его морского министра адмирала А. А. Бирилева, прикрыв рукой текст договора, чтобы министр не мог ознакомиться с его содержанием, что не помешало последнему поставить свою подпись [История внешней …,1999, с. 62]. Этот эпизод показывает, что российский император очень хорошо понимал смысл и значение подписанного договора, содержание которого полностью противоречило русско-французским соглашениям 1891—1893 годов.

В Петербурге подписание Бьеркского договора вызвало сильную оппозицию ведущих министров и членов императорского двора. Категорически против неизбежного осложнения отношений с Францией и отказа от внешнеполитического курса последнего десятилетия выступили ми-

CC BY

нистр иностранных дел В. Н. Ламздорф, председатель Совета министров С. Ю. Витте, великий князь Николай Николаевич. В этих условиях Николай II направил германскому императору письмо, согласно которому русско-германский союзный договор может вступить в силу только в случае присоединения к нему Франции, что фактически означало дипломатическую формулу отказа от подписанного соглашения, так как Франция в начале XX века в силу известных причин ни при каких условиях не согласилась бы на союз с Германией [История внешней …,1999, с. 184]. Таким образом, нерешительность императора Николая II и инерция российской бюрократии не позволили осуществить кардинальный поворот европейской политики Российской империи, реальность и перспективы которого трудно оценить однозначно. Россия сохранила союзнические отношения с Францией. Бельгийский посол сообщал в августе 1905 года своему правительству, что российский премьер-министр С. Витте не допускает возможности одностороннего нарушения союзных положений, связывающих Россию и Францию [Zur Europäischen Politik…, 1919, S. 65—66].

Окончательным скреплением русско-французского союза оказалось подписание англо-русской конвенции 1907 года, в рамках которой были урегулированы спорные вопросы, возникавшие между Российской и Британской империями в связи с Центральной Азией и Афганистаном. Фактически это соглашение завершило оформление политического объединения, за которым в истории закрепилось название «Сердечное Согласие» (l'Entente cordiale, Антанта; его начало было положено англо-французским соглашением 1904 года). В этой ситуации русско-французский союз стал неотъемлемой составной частью нового военно-политического объединения, ставшего одним из противостоящих военных блоков в годы Первой мировой войны.

4. Заключение = Conclusions

Формально русско-французский союз являлся сугубо оборонительным. Военная конвенция 1892 года вступала в силу только в случае нападения на Россию или Францию других европейских государств. Однако с учетом характера отношений Франции и Германии, России и Австро-Венгрии конфликт между ними представлялся практически неизбежным, а понятие «нападение» при желании можно трактовать достаточно широко. Союзные соглашения с Францией обернулись постоянно возраставшей зависимостью внешнеполитического курса России от развития франко-германских и британо-германских противоречий. Надежды решить таким образом имперские задачи на Балканах и в районе черноморских проливов, где главным противником Российской империи являлась Австро-Венгрия,

CC BY

вряд ли оправдывают историческую цену соглашений в рамках Антанты, закончившихся для России вовлечением в мировую войну, революцией и крушением монархии. Впрочем, в настоящее время является общеизвестным, что в период летнего кризиса 1914 года, завершившегося началом мировой войны, никто не ожидал реального начала общеевропейской войны: каждый участник конфликта предполагал, что кто-либо из противников отступит, не поддержит союзника и т. д., но цепочка соглашений разорвана не была, и война, которая привела к краху нескольких империй, все же была начата.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.** **Один из соавторов, Нестеров Александр Геннадьевич, является членом редакционного совета журнала «Научный диалог».**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.** **One of the co-authors, Aleksandr G. Nesterov, is a member of the editorial board of the *Nauchnyi Dialog* journal.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ключников Ю. В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин // От Французской революции до империалистической войны. — Москва : Литиздат НКИД, 1925. — Ч. 1. — 441 с.

2. *Сборник договоров* России с другими государствами. 1856—1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. — Москва : Госполитиздат, 1952. — 464 с.

3. DDF — *Documents* diplomatiques français (1871—1914). — Paris : Imprimerie nationale. — Série 1 (1871—1900); T. VII (1 janvier 1888 — 19 mars 1890). — 1937. — 793 p. ; T. VIII (20 mars 1890 — 28 août 1891). — 1938. — 787 p. ; T. X (21 août 1892 — 31 décembre 1893). — 1945. — 792 p.

4. *Die Große Politik* der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 7. Die Anfänge des Neuen Kurses. 1. Der Russische Draht. — Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924. — 481 S.

5. *Zur Europäischen Politik* 1897—1914. Unveröffentliche Dokumente. Bd. 2. 1905—1907. Marokkokrisis / Hrsg. B. Schwertfeger. — Berlin : Reimar Hobbing Verlag, 1919. — 205 S.

Литература

1. *История внешней* политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — Москва : Международные отношения, 1999. — 672 с. — ISBN 5-7133-1011-6.

2. *История дипломатии* : сборник / сост. А. Лактионов. — Москва : АСТ ; АСТ Москва, 2009. — 941 с. — ISBN 978-5-17-024959-6.

3. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза / А. З. Манфред. — Москва : Наука, 1975. — 375 с.

CC BY

4. *Мультатули П. В.* Император Николай II и франко-русский союз : начало и конец «медового месяца» (1894—1903) / П. В. Мультатули // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Социология. Политология. — 2017. — № 1. — С. 68—72.

5. *Нестерова Т. П.* Русско-французский союз конца XIX в. : политический и геополитический аспекты / Т. П. Нестерова // Россия. Романовы. Урал. — Екатеринбург : Банк Культурной Информации, 1995. — Выпуск 2. — С. 148—151.

6. *Рыбаченок И. С.* Россия и Франция : Союз интересов и союз сердец, 1891—1897 : Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню / И. С. Рыбаченок. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 278 с. — ISBN 5-8243-0144-X(с).

7. *Черников А. В.* От русско-французского союза к Антанте : эволюция от оборонительного союза к мировой войне / А. В. Черников // Провинциальные научные записки. — 2015. — № 1. — С. 89—97.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023,
одобрена после рецензирования 21.08.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

Adamov, E. A. (ed.). (1952). *Collection of treaties of Russia with other states. 1856—1917.* Moscow: Gospolitizdat. 464 p. (In Russ.).

DDF — *Documents diplomatiques français (1871—1914), 1 (1871—1900)*. Paris: Imprimerie nationale; T. VII (1 janvier 1888 — 19 mars 1890). — 1937. — 793 p. ; T. VIII (20 mars 1890 —— 28 août 1891). — 1938. — 787 p. ; T. X (21 août 1892 — 31 décembre 1893). — 1945. — 792 p. (In Frenc.).

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 7. Die Anfänge des Neuen Kurses. 1. Der Russische Draht. (1924). Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 481 S. (In Germ.).

Klyuchnikov, Yu. V., Sabanin, A. V. (1925). International politics of modern times in treaties, notes and declarations. In: *From the French Revolution to the imperialist War, 1.* Moscow: Litizdat NKID. 441 p. (In Russ.).

Zur Europäischen Politik 1897—1914. Unveröffentliche Dokumente. Bd. 2. 1905—1907. Marokkokrisis. (1919). Berlin: Reimar Hobbing Verlag. 205 S. (In Germ.).

References

Chernikov, A. V. (2015). From the Russian-French Alliance to the Entente: evolution from the defensive alliance to the World War. *Provincial Scientific Notes, 1:* 89—97. (In Russ.).

History of diplomacy: collection. (2009). Moscow: AST; AST Moscow. 941 p. ISBN 978-5-17-024959-6. (In Russ.).

Manfred, A. Z. (1975). *Formation of the Russian-French Union.* Moscow: Nauka. 375 p. (In Russ.).

Multatuli, P. V. (2017). Emperor Nicholas II and the Franco-Russian Union: the beginning and the end of the “honeymoon” (1894—1903). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Sociology. Political science, 1:* 68—72. (In Russ.).

Nesterova, T. P. (1995). The Russian-French Union of the late XIX century: political and geopolitical aspects. In: *Russia. The Romanovs. Ural, 2*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 148—151. (In Russ.).

Rybachenok, I. S. (2004). *Russia and France: Union of interests and Union of hearts, 1891—1897: Russian-French union in diplomatic documents, photographs, drawings, cartoons, poems, toasts and menus.* Moscow: ROSSPAN. 278 p. ISBN 5-8243-0144-X(c). (In Russ.).

The history of Russia's foreign policy. The end of the XIX — beginning of the XX century (From the Russian-French Union to the October Revolution). (1999). Moscow: International Relations. 672 p. ISBN 5-7133-1011-6. (In Russ.).

The article was submitted 16.05.2023;
approved after reviewing 21.08.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Арсланов Р. А. Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века : работа с политической агентурой / Р. А. Арсланов, П. А. Колпаков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 218—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235.

Arslanov, R. A., Kolpakov, P. A. (2023). Gendarmerie Railway Police of Russian Empire in Early 20th Century: Working with Political Agents. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 218-235. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235

Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века: работа с политической агентурой

Арсланов Рафаэль Амирович
orcid.org/0000-0003-3488-7917
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
ars_raf@mail.ru

Колпаков Петр Александрович *
orcid.org/0000-0002-1600-9937
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории России,
**** корреспондирующий автор***
1kolpakov1@ramble.ru

Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Gendarmerie Railway Police of Russian Empire in Early 20th Century: Working with Political Agents

Rafael A. Arslanov
orcid.org/0000-0003-3488-7917
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ars_raf@mail.ru

Petr A. Kolpakov *
orcid.org/0000-0002-1600-9937
PhD in History,
senior lecturer,
Department of Russian History,
**** Corresponding author***
1kolpakov1@ramble.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

© Арсланов Р. А., Колпаков П. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование исторического опыта взаимодействия жандармской железнодорожной полиции Российской империи с негласными осведомителями в политических организациях. Рассматриваются вопросы становления агентурной работы на железных дорогах, контроля ее эффективности, проверки благонадежности секретных сотрудников и выявления среди них провокаторов и шантажистов. Материалы для анализа извлечены из ранее не опубликованной секретной и совершенно секретной делопроизводственной документации жандармских полицейских управлений железных дорог. Приводится авторское определение агентурной работы. Подчеркивается, что при вербовке негласных осведомителей приоритет отдавался лицам, имевшим материальную заинтересованность в сотрудничестве с полицией. Показано, что ценность добывавшихся секретными сотрудниками сведений являлась главным критерием эффективности расходования денежных средств, ассигновавшихся на агентурную работу. Авторы останавливаются на том, что выстраивание железнодорожными жандармами отношений с конфидентами требовало осторожности вследствие возможности совершения последними попытки ликвидации куратора или предоставления ему дезинформации. Сделан вывод о том, что вменение в обязанность железнодорожной жандармерии вербовки политической агентуры и получения через нее сведений обосновывалось сдерживанием революционного движения, однако инертность при приобретении осведомителей и масштаб кризисных явлений в империи не позволили достичь поставленной цели.

Ключевые слова:
жандармская железнодорожная полиция; политическая агентура; агентурная работа; осведомитель; провокатор; революционное движение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the historical experience of interaction between the gendarmerie railway police of the Russian Empire and covert informants in political organizations. It explores the establishment of intelligence work on railways, the monitoring of its effectiveness, the verification of the reliability of secret agents, and the identification of provocateurs and blackmailers among them. The materials for analysis are extracted from previously unpublished secret and top-secret case files of the gendarmerie police departments of the railways. The authors provide their own definition of intelligence work. It is emphasized that priority was given to recruiting informants who had a financial interest in collaborating with the police. The study demonstrates that the value of information obtained by secret agents was the main criterion for evaluating the effectiveness of financial resources allocated to intelligence work. The authors highlight the need for caution in establishing relationships between railway gendarmes and informants due to the possibility of assassination attempts against handlers or the provision of misinformation. The study concludes that assigning the duty of recruiting political agents and obtaining information through them was justified by the need to suppress revolutionary movements, but inertia in acquiring informants and the scale of crises in the empire prevented the achievement of the set goal.

Key words:
Gendarmerie Railway Police; political agents; undercover work; informant; provocateur; revolutionary movement.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:[351.742:625.1](47)“191”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века : работа с политической агентурой

© Арсланов Р. А., Колпаков П. А., 2023

1. Введение = Introduction

Созданная в конце XVIII века в гатчинских войсках Павла I российская жандармерия выполняла в годы его правления функции военной полиции, надзирая за порядком в армии; при Александре I — была представлена элитными частями, выполнявшими задачи полицейских войск Внутренней стражи. После восстания на Сенатской площади в период с 1826 по 1827 годы был сформирован Корпус жандармов, ставший исполнительным органом «высшей полиции», призванной бороться с преступлениями против государства.

Для обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте, стремительно обретавшем в XIX столетии стратегическое значение, стала использоваться жандармская полиция. В 1844 году «для надзора за порядком на Николаевской железной дороге» было учреждено первое жандармское полицейское управление и при нем временный жандармский эскадрон [Высочайше утвержденный ..., 1856].

31 декабря 1866 года на жандармские полицейские управления железных дорог помимо «обязанностей наружной полиции», то есть надзора за порядком, были возложены «обязанности наблюдательные». Железнодорожные жандармы были выведены из ведомства Министерства путей сообщения и включены в структуру Корпуса жандармов [Именной, объявленный ..., 1866]. Отныне государство требовало от железнодорожных жандармов не только пресекать явные угрозы, но и искать пути для выявления преступных замыслов. Однако значение «чугунки» для политической стабильности еще не было в должной мере оценено: только в начале XX века в обязанность железнодорожных жандармов будет вменено создание в среде политического подполья, а также в криминальных кругах групп осведомителей.

За указанным направлением деятельности специальных служб прошлого и настоящего закрепилось наименование «*агентурная работа*». С учетом наиболее важных аспектов агентурной работы ее допустимо

CC BY

интерпретировать как негласный сбор информации при посредстве лиц, находящихся в представляющей интерес среде, а также подбор, вербовку (привлечение) и внедрение таких лиц.

Следует учесть, что ведение агентурной работы чинами жандармской железнодорожной полиции зачастую оказывается на периферии фокуса исследовательского внимания, находясь в тени служебной деятельности охранных отделений, специализировавшихся на политическом сыске.

Агентурная работа осуществлялась железнодорожными жандармами по двум основным направлениям: политическому и общеуголовному. Первое связано с получением сведений о деятельности находившихся вне закона политических организаций; второе — с выявлением намерений совершить преступления против собственности, общественного порядка, жизни и здоровья в пределах железных дорог. Кроме того, в годы Первой мировой войны жандармы получали информацию, представлявшую интерес для контрразведки. В данной статье будет рассмотрена организация работы с политической агентурой.

Научная проблема заключается в противоречии между сложившейся системой взглядов на роль жандармской железнодорожной полиции в деле использования негласных осведомителей и потребностью в ее переоценке на основе анализа впервые вводимого в научный оборот корпуса архивных материалов. Представленный ракурс исследования позволит выйти на новый уровень интерпретации значения жандармерии в отношении борьбы с революционной угрозой в Российской империи.

Актуальность теме придает необходимость осмысления методов и степени эффективности работы спецслужб по сохранению стабильности в обществе, находящемся в состоянии внутреннего и (или) внешнего конфликта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является реконструкция исторического опыта организации работы железнодорожной жандармерии с политической агентурой в России начала XX века.

Тема агентурной работы жандармов в эпоху Российской империи на сегодняшний день имеет обширную историографию. Первыми ее «разработчиками» стали сотрудники «высшей полиции» царской России, которые по долгу службы занимались вербовкой и взаимодействием с негласными осведомителями.

Особую ценность представляют работы П. П. Заварзина, посвятившего службе в Корпусе жандармов почти 20 лет своей жизни. В своих трудах «Работа тайной полиции» и «Жандармы и революционеры», опираясь на

CC BY

собственный опыт, жандарм раскрывает мотивы лиц, вставших на путь осведомительства; ошибки их кураторов; меры обеспечения секретности конспиративных квартир и многие другие практические вопросы [Заварзин, 1924; Заварзин, 1930].

Не менее информативными с точки зрения отражения агентурной работы и проведения дознаний по политическим делам являются воспоминания товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова [Курлов, 1923], практиков от полицейской работы А. П. Мартынова и А. И. Спиридовича [Мартынов, 1972; Спиридович, 2023].

Советская историография, пропуская через призму идеологии работу царских правоохранительных органов и специальных служб, наделяла жандармерию преимущественно негативными характеристиками. Служба жандарма противопоставлялась человеческой порядочности. П. Павлов в изданной в 1922 году работе «Агенты, жандармы, палачи» отзывался о жандармской инструкции по приобретению и ведению агентуры следующим образом: «Инструкция свидетельствует о растлении ее авторов, о величайшей их безнравственности и о пределах того нравственного развращения, которое несли они в население». Целью работы жандармов с секретными осведомителями П. Павлов видел не в приобретении сведений, а в провокации к инициированию совершения противозаконных действий лицами, в задержании которых «высшая полиция имела интерес» [Павлов, 1922, с. 5]. В значительной мере оценивал как тождественные явления провокаторство и противодействие революции Б. К. Эренфельд в работе «Тяжелый фронт» [Эренфельд, 1983].

Опыт общей и политической полиции Российской империи на современном этапе развития исторической науки привлекает значительное исследовательское внимание.

Огромная работа, направленная на изучение политического сыска в Российской империи, была осуществлена З. И. Перегудовой. Ее труд «Политический сыск России (1880–1917 гг.)» содержит результаты исследования учреждений, боровшихся с возмутителями государственной стабильности в Российской империи, как единой системы [Перегудова, 2000].

В работе О. Ю. Абакумова раскрывается характер сведений, которые негласные осведомители передавали жандармским чинам. Информация касалась вопросов поведения учащейся молодежи, настроений в расквартированных в столицах частях, а также злоупотреблений чиновников [Абакумов, 2017].

Именно в постсоветской исторической науке служба железнодорожных жандармов становится самостоятельным предметом исследований. Среди значимых работ необходимо выделить монографию Ю. В. Рыжовой «Жан-

CC BY

дармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи» [Рыжова, 2020]. Опубликован ряд статей, посвященных различным аспектам и историческим вехам службы жандармов на «чугунке»: организации и функциям [Фирсов, 2015], обеспечению безопасности на железнодорожном транспорте в Сибири [Померлян и др., 2018; Афонасьева, 2016], на Дальнем Востоке [Никонов, 2021а], в годы Русско-японской войны [Санин, 2014] и Первой Мировой войны [Потёмкин, 2019], моральному облику чинов жандармских полицейских управлений железных дорог [Никонов, 2021б]. Однако вопросы организации работы железнодорожных жандармов с политической агентурой не получили в работах историков достаточного освещения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление агентурной работы на железных дорогах

Активная роль, которую сыграли железнодорожники в революционных событиях 1905 года, их стачки, парализовавшие движение по стальным магистралям, заставили правительство привлечь жандармские полицейские управления железных дорог к выполнению функций политической полиции. Приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 года № 14528 на них были возложены обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях» политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог». Кроме того, железнодорожные жандармы обязывались иметь своих негласных осведомителей [Перегудова, 2000, с. 117].

19 августа 1906 года начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог поступило циркулярное распоряжение № 9489 о необходимости приобретения негласных осведомителей среди железнодорожных служащих. Документ, подписанный директором Департамента полиции М. И. Трусевичем, начинался с обоснования решения: «Тревожные события последнего времени, выразившиеся в непрерывном волнении среди различных слоев населения в целом ряде революционных выступлений вызвали необходимость ныне же организовать самую усиленную борьбу против означенных преступных течений, вследствие чего Департамент Полиции, обращая внимание на усиленную революционную пропаганду среди железнодорожных служащих и живущих в полосе отчуждения, признал необходимым привлечь к борьбе с революционным движением и жандармскую железнодорожную полицию». Учитывая особое значение своевременного обнаружения террористических групп и прекращения агитации среди железнодорожных служащих и располагавшихся в черте железных дорог войск, Департамент полиции МВД признал целесообразным для организации

CC BY

«совершенно секретного агентурного наблюдения» снабжать начальников жандармских полицейских управлений железных дорог денежными средствами на содержание секретных сотрудников. Стремясь достичь того, чтобы ассигнования были направлены на выплаты осведомителям, способным снабжать кураторов ценной информацией, Департамент полиции уведомлял начальство жандармской железнодорожной полиции о том, что деньги будут выделены «в случае действительного приобретения секретных сотрудников и в размерах, соответствующих кругу их деятельности». Для получения ассигнований надлежало предоставить сведения о вербовке агентов с указанием политических организаций, в которые они вхожи, о том, под какими псевдонимами они будут известны и о максимальном месячном вознаграждении, которое потребуется для получения представляющих служебный интерес сведений [ГАРФ, ф. 74, оп. 1, д. 30, л. 1—1 об.].

Необходимо обратить внимание на прагматичный характер рассмотренного выше циркуляра. Департамент полиции не призывал найти среди железнодорожных служащих убежденных монархистов, готовых раскрывать настроения среди членов политических кружков. Акцент был сделан на лицах, готовых за материальное вознаграждение играть двойную роль: иметь доверие в каком-либо политическом сообществе железнодорожных рабочих и служащих, при этом передавая сведения об активности и намерениях такого кружка жандарму. Указанный подход определялся тем, что вовлечение железнодорожников в революционное движение в первую очередь было связано с низкой оплатой и тяжелыми условиями их труда.

3.2. Контроль качества агентурной работы и целесообразности расходов на ее ведение

Ценность и содержательность добывавшихся негласными осведомителями сведений являлась главным критерием эффективности агентурной работы железнодорожных жандармов. Полицейское руководство стремилось не только приобрести источники информации внутри революционного движения, но и, кроме того, лишить жандармов соблазна присваивать себе денежные средства, выделявшиеся на агентурную работу, посредством списания их для выплаты несуществующим или не приносившим реальной пользы агентам.

О секретных сотрудниках, осуществлявших передачу сведений, начальники жандармских железнодорожных отделений докладывали вышестоящему начальнику управления. Отчет направлялся в табличной форме, где указывался псевдоним агента; его месячное содержание; дата вербовки; перечень организаций, в которых он состоял, сведения о том, какое положение он в них занимал; какую должность замещал на железной дороге [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 662, л. 11—12].

CC BY

Определенную специфику имел вопрос оплаты содействия агентов, которые были перемещены на новое место работы в пределах железной дороги. Причиной перевода осведомителя могло стать решение железнодорожной администрации, если, конечно, жандармская полиция не обращалась к ней с просьбой оставить того или иного сотрудника на старом месте. Однако такое ходатайство могло сделать известным его взаимодействие с железнодорожной полицией. Кроме того, перемещение могло осуществляться в интересах реализации разработки какого-либо кружка, на изучение которого ресурсов местных агентов не хватало. Устройство конфидента на новое место работы также было допустимо в случае возникновения угрозы его раскрытия. Идти на этот шаг жандарму, осуществлявшему кураторство, нужно было с чрезвычайной аккуратностью, так как резкое перемещение секретного сотрудника при возникновении подозрений у членов политической организации могло еще в большей степени их укрепить. Имели место случаи, когда вовлеченные в противоправительственную агитацию представители железнодорожной администрации компрометировали заподозренных в содействии жандармской полиции рабочих, например, обвинениями в совершении кражи имущества дороги для последующего увольнения [ГАРФ, ф. 75, оп. 4, д. 13, л. 3—3 об.].

Особенность осуществления оплаты перемещенного агента заключалась в том, что сразу по прибытии на новое место он, как правило, не был способен снабжать своего куратора информацией. Требовалось время на установление контактов и внедрение в новое политическое сообщество. Таким образом, жандарм оказывался в двояком положении: отсутствие результата не давало оснований для передачи денег, но отказ от выплат мог привести к тому, что секретный сотрудник прекратит внедрение. Нормативной регламентации решение этого вопроса не получило. Сложившаяся практика заключалась в том, что перемещенный агент в течение 2–3 месяцев продолжал получать установленное жалование, однако если в дальнейшем он также не давал ценных сведений, то оплата переставала быть ежемесячной. Куратор начинал передавать агенту деньги уже по каждому факту доставления представлявшей интерес информации до восстановления работы последнего на системной основе [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 90—90 об.].

Эффективность агентурной работы жандармских полицейских управлений железных дорог отслеживалась, а результаты ее обобщались созданными 14 декабря 1906 года по решению председателя Совета министров П. А. Столыпина районными охранными отделениями (РОО), выполнявшими руководящую роль в политическом сыске. Начальникам отделений жандармских полицейских управлений железных дорог надлежало направлять в РОО агентурные сведения в виде справок по каждой органи-

CC BY

зации отдельно по мере их поступления, не дожидаясь конца месяца, так как такое промедление могло обесценить информацию, уже ставшую устаревшей и непригодной к использованию. В случае отсутствия донесений от секретных сотрудников по окончании отчетного месяца в РОО передавались чистые листы по каждой организации с разъяснением о причинах отсутствия результатов [Там же, л. 161]. После ликвидации в 1914 году системы РОО руководящая роль в политическом сыске на местах была передана губернским жандармским управлениям.

Зачастую невысокое качество агентурной работы оставалось для МВД острой проблемой вплоть до прекращения существования в 1917 году царской России и разрушения ее государственного аппарата.

Подтверждением этого, например, может служить секретный приказ начальника Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железных дорог полковника Касаткина от 9 декабря 1908 года. Своим подчиненным полковник Касаткин сообщал, что денежные средства, необходимые для заведения и поощрения агентуры, им были получены. Ранее начальники отделений нередко обосновывали отсутствие результатов в деле приобретения информаторов именно отсутствием ассигнований: «От многих я слышал пожелания — лишь бы деньги были, а сотрудники найдутся. Теперь деньги есть: непрерывный аванс 300 рублей на политические розыски и 1100 рублей в год на уголовные». Также Касаткин акцентировал внимание начальников отделений, что сложности в получении денег на агентов также не должны быть объяснением неэффективного выполнения служебных обязанностей: «При этом поясняю, что в смысле формальностей по расходованию сумм на дела щепетильного свойства не потребуется каких-либо особенных документов» [ГАРФ, ф. 74, оп. 1, д. 30, л. 35—35 об.]. После направления распоряжения прошло два месяца, однако ни одного рапорта о приобретении конфидентов начальник Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железных дорог не получил. Свое крайнее недовольство полковник Касаткин выразил в секретном приказе начальникам отделений от 5 февраля 1909 года о заведении агентуры [Там же, л. 41—41 об.].

Инертность жандармской полиции относительно приобретения секретных сотрудников, способных информировать о политических настроениях железнодорожников и намерениях их радикальной части, была характерна не только для отдельно взятого Московско-Архангельского управления. К несчастью руководства МВД, это было системной чертой, присущей всей жандармской железнодорожной полиции. Спустя немногим менее 4 лет после возложения на жандармские железнодорожные подразделения агентурной работы директор Департамента полиции Н. П. Зуев в адресованном начальникам жандармских полицейских управлений железных до-

CC BY

рог совершенно секретном циркуляре от 15 мая 1910 года за № 125495 указывал последним на глубокую неудовлетворенность товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов П. Г. Курлова результативностью приобретения политической агентуры и работы с ней. За столь длительный срок многими жандармскими начальниками на железных дорогах действенных мер в данном направлении принято не было. Циркуляр указывал на их личную ответственность за результат.

Анализ данного распоряжения Департамента полиции МВД позволяет раскрыть позицию ведомства в отношении организации агентурной работы на железных дорогах. Постановка задачи приобретать конфидентов повсеместно, вне зависимости от условий участка «чугунки», вверенного тому или иному отделению, могла стать причиной массовой фальсификации отчетности. Она зачастую вела отдельных жандармских чинов на путь провокации, то есть сознательного создания условий для совершения железнодорожными рабочими и служащими преступления и его последующего пресечения для создания видимости реализации полученных агентурным путем сведений. Чтобы предупредить такие последствия, П. Г. Курловым было разрешено отделениям, на участках которых отсутствовали крупные мастерские и большие узловые станции, «иметь хотя и не партийную агентуру, но такую, которая бы освещала всю деятельность местного левого элемента (вспомогательных агентов)». Во всех наиболее серьезных железнодорожных пунктах, где присутствовало значительное число рабочих, приобретение партийных секретных сотрудников или, по крайней мере, лиц, ранее входивших в организации, примыкавших к ним или же имевшим связи с членами партий на почве родственных или личных отношений, декларировалось обязательной мерой: «...только осведомленность из таких источников может предупредить события, подобные бывшим в 1905 году».

Еще одной примечательной особенностью видения Департамента полиции агентурной работы является указание в циркуляре на тщетность надежд отдельных начальников жандармских полицейских управлений железных дорог на получение сведений от благонадежных железнодорожных служащих [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 167—167 об.]. Такой подход действительно в значительной степени был ограниченным и к агентурной работе имел самое отдаленное отношение. Во-первых, потому что он не обеспечивал реального внедрения в революционную среду. Благонадежным рабочий или служащий считался вследствие того, что радикальных идей не поддерживал и в кружках не состоял. Следовательно, доверие к нему со стороны партийных или им сочувствовавших было небольшое. Во-вторых, случайно подслушанные речи не были стойкой основой для рассекречивания революционных замыслов.

CC BY

3.3. Проверка благонадежности лиц, принимавшихся в негласные осведомители

Признание МВД необходимости ведения агентурной работы в пределах «чугунки» жандармскими полицейскими управлениями железных дорог и выделение ассигнований были важными шагами, однако по своей сути не предупреждающими, а «догоняющими» последствия политической турбулентности. К этой мере правительство подтолкнула стачка железнодорожников 1905 года. Вместе с тем только выделение для цели защиты государственности денежных средств было явно недостаточной мерой для создания надежной агентуры. Перед жандармами была поставлена задача понять железнодорожную среду, выявить именно тех людей, которые действительно были способны принести ценную информацию. Ее выполнение требовало реализации проверочных мероприятий в отношении лиц, к которым был совершен вербовочный подход. Так, начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог указывал подчиненным начальникам отделений на то, что «прежде чем пользоваться услугами секретных сотрудников необходимо убедиться, что: 1) они лица благонадежные; 2) не провокаторы; 3) состоят в организациях; 4) не состоят ли уже сотрудниками у других чинов губернских жандармских управлений или охранных отделений и, кроме того, 5) нельзя зря платить им деньги» [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 461, л. 17].

Показательным примером реализации такого рода мероприятий является судьба агента под псевдонимом «Брут». 28 октября 1910 года помощнику начальника Коломенского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистру Орловскому от начальника Рязанского отделения поступило уведомление о том, что завербованный секретарь Николай Андреев «Брут» должен выехать для прохождения «испытания начальника Московского охранного отделения» [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 35]. Охранке надлежало оценить способности Андреева и его нацеленность на сбор сведений об ячейке эсеров. В совершенно секретном уведомлении о необходимости направления агента для проверки ротмистр Орловский указывал на то, что жандарму, осуществившему вербовку, необходимо разъяснить «Бруту», что по прибытии в Москву его будет встречать мужчина «средних лет, с рыжеватыми усами и бородой небольшого размера, в пальто и барашковой шапке», в руке он будет держать красный платок. Агенту надлежало «молча подойти к этому человеку и затем также молча следовать за ним туда, куда тот пойдет или поедет на трамвае, до квартиры встретившего его человека» [Там же, л. 39–39 об.]. Сама по себе встреча на вокзале и следование до конспиративной квартиры, предназначенной для общения с секретными сотрудниками, являлась

CC BY

началом испытаний для агента, подобранного железнодорожным жандармом. Уже при знакомстве чин охранного отделения, осуществлявший сопровождение, имел возможность оценить способность завербованного выполнять простые задачи: обнаружить человека с достаточно подробно описанной внешностью и яркой деталью внешнего вида (платок), следовать, не выдавая себя праздными беседами относительно грядущего испытания.

Оценка вновь завербованных лиц, перед которыми ставилась задача негласного сбора информации среди железнодорожников, представляла собой сложный по содержанию процесс. Невозможно было оценить их навыки и устремленность к получению материального вознаграждения, которое предлагала полиция, опытным путем. Будущего филера — сотрудника, осуществлявшего наружное наблюдение, следовало проверить в деле. Возможность окончательно убедиться в преданности и чистоте намерений человека, выразившего согласие играть роль осведомителя, отсутствовала. Однако наблюдение за его аккуратностью в мелочах: в ходе приезда, установления контакта с встречавшим сотрудником, корректностью в ходе беседы — являлось определяющим для оценки пригодности для агентурной работы обстоятельством.

В Москве «Брута»-Андреева никто не встретил: его куратор отправил секретное сообщение в адрес Коломенского отделения непосредственно в день отъезда, 24 ноября 1910 года. В этот же день последний успел передать в Московское охранное отделение информацию о его убытии, однако «за поздним ее получением и расшифрованием» поезд № 5, на котором «Брут» должен был следовать, встречен не был. О достижении конечной точки маршрута кого бы то ни было он не уведомил, о чем ротмистр Орловский сообщил в Рязань [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 33—33 об.]. 26 ноября начальник Рязанского отделения секретным отношением подтвердил выезд «Брута» в Москву, однако о месте нахождения агента привлекшему его к сотрудничеству жандарму было неизвестно [Там же, л. 32]. К начальнику Рязанского отделения «Брут» вернулся только через три дня. Свое долгое отсутствие он объяснил тем, что по пути в Москву он «встретил в Горках деятеля революции и решил добыть от него сведения». Ситуация и рассказ агента, очевидно, вызвали сомнения у куратора, так как ни подробностей о встрече с революционером, ни отчета о ходе трехдневной разработки и ее результатах конкретных сведений передано не было [Там же, л. 31]. Агенту повторно были выданы денежные средства для оплаты билета в Москву, куда он проследовал на поезде.

Как и следовало ожидать, Николай Андреев испытание Московского охранного отделения не прошел. Ротмистр Орловский направил о нем начальнику Рязанского Отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог крайне негативный отзыв. Андреев был признан

CC BY

«совершенно непригодным для продолжения работы по секретному сотрудничеству и до известной степени даже опасным, так как он, не имея каких-либо действительных связей с партией социалистов-революционеров, может в лучшем случае лишь передавать слухи, не имеющие никакой розыскной ценности» [Там же, л. 30—30 об.]. Таким образом, склонность «Брута» к преувеличению своей осведомленности о настроениях в партийной среде, а также представлению слухов и фантазий в качестве агентурной информации была раскрыта в самом начале его работы с железнодорожной жандармерией.

3.4. Выявление провокаторов и шантажистов среди негласных осведомителей

Работа с политической агентурой железнодорожных жандармов по своей сути представляла собой комплекс актов взаимодействия между куратором и осведомителем. Ее сложность определялась как моральным состоянием агентов, многие из которых, играя двойную роль, начинали испытывать угрызения совести и ненависть к куратору, так и противодействием со стороны революционных кругов. Их борьба с полицейским внедрением проявлялась в уже упомянутом создании неблагоприятных условий для работы лиц, заподозренных в содействии жандармам, и даже в физическом устранении агентов. Целью революционеров были не только завербованные рабочие и служащие, но и осуществлявшие политический сыск офицеры. Под личиной склонившегося к содействию партийного активиста рядом с жандармом мог находиться дезинформирующий его провокатор или убийца, выжидавший момента для устранения своего куратора.

Меры предосторожности при взаимодействии с конфидентами, проверки правдивости представлявшихся ими сведений были неотъемлемой составляющей агентурной работы не только на этапе установления отношений с новым секретным сотрудником, но и в течение всего периода общения с ним. На неукоснительность их соблюдения Департамент полиции указывал всем вовлеченным в политический сыск. 18 декабря 1909 года начальникам губернских и железнодорожных жандармских управлений, охранных отделений и пограничных пунктов с пометкой «Лично. Совершенно доверительно» был направлен циркуляр № 140049. Документ сообщал адресатам о гибели начальника Санкт-Петербургского охранного отделения С. Г. Карпова. Находившийся в его разработке агент, заручившись доверием, потребовал нанять для встреч с ним отдельную конспиративную квартиру. Такая уступка позволила агенту заложить в квартире взрывное устройство и привести его в действие, вследствие чего С. Г. Карпов погиб [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 139].

Для предупреждения сближения железнодорожных жандармов с революционерами, преследовавшими цель ликвидации занимавшихся ведением агентурной работы чинов, осуществлялась рассылка сведений о лицах,

CC BY

имевших такого рода преступные намерения. Так, например, 4 декабря 1911 года начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог Фрейберг уведомил подчиненных начальников отделений о том, что по полученным агентурным сведениям проживавший в городе Санкт-Петербурге и состоявший членом Обуховского подрайона местной организации партии социалистов-революционеров Шлиссельбургский мещанин Илья Абрамов Юделевич имел намерение предложить одному из начальников розыскных органов свои услуги в качестве секретного сотрудника с целью «совершить на лицо, с которым он войдет по этому поводу в личные сношения, покушение посредством револьвера или отравленного кинжала, а затем покончит жизнь самоубийством». Фотографическая карточка Юделевича была приложена к циркуляру [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 739, л. 101].

Отследить, что еще вчера аккуратно исполнявший принятые обязательства агент на следующий день, следуя порыву совести или будучи раскрытым товарищами по партийной организации, не вознамерится содействовать делу революции, было чрезвычайно затруднительно. Наиболее психически устойчивые конфиденты могли выполнять роль двойного агента и долгое время оставаться не раскрытыми своим куратором, вводя его в заблуждение. Так, например, в ноябре 1910 года начальники отделений Московского жандармского полицейского управления железных дорог получили уведомление, что к ним под предлогом оказания содействия в сборе сведений может обратиться портниха из крестьян Нижегородской губернии Анна Николаева Максимова, которая ранее под псевдонимом «Петрова» сотрудничала с Асхабадским розыскным пунктом, но после возникновения подозрений в том, что она завербовалась с целью освещения деятельности розыскного пункта в интересах партии социалистов-революционеров, была уволена [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 1—1 об.].

Недоверие к агентуре вынудило особый отдел Департамента полиции (ведал политическим сыском) принять в 1913 году решение о том, что при следовании монарха и представителей императорской фамилии железнодорожным транспортом ни действующие, ни бывшие секретные сотрудники не должны были допускаться в полосу железнодорожного отчуждения [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 461, л. 164—164 об.].

Кроме заботы о собственной безопасности, железнодорожный жандарм при взаимодействии с секретным сотрудником постоянно должен был концентрироваться на качестве и законности агентурных сведений. Не редки были прецеденты, когда агент, не имея возможности добыть действительно ценную информацию, стремился продемонстрировать свою значимость и сохранить материальное обеспечение посредством предоставления надуманных сведений [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 8—8 об.].

CC BY

Негативные черты упомянутого выше «Брута» проявились практически сразу, однако очевидно, что отдельные агенты уже в процессе сотрудничества приходили к тому, что из своей приближенности к жандарму можно извлекать больше материальной выгоды, провоцируя преступления и донося о них, а также вымогая деньги шантажом у боявшихся по каким-то причинам полиции рабочих и служащих железной дороги. Привлекать уже скомпрометировавших себя агентов запрещалось, сведения о них распространялись среди начальников жандармских железнодорожных отделений [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 739, л. 6]. Для объективного понимания агентурной работы необходимо отметить, что в случае значительной ценности осведомителя, его глубокого внедрения в радикально настроенные круги исполнение запрета могло быть принесено в жертву в пользу результата. Работа с таким информированным агентом, склонным искать дополнительную выгоду из своего положения, требовала особой аккуратности.

4. Заключение = Conclusions

Вменение в 1906 году в обязанность железнодорожной жандармерии ведения агентурной работы для получения сведений о политических настроениях рабочих и служащих, их вовлеченности в антиправительственные движения и в целях пресечения преступных акций радикалов являлось в значительной степени запоздалой мерой правительства. Монархия недооценила распространение революционных идей среди железнодорожников, что стало причиной масштабной стачки 1905 года.

Характерной особенностью ведения агентурной работы в пределах железных дорог являлось использование денежных вознаграждений в качестве основного средства склонения потенциального осведомителя к сотрудничеству.

Началу работы в интересах жандармской полиции предшествовала проверка благонадежности завербованных и их способности приносить ценные сведения. Такая проверка осуществлялась чинами ведавших политическим сыском охранных отделений.

Постановка агентурной работы в политической среде в пределах железных дорог осуществлялась многими жандармами достаточно инертно, о чем свидетельствует служебная переписка на уровне отдельных железнодорожных жандармских управлений и Департамента полиции МВД.

Важным аспектом организации работы с политической агентурой чинами жандармской железнодорожной полиции Российской империи в начале XX века являлось выявление среди осведомителей провокаторов, действовавших в интересах политических организаций, в которые осуществлялось внедрение.

CC BY

Необходимо отметить, что агентурная работа была достаточно сложным направлением служебной деятельности железнодорожных жандармов, требовавшим от них высокого интеллекта, а также способности навязывать завербованным свою волю. Однако эта часть полицейской деятельности с точки зрения моральной оценки неоднозначно воспринималась не только обществом в целом, но и многими чинами Корпуса жандармов.

Вменение в обязанность жандармской железнодорожной полиции ведения агентурной работы обосновывалось целями сохранения стабильности в государстве. Однако нехватка кадров, способных эффективно работать с осведомителями, инертность при приобретении агентуры и масштаб социально-политического кризиса не позволили остановить революционное движение.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Высочайше* утвержденный всеподданейший доклад главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями о сокращении штата полицейского управления Николаевской железной дороги от 12 января 1856 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание II. — Т. 31. — Ч. 1. — № 30046. — С. 24—25.

2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 59. Оп. 1. Д. 148, 461, 662, 710, 739 ; Ф. 74. Оп. 1. Д. 30 ; Ф. 75. Оп. 4. Д. 13.

3. *Именной*, объявленный в приказе военного министра указ об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог от 31 декабря 1866 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание II. — Т. 41. — Ч. 2. — № 44071. — С. 532.

Литература

1. *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком / О. Ю. Абакумов. — Москва : Центрполиграф, 2017. — 319 с. — ISBN 978-5-227-07747-9.

2. *Афонасьева О. В.* Деятельность Ишимского отделения Омского жандармского полицейского управления железных дорог в 1914—1917 гг. (по документам Тюменского государственного архива) / О. В. Афонасьева // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8. — № 6-1. — С. 47—50.

3. *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры : воспоминания / П. П. Заварзин. — Париж : [Издание автора], 1930. — 255 с.

4. *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции / П. П. Заварзин. — Париж : Франко-русская печать, 1924. — 174 с.

5. *Курлов П. Г.* Конец русского царизма : воспоминания бывшего командира корпуса жандармов / П. Г. Курлов. — Москва : Государственное издательство, 1923. — 296 с.

CC BY

6. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов : воспоминания / А. П. Мартынов. — Стэнфорд : Hoover Institution Press, Stanford University, 1972. — 351 с.

7. *Никонов К. О.* К вопросу о становлении жандармских полицейских управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / К. О. Никонов // Современная научная мысль. — 2021а. — № 3. — С. 26—32.

8. *Никонов К. О.* Моральный облик чинов жандармских полицейских управлений железных дорог Дальнего Востока Российской империи на рубеже XIX — XX вв. / К. О. Никонов // Общество : философия, история, культура. — 2021б. — № 3(83). — С. 70—73.

9. *Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи / П. Павлов. — Петроград : Былое, 1922. — 77 с.

10. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917) / З. И. Перегудова. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 430 с.

11. *Померлян А. Н.* Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893—1917) / А. Н. Померлян, В. Е. Санин // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 2 (22). — С. 27—32.

12. *Потёмкин И. А.* Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой Мировой войны / И. А. Потёмкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2019. — № 4(52). — С. 103—112.

13. *Рыжова Ю. В.* Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи / Ю. В. Рыжова. — Москва : Проспект, 2020. — 136 с. — ISBN 978-5-392-30954-2.

14. *Санин В. Е.* Деятельность жандармского полицейского управления Сибирской железной дорогам по обеспечению безопасности перевозок на магистралях региона в годы Русско-японской войны (1904—1905 гг.) / В. Е. Санин // В мире научных открытий. — 2014. — № 11-8(59). — С. 3228—3241.

15. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / А. И. Спиридович. — Москва : АСТ, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-17-154786-8.

16. *Фирсов И. Ф.* Организация охраны железных дорог в Российской империи / И. Ф. Фирсов // История в подробностях. — 2015. — № 8(62). — С. 20—23.

17. *Эренфельд Б. К.* Тяжелый фронт: из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией / Б. К. Эренфельд. — Москва : Политиздат, 1983. — 142 с.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023,
одобрена после рецензирования 17.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

GARF — *State Archives of the Russian Federation*. (In Russ.).

Personal decree on the duties and subordination of gendarmerie police departments of railways dated December 31, 1866, announced in the order of the Minister of War. In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: II, 41(2)*. No 44071: p. 532.

The most highly approved report of the chief manager of communications and public buildings on the reduction of the staff of the police department of the Nikolaev railway dated January 12, 1856 In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: II, 31(1)*. No 30046: 24-25.

CC BY

References

Abakumov, O. Yu. (2017). *The third department is guarding morality and decency. Gendarmes in the fight against bribes and vice*. Moscow: Tsentrpoligraf. 319 p. ISBN: 978-5-227-07747-9. (In Russ.).

Afonasyeva, O. V. (2016). Activities of the Ishim branch of the Omsk Gendarmerie Police Department of Railways in 1914-1917 (according to documents of the Tyumen State Archive). *Historical and social-educational thought, 8*(6-1): 47-50. (In Russ.).

Ehrenfeld, B. K. (1983). *Heavy front: from the history of the struggle of the Bolsheviks with the Tsarist secret police*. Moscow: Politizdat. 142 p. (In Russ.).

Firsov, I. F. (2015). Organization of railway protection in the Russian Empire. *History in detail, 8*(62): 20-23. (In Russ.).

Kurlov, P. G. (1923). *The end of Russian tsarism. Memoirs of the former commander of the gendarme corps*. Moscow: State Publishing House. 296 p. (In Russ.).

Martynov, A. P. (1972). *My service in the Separate Corps of Gendarmes*. *Memories*. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University. 351 p. (In Russ.).

Nikonov, K. O. (2021a). On the issue of the formation of gendarme police departments of railways in the Far East of Russia (late XIX – early XX centuries). *Modern scientific thought, 3*: 26-32. (In Russ.).

Nikonov, K. O. (2021b). The moral character of the gendarmerie police departments of the railways of the Far East of the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries. *Society: philosophy, history, culture, 3*(83): 70-73. (In Russ.).

Pavlov, P. (1922). *Agents, gendarmes, executioners*. Petrograd: Bygone. 77 p. (In Russ.).

Peregudova, Z. I. (2000). *Political investigation of Russia (1880-1917)*. Moscow: ROSSPEN. 430 p. (In Russ.).

Pomerlyan, A. N., Sanin, V. E. (2018). Management of the gendarme police department of the Siberian Railway (1893-1917). *Altai Legal Bulletin, 2*(22): 27-32. (In Russ.).

Potemkin, I. A. (2019). Main directions of activity and interaction of gendarme police departments of railways during the First World War. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 4*(52): 103—112. (In Russ.).

Ryzhova, Yu. V. (2020). *Gendarmerie police departments of railways in the transport security system of the Russian Empire*. Moscow: Prospekt.136 p. ISBN 978-5-392-30954-2. (In Russ.).

Sanin, V. E. (2014). Activities of the gendarme police department of the Siberian Railways to ensure the safety of transportation on the region's highways during the Russo-Japanese War (1904-1905). *In the world of scientific discoveries, 11-8*(59): 3228—3241. (In Russ.).

Spiridovich, A. I. (2023). *Notes of a gendarme*. Moscow: AST. 320 p. ISBN 978-5-17-154786-8. (In Russ.).

Zavarzin, P. P. (1924). *The work of the secret police*. Paris: Franco-Russian press. 174 p. (In Russ.).

Zavarzin, P. P. (1930). *Gendarmes and revolutionaries: memories*. Paris: [Author's edition]. 255 p. (In Russ.).

The article was submitted 17.07.2023;
approved after reviewing 17.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Баранов А. В. Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах / А. В. Баранов, В. В. Касьянов, Ю. А. Яхутль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 236—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253.

Baranov, A. V., Kasyanov, V. V., Yakhutl, Y. A. (2023). Power Relations and Rural Population in Kuban-Black Sea Region during 1921—1924. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 236-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253

Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах

Баранов Андрей Владимирович *
orcid.org/0000-0001-7109-3062
доктор исторических наук,
доктор политических наук,
профессор кафедры политологии
и политического управления,
**** корреспондирующий автор***
baranovandrew@mail.ru

Касьянов Валерий Владимирович
orcid.org/0000-0002-9844-1802
доктор исторических наук,
доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории России
culture@kubsu.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич
orcid.org/0000-0002-6750-4110
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
a075ca@yandex.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Power Relations and Rural Population in Kuban-Black Sea Region during 1921—1924

Andrey V. Baranov *
orcid.org/0000-0001-7109-3062
Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor,
Department of Political Science
and Political Management,
**** Corresponding author***
baranovandrew@mail.ru

Valery V. Kasyanov
orcid.org/0000-0002-9844-1802
Doctor of History,
Doctor of Sociological Sciences
Professor, Head of the Department
of Russian History
culture@kubsu.ru

Yuri A. Yakhutl
orcid.org/0000-0002-6750-4110
Doctor of History, Associate Professor,
Professor of the Department
of Russian History
a075ca@yandex.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

© Баранов А. В., Касьянов В. В., Яхутль Ю. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются реформы взаимоотношений власти и сельского населения Кубано-Черноморской области при переходе к новой экономической политике (март 1921—1924 годов). Работа выполнена на материалах партийных и государственных органов власти, статистики. Применены системный подход и диахронный сравнительный анализ. Авторы доказывают, что система взаимоотношений власти с сельским населением Кубано-Черноморья до осени 1922 года сохраняла преобладание признаков «военного коммунизма»: принудительности и произвольности налогообложения, назначаемости органов управления, репрессий. Отмечается, что специфика региона проявлялась в сочетании классового и сословного размежеваний общества, расказачивании. Показано, что переход к НЭПу потребовал коренным образом изменить отношения власти с крестьянством: перейти к принципам материальной заинтересованности и гражданского мира, сделать лояльными середняков и казачество. Подчеркивается, что отношение к нэпу противоречиво, местные партийные и советские работники предпочитали опираться на военно-коммунистические методы. Авторы приходят к выводу, что сформировалась противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения в ходе продовольственной, земельной политики и во время выборов Советов. К осени 1924 года РКП(б) вынуждена согласиться на уступки крестьянству по основным аспектам реформ.

Ключевые слова:
власть; сельское население; новая экономическая политика; система взаимоотношений; формирование; Кубано-Черноморская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the reforms in power relations between the government and rural population in the Kuban-Black Sea region during the transition to the New Economic Policy (March 1921—1924). The study is based on materials from party and state authorities, as well as statistics. A systemic approach and diachronic comparative analysis are applied. The authors argue that until the fall of 1922, the system of power relations with the rural population in Kuban-Black Sea region maintained the predominance of the features of “war communism”: compulsory and arbitrary taxation, appointment of governing bodies, and repression. The specificity of the region was manifested in the combination of class and estate divisions of society, as well as Cossackization. It is shown that the transition to the NEP required a fundamental change in power relations with the peasantry, shifting towards the principles of material interest and civil peace, making the middle class and Cossacks loyal. It is emphasized that attitudes towards the NEP were contradictory, with local party and Soviet workers preferring to rely on military-communist methods. The authors conclude that a contradictory system of power and social relations was formed based on compromises and indirect coercion during food and land policies and during elections to the Soviets. By the fall of 1924, the RCP(b) was forced to concede to peasant demands on key aspects of reform.

Key words:
power; rural population; New Economic Policy; system of relations; formation; Kuban-Black Sea region.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.3+338.43(470.62)“1921/1924”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах

© Баранов А. В., Касьянов В. В., Яхутль Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование реформ взаимоотношений власти и сельского населения периода перехода к новой экономической политике (1921—1924 годы) актуально для осмысления принятия стратегических решений, поиска компромиссов между властью и обществом. Научная проблема мало исследована на материалах Кубани и Черноморья, где переход к НЭПу имел значительные особенности ввиду затяжной и жестокой Гражданской войны, переплетения классовых и сословных факторов противостояния. Тема актуальна для углублённых исследований общественного мнения казачества и крестьянства, разработки методов регулирования региональных конфликтов.

Степень исследованности научной проблемы нельзя признать достаточной. Авторы советских публикаций 1920-х годов: Г. В. Ладоха, И. М. Клейнер, Н. Т. Лихницкий — освещали прежде всего вопросы классового расслоения казачества и крестьянства, подавления «политического бандитизма» [Ладоха, 1923; Клейнер, 1924; Лихницкий, 1931]. Их работы находились на грани между публицистикой и историческим описанием. В 1930 — первой половине 1950-х годов изучение темы почти прекратилось, переход к НЭПу расценивался как вынужденное отступление пролетарской власти перед мелкобуржуазной стихией [Генкина, 1954]. Этап исследований 1956—1988 годов характеризуется постепенным расширением комплекса источников, разработкой новых аспектов, среди которых поиск согласия между властью и казачеством, переход к рыночным методам регулирования социального расслоения. Упомянем важные работы Я. А. Перехова [Перехов, 1966] и В. Е. Щетнёва [Щетнёв, 1967].

Современный этап исследований выделен по критерию методологического и идейного плюрализма; он наступает в конце 1980-х годов и продолжается по сей день. Для работ современных историков значимы освоение междисциплинарных подходов (исторической социологии и психологии, истории повседневности), переосмысление проблемы отношений между властью и крестьянством на основе цивилизационного подхода. В данном контексте важны работы Я. А. Перехова [Перехов, 1997], С. А. Кисли-

CC BY

цына [Кислицын, 1996], А. В. Баранова [Баранов, 1999], А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна [Скорик и др., 2010], Т. В. Панковой-Козочкиной [Панкова-Козочкина, 2012], В. Д. Дзидзоева [Дзидзоев, 2020], А. В. Баранова и Ю. А. Яхутля [Баранов и др., 2022]. Их авторы отмечают постепенность и противоречивость перехода к НЭПу на Юге России, вводят в научный оборот новые источники о повстанческом движении и оппозиционных настроениях земледельцев.

Специализированных зарубежных работ о переходе к НЭПу на примере Кубано-Черноморья нет, но методологически полезны труды американских историков: В. Н. Бровкина о роли социальных групп в Гражданской войне [Brovkin, 1994] и Д. Э. Пеннер о взаимоотношениях власти с казачеством на Дону в 1920-х годах [Penner, 1995].

Несмотря на многочисленность научных работ, слабо изучены такие важные аспекты темы, как внутрипартийные дискуссии в Кубано-Черноморской областной организации РКП(б), повстанческое движение казаков и крестьян.

Новизна статьи проявляется в исследовании позиции существовавших в тот период органов власти Кубано-Черноморской области по вопросу о взаимоотношениях с казачеством и крестьянством, в анализе документов повстанческих организаций.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — оценить реформы взаимоотношений власти и сельского населения Кубано-Черноморской области при переходе к новой экономической политике (март 1921 — осень 1924 годов).

Источниковая база статьи состоит из неопубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Российского государственного военного архива (далее — РГВА), Центров документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО) и Краснодарского края (далее — ЦДНИКК), Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Наибольший интерес представляют документы Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) (фонд 1 ЦДНИКК), Кубано-Черноморского областного революционного комитета (фонд Р-158 ГАКК) и отдела управления областного ревкома (фонд Р-102 ГАКК). Среди опубликованных источников существенное значение имеют воспоминания секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. И. Микояна [Микоян, 1975], сборники информационных сводок и обзоров органов ВЧК [Советская деревня, 1998, т. 1]. Впервые введён в научный оборот ряд документов: обзоры и разведывательные сводки штаба Северо-Кавказского военного округа (ф. 5896 РГВА) и штаба

CC BY

9-й Кубанской армии (ф. 192 РГВА), отчёты местных партийных организаций РКП(б), листовки повстанческих организаций, публицистические работы оппозиционных политиков [Воронович, 1922; Макаренко, 1926].

Применены системный подход и диахронный сравнительный анализ. В соответствии с системным подходом изучены направления и компоненты взаимоотношений органов власти с сельским населением Кубано-Черноморской области, причинно-следственные связи между политическими решениями органов власти и общественными настроениями различных слоёв земледельцев. Диахронный сравнительный анализ обеспечил выяснение сходств и различий во взаимодействии власти с сельским населением на различных этапах становления НЭПа. Проведена классификация видов и форм взаимодействий органов власти с сельским населением на интервале весны 1921 — осени 1924 года.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условия перехода от политики «военного коммунизма» к НЭПу в Кубано-Черноморской области

Кубано-Черноморская область относится к тем регионам Юга России, где Гражданская война была наиболее затяжной и ожесточённой. Классовые и политические размежевания общества в области переплетались с сословными. Так, кубанское казачество (45,8 % населения) владело 80 % используемых земель [Одинцов, 1927, с. 11]. Это вызвало острый конфликт между казачеством и «иногородним» крестьянством, лишь арендовавшим землю и быстро умножавшимся вследствие миграции из Центральной России; душевой надел казака превышал крестьянский почти в 3 раза к началу 1923 года. Среди казаков в большей мере, чем среди «иногородних», был выражен зажиточный слой (23,8 % против 11,8 % в 1917 году) [Козлов, 1977, с. 114]. При этом, согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 18 ноября 1920 года, трудовое землепользование казаков сохранялось в дореволюционном объёме, поскольку передел угодий взорвал бы политическую стабильность на Юге России.

Наступление Красной армии в марте 1920 года позволило восстановить советскую власть на Кубани и Черноморье. Но завершение действий регулярных армий не означало, что закончилась Гражданская война. Этот период характеризовался ростом экономического и политического кризиса, усугублением противостояния населения и власти. Политика «военного коммунизма» вызвала острое неприятие в первую очередь сельского населения. Политический и экономический кризис конца 1920 года — начала 1921 года, возникший вследствие политики «военного коммунизма», спровоцировал повстанческое движение казаков и зажиточных крестьян, которое было способно затянуть Гражданскую войну.

CC BY

На Кубани и Черноморье уже в апреле 1920 года создаются отряды «бело-зеленых» из числа бывших офицеров и солдат Добровольческой армии, казаков, дезертиров. Причинами быстрого роста недовольства казачества и зажиточной части крестьянства стали чрезмерные размеры продразверстки, повышенные вчетверо летом 1920 года с 30 до 120 млн пудов для всего Юга России [Коллективизация…, 1977, т. 1, с. 7; Воронович, 1922, с. 58—63].

Один из первых приказов Кубано-Черноморского ревкома № 26 от 9 апреля 1920 года определял порядок принудительного изъятия продовольствия у местного населения для его транспортировки в Центральную Россию [ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 11, л. 22]. Летом 1920 года на Кубани сложилась критическая ситуация со сбором хлеба, большинство хлебозаготовительных пунктов простаивало, так как казаки и крестьяне отказывались привозить хлеб. Областное продовольственное совещание ввело военную и экономическую блокаду станиц [ГАКК, ф. Р-581, оп. 1, д. 189, л. 5].

Вследствие продовольственного кризиса поддержка Советской власти в Кубано-Черноморской области сменилась вначале пассивным сопротивлением, а затем — ростом повстанческого движения [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 136]. Летом 1920 года активно проявляли себя отряды генерала М. А. Фостикова, полковников П. А. Савицкого, Сухенко и Скакуна, есаула В. Ф. Рябоконя и др. [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 17].

Рост антибольшевистских настроений был связан с непопулярностью назначаемых ревкомов, которые по способам формирования и деятельности противоречили традициям казачьего самоуправления. Политика ревкомов, по мнению казаков, выражала интересы «иногородних» крестьян и красноармейцев, которые узурпировали власть [Макаренко, 1926, с. 80—83]. Но главное, что ревкомы были орудием в руках РКП(б).

Кубано-Черноморский областной ревком мог противопоставить нарастающему сопротивлению лишь военный контроль над территорией, который обеспечивался 9-й армией и органами ЧК. По мере нарастающего кризиса местные органы власти принимали противоречивые решения. Так, для расширения социальной опоры власти весной 1920 года в области стали проводить беспартийные крестьянские конференции. Командование Кавказским фронтом в приказе от 29 июня 1920 года грозило повстанцам высшей мерой наказания, а Реввоенсовет 9-й армии гарантировал казакам прощение за «ошибки» и отказывался от «репрессий за прошлое» [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 4, л. 49]. Но это не означало отказа от взятия заложников и вынесения смертных приговоров или заключения в лагеря за невыполнение продразверстки, поддержку мятежников [ГАКК, ф. Р-756, оп. 1, д. 770, л. 4]. Только с 9 июля по 22 августа 1920 года было расстреляно 519 жите-

CC BY

лей области [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 112, л. 29]. Политика «военного коммунизма» провоцировала открытое недовольство казачества. По мнению Рабоче-крестьянской инспекции Кубано-Черноморской области, до 30 % населенных пунктов в 1920—1921 годы находились под влиянием «белозеленых» [ГАКК, ф. Р-990, оп. 2, д. 112, л. 4].

3.2. Особенности перехода от продразвёрстки к продналогу в регионе

Рост мятежей способствовал постепенному изменению продовольственной политики начиная с марта 1921 года, когда X съезд РКП(б) принял решение о замене продразвёрстки натуральным продналогом. Данный вопрос обсуждался и на VI Кубано-Черноморской областной партийной конференции 24 марта 1921 года [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 293, л. 102]. Началась активная разъяснительная работа среди партийных и продовольственных работников, сельского населения. 15 апреля 1921 года расширенный пленум облисполкома Советов предложил прекратить уголовные дела, возбуждённые в отношении сельского населения по вопросам сбора продовольствия.

Большинство партийных активистов воспользовалось продовольственным нарядом для сопротивления нэпу. Характерна борьба на пленуме Кубано-Черноморского обкома РКП(б) 24 апреля 1921 года. Секретарь обкома М. С. Эпштейн добился принятия тезисов, одобрявших раскулачивание и массовый захват заложников, расширение сети карательных органов. Неплательщиков налога и повстанцев ждала конфискация имущества, их семьи высылались на Север страны. М. С. Эпштейн настаивал: «...никаких политических демократических уклонов на Кубани не может быть. Здесь должна быть прямолинейность, настойчивость и диктатура партии...» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 20—20 а, 15 а, 15 б].

Напротив, сторонники реформ осудили «проднаряд» и произвольное определение размеров разверстки. Они создали группу, предложившую пленуму обкома в своём особом мнении допустить частную торговлю и снизить налоги. П. Н. Гудима в июле 1921 года предложил разрешить кооперативную торговлю по свободным ценам и деятельность банков, допустить участие коммунистов в артелях [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 22, 22 а, 26].

На деле методы продразвёрстки активно применялись весь 1921 год и до лета 1922 года. Декреты ВЦИК о замене продразверстки продналогом и размерах налога на 1921—1922 годы ещё не сформировали целостную новую политику. Руководство РКП(б) надеялось на то, что снижение налога повысит производительность крестьянских хозяйств [Ленин, 1977, т. 44, с. 7]. Но истощённые станицы не могли выполнить даже сокращенные нормы. Сельские жители Кубани и Черноморья за первый год нэпа не

CC BY

увидели различий между продразвёрсткой и продналогом. В области согласно решению СНК РСФСР проводился сбор единовременного продналога в размере 5,5 млн пудов зерновых, несмотря на голод. Действовали посевные комитеты, принудительно контролировавшие работы в сельском хозяйстве. Местные партийные, советские и продовольственные работники не делали различий между продразверсткой и продналогом [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 53]. Налоговая кампания велась с применением репрессий (блокирования станиц продотрядами, запрета торговли, взятия заложников) [Скорик и др., 2010, с. 356—358]. Областная ЧК сообщала в телеграмме от 8 мая 1921 года, что в апреле настроение хлеборобов ухудшилось ввиду развёрстки на мясо и яйца, единовременного продналога, нехватки зерна для посевной кампании [Советская деревня…, 1998, т. 1, с. 426]. Об этом свидетельствует и телеграмма секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. Г. Белобородова В. И. Ленину от 23 апреля 1921 года: «В разрешении свободной торговли пока что до выполнения хлебного наряда приходится действовать осторожно. Заградотряды стоят. Разрешено продавать на базарах и привозить, за исключением хлеба и фуража в зерне и муке. “Торжище” в широких размерах ещё не началось» [Большевистское руководство…, 1996, с. 203]. Как признавал его преемник в должности А. И. Микоян, летом 1922 года «мы решили с самого начала кампании полностью отказаться от применения вооруженной силы, к чему до этого приходилось, к сожалению, нередко прибегать» [Микоян, 1975, с. 188]. Но и летом 1922 года «некоторые товарищи, справедливо отмечая недостаточность средств в местном бюджете и ссылаясь на хороший урожай, предлагали ввести помимо основного продналога дополнительное налоговое обложение населения» [Там же, с. 189].

Начиная с лета 1920 года по осень 1922 года Кубано-Черноморская область была охвачена повстанческими выступлениями, что заставило объявить регион на военном положении. А. Г. Белобородов сообщал В. И. Ленину 23 апреля 1921 года: «Кубань бурлит. Разрозненные банды начинают объединяться, достигая иногда численности 400—500 бойцов. Движением руководят некоторые члены Рады, скрывшиеся из Екатеринодара. До сих пор не могут ликвидировать восстания казаков, вспыхнувшего между Армавиром и Ставрополем» [Большевистское руководство…, 1996, с. 203]. В середине мая 1921 года были разгромлены в районе ст. Невинномысской отряды «Народных войск Северного Кавказа» под руководством полковника В. А. Даутокова-Серебрякова [РГВА, ф. 192, оп. 3, д. 775, л. 3]. Штаб Северо-Кавказского военного округа докладывал 5 июня 1921 года Реввоенсовету Республики: «Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаек,

CC BY

причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпашинский отделы наиболее опасны по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения...» [РГВА, ф. 25896, оп. 3, д. 13, л. 231]. Казачество и зажиточная часть крестьян были «недовольны бестактным поведением местных органов, проводящих сбор проднаряда», как признавалось в Государственной информационной сводке № 2085 полпредства ВЧК по Юго-Востоку России от 16 июня 1921 года [Советская деревня…, 1998, т. 1, с. 455—456]. В Краснодарском отделе хлеборобы возмущались завышением ставок налога с 15—35 до 60—65 пуд. зерна с десятины [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 110, л. 48].

Идейная ориентация повстанцев отличалась преобладанием лозунгов эсеровского «трудовластия» и казачьей «самостийности». Подчас выдвигалось требование созвать Учредительное собрание. Типичны листовки «Кубанской повстанческой армии», написанные бывшими членами областной Рады, перешедшими на сторону большевиков в марте 1920 года, а в декабре 1920 года — напротив, к повстанцам, — М. П. Пилюком и П. А. Савицким. В них «кубанский народ» (все жители области до 1914 года) противопоставлен «паразитам-пришельцам». Выдвигаемые лозунги: независимая Кубань, истинное народоправство; свобода личности «без подвалов и чрезвычаек»; земля для всех трудящихся, взятая без выкупа у помещиков и капиталистов; неприкосновенность трудовой собственности. Составители листовок заявляли, что «власть новых русских дворян — господ коммунистов, получивших ханский ярлык на Кубани», не имеет ничего общего с нуждами тружеников-красноармейцев. Призыв установить «истинную советскую рабоче-крестьянскую власть» сочетался с сепаратистским лозунгом: «не надо нам ни монархистов, ни коммунистов, Кубань для кубанцев» [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 168—168 об; д. 138, л. 60 об; Р-382, оп. 1, д. 228, л. 127, Советская деревня…, т. 1, с. 412, 415]. Из сводок органов ВЧК известно и о монархическом течении среди «бело-зелёных». Его представляли «Армия возрождения России» генерала М. А. Фостикова и «Штаб помощи Русской армии» полковника М. Н. Жукова. Они, как и «самостийники», стремились привлечь к себе крестьян, поскольку те «тоже терпят гнёт Коммуны». Но их листовки отличались призывами к защите православия и антисемитизмом [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 60; ф. Р-411, оп. 2, д. 198, л. 1—9].

Количество повстанцев в Кубано-Черноморской области достигало наибольших размеров осенью 1920 — весной 1921 года (до 7 тыс. чел.), снизившись к октябрю 1921 года до 3,1 тыс. чел. Перелом в подавлении мятежей был достигнут летом 1922 года [Краткий периодический обзор…, 1922, с. 18—19] благодаря амнистии рядовых повстанцев и переходу к за-

CC BY

конным способам сбора налогов. Последние отряды «бело-зелёных» были ликвидированы осенью 1924 года.

3.3. Реформы аграрной политики в Кубано-Черноморской области

Большевики были вынуждены постепенно переходить на экономические методы, выстраивая взаимоотношения с сельским населением в расчёте на компромисс интересов. Это заставило к концу 1922 года реформировать налоговую систему. V Кубано-Черноморская конференция РКП(б) в декабре 1922 года признала аренду земли и частный найм рабочей силы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 39, 43—43 об, 33]. Достижением можно считать решения XII съезда РКП(б), признавшие право крестьян самостоятельно распоряжаться продуктами труда. Для Кубано-Черноморской области это имело определяющее значение, так многие бедные хозяйства отказывались от земельных наделов как объекта налогообложения, возвращая их в земельные фонды [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 544, л. 22]. Вследствие решений XII съезда РКП(б) ВЦИК и СНК 10 мая 1923 года ввели единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) в денежной форме вместо натуральных налогов. Почти на 2/3 снизились размеры налогообложения.

Дефицит бюджета кубанских хозяйств составил 3 млн рублей, что вынуждало продавать скот и инвентарь. Усилилась натурализация хозяйства [Смирнский, 1924, с. 15—16]. Из-за нехватки у крестьян денег и по причине неразвитости торгово-закупочной инфраструктуры ЕСХН вызвал снижение цен на сельскохозяйственную продукцию. Как следствие, ЕСХН был выполнен в 1923 году в основном в натуральной форме [ГАКК, ф. Р-581, оп. 1, д. 133, л. 10]. Большевики продолжали следовать классовым принципам, предоставляя налоговые льготы беднейшей части сельского населения.

В Кубано-Черноморской области в начале 1924 года в сельском хозяйстве назревал очередной кризис, который требовал принятия политических решений. Недовольство казаков и крестьян, связанное с налоговой политикой, нарастало. В этих условиях партийные органы требовали принятия решительных мер против злостных неплательщиков ЕСХН. Вновь на повестку дня встал вопрос о применении силовых методов. Но на данном этапе органы власти уже воздерживались от открытого применения силы, сделав приоритетными судебные разбирательства [ГАКК, ф. Р-389, оп. 1, д. 8, л. 10].

Принятые меры способствовали прекращению открытого военного противостояния в регионе, но экономические проблемы, связанные с ценообразованием на продовольственные продукты, выполнением плана хлебозаготовок, ростом производительности индивидуальных хозяйств, оставались нерешенными. Низкая цена на зерно, сложившаяся к концу хлебозаготовительной кампании 1923—1924 годов, вынудила хлеборобов

CC BY

Кубани и Черноморья придержать у себя хлеб и приостановить его сдачу на заготовительные пункты. Государственные органы приняли решение приостановить закупку зерна, не выдавать кредиты частным закупочным организациям, установить лимиты на заготовку зерна. Обком РКП(б) вынужден был усилить налоговый нажим даже на беднейшие слои сельского населения и красноармейские хозяйства [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 3].

Хлебозаготовительный план по стране к осени 1924 года был выполнен на 50 %. Многие регионы ещё не приступили к сбору продналога. В этих условиях органы власти вновь образовали «тройки» во главе с местными руководителями с участием представителей финансовых органов и прокуратуры, которые должны были обеспечить выполнение государственных заданий [Зима, 2019, с. 58].

3.4. Формирование местных органов власти

Легитимизация власти РКП(б) требовала создать и укрепить местные Советы. Но в условиях конфликта между крестьянством и властью выполнить эту задачу было весьма трудно. Начало советизации на Юге России было положено декретом СНК РСФСР от 25 марта 1920 года «О строительстве советской власти в казачьих областях». На Кубани и Черноморье курс советизации приобрел региональную специфику, обусловленную конфликтом между «иногородним» крестьянством и казачеством на фоне начавшегося передела земли и выступлений «бело-зеленых». И только с осени 1922 года в Кубано-Черноморской области выборы Советов стали проходить без активного сопротивления населения и под контролем правящей партии.

Для большевиков не составило труда упразднить казачье самоуправление. Первый опыт был предпринят летом 1920 года, когда были отменены выборы в местные Советы. Избирательная кампания конца 1920 года в Кубано-Черноморской области прошла при явке избирателей 36 % [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 1, л. 38]. РКП(б) не смогла выполнить задачу — обеспечить в Советах большинство депутатов-коммунистов. На выборы серьёзное давление оказывали повстанцы, зажиточные крестьяне и казаки. В этих условиях лояльный состав депутатов позволял большевикам применять репрессии в отношении зажиточных казаков и крестьян. Так, типичный делегат областного съезда Советов — это иногородний крестьянин-коммунист с начальным уровнем образования [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 1, л. 38]. Наравне с Советами до 1922 года существовали революционные комитеты, которые являлись параллельной структурой власти. Ревкомы воссоздавались в тех станицах, волостях и районах, где наиболее активно действовали отряды «бело-зеленых».

Переход к новым методам хозяйствования требовал политических свобод, но партийно-государственная власть стремилась к полному контролю

CC BY

над общественными процессами. Противоречие способствовало продолжению военного противостояния, весной — осенью 1921 года действия «бело-зеленых» подчас парализовывали деятельность местных органов власти. Продовольственные органы применяли принудительные методы для выполнения налоговых заданий.

Переход к нэпу не изменил одного из главных признаков выборов — жёсткого классового и политического ценза. Действенным средством контроля РКП(б) над сельским населением стал механизм голосования. Так, в ряде районов Кубани и Черноморья избирательные комиссии вносили изменения в протоколы, чтобы получить необходимый результат.

Большевики до осени 1922 года активно использовали военно-коммунистические методы аграрной политики, им приходилось противостоять станичной общине, в которой главенствующая роль принадлежала зажиточным казакам [Панкова-Козочкина, 2012].

Во время предвыборной кампании 1922 года сохранялся высокий уровень оппозиционности, поэтому активно применялись меры по лишению избирательных прав нелояльных слоёв населения. Выборы отмечены возросшим уровнем агитационно-пропагандистской работы среди населения, но существенного влияния на итоги выборов это не оказало. Ключевое значение имели решения Совнаркома РСФСР о налогах и реализация принципов, заложенных в новом Земельном Кодексе.

Таким образом, начавшийся процесс большевизации Советов через рост представительства депутатов — членов РКП(б) — и перераспределение в их пользу должностей в исполнительных комитетах позволяли контролировать местные органы власти и лишать оппозицию влияния. Сельское население отреагировало на это снижением явки на выборы. Так, в Приморско-Ахтарском районе из 15 617 избирателей в выборах приняли участие 3 200. В Павловском районе из 10 500 граждан, имевших право участвовать в выборах, на собрания пришли 780 [ЦДНИКК, ф. 9, оп. 3, д. 12, л. 9].

Обеспечив резкое снижение масштабов повстанчества, в 1923 году органы власти повели себя более уверенно [РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 194, л. 61]. Избирательную кампанию 1923 года отличал диктат правящей партии, стремление регламентировать ее итоги. Областной комитет РКП(б) установил нормы явки и процент депутатов-большевиков в Советах всех уровней, что превратило выборы в назначение кандидатур из числа членов партии и лояльных групп (бедняков, красноармейцев). Такая система формировала отношения между властью и населением на основе лояльности к курсу правящей партии. Открытое голосование позволяло контролировать участников предвыборных собраний. Но и в этой кампании

CC BY

существенных изменений активности населения не произошло. Например, в Краснодарском отделе 270 993 чел. были вправе голосовать, но на выборы пришли всего 4 198 чел. [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 53, л. 40].

РКП(б) смогла обеспечить доминирование своих представителей на областном съезде Советов и в исполкомах. Но политические процессы противоречили содержанию экономического курса: стабилизации курса рубля, введению фиксированного единого сельскохозяйственного налога (1923 год) и переходу к денежной форме его взимания в 1924 году. Усиление этого противоречия продемонстрировали выборы 1924 года. Скрытый протест сельского населения проявился в низкой явке на избирательные собрания. В выборах приняли участие лишь 25 % жителей Кубано-Черноморской области [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 87, л. 126 об]. Выборы в местные Советы выявляли рост противоречий между большевиками и сельским населением. Перед РКП(б) вновь встал вопрос об изменениях своей политики, чтобы избежать повторения политического кризиса 1920—1921 годов. НЭП требовал не только экономического «раскрепощения», но и политического, что ставило перед органами власти задачу отказаться от насилия. По мере упрочения власти РКП(б) постепенно расширялись права Советов как органов управления.

В условиях падения активности избирателей осенние выборы местных Советов в 1924 году были частично отменены по инициативе партийно-государственного руководства. В декабре 1924 года Президиум ЦИК СССР назначил повторные выборы на январь — февраль 1925 года [О перевыборах…, 1925, № 1, ст. 3]. Одновременно был снижен процент лиц, лишённых избирательных прав, проведена амнистия бывших белогвардейцев и репатриантов. Разрешена долгосрочная аренда земли, отменено принуждение на выборах в кооперативных и общинных организациях. Органы власти заявили о союзе с трудовым казачеством. Так начался курс политики «Лицом к деревне» (1924—1926 годы), в котором были реализованы наиболее масштабные уступки сельскому населению.

4. Заключение = Conclusions

Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу в Кубано-Черноморской области был сложным. Специфика региона проявлялась в сочетании классового и сословного размежеваний общества, расказачивании, продолжении военных действий до 1924 года. Область балансировала на грани полномасштабной Гражданской войны вследствие повстанческого движения казачества и зажиточного крестьянства. Система взаимоотношений власти с сельским населением Кубано-Черноморья до осени 1922 года сохраняла преобладание признаков «военного коммунизма»: принуди-

CC BY

тельности и произвольности налогообложения, назначаемости органов управления, репрессий. Отношение местных партийных и советских работников к НЭПу было неоднозначным, они по-прежнему использовали военно-коммунистические методы отношений с сельским населением. Формирование низовых органов власти происходило путём их преобразований из назначаемых ревкомов в избираемые Советы. Упрочение власти большевиков на местах было достигнуто вследствие процедур проведения выборов с заранее рассчитанным результатом. В то же время беспартийные конференции, кооперативные объединения, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи стали формами диалога между властью и населением. Сформировалась противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения в ходе реализации продовольственной, земельной политики и во время выборов Советов. Переход к НЭПу потребовал коренным образом изменить отношения власти с крестьянством: применять принципы материальной заинтересованности и гражданского мира, сделать лояльными середняков и казачество. С осени 1922 года взаимоотношения власти и сельского населения начали постепенно перестраиваться вследствие принятия Земельного кодекса и единого сельскохозяйственного налога, замены принудительного взимания платежей на товарно-денежные отношения. К осени 1924 года РКП(б) согласилась на уступки крестьянству по основным аспектам аграрной политики, начав курс «Лицом к деревне».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Большевистское* руководство. Переписка. 1912—1927 : сборник документов / редкол. : А. В. Квашонкин, А. Берелович, Э. Чинелла и др. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 423 с.

2. *Воронович Н. В.* Разоренная Кубань / Н. В. Воронович // Нужды деревни. — 1922. — № 3. — С. 58—63.

3. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 1. Л. 38 ; Д. 3. Л. 1 ; Д. 11. Л. 22 ; Д. 32. Л. 168—168 об ; Д. 138. Л. 60 об. ; Ф. Р.-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Оп. 1. Д. 11. Л. 22 ; Ф. Р-382 (Славянский отдельский отдел управления). Оп. 1. Д. 4. Л. 49 ; Д. 53. Л. 40 ; Д. 228. Л. 127 ; Д. 544. Л. 22 ; Ф. Р-389 (Исполнительный комитет Некрасовского станичного Совета). Оп. 1. Д. 8. Л. 10 ; Ф. Р-581 (Исполнительный комитет Приморско-Ахтарского городского и волостного Совета). Оп. 1. Д. 133. Л. 10 ; Д. 189. Л. 5 ; Ф. Р-756 (Отдельские военные комиссариаты Кубано-

CC BY

Черноморского областного военкомата). Оп. 1. Д. 770. Л. 4 ; Ф. Р-990 (Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета). Оп. 2. Д. 112. Л. 4.

4. *Коллективизация* сельского хозяйства на Кубани. 1918—1927 гг. : сборник документов и материалов / сост. : Н. С. Вертышева и др. — Краснодар : Книжное издательство, 1959. — Т. 1. — 201 с.

5. *Краткий* периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К. В. О. по данным к 1-му июня 1922 г. — Ростов-на-Дону : Штаб СКВО, 1922. — 32 с.

6. *Ленин В. И.* III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г. Тезисы доклада о тактике РКП / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва : Политиздат, 1977. — Т. 44. — С. 3—12.

7. *Макаренко П. Л.* З життя Кубани під радянською российскою коммунистичною владою (1920—1926 рр.) / П. Л. Макаренко // Збірник статтів про Кубань і кубанців. — Прага : Видання Громади кубанців в Чехословацькій Республіці, 1926. — С. 75—192.

8. *Микоян А. И.* В начале двадцатых... / А. И. Микоян. — Москва : Политиздат, 1975. — 383 с.

9. *О перевыборах* в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий : Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов СССР от 29 декабря 1924 г. // Собрание законодательства СССР. — 1925. — № 1. — Ст. 3.

10. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (Центральный комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 11. Д. 194. Л. 61 ; Ф. 64 (Кавказское областное бюро РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

11. РГВА — *Российский* государственный военный архив. Ф. 192 (Управление войсками 9-й Кубанской армии). Оп. 3. Д. 775. Л. 3 ; Ф. 25896 (Управление войсками Северо-Кавказского военного округа). Оп. 3. Д. 13. Л. 231.

12. *Советская* деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД : Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 864 с.

13. ЦДНИКК — *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 33. Л. 3 ; Д. 92. Л. 20—20 а, 15 а, 15 б, 22, 22 а, 26 ; Д. 110. Л. 48 ; Д. 112. Л. 29 ; Д. 293. Л. 102 ; Д. 202. Л. 39, 43—43 об, 33 ; Ф. 8 (Кубанский окружной комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 87. Л. 126 об ; Ф. 9 (Черноморский окружной комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 3. Д. 12. Л. 9 ; Ф. 17 (Краснодарский отдельский комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 20. Л. 17.

14. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4 (Донской областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

Литература

1. *Баранов А. В.* Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в 1920-х гг. : тенденции развития : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. В. Баранов. — Ростов-на-Дону, 1999. — 612 с.

2. *Баранов А. В.* Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России : особенности взаимодействия власти и сельского населения / А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 276—287. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201.

CC BY

3. *Генкина Э. Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) / Э. Б. Генкина. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 504 с.

4. *Дзидзоев В. Д.* Переход к НЭПу и проблемы крестьянства Юга России / В. Д. Дзидзоев // Вестник Владикавказского научного центра РАН. — 2020. — Т. 20. — № 1. — С. 14—21. — DOI: 10.23671/VNC.2020.1.56942.

5. *Зима В. Ф.* Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921—1925 гг. / В. Ф. Зима // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3 (51). — С. 51—68. — DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6.

6. *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание, 1917—1945 гг. / С. А. Кислицын. — Ростов-на-Дону : Изд-во Донского юридического института, 1996. — 80 с.

7. *Клейнер И. М.* Действительность кубанской станицы / И. М. Клейнер. — Краснодар : Буревестник, 1924. — 122, II с.

8. *Козлов А. И.* На историческом повороте / А. И. Козлов. — Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского государственного университета, 1977. — 214 с.

9. *Ладоха Г. В.* Очерки гражданской борьбы на Кубани / Г. В. Ладоха. — Краснодар : Буревестник, 1923. — 122 с.

10. *Лихницкий Н. Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани / Н. Т. Лихницкий. — Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1931. — 191, 1 с.

11. *Одинцов С. С.* Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции / С. С. Одинцов // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. — 1927. — № 11. — С. 3—15.

12. *Панкова-Козочкина Т. В.* Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа : проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / Т. В. Панкова-Козочкина. — Новочеркасск : Лик, 2012. — 268 с. — ISBN 978-5-9947-0322-9.

13. *Перехов Я. А.* Власть и казачество : поиск согласия (1920—1926 гг.) / Я. А. Перехов. — Ростов-на-Дону : Гефест, 1997. — 137, 1 с. — ISBN 5-87442-051-7.

14. *Перехов Я. А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство, 1920—1925 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Я. А. Перехов. — Ростов-на-Дону, 1966. — 303 с.

15. *Скорик А. П.* Переход к НЭПу в проблемном поле локальной истории Дона / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Диалог со временем. — 2010. — № 30. — С. 352—361.

16. *Смирнский В. И.* Население и хозяйство Кубанского округа к началу 1924—1925 года : общий очерк / В. И. Смирнский. — Краснодар : Кубано-Черноморское областное статистическое бюро, 1924. — 46, VI с.

17. *Щетнёв В. Е.* Классовая борьба в кубанской станице (1920—1927 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / В. Е. Щетнёв. — Краснодар, 1967. — 306 с.

18. *Brovkin V. N.* Behind the Front Lines of the Civil War : Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922 / V. N. Brovkin. — Princeton : Princeton University Press, 1994. — 455 p.

19. *Penner D. A.* Pride, Power and Pitchforks : Farmer-Party Interaction on the Don, 1920—28. PhD Dissertation / D. A. Penner. — Berkeley : University of California, 1995. — 653 p.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023,
одобрена после рецензирования 23.08.2023,
подготовлена к публикации 28.09.2023.

CC BY

Material resources

A brief periodic review of the insurgent movement in the territory of the S.-K. V. O. according to data by June 1, 1922. (1922). Rostov-on-Don: Headquarters of the SQUAW. 32 p. (In Russ.).

CDNIKK — *Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. F. 1 (Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b)).* (In Russ.).

Collectivization of agriculture in the Kuban. 1918—1927: collection of documents and materials, 1. (1959). Krasnodar: Book Publishing House. 201 p. (In Russ.).

GACC — *State Archive of Krasnodar Krai. F. R-102 (Department of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee).* (In Russ.).

Lenin, V. I. (1977). III Congress of the Communist International June 22 — July 12, 1921 Abstracts of the report on the tactics of the RCP. In: *The Complete Collection of Sochinen, 44.* Moscow: Politizdat. 3—12. (In Russ.).

Makarenko, P. L. (1926). 3 the life of Kuban pidradyanskoyu Russian communist vladoyu (1920—1926 pp.). In: *Zbirnik stattiv pro Kuban I kubanciv.* Prague: Vidannya Gromadi kubantsiv in the Czechoslovak Republic. 75—192. (In Russ.).

Mikoyan, A. I. (1975). *In the early twenties ...* Moscow: Politizdat. 383 p. (In Russ.).

On reelections to the Soviets in those areas where there were irregularities in the work of election commissions: Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviets of the USSR dated December 29, 1924. *Assembly of Legislators of the USSR, 1. Article 3.* (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive socio-political history. F. 17 (Central Committee of the RCP (b) — CPSU(b)).* (In Russ.).

RGVA — *Russian State Military Archive. F. 192 (Command of the troops of the 9th Kuban Army).* (In Russ.).

The Bolshevik leadership. Correspondence. 1912—1927: Collection of documents. (1996). Moscow: ROSSPEN. 423 p. (In Russ.).

The Soviet village through the eyes of the CHEKA — OGPU — NKVD: Documents and materials 1918—1939. In 4 volumes, 1. (1998). Moscow: ROS-SPAN. 864 p. (In Russ.).

TSDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region. F. 4 (Don Regional Committee of the RCP(b)).* (In Russ.).

Voronovich, N. V. (1922). Ravaged Kuban. *Needs of the village, 3:* 58—63. (In Russ.).

References

Baranov, A. V. (1999). *Multicultural society in the Russian regions of the North Caucasus in the 1920s: development trends.* Doct. Diss. Rostov-on-Don. 612 p. (In Russ.).

Baranov, A. V., Yahutl, Yu. A. (2022). The transition from “war communism” to the NEP in the Cossack regions of Southern Russia: features of interaction between the authorities and the rural population. *Modern History of Russia, 12 (2):* 276—287. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201. (In Russ.).

Brovkin, V. N. (1994). *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922.* Princeton: Princeton University Press. 455 p.

Dzidzoev, V. D. (2020). Transition to the NEP and problems of the peasantry of the South of Russia. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 20 (1):* 14—21. DOI: 10.23671/VNC.2020.1.56942. (In Russ.).

Genkina, E. B. (1954). *Transition of the Soviet state to a new economic policy (1921—1922).* Moscow: Gospolitizdat. 504 p. (In Russ.).

Kislitsyn, S. A. (1996). *The state and storytelling, 1917—1945.* Rostov-on-Don: Publishing House of the Don Law Institute. 80 p. (In Russ.).

Kleiner, I. M. (1924). *The reality of the Kuban village.* Krasnodar: Burevestnik. 122, II p. (In Russ.).

Kozlov, A. I. (1977). *At a historical turn.* Rostov-on-Don: Rostov State University Press. 214 p. (In Russ.).

Ladokha, G. V. (1923). *Essays of the civil struggle in the Kuban.* Krasnodar: Petrel. 122 p. (In Russ.).

Likhnitsky, N. T. (1931). *Class struggle and kulaks in the Kuban.* Rostov-on-Don: North Caucasus. 191, 1 p. (In Russ.).

Odintsov, S. S. (1927). Agriculture of the North Caucasus region to the decade of the October Revolution. *Izvestia of the North Caucasus Regional Executive Committee, 11:* 3—15. (In Russ.).

Pankova-Kozochkina, T. V. (2012). *Cossack-peasant economy of the NEP era: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia.* Novocherkassk: Lik. 268 p. ISBN 978-5-9947-0322-9. (In Russ.).

Penner, D. A. (1995). *Pride, Power and Pitchforks: Farmer-Party Interaction on the Don, 1920—28. Ph. D. Dissertation.* Berkeley: University of California. 653 p.

Perekhov, Ya. A. (1966). *The policy of the Communist Party on the involvement of the Don and Kuban Cossacks in socialist construction, 1920—1925.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 303 p. (In Russ.).

Perekhov, Ya. A. (1997). *Power and the Cossacks: the search for consent (1920—1926).* Rostov-on-Don: Hephaestus. 137, 1 p. ISBN 5-87442-051-7. (In Russ.).

Shchetnev, V. E. (1967). *Class struggle in the Kuban stanitsa (1920—1927).* PhD Diss. Krasnodar. 306 p. (In Russ.).

Skorik, A. P., Tikijyan, R. G. (2010). Transition to the NEP in the problem field of the local history of the Don. *Dialogue with time, 30:* 352—361. (In Russ.).

Smirnsky, V. I. (1924). *Population and economy of the Kuban district by the beginning of 1924—1925: a general sketch.* Krasnodar: Kuban-Black Sea Regional Statistical Bureau. 46, VI p. (In Russ.).

Winter, V. F. (2019). The food problem in the USSR at the first stage of the new economic policy in 1921—1925. *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Humanities, 3 (51):* 51—68. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6. (In Russ.).

The article was submitted 28.07.2023;
approved after reviewing 23.08.2023;
accepted for publication 28.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Болдырева С. Ю. История международных связей городов Архангельской области в 1990—2010-е годы : попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству / С. Ю. Болдырева, Р. Ю. Болдырев, А. Ю. Чередникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 254—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287.

Boldyreva, S. Yu., Boldyrev, R. Yu., Cherednikova, A. Yu. (2023). History of International Relations of Cities of Arkhangelsk Region in 1990s-2010s: Transition from Social-Humanitarian to Trade-Economic Cooperation. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 254-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287

История международных связей городов Архангельской области в 1990—2010-е годы: попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству

Болдырева Славяна Юрьевна [1]
orcid.org/0000-0003-0677-6312
кандидат исторических наук, доцент
кафедры регионоведения,
международных отношений
и политологии
s.boldyreva@narfu.ru

Болдырев Роман Юрьевич [1]*
orcid.org/0000-0003-4262-7285
кандидат исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории
**** корреспондирующий автор***
r.boldyrev@narfu.ru

Чередникова Анна Юрьевна [2]
orcid.org/0000-0002-3886-1688
кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных наук
anna41975@mail.ru

[1] Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
[2] Московский международный университет (Москва, Россия)

History of International Relations of Cities of Arkhangelsk Region in 1990s — 2010s: Transition from Social-Humanitarian to Trade-Economic Cooperation

Slaviana Yu. Boldyreva [1]
orcid.org/0000-0003-0677-6312
PhD in History, Associate Professor
Department of Regional Studies
International Relations and Political Science
s.boldyreva@narfu.ru

Roman Yu. Boldyreva [1]*
orcid.org/0000-0003-4262-7285
PhD in History, Professor
Department of General History
**** Corresponding author***
r.boldyrev@narfu.ru

Anna Yu. Cherednikova [2]
orcid.org/0000-0002-3886-1688
PhD in History, Associate Professor
Department of Humanities.
anna41975@mail.ru

[1] Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia)
[2] Moscow International University (Moscow, Russia)

© Болдырева С. Ю., Болдырев Р. Ю., Чередникова А. Ю., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о развитии международных побратимских связей городов в 1990—2010-е годы на примере Архангельской области. Авторами выполнен обзор имеющихся в историографии подходов к анализу международных партнёрских отношений на уровне муниципалитетов в разных регионах России и мира. Используется широкий круг источников, включающий в себя тексты международных соглашений, федеральных и региональных нормативно-правовых актов, а также отчётную документацию за последние 30 лет. Особое внимание в статье уделяется попыткам руководства области на рубеже 2000—2010-х годов перейти от исключительно социально-гуманитарного сотрудничества к развитию экономических связей с городами и регионами-партнёрами. Подробно анализируется реальное влияние побратимских отношений на развитие внешнеэкономических связей региона, изменение доли стран, с городами которых были установлены партнёрские отношения, в общем внешнем товарообороте Архангельской области. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время отсутствует государственное регулирование института побратимства городов на федеральном и региональном уровне. Утверждается, что такое положение создаёт серьёзные трудности в дальнейшем развитии данного института народной дипломатии, расширении внешнеэкономической деятельности российских регионов и распространении «мягкой силы» РФ в мире.

Ключевые слова:
международное сотрудничество; народная дипломатия; города-побратимы; Архангельская область; Архангельск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the development of international sister city relations in the 1990s — 2010s using the example of the Arkhangelsk region. The authors provide an overview of existing approaches in historiography to analyzing municipal-level international partnership relations in different regions of Russia and the world. Based on a wide range of sources, including international agreements, federal and regional regulatory acts, and reporting documentation over the past 30 years, the article pays particular attention to the region's attempts in the 2000s — 2010s to move from exclusively social-humanitarian cooperation to developing economic ties with partner cities and regions. The real impact of sister city relations on the development of external economic ties in the region is analyzed in detail, as well as changes in the share of countries with which partner relations were established in the overall external trade turnover of the Arkhangelsk region. The authors conclude that there is currently no state regulation of the institution of sister city relations at the federal and regional levels. Such a situation creates serious difficulties for further development of this institution of public diplomacy, expanding the external economic activities of Russian regions, and spreading Russia's "soft power" in the world.

Key words:
international cooperation; public diplomacy; sister cities; Arkhangelsk region; Arkhangelsk.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:327.83(470.11)“199/201”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

История международных связей городов Архангельской области в 1990—2010-е годы: попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству

© Болдырева С. Ю., Болдырев Р. Ю., Чередникова А. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Международное сотрудничество на региональном уровне стало распространённым явлением. В связи с этим сформировалось большое количество трансграничных региональных структур, ставящих своей целью сотрудничество на локальном уровне, о чём пишут в своих исследованиях Л. А. Зарубина, Е. В. Кузнецова, Ю. Н. Саямов [Зарубина, 2021; Кузнецова, 2021; Саямов, 2021]. Интересна концепция Ю. В. Косова, выделяющего несколько черт, свойственных трансграничному региональному сотрудничеству на рубеже XX—XXI веков. В первую очередь это децентрализация, благодаря которой регионы получают бóльшую самостоятельность, в том числе в осуществлении внешних связей, выборе партнеров и направлений сотрудничества. Важно отметить, что трансграничное сотрудничество регионов появляется не спонтанно, а имеет под собой прочную основу в виде продолжительных общих исторических традиций и региональных связей. Также Ю. В. Косов обращает внимание на институционализацию трансграничных связей, которая проявляется в создании региональных международных организаций [Косов, 2003, с. 145—146]. Международные политические и экономические связи конкретных городов и регионов становятся центром осмысления в работах С. П. Артеева, Е. Г. Болотниковой, Е. В. Карпенко, Д. А. Пашаяна [Артеев, 2018; Болотникова, 2012; Карпенко, 2007; Пашаян, 2021].

Р. С. Мухаметов отмечает, что на современном этапе побратимство превратилось в одну из городских стратегий, направленных на повышение конкурентоспособности на международной арене [Мухаметов, 2020, с. 155]. В. В. Комлева приходит к выводу, что модель международного сотрудничества регионов России тяготеет к централизации, несмотря на правовые и организационные возможности субъектов России самостоятельно определять свои внешнеэкономические и международные культурные связи [Комлева, 2022, с. 29—30].

CC BY

Выделяют две школы, имеющие разные подходы к изучению феномена побратимства: один свойственен европейским исследованиям, другой используют ученые из многих стран Азиатско-тихоокеанского региона (далее — АТР). Европейская школа предполагает исследование побратимства с большим упором на социокультурные аспекты сотрудничества, которые, по их мнению, являются важнейшим инструментом развития международных связей и взаимопонимания между населением разных государств [Zelinsky, 1991; Jańczak, 2017; Joenniemi et al., 2017]. Некоторые ученые также считают, что важнейшим отличием побратимства от других форм сотрудничества городов является то, что оно не регламентируется государствами сверху, это система, которую города стремятся сформировать самостоятельно в соответствии с собственными целями и интересами [Castanho et al., 2018; Faliński, 2019]. Исходя из идей представителей этой школы, экономические связи городов-побратимов эффективно развиваются только в случае наличия исторически сложившихся тесных контактов этих городов, которые только укрепляются после заключения договора о сотрудничестве [Clark, 2010].

Исследователи из стран АТР, наоборот, рассматривают экономический аспект этих связей как важнейшую часть побратимства, поскольку, с их точки зрения, со временем акцент в таких взаимоотношениях смещается с просто дружеских связей на обмен и экономическое развитие. Ряд исследователей, придерживающихся подобного подхода, выделяют несколько этапов развития побратимских связей: первая фаза побратимства — ассоциативная, включающая в себя отношения между городами, основанные на дружбе и культурном обмене; следующим этапом развития (взаимная фаза) становится «образовательный обмен и обмен людьми»; последний этап — фаза коммерческого обмена, в которой между городами-побратимами активно развиваются экономические связи, приводящие к их экономическому развитию [Cross, 2010; O'Toole, 1999; O'Toole, 2001; Smith et al., 2003].

Анализ историографии показал, что на современном этапе отсутствуют работы, посвящённые осмыслению истории, механизма реализации и перспектив международного сотрудничества городов Архангельской области в 1990—2010-е годы.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель представленной статьи — рассмотрение истории международного сотрудничества городов Архангельской области с зарубежными городами-побратимами в 1990—2010-х годах. Объект исследования — история побратимских связей как института сотрудничества городов; предмет — социально-гуманитарное и торгово-экономическое измерение побратимских связей городов Архангельской области с зарубежными городами.

CC BY

Ключевое значение представляет концепция парадипломатии, под которой авторы понимают публично-властную деятельность субгосударственных акторов (регионов федеративных государств и муниципальных образований) в лице компетентных органов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей для реализации своих интересов на мировой арене в пределах, установленных государством, таким образом, чтобы не был затронут государственный суверенитет.

В качестве теоретической основы данной статьи выступает междисциплинарный подход, позволивший изучить направления, механизмы и практики реализации социально-гуманитарного и торгово-экономического направлений побратимских связей. Исследование формирования и развития побратимских связей основывалось на методологических принципах историзма, объективности и системности. Хронологический метод позволил рассмотреть формирование и изменение института сотрудничества городов как в российской, так и в мировой практике. Для изучения направлений и механизмов реализации торгово-экономического измерения побратимских связей городов Архангельской области был использован системно-структурный метод. Использование исторического, сравнительного и индексного методов позволило охарактеризовать эволюцию торгово-экономического направления сотрудничества городов-побратимов в указанный период.

Источниковой базой стали следующие группы документов:

(1) Международные конвенции. Так, «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» [ETS № 106, 2003] была использована для анализа соглашений, регулирующих международное сотрудничество на местном и региональном уровне.

(2) Федеральные нормативно-правовые акты. Для анализа внутрироссийской регламентации международных связей регионов были использованы федеральные законы «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» [О координации…, № 4-ФЗ, 1999], «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Об основах…, № 164-ФЗ, 2003], «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [О стратегическом…, № 172-ФЗ, 2014], «Об основах приграничного сотрудничества» [Об основах…, № 179-ФЗ, 2017]; указы Президента Российской Федерации «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» в редакции 1996 и 2011 года [О координирующей роли…, № 375, 1996; О координирующей роли…, № 1478, 2011].

(3) Региональные нормативно-правовые акты, в том числе Закон Архангельской области «О договорах и соглашениях Архангельской области» [О договорах…, № 320-16-ОЗ, 2007] и Указ Губернатора Архангельской

CC BY

области «О координирующей роли департамента протокола и международных связей администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области в осуществлении международных связей Архангельской области» [О координирующей роли…, № 134-у, 2012].

(4) Соглашения о сотрудничестве муниципальных образований Архангельской области, заключённые с зарубежными городами-побратимами [Договор… Портленд, 1988; Договор… Вардё, 1989; Договор… Эмден, 1989; Договор… Мюлуз, 1999; Заявление… Нойштадт, 2008; Соглашение… Сухум, 2011; Соглашение… Джермук, 2018]. Анализ торгово-экономического направления сотрудничества проводился с использованием соглашений, подписанных Архангельском [Информация…, 2022], Котласом [Kotlas…, 2022] и Нарьян-Маром [Города-побратимы, 2022].

(5) Организационно-распорядительная и отчётная документация Министерства иностранных дел РФ [О роли…, 2019; О состоянии…, 2019; Архангельская область (паспорт…), 2022; Архангельская область (справка), 2022], Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, муниципалитетов Архангельской области [План…, 2020].

Использование перечисленных источников позволило получить комплексное представление о торгово-экономическом измерении международных связей городов Архангельской области, а также оценить их эффективность в заявленный период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нормативно-правовое регулирование побратимских связей в российском и региональном законодательстве

Особенностью развития побратимского и партнерского сотрудничества российских городов с зарубежными муниципалитетами в 1990—2010-е годы является отсутствие нормативно-правового регулирования: вплоть до настоящего времени эти виды связей не регулируются ни одним федеральным законом. Однако есть ряд нормативно-правовых актов, посвященных международным связям субъектов. Начиная с 1996 года было принято несколько указов Президента, регулирующих контакты российских регионов с иностранными. Например, в 1996—2011 годах действовал Указ Президента РФ от 12 марта 1996 года № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Этот указ возлагал на региональные органы власти обязанность информировать МИД РФ об осуществляемой международной деятельности и имеющихся международных связях: официальных поездках, консультациях и перего-

CC BY

ворах, подписанных документах и других договоренностях, — а также направлять на согласование проекты соглашений с регионами иностранных государств. На чрезвычайных и полномочных послов РФ возлагалась обязанность координировать и контролировать работу представительств субъектов РФ в стране пребывания [О координирующей роли…, № 375, 1996].

8 ноября 2011 года он был заменён новым указом № 1478, который ещё более расширил контрольные функции МИД РФ: создавались представительства МИД РФ в регионах, на которые возлагались обязанности по содействию в развитии международных связей регионов, в том числе и при проведении международных мероприятий, даче официальных разъяснений региональным властям по вопросам координации международных связей субъектов РФ. Региональные власти были обязаны согласовывать с МИД РФ проекты соглашений об осуществлении международной деятельности. На чрезвычайных и полномочных послов РФ возлагалась теперь и обязанность координировать и контролировать работу делегаций российских регионов в стране пребывания [О координирующей роли…, № 1478, 2011].

В конце 1990-х — начале 2000-х годов началось активное принятие федеральных законов, которые определяли полномочия разных уровней власти и порядок установления разных видов международных связей. Ключевыми в этой сфере стали федеральные законы «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» [О координации…, № 4-ФЗ, 1999] и «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Об основах…, № 164-ФЗ, 2003]. В 2017 году был принят федеральный закон, регулирующий приграничное сотрудничество регионов [Об основах…, № 179-ФЗ, 2017]. В соответствии с ним муниципальные образования, находящиеся на приграничных территориях, причисляются к полноценным субъектам приграничного сотрудничества. В статье 8 закона к полномочиям органов местного самоуправления муниципального образования в сфере приграничного сотрудничества относятся в том числе «заключение соглашений о приграничном сотрудничестве с приграничными муниципальными образованиями сопредельных государств; создание организаций приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности, … создание органов приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности» [Там же].

В 2018 году Общественная палата РФ составила рекомендации по итогам работы секции Форума активных граждан «Сообщество», посвященной среди прочего международному сотрудничеству. В ходе мероприятия участниками были сформулированы основные причины, препятствующие развитию побратимского, партнерского и приграничного сотрудничества российских городов с зарубежными муниципалитетами и регионами, сре-

CC BY

ди которых отмечалось отсутствие нормативно-правового регулирования, методического обеспечения, финансовой поддержки, критериев оценки эффективности деятельности городов-побратимов. В соответствии с российским законодательством основными формами сотрудничества с городами-побратимами являются договоры, соглашения, меморандумы, резолюции, программы и т. д., содержащие основные сферы сотрудничества. Несмотря на то, что города, вступающие в побратимские связи, заключают соглашения о дружбе и сотрудничестве, оно носит неофициальный характер: положения, содержащиеся в такого рода договорах, например, не обязывают стороны выполнять указанные условия в обязательном порядке и не предусматривают санкций за их невыполнение [Рекомендации…, 2018].

В региональном законодательстве Архангельской области институт побратимства не регулируется. Однако в Законе Архангельской области «О договорах и соглашениях Архангельской области» [О договорах…, № 320-16-ОЗ, 2007] есть ряд моментов, посвященных внешним связям. Так, стороной, с которой заключается соглашение, может являться наряду со многими другими «административно-территориальная единица иностранных государств» (п. 3 ст. 3) [Там же]. Указ Губернатора Архангельской области от 31 августа 2012 года № 134-у [О координирующей роли…, № 134-у, 2012] закрепляет за департаментом протокола и международных связей администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области координирующую роль в осуществлении международных связей области. Также этот указ обязывает исполнительные органы направлять информацию о визитах делегаций, переговорах и реализуемых международных проектах в департамент (ст. 1, п. 1 ст. 2) [Там же].

В соглашениях указываются основные направления сотрудничества, его принципы, сроки действия договора, а также вопросы, связанные с финансированием, созданием планов мероприятий на определенный период. Среди направлений сотрудничества, описанных в соглашениях, можно выделить следующие: гуманитарные связи (культура, наука, здравоохранение, образование, спорт, туризм); экономика, торговля; передача опыта деятельности местных органов власти в развитии городского хозяйства; экология.

Из всего вышеизложенного следует, что в Российской Федерации фактически отсутствует регулирование института побратимства городов на федеральном и региональном уровнях, так как данное понятие не встречается ни в одном из ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих международные связи субъектов федерации. Также отсутствует единая система отчётности о состоянии побратимских связей, типовые формы документов. Отсутствие должного регулирования побратимских связей является существенным препятствием для развития этого вида международной деятельно-

CC BY

сти, так как, например, затрудняет процессы получения финансирования делегаций и реализации совместных проектов между городами-побратимами.

3.2. История развития международных побратимских связей городов Архангельской области

В годы Перестройки города СССР начали более активно приобретать побратимов в лице западных городов. В Архангельской области именно областной центр стал первопроходцем в заключении договоров о дружественных связях с иностранными городами. При этом с некоторыми из своих городов-побратимов Архангельск имел довольно длинную историю связей. Это обусловлено тем, что Архангельск был важным международным портом и уже с XVII века стал вторым после Москвы городом в стране по количеству проживающих в нём иностранцев. Жители «Немецкой слободы» во многом диктовали моду, распространяли европейскую культуру, искусство и немецкий язык, принимали важное участие в решении социальных проблем города: развивали образовательные учреждения и больницы, занимались благотворительностью.

Самым первым городом-побратимом г. Архангельска стал г. Портленд (штат Мэн, США), договор о дружественных связях был заключен 18 ноября 1988 года [Договор… Портленд, 1988]. Во время Второй мировой войны в Портленде было построено более 200 кораблей, на которых перевозили в Архангельск грузы по ленд-лизу. В 1980-х годах в США появилось большое количество общественных организаций, выступающих против ядерной войны и за мир с СССР, что в итоге поспособствовало в дальнейшем налаживанию сотрудничества. Инициативная группа из штата Мэн отправила первый факс мэру Архангельска летом 1988 года, и мэр Потемкин прислал положительный ответ в течение 2 недель» [Archangel Committee…, 2022]. Первая делегация приехала из штата Мэн в Архангельск в ноябре 1988 года, результатом чего стали многочисленные совместные проекты. В Портленде вплоть до 2021 года действовала НКО «Архангельский комитет», основанная с целью сбора знаний, развития мира, взаимопонимания и обменов между двумя народами [Ibid., 2022].

Связи Архангельска с Норвегией имеют двухвековую историю. С 1815 по 1920 годы и с 1924 по 1939 годы в Архангельске действовало Шведско-норвежское (с 1905 года — Норвежское) генеральное консульство [Репневский и др., 2018, с. 120—121]. Инициатива подписания договора о сотрудничестве, заключённого 23 февраля 1989 года [Договор… Вардё, 1989], исходила от администрации г. Вардё — старинного портового города Норвегии, который всегда играл важнейшую роль в международной торговле, экономически и культурно связывал норвежцев и русских. Кроме того, с 1996 года по 31 января 2023 года в Архангельске функционировало Представительство

CC BY

Норвежского Баренцева Секретариата, а в 2010 году было открыто Почётное консульство Норвегии в Архангельске, подведомственное Генеральному консульству Норвегии в Мурманске [Репневский и др., 2018, с. 128—130]. В 2011 году Архангельск приобрел еще один город-побратим из Норвегии — г. Тромсё, взаимоотношения с которым были прерваны в 2022 году.

26 июня 1989 года было подписано Соглашение о побратимстве с польским городом Слупск [О роли…, 2019], основанное прежде всего на культурных и исторических связях. В обоих городах вплоть до 2021 года функционировали общественные организации, посвященные культуре стран городов-побратимов: в Слупске это центр фонда «Русский Мир», в Архангельске — региональная общественная организация «Полония» [Архангельск и Слупск, 2019]. Вплоть до 2021 года активное сотрудничество вели библиотеки и творческие коллективы городов-побратимов. Однако в 2022 году администрация Слупска расторгла договор о сотрудничестве в одностороннем порядке [Города-побратимы …, 2022].

22 ноября 1989 года по инициативе, исходящей от простых граждан, был подписан договор между Архангельском и немецким городом Эмден [Договор… Эмден, 1989]. Примечателен тот факт, что договор был заключен меньше чем через две недели после падения Берлинской стены и начала процесса объединения Германии [Побратимство…, 2019, с. 12]. Между Архангельском и Эмденом были налажены тесные связи еще в XIX веке. Города вели активную торговлю, используя морской транспорт. В 1847 году жители Эмдена собирали помощь городу, пострадавшему в крупном пожаре. В 2018 году Архангельск и Эмден за многолетнее сотрудничество были награждены почётной грамотой МИД РФ и МИД ФРГ [Вклад…, 2018], а в 2019 году в рамках традиционных «Дней Германии в Архангельске» состоялось празднование 30-летия договора о побратимстве [О роли…, 2019].

Особняком стоит побратимство г. Архангельска с французским г. Мюлуз. Протокол о намерениях между двумя городами был подписан 13 марта 1992 года, а Договор о сотрудничестве — в 1999 году между Университетом Верхнего Эльзаса (Франция) и г. Мюлузом, с одной стороны, и Поморским Университетом (Россия) и г. Архангельском, с другой стороны [Договор… Мюлуз, 1999]. Это единственный случай в истории побратимских связей г. Архангельска, когда сторонами заключения договора стали не только мэрии, но и университеты региональных центров России и Франции, заинтересованные в изучении, соответственно, французского и русского языков.

Значительно позже начали развиваться отношения с городами на постсоветском пространстве. Инициатором подписания Соглашения с абхазским городом Сухум в 2011 году [Соглашение… Сухум, 2011] стали представители бизнеса, которые посетили Архангельск с целью знакомства с промыш-

CC BY

ленными предприятиями города. В 2012 году состоялся Российско-армянский форум, на котором было предложено подписать соглашение с Вайоцдзорской областью республики Армения. Однако подписание соответствующего документа затянулось до 2018 года [Соглашение… Джермук, 2018].

Напрашивается вывод, что с 1988 по 2011 годы побратимские связи г. Архангельска, хотя и опирались в ряде случаев на исторический опыт торгово-экономических связей (с Германией, Норвегией и США), но охватывали преимущественно социально-гуманитарные аспекты сотрудничества и образовательные проекты. Лишь с 2011 года развитию экономических связей с городами и, шире, регионами-побратимами стало уделяться больше внимания. Была поставлена задача использовать успешный опыт партнёрства в социально-гуманитарной сфере в развитии экономики городов-побратимов. Это выражается, например, в повышении инвестиционной привлекательности территории, развитии бизнеса, который, в свою очередь, обеспечивает появление новых рабочих мест. При этом сотрудничество компаний может осуществляться не только в сфере торговли товарами и услугами, но и в области обмена специалистами для приобретения опыта ведения хозяйства.

Среди городов Архангельской области, помимо Архангельска, развитием устойчивых международных партнёрских связей занимались города Северодвинск, Котлас и Нарьян-Мар. Остальные муниципальные образования области, если и заключали подобные соглашения с городами и районами европейских стран, ни к каким реальным результатам это не привело.

Города-побратимы г. Северодвинска Архангельской области находятся в основном в странах ближнего зарубежья. Исключениями являются Портсмут и Нойштадт-в-Гольштейне — города, связанные с кораблестроением и военно-морским флотом. Портсмут (Нью-Гэмпшир, США) стал побратимом в 1994 году [О роли…, 2019], сотрудничество с ним сфокусировано преимущественно на бизнесе, обмене опытом в сфере управления и культуры. Соглашение о сотрудничестве с Нойштадтом было подписано в 2008 году и относится к сферам «социальной работы, культуры, здравоохранения и реабилитации, помощи детям-инвалидам» [Заявление… Нойштадт, 2008].

В 1995 году был подписан Договор о побратимстве г. Котласа Архангельской области с польским г. Тарнувом. В 1994 году в г. Котласе было создано русско-польское общество «Котласская Полония», целью которого стало объединение людей, имеющих польские корни, а также тех, у кого есть интерес к истории и культуре этого государства [Сотрудничеству…, 2014]. Другой партнер г. Котласа — американский г. Уотервилл (штат Мэн, США). Инициатива установления связей исходила со стороны жителей

CC BY

г. Уотервилла, и в июне 1990 года, через 5 лет после отправки первого запроса, был заключен Договор о сотрудничестве [Kotlas…, 2022].

У г. Нарьян-Мар есть один зарубежный город-побратим — это норвежский г. Кёутукейну, расположенный в Северной саамской коммуне. Общее у этих двух городов — разведение оленей, которое является одним из важных традиционных занятий населения. Договор о сотрудничестве между двумя городами был подписан 9 марта 1991 года и содержал «обмен специалистами-оленеводами, учащимися, интеллигенцией, разработку совместных перспективных планов» [Города-побратимы…, 2022].

Таким образом, можно сделать вывод, что из всех городов Архангельской области только Архангельск перешёл от исключительно социально-гуманитарных аспектов сотрудничества с городами-побратимами к экономическому. Н. В. Евменов, руководитель аппарата городской администрации г. Архангельска, в 2019 году отметил, что «Архангельск — это один из крупнейших центров международного сотрудничества Северо-Запада России, который активно развивает связи с породнёнными городами, создаёт основу для привлечения передового зарубежного опыта и дополнительных финансовых ресурсов» [Настоящая…, 2019].

3.3. Торгово-экономическое направление сотрудничества Архангельской области и городов-побратимов в 1990—2010-е годы

Экономические связи являются одним из важнейших оснований формирования взаимовыгодных отношений в различных сферах сотрудничества. Они также оказывают большое влияние непосредственно на развитие экономики городов-побратимов. Это выражается, например, в повышении инвестиционной привлекательности территории, развитии бизнеса, что, в свою очередь, обеспечивает появление новых рабочих мест. Сотрудничество компаний может осуществляться не только в торговле товарами и услугами, но и в обмене специалистами для приобретения нового опыта ведения хозяйства.

Архангельская область — один из индустриальных районов страны, объём промышленного производства в 14 раз превышает сельскохозяйственное. Валовый региональный продукт в 2019 году составил 559,1 млрд рублей [Архангельская область (паспорт…), 2022]. Главной отраслью экономики с 1920-х годов является лесопромышленный комплекс (далее — ЛПК). Запас древесины на территории области составляет 2,8 млрд м^3, расчётная лесосека — 23,8 млн м^3. Здесь же налажена и переработка сырья: производятся целлюлозно-бумажная продукция (26 % от общероссийского объёма), пиломатериалы (8 %), топливные гранулы (29 %) [Архангельская область (справка), 2022]. Помимо ЛПК, с 1960-х годов началось развитие на территории области полезных ископаемых. При этом её доля в добы-

CC BY

че полезных ископаемых России существенна — 20,3 % алмазов (причём 70 % добываемых здесь алмазов — ювелирного качества), 18,9 % флюсовых известняков, 18,2 % бокситов, 5,9 % доломита, 3 % цинка, 2 % свинца, 1 % гипса [Об инвестиционной…, № 46-рп, 2016].

Внешнеторговый оборот Архангельской области в 1997—2001 годах колебался на уровне 2,2—2,5 млрд долларов США, к 2010 году достиг своего пика в 5,5 млрд долларов США, но затем снизился до 3,58 млрд долларов США (в 2,46 раза), экспорт при этом составил 89,75 % [Поморская энциклопедия…, 2006, с. 330; Архангельская область (паспорт…), 2022]. Произошло и значительное изменение в структуре экспорта: доля продукции ЛПК (древесина, целлюлоза и бумага) снизилась с 83,1 % в 1992 году до 66,8 % в 2001 году и 47,3 % в 2021 году, а продукции ТЭК (нефть и газ), напротив, поднялась с 0 % до 19,2 % и 31,3 % соответственно [Архангельской области…, 1997, с. 92; Архангельская область (паспорт…), 2022].

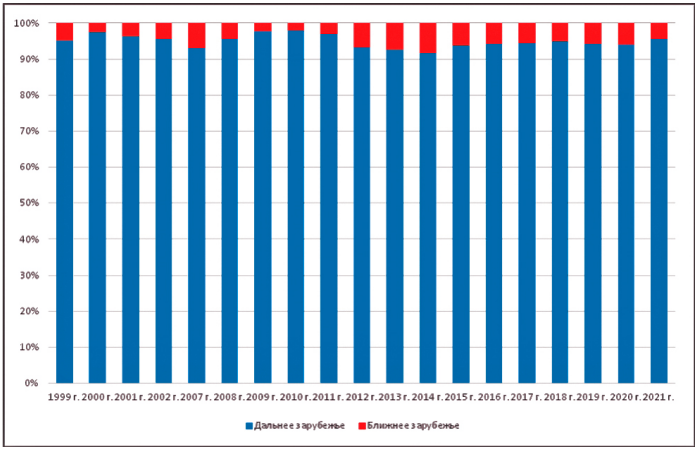

Рис. 1. Доля стран дальнего и ближнего зарубежья во внешнеторговом обороте Архангельской области (1999—2021)*

* Рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Динамика экспорта …; Архангельская область (паспорт…), 2022].

Представленные данные (рис. 1) свидетельствуют о том, что в сфере внешней торговли Архангельская область традиционно сотрудничает со странами дальнего зарубежья: их доля во внешнеторговом обороте колеблется в диапазоне 91,6—97,7 %. За период 1999—2021 годов было отмечено всего два всплеска активности торговли со странами ближнего зарубежья — в 2007 году (6,9 %) и 2013—2014 годах (7,4—8,4 %).

Таблица 1

Внешнеторговый оборот Архангельской области в 2013—2020 годах
(млн долларов США)*

Год / Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Среднее
Финляндия	144,00	60,70	41,90	69,30	132,00	142,00	73,30	108,00	96,40
Германия	97,30	122,00	75,10	77,40	120,00	101,00	56,80	72,00	90,20
Франция	48,60	53,90	57,80	58,30	152,00	113,00	38,10	36,30	69,75
США	38,90	25,00	23,20	13,30	9,30	44,20	211,00	84,70	56,20
Украина	77,50	82,00	35,40	41,20	47,80	47,40	44,70	32,80	51,10
Польша	82,50	44,00	62,10	39,80	30,90	44,70	30,70	23,00	44,71
Беларусь	50,40	48,10	36,00	26,70	30,90	31,40	36,30	28,30	36,01
Швеция	11,00	13,00	7,20	3,40	15,50	12,90	35,10	4,00	12,76
Израиль	8,90	7,20	5,30	3,30	3,10	10,70	8,30	19,40	8,28
Норвегия	5,40	11,30	4,90	1,40	2,60	2,60	5,60	4,40	4,78
Армения	0,51	0,92	0,90	1,40	1,70	1,20	1,10	1,50	1,15
Абхазия	0,05	0,21	0,21	0,22	0,08	0,00	0,00	0,00	0,10
Все страны, где есть побратимы	*565,06*	*468,32*	*350,01*	*335,72*	*545,88*	*551,10*	*541,00*	*414,40*	*471,44*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 1

Год / Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Среднее
Нидерланды	1230,00	1110,00	775,00	823,00	841,00	1080,00	497,00	300,00	832,00
Бельгия	54,40	93,60	259,00	285,00	317,00	357,00	297,00	271,00	241,75
Китай	24,40	43,50	49,00	71,00	89,20	198,00	198,00	252,00	115,64
Индия	79,40	187,00	156,00	15,10	19,00	233,00	130,00	73,40	111,61
Великобритания	70,70	73,30	70,60	161,00	129,00	78,90	60,60	71,30	89,43
Италия	77,00	54,40	64,80	55,30	51,10	56,80	48,40	49,30	57,14
Турция	43,60	35,90	72,30	66,00	54,00	79,90	34,40	30,60	52,09
Египет	41,70	59,20	43,80	25,60	36,40	54,50	48,00	35,30	43,06
Тринидад и Тобаго	0,00	0,00	0,00	79,90	141,00	98,70	0,01	0,00	39,95
Азербайджан	25,80	29,20	21,90	18,80	24,60	32,80	31,00	28,50	26,58
Южная Корея	23,90	25,90	21,70	16,40	21,00	32,60	19,10	19,90	22,56
Эстония	25,70	12,50	10,60	30,60	34,90	11,70	10,60	22,40	19,88
Узбекистан	12,00	15,90	10,10	13,00	15,90	25,00	23,20	23,00	17,26
Казахстан	14,70	23,80	24,20	18,60	11,50	12,80	12,30	14,40	16,54
Весь мир	**2547,20**	**2505,10**	**2173,90**	**2306,20**	**2599,30**	**3190,40**	**2821,90**	**2318,90**	**2557,86**

* Рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Товарооборот …].

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CC BY

Из приведённых данных (табл. 1) видно, что важнейшими торговыми партнёрами Архангельской области являются Нидерланды (32,53 %), Бельгия (9,45 %), Китай (4,52 %) и Индия (4,36 %). Нидерланды закупают в основном нефть и нефтепродукты (94 % всего товарооборота). Для торговли с этой страной характерно неуклонное уменьшение товарооборота (более чем в 4 раза), единственным исключением стал 2018 год, когда этот показатель временно вырос на 29 %). Бельгия закупает в Архангельской области драгоценные камни (87,9 %), древесину, бумагу и картон (10,9 %). Товарооборот с этой страной резко вырос между 2014 и 2015 годами в 2,8 раза в связи с началом промышленной добычи алмазов на месторождении имени М. В. Ломоносова и продолжал расти вплоть до 2018 года, однако затем наметилось некоторое снижение (на 24,4 % к концу 2020 года). Китай приобретает древесину, бумагу и картон (86,9 %). Товарооборот с этой страной растёт по экспоненте (в 10,3 раза за весь период), с 2018 года наметилась тенденция увеличения импорта из этой страны (он составляет от 10,5 % до 19,1 %). Индия — морское вооружение (62,2 %), бумагу и картон (15,1 %). Для торговли с этой страной характерны серьёзные колебания (пик пришёлся на 2014—2015 и 2018 годы, а резкий спад — на 2016—2017 годы), что связано с перерывами в сдаче индийским ВМС крупных военных заказов (надводных кораблей и подводных лодок) (рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Товарооборот …]).

На страны, города которых состояли в партнёрстве с городами Архангельской области в исследуемый период, приходится в среднем 18,43 % всего внешнеторгового оборота региона. Семь из этих государств (Финляндия, Германия, Франция, США, Украина, Польша и Беларусь) входят в топ-15 важнейших торговых партнёров. Кроме них, в топ-15 входят такие страны, как Великобритания, Италия, Турция, Египет, Тринидад и Тобаго.

Финляндия закупает нефть и нефтепродукты (36 %), целлюлозу (14,3 %), древесину (6,7 %), а поставляет машины и оборудование (36,1 %). Наивысшие показатели торговой активности были характерны для 2013, 2017—2018 и 2020 годов, они перемежались глубокими спадами (в 2—3 раза). Для торговли с этой страной характерна значительная доля импорта: в отдельные годы она составляла от 1/3 до 2/3 всего товарооборота. Германия закупала нефть и нефтепродукты (11,1 %), древесину (18,2 %), бумагу и картон (41,9 %), а поставляла машины и оборудование (19 %). Наивысшие показатели торговой активности с этой страной пришлись на 2013—2014 и 2017—2018 годы, однако затем следовало снижение товарооборота сразу на 50 млн долларов. Франция закупала нефть и нефтепродукты (36 %), древесину (53,9 %), бумагу и картон (3,5 %), а поставляла машины и оборудование (4,4 %). Наивысший всплеск торговли

CC BY

с ней пришелся на 2017—2018 годы, когда объём товарооборота повысился в 3 раза, но затем он вернулся к прежним значениям. США закупали в Архангельской области древесину (14,3 %), а поставлялит в неё машины и оборудование (10,2 %), а также военное оборудование (67,1 %). С 2013 по 2017 годы объёмы торговли сократились в 4,18 раза, однако затем произошло резкое увеличение товарооборота за счёт импорта (максимум был достигнут в 2019 году, когда импорт составил 199,3 млн долларов, или 94,45 % от общего объёма взаимной торговли). Торговые отношения с Украиной у Архангельской области в 2013—2014 годах находились на максимально высоких показателях, но после возвращения Крыма в состав России пережили глубокий спад (2,3 раза). В 2017—2018 годах произошло некоторое оживление товарооборота (он вырос на 35 %), но с 2020 года вновь наступила фаза спада (на 31,4 %). Украина закупала в регионе бумагу и картон (89,6 %), а поставляла оборудование, преимущественно для нужд ВПК (7,5 %). Для товарооборота с Польшей характерен отрицательный тренд (спад в 3,58 раза), перемежающийся некоторым ростом в 2015 и 2018 годы. Основными товарами, которые закупала польская сторона, стали бумага и картон (78,6 %), нефть и нефтепродукты (10 %), древесина (4,3 %). Торговые отношения у Архангельской области с Республикой Беларусь прошли период сокращения товарооборота в 2013—2016 годах в 1,88 раза, сменившегося в 2017—2019 годах фазой роста (на 35,9 %). Вплоть до 2018 года в товарообороте преобладал импорт белорусской продукции (57,8—58,1 % от общего товарооборота), но в 2019—2020 годах экспорт продукции из Архангельской области стал преобладать над импортом (37,9—38,1 % от общего товарооборота). Беларусь импортирует бумагу и картон (41 %), древесину (2,9 %), а экспортирует в Архангельскую область продовольственную продукцию (39,3 %) (рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Товарооборот …]).

Остальные страны, находящиеся в побратимских отношениях с городами Архангельской области (Швеция, Израиль, Норвегия, Армения и Абхазия), имеют долю в товарообороте от 0 % до 0,5 %. В торговле со Швецией импорт составляет до 95 % от товарооборота (единственное исключение — 2019 год, когда шведы активно импортировали нефть). Швеция поставляла в Архангельскую область машины и оборудование (82,6 %), пластмассы (8,5 %). Товарооборот с Израилем неуклонно снижался в 2013—2017 годах в связи с уменьшением закупок алмазов, однако в 2018—2020 годах, когда закупки вновь резко возросли, пережил небывало мощный подъём (в 6,25 раза). Израильтяне закупали древесину, бумагу и картон (67,9 %), а также драгоценные камни (30,8 %). Рост товарооборота был вызван преимущественно увеличением закупок алмазов с месторождений, располо-

CC BY

женных на территории Архангельской области (в 2020 году они составили уже 35,3 % всего товарооборота). Торговля с Норвегией, за исключением кратковременного роста в 2014 году (он был вызван крупными закупками нефти) и спада в 2016—2018 годах, характеризуется сравнительно ровным течением. Главным товаром, который импортировала Норвегия, традиционно является рыба (59,9 %). Торговые отношения с Арменией характеризует положительная динамика (рост в 3 раза за 2013—2020 годы). Это государство закупает в регионе бумагу и картон (51,3 %), древесину (5,7 %), продовольствие (8,6 %). В 2015—2017 и 2020 годах через территорию Армении для предприятий Архангельской области закупались инструменты и аппараты на общую сумму 2,3 млн долларов (25,1 %). Абхазия занимает незначительное место в товарообороте Архангельской области. После непродолжительного бурного роста в 2014—2016 годах, когда товарооборот вырос с 47,4 до 216 тыс. долларов, последовал резкий спад в 2017 году (в 2,8 раза), а затем торговля с этим государством практически прекратилась (рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Товарооборот …]).

Из приведённых данных (табл. 2) видно, что доля стран СНГ в товарообороте Архангельской области невелика — 5,17—8,48 %, с тенденцией к постепенном снижению на протяжении рассматриваемого периода. Самыми крупными торговыми партнёрами области являются Украина, Беларусь, Азербайджан, Узбекистан и Казахстан. При этом первые два государства сокращают свою долю в товарообороте, а последние три — наращивают её. Основными товарами, которые эти страны закупают в Архангельской области, являются бумага и картон, древесина. Область импортирует у них продовольственные товары. Причем единственной страной, импорт из которой превышает экспорт, является Беларусь. Остальные государства постсоветского пространства, за исключением Туркмении и Абхазии, нарастили своё участие в торговле с Архангельской областью в 1,5—2 раза, но в абсолютном выражении их вклад остаётся очень скромным. Главными товарами, которые эти страны закупают в Архангельской области, являются также бумага и картон, древесина. Молдавия и Армения стали играть важную роль в реимпорте через их территорию машин, оборудования и аппаратуры, необходимых для предприятий Архангельской области в условиях введения начиная с 2014 года западных санкций.

Архангельская область имеет ряд диагональных соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве как с государствами (Армения, Республика Беларусь), так и с органами местного самоуправления иностранных государств. К последним, в числе прочих, относятся некоторые регионы, в которых находятся города-побратимы Архангельска. Так, в 2010 году Правительство Архангельской области

Таблица 2

Динамика внешнеторгового оборота Архангельской области со странами СНГ в 2013—2020 годах (млн долларов США)*

Страна / Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Среднее
Украина	77,50	82,00	35,40	41,20	47,80	47,40	44,70	32,80	51,10
Беларусь	50,40	48,10	36,00	26,70	30,90	31,40	36,30	28,30	36,01
Азербайджан	25,80	29,20	21,90	18,80	24,60	32,80	31,00	28,50	26,58
Узбекистан	12,00	15,90	10,10	13,00	15,90	25,00	23,20	23,00	17,26
Казахстан	14,70	23,80	24,20	18,60	11,50	12,80	12,30	14,40	16,54
Молдова	4,80	8,30	6,50	5,10	6,60	3,60	3,40	2,70	5,13
Киргизия	1,50	2,30	0,66	2,30	3,40	4,10	4,90	4,50	2,96
Таджикистан	0,36	0,43	0,70	1,00	1,70	3,50	3,40	2,90	1,75
Армения	0,51	0,92	0,90	1,40	1,70	1,20	1,10	1,50	1,15
Грузия	0,31	0,38	0,57	0,49	0,65	1,70	2,40	1,40	0,99
Туркмения	1,00	0,90	1,00	0,59	1,00	1,50	1,10	0,53	0,95
Абхазия	0,05	0,21	0,21	0,22	0,08	0,00	0,00	0,00	0,10
Все страны СНГ	**188,92**	**212,44**	**138,13**	**129,40**	**145,83**	**165,00**	**163,80**	**140,53**	**160,51**

* Рассчитано Р. Ю. Болдыревым на основе: [Товарооборот …].

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CC BY

заключило Соглашение с Администрацией губернии Тромс (Королевство Норвегия), в котором обозначались обязательства регионов в таких сферах, как совместная разработка проектов, содействие сотрудничеству в разных областях, привлечение инвесторов, устойчивое развитие общества и территории. Соглашение включало в себя описание основных действий регионов в 12 направлениях сотрудничества, в том числе в предпринимательстве, транспорте, науке и образовании, охране окружающей среды, обмене опытом и развитии лесного комплекса и сельского хозяйства и др. Среди приоритетов в сотрудничестве были названы «транспортная инфраструктура, рыбная отрасль, судостроение и судоремонт, мореплавание и туризм» [О проекте…, № 451-рп, 2010]. Данное Соглашение было заключено сроком на 3 года и продлено в 2013 году наряду с Соглашением о сотрудничестве с еще одним органом местного самоуправления Норвегии — Собранием губернии (фюльке) Финнмарк [О проекте…, № 287-рп, 2009].

В 2011 году было заключено Соглашение о сотрудничестве с Региональным союзом муниципалитетов провинции Северная Остроботния (Финляндская Республика), где располагается побратим Архангельска г. Оулу (договор о побратимстве был приостановлен в 2022 году) [Губернатор…, 2011]. В 2012 году подписано Соглашение между правительством Архангельской области и Администрацией Вайоцдзорской области (Республика Армения) о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве [О состоянии…, 2019]. Стоит напомнить, что Архангельск и армянский город Джермук стали побратимами значительно позже — в 2018 году.

В экономическом сотрудничестве Архангельска с городами-побратимами можно выделить несколько условных направлений: непосредственно торговля и сотрудничество предприятий; регулярные встречи представителей исполнительных органов государственной власти; участие представителей бизнес-сообщества в делегациях с городами-побратимами.

Наиболее ярким примером торговых отношений является расположенный в Архангельске «Торговый дом Армении», который был открыт в 2018 году по предложению, сделанному годом ранее делегацией г. Джермука. Следует отметить, что свыше 10 лет активно развивается торговля между Архангельской областью и Арменией. Открытие Торгового дома явилось важным итогом сотрудничества региона и Вайоцдзорской области Армении и было осуществлено при активной поддержке армянской диаспоры. Проект реализован некоммерческой организацией «Союз сотрудничества Архангельской и Вайоцдзорской областей», созданной в 2018 году. Одним из учредителей Торгового дома является и «Фонд содействия социально-экономическому развитию города Джермук» [Кусочек Армении…,

CC BY

2018]. Торговый дом реализует продукты питания и ювелирные изделия, произведенные в Армении. Также одним из направлений функционирования организации было распространение информации о турах в Армению, в том числе в г. Джермук, который является городом-курортом. Однако данная сфера деятельности была прервана ограничениями, вызванными пандемией COVID-19. Несмотря на это, динамика внешнеторгового оборота регионов остается в целом положительной.

В 2011 году были созданы совместные коммерческие предприятия побратимами Архангельск-Сухум. В Архангельске был открыт Торговый Дом «Сухум», занимающийся поставкой продуктов сельского хозяйства из Абхазии. В Сухуме же было зарегистрировано ООО «Торговый Дом "Архангельск"» с целью торговли пиломатериалами и другими продуктами деревообработки, а также некоторыми товарами пищевой промышленности, производимыми в регионе [В столице…, 2012]. Однако оба торговых дома на данный момент не функционируют.

Архангельск и Вардё на протяжении долгой истории своего сотрудничества осуществили множество совместных проектов в сфере экономики. При этом наиболее активное развитие экономических связей относится к 2010-м годам. Так, в 2017 году началось осуществление проекта по производству и поставке в г. Вардё бревенчатых срубов, сделанных по норвежской технологии. Помимо сборки модульных домов, также проводились поставки архангельской древесины для каминов. В Вардё создан новый рыбоперерабатывающий завод, однако большой проблемой для Северной Норвегии оставалась и продолжает оставаться нехватка сырья, в связи с чем была организована поставка замороженной рыбы из Архангельска в Вардё [Вардё, 2017]. По данным за 2020 год поставки продукции рыбопромышленных предприятий являлись основной статьей экспорта Архангельской области в Норвегию. В Архангельске в тот период функционировали несколько компаний или их региональных представительств, совладельцами которых являлись норвежцы. Например, компания «Wilson», которая занималась набором моряков на суда.

Е. В. Кузнецова приходит к выводу, что города, обладающие «схожими экономическими характеристиками», развивают сотрудничество в упрощенном порядке [Кузнецова, 2021, с. 66—67]. Поэтому схожая специализация регионов, на которую накладывается также близкое географическое положение, делает значительно более простым выстраивание взаимодействия с городами Норвегии, чем с южными партнерами. Важная роль в осуществлении проектов в сфере бизнеса отводилась Почетному консульству Норвегии и Представительству Норвежского Баренцева Секретариата. Однако ещё в 2017 году почетный консул Норвегии А. А. Шалев заявил,

CC BY

что «существует значительный перекос в пользу гуманитарных проектов в ущерб развитию экономики и бизнеса» [Репневский и др., 2018, с. 132].

Экономическое сотрудничество в исследуемый период занимало важное место в побратимских связях Архангельска с городами Норвегии. Однако стоит отметить, что оценить роль именно института побратимства в этом может быть затруднительно, так как зачастую проекты в сфере экономики осуществлялись за счёт Баренцева сотрудничества, программы Коларктик и других программ сотрудничества в Арктике. Также следует учесть, что с 2014 года в связи с внешнеполитической ситуацией деловая активность в регионе значительно снизилась. Присоединение Норвегии к санкциям послужило причиной заморозки дорогостоящих проектов, направленных на разработку месторождений нефти и газа в шельфе Баренцева моря [Репневский и др., 2018, с. 125—127].

Важными для формирования экономических связей и повышения осведомленности партнеров о предприятиях города и возможных направлениях осуществления совместных проектов являлись и миссии деловых кругов в города-побратимы. Например, в октябре 2015 года подобная бизнес-миссия Архангельской области посетила город Хельсинки (Финляндия). В ходе данной поездки руководители 10 организаций области и представители Правительства Архангельской области презентовали регион и предприятия, встретились с представителями финских организаций для обсуждения перспективных проектов, а также посетили строительные площадки и верфи, где ознакомились с применением инноваций на производстве. Также было заключено соглашение о сотрудничестве между Ассоциацией «Созвездие» и Ассоциацией «General Finland», специализирующимися на машиностроении. До пандемии COVID-19 представители Архангельска часто принимали участие в бизнес-форумах, проводимых в городах-побратимах для поиска новых направлений сотрудничества, в том числе и экономического. Так, в 2019 году в г. Джермуке состоялся бизнес-форум, на котором губернатор Архангельской области И. А. Орлов стал инициатором развития торговли и туристических связей между регионами [Для каждого…, 2019]. Важным мероприятием в сфере торговли является Маргаритинская ярмарка, которая предоставляет возможность встретиться в официальных и бизнес-кругах для обсуждения вопросов экономического развития и сотрудничества. В 2018 году деловая программа была посвящена развитию области как экспортоориентированного региона, в ней приняли участие делегации Германии, Армении, Норвегии, Финляндии и других стран [Итоги…, 2018].

Однако важно отметить, что только проведения встреч на высоком уровне недостаточно для формирования тесного экономического сотрудничества.

CC BY

В одном из интервью 2018 года почетный консул Норвегии А. А. Шалев отметил, что «можно устроить какую-то бизнес-конференцию, организовать поездку делегации бизнесменов, но заставить вести бизнес нельзя» [Репневский и др., 2018, с. 132]. Действительно, существует большое количество примеров подобных явлений. Так, на 2016 год было запланировано проведение бизнес-миссии деловых кругов Архангельской области в Армению. Однако она не была организована из-за невысокого интереса у предпринимателей Архангельска к поиску партнеров в этом государстве.

В условиях сегодняшнего дня политическая ситуация делает затруднительными любые прогнозы о перспективах развития внешних связей. Так, в одностороннем порядке расторгли договоры Слупск (Польша), Кируна (Швеция) и Юсдаль (Швеция). Временно приостановили сотрудничество Оулу (Финляндия) и один из первых городов-побратимов Эмден (Германия).

Помимо политических проблем развития отношений с городами-побратимами и ситуации пандемии COVID-19 с ее ограничениями, можно назвать и трудности социально-экономического развития области: регион, несмотря на большое количество имеющихся ресурсов, является дотационным и обладает большими проблемами в сфере демографии. Другое препятствие кооперации составляли высокие издержки на логистику. Это особенно затрудняло развитие торгово-экономических связей с городами-побратимами, находящимися в удаленных государствах.

Таким образом, Архангельская область с конца 1980-х годов активно участвовала в заключении побратимских связей с иностранными городами. При этом наибольшее количество соглашений было заключено столицей региона. Города области в сотрудничестве с побратимами делали акцент на культурных и социальных связях, что, несомненно, явилось плюсом для формирования положительного представления о конкретном городе, однако все потенциалы института побратимства в данном ключе не были использованы.

4. Заключение = Conclusions

В Российской Федерации, при складывающейся в последнее десятилетие тенденции к централизации управления международной и внешнеэкономической деятельностью регионов, фактически отсутствует государственное регулирование института побратимства городов на федеральном и региональном уровнях. Отсутствие типовых документов, единых форм отчётности (а зачастую и самой отчётности) по вопросам побратимства создаёт серьёзные трудности в дальнейшем развитии этого института народной дипломатии, расширении внешнеэкономической деятельности российских регионов и распространении «мягкой силы» РФ в мире.

CC BY

На территории Архангельской области в 1990—2010-х годах развитием побратимских связей занимались Архангельск, Северодвинск, Котлас и Нарьян-Мар. Наиболее успешным оказалось сотрудничество, которое изначально зарождалось «снизу». Практически все проекты установления горизонтальных международных связей между муниципальными образованиями, инициированные Администрацией области, оказались неэффективными. Главным (а зачастую — единственным) направлением побратимских контактов в 1990—2000-е годы стало социально-гуманитарное и образовательное сотрудничество. Из всех городов только один Архангельск на рубеже 2000-х — 2010-х годов предпринял попытку перехода к экономическому сотрудничеству.

Архангельская область богата природными ресурсами: здесь добываются минералы, располагаются единственная в Европе алмазоносная провинция, крупные месторождения нефти и газа, четверть лесного фонда Европейского Севера России, большое количество биологических, рыбных ресурсов и т. д. Промышленность региона имеет ярко выраженный экспортоориентированный характер. Крупный порт, соединённый железными дорогами с важнейшими промышленными районами страны, с возможностью круглогодичной навигации также может использоваться для осуществления внешнеэкономической деятельности. Географическое положение и номенклатура производимой продукции предопределили, что основными торговыми партнёрами Архангельской области стали страны Западной Европы и США — их доля в товарообороте составляет 78,5 %, на развивающиеся страны приходится 15,5%, а на страны СНГ — только 6 %. Привлечение иностранных инвестиций для развития и модернизации производств в этих сферах способно оказать влияние на социально-экономическое развитие и увеличение привлекательности региона.

Важнейшими торговыми партнёрами Архангельской области в изучаемый период традиционно являются Нидерланды, Бельгия, Китай и Индия, на которые в сумме приходится более 50 % товарооборота. В то же время страны, с городами которых у области установлены партнёрские отношения, также играют важную роль в развитии внешней торговли — их совокупная доля в товарообороте достигает 18,4 %, а семь стран (Финляндия, Германия, Франция, США, Украина, Польша и Беларусь) входят в топ-15 важнейших торговых партнёров региона.

Наиболее результативным может стать сотрудничество между родственными предприятиями. Так, при заключении Соглашения о сотрудничестве между Архангельском и норвежским Тромсё среди будущих направлений совместной деятельности была заявлена сфера энергетики. Совместные проекты по разработке и внедрению новых технологий добы-

CC BY

чи нефти и газа входили в интересы правительств обоих арктических государств. Важнейшим направлением явился и обмен опытом в сфере местного самоуправления и градостроения. Эта сфера сотрудничества была заявлена в соглашениях с такими городами, как Портленд, Вардё, Слупск, Эмден, Тромсё, Сухум. Сюда можно включить обширный круг вопросов: от санитарной техники, коммуникаций и транспорта до здравоохранения и социального обеспечения. Обмен инновационным опытом в этой сфере имел большое значение в развитии территории и улучшении уровня жизни населения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Архангельск* и Вардё : сотрудничество городов-побратимов. 20.07.2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://arkhangelsk.tpprf.ru/ru/news/199312/ (дата обращения 09.06.2023).

2. *Архангельск* и *Слупск* — 30 лет побратимских связей. 21.11.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.arhcity.ru/?page=0/52839 (дата обращения 09.06.2023).

3. *Архангельская область (паспорт* региона). 12.04.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/print/?id=1422036&lang=ru (дата обращения 07.06.2023).

4. *Архангельская область (справка)*. 17.02.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1770322/ (дата обращения 07.06.2023).

5. *Архангельской области* 60 лет. Краткий статистический сборник / [Редкол. : С. Я. Комиссарова (пред.) и др.] ; Госкомстат Рос. Федерации, Арханг. обл. ком. гос. статистики. — Архангельск : Архоблстат, 1997. — 98 с.

6. *Вклад* Архангельска в развитие побратимских связей отмечен на международном уровне. 14.09.2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.arhcity.ru/?page=0/47826 (дата обращения 09.06.2023).

7. *В столице* начинает работать «Торговый дом «Архангельск» // Газета Администрации и Собрания г. Сухум № 33 (288). 30 ноября — 10 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://aizara-sukhum.org/upload/iblock/7b7/A_S_33.pdf (дата обращения 09.06.2023).

8. *Города-побратимы* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.admnmar.ru/deyatelnost/mezhmunitsipalnoe-sotrudnichestvo/goroda-pobratimy/ (дата обращения 10.06.2023).

9. *Города*-побратимы из Польши и Швеции разорвали связи с Архангельском из-за Украины. 18.04.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.news29.ru/m/politika/Goroda_pobratimy_iz_Polshi_i_Shvecii_razorvali_svjazi_s_Arhangelskom/96323 (дата обращения 10.06.2023).

10. *Губернатор* Архангельской области подписал соглашение о сотрудничестве с провинциями Финляндии. 22.09.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://regions.ru/news/2372620/ (дата обращения 10.06.2023).

11. *Динамика* экспорта и импорта товаров [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://29.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vn_torg%20AO.xls (дата обращения 10.06.2023).

12. «*Для каждого* армянина Дом — это святое» : в Ереване открылся торговый дом Архангельска — Дом Русского Севера, 07.10.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://bclass.ru/vlast/biznes_i_vlast/dlya-kazhdogo-armyanina-dom-eto-svyatoe-v-erevane-otkrylsya-dom-russkogo-severa/ (дата обращения 10.06.2023).

13. *Договор* о дружественных связях между городами Архангельском и Большим *Портлендом* от 18.11.1988 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Portland.pdf (дата обращения 07.06.2023).

14. *Договор* о дружественных связях между городами Архангельском и *Вардё*, 23.02.1989 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Vardo.pdf (дата обращения 06.06.2023).

15. *Договор* о партнёрстве между городом *Эмденом* и городом Архангельском, 22.11.1989 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Emden.pdf (дата обращения 06.06.2023).

16. *Договор* о сотрудничестве между Университетом Верхнего Эльзаса, мэрией *Мюлуза*, Поморским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и мэрией Архангельска, 1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Mulhouse.pdf (дата обращения 07.06.2023).

17. *Европейская* рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (ETS № 106) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2003 г. № 31. Ст. 3103 ; Бюллетень международных договоров. — 2003. —№ 10. — С. 3—120.

18. *Заявление* о поддержке сотрудничества и дружественных партнёрских отношений между городами Северодвинск (Российская Федерация) и *Нойштадт*-в-Гольштейне (Федеративная Республика Германия), 1.10.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://severodvinsk.info/docs/other/Partners/2012.09.26_Partnery.zip (дата обращения 08.06.2023).

19. *Информация* о городах-побратимах [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.arhcity.ru/?page=232/2 (дата обращения 10.06.2023).

20. *Итоги* деловой программы Маргаритинской ярмарки : 1000 участников и 7 иностранных делегаций [Электронный ресурс]. — Режим доступа : //https://dvinainvest.ru/news/itogi_delovoy_programmy_margaritinskoy_yarmarki_1000_uchastnikov_i_7_inostrannykh_delegatsiy/?sphrase_id=1594 (дата обращения 10.06.2023).

21. *Кусочек* Армении — в самом сердце Архангельска [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://dvinanews.ru/-u84f73pe (дата обращения 10.06.2023).

22. *Международные* и межрегиональные связи Архангельской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://dvinaland.ru/foreign/ (дата обращения 10.06.2023).

23. *Настоящая* дружба — крепкий фундамент. Сотрудничество : В столице Поморья побывала делегация из польского города-побратима Слупска // Архангельск — город воинской славы. — 2019. — № 92 (882). — С. 4.

24. *Об инвестиционной* стратегии Архангельской области до 2025 г. : Распоряжение Правительства Архангельской области от 25.02.2016 г. № 46-рп [Электронный ре-

CC BY

сурс]. — Режим доступа : https://dvinainvest.ru/upload/iblock/564/5648eb8552fd37b27fcc471b7c3e5aeb.pdf (дата обращения 08.06.2023).

25. *Об основах* государственного регулирования внешнеторговой деятельности : Федеральный закон от 08.12.2003 г. *№ 164-ФЗ* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/20277 (дата обращения 08.06.2023).

26. *Об основах* приграничного сотрудничества : Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/42132 (дата обращения 08.06.2023).

27. *О договорах* и соглашениях Архангельской области : Закон Архангельской области от 14.03.2007 г № 320-16-ОЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://docs.cntd.ru/document/962016672 (дата обращения 07.06.2023).

28. *О координирующей* роли департамента протокола и международных связей администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области в осуществлении международных связей Архангельской области : Указ Губернатора Архангельской области от 31.08.2012 г. № 134-у [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://docs.cntd.ru/document/962034834 (дата обращения 08.06.2023).

29. *О координирующей* роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/34205 (дата обращения 08.06.2023).

30. *О координирующей* роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 12.03.1996 г. № 375 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/9032 (дата обращения 08.06.2023).

31. *О координации* международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347 (дата обращения 08.06.2023).

32. *О стратегическом* планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (дата обращения 08.06.2023).

33. *О проекте* соглашения о сотрудничестве между Правительством Архангельской области и правлением губернии Финнмарк Королевства Норвегия : Распоряжение Правительства Архангельской области от 23.11.2009 г № 287-рп [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://arkh-gov.ru/doc/20405 (дата обращения 08.06.2023).

34. *О проекте* соглашения о сотрудничестве между Правительством Архангельской области и правлением губернии Тромс Королевства Норвегия : Распоряжение Правительства Архангельской области от 14.09.2010 № 451-рп [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://arkh-gov.ru/doc/24501 (дата обращения 08.06.2023).

35. *О роли* и значении побратимских связей городов Архангельской области (Справка). 01.07.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/upload/archive/bd59164cfcf3a5d20486be8385214921.docx (дата обращения 08.06.2023).

36. *О состоянии* международных и внешнеэкономических связей Архангельской области со странами СНГ. 5.07.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1465405/ (дата обращения 08.06.2023).

CC BY

37. *План* мероприятий по развитию международных связей Администрации муниципального образования «Город Архангельск» на 2020 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.arhcity.ru/data/2257/2020%20Plan.pdf (дата обращения 08.06.2023).

38. *Побратимство* — это торжество демократии. В Архангельском городском культурном центре отметили 30-летие установления побратимских связей между Архангельском и немецким городом Эмден // Архангельск — город воинской славы. — 2019. — № 81 (871). — С. 12.

39. *«Приграничное,* международное сотрудничество и общественная дипломатия в контексте территориального развития» в рамках Форума активных граждан «Сообщество». 19 сентября 2018 г. : Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам секции [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://old.oprf.ru/files/1_2018dok/rekomen_prigranichnoe_sotrudnichestvo19092018.docx (дата обращения 08.06.2023).

40. *Соглашение* о сотрудничестве между городом Архангельском (Российская Федерация) и городом *Джермуком* (Республика Армения), 9.04.2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Jermuk.pdf (дата обращения 08.06.2023).

41. *Соглашение* о сотрудничестве между городом *Сухум* (Республика Абхазия) и городом Архангельск (Российская Федерация), 6.06.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.arhcity.ru/data/232/Sukhum.pdf (дата обращения 08.06.2023).

42. *Сотрудничеству* с городами и странами руководство города Котласа уделяет большое внимание 10.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.kotlas-city.ru/_news_10_06_14_1.htm (дата обращения 10.06.2023).

43. *Товарооборот* Архангельской области // Ru-Stat : Экспорт и импорт России по товарам и странам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ru-stat.com/date-Y2021-2022/RU11000/trade (дата обращения 08.06.2023).

44. *Archangel Committee* of Greater Portland, Maine. Russian sister-city program of Greater Portland, Maine (The Archangel Committee) [Electronic resource]. — Access mode : https://www.archangelportland.org/ (accessed 10.06.2023).

45. *Kotlas* — Waterville Sister City Connection [Electronic resource] // 2022 City of Waterville. — Access mode : http://www.waterville-me.gov/mayor/kotlas-waterville-sister-city-connection/ (accessed 10.06.2023).

Литература

1. *Артеев С. П.* Эволюция международных связей Республики Коми с Венгрией : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / С. П. Артеев. — Москва, 2018. — 307 с.

2. *Болотникова Е. Г.* Политика «Северного измерения» и её влияние на международные связи субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Е. Г. Болотникова. — Санкт-Петербург, 2012. — 234 с.

3. *Зарубина Л. А.* Особенности трансграничного сотрудничества на Севере : социально-философские аспекты : диссертация ... кандидата философских наук : 5.7.7 / Л. А. Зарубина. — Архангельск, 2021. — 195 с.

4. *Карпенко Е. В.* Развитие сотрудничества Нижегородской области и земли Северный Рейн-Вестфалия : структурно-функциональные особенности и технологическое обеспечение : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Е. В. Карпенко. — Нижний Новгород, 2007. — 203 с.

CC BY

5. *Комлева В. В.* Международное сотрудничество регионов России : институциональные основы и характерные модели / В. В. Комлева // Россия : общество, политика, история. — 2022. — № 1 (1). — С. 10—34.

6. *Косов Ю. В.* Трансграничное региональное сотрудничество : северо-запад России / Ю. В. Косов // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 5. — С. 145—153.

7. *Кузнецова Е. В.* Место и роль побратимских связей в реализации внешней политики государства / Е. В. Кузнецова // Побратимство городов : состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты : материалы международной научно-практической конференции, 23—24 апреля 2021 г. / под ред. О. С. Пустошинской, Г. Саймонса, В. В. Никуленкова. — Тюмень : ТюмГУ, 2021. — С. 65—70.

8. *Мухаметов Р. С.* Факторы международной активности российских городов / Р. С. Мухаметов // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 13(6). — С. 153—174. — DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174.

9. *Пашаян Д. А.* Особенности побратимства городов Европейского союза и Российской Федерации : опыт Санкт-Петербурга и Дрездена / Д. А. Пашаян // Побратимство городов : состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты : материалы международной научно-практической конференции, 23—24 апреля 2021 г. / под ред. О. С. Пустошинской, Г. Саймонса, В. В. Никуленкова. — Тюмень : ТюмГУ, 2021. — С. 44—50.

10. *Поморская* энциклопедия. Экономика Архангельского Севера / гл. ред. О. М. Соколов. — Архангельск : АГТУ, 2006. — Т. III. — 636 с. — ISBN 5-261-00242-7.

11. *Репневский А. В.* Три жизни консульства Норвегии в Архангельске / А. В. Репневский, О. В. Зарецкая, А. А. Реутова, А. О. Подоплёкин, А. А. Топтунов // Арктика и Север. — 2018. — № 33. — С. 118—136. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.118.

12. *Саямов Ю. Н.* Дипломатия городов и связи городов-побратимов как часть народной дипломатии и элемент международных отношений / Ю. Н. Саямов // Побратимство городов : состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты : материалы международной научно-практической конференции, 23—24 апреля 2021 г. / под ред. О. С. Пустошинской, Г. Саймонса, В. В. Никуленкова. — Тюмень : ТюмГУ, 2021. — С. 71—80. — ISBN 978-5-317-04491-6.

13. *Castanho R.* Identifying critical factors for success in Cross Border Cooperation (CBC) development projects / R. Castanho, L. Loures, J. Fernández, L. Pozo // Habitat International. — 2018. — Vol. 72. — Pp. 92—99. — DOI: 10.1016/j.habitatint.2016.10.004.

14. *Clarke N.* Town Twinning in Britain since 1945 : A Summary of findings / N. Clarke // Geoforum. — 2010. — Vol. 42 (1). — Pp. 115—125.

15. *Cross B.* Sister Cities and Economic Development : A New Zealand Perspective / B. Cross // Transylvanian Review of Administrative Sciences. — 2010. — Vol. 30. — Pp. 104—117.

16. *Faliński S.* Local Self-Governments as New Actors in the International Stage. The Scope of the Issue / S. Faliński // Polish Political Science Yearbook. — 2019. — Vol. 48 (4). — Pp. 559—571. — DOI: https://doi.org/10.15804/ppsy2019403.

17. *Jańczak J.* Town twinning in Europe. Understanding manifestations and strategies / J. Jańczak // Journal of Borderlands Studies. — 2017. — Vol. 32 (4). — Pp. 477—495. — DO I:10.1080/08865655.2016.1267589.

18. *Joenniemi P.* Theorizing Town Twinning — Towards a Global Perspective / P. Joenniemi, J. Jańczak // Journal of Borderlands Studies. — 2017. — Vol. 32 (4). — Pp. 423—428. — DOI:10.1080/08865655.2016.1267583.

19. *O'Toole K.* Kohusaika and internationalization : Australia and Japanese sister city type relationships / K. O'Toole // Australian Journal of International Affairs. — 2001. — Vol. 55. — № 3. — Pp. 403—419.

20. *O'Toole K.* Sister Cities in Australia : A Survey Report / K. O'Toole. — Victoria : Geeling Vic., 1999. — 276 p.

21. *Smith J.* The Economic Benefits of Sister City Relationships [Electronic resource] / J. Smith, J. Ballingall. — Wellington, 2003. — Access mode : https://nzier.org.nz/publication/economic-benefits-of-sister-city-relationships (accessed 15.06.2023).

22. *Zelinsky W.* The twinning of the World : Sister Cities in Geographical and Historical Perspectives / W. Zelinsky // Association of American Geographers. — 1991. — Vol. 81 (1). — Pp. 1—31.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023,
одобрена после рецензирования 03.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

A piece of Armenia is in the heart of Arkhangelsk. Available at: http://dvinanews.ru/-u84f73pe (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Action plan for the development of international relations of the Administration of municipal education "Arkhangelsk City" for 2020. Available at: https://www.arhcity.ru/data/2257/2020%20Plan.pdf (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

Agreement on friendly relations between the cities of Arkhangelsk and Vard, 02/23/1989. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Vardo.pdf (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

Archangel Committee of Greater Portland, Maine. Russian sister-city program of Greater Portland, Maine (The Archangel Committee). Available at: https://www.archangel-portland.org/ (accessed 10.06.2023).

Arkhangelsk and Slupsk — 30 years of twinning relations. 21.11.2019. Available at: https://www.arhcity.ru/?page=0/52839 (accessed 9.06.2023). (In Russ.).

Arkhangelsk and Varde: cooperation of twin cities. 20.07.2017. Available at: https://arkhangelsk.tpprf.ru/ru/news/199312 / (accessed 9.06.2023). (In Russ.).

Arkhangelsk region (passport of the region). 12.04.2022. Available at: https://www.mid.ru/print/?id=1422036&lang=ru (date of application 7.06.2023). (In Russ.).

Arkhangelsk region (reference). 17.02.2022. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1770322 / (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

Arkhangelsk region is 60 years old. A brief statistical collection. (1997). Arkhangelsk: [Arkhoblstat]. 98 p. (In Russ.).

Arkhangelsk's contribution to the development of twinning ties has been noted at the international level. 14.09.2018. Available at: https://www.arhcity.ru/?page=0/47826 (accessed 9.06.2023). (In Russ.).

Cooperation Agreement between the city of Arkhangelsk (Russian Federation) and the city of Jermuk (Republic of Armenia), 9.04.2018. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Jermuk.pdf (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

Cooperation agreement between the city of Sukhum (Republic of Abkhazia) and the city of Arkhangelsk (Russian Federation), 6.06.2011. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Sukhum.pdf (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

CC BY

Cooperation agreement between the University of Upper Alsace, the City Hall of Mulhouse, the Pomeranian State University named after M. V. Lomonosov and the City of Arkhangelsk, 1999. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Mulhouse.pdf (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

Dynamics of export and import of goods. Available at: https://29.rosstat.gov.ru/storage/media-bank/vn_torg%20AO.xls (date of appeal 10.06.2023). (In Russ.).

European Framework Convention on Cross-Border Cooperation of Territorial Communities and Authorities (ETS No. 106). (2003). *Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.08.2003 № 31. St. 3103; Bulletin of International Treaties, 10:* 3—120. (In Russ.).

For every Armenian, a house is sacred: Arkhangelsk trading house — The House of the Russian North opened in Yerevan, 07.10.2019. Available at: https://bclass.ru/vlast/biznes_i_vlast/dlya-kazhdogo-armyanina-dom-eto-svyatoe-v-erevane-otkrylsya-dom-russkogo-severa / (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Information about twin cities. Available at: https://www.arhcity.ru/?page=232/2 (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

International and interregional relations of the Arkhangelsk region. Available at: https://dvinaland.ru/foreign / (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Kotlas — *Waterville Sister City Connection. 2022 City of Waterville*. Available at: http://www.waterville-me.gov/mayor/kotlas-waterville-sister-city-connection/ (accessed 10.06.2023).

On contracts and agreements of the Arkhangelsk region: The Law of the Arkhangelsk region dated 14.03.2007 № 320-16-OZ. Available at: https://docs.cntd.ru/document/962016672 (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

On Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Subjects of the Russian Federation: Federal Law № 4-FZ of 04.01.1999. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law № 172-FZ of 28.06.2014. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the basics of cross-border cooperation: Federal Law № 179-FZ of 26.07.2017. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42132 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the basics of state regulation of foreign trade activity: Federal Law № 164-FZ dated 08.12.2003. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/20277 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the coordinating role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in carrying out the Unified Foreign Policy Line of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 1478 dated 08.11.2011. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/34205 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the role and significance of twinning relations of the cities of the Arkhangelsk region (Reference). 1.07.2019. Available at: https://www.mid.ru/upload/archive/bd59164cfcf3a5d20486be8385214921.docx (date of publication 8.06.2023). (In Russ.).

On the state of international and foreign economic relations of the Arkhangelsk region with the CIS countries. 5.07.2019. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1465405 / (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the coordinating role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in carrying out the Unified Foreign Policy Line of the Russian Federation: Decree

of the President of the Russian Federation № 375 dated 12.03.1996. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9032 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the coordinating role of the Protocol and International Relations Department of the Administration of the Governor of the Arkhangelsk Region and the Government of the Arkhangelsk Region in the implementation of international relations of the Arkhangelsk Region: Decree of the Governor of the Arkhangelsk Region dated 31.08.2012 № 134-u. Available at: https://docs.cntd.ru/document/962034834 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the draft agreement on cooperation between the Government of the Arkhangelsk Region and the Board of the Province of Troms of the Kingdom of Norway: Decree of the Government of the Arkhangelsk Region dated 14.09.2010 № 451-rp Available at: https://arkh-gov.ru/doc/24501 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the draft cooperation Agreement between the Government of the Arkhangelsk Region and the Board of the Finnmark Province of the Kingdom of Norway: Decree of the Government of the Arkhangelsk Region dated 11/23/2009 № 287-rp. Available at: https://arkh-gov.ru/doc/20405 (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

On the investment strategy of the Arkhangelsk region until 2025: Decree of the Government of the Arkhangelsk Region dated 25.02.2016 № 46-rp Available at: https://dvina-invest.ru/upload/iblock/564/5648eb8552fd37b27fcc471b7c3e5aeb.pdf (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

Partnership agreement between the city of Emden and the city of Arkhangelsk, 11/22/1989. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Emden.pdf (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

Recommendations of the Public Chamber of the Russian Federation on the results of the section "Cross-border, international cooperation and public diplomacy in the context of territorial development" within the framework of the Forum of Active Citizens "Community". September 19, 2018. Available at: https://old.oprf.ru/files/1_2018dok/rekomen_prigranichnoe_sotrudnichestvo19092018.docx (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

Results of the business program of the Margaritinskaya Fair: 1000 participants and 7 foreign delegations. Available at: //https://dvinainvest.ru/news/itogi_delovoy_programmy_margaritinskoy_yarmarki_1000_uchastnikov_i_7_inostrannykh_delegatsiy/?sphrase_id=1594 (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Statement of support for cooperation and friendly partnership relations between the cities of Severodvinsk (Russian Federation) and Neustadt-in-Holstein (Federal Republic of Germany), 1.10.2008. Available at: https://severodvinsk.info/docs/other/Partners/2012.09.26_Partnery.zip (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

The Agreement on friendly relations between the cities of Arkhangelsk and Greater Portland dated 18.11.1988. Available at: http://www.arhcity.ru/data/232/Portland.pdf (accessed 7.06.2023). (In Russ.).

The Arkhangelsk Trading House starts working in the capital. (2012). *Newspaper of the Administration and Assembly of Sukhum № 33 (288). November 30 — December 10.* Available at: http://aizara-sukhum.org/upload/iblock/7b7/A_S_33.pdf (accessed 9.06.2023). (In Russ.).

The Governor of the Arkhangelsk region signed a cooperation agreement with the provinces of Finland. 22.09.2011. Available at: https://regions.ru/news/2372620 / (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Trade turnover of the Arkhangelsk region. *Ru-Stat: Export and import of Russia by goods and countries.* Available at: https://ru-stat.com/date-Y2021-2022/RU11000/trade (accessed 8.06.2023). (In Russ.).

Twin cities from Poland and Sweden have severed ties with Arkhangelsk because of Ukraine. 04/18/2022. Available at: https://www.news29.ru/m/politika/Goroda_pobratimy_iz_Polshi_i_Shvecii_razorvali_svjazi_s_Arhangelskom/96323 (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

Twin cities. Available at: https://www.adm-nmar.ru/deyatelnost/mezhmunitsipalnoe-sotrudnichestvo/goroda-pobratimy / (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

References

Arteev, S. P. (2018). *Evolution of international relations of the Komi Republic with Hungary.* PhD Diss. Moscow. 307 p. (In Russ.).

Bolotnikova, E. G. (2012). *The policy of the "Northern Dimension" and its impact on international relations of the subjects of the Russian Federation included in the North-Western Federal District.* PhD Diss. St. Petersburg. 234 p. (In Russ.).

Castanho, R., Loures, L., Fernández, J., Pozo, Z. (2018). Identifying critical factors for success in Cross Border Cooperation (CBC) development projects. *Habitat Inter-national, 72:* 92—99. DOI: 10.1016/j.habitatint.2016.10.004.

Clarke, N. (2010). Town Twinning in Britain since 1945: A Summary of findings. *Geofo-rum, 42 (1):* 115—125.

Cross, B. (2010). Sister Cities and Economic Development: A New Zealand Perspective. *Transylvanian Review of Administrative Sciences, 30:* 104—117.

Faliński, S. (2019). Local Self-Governments as New Actors in the International Stage. The Scope of the Issue. *Polish Political Science Yearbook, 48 (4):* 559—571. DOI: https://doi.org/10.15804/ppsy2019403.

Jańczak, J. (2017). Town twinning in Europe. Understanding manifestations and strate-gies. *Journal of Borderlands Studies, 32 (4):* 477—495. DOI:10.1080/08865655.2016.1267589.

Joenniemi, P., Jańczak, J. (2017). Theorizing Town Twinning — Towards a Global Perspective. *Journal of Borderlands Studies, 32 (4):* 423—428. DOI:10.1080/08865655.2016.1267583.

Karpenko, E. V. (2007). *Development of cooperation between the Nizhny Novgorod region and the land of North Rhine-Westphalia: structural and functional features and technological support.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 203 p. (In Russ.).

Komleva, V. V. (2022). International cooperation of Russian regions: institutional foundations and characteristic models. *Russia: society, politics, history, 1 (1):* 10—34. (In Russ.).

Kosov, Yu. V. (2003). Cross-border regional cooperation: North-West of Russia. *Polis. Political studies, 5:* 145—153. (In Russ.).

Kuznetsova, E. V. (2021). The place and role of twinning ties in the implementation of the external policy of the state. In: *Twinning of cities: state, development opportunities, challenges, priorities: materials of the International scientific and practical conference, April 23—24, 2021.* Tyumen: TSU. 65—70. (In Russ.).

Mukhametov, R. S. (2020). Factors of international activity of Russian cities. *Bulletin of MGIMO University, 13 (6):* 153—174. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174. (In Russ.).

O'Toole, K. (2001). Kohusaika and internationalization: Australia and Japanese sister city type relationships. *Australian Journal of International Affairs, 55 (3):* 403—419.

O'Toole, K. (1999). *Sister Cities in Australia: A Survey Report.* Victo-ria: Geeling Vic. 276 p.

Pashayan, D. A. (2021). Features of the twinning of the cities of the European Union and the Russian Federation: the experience of St. Petersburg and Dresden. In: *Twin cities: state, development opportunities, challenges, priorities: materials of the International scientific and practical conference, April 23—24, 2021.* Tyumen: TSU. 44—50. (In Russ.).

Pomor Encyclopedia. Economics of the Arkhangelsk North, III. Arkhangelsk: AGTU. 636 p. ISBN 5-261-00242-7. (In Russ.).

Repnevsky, A. V., Zaretskaya, O. V., Reutova, A. A., Podoplekin, A. O., Toptunov, A. A. (2018). The three lives of the Norwegian Consulate in Arkhangelsk. *Arctic and the North, 33:* 118—136. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.118. (In Russ.).

Sayamov, Yu. N. (2021). Diplomacy of cities and twin cities connections as part of public diplomacy and an element of international relations. In: *Twin cities: state, development opportunities, challenges, priorities: materials of the International scientific and practical conference, April 23—24, 2021.* Tyumen: TSU. 71—80. ISBN 978-5-317-04491-6. (In Russ.).

Smith, J. (2003). *The Economic Benefits of Sister City Relationships.* Wellington. Available at: https://nzier.org.nz/publication/economic-benefits-of-sister-city-relationships (accessed 15.06.2023).

Zarubina, L. A. (2021). *Features of cross-border cooperation in the North: socio-philosophical aspects.* PhD Diss. Arkhangelsk. 195 p. (In Russ.).

Zelinsky, W. (1991). The twinning of the World: Sister Cities in Geographical and Historical Perspectives. *Association of American Geographers, 81 (1):* 1—31.

The article was submitted 20.07.2023;
approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ванчикова Ц. П. Монастыри первого Джебзундамба-хухухты Занабазара (1635—1723) : Шанхын-хийд, Тувхун-хийд, Эрдэни-хамбын-хийд (по материалам экспедиции 2022) / Ц. П. Ванчикова, Н. Д. Цыренова, И. Д. Ван // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 288—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-288-311.

Vanchikova, Ts. P., Tsyrenova, N. D., Van, I. D. (2023). Monasteries of First Jebtsundamba Khutukhtu Zanabazar (1635—1723): Shankhyn-khiid, Tuvkhun-khiid, Erdene-khambyn-khiid (2022 Expedition). *Nauchnyi dialog, 12* (7): 288-311. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-288-311. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-288-311

Монастыри первого Джебзундамба-хухухты Занабазара (1635—1723): Шанхын-хийд, Тувхун-хийд, Эрдэни-хамбын-хийд (по материалам экспедиции 2022)

Ванчикова Цымжит Пурбуевна *
orcid.org/0000-0002-1381-6186
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Центра восточных рукописей и ксилографов,
**** корреспондирующий автор***
vanchikova_ts@mail.ru

Цыренова Номинь Дондоковна
orcid.org/0000-0001-9578-5493
младший научный сотрудник, аспирант
Центра переводов с восточных языков
nomin_n@mail.ru

Ван Ирина Доржиевна
orcid.org/0000-0002-3577-8061
младший научный сотрудник
научно-организационного отдела
irdon@yandex.ru

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 22-18-20001 «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас»

Monasteries of First Jebtsundamba Khutukhtu Zanabazar (1635—1723): Shankhyn-khiid, Tuvkhun-khiid, Erdene-khambyn-khiid (2022 Expedition)

Tsymzhit P. Vanchikova *
orcid.org/0000-0002-1381-6186
Doctor of History, Chief Researcher,
Oriental Manuscripts and Xylographs Center,
**** Corresponding author***
vanchikova_ts@mail.ru

Nomin D. Tsyrenova
orcid.org/0000-0001-9578-5493
Junior Researcher, Post-graduate Student,
Oriental Languages Translation Center
nomin_n@mail.r,

Irina D. Van
orcid.org/0000-0002-3577-8061
Junior Researcher,
Department of Scientific-Organization
irdon@yandex.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-20001 “Buryat Buddhist pilgrims to the holy places of Tibet: a historical and cultural atlas”

© Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д., Ван И. Д., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается краткая история и современное состояние трех ранних монастырей первого Богдо-гэгэна Джебзундамба-хутухты: Шанхын-хийд, Тувхун-хийд и Эрдэни-хамбын-хийд (Хөгнө-ханы-хийд), — расположенных в Убурхангайском и Булганском аймаках Монголии. Материалом для статьи послужили результаты полевых исследований, проведенных авторами в 2022 году. Использованы также документы и различные опубликованные источники на монгольском языке, в частности интервью. Показана в исторической ретроспективе роль традиционной буддистской монастырской системы, занимавшей существенное место в жизни Монголии и ее народа. Проанализированы современные процессы по восстановлению в обществе социальных функций монастырей. Исследуются три монастыря, которые относятся к категории гэгэновских или хутухтинских, основанных Ундур-гэгэном. Использовались методы историко-топографического анализа священных объектов монастырей, включенного наблюдения, сравнительно-исторический, историко-биографический, а также источниковедческие методы. Авторы приходят к выводу, что наиболее целостной является история монастыря Барун-хурэ, поскольку он являлся не только резиденцией Ундур-гэгэна и религиозным объектом, но и крупным культурным, образовательным и социально-экономическим центром. Утверждается, что в настоящее время осуществляются частичная реконструкция монастырей и возрождение буддистских традиций в соответствии с современными реалиями.

Ключевые слова:
Буддийские монастыри; Богдо-гэгэн; Ундур-гэгэн; Шанхын-хийд; Тувхун-хийд; Эрдэни-хамбын-хийд; Хөгнө-ханы-хийд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the brief history and current state of three early monasteries of the first Jebtsundamba Khutukhtu Zanabazar (1635—1723): Shankhyn-khiid, Tuvkhun-khiid, and Erdene-khambyn-khiid (Högnö-khan's-khiid), located in the Uvurkhangai and Bulgan aimags of Mongolia. The material for the article is based on the results of field research conducted by the authors in 2022. Documents and various published sources in Mongolian language, including interviews, were also used. The role of the traditional Buddhist monastery system, which played a significant role in the life of Mongolia and its people, is shown in historical retrospect. Modern processes of restoring social functions of monasteries in society are analyzed. Three monasteries belonging to the category of gegen or khutukhtu's, founded by Undur-gegen, are studied. Methods of historical and topographical analysis of sacred objects of monasteries included observation, comparative historical, historical and biographical, as well as source studies methods. The authors conclude that the most complete history is that of the Barun-khure monastery since it was not only the residence of Undur-gegen and a religious object but also a large cultural, educational, and socio-economic center. It is claimed that partial reconstruction of monasteries is currently underway, and Buddhist traditions are being revived in accordance with modern realities.

Key words:
Buddhist monasteries; Bogd-gegen; Undur-gegen; Shankhyn-khiid; Tuvkhun-khiid; Erdene-khambyn-khiid; Högnö-khan's-khiid.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:243(517.3)“1635/1723”

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Монастыри первого Джебзундамба-хухухты Занабазара (1635—1723): Шанхын-хийд, Тувхун-хийд, Эрдэни-хамбын-хийд (по материалам экспедиции 2022)

© Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д., Ван И. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Буддийские монастыри Монголии, согласно А. М. Позднееву, делились на четыре категории: 1) императорские — воздвигались маньчжурскими императорами в Китае за счет китайского казначейства; 2) гэгэновские или хутухтинские — воздвигались халхасцами для своих гэгэнов, хутухт и хубилганов или ими самими; 3) хошунные и сумунные — строились на пожертвования частных лиц и родов; 4) монастыри отдельных частных лиц [Позднеев, 1993, с. 3]. В статье исследуются три монастыря, относящиеся ко второй категории, которые были основаны Ундур-гэгэном.

Первый Богдо-гэгэн Занабазар, известный также под именем Ундур-гэгэн («Высокий святой»), положивший начало линии преемственности монгольских перерожденцев Джебзундамба-хутухт, происходил из рода Чингис-хана и был вторым сыном халхаского Тушету-хана Гомбодоржи и внуком Абатай-хана. Жизнь и деятельность Джебзундамба-хутухты Занабазара (1635—1723) оказали большое влияние на историю Монголии XVII—XVIII веков и в какой-то степени определили ее последующее развитие.

Относительно роли Джебзундамба-хутухты Занабазара в истории Монголии существуют разные точки зрения. Одна из них, в частности бытовавшая в годы социализма, трактует его роль односторонне и, главным образом, в негативном свете, например: «Ургинские хутухты оказались послушным орудием в руках цинского правительства. Они возглавляли реакционные, антинародные силы в Монголии» [История…, 1983, с. 219]. Ему же вменяется в вину то, что именно по его наказу северные монголы приняли подданство маньчжуров во время вторжения в Халху Галдан-Бошокту-хана [Там же, с. 196]. Хотя факт его обращения к халхаским князьям со словами, говорящими о благе принятия маньчжурского подданства: «Если наши халхасцы … будут преподносить ему [то есть маньчжурскому императору] дань *девяти белых*… то… халхаские монголы из поколения в поколение будут… жить вечно спокойной, полной жизнью» [Позднеев, 1880,

CC BY

с. 7], можно объяснить и его желанием спасти народ от междоусобиц и кровопролития.

Деятельность Ундур-гэгэна была разносторонней и вместе с тем целостной по своему проявлению, его жизненные позиции, миролюбивые намерения свойственны буддийскому монаху. О том, что он проводил политику, направленную на утверждение мирного сосуществования и установление дружеских связей с соседними странами, писал Федор Алексеевич Головин (1650—1706) — участник подписания Нерчинского договора 1689 года, который отметил «его желание поддерживать добрососедские отношения с Русским государством, выжидать и не обострять отношений ни с русскими, ни с маньчжурами» [Шара Туджи…, 1958, с. 137].

Занабазар был не только влиятельным религиозным и политическим деятелем, но и выдающимся просветителем и художником-скульптором. Как и многие выдающиеся деятели буддийской церкви, он получил разностороннее образование, ярче всего проявив особенное дарование в изобразительном искусстве. Его произведения составляют ныне классику монгольской художественной школы, а отдельные элементы созданного им в 1686 году алфавита *соембо* сохранились до настоящего времени и стали составной частью монгольского государственного герба.

Наиболее известными из Джебзундамба-хутухт были первый, Занабазар, и восьмой — Агван-Чойжинима-Данзин-Ванчуг (1870—1924), который с 1911 по 1921 год являлся духовным и светским главой Внешней Монголии, после Монгольской народной революции 1921 года — монархом с ограниченными правами вплоть до своей кончины в 1924, после его смерти Монголия была провозглашена Народной республикой [Батсайхан, 2019; Китинов, 2019].

В связи с демократическими преобразованиями в монгольском обществе была начата работа по пересмотру и переоценке роли Джебзундамба-хутухт в истории Монголии. Появились работы, в которых обсуждались и пересматривались сложные исторические перипетии его взаимоотношений с Галдан-Бошокту-ханом и маньчжурским императором, были изданы переводы биографий Джебзундамба-хухухт с тибетского на современный монгольский [Хүрээлбаатар, 2005; Miyawaki, 1994; Bareja-Starzyńska, 2015]. Все его биографии помимо чисто биографических сведений объединяет одно общее содержание — повествование об истории распространения буддизма в Монголии, о введении и установлении различных религиозных обрядов и традиций в монгольском буддизме. Они принадлежат к числу немногих сохранившихся важных источников по ранней истории буддизма и буддийской церкви в Монголии, по установлению собственно монгольских буддистских институтов.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Авторами статьи в августе 2022 года по проекту РНФ № 22-18-20001 «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас» была проведена краткая полевая экспедиция по буддийским монастырям Монголии, в ходе которой был собран большой массив фото-, аудио, видеоматериалов, проведены интервью со священнослужителями монастырей, изучены опубликованные источники на монгольском языке. Собранные материалы позволили обобщить, проанализировать и реконструировать историю создания и развития монастырей, описать их современное состояние. В процессе исследования авторы использовали метод историко-топографического анализа священных объектов монастырей, метод включенного наблюдения, сравнительно-исторический метод, историко-биографический метод, а также источниковедческие методы, которые в совокупности дали возможность выявить историю формирования и развития исследуемых монастырских комплексов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Барун-хурэ, или Шанхын-хийд

Монастырь Шанхын-хийд, или Барун-хурэ (монг. *Баруун хүрээ*) — один из наиболее древних и знаменитых буддийских гелугпинских монастырей, также один из семи (Барун-хурэ, Ганданшадувлин Зун-хурэ, Дашчойлин-хийд, Дамбадаржа-хийд, Тувхэн-хийд, Амарбаясхалант-хийд и Хөгнө Тарнийн-хийд [Хулан]) знаменитых монастырей Халха Монголии, расположен в Убурхангайском аймаке в 25 км к юго-востоку от г. Хархорин в долинах рек Сарнай и Харз. Он основан в 1647 году I Богдо-гэгэном Занабазаром первоначально как кочующий монастырь, состоявший из множества юрт, несколько раз менявший свое местоположение [Ванчикова, 2019, с. 218—219].

Монастырь именуют «*Барун-хурэ*» в связи с тем, что он построен восточнее комплекса Их-хурэ, главного монгольского монастырского комплекса, являвшегося основной ставкой Ундур-гэгэна, впоследствии ставшей столицей Монголии. Также его называют «*Өндөр Богдын өвгөн хүрээ*» — «Ранний монастырь Ундур-гэгэна» [Цэрэнсодном, 2011, с. 10—11]. Барун-хурэ состоял из множества храмов, дуганов и юрт, расположенных на обширной территории. Поскольку дуганы располагались на склоне горы Шанх, со временем его стали именовать Шанхын-хийд [Дуламжав, 2019, с. 77].

Одним их самых первых дуганов-храмов комплекса Барун-хурэ был Батцаган-дуган, название которого, согласно легенде, произошло от имени человека по имени Бата, прискакавшего на белом коне с белой молочной пищей в то время, когда искали место для возведения дугана [Цэрэнсодном, 1995]. Батцаган-дуган представлял собой двухэтажное деревянное

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

здание, в котором одновременно могли проводить богослужения более тысячи лам [Дуламжав, 2019, с. 76]. А. М. Позднеев отмечает, что дуган был основан самим Ундур-гэгэном и называет его «*цагаан-хурэ*» (Белый монастырь / дацан) [Позднеев, 1896, с. 461].

Барун-хурэ имел несколько школ, практиковавших тантрические ритуалы, особенно ритуалы Калачакры, связанные с космологией, астрономией, астрологией, медитативными практиками [Ванчикова, 2019, с. 218]. Всего в храмах служило более 2 тыс. монахов. Весь монастырский комплекс Барун-хурэ подразделялся на семь дацанов. В классическом понимании дацан — это факультет, где изучаются философские дисциплины. В то же время дацан — это и буддистский бурятский монастырь, включающий в себя не только храмы, но и университет. Такое название прижилось только в России, поскольку здесь буддизм довольно долго был изолирован от внешних влияний. Семь дацанов: цанит, ламрин, зурхай, манба, жуд, дуйнхор и авид (последнее является монгольским написанием имени божества Амитабхи (монг. *абида бурхан*), санскр. *Amitabha* / «Беспредельно сияющий Будда», тиб. *'od dpag med* / «Безграничный свет» [Андросов, 2011, с. 105]; в данном случае имеется в виду храм (дуган) для совершения медитаций) — объединялись в свою очередь в четыре аймака-общины: *шадавлин* (на юго-восточной стороне), *даржалин* (на юго-западной), *тойсалин* (на северо-западной) и *дашлин* (на северо-восточной) [Позднеев, 1896, с. 461]. Каждый аймак имел свою казну и имущество (*жас / жаса* — хозяйство или казна монастыря[1]), также был централизованный *жас* [Дуламжав, 2019, с. 77].

Барун-хурэ являлся одним из крупнейших центров распространения буддизма, о чем свидетельствует наличие священнослужителей с высокими духовными степенями. Насчитывалось около 73 лам со степенью *аграмба*. Курс обучения на тантрийских факультетах длился 3—4 года. Преподавание, в отличие от цанит-дацанов, велось по объяснительно-толковательному методу. По завершении основного курса желающие оставались в дацане для усовершенствования своих знаний (на что требовалось обычно около десяти лет), и в случае успешной сдачи экзамена они получали степень «аграмба» (sngags rams pa), что означает «Знаток мантры». Иногда эта степень называлась дорже-зинрамба (rdo rje dzin rams pa) — «Держатель ваджра» [Нестеркин, 2009, с. 336]. Философский факультет монастыря обладал правом присвоения степени[2] *габжи*: «Каждый лама, изучивший цанит и выдержавший по каждой из его частей состязательное испытание, получал звание габжи (монг. *arban berke-tu*). Получив звание габжи, некоторые из цанитских лам иногда уходят добровольно, а иногда

1 По А. М. Позднееву: отдельная управа шабинского ведомства [Позднеев, 1896, с. 462].
2 Особый ритуал присвоения степени гавжи (монг. γabǰi-yin damǰiy-a).

CC BY

назначаются в другие монастыри, в которых цанит не преподается: в этих монастырях они обыкновенно занимают должность “номун лама”» [Позднеев, 1993, с. 198]. Кроме того, были *чод* и *луйжин* ламы, проживавшие за пределами территории монастыря и проводившие похоронные обряды. Чод, согласно Мачиг Лабдон (1055—1145, по другим данным 1031—1129), подразделяется на «внешний» (посещение уединенных мест с мрачными ландшафтами, кладбищ), «внутренний» (подношение тела кладбищенским демонам и духам) и «истинный» (отсечение привязанностей от «корня»). В некоторых источниках её называют создателем практики чод. В настоящее время практика чод широко распространена во всех школах тибетского буддизма. Считается, что шиджед — это раннее (или другое) название школы чод юл (тиб. *gcod yul*), которая существует до сего дня [Андросов, 2011, с. 381]. В свою очередь луйжин ламы занимались богослужением с целью подавления нечистой силы [Шагдаров и др., 2010, с. 521].

За пределами монастыря проживало местное население, в непосредственной близости находились китайские павильоны с товарами, как и во всех административных центрах цинского периода [Дуламжав, 2019, с. 77].

С XVIII века в истории Барун-хурэ начинается активный период строительства: в 1774 году был основан дуган шадублинского аймака, в 1781 году — даржалинского аймака, в 1833 году — манба-дацан, 1808 год — жуд-дацан, в 1824 году — цанит-дацан, в 1846 году — зурхайн-дацан, в 1885 году — дуйнхор-дацан. К 1875 году монастырь состоял из 23-х храмов, наиболее крупными из которых были храмы Майдари, Диважин и Батцаган, отличавшиеся своим великолепием [Монголын…, 2009, с. 545].

Одним из главных божеств хранителей (сахюусанов) монастыря Барун-хурэ являлся Махакала. Как пишет А. М. Позднеев, «основным объектом почитания являлся *бурхан Гомбо-гуру*[1], тот самый, который почитается гением-хранителем и Эрдэни-дзу, сахюусаном Барун-хурэ также признается Лхамо. В середине весны проводилась церемония круговращения Майдари, в середине лета — костюмированная мистерия *цам*. Этим, можно сказать, и исчерпывается достопримечательное Барун-хурэнского монастыря, хотя местные ламы не ограничивают свою обитель описанными рамками, а присоединяют к ней так называемый *хубилган-ламайн-сумэ*, который почитают они отдельным аймаком своего монастыря с именем *Пунцукдаржалин*. Аймак этот находился в 4 км к северо-западу от Барун-хурэ и был построен для тибетского хубилгана Ноин-ламы, прибывшего по приглашению лам. За Ноин-ламой последовало несколько барун-хурэнских лам, которые и обосновали собою этот пятый аймак Барун-хурэ»

1 В настоящее время 25 числа каждого лунного месяца в Эрдэни-дзу проводится молебен в честь Гомбогуру (Гомбо-гуру) [Ванчикова, 2023, с. 305].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

[Позднеев, 1896, с. 462]. Предположительно Пунцукдаржалин был основан в середине XIX века, поскольку Позднеев отмечает, что события происходили за 50 лет до его очерков.

А. М. Позднеевым также приведена целостная картина архитектуры всего комплекса монастыря Барун-хурэ по состоянию на 1896 год: «Большая часть перечисленных кумирен относится по своему построению к прошлому и началу нынешнего столетий, но ядро всех монастырских построек, из которого собственно развился весь монастырь, составляет так называемая *цаган-хурэ*. Она располагается также в центре настоящего монастыря, в кругу его общественных кумирен, и находится несколько севернее цокчинского дугана. Свое название эта часть монастыря, несомненно, получила от окрашенных в белую краску стен, составляющих ей ограду и представляющих, равно как и ведущие за эту ограду ворота, постройку позднейшего времени. Здания, находящиеся за стенами *цаган-хурэ*, если верить преданиям лам, являются древнейшею частью Барун-хурэ. Наибольшим почетом пользуются здесь пять громадных юрт, вмещающих в себе от 150 до 200 человек каждая и заключающих в себе кумирни, о которых говорят, что ими-то именно и начался монастырь. Внутри *цаган-хурэ*, впрочем, также нет ничего необычайного. Правда, все юрты отделаны со вне весьма красиво, покрыты белым войлоком, расшиты красными *хөвөө*[1], но внутри — это тип самых заурядных кочевых сумэ» [Там же, с. 461—462].

Другой исследователь того периода Г. Цыбиков упоминает следующее: «Барун-курэ состоит из двух частей. Обе на левом берегу Сараин-гол: одна недалеко от берега — на равнине, а другая, поменьше, — на покате горы, верстах в 2—3 от первой части. Барун-курэ обширен. Дома, как и в других местах, покрыты тесом, а отчасти землей. Есть улицы достаточно широкие, есть слишком узкие … В центре стоит с белой деревянной оградой цокчэн-дуган. По архитектуре он одинаков с таким же ургинским, размерами, правда, уступает ему, но можно сказать, что он достаточно обширен. По левую сторону от него — Шара-куре. В нем есть деревянные постройки в китайском стиле и монгольские quasi-юрты. Другой Шара-куре стоит позади цокчэна, в нем несколько юрт с золотыми ганжирами» [Цыбиков, 1991, с. 44].

Примечательно указание в одном из монгольских источников на то, что все храмы Барун-хурэ были построены из синего кирпича и имели деревянные крыши [Дуламжав, 2019, с. 76]. Несмотря на отсутствие в монгольском источнике пояснений, о постройках какого периода идет речь, авторы полагают, что из кирпича создавались более поздние храмы, отно-

1 Хөвөө — окаемка.

CC BY

сящиеся к концу XIX века, например Пунцукдаржалин. Схема, выполненная до разрушения монастыря, дает приблизительное представление о расположении храмовых и других построек комплекса Барун-хурэ (рис. 1).

Рис. 1. Карта-схема монастыря Барун-хурэ на стене Шанхын-хийд: фото /
Figure 1. Schematic map of Barun-khure on the wall of Shankh Monastery

Барун-хурэ славился наличием в нем медицинского факультета и эмчи-лам, врачей традиционной медицины. Там проходили также церемонии круговращения Майдари, известные не только в семи хошунах Халха-Монголии, но и за рубежом. В монастыре имелся богатый ассортимент лекарственных растений, лекарств и рецептур. В воспоминаниях старших лам сохранились имена известных опытных врачей: Сономдорж, Цагаан Жамьян, Жаал-гэлэн, Цэрэндорж и др., — живших в начале прошлого века [Цэрэнсодном, 1995]. В настоящее время в Шанхын-хийд в небольшой библиотеке собраны книги по монгольской традиционной медицине (к сожалению, неописанные), которые представляют огромную ценность.

В 1937 году во время политических репрессий Барун-хурэ был разрушен, храмы сожжены, а монахи расстреляны или сосланы в лагеря. Неразрушенными остались здания только трех вышеупомянутых храмов, которые использовались в советский период в качестве сомонных административных зданий (рис. 2). Только пяти совсем юным послушникам удалось избежать этой участи (по причине своей молодости они не были

CC BY

репрессированы и казнены). Они сохранили священные ритуалы и знания, а также информацию о месте, где ламы монастыря спрятали монастырские святыни. Восстановление монастыря началось после 1990 года.

Рис. 2. Сохранившиеся храмы Шанхын-хийд: фото /
Figure 2. The surviving temples of Shankh Monastery

С тех времен остались изображение (изваяние) божества Очирвани, привезенное Абатай-ханом из Тибета; выполненные Ундур-гэгэном горн *Дархан ганлин* изваяния божеств *Дара эх*; одеяния первого Богдо-гэгэна; печать с *дурвэлжин бичиг* Пагба-ламы; буддийский флаг с изображением соёмбо; черное боевое знамя Чингис-хана и несколько других ритуальных предметов [Цэрэнсодном, 1995]. На месте, где хранилось боевое знамя, в 1998 году поставили памятник (рис. 3).

Из трех дуганов функционируют два храма. Главный храм представляет собой 2-этажное здание, выполненное в китайском стиле: 1-й этаж выполнен из камня, второй этаж и крыша — из дерева. В главном храме хранятся реликвии, в том числе бронзовая статуя Будды и одеяние самого Занабазара. Два одноэтажных дугана, находящиеся по обе стороны от главного храма, также выполнены из камня, крыши из дерева, но стиль у них смешанный — тибетско-китайский. В одном из них проходят служения, другой находится в полуразрушенном состоянии. Китайская стилистика в архитектуре Шанхын-хийд подтверждает факт, что они были построены в цинский период. В храмы до сих пор не проведено электричество, нет отопления. Недалеко от трех храмов построено здание для лам, в котором

Рис. 3. Памятник боевому знамени: фото /
Figure 3. Monument to the battle banner

проживает около 30 монахов. В настоящее время монастырь активно посещается как верующими, так и туристами (рис. 4, 5).

Рис. 4, 5. Интервью с монахом из монастыря Шанхын-хийд: фото /
Figures 4, 5. Interview with the monk of Shankh Monastery

CC BY

3.2. Тувхун-хийд

Тувхун-хийд (отмечаются иные написания: Дувхон, Төвхөн, Тувхэн, Тувхин), основанный в 1653 году, расположен в Убурхангайском аймаке в 150 км от аймачного центра Хархорин. Он находится на вершине горы, на небольшой площадке посреди скал, окруженной лесами, на высоте 2300 м над уровнем моря. Тувхун-хийд изначально был местом для медитации Ундур-гэгэна, в скале над монастырем имеется медитационная пещера (рис. 6). Название *Тувхун-хийд* произошло от тибетского слова *sgrub khang* (монг. *бүтээлийн орон*, монастырь для медитаций).

Первое здание было построено в 1653 году из камня, в 1654 году был построен Бутээлийн-сум, в 1655 году, после поездки Ундур-гэгэна в Тибет, — Цогчен-дуган. Доказательством этому служит упоминание в его биографии: «Цогчен-дуган был построен по примеру тибетского монастыря Эрьеэбуригзэндан[1], Богдо лично указал место для установления 108 колонн и руководил строительством» [Цэрэнсодном, 1995].

Следуя данному указанию, авторы настоящего исследования попытались в Тувхун-хийде и в его окрестностях найти соответствующее место, где мог бы располагаться такой большой храм со 108 колоннами, однако не смогли подобрать такое. Поэтому мы предполагаем, что храм со 108 колоннами скорее располагался бы не на горе рядом с другими храмами, а ниже, на равнине. Между тем никаких следов, руин зданий внизу нет, из чего можно заключить, что первоначальный Цогчен-дуган был меньшего размера, без множества колонн и располагался на горе.

Следует отметить, что большая часть скульптурных творений Ундур-гэгэна была выполнена в Тувхун-хийде, в том числе бронзовые скульптуры божеств, в этом монастыре была также составлена им письменность *соёмбо* [Дуламжав, 2019, с. 63]. С 1688 года, после ойратско-джунгарской войны, Тувхун-хийд был забыт, период затишья длился почти столетие. Лишь в 1773 году в память об Ундур-гэгэне монастырь возобновил деятельность благодаря усилиям настоятеля монастыря Эрдэни-дзу цоржи Лувсандагвадаржаа (1734—1803). Цоржи Лувсандагвадаржаа сделал комментарии к письменности *соёмбо* Ундур-гэгэна, во время его пребывания в должности настоятеля были построены Хурлын-дуган, Лаврин (рис. 7), Жанчив-чодон и др. Главный храм Бутээлийн-сум реставрировался в 1760, 1786 годах. После кончины Лувсандагвадаржаа, вплоть до разрушения в 1939 году, в Тувхун-хийде служили ламы Урянхайского монастыря аймака Сайн-ноён-хана. Всего в XVIII веке в Тувхун-хийде постоянно пребы-

1 По данному монгольскому написанию нам не удалось установить его тибетское название.

Рис. 6. Пещера для медитаций: фото /
Figure 6. The meditation cave

вало около 10 лам и хувараков, имелся устоявшийся график хуралов, для медитаций приезжали ламы и хубилганы [Оюунбилэг, 2011, с. 152—153].

Рис. 7. Хурлын-дуган и Лаврин: фото /
Figure 7. Hurlyn dugan and Lavrin

CC BY

По результатам экспедиций монгольских исследователей 1967 и 1971 годов, в Тувхун-хийде насчитывалось 14 храмов, установлено, что эти храмы были выполнены монгольскими мастерами из дерева [Там же, с. 154].

Хотя в 1930-е годы волна репрессий и разрушений не обошла стороной и Тувхун-хийд, практически полностью разрушив все монастырские постройки с их содержимым, все же часть скульптур и другие предметы, созданные руками Ундур-гэгэна, собранные благодаря совместным усилиям лам и верующих, находятся сейчас под государственной охраной.

Среди населения сохранилось несколько преданий и легенд о жизни монастыря, в частности, в одной из них сообщается о том, что до войны с ойратами Ундур-гэгэн сделал свою скульптуру и указал, что в случае, если кто-нибудь захочет с ним повидаться, он может прийти к его скульптуре, это будет равнозначно личной встрече с ним [Дуламжав, 2019, с. 63]. Также посетителям при входе в пещеру для медитаций демонстрируются отпечатки ладони гэгэна и надписи на тибетском языке.

Период восстановления монастыря начался в 1992 году. В 1997 году восстановили цогчен-дуган, в 1998 — большую ступу. В 2001 году восстановили по сохранившимся картинам Сэмчин-дуган (рис. 8), Тахилын-дуган, Лавран и Бутээлийн-сум, две ступы и забор (рис. 9) [Оюунбилэг, 2011, с. 154]. Бутээлийн-сум в 1971 году был взят под особое хранение администрацией Убэрхангайского аймака, а в 1994 году — под государственное хранение. В 2005 году Тувхун-хийд включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО [Тувхун-хийд].

Рис. 8. Сэмчин-дуган монастыря: фото /
Figure 8. Semchin dugan

CC BY

За Тувхун-хийдом, в горах, в 30-ти м выше, находятся Лусын-сум, пещеры *Эхийн агуй* (рис. 10) и *Жамьян-гэгэна*, деревья Дара-эх и Махакала, на самой вершине есть *обоо*, куда не разрешается подниматься женщинам. Ю. И. Дробыш про Эхийн агуй пишет: «“Материнское чрево” — узкая наклонная пещера, фактически лаз около трех метров длиной. Традиция предписывает пролезть в нее головой вперед, развернуться в расширении на ее конце и выбраться наружу опять же головой вперед, издавая крики, имитирующие крик новорожденного. Проведение этого ритуала означает снятие всех грехов. Очень грешные люди якобы застревают в пещере. Кроме того, внимание паломников привлекает “отпечаток стопы Дзанабазара” на скале; в него наливают молоко» [Дробышев, 2019, с. 132].

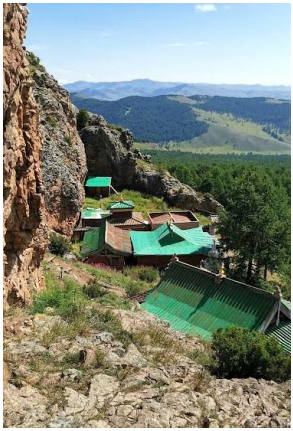

Рис. 9. Вид из медитационной пещеры на Тувхун-хийд: фото /
Figure 9. View from the meditation cave at Tuvkhun hiid monastery

Рис. 10. Пещера Эхийн агуй (Материнское чрево): фото /
Figure 10. Cave Ehiin agui (Mother’s womb)

Сейчас в храме постоянно служат и проживают 4—5 лам, в летний период на практику приезжают молодые хувараки из монастыря Гандантегчелин. Ламы приезжают медитировать в пещеры Тувхун-хийд весной и осенью: медитации летом невозможны из-за обилия паломников, зимой — из-за холода. Ламы ведут весьма скромный образ жизни за счет подношений прихожан, паломников и туристов. Для питья используется вода из колодца, находящегося на горе, нет электричества, которое восполняется используемыми солнечными батареями.

Стоить отметить, что паломникам и туристам приходится проделать длинный и трудный путь, чтоб добраться до монастыря Тувхун-хийд: на

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

автомобиле прежде всего следует добраться по грунтовым дорогам до туристической базы, оттуда подняться в гору, пройдя свыше 2 км на лошадях, либо пешком до стоянки, и затем уже по выложенной камнями тропе пройти около 300 м до самого монастыря. Несмотря на такой сложный путь, паломников и туристов, в том числе и иностранных, достаточно много, что демонстрирует большой интерес к монастырю.

3.3. Хөгнө-ханы хийд

Монастырь Хөгнө-ханы-хийд (обиходное краткое название Хөгнө-хийд), известный под разными названиями (Хөгнө-Тарнийн[1]-хийд, Өвгөн-хийд, Дээд-хурэ, Тудэвванчиг, Эрдэни-хамбын-хурэ, Эрдэни-хамбын-залуу-хийд, Дамчойжанчивлин, Залуу-хийд, Доод-хурэ), расположен на территории современного Булганского аймака в сомоне Гурван булаг у подножия горы Хөгнө-хан уул, давшей название монастырю. Для того чтобы разобраться в многочисленных названиях, стоит дать справку из истории монастыря: в действительности под этими названиями имеются в виду два разных монастыря, которые существовали на склонах одного горного хребта в разные периоды. Монастырь Тудэвванчиг (он же Хөгнө-ханы-хийд, Өвгөн-хийд, Дээд-хурэ) был построен в этих горах в IX веке, относился к периоду раннего распространения буддизма и находился в 1—2 км от современного монастыря [Цэрэнсодном, 1995]. Монастырь Эрдэнэ-хамбын-хийд (он же Эрдэни-хамбын-хурэ, Эрдэни-хамбын-залуу-хийд, Залуу-хийд, Доод-хурэ) был основан Ундур-гэгэном для своего учителя Эрдэни-цоржи (Эрдэни-хамбо). Он относится к красношапочной школе.

Хөгнө-хийд имеет многовековую историю. Несмотря на то, что годом основания монастыря считается период с 1670 по 1680 годы [Ванчикова, 2019, с. 214], в современном восстановленном монастыре на стенде указана дата 1663 год. Большой интерес вызывает статья монгольского академика Д. Цэрэнсоднома, интервьюировавшего одного из последних лам монастыря В. Цэвэгдоржа, 1915 г.р., в котором указывается, что Хөгнө-ханы-хийд был построен еще в IX веке [Цэрэнсодном, 1995]. Д. Цэрэнсодном приводит стихотворение-восхваление (магтаал), повествующее о том, как лама Лахаламбалдорж бежал от тибетского Ландарма-хана (801—844 годы) в Монголию и стал основателем монастыря Тудэвванчиг, построенного по подобию дворца Потала в Тибете [Там же]. Данные сведения не встречаются в других монгольских источниках.

Во время халхасско-ойратской войны Хөгнө-хийд в 1688 году был разрушен войсками Галдан-Бошокту-хана. С этим событием связано назва-

1 Река Тарна, текущая с юго-востока на север-запад. По описанию Позднеева, река Тарна оказалось глубиною не выше полуаршина, но русло ее широкое и течение очень быстрое [Позднеев, 1896, с. 466].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ние монастыря. В своем интервью гид-экскурсовод Алтанцэцэг рассказала следующее: войска Галдан-Бошокту-хана, захватив монастырь, убили около ста лам, связав их за шеи, задушили и сбросили со скалы, а монастырь сожгли. Около 200 лам, спасаясь от гибели, бежали в сторону озера Байкал, с ними связывают распространение буддизма среди бурят. Некоторые ламы бежали в Хар-бухын-балгас, где ими были продолжены богослужения. Таким образом, название монастыря *хөгнө* связано со словом х*өгнөх,* переводимым как «привязывать, душить» [Алтанцэцэг, 2022]. Предание, изложенное Алтанцэцэг, находит подтверждение и в монгольских источниках [Буянбадрах, 2012].

Этот монастырь был отстроен заново на некотором расстоянии от старого монастыря под названием Дамчойжанчивлин [Ванчикова, 2019, с. 214]. От него начинается история Эрдэнэ-хамбын-хийда, построенного Ундур-гэгэном в 1693 году [Буянбадрах, 2012]. Возможно, 1663 год является годом основания Дээд-хурэ — Верхнего монастыря, а 1693 год — годом основания Доод-хурэ — Нижнего монастыря.

А. М. Позднеев о монастыре сообщает следующее: «В диком ущелье самой северной оконечности их стоит живописно построенный в горах буддийский монастырь, именуемый Дамчой-чжан-чуб-лин. Величественные, дикие и скалистые горные массивы, лишенные почти всякой растительности, высятся здесь, поднимаясь чуть не до облаков, а у подножия их, как стадо белых баранов, раскинулись постройки кумирен тибетской архитектуры» [Позднеев, 1896, с. 466—467].

Д. Цэрэнсодном упоминает, что в данном монастыре имелось сидение Богдо-гэгэна *сэнтий суудал* (трон буддийского наставника высшего ранга) [Цэрэнсодном, 1995]. Такие сидения были исключительными явлениями для монастырей, его наличие указывает на важность самого монастыря.

Архитектурный облик монастыря представляется возможным восстановить по сообщению Л. Сэдбаяра, одного из последних лам, служившего в Хөгнө-ханы-хийде с 1915 по 1922 годы. Всего в комплексе было 2 двухэтажных здания (Цогчен-дуган и Сумийн-дуган) и одноэтажные постройки (Найман-дуган, Чогийн-дацан, Хойд-дуган, жуд-дацан), выполненные из *тоосго*, материала из камней и глины, по форме напоминающего кирпич. В монастыре был мамба-дацан. Также имелись 11 субурганов, вокруг комплекса был возведен забор из того же *тоосго* [Сэдбазар, 2007].

Монастырский комплекс подразделялся на четыре аймака (*чойнхорлин* на юго-западе, *дашлин* на северо-западе, *шадавлин* на севере-востоке, *чойнхор* на юго-востоке), в храмах служило около 1000 лам, проводились обряды *цам* (на *Цаган сар*), круговращения Майдари (весной), хурал *хайлан* («…45-дневный ярнай или хайлан — соборное богослужение, прово-

CC BY

дившееся в течение 45 дней один раз в году в последнем летнем месяце. Название заимствовано из тибетского языка: dbyar gnas — “пребывание летом”, khas lan — “благоволить”» [Цыбиков, 1991, с. 204]. Посвящен Будде Шакьямуни, который в течение трех месяцев находился в практике медитации. «Хайлан-хурал» имеет отношение к Винае — практике нравственной дисциплины духовных лиц, состоит из покаянных молитв и обрядов очищения от грехов [Уникальный хурал…]), а также хранился Ганжур (сборник канонических текстов). Основными божествами, защитниками монастыря были Чойжи, Махакала и Гомбо. Главным же защитником-сахюсаном был Жамсран. Кроме того, в монастырском комплексе служило около 40—50 лам-тантристов, которые проживали за пределами монастыря [Сэдбазар, 2007]. Богослужения в монастыре проводились до 1937 года. На данный момент сохранились руины и фундаменты 13 храмов (рис. 11).

Рис. 11. Руины монастыря Эрдэни-хамбын-залуу-хийд: фото /
Figure 11. Ruins of Erdeni Khambyn zaluu hiid monastery

В начале 1990-х годов были начаты восстановительные работы по инициативе Цэрэндоржийн Даваа, родственницы одного из последних лам, служивших в монастыре до политических репрессий. В 1992—1999 годах было открыто несколько храмов, в том числе и храм Жамсрана. Официальное открытие состоялось в августе 1994 года. Базарсадын-сум был вос-

CC BY

становлен в 1999 году, субурган на северо-западной стороне от дугана построен в 2004 году.

На территории монастыря расположены Цогчен дуган, Тэнгэрийн-сум, Таван хааны-дуган, Базарсадын-сум и храм Жамсрана, где служат 4—5 лам. В последние годы монастырь функционирует больше как туристический объект: проводятся платные экскурсии. Несмотря на скудность объектов, популярность монастыря сохраняется благодаря его богатой истории и сведениям о роли Ундур-гэгэна в жизни и судьбе монастыря.

4. Заключение = Conclusions

Исследование трех ранних монастырей Ундур-гэгэна позволило реконструировать историю их создания, восполнить пробелы в истории распространения и развития буддизма в Монголии. Из рассмотренных монастырей наиболее целостной является история Барун-хурэ, поскольку он являлся резиденцией Ундур-гэгэна и представлял собой не только религиозный объект, но и обширный монастырский комплекс, выполнявший роль культурного, образовательного и социально-экономического центра. По истории Тувхун-хийд и Эрдэни-хамбын-хийд отмечается крайняя скудность материалов в силу следующих обстоятельств: 1) по сравнению с Барун-хурэ эти монастыри были небольшими, количество храмов в Эрдэни-хамбын-хийд насчитывалось около 14, в Тувхун-хийд не достигало и 10; 2) Тувхун-хийд предназначался для медитаций, являлся местом для уединения и творчества, а Эрдэни-хамбын-хийд функционировал только как монастырь, в нем не велась образовательная деятельность; 3) наблюдается временной перерыв в деятельности монастырей в связи с разрушениями: период затишья в Тувхун-хийд длился с 1688 по 1773 годы, в Эрдэни-хамбын-хийд — с 1688 по 1693 годы. Из-за практически не сохранившихся документальных источников по истории этих монастырей, ценность могут иметь фольклорные материалы, сведения которых при критическом подходе могут дать дополнительные сведения.

Что касается современного состояния монастырей (рис. 12), следует отметить, что сейчас проводится частичная реконструкция разрушенных строений и можно наблюдать возрождение буддистских традиций в соответствии с существующими реалиями.

Строительство монастырских зданий и их функционирование осуществляется главным образом за счет спонсорских средств, пожертвований верующих и привлечения туристов. Чрезвычайно актуальной является проблема сохранения, реставрации и консервации немногих сохранившихся исторических объектов и предметов культа, являющихся уникальными памятниками истории и культуры, выявление, изучение и ввод в научный

CC BY

Рис. 12. Современный монастырь Эрдэни-хамбын-залуу-хийд: фото /
Figure 11. Modern monastery Erdeni Khambyn zaluu hiid

оборот архивных документов, а также регистрация устных легенд и преданий, бытующих среди населения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Д. Алтанцэцэг* 1956 г.р., запись И. Д. Ван, Н. Д. Цыреновой, полевые материалы экспедиции 2022 г.

2. *А. Пурэвбаатар,* лама монастыря Тувхун хийд. Запись И. Д. Ван, Н. Д. Цыреновой, полевые материалы экспедиции 2022 г.

3. *Л. Сэдбазар* 1915 г.р., лама Хөгнө-ханы-хийд. 8 августа 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://mongoliantemples.org/oralhistorypdfs/L366.pdf (дата обращения 04.07.2023).

4. *Хулан Ч.* Интервью с Гомбо-ламой [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.mongoliantemples.org/oralhistorypdfs/L017.pdf (дата обращения 21.06.2023).

5. *Цэрэнсодном Д.* Өндөр гэгээний мэндэлсний 360 жилийн ойд сувдан сондорын гурван хүйс / Д. Цэрэнсодном // Засгийн газрын мэдээ [газета]. — 1995. — № 98 (340). — С. 6.

6. *Шагдаров Л. Д.* Бурятско-русский словарь : в 2-х т / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. — Т. I. А–Н. — 636 с. — ISBN 5-7411-0143-7.

Литература

1. *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь : монография / В. П. Андросов ; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва : Ориенталия, 2011. — 448 с. — ISBN 978-5-91994-007-4.

2. *Батсайхан О.* Пересмотр оценки деятельности Богдо Джебцзундамба-хутухты VIII — руководителя национальной революции Монголии 1911 года / О. Батсайхан // Труды Института востоковедения РАН. Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов / Отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан. — Москва : ИВ РАН, 2019. — Выпуск 25. — С. 13—62. — ISBN 978-5-907099-04-3.

3. *Буянбадрах Ч.* Монгол орны лавлах / Ч. Буянбадрах. — Улаанбаатар : Мөнхийн үсэг, 2012. — 315 с. — ISBN 978-99973-0-167-3.

4. *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии : история, духовенство, монастыри / Ц. П. Ванчикова. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 291 с. — ISBN 978-5-6042914-3-6.

5. *Ванчикова Ц. П.* Монгольский монастырь Эрдэни-дзу : история и современность (по результатам полевой экспедиции) / Ц. П. Ванчикова, Н. Д. Цыренова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 297—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-297-310.

6. *Дробышев Ю. И.* Аглаг-Бутээлийн-хийд как образец современной буддийской ландшафтной архитектуры Монголии / Ю. И. Дробышев // Труды Института востоковедения РАН. — 2019. — № 23. — С. 126—134.

7. *Дуламжав С.* Халхын Сайн ноён, Түшээт хан аймгийн зарим хошуудын түүх / С. Дуламжав. — Улаан-баатар : Соёмбо принтинг, 2019. — 135 с.

8. *История* Монгольской Народной Республики / [Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др. ; Гл. ред. : А. П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др.]. — Москва : Наука, 1983. — 661 с.

9. *Китинов Б. У.* К вопросу о роли религиозного фактора в деятельности Галдана Бошогту-хана и Богдо-гэгэна I Дзанабазара (до ойрато-халхаских войн) / Б. У. Китинов // Труды Института востоковедения РАН. Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов / Отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан. — Москва : ИВ РАН, 2019. — Выпуск 25. — С. 350—371.

10. *Монголын* сүм хийдийн түүхэн товчоон (= Краткий очерк истории монастырей Монголии) / отв. ред. С. Цэдэндамба. — Улаанбаатар : Адмон, 2009. — 888 х.

11. *Нестеркин С. П.* Образование в буддийских монастырях Тибета / С. П. Нестеркин // Общество и государство в Китае. — 2009. — Т. 39. — № 1. — С. 327—339.

12. *Оюунбилэг З.* Төвхөн хийд / З. Оюунбилэг // Лам нарын сэтгүүл. — 2011. — № 1 (5). — С. 150—156.

13. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. (Серия “Наше наследие”) — Изд. Репринтное / А. М. Позднеев. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. — 512 с. — ISBN 5-7539-0277-4.

14. *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Дневник и маршрут 1892 г. / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1896. — Т. 1. — 670 с.

15. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1880. — 84 с.

16. *Тувхун хийд.* Монголын сүм хийдийн түүхэн төсөл [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.mongoliantemples.org/en/component/domm/2037?view=oldtempleen (дата обращения 29.06.2023).

17. *«Шара Туджи»* — монгольская летопись XVII века / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения ; Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. — Москва : Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — 199 с.

18. *Цэрэнсодном Д.* Сувдан сондорын гурван хүйс / Д. Цэрэнсодном // Лам нарын сэтгүүл. — 2011. — № 1 (5). — С. 9—18.

19. *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды в двух томах — 2-е изд., перераб. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Г. Ц. Цыбиков. — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1991. — Т. 2. — 232 с.

19. *Уникальный* хурал Хайлан проведут в Чесанском дацане Бурятии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://burunen.ru/news/society/92244-unikalnyy-khural-khaylan-provedut-v-chesanskom-datsane-buryatii/ (дата обращения 29.06.2023).

20. *Хүрээлбаатар Л.* Өндөр гэгээний тухайд дахь үзлийн хэтэрхийллийг шүүмжлэх нь / Л. Хурээлбаатар // Эрдэм. — 2005. — № 04 (84). — С. 31—33.

21. *Bareja-Starzyńska A.* The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei. Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile by Agata Bareja-Starzyńska / A. Bareja-Starzyńska. — Warsaw : Publishing house Elipsa, 2015. — 300 p.

22. *Miyawaki J.* How Legends Developed about the First Jebtsundamba: In reference to the Khalkha Mongol Submission to the Manchus in the Seventeenth Century / J. Miyawaki // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. — 1994. — № 52. — Pp. 45—67.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

A. Purevbaatar, lama of the Uvgun Hiid monastery. Entry by I. D. Wang, N. D. Tsyrenova, field materials of the expedition 2022. (In Mong.).

Ch. Hulan. *Interview with the Hambo Lama.* Available at: http://www.mongoliantemples.org/oralhistorypdfs/L017.pdf (accessed 21.06.2023). (In Russ.).

D. Altantsetseg born in 1956, the record of I. D. Van, N. D. Tsyrenova, field materials of the expedition 2022. (In Russ.).

L. Sadbazar, born in 1915, Lama Khogno-khany-hiid. August 8, 2022. Available at: http://mongoliantemples.org/oralhistorypdfs/L366.pdf (accessed 04.07.2023). (In Mong.).

Shagdarov, L. D., Cheremisov, K. M. (2010). *Buryat-Russian dictionary: in 2 volumes, I. A–N.* Ulan-Ude: Republican Printing House. 636 p. ISBN 5-7411-0143-7. (In Russ.).

Tserensodnom, D. (1995). Ondor gegeeniy mandelsny 360 zhilin oid suvdan sondoryn gurvan huys. *Zasgiyn gazryn medee [newspaper], 98 (340):* P. 6. (In Mong.).

References

A unique hural Hailan will be held in the Chesansky Datsan of Buryatia. Available at: https://burunen.ru/news/society/92244-unikalnyy-khural-khaylan-provedut-v-chesanskom-datsane-buryatii / (accessed 29.06.2023). (In Mong.).

Androsov, V. P. (2011). *Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary: monograph.* Moscow: Orientalia. 448 p. ISBN 978-5-91994-007-4. (In Russ.).

Bareja-Starzyńska, A. (2015). *The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei. Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile by Agata Bareja-Starzyńska.* Warsaw: Publishing house Elipsa. 300 p.

Batsaykhan, O. (2019). Revision of the assessment of the activities of Bogdo Dzhebtsundamba-hutukhta VIII — the leader of the national revolution of Mongolia in 1911. In: *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Bogdo-gegen Institute in the History of Mongolia. On the 150th anniversary of Bogdo-gegen Dzhebtsundamba-hutukhta VIII — the last great Khan of the Mongols, 25.* Moscow: IV RAS. 13—62. ISBN 978-5-907099-04-3. (In Russ.).

Buyanbadrah, Ch. (2012). *Mongol orny lavlakh.* Ulaanbaatar: Monhiyn useg. 315 p. ISBN 978-99973-0-167-3. (In Mong.).

Drobyshev, Yu. I. (2019). Aglag-Buteeliyn-hiid as an example of modern Buddhist landscape architecture of Mongolia. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 23:* 126—134. (In Mong.).

Dulamzhav, S. (2019). *Khalkhin Sayn noen, Tusheet khan aimgiyn zarim hoshuudyn tuh.* Ulaan-baatar: Soyembo printing. 135 p. (In Mong.).

History of the Mongolian People's Republic. (1983). Moscow: Nauka. 661 p. (In Russ.).

Khureelbaatar, L. (2005). Ondor gegeeni tuhayd dakh uzliyn haterhiilliyg shumzhleh ny. *Erdem, 04 (84):* 31—33. (In Mong.).

Kitinov, B. U. (2019). On the question of the role of the religious factor in the activities of Galdan Boshogtu Khan and Bogdo-gegen I Dzanabazar (before the Oirato-Khalkha wars). In: *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Bogdo-gegen Institute in the History of Mongolia. On the 150th anniversary of Bogdo-gegen Dzhebtsundamba-hutukhta VIII — the last great Khan of the Mongols, 25.* Moscow: IV RAS. 350—371. (In Russ.).

Miyawaki, J. (1994). How Legends Developed about the First Jebtsundamba: In reference to the Khalkha Mongol Submission to the Manchus in the Seventeenth Century. *Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko, 52:* 45—67.

Mongolyn sum hiidiyn tuuhen tovchun (= A brief sketch of the history of monasteries in Mongolia). (2009). Ulaanbaatar: Admon. 888 x. (In Mong.).

Nesterkin, S. P. (2009). Education in Buddhist monasteries of Tibet. *Society and the state in China, 39 (1):* 327—339. (In Russ.).

Oyunbileg, Z. (2011). Tvhon hiid. *Lam naryn setgul, 1 (5):* 150—156. (In Mong.).

Pozdneev, A. M. (1880). *Urginsky hutukhty. A historical sketch of their past and modern life.* St. Petersburg: Type. brother. Panteleev. 84 p. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1896). *Mongolia and the Mongols. The results of a trip to Mongolia, performed in 1892—1893. Diary and route of 1892, 1.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 670 p. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1993). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter to the people. (Our Heritage Series) — Reprint Edition.* Elista: Kalm. kn. publishing house. 512 p. ISBN 5-7539-0277-4. (In Russ.).

"Shara Tuji" — the Mongolian chronicle of the XVII century (1957). Moscow: Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 199 p. (In Russ.).

Tserensodnom, D. (2011). Suvdan sondoryn gurvan huys. *Lam naryn setgul, 1 (5):* 9—18. (In Mong.).

Tsybikov, G. Ts. (1991). *Selected works in two volumes — 2nd ed., reprint. About Central Tibet, Mongolia and Buryatia, 2.* Novosibirsk: Nauka. Sib. Department. 232 p. (In Russ.).

Tuvhun hiid. Mongolyn sum hiidiyn tuuhen tosol. Available at: http://www.mongoliantemples.org/en/component/domm/2037?view=oldtempleen (accessed 29.06.2023). (In Mong.).

Vanchikova, Ts. P. (2019). *Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries.* Irkutsk: Imprint. 291 p. ISBN 978-5-6042914-3-6. (In Russ.)

Vanchikova, T. P., Tsyrenova, N. D. (2023). Mongolian Monastery Erdeni-zu: History and Modernity (Results of an Expedition). *Nauchnyi dialog, 12 (1):* 297—310. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-297-310 (In Russ.).

The article was submitted 26.07.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Вязинкин А. Ю. Между деревней и городом : радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 312—329. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329.

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Between Village and City: Radicals of "Revolutionary Breakthrough" Generation at beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 312-329. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329

Между деревней и городом: радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века

Вязинкин Алексей Юрьевич
orcid.org/0000-0003-3821-6168
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович *
orcid.org/0000-0003-1756-3515
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
**** корреспондирующий автор***
kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132,
https://rscf.ru/project/22-18-00132/

Between Village and City: Radicals of "Revolutionary Breakthrough" Generation at beginning of 20th Century

Alexei Yu. Vyazinkin
orcid.org/0000-0003-3821-6168
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher
vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov *
orcid.org/0000-0003-1756-3515
PhD in History,
Senior Researcher,
**** Corresponding author***
kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The research was conducted with
the support
of the grant from the Russian Science
Foundation № 22-18-00132,
https://rscf.ru/project/22-18-00132/

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена реконструкция социально-психологического портрета радикала поколения «революционного перелома» начала XX века. Отмечается, что в основе поколения «революционного перелома» были молодые люди крестьянского происхождения, которые пережили опыт исторической динамической дестабилизации всего общества. На основе архивных источников определяются характерные особенности заданной проблемы в поколенческом аспекте. Материалы исторических источников, среди которых наиболее значимым для исследования являются автобиографии и воспоминания политкаторжан, позволили проследить процесс формирования леворадикальных настроений молодежи крестьянского происхождения. При этом большая часть архивных документов вводится в научный оборот впервые. Социальное поведение революционных радикалов рассматривается в контексте ускорившихся на рубеже столетий модернизационных процессов в Российской империи. Авторы приходят к выводу, что именно крестьянская молодежь в начале XX века оказалась в авангарде революционного движения. Утверждается, что многие из ее представителей несли в себе «анархические» настроения деревни, поскольку в этот период авторитет монархической власти подвергался сомнению. Подчеркивается, что знакомство с революционными идеями оказало существенное влияние на мотивацию их социального действия и степень его радикализации.

Ключевые слова:
поколение революционного перелома; российская деревня; революционный радикализм; революционное движение; социально-психологический портрет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents a reconstruction and analysis of the socio-psychological portrait of the radical generation of the “revolutionary turning point” of the early 20th century. It is noted that the basis of this generation consisted of young people of peasant origin who experienced the historical dynamic destabilization of society. Based on archival sources, the characteristic features of the problem are determined in a generational aspect. Historical sources, including autobiographies and memoirs of political prisoners, allowed tracing the process of formation of left-radical sentiments among young people of peasant origin. At the same time, a large part of archival documents is introduced into scientific circulation for the first time. The social behavior of revolutionary radicals is considered in the context of accelerated modernization processes in the Russian Empire at the turn of the century. The authors conclude that it was precisely the peasant youth at the beginning of the 20th century that was in the vanguard of the revolutionary movement. It is claimed that many of its representatives carried “anarchistic” sentiments from the village, since during this period the authority of monarchical power was being questioned. It is emphasized that acquaintance with revolutionary ideas had a significant influence on the motivation of their social action and the degree of its radicalization.

Key words:
generation of revolutionary breakthrough; Russian village; revolutionary radicalism; revolutionary movement; socio-psychological portrait.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.3

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Между деревней и городом: радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

1. Введение = Introduction

В начале прошлого столетия Российская империя переживала сложную трансформацию социальных, экономических и политических отношений. Модернизационные процессы, интенсивность которых оказалась фатальной для весьма резистентной культуры российского общества, уничтожали устоявшиеся традиции и привычную систему общественных взаимоотношений, создавая новые, прежде неизвестные возможности в экономической и политической жизни. Значительная часть этих возможностей была воспринята некоторыми социальными группами не как открытый вариант для созидательного политического творчества, но как повод для активного заявления своих притязаний, вплоть до социального бунта, что в целом характерно для стран, находившихся в начале века «на периферии глобального капиталистического прогресса» [Шанин, 1997, с. 145].

Идущие рука об руку процессы индустриализации и урбанизации в «периферийных» обществах причиняли серьезный ущерб традиционному укладу наиболее консервативного — сельского — населения. Модернизационные процессы тяжело отражались на патриархальном семейном укладе и традиционном политическом сознании, признающем сакральный авторитет династической власти.

Сокрушительный удар по культурным традициям сельского населения Российской империи нанесло проникновение капитализма, вызвавшее экономический, демографический и нормативный кризис [Wolf, 1969]. Не менее разрушительным было и воздействие на нематериальную культуру. Т. Шанин отмечал, что разрушение традиционного уклада на селе произошло в результате десакрализации авторитета царской власти в сознании деревенских жителей: «Как только царская воля перестала восприниматься как сила природы, а неприкосновенность царизма уже не казалась безоговорочной истиной, социальный мир сельской России начал рушиться» [Шанин, 1997, с. 155].

То, что разрушала безжалостная стихия модернизации, как оказалось, было несущей конструкцией Российской империи. Причинами же крестьян-

CC BY

ских бунтов начала XX века большинство исследователей полагают прежде всего экономические факторы. Выполненный российскими учеными анализ аграрного кризиса начала XX века позволил заключить, что «понятие "русский аграрный кризис" в их интерпретации выступает как сложное и системное, выражает состояние экономики, страдавшей от перенаселения» [Рогалина, 2004, с. 18]. Т. Шанин отмечал, что российское село оказалось в порочном круге кризисов: «быстро уменьшающиеся душевые земельные наделы, недостаточные доходы, как и инвестиции, давление долгов и налогов, взлет арендных платежей и нехватка альтернативных или дополнительных источников занятости и доходов» [Шанин, 1997, с. 153].

Такое понятие, как «вегетативный консерватизм», акцентирующее внимание на «тенденции к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными» [Манхейм, 1994, с. 593], не способно вполне описать характерные особенности мировоззрения жителей традиционной российской деревни. Неотъемлемое качество сельской общины — автономистский, даже анархический темперамент. Эта анархическая стихия крестьянства, несомненно, проявилась в утопических представлениях об идеальной общественной организации, в которой государство и община соприкасаются как можно меньше. М. Горький с сожалением отмечал, что «русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком» [Горький, 1922, с. 6], тогда как эту черту народа следовало бы считать исключительно позитивной, поскольку она указывает на стремление к экономической самостоятельности, а следовательно, и к свободной и ответственной трудовой жизнедеятельности. Простая мудрость и завидное здравомыслие русского крестьянина Российской империи заключались в ориентации на правду жизни, в которой важнейшая цель — установление справедливости, заключающейся в аккуратном отношении к естественному порядку вещей и осторожном — к сомнительным новациям: «Нам никаких чудес не надо. Мы желаем жить при ясном свете, без опасений, без страха» [Там же, с. 31].

Под натиском модернизационных процессов изменились социальный и экономический уклад деревни, но осталось неизменным крестьянское мировоззрение, крепко замешанное на чувстве автономности. Русские крестьяне понимали освобождение как «защиту от всеобъемлющего опекунства и притеснений со стороны мелкого чиновничества и его местных подопечных, союзников и хозяев: кулаков, священников, помещиков и губернских сановников» [Шанин, 1997, с. 170—171]. Бунтовской энтузиазм крестьянства в годы первой революции был проявлением именно такого понимания социальной справедливости: их цель сообразовывалась с неизбывным желанием «дер-

CC BY

жать государство на расстоянии вытянутой руки в вопросах будущего управления местными делами и землепользования» [Там же, с. 206].

Это скорее культурно-физиологическое, народно-темпераментное, чем идеологическое стремление к политической автономии дополнялось резким раздражением неудовлетворительными хозяйственными условиями. Исследователь В. Г. Богораз-Тан в своих записках о «новом крестьянстве» в 1905 году отмечал, что крестьяне лишены необходимой для жизни земли, выгонов для скота, сенокоса, леса и т. д. [Тан, 1905, с. 46]. Вечные искатели правды, как характеризовали русское крестьянство народники, они осуждали чиновников, которые блокируют просветительские инициативы: «Чиновники назначают нам учителей против нашего желания, которые забивают ребятам голову всяким сором вместо науки, запрещают им читать хорошие книжки и хоронят от них правду» [Там же, с. 46—47].

Обострение недовольства в совокупности со всеми стимулирующими социальный взрыв условиями трансформации общественных отношений стали ключевыми факторами революционного движения в российской деревне. Изучив массовое сознание «нового крестьянства», В. Г. Богораз-Тан утверждал: «В их сердцах слишком много страсти, в настроении электричества, а в сердце негодования» [Там же, с. 42]. Революционная ситуация на селе складывалась из всех этих факторов.

Даже В. И. Ленин в 1905 году в пику марксистскому большинству, апологетически утверждавшему идею о реакционной сущности крестьянства, отмечал, что победа демократической революции зависит от мощной поддержки рабочего движения крестьянством. Анализируя доступную ему информацию, он писал в разгар кризиса: «Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана» [Ленин, 1968, с. 154].

Разумеется, в авангарде всех этих масштабных перемен на селе была деревенская молодежь, представители поколения «революционного перелома». Именно эта социально-демографическая группа находится в фокусе нашего исследования. Специфику методологии определяет предмет исследования. Мы используем подходы поколенческой истории, социальной истории и исторической социологии. Одна из центральных задач статьи заключается в реконструкции социально-психологического облика радикала поколения «революционного перелома» в начале XX века.

Нас интересуют те представители поколения «революционного перелома» крестьянского происхождения, которые в своей революционной активности неизбежно сочетали элементы деревенского габитуса и городских паттернов поведения в условиях небывалого революционного подъема масс начала XX века, оказавшего влияние как на политическую активность городского населения, так и на революционную инициативность

CC BY

жителей деревни. Задача исследования состоит в том, чтобы показать и проанализировать те нюансы, которые характерны для поколения «революционного перелома» с учетом принципиального отличия революционных интересов горожан и крестьянства: «городские революционеры ставили своей целью поднять, в конце концов, общенациональное восстание, результатом которого стала бы победа республики, крестьянские активисты не имели это в виду» [Шанин, 1997, с. 175]. В фокусе нашего внимания те люди, которые проявили характерную для «революционной мутации» активность в годы «революционного перелома». Социолог П. А. Сорокин так описывал трансформацию поведения этих людей в революционной ситуации: «Охваченные бешеным водопадом революции индивиды срываются с насиженных мест, бросаются от одной профессии к другой, пропускаются через ряд партий, групп, верований, словом, — меняют один “костюм рефлексов” на другой» [Сорокин, 2005, с. 50].

Революционная ситуация и революционные события стали своеобразным «новым контактом» для изучаемого нами поколения, который «играет важную роль в жизни человека, если обстоятельства вынуждают его покинуть одну социальную группу и влиться в другую» [Манхейм, 1998, с. 21]. Данное теоретическое обоснование поколенческого опыта является хорошей иллюстрацией для исторической ситуации поколения «революционного перелома» крестьянского происхождения, которое увлекалось революционными процессами в обществе, переехав в город.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Пионер поколенческой истории в отечественной науке Т. Шанин отмечал, что именно изучение истории через фокус поколений поможет обнаруживать новые ответы на старые вопросы исследователей, а научная картина исторического развития станет более ясной [Шанин, 2005, с. 11]. Для его подхода характерно не столько квантитативное демографическое, сколько качественное толкование понятия «поколение»: оно означает тех, «кто прошел через одни и те же события» [Там же, с. 17]. Шанин утверждал, что революция без поколенческого анализа необъяснима [Там же, с. 20].

Мы подчеркиваем, что задачи нашего исследования связаны с анализом особенностей процесса радикализации сознания представителей определенного поколения. Б. В. Дубин характеризует подобный тип как «именное поколение», то есть поколение «свидетелей крупномасштабного перелома» [Дубин, 2005, с. 68].

Теоретико-методологические подходы нашего исследования опираются на разработанные российским социологом Ю. А. Левадой понятия «революционный перелом», то есть «условно 1905—1930 годы», и «поко-

CC BY

ление революционного перелома», то есть «родившиеся примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34], во многом определивших самостоятельный дискурс поколенческой истории [Безгин и др., 2022; Слезин и др., 2022]. Причем специфика предмета нашего исследования позволяет нам понимать социально-демографическую группу поколения «революционного перелома» в несколько расширительном варианте. Наш подход продиктован постановкой исследовательской задачи и теми материалами, на которых основывается исторический анализ.

Основу источниковой базы исследования составили материалы личных дел, а также воспоминания крестьян-политкаторжан рассматриваемого поколения, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Эти источники релевантны, поскольку сохранившиеся материалы личных дел содержат автобиографии, позволяющие проследить жизненный и, в частности, революционный путь выходцев из крестьянских семей. Не менее значимым оказалось вовлечение в научный оборот материалов биографических справочников участников революционного движения, составленных на основании индивидуальных анкет политкаторжан. Кроме того, в качестве источников привлекались опубликованные воспоминания и материалы периодической печати Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интеллектуальный уровень крестьянской молодежи как фактор радикализации настроений

Важной отличительной особенностью социального портрета сельского радикала был низкий уровень образования, что, несомненно, сказывалось на характере его политических взглядов и настроений. Тяжелое материальное положение сельских жителей, вызванное главным образом обострившейся к началу XX века проблемой малоземелья, было одной из главных причин низкого образовательного уровня и незавершенности обучения крестьян. Очевидно, что многие выходцы из беднейших крестьянских семей не могли себе позволить обучение в высших и средних учебных заведениях. Между тем возросшее стремление деревенской молодежи к образованию сдерживалось отсутствием необходимых средств для обучения.

Обратим внимание на отрывок из автобиографии выходца из крестьянской семьи, примкнувшего впоследствии к анархистам, М. Г. Ванидзе: «Родители мои — бедные крестьяне только и дали мне окончить двухклассное начальное училище, после чего, не имея средств, они не могли дать мне возможность продолжить начатое образование» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 300, л. 3]. Родившийся самым младшим ребенком в многодетной

CC BY

крестьянской семье Н. С. Ершов отмечал, что «учился недолго на медные гроши, выторгованные матерью на базаре» [Там же, д. 661 а, л. 4]. Крестьянин И. П. Тимошенко, примкнувший к революционному движению в 1905 году, по его личным свидетельствам, не смог продолжить обучение в гимназии, поскольку у его семьи не было достаточно средств для продолжения обучения [Там же, д. 2011, л. 3]. Не менее показателен отрывок из автобиографии политкаторжанина из крестьян П. В. Страфуна: «В 12 лет я уже закончил свое обучение, хотя учиться было охота. Но отец сказал, что мне больше не нужно учиться, а в хозяйстве нужен работник и учиться нет средств» [Там же, д. 1943, л. 3]. Похожие обоснования своего низкого уровня образования мы находим в воспоминаниях уроженца Херсонской губернии, социал-демократа Т. С. Вишневского: «Не окончил церковно-приходскую школу, потому что нужда, царившая в семье моего отца, заставила последнего оторвать меня от учения и сделать из меня помощника для облегчения материального положения» [Там же, д. 363, л. 5].

На основании сохранившихся воспоминаний политкаторжан крестьянского происхождения можно утверждать, что многие из них примкнули к революционному движению именно в период обучения в гимназиях, семинариях и других учебных заведениях. Например, крестьянин Н. С. Ершов, проходивший обучение в Кунгурском училище, отмечал, что в последнем классе занимался слабо, так как довольного много читал книг, под влиянием которых стал «революционером-одиночкой» [Там же, д. 661а, л. 4]. Уроженец губернии А. И. Тренин начал читать подпольную революционную литературу благодаря знакомству с учащимися семинарии в июне 1905 года, а уже через пару месяцев считал себя революционером-социалистом [Там же, д. 2021, л. 4]. Не менее показателен отрывок из автобиографии крестьянина Я. П. Науменко: «В гимназии я познакомился со студентом Бругом, который давал мне книги, смысла которых я почти не понимал. Но прошло некоторое время, и я уже ходил на собрания революционеров» [Там же, д. 1363, л. 3].

Вместе с тем важно учесть тот факт, что многие революционно настроенные крестьяне были исключены из учебных заведений вследствие своей революционной деятельности, а потому неудивительно, что характерной составляющей их социального портрета была недоученность. Как показывают результаты количественного анализа, около 7 % крестьян из общего числа политкаторжан поколения «революционного перелома» были исключены из учебного заведения [Вязинкин и др., 2023, с. 409]. Например, причиной для исключения из училища крестьянина А. С. Чекатило послужило распространение революционных настроений среди учащихся и оскорбления одного из преподавателей [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 537, л. 3—3об.]. Крестьянин Курской губернии Ф. А. Сергеев был исключен

CC BY

из Московского высшего технического училища за участие в студенческой демонстрации [Деятели революционного…, 1931, с. 132].

3.2. Революционные идеи в деревне: молодежный фактор

Однако к началу XX века не только учебные заведения были источником революционного влияния на селе. Примечательно то, что некоторые крестьяне знакомились с революционными идеями, еще будучи сельскими обывателями. В частности, исключенный из высшего учебного заведения крестьянин Ф. М. Безуглый отмечал: «В возрасте 14—15 лет я познакомился с народнической литературой, случайно найдя в амбаре обширную библиотеку моего старшего брата, принимавшего активное участие в революционном движении 1905—1906 годов. В ней (библиотеке) я нашел работы Лаврова, Кропоткина, но особенное впечатление произвела на меня книга “Подпольная Россия”» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 140, л. 3]. Уроженец Киевской губернии А. М. Гопкало в своей автобиографии указал, что занимался чтением нелегальной революционной литературы еще в сельской местности, доставал ее через своего отца от учителей — старых народовольцев [Там же, д. 482, л. 3]. Крестьянин З. П. Филипповский, по его личным свидетельствам, познакомился с нелегальной революционной литературе в местечке Колышки Витебской губернии [Там же, д. 2109, л. 3.].

Уроженец Вятской губернии Л. И. Шарыгин вспоминал, что первое знакомство с политической работой получил от «ссыльно административного народника», жившего на квартире крестьянина. Народник давал Шарыгину нелегальную литературу, которая познакомила юного сельчанина с «порядками царизма и задачами партии» [Там же, д. 2270, л. 4]. Примкнувший к эсерам крестьянин В. А. Шеин отмечал, что о «революционно-социалистических идеях слышал еще в детстве от родственников крестьян» [Там же, д. 2286, л. 7].

Приведенные выше примеры наглядно показывают нам, что в дореволюционной деревне влияние революционных идей на крестьянскую молодежь было весьма ощутимым. В то же время сама сельская молодежь подчас не осознавала той опасности, которую представляло чтение и распространение нелегальной литературы. Так, А. Н. Прасолов отмечал, что в селе Турово Московской губернии запрещенная литература при удобном случае читалась открыто прямо на улице, поскольку многие крестьяне не знали, что это преследуется [Прасолов, 1928, с. 9].

В то же время свидетельства о знакомстве именно с народнической литературой неслучайны. В советской историографии отмечалось, что в начале прошлого столетия народники проиграли идейную борьбу за крестьянство социал-демократам, большевикам. Однако это не вполне соответствовало действительности. Даже в правительстве понимали, что на-

CC BY

родническая идеология накануне революционных событий 1905—1907 годов была наиболее опасной в вопросах радикализации социальных низов и осложнения социальных конфликтов [ОР РГБ, ф. 225, к. 1, д. 1, л. 1об.].

Однако большинство крестьян в силу своей малограмотности не могли понять в полной мере многого из содержания революционной пропаганды. Как справедливо заметил А. Н. Прасолов, несмотря на распространенность революционной литературы, крестьяне имели весьма смутные представления о социализме [Прасолов, 1928, с. 44]. Гораздо важнее для них было чувство сопричастности революционному движению, выражавшее их общее недовольство существующими порядками. В частности, крестьянин Г. М. Стрыгин, попавший под революционное влияние во время прохождения армейской службы, отмечал: «На массовках, которые нам устраивали представители разных партий, выступали ораторы на революционные темы, но я лично не особо разбирался в программах партий. Нам нравилось одно уже то, что говорили о наших интересах, о наших нуждах» [ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 173, л. 48]. Не менее примечательны воспоминания социал-демократа А. Черкунова, занимавшегося агитационной работой среди крестьян в Херсонской губернии: «Желание проникнуть в сущность нашего учения было так велико, что некоторые крестьяне наизусть выучили нашу программу и потом, выступая, козыряли словами, которые часто не совсем и понимали» [Каторга и ссылка, 1925, с. 38].

Кроме того, усилившиеся в начале XX века аграрные беспорядки, сопровождавшиеся поджогами и ограблениями помещичьих имений, также способствовали распространению леворадикальных настроений среди деревенской молодежи. Вот что по этому поводу вспоминал крестьянин Саратовской губернии И. Я. Коротков: «Крестьянские выступления нас только подогревали, и у меня у самого появилось еще больше энергии. В этой обстановке молодежь начала выпирать» [ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 204, л. 2]. По свидетельству А. Н. Прасолова, в это время среди некоторых молодых крестьян села Турова Московской губернии такие слова, как «революционер» и «забастовщик», произносились с гордостью [Прасолов, 1928, с. 35].

3.3. Город как фактор радикализации настроений сельской молодежи

Переселение крестьянской молодежи в начале XX века в города, которые зачастую и становились местом их знакомства с революционными идеями, во многом было обусловлено трудностями материального положения деревенской бедноты. К примеру, крестьянин И. И. Борисов отмечал, что до 1903 года жил в селе Гремячево Калужской губернии, однако после упадка хозяйства был вынужден искать заработок на стороне, вследствие чего уже в конце года перебрался в город и устроился работать каменщиком [ГАРФ,

CC BY

ф. 533, оп. 2, д. 223, л. 3]. Выходец из крестьянской семьи Московской губернии М. П. Аксенов был вынужден с 11 лет работать на фарфоровой фабрике [Деятели революционного…, 1931, с. 52]. Крестьянин Т. С. Вишневский бежал в возрасте 17-ти лет из деревни в г. Зиновьевск по причине издевательства над ним помещика Луцкого [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 363, л. 5]. Неудивительно, что, оказавшись в городской среде, он в первые же недели своего приезда примкнул к кружку социал-демократов [Там же].

Таким образом, покидая родную деревню, еще совсем молодой крестьянин, успевший при этом испытать на себе многие тяготы и лишения, попадал в городскую среду, будучи эмоционально подготовленным к восприятию революционных идей. Весьма показательны в этом отношении воспоминания уехавшего в поиске средств к существованию крестьянина З. П. Филипповского: «Влиять на мое революционное настроение агитаторам долго не пришлось, так как мое социальное и материальное положение само сделало меня революционером, ибо я был крестьянином и испытывал на собственной шкуре эксплуатацию» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 2109, л. 3].

Между тем многие революционно настроенные крестьяне, проходившие обучение в городах или уехавшие туда в поисках дополнительного источника средств существования, нередко продолжали поддерживать связь с деревней. К примеру, уроженец Кубанской области Ф. М. Безуглый отмечал, что до и после окончания гимназии в свободное от учебы время, как и все в его семье, работал по хозяйству [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 140, л. 3]. Проходивший обучение в духовной семинарии уроженец Владимирской губернии С. Ф. Корочкин писал о том, что в летние месяцы продолжал вести обычный крестьянский образ жизни и исполнял все полевые работы [Там же, д. 958, л. 7]. При этом весьма показательны и те впечатления, которые производила на него обстановка жизни в деревне: «Нищета, бесправие деревни уже тогда натолкнули меня на мысль, что надо искать выход из того положения, в котором находилась деревня» [Там же].

Уезжая в города в поисках заработка, большинство выходцев из крестьянских семей вынужденно устраивались работать на городских предприятиях. Существенное влияние в процессе радикализации их взглядов оказывали тяжелые условия труда рабочих. В частности, крестьянин С. И. Семенов, оказавшись среди строительных рабочих, отмечал: «Меня страшно возмущал порядок продолжительности рабочего дня и пренебрежительное обращение с рабочими» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 1811, л. 3].

Впоследствии многие из крестьян рассматриваемого поколения оказались в той или иной революционной организации именно благодаря широкой распространенности социалистических идей в рабочей среде. Обратимся к рассмотрению характерного отрывка из автобиографии крестьяни-

CC BY

на Калужской губернии И. И. Борисова: «Работая на заводе, мне пришлось познакомиться с помощником машиниста Георгием Зиновьевым, который был членом партии социалистов-революционеров. Заводская обстановка, частые беседы с Георгием и чтение нелегальной литературы, которой снабжал меня Георгий, невольно натолкнули меня на путь революционной работы» [Там же, д. 223, л. 3]. Устроившись на работу слесарем, крестьянин Саратовской губернии Н. Е. Еликин из разговоров между рабочими узнал о борьбе с классом «угнетателей», что и подтолкнуло его к вступлению в кружок социалистов-революционеров [Там же, д. 650, л. 4 об.]. Похожие мотивы революционной активности мы находим в воспоминаниях крестьянина Гродненской губернии В. Г. Воронко: «Попав в среду рабочих, меня сильно заинтересовал вопрос: Кто такие демократы? Что они из себя представляют и чего они хотят? Этому главным образом способствовало то, что со мной работали два брата социал-демократа Степаненко. Видя во мне деревенского парня, имеющего большое желание познакомиться с так называемыми социалистами, они стали давать мне читать книжки, а впоследствии и приглашать на собрания» [Там же, д. 389, л. 4].

В то же время нередко молодые крестьяне, попавшие под влияние революционных организаций в городе, впоследствии становились проводниками революционных идей на селе. В этом отношении примечателен революционный путь крестьянина Владимирской губернии А. В. Кучанова, который уже после вступления в кружок РСДРП в Риге снабжал свою деревню необходимым количеством нелегальной литературы [Там же, д. 1070, л. 5]. Оказавшись под влиянием революционных идей, крестьянин Ф. М. Безуглый организовал в своей деревне группу «анархистов-экспроприаторов», в которую помимо него вошли его брат, гимназист 4-го класса, и ещё три крестьянина из соседнего села [Там же, д. 140, л. 3]. Ожидая своего призыва, крестьянин П. И. Цветков вернулся из Петрограда в родную деревню, расположенную на территории Тверской губернии, где в конце 1905 года и занялся агитационной работой среди крестьянской молодежи [Там же, д. 2175, л. 6]. Крестьянин З. П. Филипповский занимался агитационной работой среди сельской молодежи таких местечек Витебской губернии, как Колышки, Лиозно, Миулино. При этом он же отмечал, что только в местечке Колышки насчитывалось свыше 70 членов, в то время как проводить массовки и вести кружковые занятия летом приходилось в лесах и оврагах, а зимой по баням и овинам [Там же, д. 2109, л. 3].

Выходец из крестьянской среды А. М. Типунков после вступления в партию эсеров вернулся в деревню и вел активную революционную пропаганду среди сельчан Брянского уезда Орловской губернии [Кан, 2004, с. 98]. Аналогичной деятельностью среди крестьян Волоколаменского уез-

CC BY

да Московской губернии занимался выходец из крестьянской семьи, эсер М. Е. Горячев [Политическая каторга…, 1934, с. 159]. В своих воспоминаниях Н. А. Манюков, в годы первой революции молодой активист и радикал крестьянского происхождения, примкнувший к группе РСДРП в Ельце в 1905 году, вспоминал, что им удалось приобрести ручную типографию для изготовления нелегальных листовок, которую разместили в деревне Казинке. После перевозки ее в город в 1906 году немедленно были проведены обыски и аресты [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 2224, лл. 3—4.].

По существу, те процессы, которые сопутствовали интенсивной модернизации общественной жизни на рубеже XIX—XX веков, выталкивали крестьянскую молодежь, нередко подростков и детей, в города. Затем многие из них возвращались, чтобы работать организаторами революционных ячеек в деревнях. Крестьянин Самарской губернии В. А. Шеин писал, что, вернувшись в деревню, получал революционную литературу из Самары через железнодорожных машинистов, после чего вел «организационно-пропагандистскую работу среди крестьян» [Там же, д. 2286, л. 7]. Г. В. Щербаков вспоминал, что «в 1904 году завелась уже довольно прочная связь с городом, который уже довольно аккуратно давал свою нелегальную литературу» [Там же, д. 2349, л. 3 об.]. Крестьянин И. И. Челышев, ставший революционером в возрасте 15 лет, вспоминал, что установил «прочную связь с народом как член партии социалистов-революционеров <…> влияние на крестьян я расширял путем устной и печатной пропаганды» [Там же, д. 2213, л. 4].

Не последнюю роль в процессе радикализации сознания выходцев из крестьянских семей играла сама общественная атмосфера революционных дней. Весьма примечательны в этом отношении воспоминания крестьянина Ф. М. Безуглого, примкнувшего в 1912 году к социал-демократам: «Исходным пунктом моих настроений и стремлений являются мои детские впечатления 1905 года в Краснодаре, где начались мои детские игры в “забастовщиков”» [Там же, д. 140, л. 3]. Крестьянин Харьковской губернии В. С. Тернавцев пишет: «Всероссийская забастовка встретила меня мальчуганом, который очень интересовался всем происходящим. Мне пришлось в 16 лет выступать в вооруженном восстании с пикой в руках, которую сделал сам» [Там же, д. 1998, л. 5].

3.4. Революционные практики поколения

Не менее значимой представляется конкретизация роли радикалов поколения «революционного перелома» в революционных потрясениях начала XX века. Как показывают данные анкет, причиной ареста большинства политкаторжан крестьянского происхождения было членство в революционных организациях или кружках, а также хранение оружия и распростра-

CC BY

нение революционной литературы и прокламаций. В частности, уроженец деревни Осетры Вологодской губернии И. Л. Дубровин в 1907 году был осужден на 5 лет каторги за хранение взрывчатых веществ [Политическая каторга…, 1934, с. 203]. Сын земледельца С. И. Дьяченко в 1907 году был арестован за принадлежность к группе анархо-коммунистов [Там же, с. 206]. К четырем годам каторги был приговорен уроженец местечка Лясоцни Радомской губернии Я. Я. Щепанский за революционную агитацию среди учителей Козельского уезда [Там же, с. 743].

Однако были и те, кто проявлял свой конфронтационный настрой в более радикальных, подчас террористических формах. Например, крестьянин С. И. Бурцев в 1910 году в составе группы анархо-коммунистов, имея в своем распоряжении оружие и средства для взрывов, совершил разбойное нападение на торговую лавку и похитил 800 рублей [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 269, л. 12]. Причиной для ареста в 1908 году Ф. Ф. Дружина стало нападение на торговую лавку с целью «экспроприации» [Политическая каторга…, 1934, с. 201]. За участие в разгроме помещичьих имений на 4 года каторги был осужден сын батрака П. Ф. Шмидер [Там же, с. 734].

Нередким явлением было участие выходцев из крестьянских семей в совершении убийства. Например, Ф. О. Домненко был осужден на 8 лет каторги за пособничество в убийстве механика сахарного завода [Там же, с. 198]. Дочь земледельца, уроженка Виленской губернии М. М. Школьник в 17 лет участвовала в совершении покушения на черниговского генерал-губернатора, за что была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой [Участники русского…, 1927, с. 276]. Будучи эсером, выходец из бедной крестьянской семьи Г. Н. Фролов совершил убийство самарского губернатора, объясняя позднее мотивы совершенного преступления следующим образом: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал. В голове крутилась одна мысль — раз нет лучшего, будь ты им!» [Каторга и ссылка …, 1924, с. 114].

Важнейшим фактором формирования и развития этих практик был психологический, сыгравший свою роль на фоне эрозии авторитета монархической власти и всей ее вертикали. Произошел переломный момент в правовом сознании широких народных масс: границы правоощущения стали подвижными, а на смену государственному законодательству пришло «народное “интуитивное” право» [Скибина, 2013, с. 165].

Таким образом, можно сказать, что в российской деревне на рубеже веков уже были подготовлены социальные и экономические условия для перехода к «анархическому» режиму существования. Молодежь «революционного поколения», представителям которой накануне первой русской революции исполнилось от 15 до 24 лет, часто были вынуждены отправ-

CC BY

ляться в город, где идеология социал-демократов, эсеров и анархистов умножала бунтовской потенциал поколения, кристаллизуя тем самым их как социальную группу, состоящую из радикалов, и создавая уникальный «поколенческий стиль».

4. Заключение = Conclusions

Переломная эпоха радикальным образом отразилась на всех сферах сельского социума, который оказался вовлеченным в прежде невиданное количество новых социальных связей и был вынужден адаптироваться к новым общественным и политическим реалиям, участвовать в революционных событиях. Разрушение традиционного сознания оказалось наиболее существенным ударом по монолиту «вегетативного консерватизма» как мировоззренческой парадигмы жителей деревни. Как справедливо отмечал Т. Шанин, в эти годы «традиции прошлого смешались с новыми характеристиками крестьянства, находящегося на переломе» [Шанин, 1997, с. 223]. В эти годы поколение крестьян «революционного перелома», к которому следует отнести, прежде всего, молодых людей крестьянского происхождения, по воле судьбы оказавшихся в городах, сыграло важную роль в реактуализации «анархического» паттерна крестьянского сознания, деревенской вольницы. Именно на долю крестьянской молодежи начала прошлого столетия выпало быть в авангарде революционного движения, затеянного теоретиками социалистической революции. Зачастую они уже несли в себе «анархические» настроения деревни, где авторитет монархической власти существенно пошатнулся. Знакомство же с революционными идеями резко усилило их мотивацию социального действия и в целом повысило степень радикализации молодежи.

Тяжелое материальное положение в деревне большинства крестьянских семей в начале XX века было дополнено влиянием синергизма радикализирующих факторов. В частности, распространенность леворадикальных настроений среди деревенской молодежи была связана с проникновением в сельский социум революционной литературы, активизацией аграрного движения, а также миграцией в города, которая, с одной стороны, способствовала их вступлению в революционные организации, а с другой — вела к поколенческому разлому и разрыву молодых людей с патриархальными традициями крестьянства. Поверхностное усвоение деревенской молодежью революционной пропаганды было обусловлено низким уровнем образования и стихийностью развития революционного движения. Для большей части революционно настроенной сельской молодежи участие в революции было своеобразным проявлением протеста и недовольства существующими порядками.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации* Ф. 533. Оп. 1. Д. 173. Л. 48 ; Ф. 533, Оп. 1. Д. 204. Л. 2 ; Ф. 533, Оп. 2. Д. 140. Л. 3 ; Ф. 533, Оп. 2. Д. 223. Л. 3 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 269. Л. 12 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 300. Л. 3 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 363. Л. 5 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 389. Л. 4 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 482. Л. 3 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 537. Л. 3—3 об ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 650. Л. 4 об ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 661 а. Л. 4 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 958. Л. 7 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1363. Л. 3 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1070. Л. 5 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1811. Л. 3 ; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1943. Л. 3.

2. *Деятели* революционного движения в России : от предшественников декабристов до падения царизма : биобиблиографический словарь. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927—1934. — Выпуск 1. — 582 с.

3. *Каторга* и ссылка. — 1924. — № 1 (8). — 301 с ; 1925. — № 3 (16). — 275 с.

4. *Политическая* каторга и ссылка. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. — 886 с.

5. *Прасолов А. Н.* Как туровские крестьяне боролись с самодержавием / А. Н. Прасолов. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. — 63 с.

6. *Участники* русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. — 288 с.

Литература

1. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. А, Якимов // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — *DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.*

2. *Вязинкин А. Ю.* Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417.

3. *Горький М.* О русском крестьянстве / М. Горький. — Берлин : Издательство И. П. Ладыжникова, 1922. — 45 с.

4. *Дубин Б. В.* Поколение: смысл и границы понятия / Б. В. Дубин // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 61—79.

5. *Кан Г. С.* Александр Типунков : судьба политкаторжанина / Г. С. Кан // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев : Образование, развитие, ликвидация 1921—1935 ; Бывшие члены общества во время Большого террора : Материалы международной научной конференции (26—28 октября 2001 г.). — Москва : Звенья, 2004. — С. 197—203. — ISBN 5-7870-0078-1.

6. *Левада Ю. А.* Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.

7. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Октябрь 1905 — апрель 1906 / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1968. — Т. 12. — 575 с.

8. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2 (30). — С. 7—47.

9. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. — Москва : Юрист, 1994. — 704 с. — ISBN 5-7357-0046-4.

10. *Рогалина Н. Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века / Н. Л. Рогалина // Вопросы истории. — 2004. — № 7. — С. 10—22.

11. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

12. *Скибина О. А.* Психологическая теория права Л. И. Петражицкого и марксизм в учении М. А. Рейснера / О. А. Скибина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (35). — С. 163—167.

13. *Сорокин П. А.* Социология революции / П. А. Сорокин. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 704 с. — ISBN 5-8243-0617-6.

14. *Тан (Богораз) В. Г.* Новое крестьянство / В. Г. Тан (Богораз). — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1905. — 126 с.

15. *Шанин Т.* Революция как момент истины : Россия 1905—1907 гг. 1917—1922 гг. / Т. Шанин. — Москва : Весь мир, 1997. — 560 с. — ISBN 5-7777-0039-X.

16. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

17. *Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century / E. Wolf. — New York & London : Harper and Row, 1969. — 328 p.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

Figures of the revolutionary movement in Russia: from the predecessors of the Decembrists to the fall of Tsarism: a bio-bibliographic dictionary, 1. (1927—1934). Moscow: Publishing House of the All—Union Society of Political Convicts and Exiled Settlers. 582 p. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

Hard labor and exile (1924, 1925). (In Russ.).

Participants of the Russian revolutionary movement of the era of struggle against tsarism. Biographical index of members of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers. (1927). Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. 288 p. (In Russ.).

Political hard labor and exile. (1934). Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. 886 p. (In Russ.).

Prasolov, A. N. (1928). *How the Turov peasants fought the autocracy.* Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers. 63 p. (In Russ.).

CC BY

References

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the "revolutionary turning point". *Bulletin of the archivist, 4:* 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).

Dubin, B. V. (2005). Generation: the meaning and boundaries of the concept. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia.* Moscow: New Literary Review. 61—79. (In Russ.).

Gorky, M. (1922). *About the Russian peasantry.* Berlin: Publishing house of I. P. Ladyzhnikov. 45 p. (In Russ.).

Kan, G. S. (2004). Alexander Tipunkov: the fate of a political prisoner. In: *All—Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers: Education, Development, liquidation 1921—1935; Former members of the society during the Great Terror: Proceedings of the International Scientific Conference (October 26—28, 2001).* Moscow: Links. 197—203. ISBN 5-7870-0078-1. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1968). *Complete works. October 1905 — April 1906, 12.* Moscow: Publishing House of Political Literature. 575 p. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005.* Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).

Manheim, K. (1994). *Diagnosis of our time.* Moscow: Yurist. 704 p. ISBN 5-7357-0046-4. (In Russ.).

Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *New literary review, 2 (30):* 7—47. (In Russ.).

Rogalina, N. L. (2004). Agrarian crisis in the Russian village of the beginning of the XX century. *Questions of history, 7:* 10—22. (In Russ.).

Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth: Russia 1905—1907. 1917—1922.* Moscow: The Whole World. 560 p. ISBN 5-7777-0039-X. (In Russ.).

Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. Man. *Community. Management, 3:* 6—25. (In Russ.).

Skibina, O. A. (2013). Psychological theory of law by L. I. Petrazhitsky and Marxism in the teachings of M. A. Reisner. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 9 (35):* 163—167. (In Russ.).

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of "Revolutionary Turning Point" Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog, 11 (8):* 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469 (In Russ.).

Sorokin, P. A. (2005). *Sociology of revolution.* Moscow: ROSSPEN. 704 p. ISBN 5-8243-0617-6. (In Russ.).

Tan (Bogoraz), V. G. (1905). *New peasantry.* Moscow: A. P. Poplavsky Printing House. 126 p. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog, 12 (4):* 402—417. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417 (In Russ.).

Wolf, E. (1969). *Peasant Wars of the Twentieth Century.* New York & London: Harper and Row. 328 p.

The article was submitted 04.08.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кайгусуз Д. «Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил» : газета «Британский союзник» о Сталинградской битве / Д. Кайгусуз, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 330—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345.

Kaygusuz, C., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2023). "I Share Admiration of My People for Glorious Feats of Soviet Armed Forces": Newspaper 'British Ally' on Battle of Stalingrad. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 330-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345

«Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил»: газета «Британский союзник» о Сталинградской битве

Кайгусуз Джумхур [1]
orcid.org/0000-0002-1640-9439
кандидат исторических наук,
преподаватель факультета гуманитарных
и общественных дисциплин
cumhurkaygusuz@gmail.com

Кокорина Юлия Георгиевна [2] *
orcid.org/0000-0002-2496-3958
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры «Гуманитарные дисциплины»,
** **корреспондирующий автор***
kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич [2]
orcid.org/0000-0002-6949-9490
доктор исторических наук, профессор
кафедры «Гуманитарные дисциплины»
9162803@mail.ru

[1] Университет имени 19 мая
(Самсун, Турция)
[2] Московский политехнический
университет
(Москва, Россия)

"I Share Admiration of My People for Glorious Feats of Soviet Armed Forces": Newspaper 'British Ally' on Battle of Stalingrad

Cumhur Kaygusuz [1]
orcid.org/0000-0002-1640-9439
PhD in History,
Lecturer at the Faculty
of Humanities and Social Sciences
cumhurkaygusuz@gmail.com

Yulia G. Kokorina [2] *
orcid.org/0000-0002-2496-3958
Doctor of Philology,
PhD in History, Professor
of the Department of Humanities,
** **Corresponding author***
kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov [2]
orcid.org/0000-0002-6949-9490
Doctor of History, Professor
of the Department of Humanities
9162803@mail.ru

[1] Samsun Ondokuz Mays University
(Samsun, Turkey)
[2] Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russia)

© Кайгусуз Д., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика представления информации о сражении под Сталинградом в английской прессе времен Великой Отечественной войны. Материалом для анализа послужили публикации в газете «Британский союзник», издаваемой в Великобритании на русском языке, предназначенной для российских читателей. Поднимается вопрос о необходимости применения для подобного рода исследований методов нового направления в мировой науке — имагологии. Новизна исследования видится в том, что впервые с точки зрения данного направления изучается материал издания, не привлекавшего широкое внимание российских ученых. Актуальность исследования обусловлена необходимостью раскрытия нового ракурса в изучении британской прессы времен войны. Приводятся контексты упоминаний о Сталинградской битве в еженедельнике «Британский союзник». Доказано, что, хотя восхищенное отношение победами советских войск под Сталинградом проскальзывает в ряде статей, издание не уделяет специального внимания битве на Волге. Показано, что на страницах газеты проводится идея о самоотверженном сопротивлении англичан армии фашистской Германии в Африке и на Сицилии, а также сообщается об их желании открыть второй фронт. Авторы приходят к выводу, что газета подает эти события и желания как равноценные борьбе советского народа, что не находит у читателей газеты (русских людей) одобрения и желаемого для издания отклика.

Ключевые слова:
Великая Отечественная война; Великобритания; газета «Британский союзник»; Сталинградская битва.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Revealing the specific portrayal of information about the Battle of Stalingrad in the English press during the Great Patriotic War, this article analyzes publications in the newspaper ‘British Ally,’ which was published in Great Britain in the Russian language for Russian readers. The question arises about the necessity of applying a new direction in global science — imagology — for such research. The novelty of this study lies in being the first to examine material from a publication that has not attracted much attention from Russian scholars from the perspective of this field. The relevance of the study is determined by the need to uncover a new perspective in studying the British press during wartime. The contexts of mentions about the Battle of Stalingrad in the weekly ‘British Ally’ are presented. It is proven that although an admiring attitude towards the Soviet victories at Stalingrad slips through in some articles, the publication does not give special attention to the Battle of Volga. It is shown that the newspaper emphasizes the idea of the selfless resistance of the British army against Nazi Germany in Africa and Sicily, as well as their desire to open a second front. The authors conclude that the newspaper presents these events and desires as equivalent to the struggle of the Soviet people, which does not find approval or desired response among the newspaper’s readers (the Russian people).

Key words:
Great Patriotic War; Great Britain; newspaper British Ally; Battle of Stalingrad.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.8:070(410)“1942”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история,
5.6.2. Всеобщая история

«Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил»: газета «Британский союзник» о Сталинградской битве

© Кайгусуз Д., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2023

1. Введение = Introduction

В заглавие статьи вынесена цитата из речи короля Великобритании Георга VI, произнесенной перед обеими палатами английского парламента 20 декабря 1942 года. Данная цитата была размещена на первой полосе газеты «Британский союзник», датированной указанным числом. Целью нашей работы является анализ сообщений газеты о Сталинградской битве, 80-летие которой отмечается в 2023 году.

Великобритания выступала союзником СССР во Второй мировой войне, и восприятие ее в этом качестве исследовалось в российской историографии в ракурсе военной психологии. Вся литература по указанному вопросу распадается на два блока: в первый входят работы, посвященные тому, как относились в СССР к действиям Великобритании, во второй — труды, уделявшие внимание проблеме отражения событий Великой Отечественной войны в британской прессе. Рассмотрим работы, относящиеся к первому блоку. На их тональность и содержание оказывала, как это всегда бывает, эпоха написания той или иной работы. Так, в статье, вышедшей в 1995 году, утверждалось, что «советские люди по имевшейся у них информации не могли представить военные усилия Великобритании и США, повседневную жизнь англичан и американцев во время войны» [Наринский и др., 1995, с. 238]. Мысль о том, что «подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи … Плохо представляли себе советские люди повседневную жизнь американцев и англичан» [Голубев, 1998, с. 277—278], высказывалась и позже. Российские авторы фиксировали эволюцию отношения к союзникам, в частности к Великобритании: «Советская пропаганда получает указания об усилении ее “наступательного характера” — в первую очередь

CC BY

в отношении союзников по антигитлеровской коалиции. По свидетельству очевидца, в декабре 1942 г. руководитель Совинформбюро С. А. Лозовский "собрал писателей, работающих в Совинформбюро, и ругательски ругал перед ними союзников и, в частности, Англию, называя их и некультурными, обманщиками и т. д.". Выступления Лозовского произвело настолько большое впечатление, что среди интеллигенции возникли предположения о серьезном конфликте с Англией» [Враги …, 2005]. Взаимоотношения СССР и Великобритании стали предметом специального исследования, автор которого анализирует отношения этих государств в гуманитарной, научной, культурной областях с использованием широкого круга источников, в том числе и архивных материалов [Мыцык, 1993].

Во второй историографический блок входят научные статьи, в которых раскрываются особенности взаимоотношений государственных органов и СМИ Великобритании в годы Второй мировой войны [Малаховская и др., 2019]. Так, в статье В. В. Малаховской и А. К. Малаховского рассматривается история смены власти в Великобритании после Мюнхенского соглашения, приход к руководству страной коалиционного правительства У. Черчилля, его политику в отношении радио и прессы. В 1985 году вышел сборник материалов западной прессы и выдержек из выступлений государственных деятелей, руководителей рабочего и коммунистического движения [Величие подвига…, 1985]. Это издание позволяет получить представление об отдельных сторонах реакции прогрессивных СМИ и политиков разного толка на события в СССР во время войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Нами в качестве источника исследования избрано специфическое издание — газета «Британский союзник». Она являлась органом Министерства информации Великобритании и выходила с августа 1942 по сентябрь 1950 года. Еженедельник «Британский союзник» является специфическим источником, изучение которого мы проводим в ракурсе современного междисциплинарного направления, развивающегося в Германии и Франции в продолжение школы «Анналов» (Annales school), поставившей проблему «чужого в культуре», — имагологии. «Основные понятия — имагема или национальный образ, национальные стереотипы. В основе концепции лежит предположение, что любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринимается как "естественная", сама собой разумеющаяся, а чужая — нет. Соприкосновение с другой культурой, взаимодействие с ней вызывает ощущение и понимание относительности ценностей, культур и самой социальной реальности» [Сенявская, 2006, с. 8]. В исторической науке сложилась концепция «образа врага», раскрытию которой посвящена

CC BY

процитированная нами работа Е. С. Сенявской [Сенявская, 2006]. «Британский союзник» стремился создать у советского читателя «образ друга» — народа Великобритании, который сражается с фашизмом, как следует из концепции еженедельника, с такими же усилиями и потерями, как и советский народ. Концепция создания «образа союзника» в отечественной науке только начала разрабатываться, и ссылки на работы этого круга приведены в монографии Е. С. Сенявской [Там же].

Всестороннее рассмотрение такого специфического издания в ракурсе имагологии — тема отдельного исследования. В данной статье мы ставим своей задачей представить, какое отражение нашла битва на Волге на страницах «Британского союзника», какие усилия предпринимала британская сторона для создания у советского читателя благоприятного образа Великобритании.

Нами проведена сплошная выборка информации о Сталинградской битве и событиях, связанных с ней, по всем номерам газеты. Отметим сразу: издание не содержало специальных статей, посвященных битве, за исключением небольшой заметки, описывающей реакцию британцев на просмотр фильма «Сталинград». Целые полосы посвящены действиям на Сицилии и в Северной Африке, выступлениям У. Черчилля в парламенте, участию короля Георга VI в военной кампании, но информацию о битве на Волге приходилось выискивать буквально по крупицам, что само по себе примечательно.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Британский союзник» как средство массовой информации: краткая характеристика

В российской печати последних лет деятельность газеты характеризуется с разных сторон, в частности, анализируется роль издания как орудия пропагандистского воздействия на СССР [Котеленец и др., 2019]. Е. А. Котеленец и М. Ю. Лаврентьева использовали материалы рассекреченных архивов СССР и Великобритании, характеризующих задачи, которые ставились английским правительством перед еженедельником, поэтому позволим себе привести длинную цитату из работы названных авторов: «По каналам советской разведки из Лондона были получена секретная информация, которая свидетельствовала, что программа издания “Британского союзника” разрабатывалась Комитетом зарубежного планирования Министерства информации Великобритании после нападения Германии на Советский Союз.

В марте 1942 года эта программа была утверждена Министерством информации и ставила перед изданием следующие основные цели:

1. “Убедить русских, что мы, как и они, стремимся раз и навсегда уничтожить угрозу германской агрессии”.

CC BY

2. “Убедить русских, что мы не стремимся к тому, чтобы они за нас побили немцев, и что Англия сделала и делает значительный вклад в дело поражения Гитлера”.

3. “Убедить русских, что Англия искренне оценивает роль Советского Союза в деле поражения Гитлера и роль, которую он играл и играет в предохранении Англии от германского вторжения”.

4. “Убедить русских, что нашей помощи, за исключением проблем производства, коммуникаций и наших обязательств, нет предела”.

5. “Убедить русских, что Англия ожидала заявления Идена, что нет непримиримого конфликта интересов между Англией и СССР”.

6. “Убедить русских, что англичане высоко оценивают заявление господина Сталина о том, что СССР не имеет намерения устанавливать силою свою правительственную форму в других странах”.

7. “Установить на “культурной базе” взаимопонимание между британским и русским народами с тем, чтобы устранить взаимное пренебрежение и недопонимание”.

8. “Поддерживать у русских убеждение, что дружественные отношения с Британией усилили бы безопасность СССР как на Западе, так и на Востоке, и что Британия вместе с США будет выполнять свои миссии по охране свободы морей”.

9. “Показать, в каких вопросах народы Британии и народы СССР могут оказать друг другу помощь при разрешении общих проблем”.

10. “Убедить русских, что ради своих собственных интересов мы придаем большое значение дружественным отношениям с СССР”.

11. “Убедить русских, что интерес, который проявляет британский народ к религиозной свободе в СССР, не является результатом стремления к восстановлению дореволюционного порядка в России”» [Там же, с. 490].

Е. А. Котеленец и М. Ю. Лаврентьева проанализировали 12 номеров газеты за 1942 и 1943 годы и провели количественную оценку различных тематических рубрик в плане применения пропагандистских технологий: подмены понятий, магии чисел, констатации фактов, социального одобрения и других — как приемов пропагандистской войны против СССР [Котеленец и др., 2019].

В. В. Алексеев, изучив потенциал издания как исторического источника, пришел к следующему выводу: «Многие приведённые на его страницах факты можно считать достаточно достоверными, хотя, безусловно, искажения, преувеличения и приукрашивания действительности журналистами и иными авторами допускались. Поэтому при работе с “Британским союзником” не следует пренебрегать источниковедческим анализом и перепроверкой с привлечением иных источников» [Алексеев, 2021, с. 53]. Определенный

CC BY

ракурс — рассмотрение в «Британском союзнике» военных преступлений фашистов — исследовал в своей работе Е. И. Кокконен [Кокконен, 2018]. Он сделал заключение, согласно которому: «Публикации на страницах “Британского союзника” в значительной степени подготовили общественное мнение стран антигитлеровской коалиции о необходимости и справедливости международного суда над руководителями III Рейха» [Там же, с. 4]. Таким образом, в историографии британская газета рассматривается как полноценный исторический источник, обладающий специфическими чертами.

Как писал в первом номере издания министр информации Великобритании Б. Брэкен, «цель “Британского союзника” состоит в том, чтобы каждую неделю давать народам Советского Союза фактическую информацию о военном усилии Британского содружества народов; о многосторонней деятельности Королевского Флота, который обеспечивает доставку продовольствия и оружия нам и нашим союзникам и лишает военных материалов нашего общего врага; о Королевских Воздушных силах, которые теперь проводят в беспрецедентном масштабе налеты бомбардировочной и истребительной авиации и чей личный состав исполнен такого же мужества и наступательного духа, как Советские воздушные силы; о рабочих британской промышленности, которые горды своим мастерством и горят желанием расширить производство, подобно советским стахановцам; о солдатах британской армии, которые на протяжении последних трех лет сражались с врагом в Европе, Азии и Африке, и об ударных отрядах, которые круглые сутки тренируются, готовясь к тому дню, когда мы откроем второй фронт и тем самым обеспечим окончательное поражение Гитлера» [Брэкен, 1942, с. 1].

Газета изначально ставила своей целью информирование советского читателя о действиях британской армии и тыловых буднях Соединенного Королевства. Редактором газеты выступал пресс-атташе Британского посольства в СССР. В Лондоне на английском языке печатался журнал «Советские военные известия», который, по мнению английского министра, «многое сделал, чтобы разъяснить нам, как восприняли войну народы Советского Союза, поэтому я надеюсь, что “Британский союзник” с успехом покажет нашим советским союзникам военные усилия и жизнь британского народа» [Брэкен, 1942, с. 1]. Рассмотрим сообщения газеты о сражении под Сталинградом в хронологическом порядке.

3.2. «Британский союзник» о Сталинградской битве

Первое упоминание о битве на Волге находим в публикации речи британского министра иностранных дел Антони Идена 26 сентября 1942 года в Лиммингтоне, в которой политик, сообщая о доставке каравана судов союзников в Архангельск, отмечает: «Отрадно знать, что эти грузы доставлены нашим союзникам в критический момент. Битва за Сталинград являет-

CC BY

ся героической борьбой; никакие похвалы не достаточны для того, чтобы выразить то, что совершила Красная Армия» [Антони Иден, 1942, с. 1].

Через месяц английский корреспондент с благодарностью говорит о сотрудниках советского радио, вещавшего в Европе на английском языке: «Но кризис миновал, и мужественные голоса, к которым мы в те страшные дни прислушивались, … теперь говорят о героических битвах Красной Армии, успешно отражающих бешеный натиск фашистских орд, о сокрушительных ударах по гитлеровским разбойникам, рвущимся к Сталинграду и Советскому Кавказу» [Вульф, 1942, с. 3]. В номере, вышедшем в годовщину Великого Октября, английский обозреватель Уикам Стид в своей статье «1917 и 1942» пишет о готовности союзников вступить в войну с Германией: «Британская, канадская и американская армии (они сейчас сильнее, чем немецкие) с нетерпением ждут момента, когда им прикажут вступить в бой. Им тяжело ждать в то время, когда их русские братья мужественно защищают Сталинград, Кавказ, Москву и Ленинград» [Уиткам, 1942, с. 2].

Приводит газета и высказывания первых лиц Британии. Король Георг VI в цитировавшейся выше речи развивает свою мысль: «Оборона Сталинграда, явившаяся тяжелым ударом по нашим врагам, вписала новую героическую главу в анналы войны. Мое правительство и мой народ преисполнены решимости сделать все, что в их силах, чтобы помочь нашим русским союзникам как снабжением материалами, так и наступательными операциями» [Георг IV, 1942, с. 1]. Газета публикует выдержку из выступления английского премьера У. Черчилля по радио 29 ноября 1942 года, в котором политик на первое место ставит достижения английских войск, но не может уйти от восторга перед мужеством советского народа: «Успехи в Африке, как бы быстры и решительны они ни были, не должны отвлекать нашего внимания от ударов, которые русские наносят на Восточном фронте и которые граничат с чудом. Весь мир приходит в восхищение при мысли о гигантской силе, которую Россия смогла сохранить и применить. Непобедимая оборона Сталинграда достойна военного руководства Сталина» [Выступление…, 1942, с. 3].

Понимая, как важно советскому читателю слышать мнение простого народа, «Британский союзник» публикует письмо, которое пишет английский матрос матери: «Оружие, конечно, вещь очень важная, но человеческое мужество еще важнее. Сердце бьется, когда думаешь о героической борьбе Севастополя и Сталинграда!» [Пэрл Байднер, 1943, с. 4]. Британская сторона понимала, что советским читателям важно знать мнение не только официальных лиц, военных и журналистов, поэтому газета публиковала сообщения от имени тред-юниона рабочих-горняков: «В течение недели, закончившейся 3 октября, добыча британских шахт была выше, чем в предыдущие месяцы.

CC BY

Это связано с замечательной борьбой Красной Армии за Сталинград. Битва за Сталинград вдохновила наших горняков. Они удвоили свои усилия и готовы на любые жертвы, чтобы еще больше поднять добычу, столь необходимую для нашей общей борьбы» [Лотер, 1942, с. 2]. Константин Олейник, уроженец Украины, канадский летчик, обращается через газету к советским воинам: «Дорогие товарищи! Ваша героическая борьба с немецким фашизмом, особенно героические бои под Сталинградом, еще больше закаляют волю солдат нашей армии, которые ждут с нетерпением сигнала, чтобы ринуться прямо к сердцу фашистской гадины» [Олейник, 1942, с. 6].

Газета сообщает, что советские люди, героически сражающиеся под Сталинградом, являются образцом для британских солдат и рабочих. К первым в номере, посвященном 25-летию РККА, обращается британский генерал сэр Алан Брук: «С восторгом и энтузиазмом следим мы, Ваши друзья по оружию, за непрерывным ростом ваших успехов. Героическая оборона Сталинграда, гигантское наступление, уничтожившее шестую немецкую армию, освобождение Кавказа и Кубани, прорыв блокады Ленинграда — все эти победы наполняют радостью наши сердца» [Алпн Брук, 1943, с. 4]. О вторых — типографских рабочих — пишет английский журналист: «Британские газетные работники показали себя достойными товарищами тех, кто в героическом городе продолжал выпускать “Сталинградскую правду”» [Ален Хотт, 1943, с. 6].

Газета публикует мнение жителей Британского Союза, в частности, дает цитату из выступления по Московскому радио Австралийского посланника в Москве Вильяма Слейтера: «Мы вместе с русскими скорбим о потере многих мужественных солдат и о потерях гражданского населения. Мы вместе с русскими радуемся победам в исторической борьбе, которую они вели и ведут сейчас против захватчиков, вторгшихся в их страну, против врагов всего человечества, которых советский народ героическими усилиями отбросил от Москвы, Ленинграда и бессмертного Сталинграда» [Из выступления…, 1943, с. 2].

Газета повествует об отношении интеллигенции Великобритании к победе в битве на Волге. В частности, статья о концерте в Альберт-Холле, сборы от которого предназначались фонду медицинской помощи Красной Армии, говорит об увертюре «Сталинград» молодого композитора Британии Кристиана Дартона: «Дартон создал свое новое произведение под впечатлением эпической борьбы Красной Армии за Сталинград. Он работал в твердой уверенности, что уничтожение фашизма равноценно спасению культурного наследия человечества. Дартон написал увертюру за четыре дня, после того, как стало известно об окончательном разгроме германских войск под Сталинградом» [Сталинград…, 1943, с. 6].

CC BY

И, наконец, единственная специальная статья, связанная с битвой на Волге, посвящена фильму «Сталинград», который был продемонстрирован в кинотеатрах Лондона в мае 1943 года. Корреспондент пишет о самых впечатляющих кадрах: «Перед глазами все время маячит картина площади, в центре которой поцарапанные пулями и почерневшие от огня статуи детей продолжают танцевать свой каменный танец. Многое из этой картины останется памятным на всю жизнь» [Там же]. В его словах — еще не пережитый страх перед немецкой армией: «Навеки запомнится каждому, как фашистские войска, победно прошедшие всю Европу, были превращены в едва волочащий ноги, унылый, полузамерзший поток пленных. Каждому теперь понятны слова немецкого радиокомментатора о солдатах Паулюса: “Если бы вы осмелились взглянуть в лицо нашим солдатам, вы содрогнулись бы от ужаса”. Мы видели перед собой Паулюса с перекошенным ртом, стоящим перед советскими генералами. Это уже не наглый и надменный маршал, а жалкий пленник» [Ллойд, 1943, с. 6]. Но здесь же — сравнение с успехами английских войск в Африке, что должно заставить советского читателя приравнивать друг к другу эти события: «Еще ни один фильм военного времени, исключая фильм “Победа в пустыне”, не произвел такого впечатления, как “Сталинград”» [Там же]. Стремление уравнять успехи союзников в Африке с победой под Сталинградом не раз проскальзывает на страницах газеты, которая, например, цитирует статью правительственной «Таймс» об освобождении советскими войсками Орла: «Победа свидетельствует о силе и способности русских продолжать борьбу, пока процесс, начатый под Сталинградом и у Эль-Арамейна, не будет доведен до его предначертанного конца» [События…, 1943, с. 1]. Но журналист стремится рассказать о реакции простых людей на фильм: «Громом аплодисментов встретили зрители разгром фашистской армии под Сталинградом» [Ллойд, 1943, с. 6].

3.3. Дар Британского народа сталинградцам

Целую полосу отводит «Британский союзник» описанию меча — дара короля Георга VI — советскому народу в ознаменование победы под Сталинградом. Начинается описание с первой страницы анонсом: «По приказу Его Величества короля Георга VI господин Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании, передал Маршалу И. В. Сталину во время конференции в Тегеране почетный меч для Сталинграда. Этот меч — знак восхищения британского народа твердыми, как сталь, гражданами Сталинграда, которые своей стойкостью, своей горячей ненавистью к фашизму отбросили назад немцев, освободили свой город от полчищ врага и положили начало поражению германской армии» [Дар…, 1943, с. 1]. В этих словах говорится о британском народе и его восхищении героизмом защитников Сталинграда. На третьей полосе — описание создания меча с многочисленными фото-

CC BY

графиями. Рассчитывая на то, что газету читают простые советские люди и советские воины, газета всячески подчеркивает высокое качество меча, его красоту, участие в изготовлении королевского дара английских кадровых рабочих. Так, сообщается, что меч изготовлен в «единственной в Британской империи мастерской, уже 300 лет выпускающей мечи» [Там же, с. 3]. Подчеркивается, что капрала Дурбина специально откомандировали из Королевского Воздушного флота для этой работы, а 83-летний Том Бизли, проработавший в фирме Уилксон 59 лет, «встал с больничной койки, отковал клинок и снова вернулся в больницу, чтобы подвергнуться операции. Выздоровев, он вернется на работу и будет ковать клинки для ножей, которыми вооружены коммандос, и клинки для пехоты» [Там же]. Отмечено мастерство изготовителей меча: «Джэк Мэппин, специалист по точке мечей, с тридцатилетним стажем, отточил клинок, а Альберт Уэстерн, полировщик с сорокатрехлетним стажем, отполировал его. В разговор вмешивается господин С. А. Нотт Болтон, главный консультант-металлург фирмы. “Меч сделан из лучшей в мире стали для клинков”, — говорит он» [Там же]. Приведены фотографии всех стадий технологического процесса изготовления меча, и завершается статья словами: «Мастера приложили все свое умение и искусство, работая над изготовлением дара героическому Сталинграду» [Там же]. Фоторепортаж включает снимок того, как Г. Н. Гусев, советский посол в Британии, осматривает меч, который показывает профессор искусствоведения Л. Глэдоу — автор эскиза меча. 06 февраля 1944 года на шестой странице газеты — заметка о передаче меча сталинградцам: «“Этот дар знаменует собой крепнущее боевое содружество Великобритании и Советского Союза в борьбе против общего врага. Мы знаем, что недалек тот час, когда армии союзных государств нанесут смертельный удар фашистскому зверю и навсегда похоронят кровавый фашистский режим”. Так заявил 2 февраля 1944 года Маршал Советского Союза С. М. Буденный, передавая по поручению Председателя Совета народных Комиссаров делегации сталинградцев Почетный меч — дар короля Георга VI в ознаменование героической обороны города. При передаче меча присутствовал посол Великобритании в СССР сэр Арчибальд Кларк Керр» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Итак, газета «Британский союзник» стремилась сформировать у советского читателя образ Британии как государства, наравне с Советским Союзом сражающегося с фашизмом. И хотя к созданию этого образа прилагались значительные усилия, уже тот факт, что реакцию издания на Сталинградскую битву приходилось выискивать по крупицам, а специальных материалов газета на этот счет не публиковала, является показательным.

CC BY

Можно соотнести этот факт с задачами газеты, приведенными в первом номере издания министром информации Великобритании и процитированными нами в начале статьи. Неоднократные упоминания о стремлении британских солдат вступить в битву с Германией, открыть «второй фронт» и о подготовке к этому присутствовали на страницах газеты «Британский союзник» в публикациях, в которых затрагивалась тематика Сталинградской битвы, поскольку таким образом издатели пытались соответствовать ожиданиям читателей (газета издавалась на русском языке) и учитывать отношение советских людей к действиям союзников. В спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление НКВД СССР «О реагировании военнослужащих и членов их семей по вопросу об открытии второго фронта» от 30 июля 1942 года приводятся отрывки из писем солдат и офицеров, например: «Когда же англичане и американцы откроют эффективный второй фронт, черт их знает, любят воевать за чужой счет, но ведь должны понимать, что Гитлер и для них погибель», или: «Союзники наши только брехать красиво умеют, а пользы с них, как с козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно» [Сенявская, 2010, с. 93]. «Британский союзник» целые развороты своего издания посвящает сражениям в Африке и на Сицилии, но советские люди знали им цену. Вот еще одна цитата из письма советского командира: «Я так полагал, что английская армия сейчас, да и вообще, не способна воевать с немцами, это можно судить по африканскому театру войны, им бы только в футбол играть» [Там же, с. 94].

Подводя итог, необходимо отметить, что «Британский союзник» хотя и публикует статьи государственных деятелей, военных, журналистов, письма и обращения простых людей, в которых упоминается восхищение подвигом советских воинов под Сталинградом, но специального внимания этому важнейшему событию коренного перелома в войне не уделяет. И это само по себе показательно. Издатели стремились создать у советских людей благоприятное впечатление о вкладе британцев в победу над врагом, о том, как, впечатленные сражениями под Сталинградом, они готовятся к открытию «второго фронта». Но читатели в СССР понимали цену этим обещаниям. Тем не менее даже собранная по крупицам информация говорит о том, что как политический истеблишмент, так и рядовые британцы знали о битве на Волге и высоко оценивали героизм советских людей. Газета отражает представления британских властей о советском народе и его психологии, круге интересов и характере предпочтений, при этом восхищенное отношение к победам советского оружия под Сталинградом является фактом, который вытекает из анализа номеров еженедельника. Продолжением нашего исследования может быть сравнительный анализ тематики «Британского союзника» и «Советских военных известий», в том

CC BY

числе библиометрическими методами, а также рассмотрение сообщений еженедельника в контексте публикаций английской прессы времен Великой Отечественной войны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Алан Брук*. От начальника имперского Генерального штаба / А. Брук // Британский союзник. — 1943. — 14 февраля. — С. 4.

2. *Ален Хотт*. Типография под землей / А. Хотт // Британский союзник. — 1943. — 14 февраля. — С. 6.

3. *Антони Иден* о героической борьбе Красной Армии и послевоенной реконструкции мира. Речь, произнесенная 26 сентября 1942 года в Лиммингтоне. Печатается с сокращениями // Британский союзник. — 1942. — 25 октября. — С. 1.

4. *Брэкен Б.* К читателям / Б. Брэкен // Британский союзник. — 1942. — 10 августа. — С. 1.

5. *Величие* подвига советского народа : Зарубежные отклики и высказывания 1941—1945 годов о Великой Отечественной войне / А. И. Бабин и др. — Москва : Международные отношения, 1985. — 384 с.

6. *Вручение* почтенного меча сталинградцам // Британский союзник. — 1944. — 06 февраля. — С. 6.

7. *Вульф С*. Говорит Москва / С. Вульф // Британский союзник. — 1942. — 1 ноября. — С. 3.

8. *Выступление* У. Черчилля по радио 29 ноября 1942 года // Британский союзник. — 1942. — 20 декабря. — С. 3.

9. *Георг VI* о подвиге Сталинграда // Британский союзник. — 1942. — 20 декабря. — С. 1.

10. *Дар* британского народа сталинградцам // Британский союзник. — 1943. — 12 декабря. — С. 1—3.

11. *Из выступления* по радио в Москве Австралийского посланника в Москве г-на Вильяма Слейтера // Британский союзник. — 1943. — 23 февраля. — С. 2.

12. *Ллойд А. Л.* «Сталинград» в Лондоне / А. Л. Ллойд // Британский союзник. — 1943. — 30 мая. — С. 6.

13. *Лотер Уилл*. Возместить потерю донецкого угля! / У. Лоттер // Британский союзник. — 1942. — 7 ноября. — С. 2.

14. *Олейник К*. Бойцам Красной Армии от солдат Канады / К. Олейник // Британский союзник. — 1942. — 15 ноября. — С. 6.

15. *Пэрл Байднер*. Познакомьтесь с Мэри и Джимом / Байднер Пэрл // Британский союзник. — 1943. — 3 января. — С. 4.

16. *События* недели : Таймс о взятии Орла // Британский союзник. — 1943. — 15 августа. — С. 1.

CC BY

17. *Сталинград* — источник вдохновения // Британский союзник. — 1943. — 9 мая. — С. 8.

18. *Уикам Стид*. 1917 и 1942 /У. Стид // Британский союзник. — 1942. — 7 ноября. — С. 2.

Литература

1. *Алексеев В. В*. Журнал «Британский союзник» как источник по истории Второй Мировой войны / В. В. Алексеев // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. — 2021. — Выпуск 4 (8). — С. 47—56. — DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56.

2. *«Враги* второй очереди» : советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. К 60-летию Победы. — 2005. — Выпуск V. — С. 320—359.

3. *Голубев А. В*. «Образ союзника» в сознании российского общества в 1914—1945 гг. / А. В. Голубев // Россия и Запад : формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 1998. — С. 275—290.

4. *Кокконен Е. И*. «Британский союзник» : формирование общественного мнения о преступлениях нацистов и советских жертвах (1942—1945) / Е. И. Кокконен // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2018. — № 1 (13). —С. 1—4.

5. *Котеленец Е. А.* Еженедельник «Британский союзник» — инструмент информационной кампании против СССР в годы Второй мировой войны / Е. А. Котеленец, М. Ю. Лаврентьева // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2019. — Т. 24. — № 3. — С. 486—498. — DOI: http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-486-498.

6. *Малаховская В. В.* Британские СМИ в период Второй мировой войны : особенности функционирования [Электронный ресурс] / В. В. Малаховская, А. К. Малаховский // Манускрипт. — 2019. — Режим доступа : gramota.net/materials/9/2019/1/14.html (дата обращения 08.05.2023).

7. *Мыцык Л. Н*. Общественно-политические, научные и культурные связи СССР и Великобритании в годы Великой Отечественной Войны (1941—1945 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Мыцык. — Москва, 1993. — 21 с.

8. *Наринский М. М.* Взаимные представления : имиджи, идеалы, иллюзии / М. М. Наринский, Л. В. Поздеева // Союзники в войне 1941—1945. — Москва : Наука, 1995. — С. 326—347. — ISBN 5-02-009601-6.

9. *Сенявская Е. С*. «Соперники, союзники, враги..» : восприятие Великобритании, Франции и США в России и СССР в первой половине XX века / Е. С. Сенявская // Обозреватель- Observer. — 2010. — № 5. — С. 85—101.

10. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023,
одобрена после рецензирования 11.08.2023,
подготовлена к публикации 10.09.2023.

CC BY

Material resources

Alain Hott. (1943). Printing house underground. *British Ally. February 14.* P. 6. (In Russ.).

Alan Brooke. (1943). From the Chief of the Imperial General Staff. *British Ally. February 14.* P. 4. (In Russ.).

Anthony Eden on the heroic struggle of the Red Army and the post-war reconstruction of the world Speech delivered on September 26, 1942 in Limmington. Printed with abbreviations. (1942). *British Ally. October 25.* P. 1. (In Russ.).

Bracken, B. (1942). To readers. *British Ally. August 10.* P. 1. (In Russ.).

Events of the week: The Times about the capture of the Eagle. (1943). *British Ally. August 15.* P. 1. (In Russ.).

From a speech on the radio in Moscow by the Australian Envoy to Moscow, Mr. William Slater. (1943). *British Ally. February 23.* P. 2. (In Russ.).

George VI on the feat of Stalingrad. (1942). *British Ally. December 20.* P. 1. (In Russ.).

Lloyd, A. L. (1943). "Stalingrad" in London. *British Ally. May 30.* P. 6. (In Russ.).

Loter, Will. (1942). To compensate for the loss of Donetsk coal! *British Ally. November 7.* P. 2. (In Russ.).

Oleynik, K. (1942). To the Red Army soldiers from the soldiers of Canada. *British Ally. November 15.* P. 6. (In Russ.).

Pearl Bidner. (1943). Meet Mary and Jim. *British Ally. January 3*. P. 4. (In Russ.).

Presentation of the venerable sword to the Stalingraders. (1944). *British Ally. February 06.* P. 6. (In Russ.).

Speech by W. Churchill on the radio November 29, 1942. (1942). *British Ally. December 20.* P. 3. (In Russ.).

Stalingrad — a source of inspiration. (1943). *British Ally. May 9.* P. 8. (In Russ.).

The gift of the British people to the Stalingraders. (1943). *British Ally. December 12.* Pp. 1—3. (In Russ.).

The greatness of the feat of the Soviet people: Foreign responses and statements of 1941—1945 about the Great Patriotic War. (1985). Moscow: International Relations. 384 p. (In Russ.).

Wickam Stead. (1942). 1917 and 1942. *British Ally. November 7.* P. 2. (In Russ.).

Wolf, S. (1942). Speaks Moscow. *British Ally. November 1.* P. 3. (In Russ.).

References

Alekseev, V. V. (2021). Journal "British Ally" as a source on the history of the Second World War. *Tula Scientific Bulletin. History series. Linguistics, 4 (8):* 47—56. DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-47-56. (In Russ.).

"Enemies of the second stage": Soviet society and the image of allies during the Great Patriotic War. (2005). Problems of Russian History. *To the 60th anniversary of the Victory, V:* 320—359. (In Russ.).

Golubev, A. V. (1998). "The image of an ally" in the consciousness of Russian society in 1914—1945. In: *Russia and the West: the formation of foreign policy stereotypes in the consciousness of Russian society in the first half of the twentieth century.* Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Pp. 275—290. (In Russ.).

Kokkonen, E. I. (2018). "The British Ally": the formation of public opinion about the crimes of the Nazis and Soviet victims (1942—1945). *Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University, 1 (13):* 1—4. (In Russ.).

Kotelenets, E. A., Lavrentieva, M. Y. (2019). Weekly "British Ally" — an instrument of the information campaign against the USSR during the Second World War. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism, 24 (3):* 486—498. DOI: http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-486-498. (In Russ.).

Malakhovskaya, V. V., Malakhovsky, A. K. (2019). British mass media during the Second World War: features of functioning. *Manuscript.* Available at: gramota.net/materials/9/2019/1/14.html (accessed 08.05.2023). (In Russ.).

Mytsyk, L. N. (1993). *Socio-political, scientific and cultural relations of the USSR and Great Britain during the Great Patriotic War (1941—1945).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).

Narinsky, M. M., Pozdeeva, L. V. (1995). Mutual representations: images, ideals, illusions. In: *Allies in the war 1941—1945.* Moscow: Nauka. Pp. 326—347. ISBN 5-02-009601-6. (In Russ.).

Senyavskaya, E. S. (2006). *Russia's Opponents in the wars of the twentieth century: The evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society.* Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN). 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).

Senyavskaya, E. S. (2010). "Rivals, allies, enemies..": perception of Great Britain, France and the USA in Russia and the USSR in the first half of the twentieth century. *Observer-Observer, 5:* 85—101. (In Russ.).

The article was submitted 28.07.2023;
approved after reviewing 11.08.2023;
accepted for publication 10.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Костецкая Е. В. Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века / Е. В. Костецкая, Л. Н. Суслова, В. А. Аксенова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 346—373. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-346-373.

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N., Aksenova, V. A. (2023). Investigation of Prince M. P. Gagarin's Case in Context of Development of State Control System in First Quarter of 18th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 346-373. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-346-373. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-346-373

Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века

Костецкая Екатерина Викторовна
orcid.org/0000-0002-1138-8157
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Суслова Людмила Николаевна *
orcid.org/0000-0002-2426-2967
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания,
**** корреспондирующий автор***
lnsuslova@yandex.ru

Аксенова Валерия Александровна
orcid.org/0009-0002-5354-3343
исследователь
leraxenova@gmail.com

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720013

Investigation of Prince M. P. Gagarin's Case in Context of Development of State Control System in First Quarter of 18th Century

Ekaterina V. Kostetskaya
orcid.org/0000-0002-1138-8157
PhD in Philology, Associate Professor, Department of History, Law, Socio-Economic Disciplines and Teaching Methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Ludmila N. Suslova *
orcid.org/0000-0002-2426-2967
PhD in History, Associate Professor, Department of History, Law, Socio-Economic Disciplines and Teaching Methods,
**** Corresponding author***
lnsuslova@yandex.ru

Valeria A. Aksenova
orcid.org/0009-0002-5354-3343
researcher
leraxenova@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Tyumen Region, project number 20-49-720013

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., Аксенова В. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению деятельности князя Матвея Петровича Гагарина на посту первого губернатора Сибири. Рассматриваются материалы его следственного дела в контексте формирования системы контроля за законностью действий органов власти в правление Петра I. Охарактеризован процесс создания законодательства и специальных контролирующих и судебных органов, направленных на регулирование пределов полномочий гражданских служащих, выявление и пресечение их правонарушений. Исследование проведено на основе анализа законодательных источников, регламентирующих организацию новых основ административно-территориального деления. Проанализирован ряд делопроизводственных источников Российского государственного архива древних актов, в частности, дела Сибирского приказа, приказы губернатора Сибири М. П. Гагарина, отписки комендантов сибирских городов, челобитные разных лиц и другие материалы. Показано, что организация следственных мероприятий и процесса по уголовному делу князя М. П. Гагарина находилась под личным контролем Петра I. Сделан вывод о том, что князь М. П. Гагарин был активным участником многих преобразований царя-реформатора. При этом показано, что биография князя Гагарина — яркий пример столкновения распространённой практики обогащения аристократических кланов с принципами и взглядами Петра I на суть и место чиновной службы в создаваемом им «регулярном» полицейском государстве.

Ключевые слова:
Петр I; Сибирская губерния; сибирский губернатор; следственная комиссия; Матвей Петрович Гагарин; Дмитриев-Мамонов; Лихарев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article investigates the activities of Prince Matvey Petrovich Gagarin as the first governor of Siberia. The materials of his investigation case are examined in the context of the development of the state control system over the actions of government authorities during the reign of Peter I. The process of creating legislation and special controlling and judicial bodies aimed at regulating the limits of powers of civil servants, identifying and preventing their violations, is characterized. The study is based on the analysis of legislative sources regulating the organization of new administrative-territorial divisions. A number of documentary sources from the Russian State Archive of Ancient Acts are analyzed, including cases from the Siberian Office, orders from Governor M. P. Gagarin, reports from commanders of Siberian cities, petitions from various individuals, and other materials. It is shown that the organization of investigative measures and the criminal case process against Prince M. P. Gagarin were under the personal control of Peter I. The conclusion is drawn that Prince M. P. Gagarin was an active participant in many reforms initiated by the reformist tsar. At the same time, it is demonstrated that Prince Gagarin's biography is a vivid example of the collision between the widespread practice of enrichment by aristocratic clans and Peter I's principles and views on the essence and place of official service in his "regular" police state.

Key words:
Peter I; Siberian Governorate; Siberian governor; investigative commission; Matvey Petrovich Gagarin; Dmitriev-Mamonov; Likharev.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 929Гагарин+94(47).05

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., Аксенова В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Широкие административные преобразования Петра I, проведение губернской реформы, изменение принципов комплектования штатов гражданских служащих, рост бюрократического аппарата вызвали необходимость разработки нового законодательства, регламентировавшего пределы должностных властных полномочий и систему ответственности за их нарушения. Наказание за злоупотребление своим положением было достаточно распространённым явлением в первой четверти XVIII века. По данным историка Д. О. Серова, «уголовному преследованию в петровские времена подвергся каждый второй российский губернатор» [Серов, 2005, с. 53]. Согласно результатам современных исследований, почти половина губернских администраторов того времени были обвинены в вымогательстве, растрате, мошенничестве, превышении должностных полномочий, получении взятки, служебном подлоге. В числе таких высокопоставленных чиновников петровской эпохи — первый сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин. На суде Гагарин был признан виновным в восьми эпизодах преступной деятельности, включавших получение взяток, вымогательство, растрату, злоупотребление должностными полномочиями.

Карьера Матвея Гагарина пришлась на время становления новой системы управления страной и совершенствования законодательства. Важными этапами последнего, по мнению М. О. Акишина, являются указ Сенату от 24 апреля 1713 года, согласно которому злоупотребления чиновников приравнивались к государственным преступлениям, карающимся смертной казнью, и указ от 23 декабря 1714 года о запрещении мздоимства (взяточничества в виде посулов, сборов под разными предлогами с населения) чиновников, за которое они подвергались тяжким телесным наказаниям, конфискации имущества, лишению чести и смертной казни [Акишин, 1996, с. 157—158; Законодательные акты Петра, с. 38, 210—211]. Многие нормы «Воинского Артикула» 1715 года, который, по мнению Петра, представлял собой основу уголовного правосудия, раскрывали состав должностных

CC BY

преступлений, в частности, неисполнение законов, недобросовестное выполнение своих обязанностей, казнокрадство (арт. 27, 65, 194, 201) [Российское законодательство…, 1986, с. 333, 339, 363, 364].

Деятельность князя Гагарина на посту губернатора Сибири, а также причины его трагической смерти до сих пор не находят однозначной оценки у исследователей. Достаточно распространена точка зрения, согласно которой М. П. Гагарин выступает значимой исторической личностью своего времени, чьи заслуги были несправедливо забыты, а имя стало ассоциироваться только с казнокрадством и взяточничеством.

Русско-немецкий историограф Г. Ф. Миллер положительно оценивал результаты деятельности князя и считал несправедливыми обвинения, выдвинутые против М. П. Гагарина. Он опровергает ложные доносы о том, что «песошное золото» могло быть добыто не в бухарских реках, а привезено из Китая, а также считает необоснованными подозрения в намерении князя использовать военных людей в деле обособления Сибири: «Но князь Гагарин ни воинских потребностей, ниже людей, которые бы оные делать могли, не требовал. Разве не известно, в какой он поверенности находился у Великого Государя, и что всегда мог толикое число потребностей получить, коликое оных сам хотел» [Миллер, 1999, с. 474]. Н. А. Абрамов также уходит от однозначных комментариев этого сюжета и в очерке о Гагарине называет его «примечательным лицом в разных отношениях, как по важности занимаемого им служебного поста, <…> по многим своим полезным действиям для края; так и по превратности судьбы и горькому своему злополучию» [Абрамов, 1861, с. 79]. Опираясь на сведения Н. А. Абрамова, другой исследователь Сибири К. Голодников также давал позитивную характеристику управленческому таланту первого сибирского губернатора: «Кн. Гагарин заботился горячо о благоустройстве г. Тобольска и вообще всего вверенного его управлению края» [Голодников, 1886, с. 53]. П. Милюков с экономической точки зрения проанализировал финансовые дела губернатора Сибири и пришел к выводу о недоплате сборов с Сибирской губернии и губернаторском «расхищении» казны в 1707—1712 годах [Милюков, 1905, с. 347—352].

Особое внимание изучению жизни и деятельности князя М. П. Гагарина посвятил сибирский историк Г. Е. Катанаев. Обстоятельное изучение материалов московских, петербургских и сибирских архивных и библиотечных фондов привело исследователя к выводу о том, что первый губернатор Сибири внес весомый вклад в развитие государства, который «никакими казнями и наветами “обер-фискалов” петровского времени из истории России не выкинуть» [Катанаев, 2005, с. 132].

М. О. Акишин отмечает, что злоупотребления князя Гагарина не умаляют его заслуг и он мог войти в историю как выдающийся «птенец гнезда

CC BY

Петрова», если бы следствие не закончилось для него трагически [Акишин, 1996, с. 191]. Противоречивое восприятие М. П. Гагарина сложилось в сознании общественности в связи с распространением версии пленного шведа Филиппа Иоганна Страленберга о взятках, казнокрадстве и идеях сепаратизма сибирского губернатора [Там же, с. 144]. Также критическое отношение к князю закрепилось благодаря историку В. Н. Татищеву, поставившему Гагарина в один ряд с Мазепой: «… Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданства отложиться дерзнули» [Цит. по: Богословский, 1903, с. 61].

Сибирский историк П. А. Словцов писал, что тобольская легенда о создании Сибирского государства появилась в народе сразу же после начала следствия над губернатором [Словцов, 1886, с. 226]. Однако, по его мнению, «сей боярин, в последствии злополучный, много содействовал устроению губернии, и осведомлению о ней, на всем пространстве» [Там же, с. 193].

Подозрение в покушении на территориальную целостность Российского государства и утрата доверия государя могли стать основными причинами вынесения строгого приговора, но в материалах следственного дела они не находят своего подтверждения.

В работе предпринята попытка рассмотреть деятельность князя М. П. Гагарина по управлению Сибирской губернией в контексте формирования системы контроля за законностью действий аппарата власти первой четверти XVIII века, систематизировать имеющийся материал следственных дел, сосредоточить внимание на организационной стороне хода следствия, конкретизировать его детали, рассмотреть, какие показания о преступлениях Гагарина легли в основу обвинительного заключения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проведено на основе опубликованных и неопубликованных источников. К числу опубликованных относятся указы Петра I, «Письма и бумаги императора Петра Великого», ведомости, донесения и письма царю князя Гагарина, «Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе», опубликованная в сборнике Императорского Русского Исторического Общества, которые привлекались для исследования деятельности Матвея Петровича на различных должностях. К неопубликованным документам, привлеченным в процессе исследования, относится комплекс архивных материалов, входящих в следственное дело розыскной комиссии под руководством И. И. Дмитриева-Мамонова «о злоупотреблениях сибирского губернатора Матвея Гагарина и других должностных лиц Сибири» фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов [РГАДА].

CC BY

Отдельным источником информации о роли М. П. Гагарина в жизни Сибирского края являются публикации в газете «Тобольские губернские ведомости». Местная газета периодически помещала на своих страницах материалы, содержащие сведения о первом губернаторе Сибири: текст местной летописи «Сибирский летописец», биографические и исторические очерки Н. А. Абрамова, К. М. Голодникова, статьи на тему образования и административного устройства в Сибири в эпоху Петра Великого и пр.

Процесс исследования основан на комплексном использовании проблемно-хронологического метода, позволившего проанализировать избранную тему в контексте петровских реформ, историко-биографического метода исследования жизненного пути князя Гагарина, историко-юридического подхода, использованного при рассмотрении хода и результатов следственных мероприятий по «делу Гагарина». Важный вклад в изучение личности и деятельности князя Матвея Петровича Гагарина на посту первого губернатора Сибири внесли Н. А. Абрамов, К. М. Голодников, И. А. Словцов, В. Корсакова Г. Ф. Миллер [Абрамов, 1861; Голодников, 1886; Словцов, 1886; Корсакова, 1914; Миллер, 1999]. В построении исторического портрета авторы статьи опираются на историко-биографический метод. В хронологической последовательности они дают подробное описание отдельных значимых эпизодов в жизни князя Гагарина и характеристику его исключительных личностных качеств. В частности, первые сибирские историки как будто бы смотрят «изнутри» на роль Гагарина в развитии Сибирской губернии. Они отмечают значительный вклад первого губернатора (который несравнимо больше его злоупотреблений) в дело процветания края.

Наиболее целостный образ князя Гагарина как первого сибирского автономиста, радеющего за интересы вверенного ему в управление региона представлен в исследовании генерал-лейтенанта Сибирского казачьего полка, историка Г. Е. Катанаева. Исследование подробно освещает досибирский и губернаторский периоды жизни и деятельности М. П. Гагарина. Работа Г. Е. Катанаева представляет для настоящего исследования особый интерес, так как рассматривает деятельность князя Гагарина в аспекте петровский преобразований.

В ряде работ исследователей тема Гагарина рассматривается в социально-экономическом ключе в ходе изучения других научных проблем: истории архитектуры Петровского времени [Мартынов, 1852; Копылова, 1979], влияния шведов на развитие культуры Сибири [Шебалдина, 2014], истории местного управления в первой четверти XVIII века [Богословский, 1903]. Данные наблюдения имеют научную ценность для изучения обозначенной темы исследования.

CC BY

Для понимания поставленной проблемы представляются значимыми выводы М. О. Акишина, П. П. Баранова, А. А. Шапошникова, Д. О. Серова [Акишин, 1996; Баранов и др., 2016; Серов, 2005] о деятельности М. П. Гагарина в контексте изучения истории отношений представителей власти к закону. Исследователей интересует пример М. П. Гагарина с историко-юридической точки зрения для изучения феномена российской коррупции. Они обращают внимание на сюжеты преступлений петровских сподвижников, процессуальную сторону организации уголовного преследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность Гагарина на посту сибирского губернатора в контексте петровских преобразований

Княжеский род Гагариных вел свое начало от стародубского князя Ивана Всеволодовича, сына Всеволода Большое гнездо [Катанаев, 2005, с. 9, Акишин, 1996, с. 186]. Управленческую службу Гагариных в Сибири можно назвать своеобразным «профессионально-территориальным» клановым ориентиром. По подсчетам Н. А. Абрамова, двенадцать представителей рода Гагариных на протяжении XVII века исполняли обязанности воевод в сибирских городах: Сила Иванович Гагарин в 1606—1607 годах — в Таре, Семен Никитич в 1627—1628 годах — в Верхотурье, Михайло Семенович в 1627—1628 годах — в Сургуте. Отец Петр Афанасьевич Гагарин в 1666—1667 годах — в Нарыме, позже — в Березове, брат Иван Петрович в 1690-х годах — в Иркутске [Абрамов, 1861, с. 79].

В 1691—1692 годах Матвей Петрович был помощником старшего брата «на воеводстве» в Иркутске, а через год принял должность старшего воеводы в Нерчинске. Неоднократно представители рода Гагариных, в том числе и Матвей Петрович, на рубеже XVII — XVIII веков за использование различных способов незаконного обогащения подвергались наказаниям в виде штрафов и конфискации имущества. Но выявляемые сыщиками факты обогащения не привели к окончанию воеводской карьеры Гагарина. Более того, успешный опыт административной деятельности М. П. Гагарина привлек к себе внимание Петра I.

Так, в 1696 году государь поручает ему строительство водных каналов на территории Поволжья с целью соединить реки Дон и Волгу [Загоскин, 1910, с. 141]. В 1706 году Петр I назначил его «начальным человеком» Сибирского и Рудного приказов. В ведение Матвея Петровича также перешла Оружейная палата, а в 1707 году князь стал московским комендантом и начальником оружейного приказа. В результате проведения губернской реформы Сибирский приказ передает управленческие функции новому уполномоченному лицу — губернатору Матвею Петровичу Гагарину. Однако,

CC BY

несмотря на то, что административные преобразования были реализованы в 1708 году, князь находился в Москве до 1711 года и выполнял важные государственные поручения Петра I. В эти годы в официальных документах М. П. Гагарина называют «генеральный президент, московский комендант и сибирских провинций судья» [ПСЗ, т. 4, № 2213, с. 432]. Указом от 30 декабря 1710 года М. П. Гагарину было поручено заниматься распределением шведов по городам Сибирской губернии [Сборник Императорского…, 1873, с. 153]. За сравнительно короткий период своей деятельности М. П. Гагарин прошел путь от старшего воеводы до опытного управленца, который умело трудился на нескольких государственных должностях и успешно осуществлял контроль в военной, экономической, административной и политической сферах деятельности.

Должность генерал-губернатора возлагала на Матвея Петровича серьезную ответственность и одновременно предоставляла ему неограниченные возможности во всех сферах управления обширной территорией: «Сибирский губернатор был хозяин губернии, во всех отношениях, с властию и над военною силою» [Словцов, 1886, с. 216]. В состав новой губернии, помимо Зауралья, входила часть Европейской России: Пермь, Кунгур, Соликамск, Вятка [ПСЗ, т. 4, № 2218, с. 438]. Сибирская губерния включала в себя тридцать городов и простиралась от Великого Новгорода до восточного берега Камчатки [Голодников, 1886, с. 53].

Находясь в Санкт-Петербурге, князь Гагарин успешно осуществлял контроль над Сибирской губернией, несмотря на огромные территориальные масштабы и удаленность от столицы. Так, по данным Ближней канцелярии, в первый год пребывания на новой должности М. П. Гагарина доходы с сибирских городов возросли с 275 382 рублей в 1706 году до 665 100 рублей в 1709 году. При князе Ф. Ю. Ромодановском в 1704 и 1705 годах эти данные составляли соответственно 105 812 и 125 419 рублей [Катанаев, 2005, с. 195].

В октябре 1711 года Матвей Петрович прибывает в Тобольск «для управительства во всяких государственных челобитчиковых делах» [Сибирский летописец, 1892, с. 43]. Следование в Сибирь проходило в роскошной обстановке: «От Верхотурья и до Тобольска он плыл на судне, обитом красным сукном и окруженный многими чиновниками, избранными им для занятия разных должностей в Сибирской губернии» [Голодников, 1886, с. 53—54]. В составе его канцелярии были дьяки Максим Романов, Иван Баутин, Афанасий Устальцов [Абрамов, 1861, с. 80]. В сибирских городах встречали губернатора с почестями и торжественно: «В Тобольске и на Тюмени и в Туринске, встреча ему была зело изрядна. Стрельба из пушек была не малая <…>» [Сибирский летописец, 1892, с. 43].

CC BY

Вступление в должность также было особенно величественным, и долгие годы ходили легенды о его «выездах в каретах с серебряными шипами в колесах, с золотыми гвоздями, о бросании толпе пригоршней монет» [Огородникова, 2010, с. 202], о том, что «у него лакеи, скороходы и гайдуки облиты золотом; на стол ему подавали по 30 серебряных блюд с кушаньем» [Мартынов, 1852, с. 28]. Губернатор всех удивлял несметным богатством: «В доме его было множество серебряных и золотых приборов и разных вещей. Стены комнат были убраны шелковыми вышитыми золотом и серебром обоями, а в двух комнатах были выложены сплошь жемчужными раковинами. Полы были устланы дорогими персидскими коврами» [Абрамов, 1861, с. 93].

Князь, уже имея опыт управления сибирскими городами, был осведомлен о территориальной, этнической и демографической специфике данного региона. Губернатор видел те перспективы, которые содержала в себе Сибирская губерния в начале XVIII века, ему предстояло «благоразумными учреждениями разширять в Сибири русские владения, устроить вверенную ему страну, и переговорами с соседними народами обезопасить ее границы» [Там же, с. 82].

В первые же дни М. П. Гагарин возобновляет строительство Тобольского кремля. По его распоряжению с уральских заводов было прислано около 150 пленных шведов, которые имели строительные специальности и использовались на подсобных работах по расчистке строительных площадок, рытью котлованов, доставке к месту строительства воды, глины, кирпича [Копылова, 1979, с. 144—147]. Воспользовавшись шведскими военнопленными солдатами, в 1714—1715 годах он построил на горе каменную крепость с зубчатой стеной с северной стороны, начиная от берега Иртыша до каменного Гостиного двора, с Троицкими и Воскресенскими воротами. Над спуском с горы, на Прямском взвозе, возвел каменное здание «на трех арках с тремя воротами» [Абрамов, 1869, с. 2]. Из крепости в эти ворота был сделан Прямской взвоз, от которого шла мостовая на горе до земляного вала. Архиерейский дом соединялся с гостиным двором и крепостью [Абрамов, 1861, с. 82].

Помимо воздвижения Тобольского кремля, работа над которым осуществлялась на протяжении всего периода правления М. П. Гагарина, одним из важных объектов строительства являлся судоходный канал из реки Тобол в Иртыш. В 1716 году губернатор распорядился, используя труд пленных шведских солдат, прокопать из Тобола канал в Иртыше, где образовалось новое устье Тобола.

Пленные шведы оказали особое влияние на процесс развития экономической, научной и образовательной жизни Тобольского края. Находясь под покровительством губернатора и обладая редкими для сибирских жи-

CC BY

телей навыками и умениями, шведы активно использовали своих знания в разных сферах деятельности. Они открывали фабрики и мануфактуры, занимались продажей пива и меда, делали карты, печати, изготавливали изящные предметы из серебра, мамонтовой кости, драгоценных камней, учили танцам, музыке, актерскому мастерству. Рэнон Рапорт организовал кирпичное производство. Яган Индрик Бекен работал в качестве подмастерья каменных дел. Ротмистр Галль был в Тобольске красильщиком. Раддерборг вышивал золотом и серебром. Корнету Эннесу князь Гагарин для большой залы заказал сделать шелковые обои с золотыми и серебряными цветами [Абрамов, 1861, с. 87]. Шведский сержант Иоган Густав Ренат «научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливать...» [Миллер, 1999, с. 486]. Иоган Густав Ренат также является автором первой карты Джунгарского государства и прилегающих к нему территорий, в том числе и Западной Сибири [Макшеев, 1886]. Автор известного сочинения «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии» капитан Страленберг создал карту Сибири, которая была отправлена в Москву и нашла одобрение Петра I. Учитывая тот объем географических знаний, который был известен, о территории Западной Сибири в начале XVIII века, мы можем с уверенностью утверждать, что шведы внесли немаловажный вклад в развитие картографии.

В результате тесного сотрудничества и окончательного «включения» шведских людей в социальную структуру Тобольского края в 1713 году благодаря усилиям Вреха с одобрения Петра I и губернатора М. П. Гагарина открывается школа для шведских детей, где также получали образование дети русских чиновников и купцов [А. Щ., 1857, с. 298]. В этот период в городе действует школа при архиерейском дворе, а также цифирная школа, которая в 1722 году занимала второе место в Российской империи по количеству учащихся.

При губернаторе Гагарине продолжилось развитие горного дела в Восточной Сибири. В 1711 году по его приказу из Нерчинских рудников было отправлено в Москву 9 пудов 38 фунтов серебра. Из Нерчинска через Тобольск в Москву провозилось плавленое серебро, красная медь, медная руда, яшма [Абрамов, 1861, с. 93].

М. П. Гагарин, исполняя волю Петра I, содействовал распространению христианства в Сибири. Во время его правления митрополит Феодор обратил в православие остяков и вогулов в Западной Сибири и других инородцев в Восточной Сибири, он построил более тридцати церквей, на сооружение которых сибирский губернатор выделял много средств [Там же, с. 90]. В период губернаторства Гагарина митрополит Иоанн Максимович отправил первую духовную миссию в Пекин.

CC BY

Вступив в управление Сибирью, М. П. Гагарин продолжил завоевание Камчатки. Определил своего племянника обер-комендантом в Якутск для наблюдения за воеводой и предписал Якутскому коменданту разведать информацию о племенах северо-восточного материка и островах со стороны Ледовитого моря и Камчатки. Приказчиком Удского острога на реке Уде были построены лодки, на которых в 1712 году казаки доплыли до устья Тугура, были на Шантарских островах, сообщив по прибытии, что на островах имеется звериный промысел. Не удовлетворившись результатом экспедиции, губернатор поручил полковнику Ельчину осмотреть острова и наладить торговлю с Японией. В 1713 году по распоряжению князя Гагарина казак Иван Козыревский отплыл для получения сведений о Камчатских островах и Японии: «<…> какими путями в эту землю проезд, какое там в употреблении оружие, могут ли японцы иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что для них годно из Сибири» [Там же, с. 87].

Ключевую роль М. П. Гагарин сыграл в формировании и становлении дипломатических отношений с Китаем, Бухарой, Джунгарским ханством. Сибирский губернатор выстроил международные связи с пограничными государствами с помощью различных методов (укрепление границ, подавление мятежей около сибирских территорий), а также сумел поставить под контроль торговые процессы.

Благодаря действиям Матвея Петровича в 1715—1716 годах состоялся поход И. Д. Бухгольца. На Кронштадтском рейде 22 мая 1714 года князь в докладе сообщил государю о запасах «песошного» золота в калмыцком городе Эркент (Яркенд) «по сказке еркецких жителей, что доходят из Иркети до Тары в полтретья месяца не скорою ездою, а от Тары до Тоболска в пять дней» [Донесение князя Гагарина…, 1882—1885, с. 135]. М. П. Гагарин планировал завладеть этим городом, построить вдоль р. Иртыш крепости для создания гарнизонов, содержание которых будет обеспечиваться за счет казны Сибирской губернии [Там же]. Россия в этот период вела длительную Северную войну, находясь в тяжелом финансовом положении, поэтому новость сибирского губернатора о месторождениях золота на территории южной Сибири давала Петру I возможность рассчитывать на новый источник пополнения государственной казны. 22 мая 1714 года Петр I указывает «построить город у Ямыша озера; а буде можно, и выше построя крепость, искать далее по той реке вверьх, пока лодки пройти могут, и от того идти далее до города Эркети, и оным искать овладеть» [Миллер, 1999, с. 480]. Для осуществления этой экспедиции Петр отправил в Тобольск полковника Бухольца, который, по инструкции, должен был взять у Гагарина 1500 воинских людей и несколько шведов и получить все необходимое снабжение. По мнению Страленберга, для Гагарина это было

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

«тяжелой и неприятной вестью, но он должен был смириться с тем, что названный полковник вскоре с 300 солдатами вышел из Тобольска, чтобы занять стоянку на Иртыше» [Цит. по: Зиннер, 1968, с. 134]. В описи имущества экспедиции [Ведомость о количестве денег…, 1882—1885, с. 127], в инструкциях и «Указе сибирского губернатора князя Гагарина полковнику Бухгольцу, как ему действовать во время похода», нет подтверждения этим размышлениям [Указ сибирского губернатора…, 1882—1885, с. 136].

В январе 1719 года М. П. Гагарин подает в Сенат сведения о неудавшемся походе к Ямышеву озеру и о строении крепостей [Сведения, сообщенные сенату сибирским губернатором…, 1882—1885, с. 138—144]. Полковник И. Д. Бухгольц, будучи в Петербурге, в оправдание своих действий перед государем «очернил <…> деятельность сибирского губернатора». Он считал, что именно попустительство и халатное отношение князя М. П. Гагарина к исполнению государственных указов, направленных на слаженную организацию и продовольственное обеспечение экспедиции, привело к большому количеству человеческих потерь и, как следствие, к полной неудаче Бухольцского похода [Голодников, 1886, с. 58]. П. А. Словцов видит вину князя Гагарина в необоснованности замысла начатой экспедиции [Словцов, 1886, с. 222]. Исследователь Сибири не усматривает преступный умысел в действиях М. П. Гагарина, он считает, что к административным ошибкам в управлении делами губернии привели чрезмерное желание губернатора доказать свою преданность царю, поспешность и необдуманность принятого решения о разведывательной экспедиции: «Угодливость Царю Русскому, всегда текущая из сердца преданнаго, но не всегда соображенная в голове, была в настоящем деле важною, но непреступною ошибкою кн. Гагарина» [Там же, с. 221]. Н. А. Абрамов считает причиной провала экспедиции несогласованность действий ее руководителей [Абрамов, 1861, с. 96]. Г. Е. Катанаев придерживался мнения о том, что Матвей Петрович оказывал всевозможное содействие и помощь И. Д. Бухгольцу [Катанаев, 2005, с. 92—93]. В то же время благодаря этому разведывательному походу по Иртышу были основаны несколько крепостей, в том числе Омская, Ямышевская, Железинская.

Несмотря на отсутствие единого мнения по данному вопросу, можно сказать, что результат Яркендской экспедиции в дальнейшем сыграл ключевую роль в судьбе сибирского губернатора и послужил основанием для возбуждения уголовного дела в отношении М. П. Гагарина: «Вся слава как паутина сдунута, и правосудие в 1721 году изрекло страшный приговор против жизни кн. Гагарина, в урок отдаленных правителей <…>» [Словцов, 1886, с. 228].

Успех и результативность во многих культурно-просветительских, образовательных, дипломатических, экономических начинаниях свидетель-

CC BY

ствуют о высокой продуктивности князя М. П. Гагарина на посту первого губернатора Сибири. Тем не менее за неисполнение в срок царских распоряжений о присылке приходных книг, денежных податей в период 1711—1716 годов М. П. Гагарин подвергся штрафным санкциям на общую сумму 2276 рублей [Акишин, 1996, с. 228].

Итак, за короткий период управления Матвей Петрович сумел не только реализовать основные процессы дальнейшего развития и расширения Сибирской губернии, но и в несколько раз приумножить свое состояние. Князь не был равнодушен к роскоши, вследствие чего пользовался своим должностным положением с целью обогащения или выстраивания связей с нужными ему людьми. Инициатива, активная профессиональная позиция, дружественные отношения со многими влиятельными государственными деятелями, а также доверие и уважение самого Перта I представляли Матвею Петровичу возможность неоднократно избежать наказания за свои злоупотребления.

3.2. Производство следствия

Механизм контроля за законностью деятельности представителей центрального и местного управления при Петре I складывался постепенно. Его составили институт фискалитета и чрезвычайные органы следствия — розыскные канцелярии [Акишин, 1996, с. 147]. Система контроля за законностью представителей управленческого аппарата в основе своей сложилась к 1715—1720 годам. Подтверждением этому являются многочисленные примеры судебного преследования, в частности, над П. П. Шафировым, А. А. Курбатовым, А. Я. Нестеровым и многими другими. Но, пожалуй, одним из самых громких судебных процессов стало дело Матвея Петровича Гагарина.

Первые обвинения в адрес князя М. П. Гагарина поступили к Петру I в 1712—1714 годах. В доношениях сообщалось, что генерал-губернатор «допускает к торговле с Китаем только своих друзей и родственников, вместе с которыми получает себе “превеликое богатство”, а также способствует низкому уровню платежей в царскую казну из Сибири» [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2637, л. 34—68 об.]. Исследователи М. О. Акишин полагают, что их автором являлся московский фискал Алексей Яковлевич Нестеров — «гроза взяточников и казнокрадов». Наряду с князем М. П. Гагариным жертвами его доносов стали князья Яков и Григорий Долгорукие, Михаил Волконский, солепромышленник Григорий Строганов, заводчик Никита Демидов. Надо отметить, что и его нравственный облик был далек от идеала. Нестеров будет казнен по указу Петра I после завершения следствия о собственных злоупотреблениях [Акишин, 1996, с. 142].

«Недодача» в государственную казну (за 1713—1717 годы — свыше 300 тысяч рублей) — это главное обвинение в адрес Матвея Петровича, от

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

которого он после рассмотрения дела в 1715 году был освобожден и продолжил занимать пост генерал-губернатора в Тобольске.

В 1717 году дело М. П. Гагарина возобновилось. Инициатива выдвижения обвинения в казнокрадстве сибирского губернатора М. П. Гагарина также исходила от обер-фискала А. Я. Нестерова, который направил собранные материалы и доношения устюжского архиерея подьяка фискала Афанасия Филшина в канцелярию ведения князя Василия Долгорукова [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2640, л. 1—1 об.]. Князь М. П. Гагарин обвинялся в незаконных поборах с крестьян, расходовании казны на личные нужды, во взятках за предоставление права сбора податей с винной и пивной продажи, в вымогательстве подношений с купцов, присвоении товаров, следовавших с караванами из Китая в Москву [Там же, д. 2313, л. 1—330]. Еще одним существенным основанием для возбуждения следственного дела являлись письма И. Д. Бухольца к Петру I, в которых он обвинял сибирского губернатора в плохом снабжении Яркендской экспедиции, что стало свидетельством неисполнения царского указа и повлекло за собой большое количество человеческих жертв. Также, по сведениям шведского пленника Ф. И. Страленберга, Матвей Петрович планировал образовать в Сибири самостоятельное государство.

9 декабря 1717 года именным указом Петра I майорам лейб-гвардии И. И. Дмитриеву-Мамонову и И. М. Лихареву было поручено производство следствия «по данному им реестру за собственные его величества рукою». Иван Ильич Дмитриев-Мамонов возглавил работу Тайной розыскной канцелярии, в которую также были назначены асессоры И. М. Лихарев, Е. И. Пашков, И. И. Бахметев. Основная цель следственных мероприятий офицеров «сыщиков», выехавших с командой в Тобольск, заключалась в проверке фискального доношения на сибирского губернатора князя М. П. Гагарина «в интересах и во взятках» [Там же, д. 2640, л. 1].

Петр I лично контролировал производство следствия по этому делу. О его важности говорит и тот факт, что проверять представленные на М. П. Гагарина обвинения было поручено Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, который пользовался расположением и личным доверием государя [Акишин, 1996, с. 149]. Дело Сибирского губернатора предполагало проведение огромного количества следственных мероприятий, которые было необходимо реализовать на удаленной от центра Российского государства территории. В связи с этим 3 июня 1718 года в Сибирскую губернию для проведения допросов был отправлен представитель следственной канцелярии капитан лейтенант лейб-гвардии Авраам Григорьевич Шамордин [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2640, л. 1—2 об.].

18 января 1719 года Петром I был подписан указ, адресованный майору гвардии И. М. Лихареву: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых

CC BY

поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем… подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит» [Там же]; см. также: [ПСЗ РИ, т. V, с. 616.] Данное решение Петра было обусловлено масштабом расследования, в процессе которого не только становились известны злоупотребления и взяточничество Тобольского губернатора, но и открывалась вся коррумпированная система, выстроенная на территории Сибирской губернии во время правления князя М. П. Гагарина. Лихарев покинул столицу в феврале 1719 года и уже в сентябре отправил Петру реестр, где были собраны доказательства (35 эпизодов), подтверждающие обвинения сибирского губернатора в казнокрадстве и взяточничестве [Серов и др., 2018, с. 131—142].

Доказательная база обвинения строилась на многочисленных финансовых документах, показаниях, допросах и «повинных» (купцов Б. и А. Евреиновых, таможенного надзирателя и приказчика Т. Г. и И. Г. Замощиковых, многих представителей сибирской администрации, обвиняемых в казнокрадстве, в том числе томского воеводы И. Р. Качанова, комендантов Иркутска Ф. Рупышева, Л. Ракитина, томского и верхотурского комендантов Р. А. и И. И. Траханиотовых, коменданта Тюмени С. Дурново и многих других), прошений, челобитных, результатов повальных опросов местного населения (слобод Исетского, Каменского острога, Катайского острогов) [Акишин, 1996, с. 151—152].

Результаты проделанной работы были известны в столице 27 марта 1719 года. Авраам Григорьевич Шамордин отправил из далекой Сибири письмо, в котором сообщал о том, что распорядился освидетельствовать отпуски наказов, расходные и покупные книги, а также прочие письма, связанные с караванной китайской торговлей во время деятельности князя М. П. Гагарина на посту генерал-губернатора. Первого февраля капитан-лейтенант лейб-гвардии отдал тобольскому обер-коменданту Карпову распоряжение «О присылке тобольских подьячих ко взятию сказок» [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2640, л. 63 об.]. В письме А. Г. Шамордина содержалась информация о показаниях тобольского подьячего Ивана Замощикова, которые свидетельствуют о злоупотреблениях и вымогательствах сибирского губернатора [Там же, д. 2624, л. 63 об.]. В ходе допроса старший подьячий рассказал о пропаже разрядных дел, книг, придворных крестов, жемчугов и «зборных денег», которые по приказу князя Василия Гагарина были запечатаны в коробках. Иван Замощиков обвинял Сибирского губернатора в том, что в ходе расследования Матвей Петрович подвергал его «истязанию» (сажал на цепь и угрожал пытками), и «через то истязание взяли у него взятки на него губернатора князя Гагарина» [Там же, д. 2640, л. 64; д. 2652, л. 1—162]. Согласно реестру, который был предоставлен старшим

CC BY

подьячим, Сибирский губернатор получил взятку от И. Замощикова в виде шести коробок золота (170 рублей каждая) и 100 червонцев (200 руб.) [Там же, д. 2640, л. 64 об.].

16 ноября 1719 года на допросе Матвей Петрович рассказал, что три коробки золота, указанные Иваном Замощиковым в реестре, были куплены бывшим губернатором у подьячего за 140—150 рублей за коробку [Там же, л. 72 об.].

Помимо письма от Авраама Григорьевича, в Санкт-Петербург было прислано доношение тобольских пашенных крестьян. В нем содержится информация о том, что Иван Замощиков в 1716 году брал «государевы деньги» с «8 станцов в разных деревнях». В доношении прописано название «станца», а также взимаемая сумма, где, помимо денег, указан домашний скот. Общая сумма сбора составила 4262 рубля и была передана в Тобольскую канцелярию [Там же, л. 80 об.]. 30 сентября 1720 года состоялся допрос, на котором старший подьячий подтвердил, что действительно являлся «зборщиком» денег по приказу Матвея Петровича Гагарина. Все «зборные» деньги были переданы им в общую губернскую канцелярию. Об этом свидетельствуют комендантские и подьячие «отписи» [Там же, л. 81 об.]. Иван Замощиков также предоставил следствию реестр, в котором указаны «необычныя» расходы, реализованные по приказу губернатора и его людей. Так, в 1715 году 180 рублей было потрачено на «наем извочиков за провоз на мельницы и с мельниц запасов». На сумму 144 рубля 26 алтын 4 деньги было куплено 649 сажен дров, из этого количества 49 сажен отправлено в Вознесенскую церковь, в большую канцелярию — 180, князю Долгорукому — 43, коменданту Бибикову — 52, Траурнихту и зятю его Бухольцу — 54, сыщику Павлову и подьячему его — 31, на губернаторской двор отправлено 192 сажени. Осуществлялась закупка сена, часть которого также предоставлялась Бибикову, Траурнихту, Бухольцу, Павлову. Эти же фамилии фигурируют в реестре при разделе средств на «строение и зачищенья дворов» [Там же, л. 82—83]. На допросе 16 ноября 1720 года князь Гагарин заявил, что о расходах, перечисленных в реестре Замощикова, ничего «не ведает», так как 1715 году в Тобольске заведовал всем комендант Иван Бибиков [Там же, л. 84].

Свидетельские показания, а также различные делопроизводственные и административные документы (реестр, опись, доношение) не только подтверждают факт взяточничества и расход государственных сборов на личные нужды, но и указывают на серьезную доказательную базу, которая была собрана в процессе расследования уполномоченными должностными лицами. О большом количестве постановлений, справок, выписок и других документов говорит в своем исследовании Г. В. Шебалдина. По ее

CC BY

данным, «в Санкт-Петербург и Москву из Сибири прислали более сотни расходных книг. Все они прорабатывались и анализировались на основе предъявленных обвинительных пунктов, количество которых быстро достигло трех десятков» [Шебалдина, 2014, с. 135].

Анализ показаний позволяет заключить, что сибирский губернатор не имел существенных доказательств, которые могли бы опровергнуть выдвинутые в его адрес обвинения. Матвей Петрович либо соглашался с обвинениями, но интерпретировал их совсем иначе, либо ссылался на плохую память и таким образом снимал с себя ответственность за совершенное преступление.

В апреле 1719 года А. Г. Шамордин прислал справку из Тобольской большой канцелярии, в которой находилась информация о количестве мягкой рухляди общей стоимостью 7341 рубль 18 алтын 5 деньги. По указу сибирского губернатора в 1717 году тюменский пушкарский глава Матвей Луданин был отправлен в Архангельск для продажи или обмена данной пушнины на французское вино или «на иные товары, которые можно было б продать в Сибири» [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2621, л. 50—52 об.].

На допросе Матвей Луданин рассказал, что в 1717 году действительно был отправлен в Архангельск. Необходимый для торга товар пушкарский глава получил из Тобольской канцелярии, а также принял у Сибирского губернатора князя Гагарина «пол 4 косяка отласу по 40 рублев косяку, 7 пар соболей по 22 рубля по 8 алтын в 2 деньги». За этот товар Матвей Луданин расписывался у подьячего Степана Неелова [Там же, л. 53—54 об.]. На вырученные деньги пушкарский глава по приказу князя М. П. Гагарина купил серебряную посуду стоимостью 2815 рублей 4 алтына 4 деньги, «припасов и сукон» по губернаторской росписи на сумму на 2259 рублей 8 алтын 2 деньги. «За то де деньги отданы ж в тобольску в большую канцелярию з двора его Губернатора от человека его Федора Некрасова» [Там же, л. 56 об.].

21 мая 1720 года лейтенант А. Г. Шамордин прислал подробности допроса Степана Неелова, Матвея Луданина и князя Матвея Петровича Гагарина. Следователя интересовали следующие вопросы: у кого и в каком количестве принимал подьячий Степан Неелов деньги князя М. П. Гагарина в Тобольскую казну? Когда полученные деньги были записаны в приход (число и месяц)? По какой причине они не записаны в приходскую книгу? Какие товары и в каком количестве были переданы князю Гагарину за эти деньги? Кто и когда принимал данные товары в «расход»? [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2621, л. 64 об.; д. 2637, л. 64—68 об.].

На допросе 27 августа 1720 года Сибирский губернатор отвечал на вопросы: государственные или собственные «отлас, пара соболей, 8700 цвет-

CC BY

ков» он в 1717 году отправлял на продажу с Матвеем Луданиным в Архангельск? Отпуск государственных товаров происходил из его дома? Принимал ли губернатор товар по окончании торга Луданина «в доме в своем»? По какой цене? Выдавал ли Матвей Петрович счетную опись Матвею Луданину? Указывал ли он в описи 10 росомах и 19 медведей? [Там же, л. 69 об.].

Из материалов дела об отпуске мехов из Сибири в Архангельск для покупки сукна и других товаров для сибирского губернатора мы видим, что следователям интересна информация о реализуемом товаре, о месте и сроках его отпуска и принятия, цене, а также счетной описи и ее содержании.

М. П. Гагарин, находясь на губернаторском посту, имел право осуществлять выбор и контролировать назначение кадров на ключевые административные должности Сибирской губернии. Князь не упустил возможности определить на места воевод, чиновников и комендантов близких ему людей. Так, по его распоряжениям в Сибирь на руководящие должности было прислано 48 человек, включая трех его племянников. Именно это явление ускорило процесс развития и формирования коррумпированной системы на всех уровнях административного регулирования Сибирского региона. Подобного мнения придерживается М. О. Акишин, который считает, что объем полномочий, возлагаемый на главу губернии в результате губернской реформы Петра I, а также бюрократизация управления оказали влияние на быстрое формирование организации казнокрадов и взяточников на территории Сибири [Акишин, 1996, с. 162].

Именно эти действия вскрылись в результате работы следственной комиссии по делу князя М. П. Гагарина. Согласно материалам дела, дворянин Иван Качалов на допросе в 1718 году утверждал, что Томский комендант Роман Траханиотов (свойственник М. П. Гагарина) неоднократно брал взятки в крупных размерах. Так, комендант держал под караулом калмыцкого посланца Септеня, с которого «вымучил товарами 7000 рублей» [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2640, л. 6]. По словам дворянина, после изъятия у посланца товаров он был отправлен «в свою землю», но прибыл с жалобой в Тобольск к князю М. П. Гагарину. Сибирский губернатор, узнав о взятке и разорении, никаких действий не предпринял [Там же, л. 41 об. — 42]. Этот факт может свидетельствовать о том, что бывший сибирский губернатор если не содействовал усилению бюрократизации и коррумпированности в управленческой сфере, то, скорее всего, не предпринимал определенных мер для борьбы с этим явлением. По результатам работы следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова комендант Томска, свойственник М. П. Гагарина, Роман Траханиотов признал вину в отношении 40 эпизодов получения взяток.

CC BY

3.3. Суд по «делу князя Гагарина» и исполнение приговора

Огромное количество злоупотреблений сибирского губернатора и представителей сибирской администрации стали известны благодаря работе Тайной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, а также усилиям А. Г. Шамордина и И. М. Лихарева. 11 марта 1721 года Петр I «собственноручно» указал Сенату: «дела плута Гагарина надлежит вам слушать, которые важные [понеже всех не одна тысяча есть], а особли(во) которые он делал уже после публикованных указов за лихоимство, и по оным приговор, учиня по правде, прислать ко мне» [Сборник Императорского…, т. 11, с. 420]. В тот же день майору Дмитриеву-Мамонову, майору Лихареву и капитану Пашкову Петр I приказал «князя Гагарина роспросить в застенке и поднять на дыбу и спрашивать к повинной ево в дополнение и о других делах, також и о пожитках ево, князя Гагарина, что ныне на лицо и не роздано ль кому чего для сохранения» [Там же, с. 421]. Данное распоряжение свидетельствует, что применение пыток к князю М. П. Гагарину, практически единственному из числа сибирских чиновников, было разрешено лично Петром I [Акишин, 1996, с. 162].

Помимо этого, Сенат получил приказ Петра: «у сына ево, князь Алексея Гагарина, взять за рукою ведение, как он поехал за море что с ним было от отца ево отправлено денег, и золота и товаров; также и чрез векселя в бытность он за морем сколько денег, и товаров, и золотых и протчих вещей и чрез кого получал, и что всей суммы в ту ево за морем бытность издержано» [Сборник Императорского…, т. 11, с. 421].

По результатам следствия 14 марта 1721 года Правительствующий Сенат приговорил князя М. П. Гагарина к смертной казни через повешенье. Приговор, подписанный «Александром Меншиковым, графом Гаврилой Головкиным, Петром Талстым, князем Дмитреем Голицыным, Бароном Петром Шафировым, адмиралом графом Апраксиным, графом Иваном Мусиным-Пушкиным, графом Андреем Матвеевым, князем Дмитрием Кантемиром», на котором собственноручно Петром I была поставлена резолюция «учинить по сенатского приговору», содержал восемь оснований («вин») преступной деятельности бывшего губернатора Сибири [Там же, с. 423]. Первые три статьи приговора касались обвинения Гагарина в казнокрадстве, присвоении казенных денег, отдаче на откуп за взятки казенных монопольных винных, питейных, табачных и иных сборов. В первой статье о событиях 1716 года говорится, «что он по указу из сената для отпуску за море на Вятке покупной хлеб утаил, и по тому указу отпуску хлеба в том году не исполнил и из оного несколько роздал иноземцам, а за что и по какой цене, не объявил, а досталной роздал иноземцам же, будто за взятые алмазные вещи, а тем вещам и хлебу покупных записных книг

CC BY

не держал, и из тех алмазных вещей брал себе; во второй: того ж 716 года, что велел брать Крупеникову казенные деньги и товары на свои росходы и книги приходные и росходные, взяв у него, кинул; в третьей: 716 года о взятках за отдачю на откуп винной и пивной продажи и других сибирских городов с жителей» [Там же, с. 422].

Обвинительные статьи с пятой по восьмую объявляли сибирского губернатора виновным в причинении ущерба государственным интересам в торговых отношениях с Китаем, а также присвоении казенных средств, товаров и китайских драгоценностей, использовании дипломатических отношений с Китаем в своих частных интересах, обогащении от организации частных торговых экспедиций в Китай за счет государственных и собственных средств: «в четвертой: в 717-м году о угрозительном к купчине Гусятникову писме и о воровской им самим составленной цыдуле о присылке к нему китайских подарков, что было к нему и послано; в пятой: с 709 по 718 год о взятье у купчины Карамышева казенных товаров и за платеж того взятья переводными писмами казенными ж денгами, которые воровством своим получал за вятцкой хлеб, и что он тех переводных писем в сибирском приказе записывать не велел; в шестой: за взятье у генерала кзязя Якова Федоровича Долгорукова в китаской торг, не оценя, товаров и, не дождався купчины с караваном, о выдаче вдвое денег всех сполна, в том числе из губернских десяти тысяч рублев; к тому ж и изо взятых в тот же китайской торг из военной канцелярии денег из пятидесяти тысяч рублев, не посылая в тот торг дватцети четырех тысяч рублев; в седмой: с 714-го по 717-й год о трех алмазных перснях и о алмазе в гнезде, которые куплены на взятые в китайской торг от комнаты великой государыни царицы и великой княгини Екатерины Алексеевны денги, и в повинной написал, что те алмазы хотел употребить себе; в восьмой: 709 и 712 годов о краже из каравана купчины Худякова товаров себе, и что из оных дарил других, и, приняв, тех караванов у того купчины книги зжег и во всем в вышеписанном винился» [Реформы Петра I, 1937, с. 234—236; Сборник Императорского …, т. 11, с. 422—423].

15 марта 1721 года Матвей Петрович Гагарин был повешен. Поражает жестокость, с которой Петр приказал поступить с телом казненного князя. По распоряжению Петра I с целью устрашения казнокрадов тело Гагарина долгое время запрещено было предавать земле, оно висело на месте казни более восьми месяцев, до конца ноября 1721 года, однако 25 ноября 1721 года император приказал лишь перевесить разлагавшиеся останки князя на железную цепь [Корсакова, 1914, с. 75—82; Акишин, 1996, с. 199]. В назидание администраторам всех уровней и для их устрашения Петр I распорядился также повесить умершего под следствием бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова «в Москве, в пристойном месте»

CC BY

(предварительно выкопав тело умершего, поскольку оно было уже захоронено) [Акишин, 1996, с. 175].

Плохая сохранность источников не позволяет выявить размеры финансовых хищений Гагарина и сибирских администраторов. Лишь отрывочные описи содержат сведения о ценности их конфискованного имущества. Его обстоятельный анализ был проведен М. О. Акишиным [Там же, с. 199—201]. Имение губернатора было «велено взять на ево Царское Величество за многое воровство и что крал он по выходе из Китая из караванов купчины Худякова товаров себе из и оной дарил другим» [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2640, л. 87]. В официальном документе, отправленном из Главного Магистрата в канцелярию ведомства господина майора Дмитриева-Мамонова, содержится информация о том, что для реализации конфискованного имущества князя Гагарина, а также комендантов Ракитина, Рупышевых и других были присланы «купецкие люди» Иван Жариков и Григорий Никитин, назначенные осуществлять продажу «отписаных пожитков» [Там же, л. 255]. Помимо сведений о готовности посадских людей приступить к своим обязанностям, в канцелярии ведомства господина Дмитриева-Мамонова находился подробный список конфискованного товара. В него входили одежда (кафтан черкесский, шапка, камзол крапивный, рукавицы волчьи, шуба лисья, штаны суконные и др.), иконы, золото, атлас и камка разных цветов, серебряная и оловянная посуда и другие документы и товары [Там же, л. 259—267].

4. Заключение = Conclusions

Следует отметить, что в общественной и научной мысли сформировалось неоднозначное толкование деятельности первого губернатора Сибири. Противоречивость мнений связана со взглядом «извне» и «изнутри» на личность и дела М. П. Гагарина. Негативные оценки в основном встречаются в воспоминаниях иностранцев: Страленберг называет князя «лисой», которой не особенно доверяет Петр I. Государственный преступник, мятежник, казнокрад, взяточник, вымогатель — эти отрицательные характеристики губернатора закрепляются в массовом сознании в результате организации следствия и суда над этим высокопоставленным чиновником. Интересно, что сибирские историки Г. Ф. Миллер, П. А. Словцов, Н. А. Абрамов придерживаются иного взгляда: в основном уделяют внимание изучению заслуг Гагарина в деле процветания Сибири. Они отмечают, что при всех своих недостатках он хорошо знал вверенную ему территорию. Благодаря его участию и руководству было многое сделано во благо России и Сибири. Он умел свободно и хорошо вести деловую переписку, участвовать в дипломатических переговорах, обладал талантом администратора и эко-

CC BY

номиста. Первые описатели Сибири развенчивают миф о государственном преступнике и закрепляют в общественном сознании представление о предприимчивом управленце, служившем на пользу края: «<…> если взвесить преступления с действиями его на пользу управляемого края, его томления в темнице, страдания и позорную смерть на виселице, то нельзя отказать ему в сострадании об ужасном его жребии» [Абрамов, 1861, с. 99].

Проанализировав комплекс следственных делопроизводственных материалов Российского государственного архива древних актов, можно сделать вывод, что организация следственных мероприятий и процесса по уголовному делу князя М. П. Гагарина находилась на высоком уровне ввиду государственной важности предъявленных обвинений и личного контроля Петра I за ходом следствия. Кроме того, изучение следственных материалов позволило рассмотреть ход работы представителей розыскной канцелярии, выявить процессуальные приемы расследования. Изучение материалов следствия позволило прийти к выводу, что самым продуктивным периодом в деятельности канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова являлся 1719 год. Именно в это время было проведено наибольшее количество допросов — 20 и очных ставок — 4 (табл. 1). Возможно, это связано с тем, что следователям стали известны злоупотребления не только губернатора, но и представителей всей сибирской администрации. Открывались новые факты, которые требовали тщательной проверки и одновременно показывали реальный масштаб совершенных преступлений.

Таблица 1

Год	Количество допросов	Количество очных ставок
1718	6	1
1719	20	4
1720	12	—
1721	1	—

Анализ показаний всех представителей тобольской и сибирской администрации позволяет понять, какие вопросы, необходимые для восстановления истинной картины злоупотреблений, интересовали следствие. Это подтверждает частое воспроизведение участниками следственных мероприятий (подозреваемыми, потерпевшими, свидетелями) одних и тех же фактов в разные дни допроса. Следователи намеренно выстраивали диалог таким образом, чтобы выявить противоречия в показаниях и уличить во лжи тех, кто имеет отношение к совершенным преступлениям.

Анализ материалов следствия по делу князя М. П. Гагарина позволяет говорить о формировании системы аудита, в частности таких процедур фи-

CC BY

нансового контроля, как «запрос (о предоставлении расходных книг в канцелярию Тобольска), инспектирование (расходования казённых средств на содержание пленных шведов), подтверждение (доносов провинциал-фискалов данными расходных табелей), пересчёт (арифметическая проверка данных расходных книг и табелей), равно как и аналитические процедуры» [Баранов и др., 2016, с. 183].

Карьера князя Гагарина складывалась успешно и пришлась на правление Петра I. Князь был активным сподвижником многих преобразований царя-реформатора. В качестве главы Сибирского приказа, а затем губернатора Сибири принял деятельное участие в изменении управления Сибирью по губернской реформе 1708 года и в складывании сложной системы бюрократической иерархии.

Деятельность князя на посту первого губернатора Сибири привлекает внимание современных исследователей в области биографики, истории права, юриспруденции, истории искусства, истории налогового права, экономики, географии. Многие из них сходятся во мнении о том, что в период его губернаторского управления в Сибири произошли или получили начало важные изменения во многих областях жизни общества: экономике, образовании, культуре и науке. Наиболее значимыми его начинаниями являются завершение строительства каменного кремля в Тобольске, строительство судоходного сообщения между Иртышом и Тоболом, установление и укрепление дипломатических связей с Китаем, Бухарой и Джунгарским ханством, открытие в Тобольске школ, развитие горного дела и разведка месторождений ценных металлов, строительство церквей и оказание помощи миссионерской деятельности, которую осуществляла православная церковь среди народов Сибири. К значимым успехам князя Гагарина на посту первого губернатора Сибири следует отнести и рост налоговых поступлений от сибирских городов в казну, расширение территории Сибири и освоение южных земель Сибирской губернии в верхнем течении Иртыша.

Используя современную терминологию теории управления, князь М. П. Гагарин был, без сомнения, «эффективным менеджером», способным управлять огромной территорией, равной (если не превосходящей) европейской территории России того времени, умеющим своевременно решать сложные, системные задачи в административной, финансовой, экономической, социальной и дипломатической областях. Тем не менее в выборе способов управления вверенной ему областью он оставался человеком уходящей эпохи, который на контролируемой им территории не упускал возможности обогатиться, принимал устаревшие и «дикие» властные решения.

Биография князя Гагарина — яркий пример столкновения разветвленной практики обогащения аристократических кланов-казнокрадов с прин-

CC BY

ципами и взглядами Петра I на суть и место чиновной службы в создаваемом им «регулярном», полицейском государстве. Просчетом князя Гагарина, стоившим ему жизни, стало то, что он не увидел этих тенденций, не извлек уроков из факта и итогов фискальных доносов рубежа XVII—XVIII веков, начала 1710-х годов, административных штрафных взысканий в период губернаторства 1711—1716 годов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ведомость* о количестве денег, военных и продовольственных припасов, принятых для похода // Памятники Сибирской истории XVIII века / Ред. Тимофеев А. И. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел. Книга 2 : 1713—1724. — 1882—1885. — С. 127—130.

2. *Донесение* князя Гагарина на пути к калмыцкому городу Эргету, где добывается песочное золото // Памятники Сибирской истории XVIII века / Ред. Тимофеев А. И. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел. Книга 2 : 1713—1724. — 1882—1885. — С. 134—136.

3. *Законодательные* акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сост. Н. А. Воскресенский. — Москва—Ленинград, 1945. — Т. I. — 202 с.

4. *Памятники* Сибирской истории XVIII века / ред. А. И. Тимофеев. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел. — Книга 2 : 1713—1724. — 1882—1885. — 600 с.

5. *Письма* и бумаги императора Петра Великого. Т. 5 (январь-июнь 1707) / Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1907. — 876 с.

6. ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. — Т. IV : 1700—1712 : [№ 1740—2619]. — Санкт–Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 884 с.; Т. V : 1713—1719 : [№ 2620—3479]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 780 с.

7. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. — Ф. 214. Сибирский приказ, г. Москва. Оп. 5. Д. 1265. 53 л. Д. 2072. 16 л. Д. 2253. 28 л. Д. 2313. 873 л. Д. 2621. 24 апреля 1721 г. 304 л. Д. 2623. 54 л. Д. 2624. 407 л. Д. 2637. 374 л. Д. 2638. 24 л. Д. 2640. 442 л. Д. 2652. 162 л. Д. 2658. 246 л. Д. 2659. 239 л. Д. 2659. 69 л.

8. *Реформы* Петра I : сборник документов / сост. В. И. Лебедев. — Москва, 1937. — 379 с. — (Документы и материалы по истории народов СССР).

9. *Российское* законодательство X—XX веков : в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. — Москва : Юридическая литература, Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. тома заслуженный деятель науки РСФСР, д.и.н. А. Г. Маньков, 1986. — 511 с.

CC BY

10. *Сборник* Императорского Русского Исторического Общества. — Санкт-Петербург, 1867—1916. Т. 11 : Указы, письма, бумаги и резолюции Императора Петра I (годы с 1704 по 1725), доставленные князем П. Д. Волконским и Н. В. Калачевым, и извлеченные из архива Правительственного Сената. Всех документов свыше 600 / Собраны и изданы академиком А. Ф. Бычковым ; Печ. под наблюдением чл. о-ва А. Ф. Бычкова и секр. А. А. Половцева. — Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. — 565 с.

11. *Сборник* Императорского Русского Исторического Общества. Т. 50 : Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч. 4 (годы с 1708 по 1712). Сообщено из английского государственного архива Министерства Иностранных Дел / Печ. под набл. А. А. Половцева. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1886. — 558 с.

12. *Сведения*, сообщенные сенату сибирским губернатором князем Гагариным и полковником Бухгольцом о неудачном походе к Ямышеву озеру и о строении крепостей // Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А. И. Тимофеев. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел. — Книга 2 : 1713—1724. — 1882—1885. — С. 138—144.

13. *Сибирский* летописец : летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденая в Тобольске / с предисл. Е. В. Кузнецова. — Тобольск : Типография губернского правления, 1892. — 45 с.

14. *Указ* сибирского губернатора князя Гагарина полковнику Бухгольцу, как ему действовать во время похода // Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А. И. Тимофеев. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел. Книга 2 : 1713—1724. — 1882—1885. — С. 136—138.

Литература

1. *А. Щ.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого / А. Щ // Тобольские губернские ведомости. — 1857. — № 30. — С. 290—301.

2. *Абрамов Н. А*. Князь Матвей Петрович Гагарин / Н. А. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. — 1861. — № 9. — С. 79—82.

3. *Абрамов Н. А.* О бывшем Тобольском наместничестве. 1782—1797 / Н. А. Абрамов. — Москва : Унив. тип., (Катков и К), 1869. — 8 с.

4. *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / М. О. Акишин. — Новосибирск : Автор, 1996. — 224 с. — ISBN 5-88030-003X.

5. *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века : структура и состав государственного аппарата / М. О. Акишин ; отв. ред. Н. Ф. Демидова ; Новосиб. гос. ун-т. — Москва : Древлехранилище : Новосибирск, 2003. — 406 с. — ISBN 5-93646-017-7.

6. *Баранов П. П.* Дело князя М. П. Гагарина : начало российского аудита / П. П. Баранов, А. А. Шапошников // ЭКО. — 2016. — № 46 (10). — С. 173—184.

7. *Богословский М. М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом / М. М. Богословский // Журнал министерства народного просвещения. — 1903. — Ч. 349. — С. 45—144.

8. *Голодников К. М.* Город Тобольск и его окрестности: ист. очерк / К. М. Голодников ; примеч. автора. — Тобольск : Тип. Тобольск. губ. правл., 1886. — 139 с.

9. *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России / Н. П. Загоскин. — Казань : Лито-типография И. Н. Харитонова, 1910. — 464 с.

10. *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века / Э. П. Зиннер. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. — 250 с.

11. *Катанаев Г. Е.* Князь Матвей Петрович Гагарин Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист) : Сибирь эпохи Петра Великого / Г. Е. Катанаев ; сост. Л. И. Огородникова. — Тюмень : Мандр и Ка, 2005. — 208 с. — ISBN 5-93020-347-4.

12. *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII вв. / С. В. Копылова. — Новосибирск : Наука, 1979. — 255 с.

13. *Корсакова В.* Гагарин / В. Корсакова // Русский биографический словарь / Под ред. Н. И. Чулкова. — Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. — С. 75—82.

14. *Макшеев А. И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год / А. И. Макшеев // Записки Русского географического общества по общей географии. — 1886. — Т. 11. — С. 105—145.

15. *Мартынов А.* Русская Старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / А. Мартынов. — Москва : Типография Ведом. Московской городской полиции, 1852. — 119 с.

16. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Восточная литература, 1999. — 598 с.

17. *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 678 с.

18. *Огородникова Л. И.* Деятельность сибирского губернатора М. П. Гагарина в оценке сибирского историка Г. Е. Катанаева / Л. И. Огородников // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура) : материалы Всероссийской научной конференции. — Омск : Издательство Омского государственного историко-краеведческого музея, 2010. — С. 200—204.

19. *Серов Д. О.* Высшие администраторы под судом Петра I. (Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в.) / Д. О. Серов // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 39. — С. 47—63.

20. *Серов Д.* Следователи Петра Великого / Д. Серов, А. Федоров. — Москва : Молодая гвардия, 2018. — 348 с. — ISBN 978-5-235-04093-9.

21. *Словцов И. А.* Историческое обозрение Сибири. Книга 1 : С 1585 по 1742 год. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1886. — 23 с.

22. *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII : повседневный быт пленных во время Северной войны / Г. В. Шебалдина. — Москва : Ломоносовъ, 2014. — 186 с. — ISBN 978-5-91678-228-8.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023,
одобрена после рецензирования 21.08.2023,
подготовлена к публикации 15.09.2023.

Material resources

Collection of the Imperial Russian Historical Society. (1867—1916). St. Petersburg. (In Russ.). Decree of the Siberian governor Prince Gagarin to Colonel Buchholz, how to act during the campaign. In: *Monuments of Siberian history of the XVIII century.* (1713—

CC BY

1724). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 136—138. (In Russ.).

Information reported to the Senate by the Siberian governor Prince Gagarin and Colonel Buchholz about the unsuccessful campaign to Yamyshev Lake and about the structure of fortresses. In: *Monuments of Siberian history of the XVIII century.* (1713—1724). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 138—144. (In Russ.).

Legislative acts of Peter I. Editorial offices and draft laws, notes, reports, denunciations, petitions and foreign sources, I. (1945). Moscow—Leningrad. 202 p. (In Russ.).

Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 5 (January-June 1707). (1907). St. Petersburg: State Printing House. 876 p. (In Russ.).

Monuments of Siberian history of the XVIII century. (1713—1724). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 600 p. (In Russ.).

Prince Gagarin's report on the way to the Kalmyk city of Erget, where sand gold is mined. In: Monuments of Siberian history of the XVIII century. (1713—1724). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 134—136. (In Russ.).

PSZ — *The Complete collection of laws of the Russian Empire: The First Collection. From 1649 to December 12, 1825].* (1830). St. Petersburg: Type II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 780 p. (In Russ.).

Reforms of Peter I: collection of documents. (1937). Moscow. 379 p. (Documents and materials on the history of the peoples of the USSR). (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214.* Siberian Order, Moscow. (In Russ.).

Russian Historical Society Collection. Vol. 50: Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian Court. Part 4 (years from 1708 to 1712). Reported from the English State Archive of the Ministry of Foreign Affairs. (1886). Saint Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 558 p. (In Russ.).

Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 4. (1986). Moscow: Legal Literature. 511 p. (In Russ.).

Siberian Chronicler: chronicle of the late XVII and early XVIII centuries, conducted in Tobolsk. (1892). Tobolsk: Printing house of the provincial government. 45 p. (In Russ.).

Statement on the amount of money, military and food supplies accepted for the campaign. In: *Monuments of Siberian history of the XVIII century.* (1713—1724). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 127—130. (In Russ.).

References

A. S. (1857). Swedish school in Tobolsk in the reign of Peter the Great. *Tobolsk provincial Vedomosti, 30:* 290—301. (In Russ.).

Abramov, N. A. (1861). Prince Matvey Petrovich Gagarin. *Tobolsk provincial Vedomosti, 9:* 79—82. (In Russ.).

Abramov, N. A. (1869). *About the former Tobolsk viceroyalty. 1782—1797.* Moscow: Univ. type., (Katkov and K). 8 p. (In Russ.).

Akishin, M. O. (1996). *The police state and Siberian society. The Epoch of Peter the Great.* Novosibirsk: Publishing Center "Author". 224 p. ISBN 5-88030-003X. (In Russ.).

Akishin, M. O. (2003). *Russian absolutism and management of Siberia of the XVIII century: the structure and composition of the state apparatus.* Moscow: Drevlekhranishche: Novosibirsk. 406 p. ISBN 5-93646-017-7. (In Russ.).

Baranov, P. P., Shaposhnikov, A. A. (2016). The case of Prince M. P. Gagarin: the beginning of the Russian audit. *ECO, 46 (10):* 173—184. (In Russ.).

CC BY

Bogoslovsky, M. M. (1903). Studies on the history of local government under Peter the Great. *Journal of the Ministry of Public Education, 349:* 45—144. (In Russ.).

Golodnikov, K. M. (1886). *The city of Tobolsk and its surroundings: ist. essay.* Tobolsk: Type. Tobolsk. Gubernia. pravl. 139 p. (In Russ.).

Katanaev, G. E. (2005). *Prince Matvey Petrovich Gagarin General President of the Siberian Order and Siberian provinces judge. Moscow Commandant and Governor of All Siberia. (The first Siberian autonomist): Siberia of the era of Peter the Great.* Tyumen: Mandr and Ka. 208 p. ISBN 5-93020-347-4. (In Russ.).

Kopylova, S. V. (1979). *Stone construction in Siberia. The end of the XVII—XVIII centuries.* Novosibirsk: Nauka. 255 p. (In Russ.).

Korsakova, V. (1914). Gagarin. In: *Russian Biographical Dictionary.* Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sovko. 75—82. (In Russ.).

Maksheev, A. I. (1886). Map of Dzungaria, compiled by the Swede Renat during his captivity at the Kalmyks from 1716 to 1733. *Notes of the Russian Geographical Society on General Geography, 11:* 105—145. (In Russ.).

Martynov, A. (1852). *Russian Antiquity in monuments of church and civil architecture.* Moscow: Vedom Printing House. Moscow City Police. 119 p. (In Russ.).

Miller, G. F. (1999). *History of Siberia.* Moscow: Oriental Literature. 598 p. (In Russ.).

Milyukov, P. N. (1905). *The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. 2nd Ed.* St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich. 678 p. (In Russ.).

Ogorodnikova, L. I. (2010). The activity of the Siberian governor M. P. Gagarin in the assessment of the Siberian historian G. E. Katanaev. In: *The influence of the Petrine era on the development of Siberian cities (history, local lore, culture): materials of the All-Russian Scientific Conference.* Omsk: Publishing House of the Omsk State Museum of Local Lore. 200—204. (In Russ.).

Serov, D., Fedorov, A. (2018). *Investigators of Peter the Great.* Moscow: Molodaya gvardiya. 348 p. ISBN 978-5-235-04093-9. (In Russ.).

Serov, D. O. (2005). Higher administrators under the court of Peter I. (From the history of criminal justice of Russia in the first quarter of the XVIII century.). *Izvestiya Ural State University, 39:* 47—63. (In Russ.).

Shebaldina, G. V. (2014). *Hostages of Peter I and Charles XII: everyday life of prisoners during the Northern War.* Moscow: Lomonosov. 186 p. ISBN 978-5-91678-228-8. (In Russ.).

Slovtsov, I. A. (1886). *Historical Review of Siberia. Book 1: From 1585 to 1742.* St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Printing House. 23 p. (In Russ.).

Zagoskin, N. P. (1910). *Russian waterways and ship business in pre-Petrine Russia.* Kazan: Lito-printing house of I. N. Kharitonov. 464 p. (In Russ.).

Zinner, E. P. (1968). *Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the XVIII century.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 250 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 21.08.2023;
accepted for publication 15.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Крот М. Н. Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков / М. Н. Крот, О. О. Завьялова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 374—392. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392.

Krot, M. N., Zavyalova, O. O. (2023). Integration Policy in Northwestern Region of Russian Empire in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 374-392. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392

Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков

Крот Максим Николаевич
orcid.org/0000-0001-5855-8160
кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания
mnkrot@sfedu.ru

Завьялова Оксана Олеговна *
orcid.org/0000-0002-5219-958X
кандидат исторических наук, кафедра отечественной истории Средних веков и Нового времени,
****корреспондирующий автор***
zavyalova@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01912 ««Мягкая сила" империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881—1904 гг.»

Integration Policy in Northwestern Region of Russian Empire in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Maxim N. Krot
orcid.org/0000-0001-5855-8160
PhD in History, Associate Professor, Department of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Science
mnkrot@sfedu.ru

Oksana O. Zavyalova *
orcid.org/0000-0002-5219-958X
PhD in History, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times,
**** Corresponding author***
zavyalova@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number № 22-28-01912 "«Soft power» of the empire: non-conflict forms and practices of integration of the western regions of Russia in 1881—1904"

© Крот М. Н., Завьялова О. О., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу коммеморативных практик, реализуемых российскими властями в Северо-Западном крае в конце XIX — начале XX веков, являвшихся ключевым элементом интегративной стратегии «мягкой силы». Проанализировано формирование мемориальной концепции, в основе которой лежала идея «исконной русскости» края и «восстановления» утраченного единства данной территории с коренной Россией. В статье детально рассматривается комплекс мемориальных мероприятий, связанных с чествованием памяти Свв. Кирилла и Мефодия, императрицы Екатерины II, виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, чья деятельность связана с приобщением региона к российскому культурному и цивилизационному пространству. Особое внимание уделяется идейным основам и интеллектуальному сопровождению юбилейных торжеств, направленных на утверждение в публичном пространстве ценностных доминант российской политической культуры. Делается вывод о том, что рассматриваемые коммеморативные практики выступали значимым элементом символической политики властей, призванной подтвердить моральное право России на управление и аккультурацию данных территорий на основе русских цивилизационных начал. Отмечается, что данные мероприятия, являвшиеся частью общегосударственной мемориальной политики, были направлены на поддержание официального дискурса в северо-западных губерниях, основу которого составляла идея «русского культурного первенства».

Ключевые слова:
Российская империя; Северо-Западный край; политика памяти; историческая политика; символическая политика; коммеморация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the commemorative practices implemented by the Russian authorities in the Northwestern region at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, which were a key element of the integrative strategy of ‘soft power’. The formation of a memorial concept based on the idea of the ‘original Russian identity’ of the region and the ‘restoration’ of the lost unity with the core of Russia is analyzed. The article provides a detailed examination of the complex of memorial events associated with the commemoration of Saints Cyril and Methodius, Empress Catherine II, and Vilnius Governor-General M. N. Muravyov, whose activities were linked to the region’s integration into the Russian cultural and civilizational space. Special attention is given to the ideological foundations and intellectual support of anniversary celebrations aimed at asserting the dominant values of Russian political culture in the public sphere. It is concluded that these commemorative practices served as a significant element of symbolic politics by the authorities, aimed at affirming Russia’s moral right to govern and acculturate these territories based on Russian civilizational principles. It is noted that these events, which were part of the overall state memorial policy, were aimed at maintaining the official discourse in the Northwestern provinces, with the idea of ‘Russian cultural primacy’ as its foundation.

Key words:
Russian Empire; Northwestern region; memory politics; historical politics; symbolic politics; commemoration.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков

© Крот М. Н., Завьялова О. О., 2023

1. Введение = Introduction

После подавления Январского восстания 1863—1864 годов западные окраины Российской империи стали ареной борьбы конкурирующих исторических нарративов, обосновавших политическую принадлежность данных территорий к польскому или российскому цивилизационному пространству. Центральное место в политике памяти, проводимой в регионе, занимал концепт его «исконной русскости» и «восстановления» утраченного единства данной территории с коренной Россией.

В конце XIX — начале XX веков политика исторической памяти являлась значимой составляющей интегративной стратегии «мягкой силы», реализуемой в западных регионах Российской империи [Крот, 2022]. Мемориальные мероприятия российских властей были направлены на утверждение в публичном пространстве ценностных доминант имперской политической культуры и ее позитивного символического капитала [Бурдье, 2007, с. 95]. Его основу составлял комплекс идейных, духовных и ценностных установок, способных привить местному населению осознание принадлежности к русской территории и чувство сопричастности к историческому развитию Российского государства, провозглашавших незыблемость государственного порядка и нерушимость авторитета и силы верховной власти русского монарха. Отбор и ретрансляция событий регионального прошлого, их репрезентация под определенным углом зрения выступали интеллектуальными инструментами «конструирования» символического пространства Северо-Западного края и одновременно одним из способов его познания. Перефразируя выражение А. Н. Уайтхеда, в формируемом символическом капитале российская администрация в Северо-Западном крае «искала символ власти, чтобы выразить себя» [Уайтхед, 1999, с. 46].

Государственная мемориальная политика, направленная на формирование единого пространства памяти, сближавшего центр и западные окраинные регионы, выступала одним из действенных способов преодоления атомизации и фрагментарности в таком сложносоставном и гетерогенном

CC BY

государстве, как Российская империя. Она включала как отдельные коммеморативные практики, закреплявшие и передававшие память о прошлом в общественном сознании путем актов «социальной солидаризации» [Мегилл, 2007, с. 116], так и создание институционально-организационных форм и площадок: музеев, памятников, просветительских обществ, — посредством которых могла происходить ретрансляция и популяризация памяти о прошлом в публичном пространстве. Указанные мемориальные практики, связанные с политическим использованием истории, были направлены на поиск «символической стабильности» в прошлом, способной придать ощущение цели в настоящем [Vázquez-Liñán, 2017, p. 78].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отдельные аспекты политики памяти в Российской империи, реализуемой на западных окраинах, ранее становились предметом научных исследований, посвященных истории проведения юбилейных торжеств и празднеств в контексте выстраивания единого государственного пространства в социокультурной и религиозной сферах. Мероприятия российских властей по формированию коллективной исторической памяти о виленском генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве как символе русской власти в своей работе рассмотрел белорусский исследователь А. Ю. Бендин [Бендин, 2017, с. 5—6]. Другой белорусский историк В. Н. Черепица проанализировал значение юбилейных торжеств, связанных с восстановлением Виленского собора Пречистой Божией Матери в честь ее Успения, для укрепления позиций православной веры в Северо-Западном крае [Черепица, 2012]. Коммеморативные практики, направленные на символическое присвоение и русификацию городского пространства Вильны, рассмотрел в статье российский исследователь М. Д. Долбилов [Долбилов, 2017]. В своей работе он уделил внимание формированию «амбивалентной символичности» города, конструированию его «русских образов» во второй половине XIX века в контексте правительственной интегративной политики на западных окраинах империи и распространения российского политического дискурса. О «мании юбилеев» в период правления Александра III как способе вызвать у подданных чувство лояльности к правящей династии писал Р. Уортман, рассматривавший отдельные приемы символической репрезентации власти и «воскрешения давнего прошлого» на фоне русификации и внедрения национального мифа [Уортман, 2004, с. 322—326]. В своем исследовании литовский историк Д. Сталюнас назвал мемориальные практики российских властей рубежа XIX—XX веков «символическим захватом пространства», наиболее ярко проявившимся во время торжеств, связанных с установлением памятника М. Н. Муравье-

CC BY

ву в Вильне в 1898 году. По его мнению, данное событие было призвано концептуализировать в официальном российском дискурсе представление о Северо-Западном крае как о русской «национальной территории» [Сталюнас, 2022, с. 110—114].

Однако в исследовательской литературе в настоящее время отсутствуют попытки провести комплексный анализ основных направлений государственной мемориальной политики в западных регионах в конце XIX — начале XX веков в контексте реализации стратегии «мягкой силы», связанной с системным использованием имперской администрацией неконфликтных интегративных методов.

В ходе проведения исследования были использованы архивные материалы Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), отражающие особенности реализации мемориальной политики в Северо-Западном крае в рамках организации торжественных мероприятий, посвященных чествованию наиболее значимых юбилейных дат, выстраивающих концепцию неотъемлемой принадлежности региона к российскому государственному пространству. Также к исследованию привлечены материалы региональной периодической печати, детально освещающие подготовку, проведение и идейную направленность наиболее значимых коммеморативных практик, проводимых в регионе в конце XIX — начале XX веков.

В качестве теоретико-методологической основы работы использовался конструкт «символическая политика», под которым современные исследователи понимают «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова и др., 2021, с. 11]. Исходя из данной позиции, политика памяти выступает частным случаем символической политики. В качестве одного из методологических приемов использовался дискурс-анализ газетных материалов, направленный на выявление элементов государственного интегративного концепта и особенностей конструирования ключевых символов российской национальной политики в Северо-Западном крае.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Православно-славяно-русский» юбилей: памятные мероприятия в честь Свв. Кирилла и Мефодия

В последние десятилетия XIX века на первый план выходит национальная основа политической культуры российского самодержавия, что вело к актуализации содержательного наполнения и позиционирования господствующих политических идеалов и ценностей, направленных на репрезентацию Российской империи как национальной монархии [Уортман, 2004, с. 349]. Государственная мемориальная политика, проводимая прави-

CC BY

тельством в этот период в западных окраинных регионах, была направлена на «закрепление» их в составе российского национально-государственного пространства и распространения среди местного населения общероссийского патриотизма. В это время формируется мемориальная концепция, включавшая в себя три символические вехи, связанные с приобщением Северо-Западного края к России.

Первая из них была связана со становлением единого культурно-языкового и религиозного пространства, которое рассматривалось как результат деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, игравших особую роль в символическом капитале Российской империи. С начала 1860-х годов в контексте актуализации кирилло-мефодиевской тематики в христианских странах образы святых первоучителей были призваны воплотить идею политического и религиозного всеславянского единения под эгидой России, своеобразно преломлявшуюся на территории западных окраинных регионов. В 1870—1880-е годы в ответ на «присвоение» в политических целях римско-католической церковью кирилло-мефодиевского наследия в символическом пространстве Российской империи имена Свв. Кирилла и Мефодия становятся знаменем борьбы против католицизма, значимыми элементами символической политики российских властей.

Инициированные Римской Церковью в Велеграде пышные юбилейные торжества, приуроченные к 1000-летию кончины Св. Мефодия 6 апреля 1885 года, названные в русской печати «демонстрацией против России и православия» [Велеград, 1885, с. 134], вызвали ответные меры по организации широкого празднования этой юбилейной даты во многих городах и селах Российской империи, ответственным за которые был назначен Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. В своем письме к Александру III от 3 апреля 1885 года он особо подчеркивал значимость масштабного торжества в контексте борьбы с латинской пропагандой, отмечая его особую роль в деле укрепления «чувства национальности и понятия о просвещении, связанном с церковью» в сознании местного населения [Победоносцев, 1926, т. 2, с. 71]. С этой же целью Министерство народного просвещения признавало «весьма желательным» распространение в сельских школах Виленского учебного округа юбилейных сочинений, изданных в память тысячелетия со дня кончины Св. Мефодия [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 1714, л. 1].

Коммеморативные практики кирилло-мефодиевского юбилея в России имели ярко выраженную антикатолическую риторику и были направлены на усиление чувств религиозной сопричастности и единения населения Западного края с остальной частью империи. Антикатолическое звучание праздника нашло отражение в торжественных речах, произнесенных 6 и 7 апреля 1885 года, в которых особо подчеркивалась «борьба смыслов»,

CC BY

развернувшаяся между православным и католическим славянством за чествование памяти Свв. Кирилла и Мефодия. В них отмечался «православно-славяно-русский» характер мефодиевского торжества [Речь П. Д. Мелиоранского, 1885, с. 167], артикулировалось право России «ревниво оберегать» наследство святых братьев. В речи ученого-историка А. В. Белецкого, занимавшегося изучением прошлого края, было отмечено, что именно верность заветам «славянских апостолов», выраженная в сохранении богослужения на родном языке, позволила народным массам сохранить чистоту веры в период унии, поддерживая в них сознание духовной близости с Восточной Русью и православной церковью, что являлось залогом прочного единения Северо-Западного края с Россией и в современный период [Речь А. В. Белецкого, 1885, с. 154]. В торжественных речах также подчеркивалась значимость просвещения народа в религиозно-церковном духе в рамках расширения сети церковно-приходских школ [Анастасий Архимандрит, 1885, с. 149—150], что закрепляло в общественном сознании идею о покровительстве солунских братьев народному образованию.

Публичные массовые чествования «тружеников славянского слова» имели подчеркнуто православный характер и должны были подтвердить статус северо-западных окраин как земель «православного славянства», а также укрепить имперскую идеологию и поддержать политику формирования национально-религиозного самосознания среди местного населения. Так, в тематических статьях «Литовских епархиальных ведомостей» отмечалось, что при проведении в Вильне торжественных богослужений 6 апреля 1885 года городские церкви были переполнены воспитанниками учебных заведений, а вся соборная площадь перед Пречистенским собором и прилегающие к ней улицы были заполнены людьми не только православного, но лютеранского и католического вероисповеданий [Вильна, 1885, с. 133; Празднование…, 1885, с. 140—141; Мефодиевское торжество…, 1885, с. 166]. В Литовской духовной семинарии торжественную речь, содержавшую подробный рассказ о просветительской миссии солунских братьев в Моравии, произнес видный историк-западнорусист П. Н. Жукович. В ней он подчеркнул общеславянское значение праздника и назвал память о Св. братьях «пунктом» взаимного духовного единения славян [Речь на акте…, 1885, с. 148].

Актуализация историко-культурного и духовного наследия, связанного с деятельностью Свв. братьев Кирилла и Мефодия, на территории Северо-Западного края имела особое государственное значение и была направлена на конструирование и утверждение общерусской идентичности, где основными объединяющими элементами выступали русский язык, грамотность и образование. Транслируемые в рамках юбилейного торжества ценности кирилло-мефодиевский традиции — миролюбие и «неизменная

CC BY

верность» — выступали основой историко-культурных мотиваций при реализации интегративной стратегии «мягкой силы» Российской империи.

3.2. «Отторженная возвратих»: особенности меморизации исторических заслуг Екатерины II в Северо-Западном крае

Одной из ключевых фигур западнорусского исторического нарратива и вследствие этого важнейшим объектом официальной политики меморизации стала императрица Екатерина II, деятельность которой в официальной историографии трактовалась как восстановление «естественного» права России на управление и «цивилизацию» Северо-Западного края посредством русского культурного кода в полном соответствии с провозглашенным императрицей девизом «Отторженная возвратих» [Коялович, 1884. с. 306].

Для российских властей особенно важно было внедрить данную оценку заслуг Екатерины II в сознание молодого поколения, вследствие чего основным рычагом интеллектуального воздействия становились мероприятия, проводимые в образовательных учреждениях. Так, руководство Виленского учебного округа инициировало проведение в ноябре 1896 года серии памятных мероприятий в подведомственных ему учебных заведениях, приуроченных к столетней годовщине смерти императрицы. Они в обязательном порядке должны были включать в себя не только торжественные богослужения и панихиды, но и лекции и беседы с учащимися, в которых разъяснялась и подчеркивалась бы особая «благодетельная» роль царствования Екатерины II для Северо-Западного края [НИАБ, ф. 458, оп. 1, д. 194, л. 4]. Конкретизируя содержание этой роли, глава учебного округа Н. А. Сергиевский указывал на необходимость внедрения в сознание учащихся представления о том, что именно благодаря государственной мудрости императрицы удалось «порвать узы, насильственно привязавшие русский Северо-Западный край к Польше, и получить возможность развиваться под охраной русских законов в мире и спокойствии, в сближении с остальной Россией, от которой он был отнят некогда нечастными обстоятельствами» [Там же, л. 1 об.]. Примечательно, что идеологическая установка «Отторгнуты насилием, воссоединены любовью», первоначально сформулированная в 1839 году в отношении воссоединения униатской церкви с православием, теперь фактически распространялась на воссоединение западных окраин с Россией.

В соответствии с данным тезисом выстраивалась концептуальная основа чествования Екатерины II во время открытия памятника императрице 10 сентября 1904 года в Вильне, проходившего в чрезвычайно торжественной обстановке, чему способствовало присутствие значимого представителя императорской фамилии, брата императора Николая II, Великого князя Михаила Александровича [Вильна, 1904, с. 1]. Памятник был исполнен уроженцем Вильны — знаменитым скульптором М. М. Антокольским, кото-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

рый, по словам князя В. И. Друцкого-Любецкого, обладал «русским духом и глубоким чувством русского патриотизма» [К открытию памятника…, 1904, с. 2]. В газетных публикациях, приуроченных к открытию памятника, отмечалось, что Екатерина II призвала население края к культурной и свободной жизни [История сооружения …, 1904, с. 2], «доброе, порядочное, правосудное, снисходительное, кроткое и человеколюбивое управление» императрицы, не желавшей кардинально менять сложившийся в крае порядок, противопоставлялось «анархии республики польской» [Вильна, 1904, с. 1].

К открытию памятника Екатерине II в Вильне был приурочен целый комплекс мероприятий, проводимых в учебных заведениях всех типов, включавший в себя публичные чтения, лекции, литературно-вокальные вечера, в ходе которых должно было всячески подчеркиваться «благодетельное значение царствования Екатерины II для Северо-Западного края, воссоединенного с Россией» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2921, л. 3—5]. Создаваемая атмосфера «любви» и заботы о народных нуждах, окружавшая конструируемый официальной исторической мифологией образ императрицы, должна была проецироваться на государственные основы в целом, лояльность и служение которым признавалось священным долгом каждого настоящего патриота своей страны и своего края.

3.3. «Усмиритель» Северо-Западного края: чествование памяти виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева

Наиболее знаковым символом власти в регионе стала фигура виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, с именем которого еще при жизни связывались «умиротворение» края во время Январского восстания 1863—1864 годов, активное противодействие «пришлому» польскому засилью и «спасение исконных русских начал», находившихся в угнетенном состоянии. Образ Муравьева идеально воплощал в себе главные духовные константы русской власти, могущественной и грозной, но справедливой и заботящейся о нуждах простого народа. В сознании западнорусской общественности и части бюрократии сформировалось представление о «муравьевских заветах» как символических критериях следования принципам «русского дела» в крае, в соответствии с которыми оценивалась деятельность того или иного администратора.

Политика меморизации знаковой для всего Северо-Западного региона фигуры, наиболее ярким выражением которой стало торжественное открытие в 1898 году памятника М. Н. Муравьеву в Вильне, имела большое символическое значение не только в плане признания окончательной победы проводимых им «русских начал», но и в смысле демонстрации благотворного влияния его деятельности на весь край, переведенный благодаря решительным действиям российского администратора на путь мирного

CC BY

развития и процветания в рамках единого государственного пространства. К концу XIX века благодаря усилиям российской власти и общественности фигура М. Н. Муравьева вошла в пантеон исторических героев, стоявших у истоков формирования в регионе общерусской идентичности, понимаемой как цементирующая основа органично построенной империи.

Закладка памятника графу М. Н. Муравьеву 3 октября 1897 года по времени совпала с совершением благодарственных молебнов по случаю 300-летия существования Виленского Свято-Духовного Братства, ставшего во второй половине XIX века символом исторической борьбы в крае с засильем полонизма и латинства. Панихиды в учебных заведениях Виленского учебного округа по случаю закладки памятника сопровождались выступлениями преподавателей и директоров с речами, содержавшими сведения об исторических заслугах «выдающего деятеля Северо-Западного края», а также заслушиванием исторического очерка об основании Виленского Свято-Духовного Братства и его деятельности «в пользу православия» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2128, л. 1, 4—4 об.]. Актуализация образа графа М. Н. Муравьева «как патриота и как охранителя православия в Западном крае» в общем государственном дискурсе соединялась с «великими подвигами» членов Свято-Духовного братства, совершенными для защиты православия в крае от папства и унии [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2128, л. 6 об.].

Открытие памятника М. Н. Муравьеву и подготовительная работа по обустройству муравьевского музея послужили информационным поводом к публикации в местной периодической печати тематических статей о жизни и деятельности российского администратора по умиротворению и благоустройству края [Последний год…, 1898, с. 2; Слияние Белоруссии…, 1898, с. 2; Подвиг графа…, 1898, с. 2; Памяти гр…., 1898, с. 2; Распоряжения графа…, 1898, с. 417]. На страницах ведущей русской газеты Северо-Западного края «Виленский вестник» развернулась масштабная информационная кампания, посвященная данному событию. В рамках специально созданного отдела «Накануне открытия памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву в г. Вильне» в течение нескольких месяцев подробно освещались различные стороны государственной детальности генерал-губернатора, направленные на укрепление русских государственных начал в крае [Накануне открытия…, 1898].

Главная инициатива в создании памятника графу М. Н. Муравьеву принадлежала виленскому генерал-губернатору И. С. Каханову, на основании всеподданнейшего доклада которого в 1891 году император Александр III дал согласие открыть подписку для сбора средств на его сооружение в Вильне. Одновременно с этим был создан комитет, занимавшийся сбором средств и выработкой концепции монумента. На первом заседании

CC BY

комитета, состоявшемся 25 апреля 1891 года, было разработано воззвание, призывавшее к пожертвованиям на сооружение памятника, в котором артикулировался концепт «восстановления» в символическом пространстве Северо-Западного края «древне-вековых святынь православия», свидетельствующих о его неразрывной исторической связи с центральной Россией [Как создался…, 1898, с. 3].

Памятник М. Н. Муравьеву был торжественно открыт в Вильне 8 ноября 1898 года. В речах, посвященных данному событию, подчеркивалось единение ревнителей русского дела в общем чествовании всей русской землей памяти «умиротворителя Северо-Западного края» [К торжеству…, 1898], которая в публичном акте «вспоминания» и переосмысления должна «очиститься» от клеветы и ненависти врагов России [Речь…, 1898, с. 1—2]. В приветственном слове уроженца края историка-слависта П. А. Кулаковского Муравьев был назван «продолжателем собирателей Русской земли», одним из творцов единения русского народа, что помещало его образ в одно символическое поле с образом Екатерины II, также названной «собирательницей» русских земель [К торжеству…, 1898, № 246, с. 3].

Следует согласиться с историком Т. Р. Уиксом, утверждавшим, что в официальном дискурсе, созданном в контексте коммеморативных практик по чествованию памяти М. Н. Муравьева, не было открытой антипольской риторики [Weeks, 1999, p. 558]. Особенно ярко это было выражено в речи В. В. Комарова, произнесенной на ужине 8 ноября 1898 года в виленском дворянском клубе, в которой подчеркивалось, что образ Муравьева воплощает «не вражду племенную, не разлад общественный, не ссору братскую… но успокоение и мир» [Речь В. В. Комарова..., 1898, с. 2]. Комаров, являвшийся бывшим сотрудником Муравьева, состоявшим в 1863—1864 годах при виленском генерал-губернаторе для особых поручений, лаконично выразил главный символический посыл, для выражения которого сооружался памятник: «Вековая статуя М. Н. Муравьеву не есть памятник борьбы, но памятник мира, не памятник злобы, — а согласия, так как это памятник торжества русской государственности в нашем Западном крае» [Там же].

Накануне открытия памятника в газете также публиковались воспоминания современников и тематические статьи, содержавшие положительную характеристику деятельности Муравьева по обустройству народных школ и распространению русской грамотности и культуры в северо-западных губерниях [Возрождение…, 1898, с. 2; Граф М. Н. Муравьев…, 1898, с. 1; У памятника…, 1898, с. 2; Насаждение…, 1898, с. 2], сведения, свидетельствующие о строгом, но справедливом отношении Главного начальника края к представителям местного общества [К открытию памятника…, 1898, с. 1]. В статьях подчеркивалось, что Муравьев являлся че-

CC BY

ловеком, уважавшим правду и истину, воевавшим не с польской нацией, а с мятежниками и крамольниками, выступившими против своего Государя. Отмечалось, что при подавлении мятежа он стремился действовать гуманно — вразумлениями и наставлениями, управляя мятежным краем без произвола и насилия [Прибытие в Вильну…, 1898, с. 1; Первые казни, 1898, с. 1]. Особо подчеркивалось попечительское отношение Муравьева к крестьянам края, которые спустя более 30 лет вспоминали о нем с благодарностью, раскрывалась его роль в решении крестьянского вопроса в Северо-Западном крае в русских национально-государственных интересах [Заботы гр. М. Н. Муравьева…, 1898, с. 1].

«Муравьевские» торжества превращались в значимое для всей России историческое событие, названное в одной из статей «Виленского вестника» «торжеством правды и русского национального достоинства», важным событием в контексте «государственно-политического единения» Литвы с Россией [Виленские отголоски, 1898, с. 2], сквозь призму которого происходило переосмысление основ русской национально-государственной идеологии, призванной в новых общественно-политических условиях сформировать общерусское сознание, свойственное всем жителям Российской империи.

В день открытия памятника в приходских и народных училищах края прошли торжественные панихиды, посвященные памяти М. Н. Муравьева, сопровождавшиеся выступлениями преподавателей с речами, содержавшими сведения об исторических заслугах «выдающего деятеля Северо-Западного края» и его роли в «обрусении Западного края, укреплении православия, просвещения и умиротворения края во время последнего польского мятежа» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2176, л. 1; д. 2128, л. 1, 3, 5—5 об., 6 об., 10].

В год открытия памятника помощник попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкий выступил с инициативой создания Муравьевского музея, мотивировав это не только стремлением к справедливой и объективной оценке заслуг русского администратора, которые стали забываться и искажаться, но и необходимостью основания «воспитательного учреждения, в котором может воспитаться в посетителях исторический смысл и истинное понимание задач, которые, по завету истории, должна выполнить Россия в крае» [Миловидов, 1901, с. 135]. Открытие музея для публичного посещения произошло в апреле 1901 года первоначально при Виленской публичной библиотеке, а затем по мере количественного роста материалов он был перемещен в отдельное здание, превратившись со временем в настоящее архивное хранилище, сотрудники которого вели активную археографическую работу, направленную на противодействие «искажению исторической правды» в отношении деятельности М. Н. Муравьева [Хотеев, 2017, с. 37—39].

CC BY

Некоторые представители западнорусской общественности на основе собственного опыта формировали образ М. Н. Муравьева и особое понимание его заслуг перед Северо-Западным краем. 17 апреля 1901 года перед освещением и открытием в Вильне музея графа М. Н. Муравьева священник Иоанн Котович, входивший в состав комиссии по его устройству, произнес торжественную речь, в которой напомнил собравшимся об идеях и заветах виленского генерал-губернатора, его «беззаветном служении» во благо России и «западнобелорусского» народа. В своей речи Котович определил одну из главных, но не очевидных функций музея — помочь посетителю в самоопределении, в осознании своих ценностей и идеалов. Он также очертил основное назначение не только открывающего музея, но и всей государственной коммеморативной «программы», направленной на увековечивание памяти о деятельности графа М. Н. Муравьева, состоящее, по его мнению, в том, чтобы вызвать у посетителей «высокое патриотическое чувство, лучшие впечатления и верные указания того, как надобно верой и правдой служить своему Государю и отечеству, как надобно изучать местную историю для верного понимания и направления своей деятельности» во благо «западнорусского» края [Котович, 1901, с. 123].

4. Заключение = Conclusions

Основная цель политики памяти в Российской империи на рубеже XIX — XX веков состояла в формировании единой государственной идентичности, по отношению к которой иные формы самоидентификации населения окраинных регионов — этнические, территориальные, конфессиональные — занимали бы подчиненное положение. Коммеморативные практики, выражавшиеся в чествовании выдающихся исторических личностей, чья деятельность была связана с концептом единения окраинных территорий вокруг имперского центра, были призваны доказать неправомерность польских притязаний на Северо-Западный край, легитимизировать право империи на владение ими и способствовать постепенному формированию у местного населения общерусского сознания.

Идейной основой коммеморативных практик российских властей являлось подтверждение морального права Российской империи на управление западнорусскими землями. В рамках концепции цивилизационного мессианства оно обосновывалось необходимостью преодоления «угнетенного» положения местного единоплеменного населения и его просвещения, окончательного преодоления «несчастных политических обстоятельств», в силу которых западные русские земли оказались в подчинении внешней инокультурной и иноверческой враждебной силы. Официальная мемориальная политика, неотъемлемой частью которой стало чествование

CC BY

исторических героев Северо-Западного края, была призвана возвеличивать российскую власть как защитницу «униженных и оскорбленных» народных масс вне зависимости от их этнической принадлежности от «крамольников», препятствующих мирному развитию региона, под защитой разумных и благодетельных российских законов. Вместе с тем государственная мемориальная концепция была направлена на поддержание официального дискурса в северо-западных губерниях, основу которого составляла идея «русского культурного первенства». Она также должна была способствовать утверждению идеи об успехе «русского дела» в крае и наличии его многочисленных сторонников, готовых и дальше стоять на защите русских интересов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Анастасий Архимандрит.* Речь, сказанная во время торжественного собрания в Литовской духовной семинарии, по случаю празднования тысячелетия со дня блаженной кончины св. Мефодия, просветителя славян / Архимандрит Анастасий // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 149—151.

2. *Велеград*, 25 марта (6-го апреля) // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 14. — 7 апреля. — С. 134.

3. *Вильна*, 6-го апреля // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 14. — 7 апреля. — С. 133.

4. *Вильна*, 10 сентября 1904 г. // Западный вестник. — 1904. — № 243 (800). — 10 сентября. — С. 1.

5. *Виленские* отголоски // Виленский вестник. — 1898. — № 245. — 7 ноября. — С. 2.

6. *Возрождение* русской начальной школы в г. Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 207. — 22 сентября. — С. 2.

7. *Граф* М. Н. Муравьев, как создатель русского театра в Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 227. — 16 октября. — С. 1.

8. *Заботы* гр. М. Н. Муравьева о крестьянах-землепашцах // Виленский вестник. — 1898. — № 242. — 4 ноября. — С. 1.

9. *История* сооружения памятника императрице Екатерине II в Вильне // Западный вестник. — 1904. — № 242 (799). — 9 сентября. — С. 2.

10. *Как* создался в г. Вильне памятник графу М. Н. Муравьеву // Виленский вестник. — 1898. — № 244. — 6 ноября. — С. 2—3.

11. *Котович И.* Речь, сказанная перед освещением и открытием музея гр. М. Н. Муравьева, 17 апреля 1901 года / И. Котович // Литовские епархиальные ведомости. — 1901. — № 16. — 22 апреля. — С. 123—124.

12. *К открытию* памятника графу М. Н. Муравьеву // Виленский вестник. — 1898. — № 241. — 3 ноября. — С. 1.

CC BY

13. *К открытию* памятника императрице Екатерине II. Речь почетного опекуна, шталмейстера князя В. И. Друцкого-Любецкого // Западный вестник. — 1904. — № 244 (801). — 11 сентября. — С. 1—2.

14. *К торжеству* 8-го ноября // Виленский вестник. — 1898. — № 246—251 ; № 254—258 ; № 262.

15. *Мефодиевское* торжество в г. Гродне // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 16—17. — 28 апреля. — С. 166—167.

16. *Накануне* открытия памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву в г. Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 190 ; № 207 ; № 209 ; № 215 ; № 220 ; № 238 ; № 242 ; № 244.

17. НИАБ — *Национальный* исторический архив Беларуси. Ф. 2507 (Витебская дирекция народных училищ Министерства народного просвещения). Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1714 ; Д. 2128 ; Д. 2176 ; Д. 2921.

18. НИАБ — *Национальный* исторический архив Беларуси. Ф. 458 (Дирекция народных училищ Минской губернии). Ф. 458. Оп. 1. Д. 194.

19. *Насаждение* русской школы в Северо-Западном крае // Виленский вестник. — 1898. — № 242. — 4 ноября. — С. 2.

20. *Памяти* гр. М. Н. Муравьева // Виленский вестник. — 1898. — № 245. — 7 ноября. — С. 2.

21. *Первые* казни и участие римско-католического духовенства в крамоле // Виленский вестник. — 1898. — № 215. — 1 октября. — С. 1—2.

22. *Празднование* тысячелетия со дня блаженной кончины просветителя славян св. Мефодия в Вильне 6—7 апреля // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 140—142.

23. *Прибытие* в Вильну генерала-от-инфантерии Муравьева 2-го // Виленский вестник. — 1898. — № 209. — 24 сентября. — С. 1.

24. *Победоносцев К. П.* Письмо от 3 апреля 1885 года / К. П. Победоносцев // Письма Победоносцева к Александру III : в 2 т. — Москва : Новая Москва, 1926. — Т. 2. — 384 с.

25. *Подвиг* графа М. Н. Муравьева // Виленский вестник. — 1898. — № 243. — 5 ноября. — С. 2.

26. *Последний* год жизни графа М. Н. Муравьева // Виленский вестник. — 1898. — № 237. — 29 октября. — С. 2.

27. *Распоряжения* графа М. Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863—1865 годах // Литовские епархиальные ведомости. — 1898. — № 45. — 8 ноября. — С. 417—421.

29. *Речь* действительного тайного советника И. П. Корнилова (б. попечителя виленск. уч. окр.), присланная к 8 ноября сего года // Виленский вестник. — 1898. — № 252. — 14 ноября. — С. 1—2.

30. *Речь* В. В. Комарова на ужине 8-го ноября в дворянском клубе, в г. Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 249. — 11 ноября. — С. 2.

31. *Речь* на акте П. Н. Жуковича // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 145—149.

32. *Речь* А. В. Белецкого, произнесенная 7-го апреля 1885 г. на вечере в зале виленского дворца // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 151—154.

33. *Речь* П. Д. Мелиоранского на мефодиевском акте народных училищ в Гродне // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 16—17. — 28 апреля. — С. 167—169.

CC BY

34. *Слияние* Белоруссии с общей единой Россией // Виленский вестник. — 1898. — № 239. — 31 октября. — С. 2.

35. *У памятника* графа М. Н. Муравьева // Виленский вестник. — 1898. — № 231. — 21 октября. — С. 2.

Литература

1. *Бендин А. Ю.* Михаил Муравьев-Виленский. Усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи / А. Ю. Бендин. — Москва : Книжный мир, 2017. — 416 с. — ISBN 978-5-9909785-8-4.

2. *Бурдье П.* Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-903354-054.

3. *Долбилов М. Д.* Город едва ли свой, но и не вовсе чуждый : Вильна в имперском и националистическом воображении русских (1860-е годы — начало XX века) / М. Д. Долбилов // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2 (144). — С. 60—76.

4. *Коялович М. О.* Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1884. — 349 с.

5. *Крот М. Н.* «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения…» : деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» / М. Н. Крот // История. — 2022. — Т. 13. — Выпуск (112). — DOI: 10.18254/S207987840018225-6.

6. *Малинова О. Ю.* Введение. Символическая политика / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. статей / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 7—37. — ISBN 978-5-94380-317-8.

7. *Мегилл А.* Историческая эпистемология / А. Мегилл ; пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. — Москва : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация, 2007. — 480 с. — ISBN 978-5-88373-I50-0.

8. *Миловидов А. И.* Муравьевский музей в Вильно / А. И. Миловидов // Виленский календарь на 1902 г. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1901. — С. 131—157.

9. *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи / Д. Сталюнас. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 376 с. — ISBN 978-5-4448-1826-8.

10. *Уайтхед А. Н.* Символизм, его смысл и воздействие / А. Н. Уайтхед. — Томск : Водолей, 1999. — 64 с. — ISBN 5-7137-0108-5.

11. *Уортман Р. С.* Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии : в 2-х т. / Р. С. Уортман. — Москва : ОГИ, 2004. — Т. 2 : от Александра II до отречения Николая II. — 796 с. — ISBN 5-94282-252-2.

12. *Хотеев А.* Музей памяти графа М. Н. Муравьева в Вильно (1901—1915 гг.) / А. Хотеев // Аспект. — 2017. — № 3 (3). — С. 36—40.

13. *Черепица В. Н.* «Литовские епархиальные ведомости» и западнорусизм [Электронный ресурс] / В. Н. Черепица // Западная Русь. — Режим доступа : https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/623--l-r.html (дата обращения 07.07.2023).

14. *Vázquez-Liñán M.* Historical memory and political propaganda in the Russian Federation / M. Vázquez-Liñán // Communist and Post-Communist Studies. — 2017. — Vol. 50. — № 2. — Pp. 77—86.

CC BY

15. *Weeks Th. R.* Monuments and Memory : Immortalizing Count M. N. Muraviev in Vilna, 1898 / Th. R. Weeks // Nationalities papers. — 1999. — Vol. 27. — № 4. — Pp. 551—564.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023,
одобрена после рецензирования 28.08.2023,
подготовлена к публикации 20.09.2023.

Material resources

A. V. Beletsky's speech delivered on April 7, 1885 at an evening in the hall of the Vilna Palace. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 15. April 14.* 151—154. (In Russ.).

Anastasius Archimandrite. (1885). A speech delivered during a solemn meeting at the Lithuanian Theological Seminary, on the occasion of the celebration of the millennium since the blessed death of St. Methodius, the enlightener of the Slavs. *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 15. April 14.* 149—151. (In Russ.).

Arrival in Vilna of the general-from-infantry Muravyov 2nd. (1898). *Vilna Bulletin, 209. September 24.* P. 1. (In Russ.).

At the monument of Count M. N. Muravyev. (1898). *Vilensky Vestnik, 231. October 21.* P. 2. (In Russ.).

Celebration of the millennium since the blessed death of the enlightener of the Slavs St. Methodius in Vilna on April 6—7. (1885). *Lithuanian Diocesan Gazette, 15. April 14.* 140-142. (In Russ.).

Count, M. N. (1898). Muravyev, as the creator of the Russian theater in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin, 227. October 16.* P. 1. (In Russ.).

For the opening of the monument to Empress Catherine II. Speech of the honorary guardian, stalmaster of Prince V. I. Drutsky-Lyubetsky. (1904). *Western Bulletin, 244 (801): 11 September.* 1—2. (In Russ.).

How the monument to Count M. N. Muravyov was created in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin, 244. November 6.* 2—3. (In Russ.).

In memory of gr. M. N. Muravyov. (1898). *Vilensky Vestnik, 245. November 7.* P. 2. (In Russ.).

Kotovich, I. (1901). The speech said before the lighting and opening of the museum of gr. M. N. Muravyov, April 17, 1901. *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 16. April 22.* 123—124. (In Russ.).

Methodiu's celebration in Grodno. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 16—17. April 28.* 166—167. (In Russ.).

NIAB — *National Historical Archive of Belarus. F. 2507 (Vitebsk Directorate of Public Schools of the Ministry of Public Education). F. 2507. Op. 1. d. 1714; d. 2128; D. 2176; D. 2921.* (In Russ.).

NIAB — *National Historical Archive of Belarus. F. 458 (Directorate of Public Schools of Minsk province). F. 458. Op. 1. D. 194.* (In Russ.).

On the eve of the opening of the monument to Count Mikhail Nikolaevich Muravyov in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin, 190; 207; 209; 215; 220; 238; 242; 244.* (In Russ.).

Orders of Count M. N. Muravyev on the case of public education in the North-Western Region in 1863—1865. (1898). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 45. November 8.* 417—421. (In Russ.).

Planting of the Russian school in the North-Western region. (1898). *Vilensky Vestnik, 242. November 4.* P. 2. (In Russ.).

Pobedonostsev, K. P. (1926). Letter of April 3, 1885. In: *Letters of Pobedonostsev to Alexander III: in 2 vols., 2.* Moscow: New Moscow. 384 p. (In Russ.).

Speech of P. D. Melioransky at the Methodius act of public schools in Grodno. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 16—17. April 28.* 167—169. (In Russ.).
Speech of the real privy councilor I. P. Kornilov (b. trustee of Vilensk. uch. okr.), sent by November 8 of this year. (1898). *Vilensky Vestnik, 252. November 14.* 1—2. (In Russ.).
Speech on the act of P. N. Zhukovich. (1885). *Lithuanian diocesan Vedomosti, 15. April 14.* 145—149. (In Russ.).
The concerns of gr. M. N. Muravyov about peasant farmers. (1898). *Vilensky Vestnik, 242. November 4.* P. 1. (In Russ.).
The feat of Count M. N. Muravyev. (1898). *Vilensky Vestnik, 243. November 5.* P. 2. (In Russ.).
The first executions and the participation of the Roman Catholic clergy in the sedition. (1898). *Vilna Bulletin, 215. October 1.* 1—2. (In Russ.).
The history of the construction of the monument to Empress Catherine II in Vilna. (1904). *Western Bulletin, 242 (799). 9 September.* P. 2. (In Russ.).
The last year of Count M. N. Muravyov's life. (1898). *Vilensky Vestnik, 237. October 29.* P. 2. (In Russ.).
The merger of Belarus with the common united Russia. (1898). *Vilensky Vestnik, 239. October 31.* P. 2. (In Russ.).
The revival of the Russian primary school in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin, 207. September 22.* P. 2 (In Russ.).
To the celebration of November 8th. (1898). *Vilensky Vestnik, 246—251; 254—258; 262.* (In Russ.).
To the opening of the monument to Count M. N. Muravyov. (1898). *Vilensky Vestnik, 241. November 3.* P. 1. (In Russ.).
V. V. Komarov's speech at the dinner on November 8th at the noble club, in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin, 249. November 11.* P. 2. (In Russ.).
Velegrad, March 25 (April 6). (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 14. April 7.* P. 134. (In Russ.).
Vilna echoes. (1898). *Vilna Bulletin, 245. November 7.* P. 2. (In Russ.).
Vilna, April 6. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti, 14. April 7.* P. 133. (In Russ.).
Vilna, September 10, 1904. (1904). *Western Bulletin, 243 (800). 10 September.* P. 1. (In Russ.).

References

Bendin, A. Y. (2017). *Mikhail Muravyev-Vilensky. The pacifier and reformer of the North-Western Edge of the Russian Empire.* Moscow: Book World. 416 p. ISBN 978-5-9909785-8-4. (In Russ.).
Bourdieu, P. (2007). *Sociology of social space.* Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya. 288 p. ISBN 978-5-903354-054. (In Russ.).
Cherepitsa, V. N. "Lithuanian diocesan vedomosti" and Western Russianism. *Western Russia.* Available at: https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/623--l-r. html (accessed 07.07.2023). (In Russ.).
Dolbilov, M. D. (2017). The city is hardly his own, but not at all alien: Vilna in the imperial and nationalist imagination of Russians (1860s — the beginning of the twentieth century). *New Literary Review, 2 (144):* 60—76. (In Russ.).
Khoteev, A. (2017). Museum of memory of Count M. N. Muravyev in Vilna (1901—1915). *Aspect, 3 (3):* 36—40. (In Russ.).
Koyalovich, M. O. (1884). *Readings on the history of Western Russia.* St. Petersburg: A. S. Suvorin Type. 349 p. (In Russ.).

Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021). Introduction. Symbolic politics. In: *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: collection of articles.* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 7—37. ISBN 978-5-94380-317-8. (In Russ.).

Megill, A. (2007). *Historical epistemology.* Moscow: "Canon+"; ROOI "Rehabilitation". 480 p. ISBN 978-5-88373-I50-0. (In Russ.).

Milovidov, A. I. (1901). Muravyevsky Museum in Vilna. In: *Vilna calendar for 1902.* Vilna: Type. A. G. Syrkin. 131—157. (In Russ.).

Mole, M. N. (2022). "Peaceful conquest of minds and hearts by the power of enlightenment...": activity of the Vilna department of the "Society of Zealots of Russian historical Enlightenment in memory of Emperor Alexander III". *History, 13 (112).* DOI: 10.18254/S207987840018225-6. (In Russ.).

Staljunas, D. (2022). *Poland or Rus? Lithuania as part of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 376 p. ISBN 978-5-4448-1826-8. (In Russ.).

Vázquez-Liñán, M. (2017). Historical memory and political propaganda in the Russian Federation. *Communist and Post-Communist Studies, 50 (2):* 77—86.

Weeks, Th. R. (1999). Monuments and Memory: Immortalizing Count M. N. Muraviev in Vilna, 1898. *Nationalities papers, 27 (4):* 551—564.

Whitehead, A. N. (1999). *Symbolism, its meaning and impact.* Tomsk: Aquarius. 64 p. ISBN 5-7137-0108-5. (In Russ.).

Wortman, R. S. (2004). *Scenarios of power: myths and ceremonies of the Russian monarchy: in 2 volumes, 2.* Moscow: OGI. 796 p. ISBN 5-94282-252-2. (In Russ.).

The article was submitted 12.07.2023;
approved after reviewing 28.08.2023;
accepted for publication 20.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Куликов С. В. Ведомство учреждений императрицы Марии и подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 года / С. В. Куликов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 393—410. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-393-410.

Kulikov, S. V. (2023). Department of Institutions of Empress Maria and Preparation of Fundamental State Laws on April 23, 1906. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 393-410. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-393-410. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-393-410

Ведомство учреждений императрицы Марии и подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 года

Куликов Сергей Викторович
orcid.org/0009-0000-3829-3150
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела новой истории России
sergeykulikov70@mail.ru

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Department of Institutions of Empress Maria and Preparation of Fundamental State Laws on April 23, 1906

Sergey V. Kulikov
orcid.org/0009-0000-3829-3150
PhD in History, Senior research scientist,
Department of Modern History of Russia
sergeykulikov70@mail.ru

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

© Куликов С. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается происходившее в 1905—1906 годы реформирование государственного строя Российской империи, завершившееся изданием Основных государственных законов 23 апреля 1906 года, которые подвели итоги предыдущих преобразований и стали первой отечественной действующей конституцией. Отмечается, что на завершающем этапе подготовки Основных законов возникла проблема встраивания в новую политическую реальность Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии. Подчеркивается, что через Опекунский совет проходили законодательные меры, касавшиеся этого Ведомства, между тем, согласно новым Основным законам, все законодательные меры должны были проходить через Государственную думу и Государственный совет. В настоящей статье впервые в научной историографии на основе привлечения неизвестных ранее архивных материалов рассматривается то, как указанную проблему решали представители высшей царской бюрократии, непосредственно причастные к подготовке проекта Основных законов. Анализируются бюрократические практики и стратегии. Автор приходит к выводу, что указанные представители выступили в роли защитников принципов разделения властей и единства законодательного пути, будучи противниками закрепления в Основных законах законодательного характера Опекунского совета. Показано, что аналогичную позицию занял Николай II, это предопределило исключение им из окончательной редакции Основных законов статьи об Опекунском совете.

Ключевые слова:
Российская империя; Ведомство учреждений императрицы Марии; Опекунский совет; Государственная дума; Государственный совет; император.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the reform of the state system of the Russian Empire in 1905—1906, which culminated in the publication of the Fundamental State Laws on April 23, 1906, which summed up the previous reforms and became the first domestic constitution. It is noted that at the final stage of the preparation of the Fundamental Laws, there was a problem of integrating the Guardianship Council of the Empress Maria's Institutions into the new political reality. It is emphasized that legislative measures related to this institution were passed through the Guardianship Council, while according to the new Fundamental Laws, all legislative measures were supposed to go through the State Duma and the State Council. For the first time in scientific historiography, based on previously unknown archival materials, the article examines how representatives of the highest imperial bureaucracy, directly involved in preparing the draft Fundamental Laws, solved this problem. Bureaucratic practices and strategies are analyzed. The author concludes that these representatives acted as defenders of the principles of separation of powers and unity of the legislative path, opposing the inclusion of the Guardianship Council's legislative nature in the Fundamental Laws. It is shown that a similar position was taken by Nicholas II, which predetermined the exclusion of an article about the Guardianship Council from the final version of the Fundamental Laws.

Key words:
Russian Empire; Department of Empress Maria's Institutions; State Duma; State Council; Emperor.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:34(47)“1906”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Ведомство учреждений императрицы Марии и подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 года

© Куликов С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Одним из наименее изученных высших органов власти Российской империи является Собственная Его Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии — существовавший в 1828—1917 годах высший орган управления благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, которые находились под покровительством императриц, других представительниц Императорской фамилии и образовывали Ведомство учреждений императрицы Марии. Только в конце XX — начале XXI веков появились посвященные Мариинскому ведомству исследования М. Д. Ивановой и Д. И. Раскина [Иванова и др., 1998, с. 166—178], К. В. Степанец [Степанец, 1998, с. 174—182], С. И. Гаврюшина [Гаврюшин, 2002], Л. А. Жуковой [Жукова, 2003, с. 285—289], А. Р. Соколова [Соколов, 2005, с. 56—61; Соколов, 2006], Г. Н. Ульяновой [Ульянова, 2005, с. 208—219; Ульянова, 2008, с. 245—263], А. А. Хитрова [Хитров, 2006, с. 45—51; Хитров, 2008, с. 61—66], М. А. Гончарова [Гончаров, 2012, с. 167—172], Т. Г. Егоровой, О. Л. Лейкинда и Д. Я. Северюхина [Егорова и др., 2016, с. 150—152].

Из работ перечисленных историков, помимо прочего, следует, что ключевое положение в Мариинском ведомстве занимал учрежденный 11 декабря 1873 года Александром II Опекунский совет, который вплоть до Февральской революции 1917 года подчинялся непосредственно императору и был высшим законосовещательным учреждением Империи по всем возникавшим в этом Ведомстве законодательным, финансовым, хозяйственным и прочим вопросам. Опекунский совет состоял из Петербургского и Московского присутствий, причем первое из них рассматривало все вопросы по учреждениям Ведомства, расположенным в Петербурге и в губерниях, а второе — расположенным в Москве. В состав Опекунского совета входили: председатель — главноуправляющий Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии (по должности) и неопределенное число назначавшихся царем почетных опекунов. В Московском присутствии Опекунского совета пред-

CC BY

седательствовал один из почетных опекунов по старшинству в чине или по специальному назначению монарха, а во время его пребывания в Москве — главноуправляющий [Иванова и др., 1998, с. 172—174].

Своеобразная законодательная автономия Опекунского совета и Мариинского ведомства вообще, представлявшего собой своего рода государство в государстве, обеспечивалась тем, что оно обладало относительной финансовой обособленностью от Государственного казначейства. Подчиненные Собственной канцелярии учреждения были созданы главным образом на средства, пожертвованные представителями Императорской фамилии, а также частными лицами, причем эти средства предназначались жертвователями на специальные цели и ни на какое иное назначение обращаться не могли. Соответственно, расходы по содержанию таких учреждений покрывались прежде всего процентами с пожертвованных капиталов, а затем доходами от дарованных Мариинскому ведомству привилегий — от продажи игральных карт и от сбора с публичных увеселений. На 1 января 1905 года сумма его капиталов составляла более 128 млн руб., а в начале 1900-х годов годовой бюджет всех его учреждений достигал более 20 млн руб. [Егорова и др., 2016, с. 152]. Участие Государственного казначейства в общих расходах Мариинского ведомства исчерпывалось ежегодным отпуском 2 500 000 руб., однако и эта выдача была, в сущности, лишь возмещением прибыли Сохранной казны, также составлявшей привилегию Ведомства, которой оно лишилось в 1859 году при упразднении казны [Особые журналы…, 2011, с. 708].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Еще менее изучена проблема встраивания Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии в новую политическую реальность, возникшую после издания Основных государственных законов 23 апреля 1906 года, которые подвели итоги предыдущих преобразований и стали первой отечественной действующей конституцией. Рассмотрением этой проблемы занимались только В. М. Гессен [Гессен, 196, стлб. 1353—1357] и М. Ф. Флоринский [Флоринский, 1998, с. 210—216], а также отчасти — автор настоящей статьи [Куликов, 1998, с. 91—164].

В. М. Гессен, анализируя изменения, внесенные в подготовленный Советом министров под председательством графа С. Ю. Витте проект Основных законов Особым совещанием под председательством Николая II, заседавшим в апреле 1906 года, в частности, писал: «Изменения, внесенные Совещанием в проект Совета министров, проникнуты одной совершенно определенной тенденцией: стремлением к расширению полномочий верховной власти в ущерб и за счет полномочий законодательных учреждений»

CC BY

[Гессен, 1916, стлб. 1354—1357]. К числу таких изменений дореволюционный исследователь относил и статью 55, которая гласила: «Постановления по устройству и преобразованию установлений и заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии, а равно уставы и положения о сих установлениях и заведениях, издаются в порядке, определенном в уставе Опекунского совета учреждений Императрицы Марии, если только указанные постановления, уставы и положения относятся собственно к упомянутому ведомству, не касаются предметов общих законов и не вызывают нового из казны расхода. В сем последнем случае представление означенных постановлений, уставов и положений на высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита» [Там же]. В. М. Гессен полагал, что «общественное движение, направленное против проекта Совета министров», не прошло бесследно, поскольку в промежуток времени между уходом Витте с поста председателя Совета министров и утверждением Николаем II новых Основных законов, то есть между 20 и 23 апреля, «неизвестно, в каком порядке — их текст подвергается новому пересмотру», в результате чего «исключается из текста Основных законов статья 55 проекта Совещания об особом (вне-законодательном) порядке издания постановлений по Ведомству учреждений императрицы Марии» [Там же]. В дальнейшем будет видно, что не все выводы В. М. Гессена правильны, и это неудивительно, поскольку царские архивы за 1906 год были для него закрыты.

М. Ф. Флоринский первым из историков обратился к относящемуся к 1907 году, то есть к более позднему периоду, архивному делу «Об уточнении законосовещательных прав Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии в связи с образованием Государственной думы» [РГИА, ф. 1276 (Совет министров), оп. 2, д. 23] для изучения проблемы разграничения полномочий верховной власти и законодательных учреждений в период думской монархии. М. Ф. Флоринский справедливо полагал, что обозначившаяся в ходе преобразований 1905—1906 годов эволюция самодержавия в сторону конституционной монархии «в принципе угрожала существованию Ведомства императрицы Марии в качестве некоего государства в государстве с “отдельной законодательной организацией” и собственными финансами» [Флоринский, 1998, с. 211]. Осознавая это, главноуправляющий Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии генерал-лейтенант С. В. Олив «в апреле 1906 года попытался добиться внесения в обсуждавшийся тогда проект Основных законов статьи, призванной “подтвердить за Опекунским советом принадлежащие ему законодательные функции” и в отступление от общего правила дать монарху возможность санкционировать законопроекты по Ведомству

CC BY

императрицы Марии (если они не касались "предметов общих законов" и не требовали дополнительных ассигнований из казны) в обход обеих палат непосредственно по рекомендациям Опекунского совета. Усилия С. В. Олива, однако, — отмечал М. Ф. Флоринский, — успехом не увенчались. По-видимому, в итоге было сочтено нецелесообразным включать в Основные законы статью, которая могла послужить дополнительным поводом к обвинению власти в стремлении всемерно ограничить компетенцию народного представительства» [Там же]. Осторожность этого вывода предопределяется тем, что историк не обращался к делу «По пересмотру Основных государственных законов», в котором и хранятся документы, позволяющие сделать более определенные выводы [РГИА, ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях), оп. 1, д. 25].

Автор настоящей статьи в 1996 году опубликовал воспоминания П. А. Харитонова о создании Основных законов 1906 года, причем ценность этих воспоминаний обусловливается тем, что он, занимая тогда пост товарища (заместителя) государственного секретаря, являлся автором проекта Основных законов, ставшего фундаментом их окончательной редакции. Из воспоминаний Харитонова явствует, что 22 апреля 1906 года статью об Опекунском совете из проекта Основных законов собственноручно вычеркнул не кто иной, как Николай II [Куликов, 1998, с. 100—101]. В настоящей статье впервые в научной историографии проблема встраивания Опекунского совета в новую политическую реальность анализируется на базе привлечения неизвестных ранее документов из указанного выше дела [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Постановка вопроса о внесении в проект Основных законов статьи об Опекунском совете

Первоначально статья об Опекунском совете в проекте Основных законов отсутствовала, в том числе и вследствие того, что, как сообщал С. В. Олив С. Ю. Витте 16 апреля 1906 года, главноуправляющий Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии «не был приглашен на совещания по выработке всех законоположений, изменяющих существующий государственный строй, и не был осведомлен о ходе таковых законодательных работ» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 132об.—133]. Действительно, в феврале 1906 года в заседаниях Особого совещания под председательством Николая II, обсуждавшего, во исполнение Манифеста 17 октября 1905 года, проекты новых учреждений Государственной думы и Государственного совета, престарелый граф Н. А. Протасов-Бахметев, являвшийся

CC BY

на тот момент главноуправляющим, участия не принимал. П. А. Харитонов сообщал председателю Государственного совета графу Д. М. Сольскому 14 апреля 1906 года, что во время подготовки товарищем госсекретаря Манифеста 20 февраля 1906 года «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» член февральского Особого совещания В. В. Верховский, который в 1890—1896 годах, до своего назначения в Государственный совет, занимал пост товарища главноуправляющего Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии, спрашивал Харитонова о том, «кто должен возбудить вопрос об Опекунском совете». На это товарищ госсекретаря ответил, что «забота о Ведомстве Императрицы Марии лежит на главноуправляющем сим ведомством» [Там же, л. 95]. Однако 2 апреля 1906 года Протасов-Бахметев получил отставку, и исправляющим должность главноуправляющего был назначен Олив, которого, видимо, просто забыли ввести в состав Особого совещания под председательством Николая II по пересмотру Основных законов. Особое совещание заседало 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. Особое совещание обсуждало проект Основных законов, подготовленный Советом министров, причем источником данного проекта стал проект Государственной канцелярии, а источником последнего — проект, составленный Харитоновым по повелению царя [Куликов, 2013, с. 102—159]. По итогам Особого совещания Николай II возложил просмотр окончательной редакции проекта Основных законов на С. Ю. Витте, графа К. И. Палена, Д. М. Сольского, Э. В. Фриша, а также министра юстиции М. Г. Акимова.

Не случайно, что именно 13 апреля, на следующий день после последнего заседания Особого совещания, С. В. Олив писал С. Ю. Витте: «В изданных в последнее время законодательных актах, изменявших порядок направления и разрешения законодательных дел, не содержится никаких определенных указаний относительно положения Опекунского совета, как высшего государственного учреждения, обсуждающего все законодательные вопросы по Ведомству учреждений императрицы Марии» [РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 7, л. 170]. Вследствие этого и ввиду предстоявшего 27 апреля открытия Государственной думы Олив, предполагая войти со всеподданнейшим докладом о выяснении положения Ведомства в новых условиях, просил Витте уведомить его о том, не предполагается ли «какими-либо позднейшими законодательными актами, предшествующими, однако открытию Государственной думы», разрешить вопрос, интересовавший генерала, и, если не предполагается, то не встречается ли со стороны Витте препятствий к испрошению Оливом царского повеления об оставлении за Опекунским советом его законодательных функций в отношении возникающих в Мариинском ведомстве «вопросов, не имеющих общегосударственного значения,

CC BY

ввиду исключительного положения этого Ведомства, как находящегося под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств и содержащегося главным образом на собственные средства» [Там же, л. 170об.]. Пересылая Харитонову, который заведовал делопроизводством апрельского Особого совещания, письмо Олива от 13 апреля, Витте в тот же день обращался к товарищу госсекретаря: «Не следует ли что-либо поместить в Основные законы? Благоволите вернуть» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 85]. По сути дела, премьер выступил инициатором внесения в проект Основных законов новой статьи об Опекунском совете, и потому Харитонов понял суть письма генерала в том смысле, в каком сообщал товарищ госсекретаря Д. М. Сольскому 15 апреля, Олив «спрашивал, не содержится ли в Основных законах оговорки об Опекунском совете» [Там же, л. 102]. Между тем сам Олив понимал свою задачу скромнее, напоминая Витте 16 апреля, что в письме от 13-го просил его выяснить «отношение Опекунского совета, как высшего государственного учреждения для обсуждения всех возникающих в Ведомстве Императрицы Марии законодательных вопросов, к Государственной думе и Государственному совету» [Там же, л. 130]. Письмо Олива Харитонов вернул Витте 14 апреля [Там же, л. 85], когда представил премьеру и свои соображения относительно новой статьи проекта Основных законов, посвященной Опекунскому совету.

К письму С. Ю. Витте от 14 апреля П. А. Харитонов приложил текст пункта б) параграфа 28 Устава Опекунского совета 11 декабря 1873 года. Согласно этому пункту, Опекунский совет «представляет на Высочайшее благоусмотрение свои заключения», в том числе и «по вопросам о внесении в высшие государственные установления, а именно: Государственный совет, Комитет министров, Правительствующий Сенат и Святейший Синод тех законодательных дел ведомства, которые имеют связь с прочими частями государственного управления» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 89]. На основании данного текста Харитонов делал заключение, что законодательные дела Мариинского ведомства, если они имеют связь с прочими частями государственного управления, подлежат направлению в законодательном порядке. С изменением этого порядка, то есть после учреждения манифестами 17 октября 1905 года и 20 февраля 1906 года законодательных Государственной думы и Государственного совета, законодательные дела Ведомства, «конечно, должны будут подлежать вновь создаваемому порядку», однако ввиду особенностей Ведомства и «дабы не порывать связи с прошлым» надлежало, полагал Харитонов, по примеру Военного совета, о котором говорила статья 54 проекта Основных законов, ввести в них оговорку «о сохранении за Опекунским советом его прав и полномочий в отношении установлений и заведений Ведомства, кои содержатся на специальные его средства» [Там

CC BY

же, л. 86—86об.]. Впрочем, он отмечал, что «военное и морское дело — дело специальное, а едва ли вопросы, касающиеся благотворительности и воспитания и образования юношества составляют предметы специальные, ибо они ведаются подлежащими частями государственного управления — министерствами внутренних дел и народного просвещения» [Там же, л. 86 об.]. Единственным оправданием обособления Мариинского ведомства Харитонов считал «его собственные средства», хотя и это оправдание характеризовалось им как «довольно шаткое», ибо, по его сведениям, 40 % бюджета Ведомства — «деньги казенные», и потому «о делах, имеющих связь с прочими частями государственного управления, говорить неудобно» [Там же, л. 86 об.—87]. При составлении статьи об Опекунском совете Харитонов, по его признанию, придерживался выражений статьи 54 проекта Основных законов о военном законодательстве (в ней говорилось, что постановления Военного совета «не касаются предметов общих законов»), хотя, считал он, «нельзя сказать, чтобы это было бы вполне верно, ибо и ведомство Императрицы Марии касается общих предметов государственного управления — благотворительности и воспитания и обучения юношества» [Там же, л. 87]. «За всем тем при данных обстоятельствах, — подытоживал Харитонов, — ничего не остается, как дополнить Основные законы прилагаемым проектом статьи» [Там же]. Следовательно, товарищ госсекретаря попытался максимально сузить законодательные полномочия Опекунского совета, явно не сочувствуя сокращению в этой области полномочий Государственной думы и Государственного совета.

Проект статьи 54.1 Основных законов гласил: «Постановления по устройству и преобразованию установлений и заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии, кои содержатся на средства этого ведомства, а равно уставы и положения о сих установлениях и заведениях издаются в порядке, определенном в Уставе Опекунского совета учреждений Императрицы Марии, если только указанные постановления, уставы и положения относятся собственно к упомянутому ведомству, не касаются предметов общих законов и не вызывают нового из казны расхода. В сем последнем случае представление означенных постановлений, уставов и положений на Высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 90]. Ознакомившись с письмом Харитонова и проектом статьи 54.1, Витте сделал две карандашные пометы — на письме: «Благоволите доложить Его Величеству»; на проекте: «Читал. Витте» [Там же, л. 86, 90]. Таким образом, статья об Опекунском совете появилась в проекте Основных законов после апрельского Особого совещания, а не в результате его деятельности, как утверждал В. М. Гессен.

CC BY

3.2. Переговоры С. В. Олива с П. А. Харитоновым, Д. М. Сольским и Э. В. Фришем

После ответа премьера товарищ госсекретаря, перед тем как обратиться к Николаю II, решил условиться относительно редакции новой статьи непосредственно с С. В. Оливом, который вечером 14 апреля писал Харитонову: «Не откажите пожаловать ко мне на квартиру, Сергиевская 56, в 9 часов» [Там же, л. 92]. Во время встречи с генералом товарищ госсекретаря представил проект статьи 54.1. Первоначально Олив согласился с редакцией Харитонова [Там же, л. 102 об.], однако после встречи, все еще 14 апреля, отправил товарищу госсекретаря письмо, в котором, «обсудив внимательнее» текст статьи, признавал необходимым исключить из нее слова «кои содержатся на средства этого ведомства», как «ограничивающие компетенцию Опекунского совета в отношении заведений, субсидируемых казною или содержащихся на специальные средства (общественные, дворянские и частные)» [Там же, л. 93]. Необходимость такого исключения генерал мотивировал тем, что издание постановлений по устройству и преобразованию этих заведений в особом порядке внесло бы «нежелательное разнообразие в строй и в управление однородных по своим задачам заведений», тем более что последняя часть проектированной статьи предусматривала «компетенцию Государственной думы в отношении упомянутых заведений, в случае испрошения для них соответственного кредита» [Там же, л. 93 об.]. Харитонов ответил Оливу, что относительно редакции статьи 54.1 доложит Э. В. Фришу и Д. М. Сольскому и что «ввиду преувеличенных, по моему мнению, требований Ведомства Императрицы Марии, — сообщал товарищ госсекретаря председателю Госсовета 15 апреля, — ему, генералу Оливу, надлежит иметь личное объяснение с Вашим Сиятельством» [Там же, л. 102 об.]. В свою очередь Олив информировал С. Ю. Витте 16 апреля, что Харитонов рекомендовал генералу «переговорить» с премьером, а также Сольским и Фришем [Там же, л. 131]. Пока же вечером 14 апреля по итогам переговоров с Оливом к Сольскому обратился Харитонов. Отсылая председателю Госсовета проект статьи 54.1 в обеих редакциях, товарищ госсекретаря писал: «Прилагаемая статья составлена в последствие письма генерала Олива к графу С. Ю. Витте о будущем положении Опекунского совета» [Там же, л. 95]. На записке Харитонова Д. М. Сольский отметил: «Нельзя включать *без особого Высоч[айшего] повеления* (выделено автором. — *С. К.*)» [Там же]. Очевидно, что председатель Госсовета, как и товарищ госсекретаря, не испытывал энтузиазма от возможного сокращения прав народного представительства и расширения за счет него прав Опекунского совета.

На следующий день, 15 апреля, П. А. Харитонов сообщал председателю Госсовета, что по статье 54.1 С. В. Олив будет «объясняться сегод-

CC BY

ня во Дворце». На этом письме Д. М. Сольский сделал помету: «Видел ли хотя граф Витте и Э. В. Фриш ст. 54.1? Особенно с исключением слов в 3-й строке» [Там же, л. 98]. Между тем, очевидно, подразумевая в том числе и всеподданнейший доклад Олива, Николай II записал 15 апреля: «Имел три доклада» [Дневники императора Николая II…, 2013, с. 125]. Тогда же П. А. Харитонов информировал Сольского, что «полагал бы возможным включить в Основные законы проектированную мною статью об Опекунском совете без изменения, предлагаемого генералом Оливом» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 103]. Если бы по этому предмету состоялось соглашение Сольского, Э. В. Фриша, С. Ю. Витте, К. И. Палена и Олива о включении статьи 54.1, Харитонов планировал упомянуть во всеподданнейшем докладе, при котором проект Основных законов надлежало представить императору для их утверждения [Там же]. Тем временем, 15 апреля, по вопросу о статье об Опекунском совете Олив объяснился с Сольским и Фришем, причем «оба они, — сообщал генерал Витте на следующий день, — не признали возможным вносить в Основные законы какие-либо дополнительные постановления, касающиеся Ведомства Императрицы Марии» [Там же, л. 131—131 об.]. Таким образом, Сольский и Фриш выступили в роли защитников принципов разделения властей и единства законодательного пути и противников закрепления в Основных законах законодательного характера Опекунского совета.

Оппонируя Сольскому и Фришу, Олив обратился за поддержкой к Витте, которому писал 16 апреля, что отсутствие в Основных законах постановлений, регламентирующих автономное положение Мариинского ведомства в делах, не имеющих общегосударственного значения и не сопряженных с новыми ассигнованиями из казны, при внесении в указанные законы, наряду с этим, подробных правил, определяющих привилегированное положение других государственных учреждений, стоящих «так же близко к Особе Государя Императора», может создать «весьма неудобное положение» для Ведомства, состоящего «под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств, а в особенности для Государыни Императрицы, Августейшей его Покровительницы, как Главной его Начальницы» [Там же, л. 131 об.]. Сохранение «существующего строя» Ведомства представлялось Оливу «вполне справедливым», так как оно, преследуя благотворительные цели, содержится «главным образом на собственные средства». Сохранение же функций Опекунского совета, присвоенных ему по Уставу 11 декабря 1873 года, являлось бы, полагал генерал, «вполне соответствующим с положением Военного совета и Адмиралтейств-совета», за которыми «сохраняются их прежние функции по делам не общегосударственным, а специального характера»

CC BY

[Там же]. В силу приведенных соображений Олив признавал «безусловно необходимым» включение в Основные законы не только постановления, спроектированного П. А. Харитоновым, однако — в редакции генерала, но и особого правила, которое подчиняло бы определение устройства и порядка управления Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии непосредственно императору, подобно Императорскому двору и Удельному ведомству, ввиду того, что «все сии установления относительно своего управления находились до настоящего времени в аналогичных условиях» [Там же, л. 132]. На основании вышеизложенного Олив просил Витте оказать содействие в удовлетворении его ходатайства и о последующем уведомить его, дабы «я, — писал Олив, — имел возможность еще на этой неделе доложить Государыне Императрице Марии Федоровне о принятых в законодательном порядке мерах, ограждающих интересы Ведомства, а равно испросить указаний Ее Величества, для доклада Государю Императору, в случае, если бы встретились какие-либо затруднения по возбужденному мною вопросу» [Там же]. «Личный мой приезд к Вашему Сиятельству, — заканчивал свое письмо генерал, — в целях ускорения дела, представляется для меня в настоящее время невозможным по болезни» [Там же, л. 132 об.]. Болезненное состояние Олива было лишь одним из обстоятельств, не способствовавших успеху его ходатайства.

3.3. Достижение компромисса по статье об Опекунском совете и исключение ее Николаем II

В составленном 16 апреля проекте всеподданнейшего доклада П. А. Харитонов изложил историю статьи 55 (такой номер она получила к этому времени). Передавая мнение Д. М. Сольского и Э. В. Фриша, товарищ госсекретаря сообщал, что они не встречают препятствий для включения в проект Основных законов данной статьи, дабы сохранить в будущем прежнее положение Опекунского совета в отношении устройства и преобразования установлений и заведений Мариинского ведомства, которые содержатся на средства этого Ведомства, а также издания уставов и положений о них. Однако «далее этих предположений, — полагали Сольский и Фриш, дезавуируя претензии С. В. Олива, — идти невозможно», не нарушая объявленного манифестами 17 октября 1905 года и 20 февраля 1906 года начала, что никакой закон не может восприять силы без одобрения Государственной думы и Государственного совета [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 143 об.]. Единственным основанием, помимо исторических оснований, обособления Мариинского ведомства, в смысле изъятия благотворительных и учебных учреждений из ведения МВД и Министерства народного просвещения, сановники считали специальные средства Ведомства. Соответственно этому в статье 55 и указывалось на «установления

CC BY

и заведения, кои содержатся на средства Ведомства», чтобы устройство и преобразование именно их и впредь зависело от Опекунского совета [Там же, л. 144]. Что же касается приравнивания Собственной канцелярии по учреждениям императрицы Марии в отношении ее устройства и порядка управления к Императорскому двору и Удельному ведомству, то такое предположение, считали Сольский и Фриш, «едва ли оправдывается существующими положениями о Канцелярии» [Там же]. Она состояла под непосредственным ведением императора наравне с Собственной Его Императорского Величества Канцелярией и Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, которые в делах общего законодательства не изымались, однако, из ведения Государственной думы и Государственного совета. К такому изъятию не было оснований еще и потому, что, согласно статье 55, устройство и преобразование установлений Мариинского ведомства, в том числе и отдельных частей его Канцелярии, которые с несомненностью являлись установлениями Ведомства, и впредь зависели бы от Опекунского совета, чьи положения и после открытия 27 апреля Государственной думы восходили бы непосредственно на высочайшее воззрение, но при условиях, указанных в статье 55. По этим основаниям Сольский и Фриш полагали необходимым оставить ее без изменения, на котором настаивал Олив [Там же, л. 144 об.]. Об аргументации Сольского и Фриша Харитонов сообщил генералу особым письмом.

По причине своей болезни С. В. Олив 17 апреля поручил старшему чиновнику Собственной канцелярии по учреждениям императрицы Марии А. Е. Сурину доложить товарищу госсекретаря соображения генерала о статье 55 и дать необходимые объяснения по содержанию письма Харитонова. «Вполне соглашаясь с предложенной Вами редакцией нового закона, я, — писал Олив Харитонову в письме, сообщавшем о миссии Сурина, — убедительно прошу Вас докончить доброе отношение к Ведомству Императрицы Марии, согласившись исключить слова “кои содержатся на средства этого Ведомства”, в предупреждение могущих быть каких-либо превратных толкований» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 145]. В том же письме генерал просил товарища госсекретаря уведомить его официально о судьбе статьи 55 «не позже завтрашнего дня, для доклада Государыне Императрице», то есть Марии Федоровне [Там же, л. 145 об.]. Более того, Сурин заявил об отказе Олива «от сравнения Ведомства Императрицы Марии с Министерством Двора и уделов», что генерал подтвердил Харитонову письменно на следующий день [Там же, л. 146]. В ответ Д. М. Сольский, Э. В. Фриш и С. Ю. Витте, согласно помете товарища госсекретаря на письме Олива к нему от 17 апреля, согласились исключить из статьи 55 слова «кои содержатся на средства этого Ведомства» [Там же, л. 145]. Судя по всему, Сольский и Фриш пошли

CC BY

на компромисс и приняли первую претензию Олива ради нейтрализации его второй претензии, а также по причине того, что генерал сослался на вдовствующую императрицу. Принося Харитонову 18 апреля «глубокую благодарность за все сделанное для Ведомства Императрицы Марии», генерал заключал: «Редакция, предложенная Вашим Превосходительством, с исключением слов “кои содержатся на средства Ведомства”, вполне гарантирует интересы оного» [Там же, л. 146].

Представляя Николаю II 19 апреля окончательный проект Основных законов, П. А. Харитонов во всеподданейшем докладе сообщал, что вследствие писем С. В. Олива С. Ю. Витте в проект была внесена статья 55, закрепляющая положение Опекунского совета и приравнивающая его «в сущности к положению Военного и Адмиралтейств советов в отношении устройства и преобразования установлений и заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, разумея под такими заведениями ведомства не только те, кои полностью содержатся на его средства, но и те, кои содержатся с пособиями от казны, земств, городов и частных лиц» [Там же, л. 217 об.]. Харитонов информировал императора и о том, что с таким изложением этой статьи согласился Олив [Там же]. Однако, читая проект Основных законов, Николай II собственноручно вычеркнул статью 55 [Там же, л. 226], тем самым упрочив законодательные полномочия Государственной думы и Государственного совета. В. М. Гессен утверждал в 1916 году, что «эта поправка не имеет существенного значения», так как Мариинское ведомство «сохраняет доныне, как и в дореформенную эпоху, совершенно обособленное положение в отношении к другим установлениям центрального управления» [Гессен, 1916, стлб. 1357]. С этой точкой зрения согласиться нельзя, поскольку отсутствие статьи об Опекунском совете в Основных государственных законах 1906 года создавало возможность изменения его Устава в порядке не учредительного, а обычного законодательства, по инициативе народного представительства.

4. Заключение = Conclusions

В. И. Гурко сообщал, что будто бы уже после утверждения царем 23 апреля новых Основных законов, когда их сдали в Правительствующий Сенат для публикации, «из Царского Села было дано знать» новому председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, что «государь желает» зафиксировать в Основных законах в определенном размере не только смету Министерства Императорского двора, не подлежавшую, благодаря этому, обсуждению Государственной думы, но и смету Ведомства учреждений императрицы Марии, которая «также изъемлется из обсуждения законодательных учреждений» [Гурко, 2000, с. 549]. В данном случае Горемыкин

CC BY

якобы выказал «неожиданную твердость», заявив (непонятно — кому?!), что «никаких дальнейших изменений в Основных законах, коль скоро они переданы для опубликования в Сенат, произвести нельзя» [Там же].

Появление такого слуха было вызвано, судя по всему, тем, что С. В. Олив действительно пытался обеспечить сохранение статьи 55, обратившись к императрице Марии Федоровне. Генерал, информировал он П. А. Харитонова 24 апреля, доложил Марии Федоровне сообщенные товарищем госсекретаря «благоприятные для Ведомства Императрицы Марии сведения» о дополнении проекта Основных законов статьей об Опекунском совете. В связи с этим Олив просил уведомить его о том, состоялось ли окончательное утверждение царем проектированного дополнения и можно ли доложить Марии Федоровне, что «интересующее Ее Величество дело окончено в интересах Ведомства» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 267—267 об.]. В тот же день, 24 апреля, Харитонов, согласно его помете на письме генерала, ответил ему секретным письмом, в котором сообщал, что «соответствующая статья зачеркнута Собственноручно Государем Императором» [Там же, л. 267 об.]. Итак, несмотря на слухи, Николай II встал на сторону либеральных сановников.

Решая проблему встраивания Опекунского совета в новую политическую реальность, представители бюрократической элиты, ответственные за подготовку новых Основных законов (П. А. Харитонов, Д. М. Сольский, Э. В. Фриш), выступали в роли защитников принципов разделения властей и единства законодательного пути, будучи противниками закрепления в Основных законах законодательного характера Опекунского совета. Аналогичную позицию занял Николай II, что предопределило исключение им соответствующей статьи из окончательной редакции Основных законов. Тем самым император ограничил полномочия не только Опекунского совета, но и свои собственные, поскольку отныне статус этого совета мог изменяться в порядке обычного, а не учредительного законодательства, то есть по инициативе как монарха, так и Государственной думы и Государственного совета.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. — Москва : НЛО, 2000. — 808 с.

2. *Дневники* императора Николая II (1894—1918) : В 2 т.— Москва : РОССПЭН, 2013. — Т. 2, ч. 1. — 824 с.

CC BY

3. *Особые журналы* Совета министров Российской империи. 1906—1908 гг. 1907 год. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 862 с.

4. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 2. Д. 7. Дело о разработке проекта Основных государственных законов Российской империи ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 25. По пересмотру Основных государственных законов.

Литература

1. *Гаврюшин С. И.* Организационное устройство и деятельность ведомства учреждений императрицы Марии (1797—1917 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. И. Гаврюшин. — Москва, 2002. — 22 с.

2. *Гессен В. М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) / В. М. Гессен // Право. — 1916. — № 23. — Стлб. 1353—1357.

3. *Гончаров М. А.* Специфика организации и управления благотворительными педагогическими учреждениями Ведомства императрицы Марии / М. А. Гончаров // Наука и школа. — 2012. — № 3. — С. 167—172.

4. *Жукова Л. А.* Историографические вопросы изучения деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии (1797—1917 гг.) / Л. А. Жукова // Благотворительность в России. 2002 : Исторические и социально-экономические исследования. — Санкт-Петербург : Лики России, 2003. — С. 285—289. — ISBN 5-87417-161-4.

5. *Иванова М. Д.* Ведомство учреждений императрицы Марии / М. Д. Иванова, Д. И. Раскин // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. Высшие государственные учреждения. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — Т. 1. — С. 166—178.

6. *Егорова Т. Г.* Ведомство учреждений императрицы Марии / Т. Г. Егорова, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин // Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703—1918. Историческая энциклопедия. — Санкт-Петербург : Лики России, 2016. — С. 150—152. — ISBN 978-5-87417-519-1.

7. *Куликов С. В.* Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / С. В. Куликов // Русское прошлое. — 1998. — Кн. 8. — С. 91—164.

8. *Куликов С. В.* Неизвестный этап создания первой российской конституции : вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) / С. В. Куликов // Российская история XIX—XX вв. Государство и общество. События и люди. Сборник статей. — Санкт-Петербург : Лики России, 2013. — С. 102—159.

9. *Соколов А. Р.* История и перспектива создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к фондам Мариинского ведомства / А. Р. Соколов // Отечественные архивы. — 2005. — № 6. — С. 56—61.

10. *Соколов А. Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.) / А. Р. Соколов. — Санкт-Петербург : Лики России, 2006. — 647 с.

11. *Степанец К. В.* Николай I и Ведомство учреждений императрицы Марии / К. В. Степанец // Философский век : Россия в Николаевское время. Наука, политика, просвещение. Альманах. — Санкт-Петербург: Наука, 1998. — С. 174—182.

12. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. / Г. Н. Ульянова. — Москва : Наука, 2005. — 402 с. — ISBN 5-02-033509-6.

CC BY

13. *Ульянова Г. Н.* Материальные ресурсы российской благотворительности : недвижимая собственность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества / Г. Н. Ульянова // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2008. — С. 245—263.

14. *Флоринский М. Ф.* Верховная власть и законодательные палаты в России в период думской монархии (К вопросу о разграничении полномочий) / М. Ф. Флоринский // Россия в XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — С. 210—216.

15. *Хитров А. А.* Ведомство учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии / А. А. Хитров // Вестник РГУ им. И. Канта. — 2006. — Выпуск 12. Гуманитарные науки. — С. 45—51.

16. *Хитров А. А.* Опыт организованной благотворительности в России : Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII — начало XX в.) / А. А. Хитров // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — Выпуск 2. — С. 61—66.

Статья поступила в редакцию 06.08.2023,
одобрена после рецензирования 31.08.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

Diaries of Emperor Nicholas II (1894—1918). In 2 volumes, 2 (1). (2013). Moscow: ROSSPEN. 824 p. (In Russ.).

Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary.* Moscow: UFO. 808 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1276 (Council of Ministers). Op. 2. d. 7. The case of the development of the draft Basic State Laws of the Russian Empire. F. 1544 (meetings formed under the State Council to discuss the issue of state transformations). Op. 1. d. 25. On the revision of the Main State Laws.* (In Russ.).

Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1906—1908. 1907. (2011). Moscow: ROSSPEN. 862 p. (In Russ.).

References

Egorova, T. G., Lakind, O. L., Severyukhin, Ya. D. (2016). Department of institutions of Empress Maria. In: *Charity in St. Petersburg. 1703—1918. Historical encyclopedia.* St. Petersburg: Faces of Russia. 150—152. ISBN 978-5-87417-519-1. (In Russ.).

Florinsky, M. F. Supreme power and legislative chambers in Russia during the Duma monarchy (On the issue of the delimitation of powers). In: *Russia in the XIX—XX centuries. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the birth of R. S. Ganelin.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 210—216. (In Russ.).

Gavryushin, S. I. (2002). *Organizational structure and activity of the department of the institutions of Empress Maria (1797—1917).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Gessen, V. M. (1916). Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws). *Pravo, 23:* 1353—1357. (In Russ.).

Goncharov, M. A. (2012). Specifics of the organization and management of charitable pedagogical institutions of the Department of Empress Maria. *Science and School, 3:* 167—172. (In Russ.).

Ivanova, M. D., Raskin, D. I. (1998). Department of institutions of Empress Maria. In: *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917 Higher state institutions, 1.* St. Petersburg: Nauka. 166—178. (In Russ.).

Khitrov, A. A. (2006). Department of the institutions of Empress Maria in St. Petersburg and the St. Petersburg province. *Bulletin of the I. Kant Russian State University, 12. Humanities:* 45—51. (In Russ.).

Khitrov, A. A. (2008). The experience of organized charity in Russia: The Department of the institutions of Empress Maria (late XVIII — early XX century). *Bulletin of St. Petersburg University, 2:* 61—66. (In Russ.).

Kulikov, S. V. (1998). New materials for the history of the creation of the Fundamental State Laws of 1906. *Russian Past, 8:* 91—164. (In Russ.).

Kulikov, S. V. (2013). The unknown stage of the creation of the first Russian Constitution: around and inside the Meeting of the highest ranks of the State Chancellery (December 1905 — March 1906). In: *Russian History of the XIX—XX centuries. The state and society. Events and people. Collection of articles.* St. Petersburg: Faces of Russia. 102—159. (In Russ.).

Sokolov, A. R. (2005). History and prospects of creation and improvement of the scientific reference apparatus to the funds of the Mariinsky Department. *Domestic Archives, 6:* 56—61. (In Russ.).

Sokolov, A. R. (2006). *Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (the beginning of the XVIII — the end of the XIX century).* St. Petersburg: Faces of Russia. 647 p. (In Russ.).

Stepanets, K. V. (1998). Nicholas I and the Department of the institutions of Empress Maria. In: *Philosophical Century: Russia in the Nicholas time. Science, politics, education. Almanac.* St. Petersburg: Nauka. 174—182. (In Russ.).

Ulyanova, G. N. (2005). *Charity in the Russian Empire. XIX — early XX century.* Moscow: Nauka. 402 p. ISBN 5-02-033509-6. (In Russ.).

Ulyanova, G. N. (2008). Material resources of Russian charity: immovable property of the Department of the institutions of Empress Maria and the Imperial Humane Society. In: *Charity in the history of Russia. New documents and research.* St. Petersburg: Nestor — Istoriya. 245—263. (In Russ.).

Zhukova, L. A. (2003). Historiographical issues of studying the activities of the Department of the institutions of Empress Maria (1797—1917). In: *Charity in Russia. 2002: Historical and socio-economic studies.* St. Petersburg: Faces of Russia. 285—289. ISBN 5-87417-161-4. (In Russ.).

The article was submitted 06.08.2023;
approved after reviewing 31.08.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лагошина Н. А. Взаимодействие англичан и ирландцев как фактор ирландской миграции в XIV—XV веках / Н. А. Лагошина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 411—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-411-427.

Lagoshina, N. A. (2023). Interaction between English and Irish as a Factor of Irish Migration in 14th–15th Centuries. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 411-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-411-427. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-411-427

Взаимодействие англичан и ирландцев как фактор ирландской миграции в XIV—XV веках

Лагошина Наталия Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7712-3469
кандидат исторических наук,
преподаватель,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений
lagoshina@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Interaction between English and Irish as a Factor of Irish Migration in 14th–15th Centuries

Natalia A. Lagoshina
orcid.org/0000-0002-7712-3469
PhD in History, Lecturer,
Department of Foreign History
and International Relations
lagoshina@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Лагошина Н. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе анализа актов ирландского парламента, списков патентов и уставов английского короля, а также петиций автор выявляет основные направления взаимодействия англичан и ирландцев в XIV—XV веках, изучает привилегии прибрежных городов южной Ирландии. Устанавливаются факторы переселения. Уделяется внимание связям лендлордов, установленным благодаря клиентско-патронажным связям и земельным пожалованиям. Актуальность темы обусловлена недооценкой в историографии степени связей между Англией и Ирландии, которые являлись определяющим фактором в выборе страны для миграции, а также отсутствием работ по конкретной проблеме. Анализ источников продемонстрировал, что взаимодействие устанавливалось не только в сфере торговли и права, но также на культурном, бытовом уровне. Автор приходит к выводу о том, что активное развитие торговли на Ирландском море, распространение английского законодательства и языка помогали ирландцам быстрее адаптироваться в прибрежных городах Англии. Эмиграция ирландцев из четырех графств в Англию, в свою очередь, стимулировала внутреннюю миграцию коренных ирландцев в Дублин, Мит, Лаут и Кильдар.

Ключевые слова:
ирландская миграция в Средние века; взаимодействие ирландцев и англичан; ирландская колония; англизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the analysis of the acts of the Irish Parliament, patent lists and charters of the English king, as well as petitions, the author identifies the main directions of interaction between the English and the Irish in the 14th-15th centuries, and examines the privileges of coastal towns in southern Ireland. Factors of migration are established. Attention is paid to the connections between landlords, established through client-patronage relationships and land grants. The relevance of the topic is due to the underestimation in historiography of the degree of connections between England and Ireland, which were a determining factor in choosing the country for migration, as well as the lack of works on the specific problem. Source analysis demonstrated that interaction was established not only in the sphere of trade and law, but also at a cultural and everyday level. The author concludes that the active development of trade in the Irish Sea, the spread of English legislation and language, helped the Irish adapt more quickly in coastal towns in England. The emigration of Irish people from four counties to England, in turn, stimulated internal migration of native Irish to Dublin, Meath, Louth, and Kildare.

Key words:
Irish migration in the Middle Ages; interaction between the Irish and English; Irish colony; Anglicization.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(415)“13/14”

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Взаимодействие англичан и ирландцев как фактор ирландской миграции в XIV—XV веках

© Лагошина Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Факторы ирландской миграции традиционно связывают с внешними природно-климатическими изменениями эпохи позднего Средневековья, вспышками чумы и голодом XIV века. Немало важную роль в переселении ирландцев сыграли и внутренние предпосылки, связанные с развитием английской колонии и изменением статуса коренных ирландцев. Данная проблема является актуальной областью исследования среди зарубежных историков. В настоящее время особое внимание в историографии направлено на менталитет английских колонистов и их потомков в Ирландии, браки между англичанами и ирландцами [Booker, 2013, p. 219—250], феномен процветающей экономики гэльскоязычных владений [Gardiner, 2016, p. 229—262], а также проблему определения границ средневекового гэльского мира [Maginn, 2010, p. 173—190]. Как показывает Кристофер Магинн, культурные границы в средневековой Ирландии были более размыты, чем территориальные. Находясь в центре гэльской цивилизации, жители Пейля рассматривали Англию и Шотландию как разные части единого англоязычного мира, распространяя свое влияние по обе стороны Ирландского моря [Maginn, 2010, p. 175].

Новые направления в рамках британских исследований позволяют обнаружить более глубокие факторы английской колониальной политики в соседнем королевстве, детально рассмотреть характер колониального поселения [The British, 1988, p. 159] и изучить политику Вестминстера в Ирландии с точки зрения усиления английской власти в северо-западной Европе в эпоху позднего Средневековья [Frame, 2006, p. 435—453; Griffiths, 2007, p. 211—225; The English, 2013, p. 186]. Эти труды поставили под сомнение традиционные представления о слабости взаимодействия англичан и ирландцев в XIV и XV веках, а также об отставании английской колонии от военного и культурного возрождения гэльской Ирландии [Crooks, 2010, p. 1—34; Lydon, 2003, p. 121—177]. Выявление взаимосвязи между Ирландией и Англией позволяет установить глубокие внутренние причины ирландской миграции в Средние века.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящей статье исследуются основные направления взаимодействия ирландцев с англичанами в XIV—XV веках. Появление английской колонии на территории графств Дублина, Мита, Лаута и Кильдара создало благоприятные условия для знакомства англичан с местной культурой и налаживания контактов с жителями Ирландии. Исследовать степень связей английских поселенцев с гэльскими обществом и уровень ассимиляции позволяют акты ирландского парламента и петиции горожан прибрежных графств, испытавших тяготы междоусобных распрей знати.

Активизация торговли в Ирландском и Кельтском морях способствовала сближению бюргерской прослойки городов южной Ирландии и юго-западной Англии, объединению торговцев двух стран в коммерческих целях. Петиции торговцев Уотерфорда, хранящиеся в реестре документов короля Эдуарда, освещают особенности и объем англо-ирландской торговли, а также совместные торговые предприятия английских и ирландских купцов [Register, 1930, p. 131]. Изучить политику Англии в отношении городов южной Ирландии и привилегии, предоставленные короной портовым городам, позволяют уставы правлений [Statutes of the Realm, 1810, p. 634], списки патентов Ричарда II 1385—1389 годов [Calendar of the Patent, 1900, p. 814], а также меморандумы ирландского казначейства 1410-х и 1420-х годов.

Пожалование короной земельных владений английской и ирландской знати по обе стороны Ирландского моря привело к созданию прочных связей на высшем уровне. Заключение браков и установление клиентско-патронажных связей стимулировало приращение земель, о чем свидетельствуют списки протоколов королевского Совета в Ирландии [A Roll, 1877, p. 266].

Изучение взаимодействия англичан и ирландцев из прибрежных городов дает возможность выявить более глубокие связи между Ирландией и Англией в тот период. Сравнивая характер взаимоотношений жителей прибрежных городов с политическими окраинами, автор стремится по-новому взглянуть на природу англо-ирландских отношений эпохи Средневековья.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Развитие первой английской колонии: англизация и культурный обмен

Выбор территории графств Дублина, Мита, Лаута и Кильдара в качестве основного региона для изучения взаимодействия и культурного обмена англичан и ирландцев в настоящем исследовании был не случайным. Данная местность являлась домом английской общины, центром колониальной администрации и юрисдикции английского права. Необходимо учитывать, что границы ирландских графств, лояльных королю Англии,

CC BY

трудно очертить с уверенностью, так как регион был неоднородным, более обширным, чем черта оседлости, и не совпадал с географическими и политическими границами графств. Его главной характеристикой было значительное и растущее ирландское население. Определение статуса ирландцев, а также того, каким образом они ассимилировались, имеет важное значение для изучения культурного обмена и взаимосвязей коренных ирландцев с английской общиной.

Проблема взаимодействия английских колонистов с гэльским населения обсуждалась на колониальном парламенте 1366 года. Этот парламент издал ряд законов, в которых были выявлены проблемы, охватившие английское поселение спустя два столетия после завоевания Ирландии. Главной среди них был ущерб интересам Англии, вызванный готовностью некоторых колонистов вступить в союз с коренными ирландцами, которые считались врагами короля, с целью нападения на других английских сюзеренов [Statutes and ordinances, 1907, p. 430—469]. Пример этого явления произошел в следующем году, когда члены английского рода ле Поэров предприняли разрушительный штурм города Уотерфорд. Лидера семьи Ричарда, начавшего наступление совместно с гэльским кланом О'Дрисколл, именовали ирландским прилагательным «Великий». Возможно, это свидетельствует о его связи с местным обществом и культурной ассимиляции, однако у многих английских родов гэлизация проходила на лингвистическом уровне. Они нередко добавляли к именам ирландские прилагательные, такие как «светловолосый», «дон» или частицы ирландских фамилий, например «Мак». Данная практика свидетельствует об использовании ирландского языка в качестве основного, либо в креолизованной форме [Calendar of the Carew, 1867, p. 471].

Необходимо отметить, что ирландские семьи также носили англизированные имена, включая английские личные имена и фамилии, и ирландские фамилии без приставок «О» и «Мак». Использование английских имен поощрялось парламентом в Дублине, который в 1465 году постановил, чтобы каждый ирландец, проживающий в колонии, выбрал для себя английскую фамилию, созвучную названию города, такую как Саттон, Честер, Трим, Корк, Кинсейл; цвета: Уайт, Блэк, Браун; рода занятий: Смит (кузнец) или Карпентер (плотник); либо должности: Кук (повар), Батлер (дворецкий); чтобы он и его потомство могли носить это имя [Statute rolls, 1914, p. 291]. Закон также призывал коренных жителей четырех графств брить усы, говорить по-английски и носить английскую одежду, что связано с усилением антиирландской риторики в парламенте и желанием предотвратить гэлизацию английской общины [Booker, 2018, p. 47]. В этот же период издаются постановления, запрещающие смешанные браки. Это не значит, что все ирландцы реагировали непосредственно на статут, но процесс англизации,

CC BY

а также брачные союзы побуждали их менее сопротивляться английским порядкам. Фамилия *Уайт* была особенно популярна среди ирландцев, а также фамилии, связанные с профессиональной деятельностью, такие как *Смит* или *Тэйлор* (портной). В результате многие члены давно сложившихся ирландских семей выглядели и вели себя как их соседи-англичане. Распространенность смешанных браков указывает на то, что англичане и ирландцы взаимодействовали гораздо более мирно и дружелюбно, чем это описано в официальных документах, и что попытки ирландского парламента дистанцировать английскую общину в Ирландии от местного населения были в значительной степени безуспешны [Booker, 2013, p. 220].

Вторжение Брюса, Черная смерть и голод XIV века привели к обезлюдению колонии, и некоторые из выживших поселенцев мигрировали в Англию, чтобы воспользоваться экономическими возможностями, созданными там вследствие сокращения населения [Ellis, 1998, p. 21—22]. Ирландцы, знакомые с английской культурой, обладали преимуществами в новом обществе. Принятие ирландцами английских имен привело к тому, что некоторые люди, носившие английские фамилии, имели ирландское происхождение. Это необходимо учитывать при установлении этнической принадлежности поселенцев английских графств. В списках субсидий на иностранцев, предоставляющих разрешение на проживание в Англии в 1390—1440-е годы, часто фигурируют фамилии *Уайт, Браун, Бутчер* (мясник), *Смит, Тэлбот, Тейлор* (портной), которые скорее всего принадлежали ирландцам, прибывшим из территории оседлости.

Миграция жителей Дублина, Мита, Лаута и Кильдара в соседнее королевство, в свою очередь, давала стимул для внутреннего переселения гэльских ирландцев на территорию колонии. К началу XV века у них было много возможностей стать арендаторами, слугами, священнослужителями и торговцами в колонии, занимая должности, оставшиеся вакантными из-за смерти или эмиграции мужчин и женщин английского происхождения. У новых ирландских поселенцев обычно были менее англизированные имена, и можно предположить, что они были менее англизированы и на культурном уровне. Эти различные группы ирландского населения четырех графств значительно отличались по экономическому статусу и культурным признакам, но у них было общее ирландское происхождение, и, поскольку показатель этнической принадлежности все более выходил на первый план, их считали «ирландцами» [Booker, 2013, p. 226].

По мере развития английской колонии на территории Пейля шло активное внедрение в городскую жизнь четырех графств английских правовых норм и законодательства, а также культуры, образа жизни и языка. Ассимиляция проходила преимущественно на лингвистическом уровне и име-

CC BY

ла двустороннюю направленность. Использование языковых форм речи и иностранных имен было характерно как для английских колонистов, так и для коренных ирландцев. Однако это не приводило к трансформации идентичности. В XIV—XV веках ирландцы приобретали гранты английского права, в результате чего не становились автоматически «англичанами», в то время как английская знать могла говорить по-ирландски, что также не делало ее «ирландской». Кроме того, ирландцы колонии могли изменять имена, манеры и внешний вид из-за распространенного убеждения в том, что они были изначально враждебны англичанам, а также ограничений в законодательной сфере. Не вызывает сомнения то, что взаимодействие в культурной, правовой и языковой сферах расширяло границы ирландского мира в представлении жителей колонии, а также гэльских ирландцев, позволяя им успешно пересекать Ирландское море.

3.2. Роль городов южной Ирландии в налаживании связей с англичанами

Заметную роль в установлении связей с Англией сыграло городское население так называемой «второй черты оседлости», расположенной на юге острова и охватывающей районы Манстера, Уэксфорд и Уотерфорд. Среди прибрежных портов Англии, торговавших с Ирландией, выделялся Бристоль, так как имел наибольшее значение для экономического и политического развития ирландских городов [Childs, 1982, p. 5—33]. Если учесть географическую близость Бристоля и Уотерфорда, неудивительно, что они находились в тесном контакте друг с другом. Эти контакты также поддерживали короли Англии, которые с конца XII века стремились сделать Ирландское море центром новой торговой и городской зоны [Childs, 1987, p. 500]. В 1354 году в соответствии с данной стратегией Уотерфорд был возведен в статус основного порта, через год после того, как такая же привилегия была возвращена Бристолю [Statutes of the Realm, 1810, p. 333]. Торговцы, а также те, кто по долгу службы пересекал южные берега Ирландского моря, распространяли знания о желанных правах и привилегиях по всему острову.

Присутствие в Уотерфорде бристольских купцов было обычным явлением. Нападение на город в 1367 году, при котором погибли мэр, городские чиновники, горожане, а также купцы из Ковинтра, Дартмута, Брайстоу и других частей Англии, находившиеся в то время там, продемонстрировало, что судьба города была неразрывно связана с судьбами городов Англии, с которыми он торговал.

Внутренние торговые сети обоих портов также способствовали развитию экономических контактов между западной Англией и южной Ирландией. Английские и ирландские купцы нередко объединялись для успешных торговых предприятий [Register, 1930, p. 131]. В 1357 году уроженец

CC BY

Клонмеля Джон Стивен и горожанин из Бристоля Роберт Барун совместно арендовали корабль для перевозки тканей из Брюгге в Плимут, в то время как судно из Килкенни было зарегистрировано как торговавшее в Бристоле в 1403 году [Register, 1930, p. 115]. Торговые связи Бристоля с Ирландией возросли в условиях нехватки продовольствия в середине XIV века. Изобилие пшеницы позволяло местным торговцам поставлять зерно в Манстер, в результате чего большинство землевладельцев Ирландии отказались от обработки почвы в пользу пастбищных хозяйств [Calendar of the Patent, 1900, p. 276]. О бедственном положении Ирландии во второй половине XIV века и помощи англичан свидетельствуют лицензии, содержащиеся в списках патентов Ричарда II 1385—1389 годов. Так, лицензия, выданная Генри Лейну из Бристоля, предоставляла ему право покупки в любой точке Англии 300 вестминстерских кварт пшеницы и 200 кварт фасоли для последующей отправки в Бристоль, Бриджуотер и доставки в Уотерфорд в Ирландию для оказания помощи [Calendar of the Patent, 1900, p. 276]. Купцы Уотерфорда владели кораблями, которые импортировали зерно в Ирландию [Inquisitions, 2007, p. 196—197].

Тем не менее вспышка чумы, охватившая Ирландию и совпавшая с началом Малого ледникового периода, спровоцировала острую нехватку продовольствия и, как следствие, голод. Побуждали местное население покинуть остров и непрекращающиеся «войны, раздоры и воинственный дух этой земли», о котором епископ Бата и Уэллса написал в письме, выражая сочувствие монахам аббатства Гластонбери в связи с опустошением их владений в Манстере в 1332 году [The Great …, 1947, p. 78]. Разрушения такого рода стимулировали миграцию из Уотерфорда и других южных ирландских портов на запад Англии, и к началу XV века масштабы притока населения настолько встревожили бристольские власти, что привели к принятию антиирландского законодательства [Statute rolls …, 1907, p. 476]. Однако в период, когда население города резко сокращалось и английские городские центры зависели от миграции для поддержания уровня населения, присутствие в Бристоле крупного поселения выходцев из Ирландии поддерживало жизнеспособность города[1]. Большинство ирландских приезжих являлись квалифицированными рабочими, занятыми в швейной и кожевенной промышленности. Когда в Бристоле отсутствовал спрос на ткачей и профессионалов, они успешно находили работу в небольших, но растущих городах, таких как Торнбери и Тонтон, в которых процветала текстильная промышленность. В XIV веке предприятия Бристоля не достигли высокого уровня развития, присущего позднесредневековому Глостерширу и Сомерсету.

1 Население Бристоля сократилось примерно с 12 000 человек в 1377 году до 7000 человек в 1525 году.

CC BY

Ирландские мастера и ремесленники, осевшие в английских городах, нечасто занимались развитием земель, которыми они владели до отплытия в Англию, так как это требовало много усилий и предполагало частые путешествия на родину. Любопытно, что потеря связи лендлордов с их ирландскими владениями последовала и на более высоком уровне, когда английские землевладельцы уступили королевскому требованию отказаться от ирландских земель, которые они не были готовы защищать. Кроме того, некоторым колониальным лордам в Манстере, имевшим родовые земли в Уэльсе, таким как Дэвид Барри и Роберт Коган, становилось все труднее содержать эти отдаленные поместья, и в итоге они избрали жизнь в Ирландии [Calendar of the Carew, 1876, p. 362]. О растущем культурном различии между двумя берегами Ирландского моря, свидетельствует тот факт, что к XV веку английский язык, на котором говорили в юго-восточной Ирландии, казался жителям Англии старомодным.

Тесные связи с Англией открывали доступ к расширенным привилегиям. Коренные ирландцы не обладали полными юридическими правами, но были защищены обычаем, и, если их интересы совпадали с интересами их лордов, они могли выступать от их имени. Чтобы получить доступ к светским судам высшей инстанции, ирландцы должны были воспользоваться английским законодательством. В начале XIV века ирландские горожане, которые стали проживать в английских городах, получили право выступать в судах общего права, но к концу столетия данная привилегия была отменена [Otway-Ruthven, 2010, p. 306]. Дарование английского права королем или его представителем стало единственным способом доступа ирландцев к английскому праву в XV веке [Calendar of the patent, 1891, p. 435]. В 1459—1460 годах городской совет Уотерфорда в очередной раз продемонстрировав свою преданность королю, предписав, чтобы ирландцы, желающие стать горожанами, сначала приобрели грант на английское право [Booker, 2018, p. 67]. Эти гранты предоставляли ирландцам свободный статус, позволяли владеть землями и занимать различные духовные и светские должности и, теоретически, обеспечивали им полное юридическое равенство с англичанами.

Города «второй черты оседлости» были настолько связаны с Английским королевством, что атмосфера в них более напоминала Англию. Использование английского законодательства, тщательное составление записей о правах города и истории, обращение с петициями к королю и его совету, — все это сближало Уотерфорд с английскими городами того периода. Прямые политические и экономические связи с Англией, которые осуществлялись без посредничества дублинской администрации, расширяли самостоятельность данного региона [Rotuli, 1834, p. 95]. С 1331 года мэру Уотерфорда больше не требовалось приносить присягу в Дублинском каз-

CC BY

начействе, а в 1413 году городу было разрешено назначать собственного казначея [Statutes and ordinances …, 1907, p. 394]. В первые десятилетия существования четырех графств местные чиновники регулярно приезжали и отдавали деньги, причитающиеся казначейству в Дублине. Однако в 1422 году шерифы Уотерфорда, Лимерика и Корка, сенешаль Типперэри, шерифы Керри и Ольстера, не предстали с отчетом, объясняя это отдаленностью от двора [Rotuli, 1834, p. 94]. Следует заметить, что некоторые города и графства колонии активно взаимодействовали с администрацией и редко подвергались штрафам за неявку в казначейство.

3.3. Взаимодействие аристократии юго-западной Англии и южной Ирландии

Торговые связи, установившиеся через Кельтское море после английского завоевания Ирландии в начале 1170-х годов, были укреплены приобретением собственности в Манстере и южном Ленстере лендлордами, а также многочисленными религиозными домами, расположенными в Бристоле и Сомерсете [Stogursey, 1949, p. 50—52, 75]. Указы Эдуарда III и Ричарда II, призывающие английских лендлордов, отсутствующих в Ирландии, продавать свои земли, если они не были готовы их защищать, сопровождались заявлениями о необходимости колонизации земель, отвоеванных у ирландцев, поселенцами, прибывшими из Англии [Lydon, 2008, p. 325].

Во второй половине правления Эдуарда III два главных губернатора, Томас Рокби и Уильям Виндзор, приобрели собственность в Манстере и в других местах графства. Стремление Ричарда II оказывать покровительство своим фаворитам таким образом, чтобы объединить Англию и Ирландию, привело к тому, что он предоставил своим родственникам Джону и Томасу Холландам и Эдмунду Лэнгли земли и должности как на юго-западе Англии, так и в Манстере [A Roll, 1877, p. 266]. Интересы семьи Холланд в двух странах представляли собой пример успешно установленных связей лендлордов, простирающихся через Ирландское море, которые были ликвидированы Генрихом IV.

Некоторые изменения в землевладении, произошедшие в период правления Ричарда II, привели к установлению новых земельных и политических связей, охвативших Ирландское море. Так, барон Ричард Толбот из Гудрича в Херефордшире получил земельные владения в Уэксфорде в 1389 году, а в XV веке Толботы играли решающую политическую роль как в Англии, так и в Ирландии [The Complete …, 1910, p. 616]. В 1386 году Джеймс Батлер, граф Ормонд, обзавелся невестой-англичанкой, а в начале 1390-х годов его земли в Ирландии расширились благодаря Хью ле Деспенсеру, графу Глостеру. В национальных рукописях Ирландии засвидетельствована передача замка Килкенни со многими землями и правами в 1392 году Джеймсу, тре-

CC BY

тьему графу Ормонду [National manuscripts …, 1884, p. 107]. С этого времени замок Килкенни являлся главной резиденцией семьи Ормонд.

Впрочем, попытки Ричарда II наладить такие связи также способствовали дестабилизации в регионе. Корона предоставила двум аристократическим семьям южной Ирландии, Батлерам, графам Ормонда и Джеральдинам, графам Десмонда, свободы, предназначенные для укрепления их власти в расчете на то, что они, в свою очередь, обеспечат эффективную защиту подданным короля, проживающим в городах, сдерживая беззаконие местных английских родов. В результате между ними обострилось соперничество, начавшееся в XIV веке и сосредоточенное на борьбе за территориальное господство в южной Ирландии. О разрушениях, вызванных распрями англо-ирландской знати, и их последствиях для юго-западной Англии, а также для южной Ирландии свидетельствует петиция неназванных английских колонистов в Манстере в 1381—1382 годах, в которой подданные умоляли короля отправить в Ирландию мудрого и благоразумного лейтенанта с воинами и лучниками, чтобы противостоять врагам короля и положить конец вражде между Джеральдинами и Барри, которая разрушила Манстер и заставила большое количество подданных короля бежать в Бристоль и Корнуолл [Smith, 2011, p. 559].

Поощрение, оказанное короной великим колониальным лордам южной Ирландии с целью обеспечения защиты городов региона, усилило их интересы и влияние по обе стороны Ирландского моря. Граф Ормонд, Джеймс Батлер, укрепивший свое влияние в Уотерфорде [Calendar of the Charter …, 1903, p. 94], часто посещал Английское королевство. В конце XIV века он использовал лодку «Габриэль», принадлежавшую Уолтеру Спенсу из Уотерфорда, «чтобы время от времени отправляться в Англию, Ирландию и другие места» [Calendar of the Charter …, 1900, p. 107], граф также владел собственностью в городе и имел деловые отношения с ведущими бюргерами, такими как Ломбарды и Райсы [Calendar of Ormond, 1934, Vol. 2, p. 57, 62, 84].

Королевские земельные пожалования, клиентско-патронажные связи и развитие торговли усиливали взаимодействие знати юго-западной Англии и Ирландии, которая представляла собой единую аристократию, связанную кровными узами и земельной властью в двух странах. Графы Десмонды не владели землей в Англии, но браки в XIII и XIV веках связали их с семьями Стаффордов и Беркли [Frame, 1982, p. 284—285]. В 1448 году Беркли стали ирландскими землевладельцами, когда Джон Моубрей, герцог Норфолкский, подарил в пожизненное держание свои ирландские земли в Карлоу своему двоюродному брату сэру Уильяму Беркли, впоследствии графу Ноттингемскому [Smith, 2011, p. 561]. Стаффорды сохранили за собой треть земель в Килкенни и в XV веке заключили брачный союз со своими соседя-

CC BY

ми Батлерами, графами Ормонда, что принесло последним обширные поместья на западе Англии. Батлеры владели землями на побережье Сомерсета в Бреане еще до своего прибытия в Ирландию в XII веке, а в XIV столетии являлись ближайшими соседями Мортимеров, графов Марчей, лордов Бриджуотера, которые среди своих многочисленных владений в Ирландии насчитывали еще треть земель в Килкенни [Calendar of Ormond, 1934, Vol. 2, p. 144; Calendar of Ormond …, 1934, Vol. 3, p. 37—38]. …

Брачные союзы аристократических семей способствовали укреплению связей в долгосрочной перспективе и имели важные последствия для отношений между Англией и Ирландией в XV веке. У Батлеров, графов Ормонда, была традиция брать английских жен, и Джеймс Батлер, четвертый граф Ормонд, в большей степени, чем его предшественники, участвовал в политике Англии, а также Ирландии [Lydon, 2008, p. 68—69, 76]. В центре интересов его потомков, особенно его сына и наследника Джеймса, была Англия. Брак Джеймса с Эвис Стаффорд в 1438 году, одобренный Генрихом VI, принес ему обширные земли в Девоне, Дорсете и Сомерсете [Watts, 2004, p. 149—151].

Английские поселенцы тесно взаимодействовали с ирландскими обычаями, которые были осуждены статутами парламента в Килкенни 1366 года. Это взаимодействие настолько укрепилось в южной Ирландии, что его следы можно было обнаружить даже в Бристоле. Так, в отчете о карьере Генри Кристеда, предоставленном Жаном Фруассаром, указывается, что в 1390-х годах в Бристоле говорили на ирландском языке. Кристед, родившийся в Ирландии, в молодости состоял на службе у графа Ормонда. Сопровождая своего лорда во время военного набега, он был захвачен и провел семь лет в плену среди ирландцев Манстера, где вскоре женился на дочери местного вождя. После своего освобождения в середине 1360-х годов он взял свою жену и одну из взрослых дочерей, чтобы начать новую жизнь в Бристоле. Он все еще находился там в 1394 году, когда Ричард II разыскал его и доставил в Уотерфорд, чтобы он выступил посредником между ирландскими вождями. Кристед объяснил, что был полезен, «так как ирландский язык известен мне так же, как английский, потому что я всегда говорил на нем в кругу семьи и обучал ему внуков [в Бристоле] так часто, как только мог» [Sir John, 1803, p. 426—435]. Такие данные свидетельствуют о том, что взаимодействие англичан и ирландцев в XIV—XV веках не ослабевало, и подтверждают значение связей англичан и ирландцев аристократического круга в обеспечении этого взаимодействия.

4. Заключение = Conclusions

Ирландское переселение в Англию в XIV—XV веках было ознаменовано глубокой перестройкой внутренних социально-экономических про-

CC BY

цессов, а также внешними факторами. На отток населения влияли также угроза ограничительного законодательства, междоусобные распри англо-ирландской знати, нехватка продовольствия и голод. Выбор направления миграции определяло не только близкое географическое расположение, но и связи между странами, которые усиливались, благодаря развитию ирландской колонии.

Тесное взаимодействие проходило на уровне элит, прибрежных городов и местных магнатов, действующих по обе стороны Ирландского моря. Их сближали политические и торговые интересы, сотрудничество в целях борьбы с клановыми группировками, брачные союзы и земельная власть. Особая роль в формировании единой аристократии и бюргерства, ведущего торговлю в Ирландском и Кельтском морях, принадлежала портовым городам юго-западной Англии и графствам южной Ирландии. Связи ирландских бюргеров с англичанами по ту сторону Ирландского моря позволяли им добиться успехов в торговле и успешно внедриться в городскую структуру английских городов.

Благодаря этому сотрудничеству в четырех графствах Ирландии и в прибрежных городах южной части острова создавалась уникальная среда взаимопересекающихся культур. Процессы англизации и гэллизации шли параллельно для другу, не создавая препятствия, но, напротив, помогая пестрому по этническому и социальному составу населению добиваться своих целей и адаптироваться к жизни в чужом обществе. Связи английской знати с местными влиятельными кланами обеспечивали им поддержку в борьбе с за сферы влияния в Манстере, а введение в ирландских городах английских правовых и культурных норм открывало доступ к обширным привилегиям. Для ирландцев колонии использование английских фамилий и языка открывало доступ в промышленные центры Англии как подданных короля и после 1450-х годов освобождало от уплаты налогов на иностранцев. Отток населения из колонии, в свою очередь, провоцировал внутреннюю миграцию из гэльских районов Ирландии, удовлетворяя спрос на рабочую силу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *A Roll* of the Proceedings of the King's Council in Ireland for a Portion of the Sixteenth Year of the Reign of Richard the Second A. D. 1392—93 / J. Graves. — London : Longman, 1877. — 494 p.

2. *Calendar of Ormond* Deeds / E. Curtis. — Dublin : Stationary Office, 1934. — Vol. 2, 1350—1413. — 456 p.

3. *Calendar of Ormond* Deeds / E. Curtis. — Dublin : Stationary Office, 1934. — Vol. 3, 1413—1509. — 472 p.

4. *Calendar of the Carew* Manuscripts / J. Brewer, W. Bullen. — London : Longmans, 1873. — Vol. 5. — 622 p.

5. *Calendar of the Carew* Manuscripts Preserved in the Archiepiscopal Library at Lambeth, 1515—1624 / Brewer J., Bullen W., 6 vols. — London: Longmans, 1867. —Vol. 4. — 571 p.

6. *Calendar of the Charter* Rolls Preserved in the Public Record Office, 6 vols. — London : His Majesty's principal Secretary of State for the Home Department, 1903—27. — Vol. 4, 1327—1341. — 757 p.

7. *Calendar of the Patent* Rolls Preserved in the Public Record Office, 1216—1509, 54 vols. — London : H.M.S.O., 1900. — Vol. 3, 1385—1389. — 814 p.

8. *Calendar of the patent* rolls preserved in the Public record office. — London : H.M.S.O., 1891. — Vol. 5, Henry VI, 1446—1452. — 1020 p.

9. *National* manuscripts of Ireland. Account of facsimiles of national manuscripts of Ireland / J. Gilbert, 4 pts. — London : H. M. Stationery off., 1884. — Part 3. — 174 p.

10. *Register* of Edward, the Black prince, preserved in the Public record office, 4 vols. — London : H. M. Stationery off., 1930—33. — Vol. 2. — 270 p.

11. *Rotuli* selecti ad res anglicas et hibernicas spectantes, ex archivis et hibernicas spectantes, ex archivis in Domo capitulari West-monasteriensi, deprompti / J. Hunter. — London : G. Eyre and A. Spottiswoode, 1834. — 265 p.

12. *Sir John* Froissart's Chronicles of England, France and the Adjoining Countries from the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV / T. Johnes. — London, 1803—1805. — Vol. 4. — Pp. 426—435.

13. *Statute rolls* of the Parliament of Ireland, King John to Henry V / H. Berry. — Dublin : Printed for His Majesty's Stationery Office, 1907. — 681 p.

14. *Statute rolls* of the Parliament of Ireland : first to the twelfth years of the reign of King Edward the Fourth / H. Berry. — Dublin : Printed for His Majesty's Stationery Office, 1914. — Vol. 1. — 929 p.

15. *Statutes and ordinances*, and acts of the Parliament of Ireland : King John to Henry V / H. Berry. — Dublin : Printed for His Majesty's Stationery Office, 1907. — 644 p.

16. *Statutes of the Realm* / A. Luders, T. Tomlins and J. Raithby, 11 vols. — London : Dawsons of Pall Mall, 1810. — Vol. 1. — 634 p.

17. *Stogursey* Charters ; Charter and Other Documents Relating to the Property of the Alien Priory of Stogursey, Somerset : Now Belonging to Eton College / T. Tremlett, N. Blakeston // Somerset Record Society. — 1949. — Vol. 61. — 123 p.

18. *The Complete* Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom / G. Cockayne, 12 vols. — London : The St. Catherine press, 1910—59. — Pt. 12: 1. — 888 p.

19. *The Great* Chartulary of Glastonbury / A. Watkin. — Butler & Tanner, 1947. — Vol. 1. — 248 p.

Литература

1. *Booker S.* Cultural exchange and identity in late medieval Ireland : the English and Irish of the four obedient shires / S. Booker. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 298 p. — ISBN 9781316422519.

2. *Booker S.* Intermarriage in fifteenth-century Ireland : the English and Irish in the "four obedient shires" / S. Booker // Proceedings of the Royal Irish Academy : Archaeology, Culture, History, Literature. — 2013. — Vol. — 113C. — Pp. 219—250.

3. *Childs W.* Ireland's Trade with England in the Later Middle Ages / W. Childs // Irish Economic and Social History. — 1982. — № 9. — Pp. 5—33.

4. *Childs W*. Overseas Trade / W. Childs, O'Neill T // A New History of Ireland II : Medieval Ireland, 1169—1534. — Oxford : Oxford University Press, 1987. — Pp. 525—532.

5. *Crooks P.* Representation and Dissent : 'Parliamentarianism' and the Structure of Politics in Colonial Ireland / P. Crooks // English Historical Review. — 2010. — Vol. 125. — № 512. — Pp. 1—34.

6. *Ellis S.* Ireland in the Age of the Tudors Ireland in the Age of the Tudors, 1447—1603 / S. Ellis. — London : Longman, 1998. — 437 p.

7. *Frame R.* English Lordship in Ireland, 1318—1361 / R. Frame. — Oxford : Clarendon Press, 1982. — 381 p.

8. *Frame R.* The Wider World / R. Frame // A Social History of England, 1200—1500. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — Pp. 435—453. — ISBN 9781139167154.

9. *Gardiner M.* Seaborne trade and the commercialisation of fifteenth- and sixteenth-century Gaelic Ulster / M. Gardiner, T. McNeill // Proceedings of the Royal Irish Academy : Archaeology, Culture, History, Literature. — 2016. — Vol. 116C. — Pp. 229—262.

10. *Griffiths R.* Crossing the Frontiers of the English Realm in the Fifteenth Century / R. Griffiths // Power and Identity in the Middle Ages : Essays in Memory of Rees Davies. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — Pp. 211—225.

11. *Inquisitions* and Extents of Medieval Ireland / P. Dryburgh and B. Smith. — London : List and Index Society, 2007. — 290 p.

12. *Lydon J.* Ireland and the English Crown, 1171—1541 / J. Lydon // Government, War and Society. — Dublin : Four Courts Press, 2008. — Pp. 65—79.

13. *Lydon J*. The Lordship of Ireland in the Middle Ages / J. Lydon. — Dublin : Four Courts Press, 2003. — Pp. 121—177. — ISBN 1-85182-737-4.

14. *Lydon J.* The Problem of the Frontier in Medieval Ireland / J. Lydon // Government, War and Society. — Dublin : Four Courts Press, 2008. — Pp. 317—331. — ISBN 0717105636.

15. *Maginn C.* Gaelic Ireland's English frontiers in the late Middle Ages / C. Maginn // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C : Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. — 2010. — Vol. 110C. — Pp. 175—190.

16. *Otway-Ruthven A.* The medieval Irish town / A. Otway-Ruthven // Medieval Dublin X. — Dublin : Four Courts Press, 2010. — 326 p. — ISBN 978-1-84682-220-9.

17. *Smith B*. Late Medieval Ireland and the English Connection : Waterford and Bristol, ca. 1360—1460 / B. Smith // Journal of British Studies. — 2011. — Vol. 50. — № 3. — Pp. 546—565.

18. *The British* Isles, 1100—500 : Comparisons, Contrasts and Connections / R. Davies. — Edinburgh : John Donald Publishers, 1988. — 159 p.

19. *The English* Isles : Cultural Transmission and Political Conflict in Britain and Ireland, 1100—1500. — Dublin : Four Courts Press, 2013. — 186 p. — ISBN 978-1-84682-223-0.

20. *The First* English Empire : Power and Identities in the British Isles, 1093—1343 / R. Davies. — New York : Oxford University Press, 2000. — 224 p. — ISBN 9780191543265.

21. *Watts J.* Butler, James, first earl of Wiltshire and fifth earl of Ormond (1420—1461) / J. Watts // Biography : From the Earliest Times to the Tear 2000, 60 vols. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — Vol. 9. — Pp. 149—151.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023,
одобрена после рецензирования 18.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

A Roll of the Proceedings of the King's Council in Ireland for a Portion of the Sixteenth Year of the Reign of Richard the Second A. D. 1392—93. (1877). London: Longman. 494 p.

Calendar of Ormond Deeds, 2. (1934). Dublin: Stationary Office. 456 p.

Calendar of Ormond Deeds, 3. (1934). Dublin: Stationary Office. 472 p.

Calendar of the Carew Manuscripts, 5. (1873). London: Longmans. 622 p.

Calendar of the Carew Manuscripts Preserved in the Archiepiscopal Library at Lambeth, 1515—1624., 6 vols., 4. (1867). London: Longmans. 571 p.

Calendar of the Charter Rolls Preserved in the Public Record Office, 6 vols., 4. (1903—27). London: His Majesty's principal Secretary of State for the Home Department. 757 p.

Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office, 1216—1509, 54 vols., 3. (1900). London: H.M.S.O. 814 p.

Calendar of the patent rolls preserved in the Public record office, 5. (1891). London: H.M.S.O. 1020 p.

National manuscripts of Ireland. Account of facsimiles of national manuscripts of Ireland., 4 pts., 3. (1884). London: H. M. Stationery off. 174 p.

Register of Edward, the Black prince, preserved in the Public record office, 4 vols., 2. (1930—33). London: H. M. Stationery off. 270 p.

Rotuli selecti ad res anglicas et hibernicas spectantes, ex archivis et hibernicas spectantes, ex archivis in Domo capitulari West-monasteriensi, deprompti. (1834). London: G. Eyre and A. Spottiswoode. 265 p. (In Latin.).

Sir John Froissart's Chronicles of England, France and the Adjoining Countries from the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV, 4. (1803—1805). London. 426—435.

Statute rolls of the Parliament of Ireland, King John to Henry V. (1907). Dublin: Printed for His Majesty's Stationery Office. 681 p.

Statute rolls of the Parliament of Ireland: first to the twelfth years of the reign of King Edward the Fourth, 1. (1914). Dublin: Printed for His Majesty's Stationery Office. 929 p.

Statutes and ordinances, and acts of the Parliament of Ireland: King John to Henry V. (1907). Dublin: Printed for His Majesty's Stationery Office. 644 p.

Statutes of the Realm, 11 vols., 1. (1810). London: Dawsons of Pall Mall. 634 p.

Stogursey Charters; Charter and Other Documents Relating to the Property of the Alien Priory of Stogursey, Somerset: Now Belonging to Eton College. (1949). *Somerset Record Society, 61:* 123 p.

The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom, 12 vols., 12: 1. (1910—59). London: The St. Catherine press. 888 p.

The Great Chartulary of Glastonbury, 1. (1947). Butler & Tanner. 248 p.

References

Booker, S. (2018). *Cultural exchange and identity in late medieval Ireland: the English and Irish of the four obedient shires.* Cambridge: Cambridge University Press. 298 p. ISBN 9781316422519.

Booker, S. (2013). Intermarriage in fifteenth-century Ireland: the English and Irish in the "four obedient shires". *Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature, 113C:* 219—250.

Childs, W. (1982). Ireland's Trade with England in the Later Middle Ages. *Irish Economic and Social History, 9:* 5—33.

CC BY

Childs, W., O'Neill, T. (1987). Overseas Trade. In: *A New History of Ireland II: Medieval Ireland, 1169—1534*. Oxford: Oxford University Press. 525—532.

Crooks, P. (2010). Representation and Dissent: 'Parliamentarianism' and the Structure of Politics in Colonial Ireland. *English Historical Review, 125 (512):* 1—34.

Ellis, S. (1998). *Ireland in the Age of the Tudors Ireland in the Age of the Tudors, 1447—1603*. London: Longman. 437 p.

Frame, R. (1982). *English Lordship in Ireland, 1318—1361*. Oxford: Clarendon Press. 381 p.

Frame, R. (2006). The Wider World. In: *A Social History of England, 1200—1500*. Cambridge: Cambridge University Press. 435—453. ISBN 9781139167154.

Gardiner, M., McNeill, T. (2016). Seaborne trade and the commercialisation of fifteenth- and sixteenth-century Gaelic Ulster. *Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature, 116C:* 229—262.

Griffiths, R. (2007). Crossing the Frontiers of the English Realm in the Fifteenth Century. In: *Power and Identity in the Middle Ages: Essays in Memory of Rees Davies*. Oxford: Oxford University Press. 211—225.

Inquisitions and Extents of Medieval Ireland. (2007). London: List and Index Society. 290 p.

Lydon, J. (2008). Ireland and the English Crown, 1171—1541. In: *Government, War and Society*. Dublin: Four Courts Press. 65—79.

Lydon, J. (2003). *The Lordship of Ireland in the Middle Ages*. Dublin: Four Courts Press. 121—177. ISBN 1-85182-737-4.

Lydon, J. (2008). The Problem of the Frontier in Medieval Ireland. In: *Government, War and Society*. Dublin: Four Courts Press. 317—331. ISBN 0717105636.

Maginn, C. (2010). Gaelic Ireland's English frontiers in the late Middle Ages. *Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature, 110C:* 175—190.

Otway-Ruthven, A. (2010). The medieval Irish town. In: *Medieval Dublin X*. Dublin: Four Courts Press. 326 p. ISBN 978-1-84682-220-9.

Smith, B. (2011). Late Medieval Ireland and the English Connection: Waterford and Bristol, ca. 1360—1460. *Journal of British Studies, 50 (3):* 546—565.

The British Isles, 1100—500: Comparisons, Contrasts and Connections. (1988). Edinburgh: John Donald Publishers. 159 p.

The English Isles: Cultural Transmission and Political Conflict in Britain and Ireland, 1100—1500. (2013). Dublin: Four Courts Press. 186 p. ISBN 978-1-84682-223-0.

The First English Empire: Power and Identities in the British Isles, 1093—1343. (2000). New York: Oxford University Press. 224 p. ISBN 9780191543265.

Watts, J. (2004). Butler, James, first earl of Wiltshire and fifth earl of Ormond (1420—1461). In: *Biography: From the Earliest Times to the Tear 2000, 60 vols., 9*. Oxford: Oxford University Press. 149—151.

The article was submitted 24.07.2023;
approved after reviewing 18.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пинаева Д. А. Плановые инновации : предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов / Д. А. Пинаева, Э. Р. Салахутдинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 428—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449.

Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. (2023). Planned Innovations: Proposals for Enhancing Inventiveness Efficiency in USSR in Mid-1950s to Late 1960s. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 428-449. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449

Плановые инновации: предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов

Пинаева Дарья Алексеевна *
orcid.org/0000-0001-9428-2050
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и права,
**** корреспондирующий автор***
dashkevna1@mail.ru

Салахутдинова Эльвира Ринатовна
orcid.org/0009-0001-4859-9900
старший преподаватель
кафедры бухгалтерского учета и аудита
salakhutdinovaer@mail.ru

Казанский государственный
аграрный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00697

Planned Innovations: Proposals for Enhancing Inventiveness Efficiency in USSR in Mid-1950s to Late 1960s

Daria A. Pinaeva *
orcid.org/0000-0001-9428-2050
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and Law,
**** Corresponding author***
dashkevna1@mail.ru

Elvira R. Salakhutdinova
orcid.org/0009-0001-4859-9900
senior lecturer,
Department of Accounting and Audit
salakhutdinovaer@mail.ru

Kazan State
Agricultural University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 23-28-00697

© Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются предложения по активизации изобретательской и рационализаторской активности в середине 1950-х — 1960-е годы, а также меры по стимулированию внедрения изобретений в производство. Изучаются архивные документы Комитета по делам изобретений и открытий Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Определены основные проблемы развития массового изобретательства и рационализаторства, а также характерные особенности системы управления научно-техническим прогрессом в СССР. Подчеркнута ключевая роль государства в поддержке различных форм изобретательской активности. Установлено, что централизованная система управления изобретательством соответствовала идеям о необходимости комплексного подхода к управлению научно-техническим прогрессом. Отмечается при этом, что многочисленные перестройки системы государственного управления в изучаемый период, ведомственность и отсутствие единой государственной научно-технической политики снижали результативность принимаемых мер. Описан комплекс задач, на решение которых были направлены предложения по повышению эффективности изобретательства и рационализаторства. Сделан вывод о понимании работниками руководящих органов проблем инновационного развития в СССР. Это подтверждается попытками разработки комплексной программы по стимулированию изобретательской активности и скорейшему внедрению изобретений в производство.

Ключевые слова:
изобретательство; рационализаторство; научно-техническая политика; инновации; Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes proposals for the activation of inventive and rationalizing activities in the mid-1950s to the 1960s, as well as measures to stimulate the implementation of inventions in production. The study examines archival documents of the Committee for Inventions and Discoveries of the All-Union Society of Inventors and Rationalizers. The main problems of mass inventiveness and rationalization development, as well as the characteristic features of the system of scientific and technical progress management in the USSR, are identified. The key role of the state in supporting various forms of inventive activity is emphasized. It is established that the centralized system of invention management corresponded to the idea of the need for a comprehensive approach to managing scientific and technical progress. However, it is noted that numerous restructuring of the state management system during the studied period, departmentalization, and the lack of a unified state scientific and technical policy reduced the effectiveness of the measures taken. The complex tasks aimed at increasing the efficiency of inventiveness and rationalization are described. The conclusion is drawn about the understanding by the officials of the leading bodies of the problems of innovative development in the USSR. This is confirmed by attempts to develop a comprehensive program to stimulate inventive activity and expedite the implementation of inventions in production.

Key words:
invention; rationalization; scientific and technical policy; innovation; All-Union Society of Inventors and Rationalizers; USSR.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Плановые инновации: предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов

© Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р., 2023

1. Введение = Introduction

Успех осуществляемой в настоящее время экономической перестройки во многом зависит от эффективности использования научно-технического потенциала страны. Сегодня в России вопросам развития науки и техники уделяется пристальное внимание. 2021 год был объявлен Годом науки и технологий [2021 год объявлен…], по результатам которого Указом Президента РФ было провозглашено Десятилетие науки и технологий [Об объявлении…]. В медийном пространстве появляется все больше сообщений о технических прорывах и инновациях, задачей которых является формирование у граждан представления о значимости науки. Меры, принимаемые государством, направлены не просто на ускорение научно-технического развития. Россия должна совершить технологический рывок, стать лидером мирового инновационного процесса. При этом масштабы задач, стоящие перед российской наукой и техникой сегодня, схожи с задачами периода перехода СССР к четвертому технологическому укладу, охватившему период с 1930-х по 1970-е годы, когда СССР удалось осуществить технологический рывок и стать одним из лидеров в определенных сферах [Убушиев, 2018, с. 7]. На этом фоне актуальной проблемой представляется поиск и реализация стимулирующих научно-технических практик, в том числе связанных с вовлечением общества в решение поставленных задач. В качестве исторического опыта работы по данному направлению исследовательский интерес вызывают советский опыт стимулирования изобретательства и рационализаторства, относящегося к периоду 1950—1960-х годов, когда СССР по ряду макроэкономических показателей не уступал ведущим странам Запада [Кудров, 2007, с. 391—403].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Необходимость стимулирования научно-технического прогресса и скорейшая реализация его достижений во второй половине XX века диктовались установкой «догнать и перегнать» капиталистические страны не

CC BY

только в военном, но и в экономическом отношении. Именно в этот период ожидания советских людей постепенно перенастраивались на результаты экономического соревнования с Западом, при этом происходила неосознанная солидаризация с потребительскими идеалами [Кортунов, 2009, с. 148—151]. В позднесоветский период повседневная жизнь советских людей свидетельствовала об отрыве официальной пропаганды от реальности, в которой отставание в уровне технологического развития практически во всех отраслях, за исключением военной и космической, стало очевидным [Юрчак, 2016]. Признавая высокий новаторский потенциал, западные исследователи указывают на внутренние (системные) проблемы советской модели модернизации [Грэхэм, 2014; Инглхарт и др., 2011; Bailes, 1978; Dasgupta et al., 1994]. В то же время теоретическое осмысление мобилизационной модели развития, характерной для СССР, по сей день остается актуальной научной проблемой [Круглый стол…, 2010; Гришков и др., 2022; Митяков, 2022]. При этом практически полностью вне рамок отечественной историографии остается вопрос о советской модели взаимодействия государства и общественных организаций, в том числе объединявших научно-техническую общественность [Боголюбов, 2023]. Необходимо отметить, что идеи развития массового изобретательства в той или иной форме получили воплощение в ряде современных экономик. Так, в современных западных исследованиях анализируется проблема открытых инноваций [Капинзаики Оттоникар и др., 2020, с. 106], своеобразный аналог подобной системы формировался в СССР в рассматриваемый период [Плещенко, 2018]. Ряд исследователей отмечают развитие массового изобретательства и активизацию патентной деятельности как важнейшие факторы так называемого «Японского экономического чуда» [Денисов, 2017].

Целью данной работы является изучение предложений, направленных на совершенствование системы управления изобретательской активностью, повышение эффективности новаторской деятельности, обсуждаемых Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР в конце 1950-х — 1960-е годы. Исследование основано на опубликованных и неопубликованных архивных документах федеральных и региональных архивов, а также статистических материалах. Основным источником послужили архивные материалы Комитета по делам изобретений и открытий, включающие докладные записки о результатах проверок состояния работы по изобретательству на предприятиях, в министерствах и ведомствах, ежегодные доклады об итогах изобретательской и рационализаторской деятельности в СССР, протоколы заседаний и стенограммы комиссий Комитета и пр. Не менее ценным источником явились документы фонда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов

CC BY

(далее — ВОИР), а также его регионального отделения — Татарского областного совета ВОИР, содержащие ежегодные отчеты о деятельности Общества, статистические показатели, предложения по стимулированию изобретательской активности, результаты социалистического соревнования и пр. Изобретательство и рационализаторство рассматриваются комплексно, как функциональная составляющая единой научно-технической политики государства, направленной на развитие научно-технического прогресса и реализацию его достижений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Централизация системы управления и проблемы массового изобретательства

Управление изобретательством в СССР состояло в постоянном контроле партийно-государственных структур за новаторской деятельностью, основанном на ее планировании и строгом учете. Государство осуществляло количественное и тематическое планирование изобретательства, разрабатывало и реализовывало меры по расширению рядов изобретателей, оказанию им помощи, а также меры по скорейшему внедрению изобретений, что на практике выражалось в постоянном изменении форм управления изобретательским делом. Институциональный дизайн системы управления изобретательством, просуществовавший до распада Советского Союза, начал формироваться в середине 1950-х годов, когда децентрализованное управление вновь сменилось централизованным, позволявшим шире вовлекать в изобретательскую деятельность техническую интеллигенцию и рабочих, добиваться быстрейшего внедрения изобретений в производство, в результате чего СССР вышел на одно из первых мест в мире по числу заявленных изобретений [Солдатова, 2013, с. 7].

Большую роль в развитии изобретательства в стране играли общественные научно-технические организации. В 1954 году научно-технические общества (далее — НТО) были реорганизованы по отраслям и переданы под контроль профсоюзов [Пинаева, 2020, с. 66—68]. Однако основной состав НТО составляли инженерно-технические работники, а организация НТО по отраслевому принципу не обеспечивала эффективного межотраслевого взаимодействия. В целях централизации руководства системой стимулирования научно-технического прогресса в государственном масштабе в 1955 году был воссоздан Государственный комитет по новой технике, в структуре которого работал Комитет по делам изобретений и открытий [Положение о Комитете…, 1956]. В задачу Комитета входила, помимо прочего, организация экспертизы открытий и изобретений, а также регистрация и выдача охранных документов. При этом ведущая роль в формировании

CC BY

планов по новой технике принадлежала отраслевым министерствам, для которых главной задачей было выполнение планов производства, а вовсе не потребности предприятий и тем более запросы общества (потребителей). С целью расширения рядов изобретателей и рационализаторов в основном за счет рабочих-новаторов в 1958 году было воссоздано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, которое должно было стать связующим звеном между всеми акторами инновационного процесса.

Таким образом, различные государственные и общественные объединения в своей деятельности взаимодействовали друг с другом, но участие множества организаций в руководстве изобретательством вело к громоздкости и заорганизованности. Данная ситуация активно обсуждалась на совещаниях разных уровней, однако эффективное решение в рамках командно-административной системы вряд ли могло быть найдено [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5027, л. 9—10].

Одной из серьезных проблем, заставивших руководство СССР в середине 1950-х годов взять курс на централизацию управления научно-техническим прогрессом, было малое количество изобретений, которые создавались на предприятиях. Так, на заводе «Карболит» (г. Орехово-Зуево), крупнейшем заводе по производству пластмассовых деталей, в течение только 1955 года поступило в бюро рационализации и изобретательства завода 2 429 предложений, из них только одно изобретение [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4546, л. 7]. На автомобильном заводе им. Молотова (г. Горький, ныне — автомобильный завод ГАЗ) с 1955 года по июнь 1956 года поступило 26 139 рационализаторских предложений, 137 технических усовершенствований и 3 изобретения [Там же, л. 57].

Серьезным недостатком являлось создание большого числа не содержащих новизны и потому малоценных предложений, что указывало на снижение инновационного потенциала массового изобретательства. Из 352 рассмотренных Всесоюзным НИИ государственной патентной экспертизы в 1963 году заявок на изобретения, поданных организациями, авторские свидетельства были выданы по 118 заявкам (33,7 %). По остальным 234 заявкам (66,3 %) было отказано, в том числе вследствие отсутствия новизны по 190 заявкам (81,6 %), из-за регрессивности и малоценности — по 29 заявкам (12,5 %) [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5026, л. 5].

Но одной из самых существенных проблем, с которой столкнулась советская экономика, была проблема низкой скорости внедрения изобретений в производство. В среднем в 1960-е годы срок внедрения составлял примерно 5—8 лет. Но в ряде случаев этот срок был значительно больше. Так, например, изобретатель И. Ф. Егоров в 1950 году получил авторское свидетельство на изобретение — устройство для шплинтования валиков

CC BY

(ШЕЗ), — которое было использовано при конструировании самолетов ТУ-104, ТУ-114, ИЛ-18. В 1958 году была издана брошюра И. Ф. Егорова «Замки ШЕЗ — рациональный крепеж для шарнирных узлов» [Егоров, 1958]. Однако в планы внедрения данное изобретение попало лишь в 1966 году, то есть через 16 лет после получения авторского свидетельства [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 3, д. 65, л. 1].

Еще одной проблемой, на которую обращали внимание новаторы производства, была нехватка экспериментальных лабораторий и цехов на предприятиях для решения технических задач. При этом даже имеющиеся на предприятиях экспериментальные мастерские далеко не всегда использовались по назначению. Так, проверка Комитета по делам изобретений и открытий, проведенная на автомобильном заводе им. Молотова в 1956 году, показала, что экспериментальной мастерской за период с 1 января по 1 июня 1956 года выполнено 137 заказов, из них только 66 заказов (48 %) по рационализаторским предложениям [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4546, л. 59]. Ведомственный подход, выразившийся в постоянном увеличении планов производства, толкал администрации предприятий к использованию экспериментальных лабораторий и цехов для увеличения выпуска серийной продукции.

Одной из существенных проблем, тормозивших быструю реализацию достижений научно-технического прогресса, было отсутствие эффективной системы сбора и распространения научно-технической информации. Фактически вся работа в этом направлении сводилась к бессистемному брошюрованию описаний изобретений и рассылке этих брошюр по комитетам и ведомствам.

В результате разрыв между исследовательско-изобретательской сферой и производством непрерывно рос. Предприятия не были заинтересованы в перспективных изобретениях прежде всего потому, что ориентировались не на потребительский спрос, а на выполнение плановых показателей. То есть предприятия конкурировали не между собой за потребителя, а взаимодействовали с государственными органами, зачастую с целью не увеличения, а, наоборот, снижения плановых показателей. Государство в такой ситуации вынуждено было разрабатывать механизмы «принуждения» предприятий к внедрению изобретений и технических усовершенствований [Лахтин, 1990, с. 200]. В таких условиях эффективность решений напрямую зависела от инициативности конкретного руководителя, то есть фактически от ручного управления. Так, например, в Удмуртском совнархозе в 1960—1961 годах внедрялось по 200—250 изобретений в год, тогда как в Кузбасском совнархозе в 1961 году было внедрено всего 24 изобретения, хотя Кузбасский совнархоз был в несколько раз больше [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5027, л. 40—41].

CC BY

Данные проблемы были постоянным предметом обсуждения на различных совещаниях и съездах. Изучался зарубежный опыт, в том числе опыт капиталистических стран. Однако выйти за рамки идеологической парадигмы было невозможно. Изобретательство в СССР рассматривалось как своего рода индустрия, способствующая скорейшему решению исторической задачи добиться превосходства по всем направлениям научно-технического прогресса. При этом в соответствии с принципами централизованной экономики решение задачи повышения эффективности изобретательства виделось в совершенствовании системы планирования.

3.2. Предложения по стимулированию инновационной активности

В начале 1960-х годов были изданы два постановления партии и правительства, определившие основные направления совершенствования руководства развитием науки и техники: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению внедрения в народное хозяйство изобретений и рационализаторских предложений» от 20 мая 1960 года [О мерах…, 1968] и вышедшее 5 марта 1963 года Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем улучшении руководства развитием науки и техники в стране» [О дальнейшем улучшении…, 1968]. После выхода постановлений Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР (в 1963 году переименован в Государственный комитет по делам изобретений и открытий СССР с сохранением структуры и функций) начал разработку комплексной программы по повышению эффективности изобретательства. Комитет проводил многочленные совещания с представителями Госплана, профсоюзов, председателями советов ВОИР и НТО, руководящими работниками предприятий, организаций с целью изучения проблем и поиска эффективных способов решения.

Обсуждаемые на совещаниях Комитета меры можно разделить на два больших блока: меры, непосредственно направленные на развитие изобретательства в стране, и организационные мероприятия, обеспечивающие это развитие.

Непосредственные меры по стимулированию творческой активности включали несколько направлений. Активно обсуждался комплекс ***мер по работе с кадрами изобретателей,*** направленных на повышение статуса изобретателя и усиление его заинтересованности в своем труде в рамках существовавших в СССР принципов общественного развития. Поскольку эффективное управление подразумевает хорошее знание объекта управления, рассматривалось предложение по усовершенствованию системы учета основных изобретательских кадров. Предлагалось доработать существующие формы отчетной документации для Центрального статистического управления (далее — ЦСУ), в которых указывалось бы не только

CC BY

число изобретателей, но и другие сведения о них: пол, возрастная группа, образование, профессиональная принадлежность, — что позволяло бы учитывать динамику изменения социально-демографических характеристик изобретателей и осуществлять перспективное планирование.

С целью решения проблемы подготовки изобретательских кадров предлагалось ввести в технических вузах и техникумах, а также в специализированных старших классах некоторых школ преподавание специальных курсов (помимо курса «Основы изобретательства и патентно-лицензионной работы», который в основном знакомил студентов с основами патентного законодательства) с установлением определенного количества стипендий в вузах и техникумах по линии Комитета по делам изобретений и открытий и ВОИР. Так, предлагалось использовать опыт Московской средней школы № 270, в которой проводилось производственное обучение старшеклассников-юношей по специальности слесаря-автомеханика. С января 1964 года в учебный план производственного обучения был введен раздел «Рационализация производства». В ходе освоения программы ученики выполняли комплексную рационализаторскую работу, состоящую из конструкторской и организационно-технологической частей. Каждый старшеклассник должен был по своей работе выполнить конструкторские расчеты, создать полный комплект рабочих чертежей и принять участие в изготовлении конструкции [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4559, л. 32—33].

Не менее важной виделась работа со взрослыми изобретателями и рационализаторами, для которых предлагалось ввести дополнительную подготовку и переподготовку по вопросам организации и методики изобретательства на очных и заочных курсах в дополнение к подготовке по патентному делу в Центральном институте повышения квалификации работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы. Такими мерами на предприятиях предполагалось сформировать костяк изобретателей и рационализаторов, поддерживающих изобретательскую активность, особенно среди молодых рабочих. Рекомендовалось также расширить сеть общественных институтов патентоведения ВОИР (первый такой институт был создан в Риге в 1963 году), народных университетов технического творчества, действовавших под руководством советов НТО, и школ молодых рационализаторов и изобретателей, вовлекая, таким образом, общественные научно-технические объединения в решение проблемы.

С целью развития коллективных форм изобретательства, а также их закрепления предлагалось мобилизовать рационализаторский актив вокруг основных изобретательских кадров. Основными «поставщиками» крупных изобретений являлись отраслевые НИИ и КБ. Анализ, проведен-

CC BY

ный советами НТО, показал, что наиболее эффективными при реализации новшеств являются коллективные формы изобретательской активности, такие как, например, комплексные творческие бригады [Пинаева, 2018, с. 289—290]. В связи с этим предлагалось включать в состав творческих бригад не только ведущих специалистов предприятий, но и работников КБ, НИИ, вузов с целью разработки крупных и долгосрочных задач, скорейшего доведения технических решений до уровня производственного образца и внедрения в производство. Однако правовой механизм реализации предложения конкретизирован не был.

Практически на каждом заседании Комитета по делам изобретений и открытий обсуждалась проблема разработки мер морального и материального стимулирования изобретательства. Поскольку в СССР в 1950—1960-е годы понятия интеллектуальной собственности фактически не существовало, для стимулирования новаторства приходилось придумывать все новые и новые меры поощрения. Среди мер нематериального поощрения предлагалось юридически закрепить право изобретателя дать свое имя или название изобретению. Предлагалось на предприятиях организовывать наглядный показ лучших рацпредложений и изобретений, вывешивать на видных местах извещения о выплате вознаграждений с указанием фамилий рационализаторов и изобретателей, рабочим, инженерам и техникам, систематически вносящим рацпредложения, открывать социалистические счета рационализаторов, с указанием в них суммы экономического эффекта [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 45—46, л. 60—61]. Авторам изобретений, которые были использованы в производстве, предлагалось предоставить внеконкурсный прием в вузы. Одним из самых существенных стимулов, пожалуй, было предложение о предоставлении изобретателям права на дополнительную жилплощадь. Значительная часть данных предложений впоследствии нашла отражение в Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденном Постановлением Совета Министров СССР № 584 от 21 августа 1973 года [Об утверждении…, 1973].

Значительное число предложений относилось к ***мерам по совершенствованию организации изобретательской работы***. Многие предложения были сделаны на основе уже имеющегося опыта и отражали поиск новых структурных подходов к управлению научно-техническим прогрессом.

Одним из важнейших было предложение о создании на каждом направлении научно-технического прогресса координационных научно-технических советов. За основу предлагалось взять опыт создания координационного и научного советов по электросварке. В 1958 году по инициативе Б. Е. Па-

CC BY

тона была разработана программа развития сварочной науки и техники в СССР на 1959—1965 годы. Головной организацией был признан Институт электросварки им. Е. О. Патона. Для реализации программы был создан Координационный совет в составе 85 ведущих специалистов, организовано 15 комиссий по отдельным направлениям. Результатом уже первых лет внедрения программы стало создание новейшего сварочного оборудования, разработка рациональных сварных конструкций. Зарубежные компании обратились к СССР с просьбой о продаже оборудования и лицензий. В 1963 году при Государственном комитете по науке и технике был создан Научный совет по проблеме «Новые процессы сварки и сварные конструкции», в рамках которой разрабатывались научно-технические программы, например, новых способов сварки металлов, которые в свою очередь разбивались на конкретные темы. Координационный и Научный советы осуществляли систематический контроль над ходом реализации программ [Лютый, 2016, с. 20—21]. Подобная хорошо спланированная коллективная деятельность по единому стратегическому замыслу и системно согласованным взаимосвязанным программам позволила найти эффективные решения проблем и представить идеи, работающие на опережение. Схожие практики реализовывались в Японии, где в 1960-х годах была создана программа исследований и разработок «Большие проекты», суть которой заключалась в том, что для реализации конкретного направления научно-технического прогресса формировалось временное объединение из нескольких сильных компаний с целью решения основных вопросов по стандартизации, совместной проектировке основы базового нововведения [Денисов, 2017, с. 119—120].

При этом наряду с предложением интеграции усилий различных предприятий и организаций для реализации крупных проектов (программ) предлагалось также внедрить способ параллельной работы над аналогичными темами несколькими независимыми группами с последующей экспертизой и отбором лучшего решения. Подобная практика осуществлялась, например, при запуске атомного проекта [Артемов, 2019, с. 163—166]. Однако такая модель организации производства вряд ли могла применяться в широких масштабах, поскольку требовала фактически ручного управления. Например, на нефтепромыслах Татарской АССР в конце 1950-х годов одной из важных задач был переход к автоматизации и диспетчерскому управлению объектами, при этом схемы диспетчеризации и телеконтроля разрабатывались различными организациями. На конец 1962 года в Татарской АССР на разных объектах внедрили девять различных схем, разработанных шестью научно-исследовательскими и конструкторскими учреждениями. Однако какая из них являлась наиболее рациональной и экономичной, так и не определили. Поэтому ни одна схема не была пуще-

CC BY

на в серийное производство и не получила широкого внедрения [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 2, д. 113, л. 36].

С целью стимулирования изобретательской активности предлагалось установить в существующих штатах НИИ, КБ, лабораторий и предприятий должности, подлежащие замещению основными изобретательскими кадрами. Изобретательство, таким образом, должно было стать своего рода социальным лифтом.

В качестве одной из проблем развития изобретательства на производстве указывалось невнимание руководства предприятий к изобретательству. С целью повышения значимости изобретательской и рационализаторской работы на предприятиях предлагалось планы по этим направлениям включить в планы основной деятельности предприятий, организаций, учреждений. При этом нужно было учитывать и тот факт, что предприятия в большинстве случаев охотно внедряли лишь малозначимые изобретения, существенно не влияющие на технологию производства, поэтому внедрение планов по изобретательству в планы основной деятельности предприятия могло серьезно усугубить проблему.

С целью повышения научно-технического уровня разработок, создания условий для объективной оценки деятельности НИИ, КБ, предприятий предлагалось также включение в планы по новой технике раздела с указанием прогрессивных технико-экономических показателей будущих изделий, ориентированных на опережение достигнутого мирового уровня на 10—15 лет [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5026, л. 3].

Поскольку в конце 1950-х годов только начала формироваться единая система распространения научно-технической информации, большие сложности возникали при экспертизе заявок на патентную чистоту. Насущной проблемой стало устранение параллелизма в работе органов научно-технической информации и четкого распределения обязанностей между ними. В итоге 29 ноября 1966 года вышло в свет Постановление Совета Министров СССР № 916 «Об общегосударственной системе научно-технической информации», которое распределило обязанности по сбору, сохранению и распространению научно-технической информации между разными учреждениями, министерствами и ведомствами [Об общегосударственной…, 1968]. С целью решения проблемы нехватки специалистов для работы в региональных центрах научно-технической информации было сделано предложение дополнить некоторые технические специальности в вузах и техникумах новым профилем подготовки «Научно-техническая информация» [Об улучшении…, 1968].

Несмотря на то, что более 80 % изобретений и рационализаторских предложений делалось внутренней общественностью предприятий, орга-

CC BY

низаций и учреждений в рамках планов, предлагалось не упускать из виду индивидуальных изобретателей (часто пенсионеров), имеющих большой опыт и часто предлагавших оригинальные идеи. В связи этим предлагалось разработать механизм зачисления изобретателей-одиночек на необходимые сроки в кадры соответствующих НИИ и предприятий или предоставления им возможности работать в соответствующих лабораториях.

Для решения крупных научно-технических проблем предлагалось организовывать через советы ВОИР Всесоюзные и республиканские конкурсы на лучшее решение конкретной научно-технической задачи с установлением специальных премий, в том числе среди молодежи, и возможностью дальнейшего участия в реализации проекта [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4559, л. 17].

Большая группа предложений относилась к решению ***проблемы внедрения изобретений***.

Период середины 1950-х — середины 1960-х годов ассоциируется с некоторой демократизацией, попыткой реализации экономических принципов управления. Главная причина низкой скорости внедрения изобретений виделась в недостаточной заинтересованности предприятий в реализации крупных изобретений. Это приводило к тому, что многие изобретения, дающие большой эффект не предприятиям, которые их внедряют, а потребителям продукции этих предприятий, долгое время оставались нереализованными. Особенно важно, что среди них были крупнейшие изобретения межотраслевого значения, что тормозило развитие сразу многих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Например, такова судьба карбюраторного форкамерного двигателя, созданного в конце 1950-х годов, способов термоупрочнения стали в процессе проката и пр. [Там же, д. 4589, л. 203].

В связи с этим рассматривались различные предложения по стимулированию предприятий к скорейшему внедрению крупных изобретений. Например, не единожды звучало предложение оставлять за предприятиями, внедряющими и эксплуатирующими новую продукцию, на время часть образующейся экономии, что стимулировало бы их внедрять новые крупные изобретения [Там же, л. 205]. При этом Комитет по делам изобретений и открытий предлагал запланировать сразу несколько вариантов порядка компенсации предприятиям расходов на внедрение с последующей экспериментальной проверкой данных вариантов и разработку на этой основе наилучшего порядка компенсации.

С целью создания благоприятных условий для предприятий, осваивающих новую технику, предлагалась выдача льготных банковских кредитов, право на приоритет в материально-техническом обеспечении, резервиро-

CC BY

вание производственных мощностей для проведения опытно-промышленных работ, повышенные отчисления в фонды развития и стимулирования и т. д. Предлагалось мотивировать и администрацию предприятий: при определении суммы премии руководителям за выполнение производственного плана предлагалось учитывать выполнение графика внедрения изобретений и рационализаторских предложений [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4546, л. 60—61].

Поскольку практическое решение вопросов внедрения в массовое производство результатов интеллектуальной деятельности осуществлялось на уровне министерств и ведомств, проблема превращения научного результата в производственный с течением времени только обострялась. В качестве решения проблемы предлагалось включать ведущих ученых в научно-технические советы совнархозов, министерств, назначать крупных ученых на руководящие посты в промышленности. Данное предложение характеризует попытку возвращения к практике 1930-х годов, что не находило поддержки в новых условиях [Гордеева, 1985, с. 15].

На изучении опыта капиталистических стран основывалось предложение по созданию хозрасчетных фирм внедрения [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4589, л. 167]. Предлагалось создать посредническое звено между наукой (НИИ, вузами, Академиями наук) и производством. Идея состояла в том, что хозрасчетные организации будут анализировать и аккумулировать информацию о результатах исследований в вузах, НИИ, КБ, сортировать их, отбирая те, которые могли бы иметь большой экономический эффект, и далее предлагать их доработку и внедрение конкретным предприятиям с последующим широким распространением результата. Это позволило бы сконцентрировать средства и квалифицированные кадры, усовершенствовать методику внедрения. В СССР в полной мере данные идеи не были реализованы. Комитет по делам изобретений и открытий лишь рекомендовал некоторые вузы, НИИ, КБ и лаборатории закрепить за крупными предприятиями, чтобы они занимались доводкой и внедрением сделанных в этих организациях изобретений, а также было рекомендовано шире использовать опыт создания на предприятиях общественных цехов и участков внедрения.

3.3. Обеспечивающие организационные меры

Одним из важных стимулирующих новаторскую активность факторов считалось обучение изобретательству. В его основу положены научно обоснованные методы. В связи с этим ряд предложений был направлен на ***разработку теории изобретательства.*** Главной мерой виделось создание Института организации и методологии изобретательства, первоначально в виде соответствующего отдела при Центральном НИИ патентной инфор-

CC BY

мации, который должен был изучать и обобщать опыт организации и методики изобретательской работы, заниматься рассмотрением теоретических проблем изобретательства, информировать о результатах своей работы путем издания журнала, организации семинаров, симпозиумов и т. п. Результатом данной инициативы стало, например, создание при Центральном совете ВОИР в 1968 году секции методики технического творчества, а также организация в 1970 году Общественной лаборатории методики изобретательства, которая должна была стать методическим центром обучения техническому творчеству, в том числе по разработанной Г. Альтшуллером методике теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), получившей распространение во многих странах. Однако уже в 1974 году лаборатория была закрыта.

Предлагалось также проведение конкурсов на создание лучших теоретических и теоретико-прикладных исследований по основным проблемам и вопросам изобретательства [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4559, л. 17]. Кроме того, должны были разрабатываться и направляться в ВАК темы по вопросам организации и методики изобретательства для диссертационных работ на соискание степени кандидатов и докторов технических наук.

Большой объем предложений относился к ***оценке эффективности инновационной деятельности и организации информационной работы***. Выявление подлинной экономической эффективности изобретательства стало серьезной проблемой, поскольку существовавшие в начале 1960-х годов методики подсчета условной экономии были сложными и надуманными. В результате по большинству изобретений экономический эффект не определялся. Так, в 1963 году было зарегистрировано 5172 изобретения, из них экономия исчислена только по 2368 изобретениям (46 %) [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5026, л. 80]. Изобретатели не раз указывали на то, что существующие формы отчетности не дают полного представления об эффективности изобретений и рационализаторских предложениях. В связи с этим предлагались меры по совершенствованию системы отчетности и подсчета экономического эффекта от изобретательства. Так, например, было предложено к новой технике в отчетной документации относить только то, что основано на изобретениях (отсутствие обязательных требований к категории «новая техника» приводило к тому, что предприятия включали в данную категорию изобретения и технические усовершенствования). Также предлагалось провести дифференциацию между различными видами изобретений: отечественными (отдельно своего предприятия и других организаций), зарубежными (отдельно социалистических и капиталистических стран) [Там же, д. 4559, л. 51—52]. Кроме того, считалось необходимым ввести дифференцированную оценку внедренных изобрете-

CC BY

ний по их значимости для производства. В отсутствие дифференциации внедрялись многие изобретения, которые не оказывали существенного влияния на развитие техники и технологий.

Стимулировать разработку крупных изобретений государство пыталось путем установления для НИИ и проектно-конструкторских организаций в качестве показателя эффективности получение валюты от продажи за границу лицензий в зависимости от затрат на НИР и ОКР. Подобный эксперимент был проведен в начале 1970-х годов Министерством нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Целью эксперимента являлась отработка методики планирования заданий по продаже лицензий. В результате эксперимента было установлено, что отраслевой норматив валютных поступлений в зависимости от затрат на НИР и ОКР в 4 раза превышает этот показатель, достигнутый в среднем по стране (1,9 % против 0,5 %) [Там же, д. 4589, л. 26]. Ценность эксперимента заключалась в том, что он дал возможность объективно и критически оценить результаты инновационной деятельности как в целом по отрасли, так и по отдельным НИИ и КБ.

Значительное число предложений относилось к ***информационной поддержке изобретательства***. Для его широкой пропаганды при Комитете по делам изобретений и открытий и ВОИР предлагалось создать отделы по связям со СМИ, а также систематически проводить изобретательские конференции Всесоюзного и республиканского масштабов с широким освещением в прессе.

Предполагалось задействовать и ресурсы Выставки достижений народного хозяйства (далее — ВДНХ). Отсутствие эффективной системы межведомственного взаимодействия и распространения информации приводило к тому, что НИИ, заводы, фабрики при первых экспериментальных работах в обоснование изобретения и его проверки многие детали изготавливали собственными силами, причем иногда кустарно, тогда как эти детали уже были выпущены другими организациями. Для решения проблемы предлагалось создание постоянно действующей на ВДНХ выставки новых освоенных промышленностью узлов и деталей межотраслевого применения с полным комплектом технической документации и результатами испытаний. Дополнительно планировалось в павильонах ВДНХ создание подразделений и стендов, характеризующих изобретательство в конкретных областях производства.

Ввиду тенденции на демократизацию, характерной для середины 1950—1960-х годов, ряд предложений был посвящен ***привлечению общественности*** к контролю за развитием изобретательства. При всех органах, отвечающих за развитие изобретательства, предлагалось создать обще-

CC BY

ственные комиссии по образцу действовавшей с начала 1960-х годов комиссии при Центральном совете ВОИР. Планировалось также разработать меры поощрения активных общественников [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4559, л. 30].

4. Заключение = Conclusions

Решение проблемы повышения эффективности новаторской деятельности в СССР виделось в создании комплексной программы, охватывающей разные аспекты изобретательства и рационализаторства. Многие обсуждаемые предложения не были чисто декларативными, носили вполне конкретный характер, однако наиболее значимые предложения либо выходили за рамки идеологической парадигмы, либо требовали разработки правового механизма их применения, а значит, изменения законодательства. Поэтому наиболее перспективные предложения не могли быть реализованы в полной мере и зачастую заменялись на чисто декларативные призывы и обращения, не подкрепленные реальными механизмами их воплощения. В марте 1969 года состоялось совещание, организованное Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике с участием представителей Госплана, ЦСУ СССР, Госкомитета по труду и заработной плате, Комитета по делам изобретений и открытий, Министерства финансов, Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ВОИР, на котором был выработан комплекс мер по улучшению организации изобретательства, в который в урезанном виде вошли многие изложенные выше предложения [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4559, л. 14—18]. Часть этих мер нашла отражение в «Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», принятом в 1973 году, в котором отдельные разделы были посвящены организации работ по изобретательству и рационализации и по использованию изобретений и рационализаторских предложений, а также правам на вознаграждение и льготы авторам открытий, изобретений и рационализаторских предложений [Об утверждении…, 1973].

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *2021 год объявлен* в России Годом науки и технологий. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://minobrnauki.gov.ru/god-nauki/ (дата обращения 09.07.2023).

2. *Об объявлении* в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022 (дата обращения 10.07.2023).

3. *Положение* о Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР : Постановление Совета Министров СССР № 1772 от 29 сентября 1955 г. // Изобретательство в СССР. — 1956. — № 1. — С. 2.

4. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 373 (Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР) Оп. 1. Д. 4546, 4559, 4589, 5026, 5027.

5. ГА РТ — *Государственный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-1677 (Татарский областной совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов) Оп. 3. Д. 65.

6. *Егоров И. Ф.* Замки ШЕЗ — рациональный крепеж для шарнирных узлов / И. Ф. Егоров. — Москва : ЦБТИ, 1958. — 14 с.

7. *О мерах* по улучшению внедрения в народное хозяйство изобретений и рационализаторских предложений. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 мая 1960 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : Сб. док. за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 4. — 783 с.

8. *О дальнейшем* улучшении руководства развитием науки и техники в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 марта 1963 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : Сб. док. за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 5. — 750 с.

9. *Об утверждении* Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях // Постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584. — Ленинград : [б. и.], 1973. — 48 с.

10. ГА РТ — *Государственный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-1677 (Татарский областной совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов). Оп. 2. Д. 113.

11. *Об общегосударственной* системе научно-технической информации. Постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1966 г. № 916 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сб. док. за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 6. — 816 с.

12. *Об улучшении* научно-технической информации в стране. Постановление Совета Министров СССР от 10 сентября 1964 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сб. док. за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 5. — 750 с.

Литература

1. *Артемов Е. Т.* Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте / Е. Т. Артемов // ЭКО. — 2019. — № 7 (541). — С. 156—172. — DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172.

2. *Боголюбов Е. А.* Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России / Е. А. Боголюбов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 81. — С. 5—11. — DOI: 10.17223/19988613/81/1.

3. *Гордеева Н. А.* Взаимосвязи академической науки и производства (организационно-правовой аспект) / Н. А. Гордеева. — Москва : Наука, 1985. — 189 с. — ISBN 5-1584899-А.

CC BY

4. *Гришков В. Ф.* Мобилизационная экономика в современной России : теоретические аспекты / В. Ф. Гришков, В. А. Плотников, А. О. Фролов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2022. — № 3 (135). — С. 7—13.

5. *Грэхэм Л.* Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Л. Грэхэм. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 272 с. — ISBN 978-5-91657-903-1.

6. *Денисов Ю. Д.* Японский путь научно-технического развития / Ю. Д. Денисов // Ежегодник Япония. — 2017. — Т. 46. — С. 117—132.

7. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — Москва : Новое издательство, 2011. — 464 с. — ISBN 978-5-98379-144-2.

8. *Капинзаики Оттоникар С. Л.* Открытая наука и открытые инновации : новые возможности для стран с переходной экономикой / С. Л. Капинзаики Оттоникар, П. М. Аррайса, Ф. Армеллини // Форсайт. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 95—111. — DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.95.111.

9. *Кортунов С. В.* Национальная идентичность. Постижение смысла / С. В. Кортунов. — Москва : Аспект Пресс, 2009. — 591 с. — ISBN 978-5-7567-0551-5.

10. *Круглый стол* «Мобилизационная экономика» : понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 15 (196). — С. 142—147.

11. *Кудров В. М.* Экономика России в мировом контексте / В. М. Кудров. — Санкт Петербург : Алетейя, 2007. — 736 с. — ISBN 978-5-903354-38-2.

12. *Лахтин Г. А.* Организация советской науки : история и современность / Г. А. Лахтин. — Москва : Наука, 1990. — 217 с. — ISBN 5-02-011997-0.

13. *Лютый А. П.* Координационная деятельность института электросварки им. Е. О. Патона / А. П. Лютый // Знание. — 2016. — № 4—4 (33). — С. 19—24.

14. *Митяков С. Н.* Модель мобилизационной экономики / С. Н. Митяков // Развитие и безопасность. — 2022. — № 1 (13). — С. 16—33. — DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16.

15. *Пинаева Д. А.* К вопросу о развитии общественных форм кооперации инженерно-технических работников и новаторов производства в СССР в 1950—1960-е гг. (на материалах Татарской АССР) / Д. А. Пинаева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 63. — С. 65—71. — DOI: 10.17223/19988613/63/9.

16. *Пинаева Д. А.* Научно-технические общества как форма мобилизации инженерно-технических работников и новаторов производства в Татарской АССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов / Д. А. Пинаева // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 284—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-284-299.

17. *Плещенко В. И.* Открытые инновации в России: прототипы и современность / В. И. Плещенко // Биржа интеллектуальной собственности. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 8—15.

18. *Солдатова О. Н.* Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917—1956 гг.) / О. Н. Солдатова. — Самара : Издательство Ас Гард, 2013. — 569 с. — ISBN 978-5-4259-0273-3.

19. *Убушиев Э. В.* Экономическая безопасность в различных технологических укладах / Э. В. Убушиев // Теоретическая и прикладная экономика. — 2018. — № 3. — С. 1—21. — DOI: 10.25136/2409-8647.2018.3.27119.

20. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 664 с. — ISBN 978-5-4448-0190-1.

21. *Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin : Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941 / K. Bailes. — Princeton : Princeton University Press, 1978. — 488 p. — ISBN 978-0-69163-468-5.

22. *Dasgupta P.* Toward a New Economics of Science / P. Dasgupta, P. A. David // Research Policy. — 1994. — Vol. 23. — Pp. 487—521. — DOI: 10.1016/0048-7333(94)01002-1.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023,
одобрена после рецензирования 28.08.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

2021 has been declared the Year of Science and Technology in Russia. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/god-nauki / (accessed 09.07.2023). (In Russ.).

Egorov, I. F. (1958). *SHEZ locks — rational fasteners for hinge assemblies.* Moscow: CBTI. 14 p. (In Russ.).

GA RT — *State Archive of the Republic of Tatarstan.* (In Russ.).

GA RT — *State Archive of the Republic of Tatarstan.* (In Russ.).

On approval of the Regulations on Discoveries, Inventions and Innovation Proposals. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of August 21, 584. (1973). Leningrad: [b. i.]. 48 p. (In Russ.).

On further improving the management of the development of science and technology in the country. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of March 5, 1963. (1968). In: *Decisions of the Party and the government on economic issues. In 5 t., 5: Sat. doc. for 50 years.* Moscow: Politizdat. 750 p. (In Russ.).

On improving scientific and technical information in the country. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of September 10, 1964. (1968). In: *Decisions of the Party and the government on economic issues: Collection of documents for 50 years, 5.* Moscow: Politizdat. 750 p. (In Russ.).

On measures to improve the introduction of inventions and innovation proposals into the national economy. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of May 20, 1960. (1968). In: *Decisions of the Party and the government on economic issues. In 5 t., 4: Sat. doc. for 50 years.* Moscow: Politizdat. 783 p. (In Russ.).

On the announcement of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation № 231 dated 04/25/2022. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022 (accessed 10.07.2023). (In Russ.).

On the national system of scientific and technical information. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of November 29, 1966 № 916. (1968). In: *Decisions of the Party and the government on economic issues: Sat. doc. for 50 years, 6.* Moscow: Politizdat. 816 p. (In Russ.).

Regulations on the Committee for Inventions and Discoveries under the Council of Ministers of the USSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR № 1772 of September 29, 1955. (1956). *Invention in the USSR, 1:* P. 2. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics.* (In Russ.).

References

Artemov, E. T. (2019). Mobilization and competition in the Soviet atomic project. *ECO, 7 (541):* 156—172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172. (In Russ.).

Bailes, K. (1978). *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941.* Princeton: Princeton University Press. 488 p. ISBN 978-0-69163-468-5.

Bogolyubov, E. A. (2023). Establishment of state control over public organizations in Soviet Russia. *Bulletin of Tomsk State University. History, 81:* 5—11. DOI: 10.17223/19988613/81/1. (In Russ.).

Dasgupta, P., David, P. A. (1994). Toward a New Economics of Science. *Research Policy, 23:* 487—521. DOI: 10.1016/0048-7333(94)01002-1.

Denisov, Yu. D. (2017). The Japanese way of scientific and technical development. *Yearbook Japan, 46:* 117—132. (In Russ.).

Gordeeva, N. A. (1985). *Interrelations of academic science and production (organizational and legal aspect).* Moscow: Nauka. 189 p. ISBN 5-1584899-A. (In Russ.).

Graham, L. (2014). *Will Russia be able to compete? The History of innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 272 p. ISBN 978-5-91657-903-1. (In Russ.).

Grishkov, V. F., Plotnikov, V. A., Frolov, A. O. (2022). Mobilization economy in modern Russia: Theoretical aspects. *Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics, 3 (135):* 7—13. (In Russ.).

Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development.* Moscow: New Publishing House. 464 p. ISBN 978-5-98379-144-2. (In Russ.).

Kapinzaiki Ottonikar, S. L., Arraisa, P. M., Armellini, F. (2020). Open Science and open innovations: new opportunities for countries with economies in transition. *Foresight, 14 (4):* 95—111. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.95.111. (In Russ.).

Kortunov, S. V. (2009). *National identity. Comprehension of meaning.* Moscow: Aspect Press. 591 p. ISBN 978-5-7567-0551-5. (In Russ.).

Kudrov, V. M. (2007). *Russian economy in a global context.* Saint Petersburg: Aleteya. 736 p. ISBN 978-5-903354-38-2. (In Russ.).

Lakhtin, G. A. (1990). *Organization of Soviet science: history and modernity.* Moscow: Nauka. 217 p. ISBN 5-02-011997-0. (In Russ.).

Lyutyy, A. P. (2016). Coordination activity of the Institute of Electric Welding named after E. O. Paton. *Knowledge, 4—4 (33):* 19—24. (In Russ.).

Mityakov, S. N. (2022). Model of mobilization economy. *Development and security, 1 (13):* 16—33. DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16. (In Russ.).

Pinayeva, D. A. (2018). Scientific and Technical Societies as Form of Mobilization of Engineering and Technical Workers and Innovators of Production in Tatar ASSR in Second Half of the 1950s — Early 1960s. *Nauchnyi dialog, 10:* 284—299. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-10-284-299 (In Russ.).

Pinaeva, D. A. (2020). On the development of social forms of cooperation of engineering and technical workers and innovators of production in the USSR in the 1950s and 1960s. (based on the materials of the Tatar ASSR). *Bulletin of Tomsk State University. History, 63: 65—71.* DOI: 10.17223/19988613/63/9. (In Russ.).

Pleschenko, V. I. (2018). Open innovations in Russia: prototypes and modernity. *Intellectual Property Exchange, 17 (2):* 8—15. (In Russ.).

Round table "Mobilization economy": the concept, its boundaries and content. *Bulletin of Chelyabinsk State University, 15 (196):* 142—147. (In Russ.).

Soldatova, O. N. (2013). *Inventors and inventive activity in the development of scientific and technological progress of the industry of the Soviet state (1917—1956).* Samara: LLC "Publishing House As Gard". 569 p. ISBN 978-5-4259-0273-3. (In Russ.).

Ubushiev, E. V. (2018). Economic security in various technological structures. *Theoretical and applied economics, 3:* 1—21. DOI: 10.25136/2409-8647.2018.3.27119. (In Russ.).

Yurchak, A. (2016). *It was forever until it was over. The last Soviet generation.* Moscow: New Literary Review. 664 p. ISBN 978-5-4448-0190-1. (In Russ.).

The article was submitted 16.07.2023;
approved after reviewing 28.08.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Раскин Д. И. Расходы на пенсии и пособия в государственном бюджете Российской империи в XIX — начале XX века / Д. И. Раскин, А. А. Солнышкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 450—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-450-466.

Raskin, D. I., Solnyshkin, A. A. (2023). Expenditures on Pensions and Benefits in State Budget of Russian Empire in 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 450-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-450-466. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-450-466

Расходы на пенсии и пособия в государственном бюджете Российской империи в XIX — начале XX века

Раскин Давид Иосифович *
orcid.org/0000-0001-7421-7809
доктор исторических наук, профессор
кафедры источниковедения
истории России,
**** корреспондирующий автор***
d.raskin@mail.ru

Солнышкин Андрей Александрович
orcid.org/0000-0002-6660-5067
аспирант,
лаборант-исследователь кафедры
источниковедения истории России
aas98@bk.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта
№ 22-28-00060

Expenditures on Pensions and Benefits in State Budget of Russian Empire in 19th to Early 20th Century

David I. Raskin *
orcid.org/0000-0001-7421-7809
Doctor of History, Professor,
Department of Source Studies
of the History of Russia,
**** Corresponding author***
d.raskin@mail.ru

Andrey A. Solnyshkin
orcid.org/0000-0002-6660-5067
post-graduate student,
Laboratory Researcher,
Department of Source Studies
of the History of Russia
aas98@bk.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-00060

© Раскин Д. И., Солнышкин А. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о месте расходов на выплату пенсий и пособий в структуре государственных расходов Российской империи. Показано, что размер расходов на пенсионное обеспечение в абсолютных цифрах постоянно возрастал: с 1741 по 1913 годы более чем в 13 раз. Отмечается, что размеры выплачиваемых пенсий, определенные Пенсионным уставом 1827 года, оставались неизменными вплоть до 1917 года. Этот рост определялся постоянным увеличением числа получателей пенсий за счет государственных служащих. Сообщается, что в то же время доля расходов на пенсии и пособия в расходной части бюджета Российской империи («обыкновенные расходы») колебалась, достигнув максимума (5,1 %) в 1871 году и минимума (2,3 %) в 1903—1904 годы. Утверждается, что эти колебания определялись изменениями суммы расходной части бюджета империи, заметно возросшей к началу XX века. Расходы на пенсионное обеспечение в целом составляли значительную часть расходов бюджета, превышая некоторые другие значимые статьи расходов. Авторы приходят к выводу, что недостаточность размеров пенсий, обусловленная их неизменностью, сочеталась с обременительностью пенсионных расходов для государства, но радикальная реформа пенсионной системы так и не состоялась.

Ключевые слова:
Российская империя; пенсионная система; государственный бюджет; чиновничество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of the place of expenditures for the payment of pensions and benefits in the structure of public expenditures of the Russian Empire. It is shown that the amount of expenditures on pensions in absolute terms constantly increased (from 1741 to 1913 by more than 13 times). Since the amount of pensions paid, determined by the Pension statute of 1827, remained unchanged until 1917, this growth was determined by a constant increase in the number of pension recipients. This increase was due to an increase in the number of civil servants. At the same time, the share of expenditures on pensions and benefits in the expenditure part of the budget of the Russian Empire ("ordinary expenses") fluctuated, reaching a maximum (5.1%) in 1871 and a minimum (2.3%) in 1903-1904. These fluctuations were determined by changes in the amount of the expenditure part of the empire's budget, which increased noticeably by the beginning of the 20th century. On the whole, expenditures on pension provision accounted for a significant part of budget expenditures, exceeding such significant expenditure items as, for example, the expenditures of the Ministry of Public Education or the Ministry of State Property (Ministry of Agriculture and State Property, Main Directorate of Land Management and Agriculture), although they were inferior to the expenditures of the Military Department. The insufficiency of the size of pensions, due to their invariability, was combined with the burdensomeness of pension expenditures for the state, but a radical reform of the pension system did not take place.

Key words:
Russian Empire; pension system; state budget; bureaucracy.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 342.531(470+571)“18/19”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Расходы на пенсии и пособия в государственном бюджете Российской империи в XIX — начале XX века

© Раскин Д. И., Солнышкин А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Для комплексной характеристики системы пенсионного обеспечения в Российской империи немаловажную роль играет вопрос о месте расходов на пенсии и единовременные пособия в общей сумме государственных расходов, предусмотренных Государственной росписью доходов и расходов (до 1862 года — Ежегодной сметой общих государственных приходов и расходов). На сегодняшний день этот вопрос принадлежит к числу почти совсем не изученных.

Доля расходов на выплату пенсий и пособий показывает, какое место пенсионное обеспечение занимало в государственном бюджете и насколько эти расходы были обременительны для казны. При обсуждении реформы Пенсионного устава в высших и центральных органах власти в 1840-х — начале 1850-х годов, а затем в 1860-х — начале 1880-х привлеченные к этому обсуждению высшие сановники, как правило, приводили цифры расходов на выплату пенсий и пособий за отдельные годы либо ограничивались общими указаниями на обременительность данных расходов для Государственного казначейства [Раскин и др., 2021, с. 1714, 1716]. Но в этих обсуждениях отсутствовали данные о доле соответствующих расходов в общей расходной части бюджета империи. Для современников эти данные были очевидны и не нуждались в дальнейших специальных расчетах. Но для историка эти расчеты (причем не за отдельные годы, а в динамике, в течение длительного периода) необходимы.

Именно доля расходов на пенсионное обеспечение в общей сумме государственных расходов представляется наиболее показательной для характеристики правительственной политики в области регулирования всей системы государственной службы и для оценки эффективности пенсионной системы в Российской империи. Эти данные могут служить также для сравнения российской пенсионной системы с аналогичными системами других европейских государств.

Поскольку процент расходов на пенсии и пособия от общей расходной части бюджета претерпевал определенные изменения (как, разумеется, и

CC BY

сама расходная часть бюджета), необходим анализ факторов, влиявших на эти изменения.

Таким образом, исследование места расходов на пенсии и пособия в общей сумме государственных расходов Российской империи является необходимой частью характеристики истории пенсионного обеспечения в дореволюционной России.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ежегодная смета государственных приходов и расходов (с 22 мая 1862 года — Государственная роспись доходов и расходов) рассматривалась и утверждалась в Государственном совете. Основная работа по рассмотрению сметных предположений отдельных ведомств велась в Департаменте государственной экономии, причем техническая часть подготовки общей сметы (с 1862 года — росписи) осуществлялась в Государственной канцелярии. Важнейшую (хотя и не всегда решающую) роль при этом играла позиция Министерства финансов (предварительное рассмотрение предложений ведомств осуществлялось в Департаменте Государственного казначейства). Как правило, Общее собрание Государственного совета одобряло представленный Департаментом государственной экономии проект сметы (росписи). После утверждения этого проекта императором данная смета (роспись) приобретала силу закона [ВЦУР, с. 21, 25, 28; ВЦУР 2. с. 130]. После преобразования государственного строя Российской империи в 1905—1906 годах рассмотрение и утверждение проектов Государственной росписи доходов и расходов осуществляли Государственная дума (хотя бюджетные права Думы были ограничены) и Государственный совет, причем основная подготовительная работа велась в Бюджетной комиссии Думы и Финансовой комиссии Государственного совета. Утвержденный Государственной думой и Государственным советом, а затем императором проект Государственной росписи доходов и расходов становился законом [ВЦУР, с. 183, 188—189]. Начиная с 1864 года Государственная роспись доходов и расходов ежегодно публиковалась. Соответственно, ежегодные сметы государственных приходов и расходов (с 1862 года — Государственные росписи доходов и расходов) содержатся в делах Департамента государственной экономии Государственного совета [РГИА, ф. 1152, оп. 14] и в фонде Департамента Государственного казначейства Министерства финансов [РГИА, ф. 565], а за период с 1907 года в окончательном виде — в ежегодных официальных публикациях. Данные публикации государственных росписей доходов и расходов за 1866—1917 годы отсканированы и размещены на интернет-ресурсе «Исторический бюджет Российской империи» [Исторический…].

CC BY

Исследование доли расходов на пенсионное обеспечения в общей сумме государственных расходов проведено в динамике и погодно. Поскольку последствия применения Пенсионного устава 1827 года, в том числе концентрация расходов на пенсии и пособия в Государственном казначействе, стали проявляться начиная с 1840-х годов, место данных расходов в бюджете Российской империи исследуется с 1841 года. Это хронологически совпадает с началом обсуждения в правительстве проблемы сокращения расходов казны на пенсионное обеспечение и возможных путей сокращения этих расходов [Раскин и др., 2022, с. 1714]. В качестве верхней границы исследования принимается 1913 год — традиционная дата для исследований социальной истории дореволюционной России.

При рассмотрении факторов, влиявших на изменение доли затрат на пенсионное обеспечение в расходной части бюджета Российской империи, учитывается динамика расходной части бюджета и динамика численности чиновников. Последняя отражает динамику численности получателей пенсий и пособий лишь косвенно и с определенным временным лагом, но более точные данные о численности отставных чиновников и их семейств, получавших пенсию из Государственного казначейства, за большую часть изучаемого периода в сохранившихся источниках отсутствуют.

В течение рассматриваемого периода русский рубль претерпевал существенные изменения. Но поскольку и вся расходная часть бюджета империи, и расходы на пенсии и пособия (как и все другие статьи расходов) на каждый год исчислялись по действовавшему на данный момент курсу, эти изменения при вычислении доли пенсионных расходов в расходной части бюджета могут быть оставлены за скобками.

История государственного бюджета Российской империи была предметом ряда специальных исследований в дореволюционный период [Бржевский, 1884; Блиох, 1882; Печерин, 1896, 1898; Кауфман, 1886, Сабуров, 1899; Министерство финансов…, 1902]. В дальнейшем государственный бюджет Российской империи рассматривался в основном как часть финансовой политики правительства за разные периоды [Струмилин, 1966; Марней, 1999; Мельников, 2009]. Первостепенное значение для анализа динамики государственного бюджета Российской империи за длительный период (1803—1913 годы) имеет исследование А. А. Акашевой и Ю. В. Соколова [Акашева и др., 2019]. Динамические ряды государственных доходов и расходов Российской империи за 1803—1912 годы рассчитал Л. И. Бородкин [Проект…].

Сведения о численности чиновников в Российской империи за различные периоды имеются в работах П. А. Зайончковского [Зайончковский,

CC BY

1979], Н. П. Ерошкина [Ерошкин, 1981], Б. Б. Дубенцова [Дубенцов, 1994], а также в статистико-документальном справочнике «Россия. 1913 год» [Россия…, 1995]. Интересные сравнительные данные о числе чиновников на 1000 жителей в России (за 2-ю половину XVIII — первую половину XIX века), Англии и Франции содержатся в монографии П. Мустонена [Мустонен, 1998, с. 62].

Вопрос о месте расходов на пенсионное обеспечение в государственном бюджете Российской империи в довольно многочисленных работах по истории пенсионной системы в дореволюционной России почти не затронут (если не считать не подкрепленных конкретными цифрами общих указаний на обременительность пенсий для государственного бюджета). Лишь в книге Г. П. Дегтярева [Дегтярев, 2003, с. 27] и в статье С. С. Ерофеевой [Ерофеева, 1910, с. 318] наряду с общим указанием на обременительность пенсионных расходов для казны приведены данные о числе пенсионных назначений за 1853—1868 годы и динамике соотношения численности пенсионеров и служащих. Г. П. Дегтярев не приводит ссылки на источник этих сведений, а С. С. Ерофеева ссылается на не существующий ныне ресурс «Саратовский фондовый Интернет-центр». Но, судя по совпадению приводимых данных, Г. П. Дегтярев воспользовался опубликованными материалами Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава [Труды…, 1871, с. 16]. Данные, собранные этой комиссией, обладают высокой степенью достоверности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Динамика расходов на пенсионное обеспечение

В Ежегодных сметах государственных приходов и расходов, а затем в Государственных росписях доходов и расходов расходы на пенсии и пособия указаны отдельной позицией. Сама расходная часть этих смет и росписей, как правило, включает так называемые «обыкновенные расходы» и общие расходы. Расходы на выплату пенсий и пособий относятся к разряду обыкновенных. В тех случаях, когда указаны только общие расходы, мы учитываем их сумму в качестве обыкновенных расходов.

Ежегодные расходы на пенсии и пособия, а также все общие и «обыкновенные» расходы казны за 1841—1913 годы представлены в следующей таблице.

За период с 1841 по 1913 годы номинальный размер ежегодных расходов казны на выплату пенсий и пособий увеличился с 6 055 597,63 ¾ руб. до 83 909 583 руб., то есть на 1386 %. Даже с учетом изменений курса рубля имел место более чем десятикратный рост.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Расходы казны на пенсии и пособия за 1841—1913 годы

Год	Обыкновенные расходы (в рублях)	Общие расходы (в рублях)	Расходы на пенсии и пособия (в рублях)
1841		156184000	6055597,63¾
1842		173143140	6255354,77
1843		160340011,13 ½	6517322,48¼
1844		159714036,91½	6957470,97½
1845		190923500	7116478,95¾
1846		172250092,1¾	7406109,50
1847		195375000	7618246,14¾
1848		181273953,33	8010975
1849		231212000	7933345,40½
1850	175698157,25½	202120000	8080530,39½
1851	216221787,61¾	231573000	8251319,60
1852	213153240,93½	228908000	8438365,66¼
1853		233688000	8767577
1854		242380000	8881535,54½
1855	244904127,81½	263300000	9085688,91
1856		271516000	9184522,35¾
1857	239604941,19½	258216000	9331706,56
1858	239604941,19½	258216000	10253463,14½
1859	250886747,23¾	260201177	10733804,42½
1860	282719349,93¾	298307388	11333805,18¾
1861	281800685,55	336360706	12212173,16¼
1862	294110709,51¾	310619739	13180069
1863	330538413,49¼	347867860,33	14845810,46
1864	355346966,28¼	401094798,63	15325451,75
1865	368343150.80¼	380093514,47	16216497,94¾
1866	367264748	404068004	16754204
1867	398298830	443850171	16877102
1868	418929839	480593517	17652302
1869	450956103	471327861	18729794
1870	446461069	476728317	21216728
1871	456576900	489012702	23612341
1872	469439959	489888255	22165012
1873	494192329	517349834	22782893
1874	507200096	539851656	24786589
1875	525050426	559361193	24233901
1876	532705120	559158349	24168000
1877	535776074	570777802	24405580

CC BY

Окончание табл. 1

Год	Обыкновенные расходы (в рублях)	Общие расходы (в рублях)	Расходы на пенсии и пособия (в рублях)
1878	563827231	5888244716	23490000
1879	593079773	628965708	24112235
1880	625219484	666256500	2395300
1881	674725640	703679191	24210500
1882	658595151	762004512	24614000
1883	702371492	778505423	26476000
1884	721382006	801997412	27321000
1885	784313934	866294997	28005000
1886	812751030	871948732	28696000
1887	829676680	881341672	30096000
1888	851242423	888082110	32155000
1889	856805084	895161810	33754000
1890	887457282	947869239	33622000
1891	895330395	898889021	33802500
1892	911688066	965303066	34767000
1893	947690385	1040458385	35593700
1894	981222950	1083601526	35797000
1895	1120094938	1214378030	36033600
1896	1231088414	1361547994	37056000
1897	1284858862	1413971058	38306000
1898	1350085213	1474049923	38254000
1899	1442659233	1571732646	39455000
1900	1564441679	1757387103	40255000
1901	1656652556	1788482006	41554000
1902	1775913841	1946571976	42503000
1903	1880405229	2071667472	43502500
1904	1966458251	2178637055	44302000
1905	1916065571	1994634256	47101500
1906	2018076550	2510972775	52901300
1908	2312251090	2581403168	57309583
1909	2449534917	2595048978	65539583
1910	2470035313	2591687880	68799583
1911	2527272220	2720108827	71109583
1912	2669941806	3001919261	73859583
1913	2987784205	3208406961	83909583

Источники: [РГИА, ф. 1152, оп. 14, д. 88, 89, 90, 93, 94, 95, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 134, 136, 137, 138, 139, 140—159, 160а, 160б, 161, 163, 165, 166, 168 ; ф. 565, оп. 14, д. 471, 472, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500 ; Исторический…].

CC BY

3.2. Факторы, влиявшие на размер пенсионных расходов государства

Размеры пенсий были определены Пенсионным уставом 1827 года и оставались неизменными. Никаких уменьшений или увеличений размеров пенсий вплоть до 1917 года не производилось. Размеры пенсий, указанные в 1827 году в ассигнационных рублях, лишь пересчитаны в серебряные рубли (в соответствии с официальным курсом). Льготные пенсии привилегированных «родов служб» были в основном установлены до рассматриваемого периода [Раскин и др., 2022, с. 421—427], а некоторые последующие изменения в льготном пенсионировании не могли существенно повлиять на государственные расходы по выплате пенсий и пособий.

Таким образом, главным фактором, влиявшим на рост пенсионных расходов государства, был непрерывный рост числа получателей пенсий, производный от роста числа людей, состоявших на государственной службе.

По данным П. А. Зайончковского, с 1847 по 1857 годы число чиновников в России выросло с 61 548 до 86 066 человек [Зайончковский, 1978, с. 67], что дает рост на 139 %. За этот же период количество ежегодных расходов на выплату пенсий и пособий возросло примерно на 152 %.

С 1898 по 1913 годы число чиновников выросло со 146 017 до 239 760 [Дубенцов, 1994, с. 70] или (по справочнику «Россия. 1913 год») до 252 870 [Россия…, 1995, с. 2650], то есть на 164 % или 173 %. За этот же период ежегодные расходы на пенсии возросли примерно на 219 %. И в том, и в другом случае рост расходов на выплату пенсии и пособий несколько опережает рост числа чиновников, но в целом тенденция очевидна.

Можно предположить, что на увеличение пенсионных расходов влиял как рост числа служащих за сопоставимый период, так и рост «накопленного» количества пенсионных назначений. За 1853—1868 годы было сделано 127 965 назначений, расходы по которым составили 16 493 391 руб. 71 коп. [Труды…, 1871, с. 13]. Количество назначений за 1853—1857 годы равно, таким образом, около 149 % от общего числа чиновников в 1857 году. А сумма пенсий и пособий, выплаченных по этим назначениям, составляет около 11 % от общей суммы пенсионных расходов за весь данный период. Эти расчеты подтверждают гипотезу о влиянии на рост пенсионных расходов «накопленного» количества пенсионных назначений.

К аналогичным выводам пришли специалисты, привлеченные к работе Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава, проанализировавшие число чиновников, количество пенсионных назначений, число умерших получателей пенсий и размеры ежегодных пенсионных выплат за 1850—1860-е годы [Там же, с. 12—18].

CC BY

Рост расходов на пенсии и пособия происходил на фоне роста общей доходной (и, соответственно, расходной) части бюджета Российской империи. По подсчетам А. А. Акашевой и Ю. В. Соколова, средний прирост номинального бюджета в 1803—1913 годах составлял 3,06 % в год, а реального (с учетом индекса цен) — 2,55 % в год [Акашева и др., 2019, с. 19]. Колебания ежегодных «обыкновенных» расходов бюджета за рассматриваемый период в номинальных цифрах показаны нами в вышеприведенной таблице.

Соответственно с изменениями как суммы расходов на пенсии и пособия, так и общей суммы «обыкновенных» расходов бюджета ежегодно изменялась и доля пенсионных расходов в расходной части бюджета. Эти изменения представлены далее (табл. 2).

Таблица 2

Изменения и доля пенсионных расходов в расходной части бюджета

Год	% расходов на пенсии от обыкновенных расходов бюджета	Год	% расходов на пенсии от обыкновенных расходов бюджета	Год	% расходов на пенсии от обыкновенных расходов бюджета	Год	% расходов на пенсии от обыкновенных расходов бюджета
1841	3,7	**1859**	4,3	**1877**	4,5	**1895**	3,2
1842	3,6	**1860**	4	**1878**	4,1	**1896**	3
1843	4	**1861**	4,3	**1879**	4,1	**1897**	3
1844	4,3	**1862**	4,5	**1880**	3,8	**1898**	2,8
1845	3,7	**1863**	4,5	**1881**	3,4	**1999**	2,7
1846	4,2	**1864**	4,3	**1882**	3,7	**1900**	2,6
1847	3,9	**1865**	4,4	**1883**	3,8	**1901**	2,5
1848	4	**1866**	4,6	**1884**	3,8	**1902**	2,4
1849	3,4	**1867**	4,2	**1885**	3,6	**1903**	2,3
1850	4,6	**1868**	4,2	**1886**	3,5	**1904**	2,3
1851	3,8	**1869**	4,1	**1887**	3,6	**1905**	2,5
1852	3,9	**1870**	4,7	**1888**	3,8	**1906**	2,6
1853	3,8	**1871**	5,1	**1889**	4	**1908**	2,5
1854	3,7	**1872**	4,7	**1890**	3,8	**1909**	2,7
1855	3,7	**1873**	4,6	**1891**	3,8	**1910**	2,8
1856	3,4	**1874**	4.9	**1892**	3,8	**1911**	2,8
1857	3,9	**1875**	4,6	**1893**	3,8	**1912**	2,8
1858	4	1876	4.5	**1994**	3,6	1913	2,8

CC BY

Таким образом, доля пенсионных расходов в бюджете Российской империи достигла максимума (5,1 %) в 1871 году и минимума (2,3 %) в 1903—1904 годах. Колебания этой доли зависели, прежде всего, от размеров расходной части бюджета. Например, в 1910—1913 годах процент расходов на пенсии от обыкновенных расходов бюджета составлял 2,8 %, но в абсолютных цифрах расходы на пенсии в эти годы повысились с 68 799 583 до 83 909 583 руб. (при повышении объема обыкновенных расходов с 2 470 035 313 до 2 987 784 205 руб.). В 1871 году, когда доля пенсионных расходов достигла максимума, объем этих расходов в абсолютных цифрах был больше, чем в предыдущем и последующем годах, но меньше, чем в 1874 году, когда доля пенсионных расходов составила 4,9 %. В целом последовательный рост расходной части бюджета Российской империи позволил доле расходов на пенсионное обеспечение удержаться в указанных пределах, а в начале XX века даже снизиться.

По данным комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава, в 1867 году доля расходов на пенсионное обеспечение от суммы государственных доходов (корректнее было бы считать от расходов) в основных западноевропейских странах составляла: во Франции — 4,3 %, в Великобритании — 4,22 %, в Пруссии — 5,44 %, в Австрии — 2,42 %, в Италии — 9,3 %, в Испании — 5,72 %, в Бельгии — 2,6 %, в Нидерландах — 0,04 % и т. д. В России эта доля в том же году составила 3,94 % от суммы государственных доходов [Труды…, 1871, с. 51] и 4,2 % от расходов.

3.3. Расходы на пенсионное обеспечение среди других важнейших расходных статей государственного бюджета Российской империи

Возникает вопрос, насколько расходы на пенсионное обеспечение были чувствительны для бюджета Российской империи и как они соотносились с другими расходами.

Доля расходов по Министерству народного просвещения от общей суммы обыкновенных расходов бюджета в период с 1866 по 1909 годы колебалась в диапазоне 1,8 % — 2,9 %, а в среднем составляла за этот период 2,5 %. И лишь в 1910—1913 годах в связи с заметным увеличением расходов на народное образование, обусловленным подготовкой к введению всеобщего начального обучения, эта доля достигла, соответственно, 3 %, 3,8 %, 4,4 % и 4,6 %.

Доля расходов по Министерству государственных имуществ с 1866 года до 1894 года возросла с 2,6 % до 2,9 %. По Министерству земледелия и государственных имуществ эта доля составляла в 1900 году 2,7 %, в 1904 году — 2,5 %. И лишь в связи со Столыпинской реформой доля расходов по Главному управлению землеустройства и земледелия соста-

CC BY

вила в 1910 году 3,4 % от общей суммы обыкновенных расходов бюджета, в 1911 году — 4 %, в 1912 году — 4,3 % и в 1913 году — 4,5 %. Разумеется, колебания доли расходов по этим ведомствам зависели (как и в случае с пенсионными расходами) прежде всего от расходной части бюджета.

Из этих данных нетрудно заключить, что расходы на пенсионное обеспечение служащих занимали довольно значительное место в бюджете Российской империи. Разумеется, они заметно уступали расходам Военного ведомства. Например, в 1866 году расходы по военному ведомству составляли 31,7 % расходной части бюджета, в 1876 году — 34,3 %, в 1884 году — 27 %, в 1894 году — 24,5 %, в 1900 году — 20,7 %, в 1903 году — 17,5 %, в 1908 году — 18,1 %, в 1910 году — 18,5 %. При этом в абсолютных цифрах военные расходы, как и в случае с пенсиями, увеличивались [Исторический…].

Но пенсионные расходы превышали расходы на такие значимые государственные цели, как, например, сельское хозяйство и народное просвещение.

Уменьшить расходы на выплату пенсий и пособий правительство не могло, так как размеры пенсий определялись не менявшимся в течение всего рассматриваемого периода Пенсионным уставом, а общая сумма пенсионных расходов зависела от постоянно возраставшего числа получателей пенсий. Изменить этот устав в сторону снижения размеров пенсий и пособий было для власти социально неприемлемо, тем более что недостаточность выплачиваемых пенсий осознавалась правительством, одновременно признававшим расход на пенсии «весьма значительным» для Государственного казначейства [Раскин и др., 2022, с. 1714, 1716].

Бремя пенсионных расходов лежало на казне. Предусматривавшиеся Пенсионным уставом для обеспечения пенсий и пособий вдовам и сиротам вычеты за повышение чинами, с окладов жалованья гражданских чиновников и т. д. составляли ничтожную часть государственных доходов (около 0,1—0,2 %). Идея хотя бы частично покрывать расходы на пенсии отставным служащим за счет вычетов из их жалованья во время службы была решительно отвергнута при обсуждении проекта Пенсионного устава 1827 года, поскольку «правительство обязано призревать тех, кои службою своею приобрели на попечение о них право» [Раскин, 2020, с. 2490]. Но проявившаяся уже к началу 1840-х годов обременительность расходов на пенсии и пособия заставила правительство искать способы сокращения этих расходов. Проект заменить (или хотя бы в значительной степени компенсировать) расходы казны эмеритальными пенсиями не был осуществлен, так как потребовал бы слишком значительных расходов казны для образования первоначального эмеритального капитала. Не получил под-

CC BY

держки и проект перехода от казенных пенсий к эмеритальным, обсуждавшийся в комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава, действовавшей в 1868—1881 годах [Раскин и др., 2022, с. 1714, 1716—1717].

Характерно, что появившиеся в дальнейшем эмеритальные кассы Морского, Военного ведомств, а также Министерства юстиции, горных инженеров, инженеров путей сообщения, служащих детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и др. были созданы благодаря значительным вложениям казны и охватывали наиболее привилегированные виды службы. Эмеритальные пенсии служили лишь дополнением к казенным пенсиям и не уменьшали общих расходов бюджета на пенсионное обеспечение служащих.

Правительство (по мере укрепления бюджета) находило возможности для увеличения жалованья служащих, что должно было компенсировать падение покупательной способности рубля [Миронов, 2015, с. 220—221]. Но на соответствующую компенсацию получателям пенсий и пособий средств бюджета не хватало. Радикальная пенсионная реформа потребовала бы увеличения ежегодных (к тому же постоянно увеличивающихся) расходов на выплату пенсий и пособий в разы.

4. Заключение = Conclusions

Вопрос о месте расходов на ежегодную выплату пенсий и пособий в общем объеме государственных расходов Российской империи является ключевым для оценки системы пенсионного обеспечения в дореволюционной России и для понимания целей и объективных возможностей предпринимавшихся попыток реформирования этой системы.

Размеры пенсий и пособий определялись Пенсионным уставом и в течение всего периода действия этого устава (1827—1917) оставались неизменными. Общий размер пенсионных выплат зависел, таким образом, от числа получателей пенсий. Расходы на пенсии и пособия можно считать поэтому «защищенной статьей» государственного бюджета Российской империи.

Начиная с 1840-х годов происходил непрерывный рост числа получателей пенсий и, соответственно, пенсионных расходов казны. При этом доля этих расходов в общей сумме государственных расходов колебалась в зависимости от размеров расходной части бюджета. Максимума эта доля достигла в конце 1850 — 1870-х годах, а с конца 1890-х годов (в связи с общим ростом бюджета империи) значительно уменьшилась.

Выплата пенсий и пособий государственным служащим занимала довольно значительное место в структуре государственных расходов Россий-

CC BY

ской империи, превышая, например, такие значимые статьи, как расходы на народное образование или сельское хозяйство.

Даже в самые благополучные для российского бюджета годы (например, в конце XIX — начале XX века) эти расходы были настолько чувствительными для казны, что их радикальное увеличение было невозможно.

Попытки полной замены казенных пенсий эмеритальными, обсуждавшиеся в 1840-х и в 1870-х годах, не получили поддержки. Создававшиеся с 1858 года эмеритальные кассы Военного и Морского ведомств и некоторых категорий служащих лишь частично дополняли систему казенного пенсионного обеспечения.

Все это привело к тому, что созданная в 1827 году пенсионная система становилась все менее и менее эффективной. Но радикальная реформа этой системы так и не состоялась вплоть до 1917 года.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ВЦУР — *Высшие* и центральные государственные учреждения России, 1998 — Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. В четырех томах. Высшие государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — Т. 1. — 302 с.

2. ВЦУР 2 — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. В четырех томах. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. 2. — 260 с.

3. *Исторический* бюджет Российской империи [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istmat.org/node/47078 (дата обращения: 10.06.2023).

4. *Проект* «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.» [Электронный ресурс] / сост. Л. И. Бородкин. — Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/Dynamics/13_stt.htm (дата обращения: 10.06.2023).

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 565. Фонд Департамента Государственного казначейства Министерства финансов ; Ф. 1152. Фонд Департамента Государственной экономии Государственного совета.

Литература

1. *Акашева А. А.* Бюджет Российской империи с 1803 по 1913 гг. : Методика реконструкции длинного временного ряда / А. А. Акашева, Ю. В. Соколов // Манускрипт. — 2010. — Т. 12. — Выпуск 8. — С. 16—21.

2. *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. История. — Статистика. Т. 1—4 / И. С. Блиох. — Санкт-Петербург : Тип. М. С. Стасюлевича, 1882.

3. *Бревский Н. К.* Государственные долги России. Историко-статистическое исследование / Н. К. Бревский. — Санкт-Петербург : Типо-лит. А.М. Вольфа, 1884. — 284 с.

4. *Дегтярев Г. П.* Пенсионные реформы в России / Г. П. Дегтярев. — Москва : Academia, 2003. — 335 с. — ISBN 5-87444-184-0.

5. *Дубенцов Б. Б.* Численность российского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. Материалы наградного делопроизводства / Б. Б. Дубенцов // Россия в девятнадцатом веке : Политика. Экономика. Культура : Сб. науч. статей. — Санкт-Петербург : Третья Россия, 1994. — Ч. 1. — С. 71—78.

6. *Ерофеева С. С.* Институциональные особенности пенсионной системы Российской Федерации : история и современность / С. С. Ерофеева // Вестник СПбГУ. — Серия 12. — 2010. — Выпуск 3. — С. 318—324.

7. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. — Москва : Мысль, 1981. — 252 с.

8. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с.

9. *Кауфман И. И.* Статистика государственных финансов России в 1862—1884 годах / И. И. Кауфман. — Санкт-Петербург : ЦСК МВД, 1886. — 417 с.

10. *Марней Л. П.* Финансовая политика России в первой четверти XIX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. П. Марней. — Москва, 1999. — 189 с.

11. *Мельников М. В.* Финансовая политика России во второй половине XIX — начале XX в. : проблема становления золотого денежного обращения : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / М. В. Мельников. — Нижний Новгород, 2009. — 596 с.

12. *Министерство* финансов. 1802—1902. — Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. — Ч. 1— 667 с. ; Ч. 2. — 717 с.

13. *Миронов Б. Н.* Российская империя : От традиции к модерну. В трех томах / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. — Т. 3. — 992 с. — ISBN 978-5-86007-725-6.

14. *Мустонен П.* Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца в 1812—1858. Ктипологии иснов имперского управления / П. Мустонен. — Хельсинки : Kikimora publicaions, 1998. — 357 с.

15. *Печерин Я. И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с [1803 по 1843 включительно ; с 1844 по 1864 включительно] год / Я. И. Печерин. — Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1896, 1898. — 224, 306 с.

16. *Раскин Д. И.* Пенсионная реформа Николая I / Д. И. Раскин // Былые годы. — 2020. — Т. 58. — № 4. — С. 2485—2494. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485.

16. *Раскин Д. И.* Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX — нач. XX в.) / Д. И. Раскин, Ф. Н. Никитин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 417—431. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-417-431.

17. *Раскин Д. И.* Судьба Пенсионного устава 1827 г. в Российской империи / Д. И. Раскин, А. А. Солнышкин // Былые годы. — 2022. — № 17 (4). — С. 1712—1712. — DOI: 10.13187/bg.2022.4.1712.

18. *Россия. 1913 год.* Статистико-документальный справочник / редакторы-составители А. М. Анфимов, А. П. Корелин. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1995. — 415 с. — ISBN 5-86789-013-9/

19. *Сабуров П. А.* Материалы для истории русских финансов 1866—1897 / П. А. Сабуров. — Санкт-Петербург : Тип. Главного управления уделов, 1899. — 278 с.

20. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР / С. Г. Струмилин. — Москва : Наука, 1966. — 514 с.

21. *Труды* высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. — Санкт-Петербург : Тип. Майкова, 1871. — 350 с.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023,
одобрена после рецензирования 04.09.2023,
подготовлена к публикации 20.09.2023.

Material resources

Borodkin, L. I. (comp.). *The project "Dynamics of economic and social development of Russia in the XIX— early XX centuries"*. Available at: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/13_stt.htm (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

RGIA.— *Russian State Historical Archive.* F. 1152. Fund of the State Economy Department of the State Council; *Russian State Historical Archive.* F. 565. Fund of the State Treasury Department of the Ministry of Finance. (In Russ.).

The historical budget of the Russian Empire. Available at: https://istmat.org/node/47078 (accessed 10.06.2023). (In Russ.).

VCUR — *Higher and Central state Institutions of Russia, 1998 — Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. In four volumes. Higher state institutions. [Reference Book], 1. (1998).* St. Petersburg: Nauka. 302 p. (In Russ.).

VCUR2 — *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. In four volumes. Central state institutions. [Reference Book], 2.* (2001). St. Petersburg: Nauka. 260 p. (In Russ.).

References

Akasheva, A. A., Sokolov, Yu. V. (2010). The budget of the Russian Empire from 1803 to 1913: Methods of reconstruction of a long time series. *Manuscript, 12 (8):* 16—21. (In Russ.).

Bliokh, I. S. (1882). *Finance of Russia of the XIX century. History. Statistics, 1—4.* St. Petersburg: Type. M. S. Stasyulevich. (In Russ.).

Brevsky, N. K. (1884). *State debts of Russia. Historical and statistical research.* St. Petersburg: A. M. Wolf's Typo-lit. 284 p. (In Russ.).

Degtyarev, G. P. (2003). *Pension reforms in Russia.* Moscow: Academia. 335 p. ISBN 5-87444-184-0. (In Russ.).

Dubentsov, B. B. (1994). The number of Russian officials in the late XIX — early XX centuries. Materials of award office work. In: *Russia in the nineteenth century: Politics. Economy. Culture: Sat. sci. articles, 1.* St. Petersburg: Third Russia. 71—78. (In Russ.).

Erofeeva, S. S. (2010). Institutional features of the pension system of the Russian Federation: history and modernity. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12, 3:* 318—324. (In Russ.).

Eroshkin, N. P. (1981). *Serfdom autocracy and its political institutions (The first half of the nineteenth century).* Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).

Kaufman, I. I. (1886). *Statistics of state finances of Russia in 1862—1884.* St. Petersburg: CSK MVD. 417 p. (In Russ.).

Marney, L. P. (1999). *Financial policy of Russia in the first quarter of the XIX century.* PhD Diss. Moscow. 189 p. (In Russ.).

Melnikov, M. V. (2009). *Financial policy of Russia in the second half of the XIX — early XX century: the problem of the formation of gold money circulation.* Doct. Diss. Nizhny Novgorod. 596 p. (In Russ.).

Ministry of Finance. 1802—1902, 1—2. (1902). St. Petersburg: Expedition of procurement of state papers. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2015). *The Russian Empire: From tradition to modernity. In three volumes, 3.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 992 p. ISBN 978-5-86007-725-6. (In Russ.).

Mustonen, P. (1998). *His Imperial Majesty's own chancery in the mechanism of the autocrat's institute rule in 1812—1858. Ktipologiya isnov imperial management.* Helsinki: Ki-kimora publicaions. 357 p. (In Russ.).

Pecherin, Ya. I. (1896, 1898). *Historical review of paintings of state revenues and expenditures from [1803 to 1843 inclusive; from 1844 to 1864 inclusive].* St. Petersburg: Type. Yu. N. Erlich. 224, 306 p. (In Russ.).

Raskin, D. I. (2020). Pension reform of Nicholas I. *Bygone years, 58 (4):* 2485—2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485. (In Russ.).

Raskin, D. I., Solnyshkin, A. A. (2022). (2022). The fate of the Pension Charter of 1827 in the Russian Empire. *Bygone years, 17 (4):* 1712—1712. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1712. (In Russ.).

Raskin, D. I., Nikitin, P. N. (2022). Pension Provision of "Special Types of Service" in System of State Apparatus of Russian Empire. *Nauchnyi dialog, 11 (7):* 417—431. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-417-431. (In Russ.).

Russia. 1913. Statistical and documentary reference. (1995). St. Petersburg: BLITZ. 415 p. ISBN 5-86789-013-9. (In Russ.).

Saburov, P. A. (1899). *Materials for the history of Russian finance 1866—1897.* St. Petersburg: Type. The Main Administration of the estates. 278 p. (In Russ.).

Strumilin, S. G. (1966). *Essays on the economic history of Russia and the USSR.* Moscow: Nauka. 514 p. (In Russ.).

The works of the most highly approved commission for the revision of the rules on service benefits and the pension charter. (1871). St. Petersburg: Type. Maykova. 350 p. (In Russ.).

Zaionchkovsky, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the nineteenth century.* Moscow: Mysl. 288 p. (In Russ.).

The article was submitted 24.07.2023;
approved after reviewing 04.09.2023;
accepted for publication 20.09.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Садыкова Э. Ф. Аптекарские сады Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков / Э. Ф. Садыкова, Г А. Сулкарнаева, Т. А. Мирюгина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 467—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-467-485.

Sadykova, E. F., Sulkarnaeva, G. A., Miryugina, T. A. (2023). Pharmaceutical Gardens of Tobolsk Province in 18th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 467-485. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-467-485. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-467-485

Аптекарские сады Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков

Садыкова Эльза Фаилевна [1]
orcid.org/0000-0002-4298-1383
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры биомеханики,
естественнонаучных дисциплин
и методик преподавания
e.f.sadykova@utmn.ru

Сулкарнаева Гульнур Ахмеровна [2*]
orcid.org/0000-0003-0454-7559
доктор медицинских наук, профессор
кафедры гигиены, экологии
и эпидемиологии,
* корреспондирующий автор
gas200768@mail.ru

Мирюгина Татьяна Андреевна [1]
orcid.org/0000-0002-1564-8913
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биомеханики,
естественнонаучных дисциплин
и методик преподавания
t.a.miryugina@utmn.ru

[1] Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

[2] Тюменский государственный
медицинский университет
(Тюмень)

Pharmaceutical Gardens of Tobolsk Province in 18th — Early 20th Centuries

Elsa F. Sadykova [1]
orcid.org/0000-0002-4298-1383
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Biomechanics,
Natural Science Disciplines
and Teaching Methodology
e.f.sadykova@utmn.ru

Gulnur A. Sulkarnaeva [2*]
orcid.org/0000-0003-0454-7559
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Department of Hygiene,
Ecology and Epidemiology,
Corresponding author
gas200768@mail.ru

Tatiana A. Miryugina [1]
orcid.org/0000-0002-1564-8913
PhD in Agricultural Sciences,
Associate Professor, Department
of Biomechanics, Natural Science
Disciplines and Teaching Methodology
t.a.miryugina@utmn.ru

[1] University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

[2] Tyumen State
Medical University
(Tyumen, Russia)

© Садыкова Э. Ф., Сулкарнаева Г. А., Мирюгина Т. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются исторические аспекты становления аптекарских садов и огородов — объектов, предназначенных для выращивания лекарственных растений. Проведен обзор литературных источников по истории создания аптекарских садов, их совместной организационной деятельности с аптеками и лечебными учреждениями России. Проанализированы архивные документы, актуальные научные публикации, материалы официальных сайтов, посвященные истории создания аптекарских садов в XVIII — начале XX веков на территории Тобольской губернии. Новизна исследования видится в том, что определены причины отсутствия информации о создателе аптекарского сада в городе Тобольске, выявлены факты различной собственности этого объекта, его продажи, последующей передачи, жертвования доли участка под строительство военного лазарета. Расцвет тобольского аптекарского сада обозначен как этап функционирования опытного сельскохозяйственного учреждения Западной Сибири. Определена роль в создании тюменского аптекарского сада провизора А. И. Дауделя и его вдовы в последующем развитии данного объекта. Представлены воспоминания о масштабах реализации лекарственных препаратов, изготовленных из сырья местного аптекарского сада, сообщается о его последующей участи как территории ночлежного дома, городской больницы. Обозначены причины снижения интереса к аптекарским садам.

Ключевые слова:
аптекарский огород; аптекарский сад; сад искусственного происхождения; лекарственные растения; рекреационные функции аптекарских садов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The historical aspects of the development of pharmacy gardens and vegetable gardens, which were intended for growing medicinal plants, are considered. A review of literary sources on the history of creating pharmacy gardens, their joint organizational activities with pharmacies and medical institutions in Russia, was conducted. Archival documents, current scientific publications, materials from official websites dedicated to the history of creating pharmacy gardens in the 18th to early 20th centuries in the Tobolsk province were analyzed. The novelty of the research lies in identifying the reasons for the lack of information about the creator of the pharmacy garden in the city of Tobolsk, revealing facts about the different ownership of this object, its sale, subsequent transfer, donation of a share of the plot for the construction of a military hospital. The heyday of the Tobolsk pharmacy garden is marked as a stage in the functioning of an experimental agricultural institution in Western Siberia. The role of pharmacist A. I. Daudel and his widow in the subsequent development of the Tyumen pharmacy garden is determined. Memories of the scale of implementation of medicinal preparations made from raw materials from the local pharmacy garden and its subsequent fate as a territory for a homeless shelter and a city hospital are presented. The reasons for the decline in interest in pharmacy gardens are identified.

Key words:
pharmaceutical garden; botanical garden for medicinal plants; man-made garden; medicinal plants; recreational functions of pharmaceutical gardens.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 725.253(571.12)“17/19”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Аптекарские сады Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков

© Садыкова Э. Ф., Сулкарнаева Г. А., Мирюгина Т. А., 2023

1. Введение = Introduction

Российская историческая наука на протяжении XIX—XX веков уделяла большое внимание вопросу появления и развития аптекарских садов. Поиски ученых, анализ и систематизация источников по истории аптекарских садов отразились в многочисленных публикациях, статьях, очерках [Пойдина, 2006; Кузыбаева, 2011; Дубовенко и др., 2015; Лазарева, 2018; Коротков, 2019; Рыбина, 2020; Худин, 2021; Ларионова и др., 2023].

Изучению аптекарских садов в рамках садово-паркового строительства в сибирских городах посвящено исследование Т. В. Пойдиной [Пойдина, 2006]. М. П. Кузыбаева рассматривает аптекарские сады как первые естественнонаучные коллекции [Кузыбаева, 2011]. Процесс становления и развития аптечного дела в России XVIII века и анализ законодательной базы, регламентировавшей деятельность аптек, представлены в работе Ю. И. Дубовенко и Г. В. Савицкого [Дубовенко и др., 2015]. С. А. Коротков дает историческую ретроспективу развития аптекарских огородов в России, отмечает особенности планировки аптекарских садов, а также выделяет перечень выращиваемых культур [Коротков, 2019]. В. В. Рыбина отмечает, что общественные сады городов либо создавались с нуля, либо переделывались из аптекарских огородов, питомников, природных рощ [Рыбина, 2020]. К. С. Худин в диссертационном исследовании анализирует документы аптекарского приказа, связанные с производством лекарственного сырья на аптекарском дворе [Худин, 2021]. Возможности применения элементов аптекарских садов при оформлении участка в современном ландшафтном дизайне показаны в статье Н. Л. Ларионовой и Ю. А. Мироненко [Ларионова и др., 2023].

Наряду с указанными имеет место большое количество публикаций, посвященных раскрытию исторических аспектов организации аптекарских огородов и ботанических садов в столичных городах России [Голиков, 2019; Лазарева, 2014; 2018; Новиков, 2014, 2016, 2017; Филин, 2018; Фирсов, 2021; Фомина, 2015].

История создания и развития старейшего ботанического сада России — Ботанического сада МГУ «Аптекарский огород» — содержится в статьях

CC BY

его сотрудников В. С. Новикова, А. В. Раппопорта, С. В. Ефимова [Новиков и др., 2014; Новиков и др., 2016; Новиков и др., 2017]. Исследователи отмечают, что в ботанических садах должны развиваться четыре направления: фундаментальная и прикладная наука, образование и просвещение.

Кроме того, в фокусе внимания ученых находятся отдельные направления работы сада. Так, Н. С. Лазарева пишет о создании новой коллекции в Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород», посвященной флоре средней полосы России: автор обосновывает важность данной экспозиции для образовательных программ сада, уделяет внимание демонстрации декоративных качеств растений и реинтродукции редких растений [Лазарева, 2014], а также указывает на возможности использования экспозиции сенсорного сада для работы с посетителями, имеющими ограниченные возможности [Лазарева, 2018]. Создание в Ботаническом саду МГУ новой коллекции, посвященной флоре средней полосы России, описывает также И. Р. Фомина [Фомина, 2015]. Содержание эколого-просветительской функции экспозиции природной флоры средней полосы европейской части России представлено в исследовании А. Н. Филина и А. С. Зернова [Филин и др., 2018].

В историческом аспекте рассматривает эволюцию Ботанического сада МГУ К. А. Голиков: он акцентирует внимание на историко-культурных условиях XVIII—XXI веков и их влиянии на формирование данного социокультурного объекта [Голиков, 2019]. История становления Ботанического сада, когда он начал свое существование в виде аптекарского огорода, учрежденного Указом Петра Великого в феврале 1714 года, анализируется в работе Г. А. Фирсова и В. Т. Ярмишко [Фирсов и др., 2021]. Авторы раскрывают значение сада как объекта исторической и художественной ценности для научной, образовательной и просветительской деятельности.

Однако на региональном уровне история аптекарских садов изучена недостаточно, поэтому служит предметом дальнейших научных изысканий. Применительно к Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности история появления и развития аптекарских садов в XVIII — начале XX веков на региональном уровне мало освещена. Публикации касаются в основном памятных мест Тюменского края, где упоминаются и рассматриваются аптекарские сады и связанные с ними события. Среди таких работ можно отметить исследования И. В. Щеглова [Щеглов, 1883], Л. П. Барабановой [Барабанова, 1986], С. Кубочкина [Кубочкин, 2002], Г. А. Кондаковой [Кондакова, 2015].

Первые упоминания о создании аптекарских садов в России встречаются в XI веке. Они были организованы на небольших территориях в виде огородов с лекарственными растениями. Набор трав, используемых для целительства, был небольшим, но даже он требовал подробного изучения

CC BY

их лекарственных свойств, необходимо было определить методику и сроки сбора, технику сушки и хранения трав, технологию изготовления лекарств, которые имели растительное происхождение.

В Тобольской губернии первые аптекарские сады появились в конце XVIII — начале XIX веков. Наиболее полный расцвет аптекарских садов в регионе пришелся на середину XIX века. Сады, как правило, разбивались рядом с лечебными учреждениями (военный лазарет, городская больница), снабжение которых осуществлялось препаратами, изготовленными из произрастающих трав аптекарских садов.

М. Б. Мирский в работе «Очерки истории медицины в России XVI—XVIII вв.» отмечал, что в государстве всемерно поощрялось, чтобы аптеки и госпитали имели свои аптекарские огороды. На тот момент в расположении отечественной Медицинской коллегии были четыре ботанических сада (Петербург, Москва, Дубно, Тобольск) и семь садовых заведений (Астрахань, Воронеж, Смоленск, Выборг, Карасубазар, Оренбург и Херсон) [Мирский, 1995]. Имеются упоминания, что восточная часть России снабжалась также травами из тюменского аптекарского сада.

Между тем к концу XIX века в связи с развитием медицины и созданием фармацевтических предприятий начинается процесс угасания деятельности аптекарских садов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе подготовки данной статьи были изучены архивные документы, текстовые литературные источники, научные публикации, материалы официальных сайтов и периодической печати. Впервые вводимые в научный оборот документы Государственного архива в г. Тобольске [ГБУТО ГА в г. Тобольске], Государственного архива Тюменской области [ГБУТО ГАТО] раскрывают основные этапы становления аптекарских садов в Тобольской губернии, их дальнейшего развития.

Хронологические рамки статьи охватывают XVIII — начало XX веков, то есть тот период, в который происходило создание аптекарских огородов, устраивающихся рядом с медицинскими учреждениями, а затем их преобразование в сады.

Целью исследования является рассмотрение в исторической ретроспективе становления и развития аптекарских садов на территории Тобольской губернии в указанный период.

Основными методами исследования, применяемыми авторами настоящей статьи, стали историко-сравнительный и проблемно-хронологический. Проведен ретроспективный анализ функционирования аптекарских садов на территории Тобольской губернии с XVIII века по начало XX века.

CC BY

Анализ, сопоставление и критический подход позволили рассмотреть процесс создания и развития аптекарских садов, оценить их роль и восприятие горожанами. Обращение к историческому опыту создания и развития аптекарских садов в Тобольской губернии будет способствовать пополнению данных о региональной истории и использованию их в современной практике воссоздания на территориях садов новых рекреационных зон.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Появление аптекарских садов

История аптекарских садов, берет свое начало в период Средневековья, но неизвестно, кто был их первым создателем. Примеры обустройства аптекарских садов можно найти в Великобритании (сады Челси, сады замка Броутон, поместий Хемптон-корт и Грейт Дикстер), в Италии (сады виллы ле Бальце, ле Форса и виллы Массей) и в России, где создавались первые аптекарские огороды.

На Руси аптекарские огороды существовали при монастырях с XI века. В Москве они создавались со времен царя Михаила Федоровича (1613—1645 годы) [Лазарева, 2021] для содержания казенных и полевых аптек.

Как отмечает М. Ю. Лахтин, в московском государстве в XV—XVII веках для государевой аптеки из Тобольска привозили зверобой, из Воронежа и Астрахани — солодовый корень, из Коломны — корень черной чемерицы, из Казани — «чечуйную траву», из Костромы, Ростова, Ярославля — можжевеловые ягоды, из Подмосковья — «цвет своробиный» [Лахтин, 1906, с. 140].

При царе Алексее Михайловиче были организованы «государевы аптекарские огороды», где выращивали лекарственные растения. Всего их было три: первый создан у западной стены Московского кремля, у Боровицких ворот [Лахтин, 1903, с. 1167], второй у Мясницких ворот, третий — в немецкой слободе.

По приказу Петра I, подписанному уже в 1706 году, «аптекарские огороды» были созданы во всех крупных городах при военных госпиталях. В Москве первый «аптекарский огород» заложили в 1706 году по указу Петра I при Московской медицинской школе. В 1714 году в Санкт-Петербурге на Аптекарском острове появился Большой и образцовый аптекарский сад, в котором для снабжения государственных аптек выращивалось до 300 видов лекарственных растений [Кочкин, 1962, с. 71].

Эти аптекарские сады сохранились до наших дней: в Москве (заложен в 1706 году, а в 1805 году преобразован в Ботанический сад Московского университета) и в Петербурге (заложен в 1713 году, в настоящее время носит название Ботанического сада Петра Великого при Ботаническом институте им. В. Л. Комарова Российской академии наук) [Новиков, 2017].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В первой половине XVIII века значительно расширилась сеть лекарственных садов — аптекарских огородов. Так, Т. В. Пойдина в своем исследовании указывает, что во второй половине XVIII века в городах сибирского региона: Тобольске, Иркутске, Нерчинске — существовали аптекарские и ботанические сады [Пойдина, 2006].

3.2. Аптекарский сад города Тобольска: исторический экскурс

В бывшей столице губернии городе Тобольске, а сегодня в центре исторической части за зданием Гарнизонного госпиталя располагается уникальный объект культурного наследия — Аптекарский сад. Он имеет искусственное происхождение, был посажен вручную с соблюдением правил садового-паркового искусства XIX века. Как отмечает историк А. Д. Колесников, в «Кратком историко-топографическом описании городов Тобольской губернии» есть упоминание об Аптекарском саде, датированное 1801 годом: «Присутственные места состоят в бывшем каменном в два этажа гостином дворе... Близ сих выстроен и артиллерийской каменной арсенал, … гарнизонный лазарет, близ которого довольно обширный Аптекарский сад» [Описание…, 1982, с. 318]. Однако имя создателя аптекарского сада неизвестно.

Причина того, что имя создателя не сохранилось в истории Тобольска, связана с пожаром 27 апреля 1788 года. Об этом упоминает управляющий рецептурной аптекой, который известил полицейскую управу в своем донесении от 22 марта 1829 года: аптека «представила во врачебную управу историческое описание ее заведения, в том числе и Аптекарского сада, где сказано, когда заведены Тобольская казенная аптека, аптекарский сад и завод хирургических инструментов. По делам аптеки не видно, ибо в бывшем 27 апреля 1788 года в Тобольске пожаре, когда почти весь город выгорел, сгорело и здание, в котором помещалась аптека и все дела, до того года находящиеся. Из сей справки усматривается, что аптека по вопросу, когда и кем устроен Аптекарский сад, ответствовать не может» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 8, оп. 1, д. 142, л. 63—64; Щеглов, с. 319].

Н. Турова, младший научный сотрудник Тобольской научной станции УрО РАН, в интервью корреспонденту газеты сообщила, что складываться уникальный больничный комплекс с Аптекарским садом начал примерно 250 лет назад, при этом на планах города обозначена четкая граница сада, что может служить свидетельством его важности [Ноговицина, 2021].

К наиболее ранним выявленным нами документам Тобольского архива, в которых упоминается Аптекарский сад, относятся планы города Тобольска за 1784 и 1794 годы (рис. 1; рис. 2). На первом плане под номером 28 в районе современного расположения сада значится «Аптекарской сад», на втором — под номером 20 есть указание «Для казенной аптеки и огорода» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-154, оп. 21, д. 3, 4].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 1. План г. Тобольска 1784 года [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-154, оп. 21, д. 3]

Рис. 2. План г. Тобольска 1794 года [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-154, оп. 21, д. 4]

Отметим, что история аптекарского сада по архивным данным прослеживается с 17 февраля 1810 года. В этот день, согласно сведениям специалиста по охране памятников Г. А. Кондаковой, тобольский купец Василий

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Гаврилович Мальков купил Ботанический сад у генерала от инфантерии князя Ивана Ивановича Мещерского [Кондакова, 1999, с. 2].

О площади ботанического сада известны следующие данные: «службы занимали 55 ¾, сад 1919 ⅝, пред домом 38 ⅛, итого две тысячи тринадцать съ одного третьего квадратных сажень» [ГБУТО ГА, в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 13, д. 672, л. 3], а согласно ведомости, составленной землемером В. Е. Филимоновым в мае 1809 года, «сад купца-промышленника Василия Гавриловича Малькова, расположенный по Госпитальной улице к валу по правой стороне, занимал 1919 ⅝ квадратных сажен, то есть немногим менее одного га» [Там же].

Эти цифры подтверждают и данные фонда Тобольского губернского правления за 1816 год, где в деле о закреплении за купцом третьей гильдии Василием Гавриловичем Мальковым купленного им сада есть и указание его площади. Купив сад, Мальков пожелал под влиянием городского головы Ширкова передать эту землю «по доброй воле безденежно на предмет постройки нового… в Тобольске военного лазарета» общей площадью 2013 ⅓ квадратных сажен (немногим менее 1 га), из которой 38 ⅛ квадратных сажен занимал пруд, что составляло примерно 173 м^2 [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 13, д. 672, л. 3].

На рисунке 3 представлен Рапорт Тобольской городской думы о жертвовании Малковым (так фамилия написана в рапорте) сада.

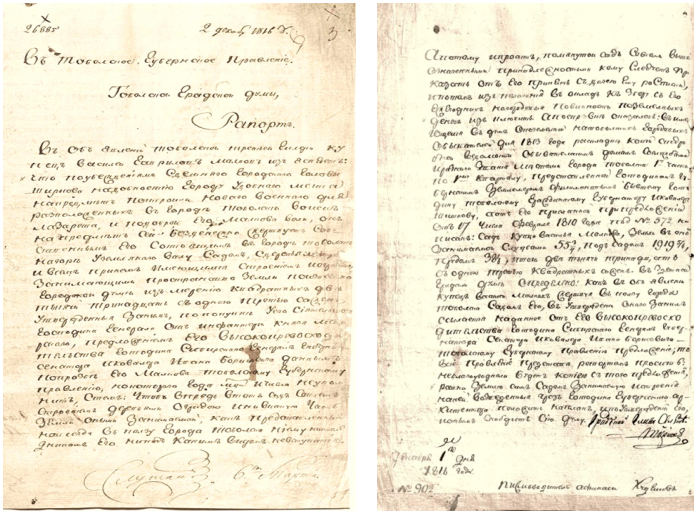

Рис. 3 Рапорт Тобольской городской думы о жертвовании Малковым сада [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 13, д. 672, л. 3]

CC BY

Отметим, что на протяжении всей истории существования Тобольского аптекарского сада он являлся научной площадкой для изучения лекарственных растений северной полосы. Так, в области использования лекарственных трав проводили исследования сотрудники сада, среди которых травник казенной аптеки Михайло Васильев Веснин, садовник той же аптеки Василий Иванов Савельев, травовед полевой аптеки Медицинского сада Михаил Фадеев Соболев и др. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 15, д. 333, л. 73].

Аптекарский сад являлся одним из любимых мест отдыха горожан и городской достопримечательностью. Все видные гости Тобольска обязательно его посещали. В 1894 году очевидцы писали, что в Аптекарском саду побывала влиятельная англичанка, которая была поражена его «чистотой, красотой и обходительностью персонала» [Кондакова, 2015]. На территории сада были разбиты гряды лекарственных растений, устроен пруд, который питался подземными ключами [Там же]. Уникальной особенностью сада стало выращивание в нем лекарственных растений, в том числе и редких для Западной Сибири.

Тобольск XIX века в описаниях очевидцев представлял собой уютный и чистый город. «Все приезжие отмечали небывалый уют и ухоженность губернского города и дивились, что в этом азиатском центре сосредоточена присущая больше европейским городам высокая культура содержания улиц, их благоустройство и ведение паркового хозяйства» [Тагитдинова, 2011].

В советское время на территории Аптекарского сада были построены новые корпуса больницы, что существенно сократило площадь некогда огромного сада. В 70-е годы XX века, по окончании строительства нового пятиэтажного корпуса больницы, пруд, подпитываемый подземными ключами, оказался заваленным строительным мусором перестал существовать. Был нарушен природный ландшафт, что, по мнению краеведа Г. Кондаковой, недопустимо [Кондакова, 2015].

Постепенно Аптекарский сад без должного ухода зарастал тальником, мелкой порослью, крапивой и другими «пришлыми» растениями. Места для отдыха оказались разрушенными, остались лишь три разрозненные, необлагороженные садовые дорожки, тропинки. На территории сада к XXI веку от лекарственных растений осталось четыре грядки, сохранилось 92 реликтовых дерева: дубы, яблони, лиственницы, пихты, ивы, ели и сосны [Кузнецов, 2021].

Уже в нынешнем столетии с инициативой восстановить сад выступили сами жители города Тобольска, так как в последние годы сад зарос и нуждался в благоустройстве. Неоднократно проводились мероприятия по очистке территории сада от мусора населением города, в том числе студен-

CC BY

тами вузов и средних профессиональных учебных заведений, были высажены саженцы деревьев.

В 2019 году проект концепции по реновации Аптекарского сада принял участие в конкурсе по созданию комфортной городской среды Всероссийского конкурса Минстроя России [Аптекарский, 2021]. В 2021 году проектная документация по реконструкции Аптекарского сада прошла экспертизу, и с июля 2021 года на территории Аптекарского сада начали работать строители. К 205-летию Аптекарского сада, 24 июня 2022 года, Аптекарский сад был открыт после реконструкции.

На сегодняшний день площадь сада составляет 5,85 га, 20 лет — средний возраст новых деревьев, 200 лет — возраст самого старого кедра в саду. В результате реконструкции были посажены несколько сотен деревьев-крупномеров, видовой состав деревьев был определен в соответствии с историей сада. Кроме того, был возрожден огород лекарственных растений. Подбор растений для него был осуществлен с учетом упоминаний в архивных материалах. Появились два объемных участка с грядками, на которых посажены мята, календула, мелисса, зверобой и другие лекарственные растения.

Сейчас это любимая рекреационная территория для отдыха горожан и туристов с восстановленным прудом, зоной отдыха, интересными арт-объектами, игровыми комплексами, спортивными тренажерами и велодорожкой.

Как видим, Аптекарский сад Тобольска прошел длительный путь своего становления, пережив период упадка и возрождения рекреационной зоны, любимой горожанами.

3.3. Аптекарский сад города Тюмени

Гораздо позднее Тобольского появился аптекарский сад в городе Тюмени, время создания которого пришлось на 40-е годы XIX века. Его основателем являлся провизор Александр Иванович Даудель. На заседании Тюменской городской Думы 19 мая 1843 года было заслушано прошение, которое подал «в сию Думу 10 декабря 1842 года, жительствующий в городе Тюмени провизор Александр Иванович Даудель» [ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 489]. Он просил предоставить во владение участок городской земли «для складки и просушки трав, равно для разведения, по возможности ботанических растений, мерою длиннику и поперешнику по 30 сажен», за что обязался «взнести в городской доход 3 рубля серебром» [Там же].

Место под сад А. И. Дауделю, по документам городской Думы, было лично освидетельствовано городским Головою Аврамом Проскуряковым с гласным Щетининым: «место, просимое г. Дауделем, оказалось пустопорожним: лежащее вне городской черты в выгоне 1 квартала, по правую руку кладбища, по линии от винного подвала, и для просимой надобности

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

приличное»; площадь участка составляла примерно 0,41 га, участок находился вне городской черты, справа от кладбища [ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 489].

Проведенные по карте 1885 года примерные измерения показывают, что размеры сада в это время достигали 1,137 га (50 саженей на 50 саженей). Возможно, власти города выделили участок больше требуемого, также есть вероятность того, что сад за 42 года был увеличен владельцами по необходимости. На карте 1885 года (рис. 4) зафиксировано точное положение сада и его форма — ровный квадрат в 133 метрах от южной стены Всехсвятской церкви. По исследованиям Л. Е. Показаньевой: «Площадь сада в 5 га, указанная во многих публикациях, это ошибка, возникшая из-за опоры авторов на карту 1861 года, которая является планом будущей застройки новых кварталов Тюмени, организации парка на общей территории (5 га) закрытого кладбища и аптекарского сада» [Показаньева, 2002, с. 81].

Рис. 4. План города Тюмени (1885 год). Режим доступа : http://retromap.ru/1418854_z13_57.145692,65.509929 (дата обращения: 10.06.2023).

После смерти аптекаря в 1857 году его делами, садом и аптекой занималась вдова Александра Ивановна. Это подтверждается архивными документами городской Думы от 25 октября 1857 года: «…деньги 69 руб. 14 коп. серебром выданы жене покойного провизора Александра Дауделя, Александре Ивановне за медикаменты, отпущенные для Тюменской городовой больницы» [ГБУТО ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 420, л. 157].

CC BY

По воспоминаниям И. Я. Словцова, можно представить внешний облик аптекарского сада Тюмени: «В доброе старое время в Тюмени был образцовый аптекарский сад…, который снабжал травами не только Тюмень, но и восточную часть России. Центр сада был разбит на квадратные участки, защищенные с трех сторон синевато-зелеными стройными кедрами и только с юга открытые» [Литературные…, 1997, с. 67]. Данное описание уже подтверждает факт наличия в саду лекарственных растений и использования их в лечебных целях. П. Я. Словцов отмечал, что под такой надежной защитой от ветра и холода Александра Ивановна делала мелкие грядки и каждую из них засевала каким-либо растением. Центральный участок сада окружал небольшой парк из лип, рябины, малины, жимолости и других растений [Там же].

Однако к концу XIX века сад уже исчез. Когда в 1879 году И. Я. Словцов вернулся в Тюмень, то увидел сад, ставший городской собственностью, уже полуразрушенным. Он хотел взять сад в аренду на десять лет, благоустроить его, вернуть городу, но получил отказ от городских властей [Кубочкин, 2002, с. 81].

В 1903 году на территории бесхозного сада был построен ночлежный дом на средства Н. И. Давыдовского. К концу XIX века значительную часть территории Аптекарского сада заняла городская больница. А в начале XX века почти весь сад вырубили под городскую застройку.

Сейчас, в XXI веке, Аптекарский сад города Тюмени сохранился в небольших размерах в виде сквера в центральной части города Тюмени. От былого сада остались только его история и деревья, однако рекреационную функцию — места для отдыха — аптекарский сад продолжает выполнять, так как находится далеко от основных транспортных магистралей города, в окружении корпусов медицинских учреждений. История также сохранила память об основоположнике Аптекарского сада: на сегодняшний день в Тюмени есть улица, носящая имя провизоров и садоводов Дауделей, — Даудельная.

4. Заключение = Conclusions

В XIX—XX веках интерес к аптекарским садам стал угасать, так как потребность в лекарственном растительном сырье снижалась, в силу того что появлялись альтернативные источники лекарственных средств [Бакиева, 2020, с. 48].

Рассмотрев исторический опыт становления и развития аптекарских садов в Тобольской губернии, отметим, что, во-первых, они создавались при лечебных или провизорских учреждениях; во-вторых, их создание инициировали, как правило, аптекари или люди, близкие к фармацевтической отрасли; в-третьих, для их организации в западносибирских городах

CC BY

отводилось специальное место, где сад содержался в образцовом порядке; в-четвертых, аптекарские сады нередко выступали научными полевыми лабораториями для изучения и распространения лекарственных растений региона; в-пятых, аптекарский сад был местом показа, как своеобразная достопримечательность.

К сожалению, сегодня аптекарские сады превратились в ботанические сады со своим набором функций, не миновала эта участь и аптекарские сады городов Тобольска и Тюмени. Однако с целью сохранения исторической памяти необходимо в аптекарских садах сибирских городов, которые выполняют рекреационные функции мест отдыха населения, выделить места для лекарственных растений, обладающих декоративными свойствами и создающих особый аромат в аптекарских садах.

Как отмечает М. И. Горнова, создаются «сады чувств», ароматов, шелеста и музыки ветра. Они могут служить релаксационными объектами для людей с ограниченными возможностями [Горнова, 2012, с. 440]. Также сады как места общего пользования часто используются для проведения праздничных мероприятий.

Сохраненные сады являются примером созидательной деятельности человека. Как отмечает В. С. Новиков, «мы должны сохранять наше прошлое, бережно относится к тому наследию, которое нам досталось, активно работать в настоящем и думать о будущем» [Новиков, 2017, с. 43].

Историко-просветительская деятельность в аптекарских садах имеет большой потенциал для формирования культуры здоровья населения, ее составляющей, связанной с изучением лекарственных свойств растений; использования территорий для оздоровления горожан. Особое значение имеет формирование ценностного отношения подрастающего поколения к историческому наследию.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аптекарский* сад в Тобольске: возрождение старейшего городского парка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://centerurban.com /21/ tobolsk-aptekarsky/ (дата обращения 22.07.2023).

2. *Аптекарский* сад Дауделей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://safe-rgs.ru/1220-aptekarskiy-sad-daudeley.html (дата обращения 24.07.2023).

3. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 8, 156 ; Ф. И-154, 329.

CC BY

4. ГБУТО ГАТО — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области. Государственный архив Тюменской области. Ф. И.-2.

5. *Кондакова Г. А.* История и судьба Аптекарского сада / Г. Кондакова // Тобольская правда : [газета]. — 1999. — № 91 (15 июня). — С. 2.

Литература

8. *Коротков С. А.* Из истории аптекарских огородов России / С. А. Коротков // Вестник ландшафтной архитектуры. — 2019. — № 18. — С. 43—49.

9. *Кочкин М. А.* Государственному Ботаническому саду — 150 лет / М. А. Кочкин. — Симферополь : Крымиздат, 1962. — 71 с.

10. *Кубочкин С.* Сады Тюмени / С. Кубочкин // Тычковка, Сараи, Потаскуй: из истории тюменских окраин XIX — начала XX вв. — Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2002. — 296 с. — ISBN 5-93020-116-1.

11. *Кузнецов С. В.* Тобольске началась реконструкция Аптекарского сада памятников [Электронный ресурс] / С. В. Кузнецов. — Режим доступа : https://tumentoday.ru/2021/08/13/v-tobolske-nachalas-rekonstrukciya-aptekarskogo-sada/ (дата обращения 24.07.2023).

12. *Кузыбаева М. П.* Медицинские музеи России : становление и место в музейном мире : XVIII — первая треть XX в. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 24.00.03 / М. П. Кузыбаева. — Москва, 2011. — 25 с.

13. *Лазарева Н. В.* Научно-методический подход формирования садов лекарственных растений / Н. В. Лазарева // 21 век : Фундаментальная наука и технологии. Материалы XXV международной научно-практической конференции. — Самоиздание : Изд-во Lulu Press Inc., 2021. — С. 5—8.

14. *Лазарева Н. С.* Сенсорный сад в ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород» как элемент экскурсионной работы / Н. С. Лазарева // Hortus botanicus. — 2018. — Т. 1. — С. 687—692.

15. *Лазарева Н. С.* Новая коллекция «Растения средней полосы России» в «Аптекарском огороде» Ботанического сада МГУ / Н. С. Лазарева, В. М. Животова // Субтропическое и декоративное садоводство. — 2014. — № 51. — С. 115—119.

16. *Ларионова Н. Л.* Аптекарский сад в современном ландшафтном дизайне России / Н. Л. Ларионова, Ю. А. Мироненко // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности. — Москва : Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности, 2023. — С. 42—45.

17. *Лахтин М. Ю.* Заготовка лекарственных средств в XVIII веке (Из истории аптечного дела в России) / М. Ю. Лахтин // Фармацевт. — 1903. — № 35. — С. 1167.

18. *Лахтин М. Ю.* Медицина и врачи в Московском государстве (в до-Петровской Руси) / М. Ю. Лахтин // Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Императорского Московского университета. — Москва : Унив. типография, 1906. — Т. 1. — 131 с.

19. *Литературные* фантомы : сборник / И. Я. Словцов, Е. Л. Милькеев, Е. В. Кузнецов. — Тюмень : СофтДизайн, 1997. — 462 с. — ISBN 5-88709-088-X.

20. *Мирский М. Б.* Очерки истории медицины в России XVI—XVIII вв. / М. Б. Мирский. — Владикавказ : РСО-А, 1995. — 170 с. — ISBN 5-87860-045-5.

21. *Новиков В. С.* Прошлое и настоящее российских ботанических садов / В. С. Новиков, А. В. Раппопорт, С. В. Ефимов // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. — 2017. — № 3. — С. 38—44.

22. *Новиков В. С.* Ботанический сад МГУ им. М. В. Ломоносова / В. С. Новиков, С. В. Ефимов // Наука в России. — 2014. — № 5 (203). — С. 89—92.

23. *Новиков В. С.* Направления развития Российских ботанических садов в реалиях нового времени / В. С. Новиков, А. В. Раппопорт, С. В. Ефимов // Ботанические сады в современном мире : наука, образование, менеджмент. — Санкт-Петербург : Ботанические сады в современном мире : наука, образование, менеджмент, 2016. — С. 8—13. — ISBN 978-5-9906230-8-8.

24. *Новиков В. С.* Прошлое и настоящее Российских ботанических садов / В. С. Новиков, А. В. Раппопорт, С. В. Ефимов // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. — 2017. — Т. 122. — № 3. — С. 38—44.

25. *Ноговицина Е.* Археологи нашли в Аптекарском саду Тобольска важные артефакты [Электронный ресурс] / Е. Ноговицина. — Режим доступа : https://tumentoday.ru/2021/09/28/arheologi-nashli-v-aptekarskom-sadu-tobolska-vazhnye-artefakty/ (дата обращения 24.07.2023).

26. *Описание* Тобольского наместничества : сборник / АН СССР, Ин-т истории и др. / сост. А. Д. Колесников. — Новосибирск, 1982. — 321 с.

27. *Пойдина Т. В.* Садово-парковое строительство в сибирском городе : автореферат диссертации … кандидата искусствоведения : 17.00.04 / Т. В. Пойдина. — Барнаул, 2006. — 31 с.

28. *Показаньева Л. Е.* История аптекарского сада в Тюмени / Л. Е. Показаньева // Неделя молодежной науки-2021. — Тюмень : Неделя молодежной науки-2021, 2021. — С. 417—418.

29. *Рыбина В. В.* Предпосылки возникновения и архитектурно-планировочная организация общественных садов юга России XIX века / В. В. Рыбина // Научный альманах. — 2020. — № 5—6 (67). — С. 288—292.

30. *Тагитдинова Д.* По следам утраченных памятников [Электронный ресурс] / Д. Тагитдинова // Тюменская область сегодня. — 31 мая 2011. — Режим доступа : https://tumentoday.ru/2011/05/31/%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BC-%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/ (дата обращения 24.07.2023).

31. *Филин А. Н.* Эколого-просветительская экспозиция «Растения средней полосы европейской части России» в Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород» / А. Н. Филин, А. С. Зернов // Систематические и флористические исследования Северной Евразии. — Москва : Систематические и флористические исследования Северной Евразии, 2018. — С. 88—92.

32. *Фирсов Г. А.* Роль и значение ботанического сада Петра Великого в научной, образовательной и просветительской деятельности : вехи истории / Г. А. Фирсов, В. Т. Ярмишко // Ботанические сады в современном мире. — Санкт-Петербург : Ботанические сады в современном мире, 2021. — С. 104—107. — ISBN 978-5-7629-2917-2.

33. *Фомина И. Р.* История ботаники в России : Измайловский сад и Московский аптекарский огород / И. Р. Фомина // История ботаники в России. К 100-летнею юбилею РБО. — Тольятти : История ботаники в России, 2015. — С. 174—177. — ISBN 978-5-91687-158-6.

34. *Худин К. С.* Документы Аптекарского приказа (1629—1672 гг.) как исторический источник : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 5.6.5 / К. С. Худин. — Москва, 2021. — 18 с.

35. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. / сост. И. В. Щеглов, под ред. чл. отд. В. И. Вагина. — Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. отд. рус. геогр. об-ва, 1883. — 779 с.

CC BY

Статья поступила в редакцию 25.01.2023,
одобрена после рецензирования 01.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

Apothecary Garden in Tobolsk: the revival of the oldest city park. Available at: https://center-urban.com /21/ tobolsk-aptekarsky/ (accessed 22.07.2023). (In Russ.).

GBUTO GA in Tobolsk — *Is a State budgetary institution of the Tyumen region. The State Archive in Tobolsk.* (In Russ.).

GBUTO GATO — *Is a state budgetary institution of the Tyumen region. The State Archive of the Tyumen region.* (In Russ.).

Kondakova, G. A. (1999). History and fate of the Pharmacy garden. *Tobolsk Pravda: [newspaper], 91 (June 15):* P. 2. (In Russ.).

Pharmacy garden of Laudels. Available at: http://safe-rgs.ru/1220-aptekarskiy-sad-daudeley.html (accessed 24.07.2023). (In Russ.).

References

Bakieva, E. V., Galkin A. V. (2020). The use of medicinal plants in landscape design and the creation of an apothecary garden. *Notes of the scientist: journal of IUBiP, 6:* 47—52. (In Russ.).

Barabanova, L. P. (1986). *Etudes about the protected city: dedicated to the 400th anniversary of Tobolsk.* Sverdlovsk: Sred.- Ural. publishing house. 190 p. (In Russ.).

Description of the Tobolsk Viceroyalty: collection / USSR Academy of Sciences, Institute of History, etc. (1982). Novosibirsk. 321 p. (In Russ.).

Dubovenko, Yu. I., Savitsky, G. V. (2015). History of pharmacy development in Russia in the XVIII century. *Almanac of young science, 1:* 21—26. (In Russ.).

Filin, A. N., Zernov, A. S. (2018). Ecological and educational exposition "Plants of the middle zone of the European part of Russia" in the Botanical Garden of the Moscow State University "Aptekarsky ogorod". In: *Systematic and floristic studies of Northern Eurasia.* Moscow: Systematic and Floristic Studies of Northern Eurasia. 88—92. (In Russ.).

Firsov, G. A., Yarmishko, V. T. (2021). The role and significance of the Peter the Great Botanical Garden in scientific, educational and educational activities: milestones of history. In: *Botanical gardens in the modern world.* St. Petersburg: Botanical Gardens in the Modern World. 104—107. ISBN 978-5-7629-2917-2. (In Russ.).

Fomina, I. R. (2015). History of botany in Russia: Izmailovsky Garden and Moscow Apothecary garden. In: *History of botany in Russia. To the 100th anniversary of the RBO.* Togliatti: History of Botany in Russia. 174—177. ISBN 978-5-91687-158-6. (In Russ.).

Golikov, K. A. (2019). Socio-cultural aspect of modernization of Russia in the XVIII—XXI centuries: from the apothecary garden to the botanical garden of Moscow University. *Questions of history, 12—1:* 180—194. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi12. (In Russ.).

Gornova, M. I. (2012). Botanical gardens — modern educational and recreational institutions. *New ideas of the new century: Materials of the international scientific conference of the Federal State University, 1:* 438—442. (In Russ.).

Khudin, K. S. (2021). *Documents of the Pharmacy order (1629—1672) as a historical source.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Kochkin, M. A. (1962). *The State Botanical Garden is 150 years old.* Simferopol: Krymizdat. 71 p. (In Russ.).

Kondakova, G. A. (2014). Apothecary Garden. *City of Tobolsk, 5:* 29—30. (In Russ.).

Kondakova, G. A. (2015). *It is impossible not to fall in love with our antiquity! In Tobolsk with Galina Kondakova.* Yekaterinburg: Ural Worker. 215 p. ISBN 978-5-85383-597-9. (In Russ.).

Korotkov, S. A. (2019). From the history of apothecary gardens of Russia. *Bulletin of landscape architecture, 18:* 43—49. (In Russ.).

Kubochkin, S. (2002). Gardens of Tyumen. In: *Tychkovka, Sheds, Potaskuy: from the history of the Tyumen suburbs of the XIX — early XX centuries.* Tyumen: Publishing House of Yuri Mandrika. 296 p. ISBN 5-93020-116-1. (In Russ.).

Kuznetsov, S. V. *Tobolsk the reconstruction of the Apothecary Garden of monuments has begun.* Available at: https://tumentoday.ru/2021/08/13/v-tobolske-nachalas-rekonstrukciya-aptekarskogo-sada / (accessed 24.07.2023). (In Russ.).

Kuzybaeva, M. P. (2011). *Medical museums of Russia: formation and place in the museum world: XVIII — the first third of the XX century.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).

Lakhtin, M. Yu. (1906). Medicine and doctors in the Moscow state (in pre-Petrine Russia). In: *Proceedings of the Department of History and Encyclopedia of Medicine of the Imperial Moscow University, 1.* Moscow: Univ. printing House. 131 p. (In Russ.).

Lakhtin, M. Yu. (1903). Procurement of medicines in the XVIII century (From the history of pharmacy in Russia). *Pharmacist, 35:* P. 1167. (In Russ.).

Larionova, N. L., Mironenko, Yu. A. (2023). Apothecary garden in modern landscape design of Russia. In: *Modern information technologies in education, science and industry.* Moscow: Modern Information Technologies in Education, Science and Industry. 42—45. (In Russ.).

Lazareva, N. S., Zhivotova, V. M. (2014). New collection "Plants of the middle zone of Russia" in the "Apothecary garden" of the Botanical Garden of Moscow State University. *Subtropical and decorative gardening, 51:* 115—119. (In Russ.).

Lazareva, N. S. (2018). Sensory garden in the botanical garden of Moscow State University "Apothecary garden" as an element of excursion work. *Hortus botanicus, 1:* 687—692. (In Russ.).

Lazareva, N. V. (2021). Scientific and methodological approach to the formation of gardens of medicinal plants. In: *21st century: Fundamental science and technology. Materials of the XXV International Scientific and practical conference.* Self-publishing: Lulu Press Inc. 5—8. (In Russ.).

Literary phantoms: collection. (1997). Tyumen: Soft Design. 462 p. ISBN 5-88709-088-X. (In Russ.).

Mirsky, M. B. (1995). *Essays on the history of medicine in Russia of the XVI—XVIII centuries.* Vladikavkaz: RSO-A. 170 p. ISBN 5-87860-045-5. (In Russ.).

Nogovitsina, E. *Archaeologists found important artifacts in the Tobolsk Pharmacy Garden.* Available at: https://tumentoday.ru/2021/09/28/arheologi-nashli-v-aptekarskom-sadu-tobolska-vazhnye-artefakty / (accessed 24.07.2023). (In Russ.).

Novikov, V. S., Efimov, S. V. (2014). Botanical Garden of Lomonosov Moscow State University. *Science in Russia, 5 (203):* 89—92. (In Russ.).

Novikov, V. S., Rappoport, A. V., Efimov S. V. (2016). Directions of development of Russian botanical gardens in the realities of modern times. In: *Botanical gardens in the mod-*

ern world: science, education, management. St. Petersburg: Botanical Gardens in the modern world: science, education, Management. 8—13. ISBN 978-5-9906230-8-8. (In Russ.).

Novikov, V. S., Rappoport, A. V., Efimov S. V. (2017). The past and present of Russian Botanical Gardens. *Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology, 122 (3):* 38—44. (In Russ.).

Novikov, V. S., Rappoport, A. V., Efimov S. V. (2017). The past and the present of Russian botanical gardens. *Bulletin of the MOIP. Department of Biology, 3:* 38—44. (In Russ.).

Poidina, T. V. (2006). *Garden and park construction in the Siberian city.* Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 31 p. (In Russ.).

Pokazanyeva, L. E. (2021). The history of the pharmacy garden in Tyumen. In: *Youth Science Week-2021.* Tyumen: Youth Science Week-2021. 417—418. (In Russ.).

Rybina, V. V. (2020). Prerequisites for the emergence and architectural planning organization of public gardens of the South of Russia of the XIX century. *Scientific Almanac, 5—6 (67):* 288—292. (In Russ.).

Shcheglov, I. V. (1883). *Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032—1882.* Irkutsk: Publishing House of the East-Siberian Branch of the Russian Geographical Region. 779 p. (In Russ.).

Tagitdinova, D. (2011). *In the footsteps of lost monuments.* Available at: https://tumentoday.ru/2011/05/31/%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BC-%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2 / (accessed 24.07.2023). (In Russ.).

The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Татарникова А. И. Сеть поселений Новосибирского округа в 1920-е годы : численность, структура и особенности развития / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 486—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-486-505.

Tatarnikova, A. I. (2023). Network of Settlements in Novosibirsk District in 1920s: Population, Structure and Development Features. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 486-505. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-486-505. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-486-505

Сеть поселений Новосибирского округа в 1920-е годы: численность, структура и особенности развития

Татарникова Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Группы истории освоения Сибири
tatob777@yandex.ru

Тобольская комплексная научная
станция Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Network of Settlements in Novosibirsk District in 1920s: Population, Structure and Development Features

Anna I. Tatarnikova
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD of History,
Senior Researcher,
History of Siberian Development Group
tatob777@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Татарникова А. И., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются численность, типология и величина населенных пунктов Новосибирского округа, являвшегося в 1925—1930 годы одной из основообразующих административно-территориальных единиц Сибирского края. Определяются особенности развития поселенческой сети названного округа в сравнении с сетью поселений соседних округов. Впервые приводятся данные о количественном соотношении селений разных типов, их дворности и людности, прослеживаются преемственность и трансформация в развитии системы расселения в округе. Актуальность исследования заключается не только в слабой изученности представленной темы, но и в возможности использования исторического опыта предшествующих поколений в выстраивании эффективной аграрной политики, возрождении российской деревни на современном этапе ее развития. Новизна исследования состоит в анализе функционирования сети населенных пунктов в первые годы советской власти, включающем типическую структуру составляющих ее единиц, среднюю численность крестьянских домохозяйств в селениях разного типа, размещение моноэтнических поселений в районах Новосибирского округа. Отмечена новая тенденция в преобразовании сельских поселений в городские, выразившаяся в отказе от сугубо административно-волевых решений по данному вопросу в пользу учета последовательной эволюции конкретного населенного пункта.

Ключевые слова:
сеть поселений; Новосибирский округ; типическая структура; величина селения; национальный состав; моноэтническое поселение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study analyzes the population, typology, and size of settlements in the Novosibirsk district, which was one of the administrative-territorial units of the Siberian region in 1925—1930. The peculiarities of the development of the settlement network in this district are determined in comparison with neighboring districts. Data on the quantitative ratio of settlements of different types, their household and population composition are presented for the first time, and continuity and transformation in the development of the settlement system in the district are traced. The relevance of the study lies not only in the poorly studied nature of the topic but also in the possibility of using historical experience from previous generations to build an effective agricultural policy and revive the Russian village in its modern stage of development. The novelty of the study lies in the analysis of the functioning of the settlement network in the early years of Soviet power, including the typical structure of its units, the average number of peasant households in settlements of different types, and the placement of mono-ethnic settlements in the Novosibirsk district. A new trend has been noted in transforming rural settlements into urban ones, expressed in a refusal to make purely administrative decisions on this issue in favor of taking into account the sequential evolution of a specific settlement.

Key words:
settlement network; Novosibirsk district; typical structure; settlement size; national composition; mono-ethnic settlement.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.3/.6

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Сеть поселений Новосибирского округа в 1920-е годы: численность, структура и особенности развития

© Татарникова А. И., 2023

1. Введение = Introduction

Заселение и хозяйственное освоение любой территории сопровождается складыванием и развитием определенной системы расселения, основу которой составляет сеть населенных пунктов, административно, производственно-экономически, коммуникативно, социокультурно связанных и взаимодействующих между собой. Представляя собой непрерывный исторический процесс, развитие сети поселений испытывает на разных этапах своего существования влияние природно-географического, политико-правового, экономического, демографического и иных факторов, определяющих общие закономерности ее функционирования в масштабах страны в целом, а также региональную специфику, придающую неповторимое своеобразие данной совокупности населенных пунктов.

В этом отношении система расселения на территории нашей страны всегда имела ярко выраженный региональный колорит, обусловленный особенностями природных условий конкретной местности, уровнем развития производительных сил, транспортной сети, полиэтничностью состава населения, особенностями хозяйственно-бытового уклада его жизни и др.

Цель представленного исследования состоит в характеристике поселенческой сети одной из активно колонизуемых в первой трети XX века сибирских территорий — Новосибирского округа, являвшегося с мая 1925 года по июль 1930 года административно-территориальной единицей Сибирского края.

Выбор территориальных рамок исследования объясняется как центральным административным положением Новосибирского округа в составе Сибирского края, так и растущим экономическим значением Новосибирска как окружного и краевого центра.

Хронологические рамки работы обусловлены, во-первых, особенностями источниковой базы исследования, основу которой составили списки населенных мест за 1926 год [Список…, 1928], во-вторых, временными границами существования характеризуемого округа, районы которого после очередной административно-территориальной реформы в июле 1930 года отошли в прямое подчинение Западно-Сибирского края, а сам округ был упразднен.

Новизна представленной работы заключается в том, что впервые в отечественной историографии изучается развитие сети поселений Новосибирского округа раннесоветского периода, дается количественный анализ данной сети, исследуются ее типологическая структура, соотношение селений разного типа, определяется их величина в сопоставлении с населенными пунктами соседних округов, рассматривается функционирование моноэтнических поселений на изучаемой территории. При характеристике сети поселений учитываются особенности предшествующего (имперского) периода ее развития, прослеживается трансформация сети в условиях новых политических и социально-экономических реалий 1920-х годов.

2. Материал, метод, обзор = Material, Methods, Review

Изучение развития сети населенных пунктов Новосибирского округа в 1920-е годы осуществляется нами с ориентиром на основные концептуальные идеи, изложенные в работах советских географов, а именно: С. А. Ковалева относительно разделения сельских поселений на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные [Ковалев, 1963] и Э. Б. Алаева, выделившего два типа селений — центральные и периферийные [Алаев, 1983].

Теоретико-методологически значимыми для проведения исследования стали ключевые положения такого научного направления, как крестьяноведение. Его представители: Т. Шанин, В. В. Бабашкин, А. М. Никулин и др. — рассматривали село (деревню) как социально-территориальную общность, изучая сельское поселение, закономерности и тенденции его развития как социальной системы, включающей как производственные и бытовые, так и духовно-нравственные отношения [Рефлексивное крестьяноведение…, 2002; Бабашкин, 1998; Никулин, 2014]. Составными частями этой системы выступают сельский образ жизни, социально-демографическая структура села, сельское самоуправление и др. [Лихачев, 2005]. Крестьяноведческий подход к истории помог избежать экономически детерминированных оценок роли деревни в историческом процессе.

Как отмечалось выше, заявленная тема еще не привлекала внимания исследователей. Тем не менее в историографии есть немало работ, посвященных отдельным аспектам изучаемой проблемы. Интерес представляют публикации В. В. Пуричи, М. В. Белозеровой, В. М. Моисеенко, М. А. Овчаровой, посвященные организации переселений в Сибирь в первой трети XX века и способам расселения новоселов на новых землях [Пуричи, 2005; Белозерова, 2010; Моисеенко, 2015; Овчарова, 2019].

Особенности образования и функционирования отдельных типов поселений рассмотрены в работах Ю. А. Симагина, Е. В. Демчик и А. Е. Савицкой, А. Ю. Слабухи и др. [Симагин, 2009; Демчик и др., 2018; Слабуха, 2019].

CC BY

Вопросы влияния демографического и социально-экономического факторов на развитие системы расселения и функционирования сети поселений изучены В. А. Зверевым, Е. В. Вечер, В. А. Исуповым [Зверев, 2010; Вечер, 2010; Исупов, 2019].

Автор представленного исследования одну из своих публикаций посвятил изучению развития сельской поселенческой сети Томского округа в 1920-е годы, рассмотрев ее типическое разнообразие, среднюю величину селений разных типов и численность одного домохозяйства в томских селениях. Полученные данные позволят сравнить вышеназванные показатели с аналогичными по Новосибирскому округу [Татарникова, 2022].

Таким образом, в настоящее время комплексного изучения заявленной темы не проводилось, что еще более актуализирует ее цель и задачи.

Основным источником данного исследования послужил «Список населенных мест» (далее — «Список»), отражающий состояние сети поселений Новосибирского округа по состоянию на конец 1926 года. В основу «Списка» были положены материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года, а именно данные, содержащиеся в составленных Сибкрайстатуправлением «поселенных бланках» для каждого населенного пункта [Список…, 1928]. «Список» является единственным массовым статистическим источником, содержащим сведения о типах поселений, их величине, национальном составе в рассматриваемый период. Дополнительным источником стала работа А. Р. Шнейдера, в которой содержатся статистические данные о социально-экономическом развитии интересующего нас округа [Шнейдер, 1930].

В работе применялись как традиционные в исторической науке методы (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический), так и математико-статистические (метод обобщающих показателей, методы определения средних величин, аналитической (факторной) группировки статистических данных). Результаты количественного анализа источника показаны с помощью методов их табличного представления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Численность и типическая структура поселенческой сети

Новосибирский округ был образован в декабре 1925 года из Каргатского, Новониколаевского и части Черепановского уездов Новониколаевской губернии с центром в г. Новониколаевске, позже (в феврале 1926 года) переименованном в Новосибирск. Округ к началу 1927 года включал 21 район, наиболее крупными из которых были Баксинский, Каргатский, Масляниинский и Чулымский. Совокупная площадь округа составляла 56,9 тыс. кв. км [Новосибирский округ]. На его территории насчитывалось 2176 населенных пунктов: 4 городских и 2172 сельских.

CC BY

В число поселений городского типа, помимо Новосибирска, входили населенные пункты Черепаново (получил статус города в 1925 году), Каргатский и Колывань. Последние два значились в «Списке» как поселки городского типа [Список…, 1928, с. 460, 470], хотя в последующие несколько десятилетий они имели статус села. Официальный статус рабочего поселка Каргатский приобрел лишь в 1957 году, Колывань — в 1964 году. В июне 1929 года в разряд городских поселений были переведены Бердск и Мочище [Шнейдер, 1930, с. 104]. Таким образом, соотношение городского и сельского населения в округе составляло соответственно 18,1 к 81,9 %.

Новосибирский округ отличался сравнительно высокой плотностью населения, насчитывающей 14,1 чел. на кв. км. Из соседствующих с ним округов более высокую плотность имел лишь Барнаульский (18,5 чел. на кв. км), являвшийся наиболее привлекательной для заселения и земледельческих работ территорией [Там же, с. 104, 40]. Плотность населения других округов-соседей была невелика: Томского (без Нарымского края) — 8,8 чел.; Кузнецкого — 6,2; Барабинского — 5,3 [Там же, с. 141, 90, 33].

Распределение населенных пунктов по районам Новосибирского округа (табл. 1) показывает, что наибольшая доля его поселений приходилась на Маслянинский, Чулымский, Черепановский и Каргатский районы.

Отсутствие в нашем распоряжении сведений о площади входящих в округ районов не дает возможности определить плотность сети поселений в каждом из них по состоянию на 1926 год. Тем не менее общее пред-

Таблица 1

Количество населенных пунктов в районах Новосибирского округа, 1926 год (без окружного центра)*

Район	абс.	%	Район	абс.	%
Алексеевский	120	5,5	Колыванский	42	1,9
Баксинский	74	3,4	Коуракский	53	2,4
Бердский	112	5,1	Коченевский	144	6,6
Битковский	63	2,9	Легостаевский	115	5,3
Бугринский	70	3,2	Маслянинский	252	11,6
Вьюнский	67	3,1	Ордынский	49	2,3
Гутовский	118	5,4	Ояшинский	70	3,2
Индерский	45	2,1	Ужанихинский	62	2,9
Каменский	101	4,6	Черепановский	161	7,4
Каргатский	153	7,1	Чулымский	212	9,8
Карпысакский	92	4,2	Итого	2175	100

*Подсчитано по: [Список…, 1928, с. 422—524].

CC BY

ставление о густоте поселенческой сети можно составить на основе данных, собранных сибирским ученым, экономистом А. Р. Шнейдером. Исследователь в своем справочнике об административно-территориальных единицах Сибирского края указал площадь районов после проведенного летом 1929 года районирования. Хотя часть районов Новосибирского округа была расформирована и укрупнена, а из 21 района образовано 15, показатели плотности сети населенных пунктов изменились несущественно.

По данным А. Р. Шнейдера, наибольшей плотностью отличалась поселенческая сеть Маслянинского и Алексеевского районов, в которых на одно селение приходилось соответственно 14,1 и 15,4 кв. км. Данные районы занимали юго-восточную, лесостепную часть округа. Разреженная сеть поселений была характерна для Индерского (68 кв. км), Ужанихинского (59,3 кв. км), Каргатского (53,4 кв. км) районов. Последний занимал зону Барабинской лесостепи с многочисленными болотами и озерами. Низкой плотностью отличалась поселенческая сеть Баксинского района (56,6 кв. км), расположенного в таежной зоне, в Васюганских болотах. В целом густота поселенческой сети зависела от природно-географического положения, количества и качества пригодных для земледелия территорий, транспортной доступности и наличия постоянного источника водоснабжения.

Типическая структура сети поселений Новосибирского округа включала населенные пункты 31 типа. Наиболее распространенные из них представлены далее (табл. 2).

Таблица 2

Количество сельских поселений различного типа
в Новосибирском округе, 1926 год *

Тип населенного пункта	Количество поселений	
	абс.	%
Село	156	7,2
Деревня	220	10,1
Поселок**	730	33,6
Хутор	489	22,5
Заимка	98	4,5
Выселок	122	5,6
Мельница	76	3,5
Селения при железной дороге (разъезды, станции, казармы, будки, блок-посты, бараки)	122	5,6
Селения иных типов	159	7,4
Итого	2172	100

*Подсчитано по: [Список…, 1928, с. 422—524].
** Без поселков городского типа.

CC BY

Анализ табличных данных показывает, что треть всей поселенческой сети округа составляли селения со статусом поселка. Их бóльшая часть относилась к переселенческим, но в это же число входили и железнодорожные (станционные), а также сторожевые селения. К примеру, в Бердском районе при государственных мельницах № 1 и 2 имени М. В. Фрунзе существовали сторожевые поселки, в которых проживали соответственно 384 и 6 человек. В Бугринском районе активно развивался и рос железнодорожный (станционный) поселок Кривощековский (791 житель), позже ставший частью Новосибирска [Список…, 1928, с. 430].

Наибольшим числом переселенческих поселков в структуре сети населенных пунктов отличались Карпысакский (58,7 %), Баксинский (52,7 %), Каргатский (49,0 %) и Вьюнский (43,3 %) районы. Здесь с начала 1900-х годов шло активное межевание имеющихся пустопорожних земель, выделялись участки для переселенцев, на многих из которых образовывались поселки новоселов. В остальных районах Новосибирского округа доля поселков в сети поселений колебалась от 20 до 35 %. Исключением был лишь Ордынский район, в общем числе селений которого было всего 6,1 % поселков.

Вторым по распространенности типом населенных пунктов являлись хутора — малодворные поселения на участках индивидуального землепользования. Земельный кодекс РСФСР 1922 года подтвердил за крестьянами право свободного выхода из общины, в том числе на хуторское землепользование [Земельный…, 1922]. В результате до конца 1930-х годов индивидуальные крестьянские хозяйства в форме хуторов функционировали параллельно с общественными, коллективными. Наибольшим числом названных селений отличался Чулымский район, 50,5 % поселенческой сети которого было представлено хуторами. Больше трети занимали хутора в сети поселений Легостаевского, Алексеевского, Баксинского районов.

Деревни и села в структуре поселенческой сети Новосибирского округа составляли 10,1 и 7,2 % соответственно. При этом доля деревень была выше в районах старого земледельческого освоения — Колыванском (33,3 % его сети), Бугринском (22,8 %), Коуракском (22,6 %). В Чулымском, Каргатском и Коченевском районах, территория которых осваивалась позже, деревни встречались реже, а их удельный вес в сети поселений не превышал 4,2 %.

Села, отличавшиеся от деревень, как правило, бóльшей величиной и более развитой инфраструктурой, занимали четвертую строчку в числе часто встречаемых типов населенных пунктов. За исключением Ордынского района, где доля сел составляла 36,7 %, в остальных районах округа их удельный вес в сети поселений колебался от 2,6 до 17,8 %.

Одинаковым в поселенческой сети округа было соотношение выселков и населенных пунктов, возникших в ходе строительства и дальнейшего функ-

CC BY

ционирования Транссибирской железнодорожной магистрали (по 5,6 %). Выселки как тип населенного пункта возникали вследствие земельной тесноты на староосвоенных территориях (больше всего их было в Ояшинском, Масляинском, Карпысакском районах), когда часть жителей основного селения переезжала на имеющиеся пустопорожние земли и обзаводилась там жилыми и хозяйственными постройками. Появление железнодорожных селений было следствием модернизации региона, его вовлечения в общероссийские экономические процессы. Значительным числом железнодорожных поселений (станций, разъездов, казарм, будок, блок-постов) характеризовалась поселенческая сеть Коченевского (18,7 %), Алексеевского (13,3 %) и Битковского (12,8 %) районов. Всего селения перечисленных типов встречались в девяти районах из двадцати одного.

Не во всех районных поселенческих сетях присутствовали селения со статусом заимки и мельницы. К примеру, в Масляинском районе насчитывалось 39 заимок (15,5 % его сети), возникших в основном вследствие отдаленности основных угодий части крестьян от деревни, в которой они проживали постоянно. В Каргатском районе функционировало 13 заимок (8,5 % сети), причем их появление было связано с самовольным захватом земель крестьянами. Селения со статусом мельницы чаще всего встречались в Битковском, Бердском, Индерском районах округа.

Помимо населенных пунктов распространенных типов, перечисленных в таблице 2, в структуре поселенческой сети Новосибирского округа имелись поселения со статусом кордона (43 селения), коммуны (32), зимовки (30), односелья (16), аула (13), завода (7), водокачки (4), совхоза (3) и др. Все они включены в графу «Селения иных типов» указанной таблицы.

Сопоставление «Списка» за 1926 год с предыдущими «Списками» 1904 и 1911 годов, когда территория Новосибирского округа входила в состав Томской губернии, показало кратное сокращение числа селений «инородческого» типа. В 1926 году в поселенческой сети округа значилось всего 13 аулов, в которых проживали казахи. Селения со статусом аула встречались только в Каргатском (5) и Чулымском (8) районах.

Показательна трансформация сети населенных пунктов в 1920-е годы: исчезли форпосты, сторожки, характерные для этапа первоначального заселения региона, появились новые типы поселений. Результатом экономической модернизации стало возникновение железнодорожных поселений, поселков городского типа, росло число селений при заводах. Следствием аграрной политики советской власти было появление коммун, совхозов — хозяйственных ячеек, основанных на коллективных началах землепользования. Однако в «Списках» названные ячейки фиксировались как отдельные поселения. Многие из них носили соответствующие периоду начала

CC BY

социалистического строительства названия: «Братство и равенство», «Луч Освобождения», «Красный Пахарь», «Пролетарская Волна» и др.

В целом типическая структура поселенческой сети Новосибирского округа отражала основные тенденции политического и социально-экономического развития Советской России времен нэпа. В характеризуемой сети сосуществовали разные типы поселений, возникшие благодаря распространению общинных и индивидуальных форм землепользования.

3.2. Дворность и людность как показатели величины населенных пунктов

К числу важнейших показателей развития любого поселения относится его величина. Как правило, она определяется по количеству дворов (дворность) в населенном пункте и числу жителей (людность).

Результаты произведенных нами подсчетов показали, что в 1920-е годы в Новосибирском округе преобладали малые селения с числом дворов от 1 до 25, составлявшие почти 60 % его поселенческой сети (табл. 3). По данному показателю округ не отличался от своих соседей, поскольку в их поселенческой сети также бóльшая часть населенных пунктов была представлена малодворными поселениями: хуторами, недавно образованными мелкими переселенческими поселками, выселками, заимками, железнодорожными разъездами, блок-постами и др.

Таблица 3

Классификация населенных пунктов Новосибирского округа по количеству дворов, 1926 год *

Число дворов	**абс.**	**%**
Малые		
1—25	1304	59,9
Средние		
26—50	216	9,9
51—75	147	6,8
76—100	104	4,8
101—200	178	8,2
Крупные		
201—300	99	4,6
301—400	62	2,8
401—500	34	1,6
Наиболее крупные		
Свыше 500	26	1,2
Свыше 1000	4	0,2
Итого	2175	100

* Подсчитано по: [Список…, 1928, с. 422—524].

CC BY

Из таблицы 3 видно, что число новосибирских селений средней величины достигало почти 30 % всей сети поселений округа, а количество крупных (от 201 до 500 дворов) и наиболее крупных (свыше 500 дворов) населенных пунктов составляло 10 %. По данному показателю селения в Новосибирском округе выгодно отличались своей величиной по сравнению с соседним Томским. В последнем, к примеру, малые населенные пункты (1—25 дворов) составили 75 % поселенческой сети, средние — 23 %, крупные и наиболее крупные (201 двор и более) — 2 % [Татарникова, 2022, с. 60].

Крупных и наиболее крупных селений в Новосибирском округе насчитывалось 30, в то время как в Томском их было всего 5.

По дворности и людности среди населенных пунктов разного типа своими размерами выделялись села. Данные таблицы 4 показывают, что среднестатистическое новосибирское село имело 352 двора и 1740 жителей. Для сравнения: средняя величина томского села в этот период составляла 202 двора и 967 жителей, барнаульского — 400 и 1997 соответственно, бийского — 418 и 2347 [Татарникова, 2022, с. 61; Список…, 1928].

Таблица 4

Средняя величина сельских населенных пунктов разного типа и размер домохозяйства в Новосибирском округе, 1926 год *

Тип населенного пункта	Количество дворов	Число жителей	Человек в одном домохозяйстве
Село	352	1740	4,9
Деревня	178	881	4,9
Поселок	45	231	5,1
Хутор	6	31	5,2
Заимка	6	32	5,3
Выселок	23	117	5,1
Мельница	2	10	5,0
Железнодорожная будка	2	8	4,0
Железнодорожный разъезд	11	38	3,4
Казарма/полуказарма	4	18	4,5
Железнодорожная станция	24	105	4,4
Коммуна	6	63	10,5
Кордон	3	14	4,7
Средняя величина населенного пункта в округе	31	147	4,7

* Подсчитано по: [Список…, 1928, с. 422—524].

Большими по количеству дворов селами отличались Индерский (в среднем 592 двора в селе), Ужанихинский (477), Битковский (433), Ко-

CC BY

уракский (423) районы. Наименьшую дворность имели села Баксинского района (160 дворов).

Крупные по величине деревни были присущи сети поселений Коченевского (в среднем 265 дворов, 1267 жителей), Ордынского (261 двор, 1286 жителей), Бугринского (257 дворов, 1262 жителя) районов. Малой дворностью и людностью деревень отличался Баксинский район (81 двор, 398 жителей).

Относительно небольшие размеры имели поселки. Их средняя величина в округе достигала 45 дворов и 231 жителя. Однако новосибирские поселки были крупнее томских и барнаульских, насчитывающих в среднем 34 и 37 дворов соответственно. Среди административно-территориальных единиц Новосибирского округа самой крупной средней величиной характеризовались поселки Алексеевского (90 дворов, 475 жителей), Ужанихинского (74 двора, 395 жителей) и Чулымского (71 двор, 332 жителя) районов. В Ордынском и Маслянинском районах средняя величина поселков достигала всего 13 и 16 дворов.

Населенные пункты остальных статусов (заимки, выселки, мельницы, хутора и т. п.) отличались малодворностью, что подтверждают данные таблицы 4.

Обращает на себя внимание величина коммун в округе. Они представляли собой форму коллективной организации хозяйства, ведущегося сообща всеми членами. Однако в «Списке» коммуны значатся в качестве отдельных селения с небольшим количеством дворов, но при этом имеющие высокую людность. Так, в Коуракском районе, в коммуне имени Зиновьева, имелось одно домохозяйство, в котором проживало 37 человек [Список…, 1928, с. 474], в Бердском районе, в коммуне «Факел Революции», числилось одно домохозяйство с 111 жителями [Там же, с. 432]. Столь высокая людность домохозяйства объясняется сущностью коммуны, представлявшей собой форму колхоза с обобществлением не только средств производства, но часто и быта. Члены коммуны проживали и питались совместно, имели общие предметы быта [Демчик и др., 2018, с. 200—201]. К концу 1926 года в Новосибирском округе функционировало 32 коммуны, бóльшая их часть располагалась в Бугринском, Коченевском и Черепановском районах.

Поселенческая сеть характеризуемого округа включала 43 селения со статусом кордона. Это были посты лесной стражи стационарного или временного характера и отличались небольшой величиной. Около 26 % всех кордонов округа располагалось в Битковском районе.

Среди железнодорожных селений самыми крупными были станции (в среднем 24 двора, 105 жителей). В отличие от томских (в среднем 63 двора), новосибирские станции были небольшими, часто они сраста-

CC BY

лись с близлежащими селениями и объединялись местной администрацией в один населенный пункт со статусом село или поселок (например, село Романовское и станция Чулым в «Списке» значились как один населенный пункт (село) с 987 дворами и 3919 жителями [Список…, 1928, с. 522]).

Анализ величины домохозяйства в селениях разных типов показал, что в старожильческих селах, деревнях один двор насчитывал в среднем 4,9 чел., в то время как в хуторах, заимках, где требовалось больше рабочих рук для обустройства жилища и ведения хозяйства, данный показатель составлял 5,2—5,3 чел. Немноголюдными были дворы в селениях несельскохозяйственного типа: железнодорожных казармах, станциях, разъездах, а также в кордонах (3,4—4,7 чел.).

Отдельной характеристики требуют селения, выполнявшие функции районных центров округа. Из 21 районного селения 17 имели статус села, 2 — поселка городского типа, 1 — города.

Местные административные центры отличались значительно большей величиной по сравнению с другими селениями в районе. Так, средняя величина районных сел составляла 543 двора, в то время как типичное село в округе насчитывало 352 двора.

Практически в каждом районном центре имелась довольно развитая социальная инфраструктура: школа, изба-читальня, больница или врачебный пункт, агрономический и ветеринарный пункты, кредитное товарищество, торговые лавки общества потребителей или сельскохозяйственных товариществ, обслуживающих селения близлежащей округи. Непременным атрибутом районных селений также были районные исполнительные комитеты и сельские советы как органы власти на местах.

3.3. Этнические аспекты развития сети поселений Новосибирского округа

Сформировавшаяся на территории Сибири сеть поселений отличалась этнически неоднородным составом населения. В Новосибирском округе, характеризующемся значительным численным перевесом русского населения (к 1930 году 83 %), существовали ареалы расселения сибирских татар (Вьюнский, Каргатский, Колыванский и Чулымский районы), казахов (Каргатский и Чулымский районы), коми-зырян (Индерский, Маслянинский, Ояшинский районы) и др. [Шнейдер, 1930, с. 104].

В «Списке» имеется графа, в которой напротив каждого населенного пункта указывается численно преобладающая национальность. Безусловно, указанные в данной графе сведения не отображают целостную картину этнического состава населения и его распределения по поселениям разного типа и административно-территориальным единицам округа. Тем не менее, анализируя представленную в графе информацию, можно выделить

CC BY

основные районы заселения новосибирских земель определенными этническими группами переселенцев — выходцев из разных регионов европейской части страны.

Помимо русского населения, заметными по численности национальными группами в округе являлись украинцы (7,5 % жителей округа), белорусы (около 5 %) и мордва (1,5 %) [Там же, с. 104—105]. Гораздо малочисленней групп вышеупомянутых этносов были группы чувашей, латышей, эстонцев, поляков, чехов и немцев.

Бóльшая часть населенных пунктов округа отличалась смешанным этническим составом жителей. На протяжении XIX — начала XX веков прибывающие в регион мигранты размещались в старожильческих селениях, нередко образуя этнически однородные улицы в многонациональных селах и деревнях. Однако по мере превращения переселения из стихийного в организованное в плановом порядке все чаще начинают образовываться моноэтнические селения, в которых проживают представители одной национальной группы. К примеру, к 1926 году в Новосибирском округе насчитывалось 38 хуторов, где жили эстонцы (эсты). Из них 29 (76 %) находились на территории Чулымского района. Селений с численным преобладанием латышей и литовцев в округе было гораздо меньше — 3 и 2 соответственно. Два из них являлись хуторами, остальные — небольшими поселками. Хуторское землепользование было предпочтительно также для поляков, проживающих в 4 моноэтнических хуторах в Ужанихинском и Черепановском районах. В Чулымском районе числилась 1 зимовка, где жили поляки. В округе существовала моноэтническое поселение чехов — заимка, образованная в Черепановском районе. Немецкие поселок и хутор располагались в Гутовском районе.

Переселенцы-чуваши значились преобладающей национальной группой в 11 поселках округа: 6 (55 % об общего числа) из этих поселков располагалось в Баксинском районе, 2 (18 %) — в Вьюнском, по 1 (9 %) в Индерском, Колыванском и Ояшинском.

Более значительную группу селений составляли поселки, хутора, заимки, выселки и другие типы населенных пунктов, в которых украинцы, белорусы и мордва либо имели численный перевес по сравнению с представителями других этносов, либо проживали единым моноэтническим составом. Всего в Новосибирском округе насчитывалось 131 селение с численным преобладанием украинцев, 121 — с преобладанием белорусов, 22 — с преобладанием мордвы [Список…, 1928].

Из 131 украинского населенного пункта 40 были поселками (30,5 %), 45 — хуторами (34,3 %). Украинские переселенцы численно преобладали в 7 деревнях и 7 селах округа, в Черепановском районе существовала коммуна, члены которой были выходцами из Малороссии.

CC BY

Белорусы расселялись в основном в поселках. Их насчитывалось 75 (62 %) из 121 селения, где преобладали представители данного этноса. В указанное число белорусских селений входило 20 моноэтнических хуторов (16,5 %). Заселяя новые земли, белорусы также основывали односелья, мельницы, выселки и другие типы населенных пунктов.

Среди 22 мордовских селений 8 (36,4 %) имели статус поселка, 5 (22,7 %) — хутора, 3 (13,6 %) — выселка, 2 (9,1 %) — заимки. Кроме того, мордовцы имели численное превосходство в одной деревне, мельнице и коммуне. Многие населенные пункты, где преобладала мордва, возникли в начале 1920-х годов, что было следствием разразившегося в Поволжье и прилегающих территориях голода, вынуждавшего людей к миграции.

Следует отдельно упомянуть о селениях со статусом зимовки. В «Списках» зафиксировано 16 зимовок украинцев, 2 белорусов и 1 мордовцев в Каргатском районе, 2 зимовки украинцев и 1 белорусов — в Чулымском районе. В зимовках проживали переселенцы-самовольцы, не прикрепленные на момент проведения Всесоюзной переписи населения (декабрь 1926 года) ни к одному из близлежащих сельских советов.

В целом можно констатировать, что наибольшей неоднородностью по этническому составу отличались сети поселений Чулымского, Каргатского, Индерского, Гутовского и Алексеевского районов. Здесь было больше, чем в других районах округа, локальных поселений эстонцев, латышей, литовцев, украинцев, белорусов и др. Среди этих локальных поселений преобладали хутора.

4. Заключение = Conclusions

На протяжении XVIII — начала XX веков на территории образованного в 1925 году Новосибирского округа сложилась относительно стабильная сеть поселений, которая в дальнейшем эволюционировала и трансформировалась под воздействием факторов природно-географического, демографического, экономического и социокультурного характера.

К середине 1920-х годов поселенческая сеть округа включала 2176 населенных пунктов, из которых 4 (Новосибирск, Черепаново, Каргатский, Колывань) относились к городским. Особенностью характеризуемого периода стал отказ центральных органов власти от административно-волевого решения вопроса по преобразованию сельских поселений в городские в пользу учета их экономического (торгово-промышленного и транспортного) значения, в том числе для близлежащих территорий.

Структура сети поселений Новосибирского округа была представлена 31 типом населенных пунктов. В отличие от Томского округа, в сети поселений которого доминировали хутора (34,8 % всей сети), Бийского округа, где

CC BY

самым часто встречаемым типом поселений были заимки (19,1 %), в Новосибирском округе наибольшее распространение получили поселки, преимущественно переселенческие (составляли около 30 % поселенческой сети).

Особенностью раннесоветского периода развития сети населенных пунктов стало создание большого числа селений хуторского типа: малодворных заимок, выселков, односелий, собственно хуторов. Данный факт свидетельствовал о продолжающейся активной колонизации характеризуемой территории, ее земледельческом и промышленном освоении.

Трансформация сети поселений выразилась также в возникновении селений с такими статусами, как разъезд, станция, казарма, полуказарма, будка. Большую роль в этом сыграла Транссибирская железная дорога, вдоль которой в округе возник не один десяток поселений. Развитие товарного производства стимулировало рост числа селений со статусом мельниц, заводов.

Переход к политике активного социалистического строительства, основанного на идеях обобществления средств производства и коллективизма, повлек за собой появление новых форм хозяйствования в виде коммун и совхозов, выделявшихся как самостоятельные типы селений.

Одновременно из типической структуры поселенческой сети практически исчезли селения с «инородческим» статусом (татарские юрты), еще в начале 1900-х годов существовавшие на характеризуемой территории. Исключение составили лишь немногочисленные казахские аулы в Каргатском и Чулымском районах, возникшие в 1870—1920-е годы.

Распространение индивидуальных форм землепользования и увеличение числа хуторов, односелий, выселков оказали влияние на величину населенных пунктов. Порядка 60 % новосибирских селений насчитывали не больше 25 дворов, то есть имели малую величину. Крупные села и деревни, с числом дворов более 500, чаще всего встречались в районах старого земледельческого освоения. Доля таких больших населенных пунктов в поселенческой сети округа составляла 10 %. Остальные 30 % поселений отличались средней величиной (от 26 до 200 дворов).

Наиболее крупными по дворности и людности были селения, являвшиеся районными центрами. По названным показателям они в полтора раза превосходили рядовое село и в два-три раза — типичную деревню. В среднем населенный пункт в округе насчитывал 31 двор и 147 жителей.

Людность крестьянского домохозяйства в новосибирских селениях составила 4,7 человек. В целом здесь прослеживалась свойственная всему Сибирскому краю тенденция — сокращение людности домохозяйства в деревне вследствие участившихся семейных разделов, оттока части крестьян в города, политики советской власти по переходу к коллективизации.

CC BY

Большой неоднородностью отличалась поселенческая сеть округа по национальному составу жителей. Несмотря на преобладание так называемых русских поселений, благодаря активизации переселенческого движения в 1890—1920-е годы на характеризуемой территории возникло много локальных моноэтнических и смешанных по этническому составу населенных пунктов. Своей моноэтничностью отличались хутора Чулымского и Каргатского районов, где проживали эстонцы. В Черепановском и Маслянинском районах округа преобладали хутора украинцев, в Ужанихинском — белорусов. В Карпысакском, Коченевском, Легостаевском, Ужанихинском районах существовали моноэтнические переселенческие поселки украинцев, белорусов и (реже) мордвы.

Однако переселенческие диаспоры недолго сохраняли моноэтничность своих поселений: в ходе начавшейся в 1930-е годы коллективизации началось сселение хуторов, односелий, мельниц в более крупные, смешанные по национальному составу населенные пункты, произошли существенные изменения в структуре расселения, требующие отдельного обстоятельного изучения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *Земельный* кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://музейреформ.рф/node/13713 (дата обращения 05.08.2023).

2. *Новосибирский* округ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://sibhistory.edu54.ru (дата обращения 05.08.2023).

3. *Список* населенных мест Сибирского края. — Новосибирск : Типография «Советская Сибирь», 1928. — Т. 1 : Округа Юго-Западной Сибири. — 831 с.

4. *Шнейдер А. Р.* Округа и районы Сибирского края / А. Р. Шнейдер. — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. — 158 с.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. — Москва : Мысль, 1983. — 290 с.

2. *Бабашкин В. В.* Крестьяноведение как особое научно-дисциплинарное направление / В. В. Бабашкин // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. — Омск : Омский государственный аграрный университет, 1998. — С. 3—5.

3. *Белозерова М. В.* Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения Южной Сибири в 1910—1920-е гг. / М. В. Белозерова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2010. — № 1 (9). — С. 118—123.

4. *Вечер Е. В.* Развитие населенных пунктов Томской губернии под влиянием Трансибирской магистрали на рубеже XIX—XX вв. / Е. В. Вечер // Вестник Томского государственного университета. История. — 2010. — № 1 (9). — С. 33—42.

5. *Демчик Е. В.* Первые коммуны на Алтае (1917—1927 гг.) : хозяйственная деятельность и помощь государства / Е. В. Демчик, А. Е. Савицкая // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19. — № 2. — С. 198—221. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(2).198-221.

6. *Зверев В. А.* Начальный этап второго демографического перехода в Сибири : опыт моделирования вариантов / В. А. Зверев // Образы России и ее регионов в историческом и образовательном пространстве. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2010. — С. 207—211.

7. *Исупов В. А.* Редкое явление в демографической истории Сибири : демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. / В. А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. — 2019. — Т. 26. — № 4. — С. 79—84. — DOI: 10.15372/HSS20190412.

8. *Ковалев С. А.* Сельское расселение : географическое исследование / С. А. Ковалев. — Москва : Издательство Московского университета, 1963. — 371 с.

9. *Лихачев Н. Е.* Становление крестьяноведения как науки : историографический аспект / Н. Е. Лихачев // Социология. — 2005. — № 1. — С. 40—48.

10. *Моисеенко В. М.* Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) / В. М. Моисеенко // Демографическое обозрение. — 2015. — Т. 2. — № 3. — С. 87—141. — DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1776.

11. *Никулин А. М.* Аграрники, власть и село : от прошлого к настоящему / А. М. Никулин. — Москва : Дело, 2014. — 397 с. — ISBN 978-5-7749-0937-7.

12. *Овчарова М. А.* Аграрные переселения конца 1920-х–1940-х годов в Западную Сибирь : принципы, условия, расселение / Н. А. Овчарова // Исторический курьер. — 2019. — № 4 (6). — Статья 4. — DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-4.

13. *Пуричи В. В.* Формирование и развитие региональной системы расселения населения Алтайского края в XX веке : автореферат диссертации … кандидата географических наук / В. В. Пуричи. — Барнаул, 2005. — 20 с.

14. *Рефлексивное* крестьяноведение : Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина. — Москва : МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. — 588 с. — ISBN 5-93725-012-5.

15. *Симагин Ю. А.* Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века / Ю. А. Симагин // Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки». — 2009. — № 1. — С. 20—26.

16. *Слабуха А. Ю.* О методах организации планирования поселений в связи со строительством Сибирской железной дороги / А. Ю. Слабуха // Урбанистика. — 2017. — № 6. — С. 66—73. — DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.23815.

17. *Татарникова А. И.* Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг. : количественные и качественные характеристики / А. И. Татарникова // Историко-географический журнал. — 2022. — Т. 1. — № 4. — С. 54—63. — DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-54-63.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023,
одобрена после рецензирования 02.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

List of populated places in the Siberian Region, 1: Districts of South-Western Siberia. (1928). Novosibirsk: Printing House “Soviet Siberia”. 831 p. (In Russ.).

Novosibirsk District. Available at: http://sibhistory.edu54.ru (accessed 05.08.2023). (In Russ.).
Schneider, A. R. (1930). *Districts and districts of the Siberian Territory.* Novosibirsk: Sibkraizdat. 158 p. (In Russ.).
The RSFSR Land Code of 1922. Available at: http://музейреформ .rf/node/13713 (accessed 05.08.2023). (In Russ.).

References

Alaev, E. B. (1983). *Socio-economic geography: conceptual and terminological dictionary.* Moscow: Mysl. 290 p. (In Russ.).
Babashkin, V. V. (1998). Krestyanovedenie as a special scientific and disciplinary direction. In: *Siberian village: history, current state, prospects of development.* Omsk: Omsk State Agrarian University. 3—5. (In Russ.).
Belozerova, M. V. (2010). Resettlement policy and some problems of economic development of Southern Siberia in the 1910s—1920s. *Bulletin of Tomsk State University. History, 1 (9):* 118—123. (In Russ.).
Demchik, E. V., Savitskaya, A. E. (2018). The first communes in Altai (1917—1927): economic activity and state aid. *Historical and economic research, 19 (2):* 198—221. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(2) .198-221. (In Russ.).
Isupov, V. A. (2019). A rare phenomenon in the demographic history of Siberia: demographic explosion in the second half of the 1920s. *Humanities in Siberia, 26 (4):* 79—84. DOI: 10.15372/HSS20190412. (In Russ.).
Kovalev, S. A. (1963). *Rural settlement: geographical research.* Moscow: Moscow University Press. 371 p. (In Russ.).
Likhachev, N. E. (2005). The formation of peasant studies as a science: historiographical aspect. *Sociology, 1:* 40—48. (In Russ.).
Moiseenko, V. M. (2015). Peasant migrations in the 1920s (from the history of migration in Russia). *Demographic review, 2 (3):* 87—141. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1776. (In Russ.).
Nikulin, A. M. (2014). *Agrarians, power and the village: from the past to the present.* Moscow: Delo. 397 p. ISBN 978-5-7749-0937-7. (In Russ.).
Ovcharova, M. A. (2019). Agrarian migrations of the late 1920s—1940s to Western Siberia: principles, conditions, settlement. *Historical Courier, 4 (6):* Article 4. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-4. (In Russ.).
Purichi, V. V. (2005). *Formation and development of the regional settlement system of the Altai Territory in the XX century.* Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 20 p. (In Russ.).
Reflexive peasant studies: A decade of research in Rural Russia. (2002). Moscow: MVSHSEN, ROSSPEN. 588 p. ISBN 5-93725-012-5. (In Russ.).
Simagin, Yu. A. (2009). Changing the role of urban-type settlements in the settlement system of Russia during the XX century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series "Natural Sciences", 1:* 20—26. (In Russ.).
Slabukha, A. Yu. (2017). On methods of organization of settlement planning in connection with the construction of the Siberian railway. *Urbanistics, 6:* 66—73. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.23815. (In Russ.).
Tatarnikova, A. I. (2022). The network of rural settlements of the Tomsk district in the 1920s: quantitative and qualitative characteristics. *Historical and Geographical Journal, 1 (4):* 54—63. DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-54-63. (In Russ.).

Vecher, E. V. (2010). Development of settlements of the Tomsk province under the influence of the Siberian Railway at the turn of the XIX—XX centuries. *Bulletin of the Tomsk State University. History, 1 (9):* 33—42. (In Russ.).

Zverev, V. A. (2010). The initial stage of the second demographic transition in Siberia: the experience of modeling options. In: *Images of Russia and its regions in historical and educational space.* Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. 207—211. (In Russ.).

The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 02.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тиховодова А. В. Нижегородский городской Вдовий дом в конце XIX — начале XX века : деятельность в области образования и здравоохранения / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 506—524. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-506-524.

Tikhovodova, A. V. (2023). Nizhny Novgorod City Widows' Home at End of 19th — Early 20th Century: Activities in Education and Healthcare. *Nauchnyi dialog, 12* (7): 506-524. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-506-524. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-506-524

Нижегородский городской Вдовий дом в конце XIX — начале XX века: деятельность в области образования и здравоохранения

Тиховодова Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0003-2762-3999
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-правовых наук
tikhovodova@list.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

Nizhny Novgorod City Widows' Home at End of 19th — Early 20th Century: Activities in Education and Healthcare

Anastasia V. Tikhovodova
orcid.org/0000-0003-2762-3999
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and
Social and Legal Sciences
tikhovodova@list.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Тиховодова А. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена деятельности Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX века. Актуальность исследования обусловлена активизацией предпринимательской деятельности и частной инициативы в сфере благотворительности в современной России, появлением многочисленных благотворительных организаций и фондов, необходимостью знакомства с историческим опытом. Выполнен обзор разных направлений деятельности Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX века. На основе устава и отчетов заведения рассмотрена образовательная деятельность начального и ремесленного училищ, открытых при Вдовьем доме. Автор показывает количественный, сословный и возрастной состав обучающихся, источники оказываемой им материальной помощи. Подробно освещено расходование средств на обучение, источники и формы пожертвований. Охарактеризовано медицинское обслуживание призреваемых, количество посещений фельдшера и врача, виды заболеваний, уровень и причины детской и взрослой смертности. В статье подчеркнут универсализм работы заведения, то есть объединение в его рамках разных направлений деятельности. Автор приходит к выводу, что вторая половина XIX — начало XX века — это период частной инициативы в деле социального обеспечения при значительной поддержке органов местного самоуправления.

Ключевые слова:
Вдовий дом; пожертвования; благотворительность; ремесленное училище; взаимодействие общества и государства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the activities of the Nizhny Novgorod City Public Widows' Home named after Blinovy and Bugrovy at the end of the 19th — early 20th century. The relevance of the study is determined by the increasing entrepreneurial activity and private initiative in the field of charity in modern Russia, the emergence of numerous charitable organizations and foundations, and the need to familiarize oneself with historical experience. An overview of various directions of activity of the Nizhny Novgorod City Public Widows' Home is provided, based on its charter and reports. The educational activities of primary and vocational schools opened at the Widows' Home are examined, along with the quantitative, social, and age composition of students, as well as the sources of material assistance provided to them. The article extensively covers the allocation of funds for education, sources and forms of donations. The medical services provided to the residents are characterized, including the number of visits by paramedics and doctors, types of diseases, levels, and causes of child and adult mortality. The article highlights the universality of the institution's work, which combines various areas of activity within its framework. The author concludes that the second half of the 19th — early 20th century was a period of private initiative in social security with significant support from local self-government bodies.

Key words:
Widows' Home; donations; charity; vocational school; interaction between society and the state.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 658.114.8+364.054.3(470.341)“185/190”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Нижегородский городской Вдовий дом в конце XIX — начале XX века: деятельность в области образования и здравоохранения

© Тиховодова А. В., 2023

1. Введение = Introduction

Нижегородский городской общественный имени Блиновых и Бугровых Вдовий дом, открытый в 1887 году на средства частных благотворителей, не только обеспечивал жильем и трудоустраивал своих призреваемых, но и занимался образованием детей вдов и сирот, привитием им профессиональных умений и навыков. Также меценаты позаботились и о медицинском обслуживании жильцов Вдовьего дома, при нем были открыты аптека, приемный покой и больница с мужским и женским отделениями. Вдовий дом со временем стал известен на всю Россию, поэтому удостоился посещением многих знатных и высокопоставленных лиц, включая императорскую чету. В 1896 году в связи с проведением Всероссийской художественно-промышленной выставки Вдовий дом посетил император Николай II с супругой Александрой Федоровной. В заведении тщательно подготовились к приему именитых гостей. Главный вход во Вдовий дом был декорирован гирляндами зелени, лестница и дорожка, а также два этажа дома в коридорах, по которым должен был следовать государь с супругой, были покрыты красным сукном. Боковые лестницы были также декорированы гирляндами зелени. Верхний зал Вдовьего дома был украшен портретами императорской четы, зеленью. Именно в этом зале венценосную чету встретили все проживающие в то время вдовы и сироты (164 вдовы и 415 детей), ученики и ученицы школы. У ворот при въезде во Вдовий дом императора с женой встретили также воспитанники и воспитанницы из приюта Убежище бедных детей, а также хор воспитанников этого Убежища с духовыми инструментами. Хор исполнил для императорской четы гимн «Боже, царя храни».

Николая II сопровождали министр Императорского двора и уделов граф И. И. Воронцов-Дашков, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, нижегородский губернатор Н. М. Баранов, великий князь Алексей Александрович. Около заведения процессию встретили купеческая вдова Е. Н. Варыханова (урожденная Блинова), Н. А. Бугров, городской голова барон Д. Н. Дельвиг

CC BY

и другие члены комитета. Е. Н. Варыханова поднесла императрице Александре Федоровне букет из орхидей и роз. Августейшие гости последовали в маленький зал, откуда прошли в верхнюю большую залу. Хор мальчиков и девочек Вдовьего дома встретил императора народным гимном, затем спел «Славься, славься, наш русский царь». Николай II поблагодарил основателя дома Н. А. Бугрова, высказал «свое удовольствие по случаю существования такого образцового и прекрасного учреждения» [Монич, 2020, с. 39]. Император поклонился присутствующим, которые ответили ему восторженным «ура». О посещении венценосной четы в большой зале дома по постановлению комитета была сделана запись на мраморной доске.

Помимо императорской четы в 1896 году Вдовий дом посетили и другие именитые гости: великий князь Константин Константинович с супругой великой княгиней Елизаветой Маврикиевной (28 августа), нижегородский губернатор Н. М. Баранов, городской голова барон Д. Н. Дельвиг, их высочества принц Александр Петрович с супругой принцессой Евгенией Максимилиановной Ольденбургские (22 августа). Их высочества подробно ознакомились с устройством жилых помещений, школы и бытом живущих вдов и их детей и выразили похвалу Вдовьему дому, так как он «оказывает истинное добро бедным семьям, оказавшимся в тяжелом материальном положении после смерти отцов семейств». Также в 1896 году Вдовий дом посетили бывший военный министр граф Д. А. Милютин, отец-настоятель Санкт-Петербургского Казанского собора Александр Лебедев, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Саввич Пальмов, камергер двора его Императорского величества, правитель Совета Императорского женского патриотического общества П. Н. Семенов, историк С. С. Татищев, сенатор барон О. О. Буксгевден, профессор гигиены университета святого Владимира в Киеве В. Д. Орлов, знатная сербская чета Г. Лажьевич и его супруга, заведующий канцелярии Его императорского величества по принятию приношений, на высочайшее имя приносимых, его превосходительство Д. С. Сипягин с супругой, супруга Виленского генерал-губернатора Н. Оржевская, графиня М. Мусина-Пушкина, нижегородский вице-губернатор барон К. П. Фредерикс, генерал-лейтенант, военный инженер Берггольдт, сенатор В. Лихачев [Отчет..., 1896, с. 2—4].

В 1896 году Бугров, ожидая посещения Вдовьего дома высокими гостями, произвел за свой счет ремонт заведения. Были выбелены и выкрашены все 150 квартир, училище, кухни, умывальни и коридоры; выкрашены масляной краской на всех трех этажах в коридорах и по лестницам панели; выкрашены все двери в квартирах, в училище, умывальнях, кухнях и все наружные; выкрашены наружные стены заднего фасада дома, а также стены и ограда других зданий. Было куплено 392 аршина красного сукна,

CC BY

медная проволока для сукна, железо для скамеек в кухне и др. Стоимость данного ремонта не отражена в отчете, поэтому неизвестна.

В последующие годы Вдовий дом регулярно посещали высокопоставленные лица. В 1901 году Вдовий дом снова посетил министр внутренних дел Д. С. Сипягин, а также епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, профессор Иван Маркович Радецкий. В 1902 году заведение посетил государственный контролер, генерал от инфантерии Павел Львович Лобко, товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Виктор Вильгельмович фон Валь, почетный гражданин, московский купец 1 гильдии Константин Петрович Бахрушин [Отчет..., 1902, с. 5]. В 1903 году Вдовий дом посетил министр внутренних дел Вячеслав Константинович фон Плеве, снова товарищ министра внутренних дел В. В. фон Валь, член Екатеринодарской городской управы, заступивший на место городского головы Никифор Григорьевич Кочевский, советник мануфактур из Сибири, купец 1 гильдии Я. Шатров [Отчет..., 1903, с. 3]. В 1904 году Вдовий дом почтили своим вниманием директор Нижегородского кадетского корпуса имени графа Аракчеева генерал-майор Дамье, заведующая Астраханской Воробьевской столовой Астраханского благотворительного общества А. О. Певцова. Ранг и количество посещавших Вдовий дом гостей говорит о том, что данное заведение получило широкий общественный резонанс, вызывало восхищение поступком купцов-благотворителей и желание познакомиться с подобной формой помощи нуждающимся.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной работы является рассмотрение образовательной и медицинской деятельности Вдовьего дома в Нижнем Новгороде, ее организации и источников финансирования. Автор поставил задачу показать количество и направления израсходованных на образование и здравоохранение средств; охарактеризовать количественный, сословный, возрастной и половой состав обучающихся, осветить результаты обучения и медицинского обслуживания. Источниками для написания статьи послужили отчеты о деятельности Нижегородского Вдовьего дома с 1890 года по 1914 год, отчеты о деятельности начального и ремесленного училищ, отчеты врача, а также устав заведения и «Краткий очерк состояния городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие (со введения в нем Городового положения 1870 года)». Устав Вдовьего дома, принятый в 1887 году, предоставляет информацию о найме для призреваемых учителей, врача, фельдшера и сиделки приемного покоя, об открытии при заведении аптеки со всеми необходимыми медикаментами, больницы с изоляционным отделением [Сборник уставов …, 1894, с. 431]. В отче-

CC BY

тах представлена история строительства при Вдовьем доме ремесленного училища в 1907—1908 годы. Отчеты содержат сведения о личном составе служащих ремесленных отделений и больницы, о жаловании педагогических работников и медицинского персонала. Также на основании отчетов можно представить динамику численности обучающихся, изменение их возрастного и сословного состава. Отдельным разделом в отчетах представлены сведения по женскому и мужскому ремесленным отделениям. Отчеты позволяют проследить статьи расходов на образование призреваемых Вдовьего дома (отопление, освещение, страхование и охрана начального и ремесленного училищ, текущий ремонт помещений, приобретение учебных пособий, канцелярских принадлежностей, мебели, материалов для обучения шитью и сапожному ремеслу). В отчетах представлена программа учебного курса женского рукодельного и мужского сапожного ремесленных отделений, рассчитанная на три года (теоретический и практический курс). Показана деятельность учебных сапожной и рукодельной мастерских, представлено количество произведенной в обоих отделениях продукции. Отчеты врача позволяют представить численность посетителей, виды их заболеваний, характер оказываемой им медицинской помощи, количество умерших и причины их смерти. Также в отчетах есть сведения о покупке медикаментов, мебели и оборудования для больницы и аптеки. Анализ данных исторических источников позволил выявить особенности образовательной и здравоохранительной деятельности Вдовьего дома в Нижнем Новгороде в конце XIX — начале XX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образовательная деятельность Вдовьего дома

Сначала при Вдовьем доме была организовано начальное училище, расходы на которое устанавливались в отчетах о деятельности Вдовьего дома отдельной главой. В 1890 году в школе при Вдовьем доме работали 4 учителя: законоучитель и 3 учительницы-предметницы. Всего на жалованье преподавателям училища тратилась сумма в 793 рубля 64 копейки. Преподаватель закона Божьего священник А. О. Смирнов получал 112 рублей, учительница Н. М. Иваницкая — 316 рублей 64 копейки, учительница Е. Е. Грязнова — 260 рублей, учительница рукоделия А. А. Садовская — 105 рублей [Отчет..., 1890, с. 17]. Впоследствии расходы на жалованье служащих выросли из-за найма новых учителей. Расходы на училище покрывались в основном из кассы члена-распорядителя Н. А. Смирнова. В училище мальчики и девочки занимались в трех отделениях: младшем, среднем и старшем. Динамику численности учащихся можно проследить на основании следующей таблицы (табл. 1).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Количество учащихся в Нижегородском городском училище при Вдовьем доме

Год	Всего	Мальчики	Девочки	Младшее отделение		Среднее отделение		Старшее отделение		Окончили	
				Маль	Дев	Маль	Дев	Маль	Дев	Маль	Дев
1891	88	44	44	21	23	16	13	7	8		
1892	120	70	50	20	22	30	21	20	7	6	8
1893	110	54	56	17	27	22	15	15	14	15	3
1894	114	60	54	19	21	22	23	19	10	20	11
1895	98	57	41	22	18	18	15	17	8	5	4
1896	93	53	40	17	13	20	17	16	10	15	7
1897	90	47	43	12	18	20	17	15	8	6	2
1898	87	41	46	12	17	15	17	17	14	14	12
1899	73	36	37	9	10	10	12	8	11	4	10

Судя по этим данным, не все учащиеся старшего отделения оканчивали школу, нужно было выдержать экзамен. Мальчики доучивались до конца чаще, чем девочки.

Дети обеспечивались всем необходимым для учебы (табл. 2).

Таблица 2

Расходы на училище при Вдовьем доме

Год	Всего	Жалованье	Учебные пособия	Классные принадлежности	Рукоделие
1890	929.75	793.64	51.68	54.21	5.66
1891	1271.97	1106.66	16.70	81.23	4.38
1892	1492.08	1347.07	22.61	56.59	—
1893	1523.84	1400.00	15.15	86.54	1.30
1894	1537.38	1400.00	24.09	93.27	4.64
1895	1527.03	1400.00	1.63	89.99	8.02
1896	1635.69	1520.00	115.69	96.37	7.03
1897	1524.94	1400.00	18.71	72.60	13.86
1898	1538.46	1421.87	7.48	93.29	11.92
1899	1652.78	1475.00	80.52	47.81	12.60

Ежегодно покупались учебные пособия: славяно-русское Евангелие, учебники по Родному слову, карты России, прописи, Закон Божий. Ученики также обеспечивались классными принадлежностями: тетрадями, бумагой,

CC BY

карандашами, перьями, грифелями, ручками, губками, листовыми транспарантами, бюварной бумагой, чернилами, чернильницами, мелом, линейками. В типографии печатались бланки для записи учеников, переплетались книги, классные журналы. Для занятий рукоделием покупалась чулочная и крученая бумага для вязания, иголки, вязальные крючки и спицы, катушки бумаги для шитья, коленкор, шнур, тесьма, пяльцы, булавки. Инспекторам народных училищ выплачивались небольшие суммы за книги. По перечню покупаемых учебных пособий можно сделать вывод, по каким книгам занимались дети. В 1891 году для училища были приобретены 25 экземпляров прописей, 430 экземпляров учебного пособия Баранова «Наше родное» и 40 переплетов книг [Отчет..., 1890, с. 22]. А в 1893 году было куплено 30 экземпляров Попова «Начальное наставление», 15 экземпляров часословов — словарей. Также обучающиеся пользовались такими учебными пособиями: алфавит Раевского, чистописание Раевского, книга для чтения Баранова, «Наше родное» Баранова, арифметика Малинина, этимология Кирпичникова, география Смирнова, правописание Пуциковича, грамматика церковнославянского языка Козьмина, сборники арифметических задач Верещагина, Малинина и Буренина. Расходы на училище, как правило, списывались за счет Нижегородской городской управы. В 1891 году за счет управы была приобретена для училища новая мебель (6 парт, 1 книжный шкаф, 1 крашеный стол) [Отчет..., 1891, с. 21]. В 1891 году в училище была нанята еще одна учительница для 3 отделения и увеличено содержание трем преподавателям на 50 рублей. В зимнее время дети младшего возраста и учащиеся школы во время перемен собирались в зале, где занимались подвижными играми под наблюдением надзирательницы дома.

В 1895 году для представления на Всероссийскую художественно-промышленную выставку был создан чертеж плана 3 этажа с указанием в нем трех помещений для классов училища при Вдовьем доме. В 1896 году учительницам в честь проведения выставки было выплачено дополнительное жалованье в размере 120 рублей. Для училища были закуплены учебные принадлежности и пособия в большем количестве, по сравнению 1895 годом (689 тетрадей, сборники письменных упражнений и др.). На выпускном экзамене в училище ежегодно присутствовал попечитель училища, член-распорядитель Вдовьего дома Н. А. Смирнов. В 1898 году расходы на училище превысили запланированные, так как в учебный план по инициативе инспектора народных училищ были введены уроки пения. Для училища было закуплено новое учебное пособие «Методика женских рукоделий» Поспеловой, 20 экземпляров Закона Божьего Агафадора. С 1899 года отчет о содержании училища в итоговом годовом отчете Вдовьего дома стали печатать отдельным разделом. Для преподавания пения в училище была на-

CC BY

нята новая учительница с жалованьем 75 рублей. В 1899 году для училища были приобретены 86 экземпляров разных учебников (11 хрестоматий Карасева, методика для преподавания пения). Также в 1899 году был произведен ремонт трех отделений училища (покраска), на что было потрачено 33 рубля 65 копеек. В 1901 году на должность учительницы поступила дочь призреваемой во Вдовьем доме вдовы Чернолеской Марья в возрасте 17 лет [Отчет..., 1901, с. 7]. Восемь девушек из числа призреваемых во Вдовьем доме поступили на должность учительницы Народных училищ.

Благотворители оплачивали обучение младших обитателей Вдовьего дома не только в начальных училищах, но и в средних учебных заведениях. Велся учет призреваемых в доме детей, обучающихся в различных учебных заведениях Нижнего Новгорода; также указывались средства, на которые содержались обучающиеся. Дети могли получать разные стипендии, пользоваться всем казенным или содержаться родителями. Преобладающее число детей содержалось за счет стипендий. Если же дети обучались в училище при Вдовьем доме или других городских народных училищах, то они либо делали это бесплатно, либо им помогали родители. Мальчики обучались в Нижегородской губернской гимназии, институте императора Александра II, Ремесленном Кулибинском училище, городских 4-х классных училищах, Санкт-Петербургском реальном училище принца Ольденбургского, Нижегородском, Арзамасском и Лысковском духовных училищах, Печерском училище, Кутайсовском, Сергиевском, Троицком начальных училищах. Также дети могли учиться в Частном пансионе, в школе Белого креста, в приюте Ведомства императрицы Марии (Ильинском). Девочки обучались в 1-й Мариинской женской гимназии, во 2-ой женской гимназии, женской гимназии госпожи Хреновской, Канавинской частной гимназии, в женских институтах (Нижегородском, Санкт-Петербургском, Ксениевском, Казанском), в Епархиальном женском училище, в городском Троицком 2-классном училище, в школе Вдовьего дома, в Георгиевском начальном училище, в приюте ведомства императрицы Марии (Тихоновском). Например, в 1903 году в различных учебных заведениях находилось 80 мальчиков и 112 девочек [Отчет..., 1903, с. 6—8], в 1905 году — 79 мальчиков и 111 девочек. Кроме того, некоторые дети вдов учились у частных лиц (например, ремеслу портного). Подросшие девочки могли служить в земском приюте для подкидышей, работать телефонистками, в модных магазинах, в аптеках, санитарками в губернской земской больнице, у портних и шляпников, учительницами в городских училищах, служить поварихами, горничными, кассиршами (в Обществе легкого пароходства), конторщицами (в фотографии Дмитриева), находиться в услужении у разных лиц. Один мальчик в 1903 году находился в Городецком мужском монастыре.

CC BY

8 марта 1905 года при школе Вдовьего дома был открыт самостоятельный женский класс рукоделия, в который поступило 24 ученицы [Отчет..., 1905, с. 8]. На 1 января 1906 года в классе состояло 20 учениц в возрасте от 11 до 16 лет, преобладали крестьянки и мещанки (только 3 девочки принадлежали к другим сословиям). К 01.01.1907 года в классе рукоделия состояло уже 32 ученицы, 18 из которых были крестьянками, 11 мещанок, 3 почетных гражданки [Отчет..., 1906, с. 8]. В 1908 году в классе рукоделия состояло 25 человек, стали преобладать мещанки [Отчет..., 1908, с. 14]. Весной 1905 года с ученицами проводились только подготовительные занятия с целью их ознакомления с различными способами шитья руками и на швейной машине, с теоретическими приемами кройки различной дамской и женской одежды, а также белья. С 1 сентября 1905 года с ученицами начались уже полноценные занятия. Ежегодно приводился полный перечень изготовленных ученицами класса вещей. Например, с 1905 года ученицами было сшито 13 штук детских костюмов, 4 штуки дамских платьев разного фасона, 7 штук кофточек, 4 штуки корсажей, 24 вещи разного дамского белья, 10 комплектов постельного белья [Отчет..., с. 1905, с. 9]. Данный отчет предоставляла делопроизводителю преподавательница рукоделия П. А. Гусева. В последующие годы девочки шили дамские фартуки, детские сорочки, кофточки, рубашки, детские и дамские панталоны, ночные рубашки, наволочки на подушки, мужские рубашки и кальсоны, салфетки, чепчики. Вещи шли на продажу, поэтому класс рукоделия окупал себя сам. В 1906 году во Вдовьем доме для учениц, окончивших класс рукоделия, была оборудована женская мастерская по пошиву одежды. Комитет и призреваемые чтили память организаторов Вдовьего дома. В училище были повешены портреты жертвователей и учредителей заведения, потомственных почетных граждан Нижнего Новгорода А. А. Блинова, Н. А. Блинова и Н. А. Бугрова (на мраморной доске под стеклом). Для покупки чая беднейшим ученицам класса рукоделия и женской мастерской ежегодно выделялась сумма в размере 25 рублей [Отчет..., 1912, с. 15].

В 1907—1908 годах на капитал, пожертвованный купцом И. М. Рукавишниковым и его сестрой В. М. Бурмистровой, за Вдовьим домом на улице Кулибина было построено ремесленное училище с общежитием для мальчиков по проекту городского архитектора Н. М. Вешнякова. 25 тысяч рублей Рукавишников завещал на постройку дома, а из 55 тысяч рублей был образован фонд, проценты с которого купец завещал тратить на содержание училища и обучение детей. 10 тысяч рублей добавила Бурмистрова, так как строительство дома потребовало дополнительных затрат. На постройку каменного двухэтажного здания было потрачено 34646 рублей [Отчет по постройке…, 1909, с. 2]. 31 декабря 1908 года дом был освящен

CC BY

и торжественно открыт для учеников, и в это здание был переведен женский рукодельный класс. В этом же доме 7 января 1909 года была открыта частная сапожная мастерская, в которой обучались мальчики, окончившие курс начального училища, матери которых жили во Вдовьем доме. Для мальчиков старше 14 лет при мастерской было открыто общежитие.

Таким образом, ремесленное училище состояло из 2 отделений: женское рукодельное отделение и мужское сапожное отделение. Заведующей женским рукодельным отделением являлась П. А. Гусева, она же преподавала рукоделие. Заведующим мужским сапожным отделением являлся П. П. Волков, он же был и учителем-мастером. Заведующие отделениями следили и за общежитием, для которого были наняты кухарка и сторож. Общеобразовательные предметы в обоих отделениях преподавали одни и те же учителя. В программу самостоятельных ремесленных отделений при Вдовьем доме для окончивших курс в начальном училище Вдовьего дома и посторонних лиц входили следующие предметы: Закон Божий, русский язык и арифметика [Отчет..., 1912, с. 75]. Цель данных курсов — «возобновление в памяти учащихся тех сведений, которые приобретены ими по этим предметам обучения в начальных народных училищах» [Отчет..., 1912, с. 75]. Преподавание Закона Божьего, русского языка и арифметики предписывалось вести в форме бесед с учениками без задавания домашних работ. На уроках ученики вместе с учителями разбирали и объясняли прочитанное или написанное на уроках. Основное внимание уделялось обучению ремеслам. Программа учебного курса по рукоделию была рассчитана на 3 года и включала в себя: приемы и порядок снимания мерки, составление чертежей по имеющимся данным мерки, объяснение покроев детских костюмов, шитье отдельных частей, составление чертежей и последующая кройка белья для детей, шитье белья, составление чертежей и последующая кройка одежды для взрослых, порядок шитья различных частей одежды для взрослых, шитье постельного белья, составление чертежей и последующая кройка дамских жакетов, создание чертежей, кройка и шитье верхней одежды для взрослых и детей. Программа учебного курса по сапожному мастерству также была рассчитана на 3 года и включала в себя: изучение технологии кожи, всех этапов изготовления обуви (детских и дамских башмаков, туфель, мужских ботинок и сапог), снятия мерки и подборки колодок. Занятия продолжались в течение всего года, кроме праздничных и табельных дней. Были весенние, летние и зимние каникулы (пасхальные 2 недели, летние — с 01.06. по 16.08 и зимние рождественские с 23.12 по 07.01). Занятия начинались в 8.30 и продолжались до 18 часов с перерывом на обед 1,5 часа. Для учеников младшего возраста число часов занятий было сокращено до 6 часов.

CC BY

На содержание женского рукодельного отделения шло пособие от казны (630 рублей), проценты с благотворительного капитала Рукавишникова и пособие от города (1070 рублей). Всего 1700 рублей в год. Содержание сапожного отделения обходилось в 1600 рублей в год (660 рублей от казны, 940 рублей — проценты с капитала и пособие от города) [Отчет..., 1912, с. 82—83]. Расходы на училище включали в себя жалованье педагогов и сторожа, покупку учебных пособий, материалов и инструментов, отопление, освещение и ремонт здания. Всего же содержание ремесленного училища обходилось в 4298 рублей 33 копейки [Отчет..., 1914, с. 61].

На 1 января 1914 года в женском классе рукоделия состояло 57 учениц в возрасте от 12 до 17 лет, большинство из которых были крестьянками. Комитет отслеживал судьбу выпускниц. К 1914 году из 87 человек, окончивших ремесленный класс, 19 девушек вышли замуж и трудились на семью, 18 человек зарабатывали в домах поденно по 1 рублю в день. 15 человек работали в магазинах, имея доход от 10 до 20 рублей в месяц, 20 человек остались в мастерской при ремесленном отделении Вдовьего дома, получая до 20 рублей в месяц. В сапожном отделении к 1 января 1914 года обучалось 18 мальчиков, 13 из которых проживали в общежитии. Количество изготавливаемой обуви за год можно представить на основании следующих данных. В 1914 году для Кутайсовского приюта было изготовлено 56 пар башмаков, 22 пары сапог для солдат (заказ Городской управы), 14 пар сапог для частных заказчиков, 15 пар сапог для учеников общежития. Кроме того, осуществлялся ремонт обуви (183 платных заказа и 240 бесплатных) [Отчет..., 1914, с. 49]. В 1915 году исполнилось 10 лет с открытия женского ремесленного класса. В этот день был отслужен благодарственный молебен в присутствии преподавателей и учащихся.

3.2. Медицинское обслуживание призреваемых во Вдовьем доме

Благотворители осознавали необходимость оказывать вдовам и их детям медицинскую помощь. При заведении была открыта аптека и больница с двумя отделениями: мужским и женским. В больнице находились врач (приходил 3 раза в неделю), фельдшер и сиделки. Фельдшер и сиделка находились в приемном покое постоянно и имели во Вдовьем доме квартиры. Больница и аптека обеспечивались мебелью, постельным бельем, оборудованием, медикаментами, инструментами. В больнице были увлажнительные аппараты и ванна. Освещение осуществлялось при помощи керосиновых ламп. Для больницы при доме покупались соли для ванн, скипидар, кристаллическая сера, мыло, бумага, материал для перевязок, чеснок. Аптека тоже обеспечивалась различными медицинскими инструментами: шприцами, пипетками, катетерами, термометрами, иглами, клеенками, тазиками для гноя, мешками для льда, подкладными клеенками, пилюльной машиной, ступ-

CC BY

ками с пестиками, металлическими шпаделями, штативами с пробирными трубками, медными весами, стеклянными мензурками и спринцовками. Например, в 1892 году расходы на больницу включали в себя покупку соли, скипидара, спирта, соды, мыла, ветошки полотняной для перевязок, писчей бумаги, кристаллической серы, сухой горчицы, ржаной муки для горчичников, холста для бинтов [Отчет..., 1892, с. 15—16]. В 1897 году для больницы было закуплено бумажное полотно, вязь, серый тик, белая марля для пошива простыней, наволочек для подушек и матрасов. Старые простыни, чулки, полотенца, матрасы, замки, табуретки, лампы и пр. списывались со счета [Отчет..., 1897, с. 20—21]. Для слабых и больных вдов, помимо лекарств, покупалось молоко (в 1899 году — 56 горшков). Для усиленного питания больных по назначению врача покупались и другие продукты (в 1903 году на сумму 78 рублей 35 копеек). Приемный покой во Вдовьем доме также был обеспечен всеми необходимыми хирургическими инструментами (скальпели, зонды, пинцеты, ножницы, щипчики, ланцеты, крючки, хирургические иголки, шприцы, катетеры и др.).

С 1903 года в отчетах начали отражать количество больных, обратившихся в приемный покой при Вдовьем доме, и поставленные диагнозы [Отчет..., 1903, с. 15]. Масштаб работы больницы можно представить на основании следующих данных (табл. 3).

Таблица 3

Количество больных, обратившихся в приемный покой Вдовьего дома

Год	Всего	Взрослые	Дети (до 12 лет)	Посещения врача	Посещения фельдшера
1903	886	355	531	1015	5734
1904	1281	667	614	1281	10499
1905	838	372	466	838	11256
1906	473	214	259	677	10503
1907	—	—	—	—	10306
1908	491	—	—	630	5017
1909	466	384	253	637	8663
1910	448	238	210	591	9686
1911	435	152	283	616	6867
1912	408	176	232	579	7899
1913	359	118	241	617	7401
1914	456	248	341	744	7323

Призреваемые принимались со всеми заболеваниями. Преобладали пациенты с болезнями органов пищеварения (желудочно-кишечный ка-

CC BY

тар), органов дыхания, нервной системы, костно-мышечной системы, болезнями кожи и подкожной клетчатки, болезнями органов зрения и слуха. Из заразных болезней преобладала инфлюэнца (грипп), перемежающаяся лихорадка, ветряная оспа, туберкулез («бугорчатка легких»), скарлатина, коклюш. В 1903 году было даже по 1 обращению с брюшным тифом и раком [Отчет..., 1903, с. 15—16]. Дети в основном страдали рахитом, анемией, золотухой, болезнями полости рта и зева. Обращались в приемный покой также с ранами, переломами и другими повреждениями, паразитическими болезнями. В 1903 году из 866 обратившихся умерло 6 человек (2 взрослых и 4 ребенка). Больные ветряной оспой и заушницей (эпидемический паротит «свинка») изолировались в больнице в специальные палаты. Больные скарлатиной отправлялись в городскую барачную больницу. Больные, которым требовалось серьезное хирургическое вмешательство, отправлялись в мартыновскую больницу. В 1904 году в приемный покой обращались также люди с душевными болезнями, ожогами, грыжами. Умерло в 1904 году 9 человек (3 — от туберкулеза легких, 1 — от саркомы бедра, 1 — от болезни печени, 1 ребенок — от воспаления легких, 1 — от заднеглоточного надрыва, 1 — от поноса) [Отчет..., 1904, с. 14]. Судя по отчетам, взрослые в основном умирали от туберкулеза, дети — от воспаления легких. Больные с более легкими заболеваниями обращались к фельдшеру, поэтому он принимал гораздо больше людей, чем врач. В 1911 году фельдшера посетили 6867 раз, было сделано 1199 перевязок [Отчет..., 1911, с. 20].

В ноябре 1903 года во Вдовьем доме началась эпидемия скарлатины, всего за год заболело 11 человек, 4 из которых умерли в барачной больнице. Семья такого больного выводилась в отдельную комнату, а квартира его проживания дезинфицировалась. Школа при Вдовьем доме в 1903 году была немедленно закрыта. Ученики других учебных заведений, живущие во Вдовьем доме, тоже не допускались в школу (за исключением тех, кто выехал за это время и отбыл установленный карантин). Заболевания скарлатиной продолжались и в первые три месяца 1904 года. 26 человек было отправлено в барачную больницу. А в мае — июне 1904 года началась эпидемия кори (25 человек заболело и было отправлено в барачную больницу врачом и фельдшером). Для предотвращения эпидемии оспы врач и фельдшер начали делать призреваемым Вдовьего дома прививки. Оспа в 1904 году была привита 43 раза, некоторым сделали повторное оспопрививание [Отчет..., 1904, с. 14]. В 1904 году в связи с эпидемиями скарлатины и кори при больнице Вдовьего дома было устроено изоляционное помещение, на что было истрачено 2001 рубль 83 копейки. За 1905 год умерло 8 человек: 2 женщины и 6 детей. Причиной смертей названы туберкулез легких, воспаление почек,

CC BY

порок сердца, желудочно-кишечный катар, воспаление мозга, врожденное худосочие. 13 детей переболели корью, 16 — скарлатиной, 2 — дифтерией [Отчет..., 1905, с. 15—16]. В 1906 году в изоляционном помещении с корью лежало 8 человек. Умерло 8 человек (6 детей и 2 взрослых). В 1909 году от оспы было привито 20 человек [Отчет..., 1909, с. 16]. В 1910 году в Нижнем Новгороде началась эпидемия оспы, поэтому во Вдовьем доме были сделаны прививки от оспы всем школьникам заведения, остальные лица прививались по желанию. Если кто-то не прививался ни разу, то таким прививки делали обязательно. Было сделано 195 прививок, от оспы был привит 101 человек [Отчет..., 1910, с. 18]. В начале 1911 года 192 людям была сделана ревакцинация, 3 человека привились первый раз. В 1913 году от оспы было привито 11 человек [Отчет..., 1913, с. 18]. Оспопрививание проводилось ежегодно. В 1914 году был даже случай сибирской язвы.

Всем живущим во Вдовьем доме женщинам и их детям в случае их заболевания выдавалось дополнительное пособие по рекомендации врача. Пособие шло на покупку лекарств, молока, других продуктов, на выезд из дома, похороны. Для усиленного питания больных закупались дополнительные продукты. Например, в 1910 году такое питание получили 20 семей. Таким образом, призреваемые получали всестороннее медицинское обслуживание, хотя, конечно, оно соответствовало возможностям здравоохранения Российской империи того времени.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, Вдовий дом в Нижнем Новгороде — это универсальное всесословное заведение, в котором заботились о вдовах, сиротах, вдовах-матерях и их детях. Причем поддержка оказывалась в системе: до 8 лет — обеспечение проживанием во вдовьем доме, после 8 лет — устройство в образовательное учреждение, а после 14 лет — образование, денежная помощь и трудоустройство. Благотворители при содействии органов местного самоуправления обеспечивали начальное образование призреваемым, построили здание ремесленного училища с женским рукодельным и мужским сапожным отделениями, общежитие, открыли рукодельную и сапожную мастерские, организовали и финансово поддерживали получение детьми специального образования. Вещи, произведенные в мастерских, шли на продажу, это, как правило, покрывало затраты на их содержание. Благотворители помогали детям получать и среднее образование, следили за обучающимися в различных учебных заведениях Нижнего Новгорода. Дети получали разные стипендии, пользовались всем казенным или содержались родителями. Среди учеников преобладали крестьяне, но были и представители других сословий. В отличие от Мариинского межевого

CC BY

училища для сирот личных дворян, опыт деятельности которого был неудачным [Иванова, 2016, с. 45], Вдовий дом и его учебное заведение при нем были закрыты только после революции, в 1918 году. Это доказывает уникальность и эффективность организации данного заведения.

Для медицинского обслуживания при Вдовьем доме состояли врач, фельдшер, сиделка. Оказывалась комплексная медицинская помощь, как амбулаторная, так и стационарная. Самыми тяжелыми и частыми заболеваниями являлись туберкулез, воспаление легких, заболевания желудочно-кишечного тракта. Больные, которым требовались сложные хирургические операции, направлялись в городские больницы. Аптека и больница обеспечивались лекарствами, инструментами, мебелью, бинтами и другими материалами. В случае эпидемий (скарлатины, кори, оспы) организовывался карантин, призреваемым делались прививки. Больным выдавалось дополнительное питание, выплачивались пособия. Врач и фельдшер вели строгий учет своей деятельности и ежегодно отчитывались перед комитетом, ведавшим делами Вдовьего дома.

Таким образом, «русские купцы на века строили красивые здания, которые до сих пор не только радуют глаз, но и выступают живыми свидетельствами благотворительности наших соотечественников» [Монич, 2020, с. 39]. Люди, обладающие достатком, стремились облегчить жизнь беднейших слоев населения, всех горожан, несмотря на сословные различия. Это говорит о высоком уровне социальной ответственности нижегородского купечества, о восприятии им своего материального достатка как возможности и необходимости помогать людям.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Краткий* очерк состояния городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие (со введения в нем Городового положения 1870 г.). — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина, 1895. — С. 26—29.

2. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1890 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 24 с.

3. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1891 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 30 с.

4. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1892 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 28 с.

5. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1893 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 31 с.

6. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1894 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 32 с.

CC BY

7. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1895 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 40 с.

8. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1896 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 37 с.

9. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1897 г. — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 37 с.

10. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1899 г. — Нижний Новгород : Типография Н-цы А. А. Ржонсницкаго и К°. — 33 с.

11. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1901 г. — Нижний Новгород : Типо-Лит. Ниж. Т-ва печ. дела Н. И. Волков и К°. — 25 с.

12. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1902 г. — Нижний Новгород : Типо-Лит. Ниж. Т-ва печ. дела Н. И. Волков и К°. — 47 с.

13. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1903 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 60 с.

14. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1904 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 51 с.

15. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1905 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 49 с.

16. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1906 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 81 с.

17. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1908 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 47 с.

18. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1909 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 62 с.

19. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1910 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 73 с.

20. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1911 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 69 с.

21. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1912 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 83 с.

22. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1913 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 65 с.

23. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1914 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 63 с.

24. *Отчет* по постройке ремесленного училища при Вдовьем доме имени Блиновых и Бугровых в Нижнем Новгороде в 1907 и 1908 годах. 1909 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 15 с.

25. *Приложение* к всеподданнейшему отчёту о состоянии Нижегородской губернии за 1886 год [Электронный ресурс]. — Нижний Новгород : Типография Губернского правления, 1886. — Режим доступа : https://istmat.org/files/uploads/55310/obzor_nizhegorodskoy_gubernii_za_1886_god.pdf (дата обращения 2.06.2023).

26. *Сборник* уставов и правил товариществ, частных предприятий и благотворительных учреждений в г. Нижнем Новгороде. — Нижний Новгород : Типография Губернского правления, 1894 г. — С. 431—438.

CC BY

Литература

1. *Иванова О. А.* Поддержка детей вдов как одна из форм государственной благотворительности в России в XIX веке / О. А. Иванова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2016. — № 2. — С. 42— 45.

2. *Костина Е. М.* Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX — начале XX века / Е. М. Костина // Наш Анабис. — 2007. — № 4—5. — С. 65—70.

3. *Монич И. Л.* Благотворительность как власть над капиталом / И. Л. Монич // Дамаскин : студенческий православный журнал Нижегородской духовной семинарии. — 2020. — № 1 (51). — С. 32—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-488-514.

Статья поступила в редакцию 07.05.2023,
одобрена после рецензирования 12.08.2023,
подготовлена к публикации 04.09.2023.

Material resources

A brief outline of the state of the urban economy and landscaping of Nizhny Novgorod over the past 25 years (since the introduction of the City Regulations in it in 1870). (1895). Nizhny Novgorod: Roiskiy and Dushin Printing House. 26—29. (In Russ.).

Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1886. (1886). Nizhny Novgorod: Printing House of the Provincial Government. Available at: https://istmat.org/files/uploads/55310/obzor_nizhegorodskoy_gubernii_za_1886_god.pdf (accessed 2.06.2023). (In Russ.).

Collection of charters and rules of partnerships, private enterprises and charitable institutions in Nizhny Novgorod. (1894). Nizhny Novgorod: Printing House of the Provincial Government. 431—438. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1890. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 24 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1899. Nizhny Novgorod: Printing House of N. A. A. Rzhonsnitskago and Co. 33 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1901. Nizhny Novgorod: Tipo-Lit. Nij. T-va pech. affairs of N. I. Volkov and k. 25 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1902. Nizhny Novgorod: Tipo-Lit. Nij. T-va pech. affairs of N. I. Volkov and k. 47 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1894. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 32 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1903. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 60 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1904. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 51 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1906. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 81 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1908. Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 47 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1909. Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 62 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1910. Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 73 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1911. Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 69 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1891. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 30 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1893. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 31 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1895. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 40 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1896. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 37 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1897. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 37 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1912. Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 83 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1913. Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 65 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1914. Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 63 p. (In Russ.).
Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinovs and Bugrovs of the Widow's House for 1905. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 49 p. (In Russ.).
Report on the construction of a vocational school at the Widow's House named after Blinov and Bugrov in Nizhny Novgorod in 1907 and 1908. 1909. Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 15 p. (In Russ.).
The report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1892. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 28 p. (In Russ.).

References

Ivanova, O. A. (2016). Support of widow's children as one of the forms of state charity in Russia in the XIX century. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 2:* 42—45. (In Russ.).
Kostina, E. M. (2007). Charitable organizations of Nizhny Novgorod in the second half of the XIX — early XX century. *Our Anabis, 4—5:* 65—70. (In Russ.).
Monich, I. L. (2020). Charity as power over capital. *Damaskin: Student Orthodox journal of Nizhny Novgorod Theological Seminary, 1 (51):* 32—39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-488-514. (In Russ.).

The article was submitted 07.05.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 04.09.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Черказьянова И. В. Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII — начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи) / И. В. Черказьянова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 525—542. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542.

Cherkasyanova, I. V. (2023). Legislation on German Colonies Near St. Petersburg in 18th — Early 19th Centuries (Complete Collection of Laws of Russian Empire). *Nauchnyi dialog, 12* (7): 525-542. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542

Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII — начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи)

Черказьянова Ирина Васильевна
orcid.org/0000-0002-1569-002X
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
НОЦ исторических
исследований и анализа
cherk@inbox.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
и Санкт-Петербургского научного фонда
№ 23-18-20025,
https://rscf.ru/project/23-18-20025/

Legislation on German Colonies Near St. Petersburg in 18th — Early 19th Centuries (Complete Collection of Laws of Russian Empire)

Irina V. Cherkasyanova
orcid.org/0000-0002-1569-002X
Doctor of History,
Chief Research Scientist,
SEC of Historical Research
and Analysis
cherk@inbox.ru

Pushkin Leningrad
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
St. Petersburg Scientific Foundation
project number № 23-18-20025,
https://rscf.ru/project/23-18-20025/

© Черказьянова И. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу законов о петербургских колонистах, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи. Исследуются документы за 1763—1803 годы. Актуальность работы определяется состоянием историографии о российских немцах на Северо-западе. Выполнен обзор и анализ текстов законов, проанализированы исторические сведения, заключенные в текстах, выявлены отсутствующие в собрании законов документы, которыми, однако, руководствовались на практике. Раскрыты имена чиновников, упоминающихся в законах. Констатируется, что корпус законов для исследования делится на акты, касавшиеся всех иностранных колонистов в России, и акты, регулировавшие жизнь петербургских колоний. Отмечается, что законы, относящиеся к подстоличным колониям, распадаются на две группы: документы «северных» колоний, основанных в XVIII веке, и «приморских» колоний, возникших в первое десятилетие XIX века. Рассматриваются законы о «северных» колониях, которые касаются приема и размещения колонистов, внутреннего устройства поселений, экономического развития, размера земельных наделов, состояния казенного долга и его погашения. Установлено, что с конца XVIII века возникает тема выхода колонистов в город и формирования из их числа прослойки ремесленников и купцов.

Ключевые слова:
немецкие колонии; петербургские колонисты; законодательство; Полное собрание законов Российской империи; Санкт-Петербург; Царское Село; Ораниенбаум.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of laws about German colonies near St. Petersburg, published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The documents from 1763 to 1803 are studied. The relevance of the work is determined by the state of historiography on Russian Germans in the Northwest. A review and analysis of the texts of laws are carried out, historical information contained in the texts is analyzed, missing documents that were used in practice are identified. The names of officials mentioned in the laws are revealed. It is stated that the corpus of laws for research is divided into acts related to all foreign colonists in Russia and acts regulating the life of St. Petersburg colonies. It is noted that laws related to suburban colonies are divided into two groups: documents of "northern" colonies founded in the 18th century and "coastal" colonies that emerged in the first decade of the 19th century. Laws about "northern" colonies are considered, which relate to the admission and placement of colonists, their internal structure, economic development, size of land grants, state debt, and its repayment. It is established that from the end of the 18th century, the topic of colonists leaving for the city and forming a layer of craftsmen and merchants from among them arises. German colonies; St. Petersburg colonists; legislation; Complete Collection of Laws of the Russian Empire; St. Petersburg; Tsarskoe Selo; Oranienbaum; patrimonial and state lands.

Key words:
German colonies; St. Petersburg colonists; legislation; Complete Collection of Laws of the Russian Empire; Saint Petersburg; Tsarskoye Selo; Oranienbaum.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).071/.072+325.5(=112.2)“17/18”+340.132.235(091)

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII — начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи)

© Черказьянова И. В., 2023

1. Введение = Introduction

История петербургских немецких колоний, возникших близ столицы более 250 лет назад, заслуживает глубокого и всестороннего изучения. За время своего существования на их социально-экономическое развитие сильное влияние оказывала близость Петербурга, а выходцы из колоний пополняли ремесленное и мещанское население города, своим присутствием усиливали этническое разнообразие жителей столицы. К середине XX века территории поселений стали частью города либо его ближайшими пригородами. С этой точки зрения можно рассматривать историю колонистов как одну из страниц в летописи Петербурга. Ранняя история иностранных колоний представляет особый интерес.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Состояние историографии вопроса требует новых исследований, что делает нашу работу актуальной. Так, недостаточную изученность иностранной колонизации близ Петербурга отмечают В. Н. Шайдуров и О. В. Ерохина, в статье которых отражена, в частности, история анализа данной темы [Шайдуров и др., 2023, с. 19—20].

Тематика иностранной колонизации под Петербургом отражена в работах одного из первых исследователей данного вопроса Т. А. Шрадер. Ее статья об адаптации петербургских колонистов [Шрадер, 1989, с. 132—139] была первой в перестроечное время. Большой интерес представляет и работа ученого о колонистах в годы Первой мировой войны [Шрадер, 1998, с. 196—204].

На наш взгляд, самый значительный вклад в изучение темы внесла диссертация, написанная в начале 2000-х годов Е. В. Бахмутской (Лебедевой), в которой представлено первое обобщающее исследование колонистов северо-запада [Бахмутская, 2003]. Кроме того, проблематику петербургских колоний она развивала и в статьях [Бахмутская, 1998; Бахмутская, 1999].

Из числа зарубежных исследований XX века представляет интерес диссертация немецкого историка Эриха Коха «Die deutschen Kolonien Nordrußlans» («Немецкие колонии Северной России») [Koch, 1932].

CC BY

В последние годы круг ученых, обратившихся к истории петербургских колонистов, расширился. Отметим лишь некоторые работы, например, Н. И. Ивановой [Иванова, 2015а; Иванова, 2015б], Л. Н. Пузейкиной [Пузейкина, 2013], И. В. Черказьяновой [Черказьянова, 2013, с. 142—146; Черказьянова, 2017, с. 73—96]. Анализ работ указанных и других исследователей показывает, что многие вопросы изучения проблем немецких поселений под Петербургом еще требуют освещения.

В настоящей работе используется проблемно-хронологический метод и предпринимается попытка взглянуть на первые десятилетия истории петербургских колоний сквозь призму законодательства. В процессе анализа темы в качестве основного источника используются акты первого собрания Полного собрания законов Российской империи (далее — ПСЗ) [ПСЗ]. Документы позволяют, с одной стороны, проследить, в какой мере особенности возникновения и развития немецких колоний нашли отражение в российском законодательстве. С другой стороны, акты ПСЗ являются уникальным историческим материалом, что позволяет активно использовать их в реконструкциях прошлого. Детали функционирования иностранных поселенцев на землях Царскосельской вотчины можно восстановить, используя сборник документов И. Яковкина «История Села Царского» [Яковкин, 1829]. При установлении личностей, упоминаемых в документах ПСЗ, использовались справочные издания: «Словарь псевдонимов» [Масанов, 1958, т. 3], «Петербургский некрополь» [Саитов, 1913, т. 4].

Хронологические рамки статьи (1763—1803) определены началом массовой колонизации иностранцев в России и утверждением инструкции внутренней жизни колоний и управления ими.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые шаги иностранной колонизации под Петербургом

Массовая колонизация иностранцев в России началась с 1763 года, после появления манифеста Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [ПСЗ, т. 16, № 11 880, с. 313—316]. Старейшие немецкие поселения были основаны на Волге, а в 1765—1766 годах появились первые так называемые «северные» колонии под Петербургом. В ПСЗ представлены общие законы, касающиеся всех иностранных колонистов в России, и акты, регулировавшие только жизнь петербургских колоний. Последние нас интересуют в первую очередь. Они распадаются на две группы: документы «северных» колоний (основаны в XVIII веке) и «приморских» колоний (возникли в начале XIX века). В настоящем исследовании внимание сфокусировано на истории «северных» колоний. Документы освещают при-

CC BY

ем и размещение колонистов, внутреннее устройство колоний, особенности экономического развития, состояния казенного долга и его погашения. С конца XVIII века в документах возникает тема выхода жителей из колоний и формирования в городе из их числа прослойки ремесленников и купцов.

Анализ особенностей основания подстоличных колоний начинается с первых, наиболее значимых для истории колонизации законов — упомянутого выше манифеста от 22 июля 1763 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [Там же] и закона о колонизации от 19 марта 1764 года «О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев» [ПСЗ, т. 16, № 12 095, с. 648—655]. В реестре земель, приложенном к манифесту, Петербургская губерния не упоминается [ПСЗ, т. 16, № 11 880, с. 315—316], поэтому закономерно возникает вопрос о том, почему через пару лет под столицей все же появились немецкие поселения. Ясно одно: реестр земель не был догмой, ведь в некоторых из перечисленных в нем губерниях колонисты так и не появились.

Сам Петербург тематически явно присутствует в документах, связанных с поселением иностранцев, и не только потому, что законы принимались в столице. Здесь находился главный орган, ответственный за колонистов, — Канцелярия опекунства иностранных, которую возглавлял граф Г. Г. Орлов. Согласно инструкции данной Канцелярии, она разместилась в доме Черкасовых. В свое время секретарь Петра I И. А. Черкасов построил на Мойке большое каменное здание с двумя внутренними хозяйственными флигелями. Позже дом перешел его сыну, женатому на дочери Бирона, в нем останавливался и сам Бирон. В 1762 году дом был продан в казну, к моменту учреждения Канцелярии опекунства это было самое крупное здание в квартале. Здесь же в бывших «бироновских конюшнях» разместились первые колонисты. Правительство не предполагало сразу большого наплыва иностранцев, поэтому в инструкции Канцелярии от 22 июля 1763 года ее президенту дается наказ: «Сколь скоро кто из таковых иностранных явится в Канцелярию опекунства, то того же часа на первый случай отвесть ему одну или несколько комнат, смотря по числу людей, и в тех покоях жительствовать им, пока каждый по желанию своему определен будет, особливо уговаривать, но без принуждения, к поселению на праздных местах. К заседанию же оной Канцелярии и для постоя иностранных на первый случай определяется ныне дом Сенатский, что на Мойке, купленный у Черкасовых, и что Канцелярия в оном доме присутствие имеет» [ПСЗ, т. 16, № 11 881, с. 317]. «Того же часа на первый случай» выделить помещение для переселенца, разумеется, было удобнее, имея в буквальном смысле за стеной свободные помещения, но такой вариант годился лишь «на первый случай».

CC BY

От идеи размещения колонистов рядом с Канцелярией вскоре пришлось отказаться, поскольку прибывали все новые группы и места уже не хватало. К тому же соседство шумных «гостей» рядом с Зимним дворцом, строительство которого закончилось в 1762 году, было крайне неудобным. Поэтому вскоре Ораниенбаум стал лагерем для колонистов, въезжающих по морю, до их отправки к месту назначения.

30 апреля 1764 года, когда Ораниенбаум уже принимал переселенцев, императрица утвердила доклад Г. Г. Орлова «Об определении комиссара в Ораниенбаум для приема и содержания иностранцев, приезжающих водным путем чрез Кронштадт, для поселения в России» [ПСЗ, т. 16, № 12 146, с. 731—732]. Из содержания доклада явствует, что ранее существовало некое распоряжение императрицы о размещении колонистов в Ораниенбауме, которое не зафиксировано в ПСЗ.

С 1764 года главным портом отправки колонистов в Россию стал Любек. По подсчетам И. Р. Плеве, в тот год по морю было отправлено 2542 колониста [Плеве, 1998, с. 98]. Летом 1765 года в Ораниенбаум прибыли 4162 чел., в 1766 году — 21 965 чел. Плеве отмечает, что из-за скопления большого количества переселенцев их пришлось расселять даже в Петергофе и близлежащих деревнях [Там же, с. 113]. Таким образом, активная деятельность российских дипломатов и частных агентов по вербовке иностранцев заставила правительство срочно принять меры по размещению колонистов. Если Ораниенбаум и не был заранее запланирован, то нужно отдать должное правительству, которое быстро и гибко отреагировало на сложившуюся ситуацию. Для распределения прибывших по квартирам, ежедневной выдачи им денег на питание и, вообще, для наблюдения за порядком назначался комиссар, который находился там постоянно. Важнейшим требованием к нему было владение иностранными языками, в первую очередь немецким. Подходящей кандидатурой стал иностранец (возможно, англичанин) Адам Ассен Дельфт (Ассендельфт), служивший в Канцелярии опекунства.

В 1765 году появляется идея поселить часть колонистов под Петербургом. Летом того же года в ораниенбаумском лагере было объявлено о возможности заключить контракты для поселения. Вскоре был подписан первый договор между управляющим Царским Селом Удаловым и 60 семьями, будущими первопоселенцами Новосаратовской колонии. В ПСЗ не обнаружен документ, который юридически закреплял бы это решение и определял бы цели новых поселений, поэтому возникает свободное пространство для предположений. Так, Е. В. Бахмутская считает, что появление колоний стало логическим продолжением политики правительства по заселению пустующих земель близ столицы переселенцами [Бахмутская, 1999, с. 236]. Данное заключение не вызывает возражений, так как

CC BY

активное заселение губернии, разумеется, создавало предпосылки и для поселения немецких колонистов. На наш взгляд, это была личная инициатива императрицы по организации «образцовых хозяйств» близ столицы (поселили 110 семей), для создания которых, как показывает история, потребовались немалые средства. В докладе президента Канцелярии опекунства «О поселении иностранцев в Ингерманландии на частных землях» от 1 ноября 1765 года эта инициатива называется «высочайшим ее императорского величества соизволением» [ПСЗ, т. 17, № 12 503, с. 373]. Идея создания образцовых хозяйств из числа иностранцев получила развитие в более поздних документах.

Екатерина II внимательно следила за организацией новых колоний. В сентябре 1765 года она поручила егермейстеру В. Р. фон Польману «иметь главную дирекцию» при основании колоний близ столицы. 6 августа 1766 года Польман подписал контракты с первыми двумя группами колонистов о поселении на землях Царскосельской вотчины [Бахмутская, 1999, с. 231—244], будущими жителями Среднерогатской и Ижорской колоний. На 1 сентября 1766 года уже были объявлены торги на постройку 20 деревянных домов для колонистов на Царскосельской дороге в районе «трех рук» [Подряды…, 1766, с. 6]. Желающие строить дома из собственных материалов и своими рабочими людьми могли обратиться к действительному камергеру В. Р. фон Польману, проживавшему в доме купца А. В. Вульферта.

3.2. Вопросы размещения и хозяйствования немецких колонистов

Одной из особенностей петербургских колоний стало их размещение на казенных и вотчинных землях: для Новосаратовки и ямбургских колоний были выделены казенные земли, а Среднерогатская и Ижорская колонии обосновались на землях Царскосельской вотчины. Опыт заключения контрактов с первыми колонистами вдохновил Канцелярию опекунства на подготовку закона о расширении колонизации в окрестностях Петербурга [ПСЗ, т. 17, № 12 503, с. 373—377]. В документе от 1 ноября 1765 года уже четко сформулирована задача для будущих поселений иностранцев: улучшение хлебопашества и его заведение на пустующих землях губернии. Поселенцам не обещали помощь казны. Предлагалось основывать поселения на частных землях представителей различных сословий, включая помещиков, или на пустующих казенных землях. Новым поселенцам гарантировались те же привилегии, которые уже имели колонисты. В законе подробно изложены условия получения и пользования землей, проживания и хозяйственной деятельности, определены государственные повинности и подати.

Среди документов начального периода петербургских колоний особый интерес представляет указ от 23 июля 1769 года «О колонистах, поселенных

CC BY

по берегу реки Невы против Рыбной слободы» [ПСЗ, т. 18, № 13 325, с. 927]. Документ направлялся в Сенат для исполнения, в нем детально изложены обстоятельства и условия поселения первых трех колоний, указаны источники свободных для поселения земель, размеры наделов в каждой колонии. Все эти сведения рисуют подробную картину возникновения колоний. Задним числом из текста документа выясняется, что императрица дала указ Польману на заключение контрактов с колонистами 30 сентября 1765 года, тогда же назначила его главным в вопросах колоний. Оговаривалось, что Польман подчиняется управляющему Царским Селом Удалову, которому в свое время давалось поручение найти свободные земли для обустройства колоний. Самого указа от 30 сентября 1765 года нет на страницах ПСЗ, но он важен с точки зрения формирования структуры управления колониями под Петербургом.

При Екатерине II в Петербургской губернии, кроме названных колоний, появились поселения под Ямбургом: Луцкая, Порховская и Франкфуртская. 92 семьи католиков из Пфальца, прибывших через Ревель, поселили в окрестностях г. Ямбурга (совр. Кингисепп) на казенной земле по берегу р. Луга. 19 ноября 1766 года в ратуше Ревеля титулярный советник Д. И. Роде заключил с ними контракты. О Роде (Родде) Дитрихе известно лишь, что он был ревельским купцом и бургомистром, членом Ревельского магистрата, умер после 1818 года.

Ямбургские колонии отличались не только вероисповеданием, но и своей судьбой. Это были экономически наиболее слабые и бедные поселения, за которыми год от года накапливался долг. Они даже не смогли наладить сносный образ жизни, несмотря на общие для колоний и дополнительные для них льготы. Учитывая обстоятельства, правительство отселило основную часть колонистов в Екатеринославскую губернию, где появилась колония Ямбург. О переселении на юг и основании новой колонии на Украине пишет С. И. Бобылева [Бобылева, 2015, с. 93—116]. Отселение прошло по указу от 17 августа 1793 года «О переселении 270 душ колонистов из Ямбургского уезда в Екатеринославскую губернию» [ПСЗ, т. 23, № 17 147, с. 454]. В заголовке речь идет о 270 людях, а в тексте о 273 колонистах мужского и женского пола. (Последнее число отражает реальное количество). Отправка была назначена на весну 1794 года.

Документ о ямбургских колонистах (1793) закрывает серию законов, регулировавших основание и реорганизацию первых петербургских колоний. Новые («приморские») колонии появились в первое десятилетие XIX века, их историю мы не рассматриваем.

3.3. Управление подстоличными колониями

Система управления петербургскими колониями формировалась постепенно и окончательно сложилась лишь при Павле I. В екатерининский

CC BY

период управление колонистами поручалось доверенным лицам императрицы. Как уже отмечалось, «дирекцию за колонистами», поселенными на вотчинных землях, по вопросам землепользования осуществляла Вотчинная контора в лице егермейстера Польмана (1765—1778). Польман Вильгельм (Вилим, Рейнгольд-Вильгельм) Романович фон (1727—1795), действительный камергер, егермейстер, управляющий канцелярией Г. Г. Орлова, руководил строительными работами в Царском Селе и Гатчине. Ушел в отставку 5 августа 1778 года. Его должность «главноначальствующего над Царским Селом и всеми приписанными к нему селениями» и «начальство над колонистами» были переданы генерал-майору Козмину Сергею Матвеевичу (1723—1788, статс-секретарь Екатерины II). Его «начальство над колонистами» было недолгим, с января 1781 года он вышел в отставку.

Если фигура егермейстера Польмана довольно известная, то «надворный советник Удалов», подписавший контракты с новосаратовскими колонистами, вызывает ряд вопросов из-за разночтения фамилии и имени в документах, а также различной идентификации личности исследователями.

Впервые эта фамилия встречается в докладе графа Орлова от 1 ноября 1765 года, где Удалов назван управителем Царского Села, заключившим контракты с колонистами [ПСЗ, т. 17, № 12 503, с. 373]. В одном из законов за 1765 год одновременно с надворным советником Удаловым упоминается коллежский советник Андрей Удалов, который купил землю у генерала Алексея Жеребцова на реке Ижора для будущей Ижорской колонии. Сын Владимира Удолова (Удалова), управлявшего Царским Селом с 1730 года, Андрей Владимирович Удалов продолжил работу отца — оба были управляющими Царским Селом весь елизаветинский период [Семенова, 2009, с. 8—9].

Наша верификация имени показала следующее. В указателе к газете «Санкт-Петербургские ведомости» за XVIII век приводятся имена двух надворных советников с фамилией Удолов (Удалов) — Федора, ранее премьер-майора (1764), и Федота (1770) [Указатели…]. И. Ф. Яковкин свидетельствует, что Феодот Удолов был переведен управляющим Конторой строений Царского Села 10 октября 1761 года [Яковкин, 1829, ч. 2, с. 236]. Г. В. Семенова также отмечает, что в 1761 году управляющим Царским Селом был поставлен премьер-майор Федот Удолов [Семенова, 2009, с. 9]. В. Н. Шайдуров расшифровал имя как Удалов Федот Владимирович (1722—1776) [Шайдуров, 2023, с. 21]. Сопоставляя все эти сведения, можно полагать, что Федор Удалов и Федот (Феодот) Удолов — один и тот же человек.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не утверждение И. Ф. Масанова о том, что Федот Удалов — это псевдоним Григория Орлова [Масанов, 1958, т. 3, с. 183]. Вероятно, данная версия у составителя

CC BY

словаря появилась по той причине, что Г. Г. Орлов с 1 января 1766 года был первым президентом Вольного экономического общества (далее — ВЭО) и по этическим причинам в публикациях скрывался под псевдонимом. Но в «Трудах ВЭО» в 1767 году появилась статья о содержании конских заводов не Григория Орлова, а Федота Удалова под псевдонимом «Ф. У.». Уже в Красном Селе Ф. В. Удалов добился хороших результатов в ведении хозяйства, поэтому экономические статьи писал со знанием дела. И сегодня история изучения сельского хозяйства не обходится без анализа работ Удалова по луговодству, мелиорации, осушению болот.

Последний аргумент в пользу такого прочтения имени кроется в надгробной надписи на несохранившейся могиле Ф. В. Удолова на Кузьминском кладбище близ Царского Села. Из справочника «Петербургский некрополь» известно, что Ф. В. Удолов, надворный советник, член ВЭО, управляющий Царским Селом, родился в 1722 году, на службу поступил в 11 лет, «служил безпорочно до кончины», умер на 55-м году, похоронен на кладбище села Большое Кузьмино, близ Царского Села [Саитов, 1913, т. 4, с. 320]. Таким образом, подводя итог, согласимся с выводом В. Н. Шайдурова о личности Федота Удалова.

В отношении структуры управления колонистами Е. В. Бахмутская определила, что, кроме «главной дирекции», имелась должность директора колоний, которую последовательно занимали Й. Ф. фон Лильенталь (1766—1768), Ф. Ю. фон Йорк (1768—1779), Ф. Ф. Рогенбуке (1779—1790) [Бахмутская, 2005, с. 115—128].

На наш взгляд, утверждение Е. В. Бахмутской необходимо уточнить. Под «главной дирекцией» следует понимать не какую-либо самостоятельную структуру, а одну из экспедиций Вотчинного правления. В соответствии с законом «О платеже поселившимся в Саратовке и при Царскосельской дороге колонистами подати» от 12 марта 1779 года в Конторе вотчинного правления были учреждены две экспедиции [ПСЗ, т. 20, № 14 854, с. 805—806]. Одну из них, которая занималась делами колонистов, возглавил коллежский асессор Рогенбуке. Рогенбуке (Роггенбук, Рогенбуг) Федор Федорович — агроном, автор статей по сельскому хозяйству, член ВЭО, переводчик на русский язык работ А. Бюшинга. В 1803—1814 годах служил в Саратовской конторе опекунства иностранных. Документы ПСЗ также позволяют уточнить дату окончания службы Рогенбуке директором колоний — 1791 год.

Рогенбуке решительно взялся за дело. В 1780 году он провел первое обширное обследование всех дворов в трех колониях и пришел к выводу, что 30—40 % колонистов были «неисправны в домоводстве», главной причиной чего была нерадивость жителей. 7 октября 1791 года Контора

CC BY

строений и Контора вотчинного правления в Царском Селе были объединены в одну Царскосельскую контору, а в ней учреждены две экспедиции: строений и вотчинного правления [ПСЗ, т. 23, № 16 990, с. 256—257]. Вследствие объединения контор Рогенбуке как член Конторы вотчинного правления был уволен.

Важнейшей стороной взаимоотношений колонистов и государства была уплата казенного долга и податей. Эта тема звучит практически в каждом документе, а история первых десятилетий петербургских колоний предстает исключительно с точки зрения экономики. На обустройство первых колоний было потрачено более 200 тыс. руб., самыми «дорогими» оказались ямбургские колонии (81 970 руб. 38,75 коп.) и Новосаратовка (78 297 руб. 86,5 коп.) [Лебедева, 2016, с. 117—130]. Размер недоимок колонистов постоянно контролировался государством, однако затраты пока не приносили отдачи.

После упразднения в 1782 году Канцелярии опекунства иностранных дела о долгах колонистов перешли в казенные палаты. Поэтому решение о переселении ямбургских колонистов было принято на основании доклада Петербургской казенной палаты. К этому времени их задолженность возросла до 137 493 руб. 85 коп. По указу от 17 августа 1793 года долг с колонистов был списан, льготы продлены еще на пять лет. Определялась судьба оставшихся колонистов и намечены меры по уплате податей в казну.

3.4. Преобразования в колониях на рубеже XVIII—XIX веков

Приход к власти Павла I ознаменовал собой установление более строгих правил по управлению колониями, по упорядочиванию их хозяйственной жизни. 4 марта 1797 года все иностранные колонии империи переходили в ведение организованной при Сенате Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства (далее — ЭГХ) [ПСЗ, т. 24, № 17 865, с. 508]. Новое учреждение создавалось для того, чтобы наблюдать «особенно за прочным обзаведением иностранных». Как показывают документы, переход в ЭГХ имел свои особенности, что видим на примере царскосельских колонистов. Утверждение Павлом I закона об императорской семье повлекло за собой организацию 5 апреля 1797 года Департамента уделов для управления имениями и доходами царской семьи, первым министром (1797—1798) стал А. Б. Куракин, который довольно скоро попал в опалу. Одновременно с отставкой Куракина 8 августа 1798 года бывшие в его ведении «заведения хозяйственные по всему государству», среди которых были Среднерогатская и Ижорская колонии, передавались в управление ЭГХ.

Наводить порядок в иностранных колониях империи при Павле I начали с поселений под Петербургом указом от 20 июня 1797 года [ПСЗ, т. 24, № 18 006, с. 626—629]. В основу закона лег доклад члена ЭГХ

CC BY

З. А. Хитрово, который лично осмотрел петербургские колонии и нашел множество недочетов в их хозяйствах. Главным недостатком, из-за которого колонии не могли выйти из долгов, была нехватка земли и бедность почв. Изначально им выделили меньше удобной земли, чем было обещано. В преамбуле впервые звучит четко обозначенная функция подстоличных колоний: они «…должны служить примером в благоустройстве и сельском домоводстве» [Там же, с. 626]. В докладе предлагались меры по выходу из сложившейся ситуации, когда колонии близ столицы «доныне не приносят государству той пользы, каковой при их заведении надеялись» [Там же, с. 628]. Важным шагом было выделение на каждое тягло не менее 30 десятин из «уважения близости столицы», при этом четко расписывалось, что и в каком количестве сеять, чем занимать наделы, в частности, устраивать искусственные луга, высаживать картофель. Изобилие земли могло послужить к заведению в колониях обучению практическому земледелию для помещичьих и государственных крестьян, а также проведению различных опытов. Был принят во внимание опыт с ямбургскими колонистами, поэтому впредь запрещалось переселять колонистов в другие губернии. Отмечалось тревожное «неудобство»: некоторые хлебопашцы занимались ремеслами или «художествами, земледелию несвойственными» [Там же, с. 629].

Закон от 20 июня 1797 года утвердил особую форму управления петербургскими колониями. Если для поволжских немцев была восстановлена Саратовская Контора опекунства иностранных, то для петербургских назначался особый смотритель колоний, подчинявшийся напрямую ЭГХ. Смотритель наблюдал за земской полицией, внутренним благоустройством колоний и правильностью отчета в государственных податях. Все казенные сборы он обязан был отдавать без остатка в уездные казначейства или в особые места по их назначению, чтобы колонисты не имели непосредственных дел ни с уездным казначейством, ни с земским комиссаром [ПСЗ, т. 40, № 20419 а, с. 18]. Первым на должность смотрителя был назначен коллежский асессор Н. Ганеман.

После отставки Куракина ЭГХ представила свой анализ ситуации о положении «хозяйственных заведений», бывших в ведении Куракина, на основе сведений, содержащихся в законе «О сборе поземельных денег с среднерогатских колонистов; о переходе колонистов и их детей в купечество и мещанство» от 10 октября 1799 года [ПСЗ, т. 25, № 19146, с. 806—809]. В докладе отмечалось цветущее состояние среднерогатских колонистов, из колонии даже выделились четыре хозяйства по прошествии льготных лет (Малая Среднерогатская колония. — *И. Ч.*). Зажиточность колонистов позволила повысить плату за землю вдвое и дойти до тех значений, которые устанавливались в контрактах.

CC BY

После передачи колоний в ЭГХ поселения, основанные на вотчинных землях, одновременно оставались под наблюдением Царскосельской конторы, а плата за пользование землей среднерогатскими и ижорскими колонистами длительное время была одной из статей дохода ведомства Царскосельского дворцового правления. Так, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 12 марта 1818 года, полагалось взимать за владение колонистами землей, а именно: со среднерогатских колонистов за 750 десятин по 2 руб. с полтиной за каждую вперед за полгода (3146 руб. 63 коп.), с ижорских колонистов за 841 десятин по 1,5 руб. в конце года (в ПСЗ документ не опубликован, текст см.: [Яковкин, 1829, приложение]).

Процветание колоний не решало проблемы малоземелья — начался выход колонистов в город. В документе от 10 октября 1799 года говорилось о нежелательной тенденции: об уходе жителей колоний в город без уплаты долга, где они записывались в мастера и ремесленники. Еще Рогенбуке в 1780 году отмечал, что из трех колоний 16 чел., некоторые с семьями, покинули свои поселения и разбрелись по городам [Лебедева, 2016, с. 118]. Еще в докладе Хитрово в 1797 году звучала тревога о «несвойственных колонистам» занятиях «художествами» [ПСЗ, т. 24, № 18006, с. 629]. Перебравшиеся в город колонисты приобретали свое мастерство при поддержке отцов или братьев, и, хотя последним оставался дом и земля, долг ложился на их же плечи. ЭГХ предложила запретить петербургским колонистам и их детям переход в мещанское или купеческое сословие без согласия Экспедиции и лишь после уплаты своей части долга. И все же уход в город продолжался, к началу 1833 года в столице проживали 88 колонистов, которые сохранили свой статус колонистов [Заблоцкий-Десятовский, 1836, с. 116].

Вершиной политики по упорядочению положения в колониях стала разработка основополагающего регламента для колонистов — Инструкции для внутреннего распорядка и управления. В первую очередь инструкция появилась для саратовских колоний (17 сентября 1800) [ПСЗ, т. 26, № 19 562, с. 299—313] и новороссийских (16 мая 1801) [ПСЗ, т. 26, № 19 873, с. 636—649] и лишь через два года — для петербургских колоний (16 июня 1803) [ПСЗ, т. 27, № 20 798, с. 659—670]. Инструкция оставалась главным законом для старых и вновь возникавших колоний, правила применялись вплоть до реформы колоний 1871 года. Закон о правилах внутреннего распорядка логически завершает тему организации и становления первых колоний не только под Петербургом, но и в целом по империи.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги анализа возможностей законов ПСЗ как исторических источников, следует отметить следующее. Интересующие нас документы

CC BY

ПСЗ являются в большей степени официальными источниками, чем законами в прямом понимании сути термина. Они дают значительный объем сведений по истории создания колоний и их развития, по изменению системы управления колониями. Некоторые акты, важные в контексте нашего исследования, не вошли в ПСЗ, об их существовании становится известно из более поздних документов. Некоторые факты и даты уточняются также годы спустя при обращении к более позднему документу, поэтому для исторической реконструкции важно ознакомиться не только с конкретным законом, но и со всем корпусом законодательных материалов по исследуемой теме.

На протяжении второй половины XVIII века под Петербургом были организованы четыре материнские колонии: Новосаратовская, Среднерогатская, Ижорская, Ямбургская. Для обустройства колоний выделялись казенные и вотчинные земли, что, в свою очередь, отражалось на форме управления колониями. В 1790-е годы появилась первая дочерняя колония — четыре семьи были отселены из Средней Рогатки. Для них казна построила каменные дома. Если в екатерининское время важнейшими шагами по организации иностранной колонизации были принятие манифеста 1763 года, организация главного органа опеки — Канцелярии опекунства иностранных, создание первых колоний на Волге, в Новороссии и под Петербургом, то в период правления Павла I началось наведение порядка в экономике колоний, для чего была учреждена ЭГХ и утверждены Инструкции (правила) внутреннего порядка в колониях. Особенностью управления подстоличными колониями стала организация «главной дирекции» (директор колоний), позже появилась должность смотрителя колоний, подчинявшегося непосредственно ЭГХ.

Рассмотренные законы подводят к выводу, что главные проблемы колонистов к началу XIX века заключались в их высокой задолженности казне из-за плохой земли и ее размеров, как считали сами колонисты, или, по мнению чиновников, из-за неудовлетворительного отношения колонистов к делу. Хотя выплата казенного долга продолжалась, государство пыталось ускорить возвращение ссуды, одновременно шло на уступки, прощая долги или увеличивая сроки их погашения. Проблема изначальной нехватки земли и ее плохого качества стала одной из причин ухода колонистов в город.

Факты, изложенные на страницах ПСЗ, позволяют представить общую картину даже без помощи архивных документов. Принятию закона предшествовала подготовка доклада, текст которого печатался тут же на страницах закона. Это в значительной мере облегчает работу исследователя, позволяет ему наметить следующие шаги работы. Для полного и глубокого понимания того или иного закона нужен широкий контекст, привлечение исследовательских работ и архивных документов.

CC BY

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники

1. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Статистические сведения о Санктпетербурге / А. П. Заблоцкий-Десятовский. — Санкт-Петербург : Гуттенберговая типография, 1836. — [8], XLVIII, 293 с.

2. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. В 4 т. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита : Р—Я. — Москва : Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1958. — Т. 3. — 416 с.

3. *Подряды* // Санкт-Петербургские ведомости : [газета]. — 1766. — 22 августа. — С. 6.

4. ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. — Т. 16—18, 20, 23—27, 40. — [Санкт-Петербург, 1830].

5. *Саитов В. И.* Петербургский некрополь / В. И. Саитов ; Изд. вел. кн. Николай Михайлович. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — Т. 4. — [4], 748 с.

6. *Указатели* к газете «Санкт-Петербургские Ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный) [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости : [газета]. — Режим доступа : https://vedomosti1728.ru/?r=82&b=19 (дата обращения: 15.06.2023).

7. *Яковкин И.* История Села Царского в трех частях, составленная из дел архива правления Села Царского / И. Яковкин. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента народного просвещения, 1829.

Литература

1. *Бахмутская Е. В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е-1870-е гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Бахмутская. — Санкт-Петербург, 2003. — 31 с.

2. *Бахмутская Е. В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) / Е. В. Бахмутская // Немцы в России : Петербургские немцы : сборник статей. — Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 1999. — С. 231—244. — ISBN 5-86007-154-X.

3. *Бахмутская Е. В.* Организация приема и расселения немецких колонистов в С.-Петербургской губернии в период правления императора Александра I / Е. В. Бахмутская // Миграционные процессы среди российских немцев : исторический аспект : Материалы международной научной конференции, Анапа, 26—30 сентября 1997 г. — Москва : Готика, 1998. — С. 73—86. — ISBN 5-78-34-0024-6.

4. *Бахмутская Е. В.* Правительственная политика в сфере управления иностранными поселениями в России (1760—1870) (на примере немецких колоний Санкт-Петербургской губернии) / Е. В. Бахмутская // Немцы Санкт-Петербурга : наука, культура, образование. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — С. 115—128.

5. *Бобылева С. И.* Ямбург : история становления и развития колонии под Екатеринославом / С. И. Бобылева // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2015. — № 1. — С. 93—116.

6. *Иванова Н. И.* Первая мировая война и немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии / Н. И. Иванова // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2015. — № 1. — С. 117—128.

7. *Иванова Н. И.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии / Н. И. Иванова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — 366 с. — ISBN 978-5-44690-629-1.

8. *Лебедева Е. В.* Петербургские немецкие колонии глазами столичных чиновников (по архивным документам второй половины XVIII века) / Е. В. Лебедева // Немцы в Санкт-Петербурге : Биографический аспект. XVIII—XX вв. — Санкт-Петербург : Кунсткамера, 2016. — Выпуск 10. — С. 117—130. — ISBN 978-5-88431-320-0.

9. *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века / И. Р. Плеве. — Москва : Готика, 1998. — 448 с. — ISBN 5-7834-0028-9.

10. *Пузейкина Л. Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии : история, язык, песни / Л. Н. Пузейкина. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — 384 с. — ISBN 978-5-4469-0227-9.

11. *Семенова Г. В.* Царское Село знакомое и незнакомое / Г. В. Семенова. — Санкт-Петербург : Центрполиграф, 2009. — 638 с. — ISBN 978-5-9524-4249-8.

12. *Черказьянова И. В.* Выставка «Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом» : опыт реконструкции истории исчезнувшего поселения / И. В. Черказьянова // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. — 2011. — № 10. — С. 142—146.

13. *Черказьянова И. В.* «Питомнический промысел» в немецких колониях под Петербургом / И. В. Черказьянова // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2017. — № 3. — С. 73—96.

14. *Шайдуров В. Н.* Немецкие колонии Санкт-петербургской губернии : появление и развитие в 1765—1800-х гг. / В. Н. Шайдуров, О. В. Ерохина // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — № 1. — С. 15—31. — DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.

15. *Шрадер Т. А.* Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время / Т. А. Шрадер // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. — Ленинград : Наука, 1989. — С. 132—139. — ISBN 5-027178-0.

16. *Шрадер Т. А.* Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны / Т. А. Шрадер // Миграционные процессы среди российских немцев : исторический аспект : Материалы международной научной конференции, Анапа, 26—30 сентября 1997 г. — Москва : Готика, 1998. — С. 196—204. — ISBN 5-78-34-0024-6.

17. *Koch E.* Die deutschen Kolonien Nordrußlands. Eine siedlungswirtschftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung: Inaugural-Dissertation / E. Koch. — Gera, 1932. — 102 S.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023,
одобрена после рецензирования 11.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

Contracts. (1766). *St. Petersburg vedomosti: [newspaper]. August 22.* P. 6. (In Russ.).

Indexes to the newspaper “St. Petersburg Vedomosti” of the XVIII century: Nominal (alphabetical). *St. Petersburg Vedomosti: [newspaper]*. Avaiable at: https://vedomosti1728.ru/?r=82&b=19 (accessed 15.06.2023). (In Russ.).

Masanov, I. F. (1958). *Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures, 3.* Moscow: Publishing House of the All-Union Book Chamber. 416 p. (In Russ.).

PSZ — *The complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting from 1649 to December 12 1825, 16—18, 20, 23—27, 40.* (In Russ.).

Saitov, V. I. (1913). *Petersburg Necropolis, 4.* St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's Type. [4], 748 p. (In Russ.).

Yakovkin, I. (1829). *The history of the Village of Tsarskoye in three parts, compiled from the files of the archive of the board of the Village of Tsarskoye.* St. Petersburg: Type. Department of Public Education. (In Russ.).

Zablotsky-Desyatovsky, A. P. (1836). *Statistical information about* St. Petersburg. St. Petersburg: Guttenberg Printing House. [8], XLVIII, 293 p. (In Russ.).

References

Bakhmutskaya, E. V. (1998). Organization of reception and settlement of German colonists in St. Petersburg province during the reign of Emperor Alexander I. In: *Migration processes among Russian Germans: Historical aspect: Proceedings of the International Scientific Conference, Anapa, September 26—30, 1997.* Moscow: Gothic. 73—86. ISBN 5-78-34-0024-6. (In Russ.).

Bakhmutskaya, E. V. (1999). Formation of German colonies in St. Petersburg province (the second half of the XVIII — early XX century). In: *Germans in Russia: Petersburg Germans: collection of articles.* St. Petersburg: Dm. Bulanin. 231—244. ISBN 5-86007-154-X. (In Russ.).

Bakhmutskaya, E. V. (2003). *German colonies of St. Petersburg province. 1760s — 1870s.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 31 p.

Bakhmutskaya, E. V. (2005). Government policy in the field of management of foreign settlements in Russia (1760—1870) (on the example of the German colonies of St. Petersburg province). In: *Germans of St. Petersburg: science, culture, education.* St. Petersburg: Rostock. 115—128. (In Russ.).

Bobyleva, S. I. (2015). Yamburg: the history of the formation and development of the colony near Yekaterinoslav. *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 1:* 93—116. (In Russ.).

Cherkazyanova, I. V. (2011). Exhibition "Strelninskaya German colony near St. Petersburg": the experience of reconstructing the history of the disappeared settlement. *Visnik of the Odessa Historical and Local Museum, 10:* 142—146. (In Russ.).

Cherkazyanova, I. V. (2017). "Nursery fishery" in German colonies near St. Petersburg. *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 3:* 73—96. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2015). *Guide to the German colonies of the St. Petersburg province.* St. Petersburg: Nestor-History. 366 p. ISBN 978-5-44690-629-1. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2015). The First World War and the German colonies of the St. Petersburg province. *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 1:* 117—128. (In Russ.).

Koch, E. (1932). *Die deutschen Kolonien Nordrußlands. Eine siedlungswirtschftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung: Inaugural-Dissertation.* Gera. 102 S. (In Germ.).

Lebedeva, E. V. (2016). Petersburg German colonies through the eyes of metropolitan officials (according to archival documents of the second half of the XVIII century). In: *Germans in St. Petersburg: Biographical aspect. XVIII—XX centuries, 10.* St. Petersburg: Kunstkamera. 117—130. ISBN 978-5-88431-320-0. (In Russ.).

CC BY

Plehve, I. R. (1998). *German colonies on the Volga in the second half of the XVIII century.* Moscow: Gothic. 448 p. ISBN 5-7834-0028-9. (In Russ.).

Puzeikina, L. N. (2013). *Germans in St. Petersburg province: history, language, songs.* St. Petersburg: Nestor-History. 384 p. ISBN 978-5-4469-0227-9. (In Russ.).

Semenova, G. V. (2009). *Tsarskoye Selo familiar and unfamiliar.* St. Petersburg: Tsentrpoligraf. 638 p. ISBN 978-5-9524-4249-8. (In Russ.).

Shaidurov, V. N., Erokhina, O. V. (2023). German colonies of St. Petersburg province: appearance and development in the 1765—1800s. *Journal of Frontier Studies, 1:* 15—31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493. (In Russ.).

Shrader, T. A. (1989). Legal and cultural adaptation of German colonists in the St. Petersburg province in the post-reform period. In: *Petersburg and the province. Historical and ethnographic studies.* Leningrad: Nauka. 132—139. ISBN 5-027178-0. (In Russ.).

Shrader, T. A. (1998). The results of the agrarian policy of the tsarist government in the Petrograd province during the First World War. In: *Migration processes among Russian Germans: historical aspect: Proceedings of the International scientific Conference, Anapa, September 26—30, 1997.* Moscow: Gothic. 196—204. ISBN 5-78-34-0024-6. (In Russ.).

The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 11.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

CC BY

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

CC BY

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

CC BY

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Skryabina, A. A. Processes of Lexical Archaization and Neologization in Modern Yakut Language 9

Solovyeva, N. V., Skitina, N. A. Functional-Semantic Features of Complex Sentences of Purpose in British and American Variants of English 26

Telpov, R. E., Lartsina, S. V. Typological Differences of Natural and Neural Network-Generated Texts in a Quantitative Aspect 47

Tokarev, G. V. Signs of Everyday Life in Linguocultural Studies 66

Media communications and journalism

Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Makhno, O. A. Semiotics of Vaccination Advertising in Media Discourse 83

Dyakina, A. A., Belousov, K. I. Media Education Potential of Lipetsk Regional Journalism in Context of Media Convergence 102

Tayupova, O. I., Tayupova, I. M. Popularization of Medical Knowledge in German Journal Discourse in Perspective of Language Code 121

Literary studies. Folklore

Melnikova, L. A. Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt…' 142

Saengnateswang, V. A. Trends in Development of Modern Siamese Literature 161

History

Ablazhey, N. N., Zhanbossinova, A. S., Sailaubay, E. E. Rumors and Conversations in Kazakh Village (Aul) on Eve of Famine (1927—1931) 180

Azarov, V. N., Nesterov, A. G. Russian-French Agreements of 1891-1893 in International Relations at Turn of 19th and 20th Centuries 203

Arslanov, R. A., Kolpakov, P. A. Gendarmerie Railway Police of Russian Empire in Early 20th Century: Working with Political Agents 218

Baranov, A. V., Kasyanov, V. V., Yakhutl, Y. A. Power Relations and Rural Population in Kuban-Black Sea Region during 1921—1924 236

Boldyreva, S. Yu., Boldyrev, R. Yu., Cherednikova, A. Yu. History of International Relations of Cities of Arkhangelsk Region in 1990s-2010s: Transition from Social-Humanitarian to Trade-Economic Cooperation 254

Vanchikova, Ts. P., Tsyrenova, N. D., Van, I. D. Monasteries of First Jebtsundamba Khutukhtu Zanabazar (1635—1723): Shankhyn-khiid, Tuvkhun-khiid, Erdene-khambyn-khiid (2022 Expedition). 288

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. Between Village and City: Radicals of "Revolutionary Breakthrough" Generation at beginning of 20th Century..... 312

Kaygusuz, C., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. "I Share Admiration of My People for Glorious Feats of Soviet Armed Forces": Newspaper 'British Ally' on Battle of Stalingrad.. 330

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N., Aksenova, V. A. Investigation of Prince M. P. Gagarin's Case in Context of Development of State Control System in First Quarter of 18th Century 346

Krot, M. N., Zavyalova, O. O. Integration Policy in Northwestern Region of Russian Empire in Second Half of 19th — Early 20th Centuries 374

Kulikov, S. V. Department of Institutions of Empress Maria and Preparation of Fundamental State Laws on April 23, 1906 393

Lagoshina, N. A. Interaction between English and Irish as a Factor of Irish Migration in 14th–15th Centuries..... 411

Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. Planned Innovations: Proposals for Enhancing Inventiveness Efficiency in USSR in Mid-1950s to Late 1960s 428

Raskin, D. I., Solnyshkin, A. A. Expenditures on Pensions and Benefits in State Budget of Russian Empire in 19th to Early 20th Century 450

Sadykova, E. F., Sulkarnaeva, G. A., Miryugina, T. A. Pharmaceutical Gardens of Tobolsk Province in 18th — Early 20th Centuries..... 467

Tatarnikova, A. I. Network of Settlements in Novosibirsk District in 1920s: Population, Structure and Development Features..... 486

Tikhovodova, A. V. Nizhny Novgorod City Widows' Home at End of 19th — Early 20th Century: Activities in Education and Healthcare 506

Cherkasyanova, I. V. Legislation on German Colonies Near St. Petersburg in 18th — Early 19th Centuries (Complete Collection of Laws of Russian Empire). 525

TO AUTHORS..... 543

ПОДПИСКА
на журнал
«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог

Том 12, выпуск 4, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 4, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 25.09.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 32,19. Тираж 500 экз. Заказ 25/09-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

